

тенденции

Василий Галин

Запретная политэкономия

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Москва

АЛГОРИТМ

2006

ББК66

Г15

Галин В.В.

Г 15 Запретная политэкономия. Красное и белое.

(Серия: Тенденции) - М.: Алгоритм, 2006 . - 608 с.

ISBN 5-9265-0249-7

Серия «Запретная политэкономия» не обладает выдающимися художественными особенностями. Историк читая ее останется не удовлетворен недостаточной, на первый взгляд, фактологической базой. Однако настоящая серия не предназначена для художественного осмысления истории или описания исторического факта. Цель «Запретной политэкономии» в исследовании взаимодействия сил движущих развитие общества. Исторический факт здесь становится частью выражения действия общих тенденций развития.

ББК66

ISBN 5-9265-0249-7

© Галин В.В., 2006

© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

ПРОЛОГ, ИЛИ О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Эта книга об объективных законах развития общества и истории. Ее цель — не обвинение или оправдание, а исследование. «Нет правды о цветах, есть наука ботаника», — писал по этому поводу В. Шкловский. Моральная оценка всегда носит личностный характер и «должна и может быть дана только в контексте той системы, элементом которой (была личность) и эпохи, в которую эта система существовала». «Плохой, хороший, злой, добрый о системах — это для моралистов, под личиной которых, как правило, скрываются циничные идеологи и пропагандисты, цель которых — представить частный (групповой интерес) как общее благо и истину... Для морализующей внеисторической и внесистемной критики, которая, как правило, используется как средство идейной борьбы и пропаганды, целостный системный анализ, историзм опасны и неприемлемы»¹.

*А. Фурсов**

«История — не конституциональное законодательство, не парламентские поединки, не биография великих мужей; она даже не нравственная философия. Она имеет дело с государствами, она исследует их возникновение, развитие и взаимное влияние, обсуждает причины, ведущие к их благоденствию или падению».

Дж. Сили².

*Указатель имен — в конце тома или на сайте www.Galin.ru.

ЗА ПРАВДУ ДО СМЕРТИ... ИЛИ КТО И ЗА ЧТО СРАЖАЛСЯ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В гражданской войне нет победителей, есть одни побежденные.

Всем известно, что война эта нам навязана, — утверждал В. Ленин, — в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали...»³ Кто же тогда свершил Октябрьскую революцию, из-за которой все и началось? Кто, если не Ленин, еще 17 октября 1914 года указывал: «В ближайшем будущем наименьшим злом явилось бы *поражение* царизма в войне... Главное в нашей работе (кропотливой, систематической и, возможно, продолжительной) — попытаться превратить эту войну в войну гражданскую... Мы должны дать ситуации созреть и систематически подталкивать ее к созреванию... Мы не можем ни обещать, ни декретировать гражданскую войну, но наша задача работать — столько, сколько понадобится, — в *этом направлении*»⁴. Кто, как не большевики, разогнали Учредительное собрание. Ведь именно «...срыв Учредительного собрания, — по словам видного правого эсера В. Игнатьева, — с нашей тогдашней точки зрения был равносильен объявлению гражданской войны со всеми ее ужасами и последствиями. В Учредительном собрании мы видели единственную опору против этой войны и во имя этой идеи готовы были с оружием в руках идти на восстановление его нарушенных прав»⁵.

Почему же никто не преградил дорогу большевикам, где была власть и другие реальные политические силы? — Ответ дает история: их просто не было. Только большевики оказались способны прекратить двоевластие, доведшее страну до хаоса и анархии, поставивших страну на грань самоуничтожения*. В революции не было необходимости. Временное правительство умерло своей смертью, большевикам оставалось лишь убрать его «разлагавшийся труп» с дороги истории. Временное правительство никто не защищал. Последовавшие

*Первым попытался прекратить двоевластие и анархию генерал Корнилов, поднявший в августе 1917 г. контрреволюционный мятеж. С Корниловым выступили генералы и офицеры, составившие позже основу белых армий. Мятеж потерпел неудачу, за генералами не пошли даже собственные солдаты. Участники мятежа были арестованы Временным правительством.

6

за революцией выступления юнкеров и офицеров были направлены против большевиков и Советов, а не за Временное правительство*. Но ни юнкера, ни офицеры не представляют собой народной власти...

Волю народа должно было отразить Учредительное собрание, выборы в которое, по воле подавляющего большинства партий, носили бесцензовый характер. Это был беспрецедентный случай в мировой истории того времени**. В результате на выборах победила партия эсеров, за которой стояла полуграмотная, жившая еще представлениями эпохи феодализма, но составлявшая почти 80% населения России, радикализованная войной и революцией крестьянская масса.

Созыв Учредительного (5 января 1918 г.) собрания происходил в то время, когда, с одной стороны, к Петрограду подходила немецкая армия, остановившаяся всего в двухстах километрах от него. С другой стороны, генералы, не признавшие выборов в Учредительное собрание, уже приступили к формированию своих армий — 2 ноября на Дон прибыл будущий главнокомандующий Добровольческой армией генерал Алексеев. Создатели белой армий Юга России считали этот день датой ее основания. 27 декабря 1917 г. П. Милюков — лидер партии кадетов, получившей на выборах в Учредительное собрание сокрушительное поражение (менее 5% голосов), опубликовал в «Донской речи» Декларацию, призванную легализовать Добровольческую армию. Л. Троцкий в этой связи утверждал, что еще до созыва Учредительного собрания «эти беглые

генералы (Алексеев, Деникин... арестованные после подавления корниловского мятежа) положили начало гражданской войне»⁶.

В обстановке голода и разрухи четвертого года мировой войны, угрозе продолжения немецкого наступления и разгоравшейся гражданской войны, опора на зачатки крестьянской демократии могла закончиться только хаосом и анархией. Кто-то должен был взять власть, мобилизовать ее и обеспечить выживание государства, и здесь последним оплотом опять стали большевики.

С другой стороны, революционный переворот, которым только и могла была взята власть, неизбежно вел к гражданской войне. Бухарин, отмечая этот факт, писал: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира — это есть гражданская война...» Пролетарская революция не является исключением: гражданская война в том или ином виде сопровождает все революции. Задача партии, взявшей власть, сводится к минимизации возможных потерь и жертв. Именно поэтому на следующий день после захвата власти большевики предприняли меры, направленные на тушение очагов гражданской войны.

«С целью предотвратить столкновение, — отмечает С. Кара-Мурза, — было сделано много примирительных жестов: отмена смертной

*Подробнее о революции, власти и политических силах см. первую книгу серии «Запретная политэкономия» («Революция по-русски»).

**За исключением, может быть, только времен Великой французской революции. Во всех даже самых передовых странах в начале XX века выборы ограничивались социальным, имущественным, национальным и прочими цензами.

7

казни (первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября. В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома ВЧК «анархистских центров» в Москве Н.Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым. Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций или программа «Памятники республики»*. По мнению С. Кара-Мурзы: «Никто не начинает таких дел, если считает неминуемой близкую войну»⁷.

Пытаясь не допустить крупномасштабной гражданской войны, большевики еще до своей революции старались договориться с другими социалистическими партиями: «...есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной», — утверждал В. Ленин⁸. В июне лидер большевиков предлагал эсеро-меньшевистским Советам совместно взять власть, что могло по его мнению предотвратить гражданскую войну. Предложение было отклонено, поскольку эсеро-меньшевистские Советы упорно

не хотели брать власть в свои руки. Только накануне революции левые эсеры откликнулись на призыв большевиков и вошли в состав нового правительства. «Большевики с начала октября 1917 и до середины марта 1918-го действовали в *теснейшем союзе* с партией левых эсеров»⁹. С октября 1917 по март 1918 года Советская власть была установлена по всей стране. В 79 крупных городах из 97 она укрепилась мирным путем.

«12(25) октября в Петрограде создается Военно-революционный комитет (ВРК), призванный практически осуществить *захват власти*,

* Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, А. Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

⁸ и в него входит более двадцати левых эсеров; 21 октября ВРК окончательно оформляется, и его *председателем* избирается *левый эсер* П.Е. Лазимир. После захвата власти левый эсер М.А. Муравьев назначается *главнокомандующим* Петроградским военным округом и начальником обороны города от «контрреволюционного» наступления войск Краснова — Керенского. 6 (19) ноября Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов (ВЦИК) избирает свой Президиум, и в него входят *шесть* большевиков... и *четыре* левых эсера... 24 ноября (7 декабря) левый эсер А. Колегаев стал наркомом земледелия... К концу 1917 года левые эсеры заняли уже семь постов (из имевшихся тогда восемнадцати) в Советском правительстве и оставались на своих постах до 18 марта 1918 года, когда они категорически выступили против Брестского мира (как, кстати, и многие большевики). Доля левых эсеров во всех властных органах того времени составляла не менее 35-40%... А в ВЧК два (из трех) заместителя председателя, то есть большевика Ф.Э. Дзержинского, — В.А. Александрович и Г.Д. Закс — были левыми эсерами и сохраняли свои посты даже до июля 1918 года». В июле произошел полный разрыв большевиков и левых эсеров, поднявших восстание против вчерашних союзников, но этот разрыв не может перечеркнуть того факта, что до марта 1918 года левые эсеры правили страной *совместно с большевиками*¹⁰.

КАК ЖЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО НАЧИНАЛИСЬ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Первой попыткой развязать гражданскую войну можно считать корниловский мятеж августа 1917 г. Генерала тогда поддерживали правые и либеральные партии. Против выступили социалисты. Мятеж провалился, армия за Корниловым не пошла. Временным правительством были арестованы все генералы и офицеры, принявшие участие в мятеже. Именно они составят костяк Белой армии.

О второй попытке — походе Краснова на Петроград в октябре 1917 г. Деникин писал: «...никаким влиянием офицерство не пользовалось уже давно. В казачьих частях к нему также относились с острым недоверием, тем более что казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут «против народа»... И у всех было одно неизменное и неизбывное желание — окончить как можно скорее кровопролитие. Окончилось все 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия между генералом Красновым и матросом Дыбенко»¹¹ Под началом Краснова тогда было всего 700 казаков.

Третья попытка — Корнилова и Каледина — также провалилась, поскольку казаки не желали ввязываться в бой с большевиками. Атаман войска Донского остался к 29 января 1918 г. всего со 147 штыками!

⁹

Каледин в своем последнем выступлении говорил: «Положение наше

безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития... — Во время обсуждения вопроса добавил: — Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла! — В тот же день генерал Каледин выстрелом в сердце покончил с жизнью»¹³.

Наиболее грозную силу представляла Добровольческая армия, ее первый поход стал четвертой попыткой развязать гражданскую войну. Деникин вспоминал: «Первый кубанский поход — Анабазис Добровольческой армии — окончен. Армия выступила 9 февраля и вернулась 30 апреля... Из 80 дней 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз...»¹³

Вот почти все, что было у белых армий в начале гражданской войны — около тысячи офицеров да 5-7 тысяч казаков и солдат, четверть которых была ранена. Народ и солдаты за ней не пошли. Правда, Октябрьская революция вызвала стихийные восстания офицеров и юнкерских училищ, но все они носили крайне ограниченный характер. Так, в боях под Пулковом 30 октября участвовало не более 100 офицеров¹⁴. Восстание юнкеров 29 октября... привело только к тяжелым жертвам, особенно среди юнкеров Владимирского училища (погиб 71 человек...)¹⁵. В Москве в борьбе приняли участие менее 700¹⁶ из находившихся тогда в городе десятков тысяч офицеров. Большевикам потребовалось несколько дней, чтобы сломить их сопротивление¹⁷. В Киеве особенно большие потери (42 офицера убитых) понесло 1-е Киевское Константиновское военное училище¹⁸. 1-3 ноября произошло выступление юнкеров в Омске, 9-17 декабря вспыхнуло офицерское восстание в Иркутске, в котором было убито 277 и ранено 568 человек с обеих сторон, не считая тех, чьи трупы унесла Ангара¹⁹. Против около 800 юнкеров и 100-150 добровольцев оказалось до 20 тысяч солдат запасных полков и рабочих²⁰.

Большая часть офицеров откровенно не хотела принимать участия в гражданской войне. Например, «донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества»²¹. Эти примеры были не единичны, а скорее носили массовый характер, не только для казаков, но и всей белой армии. Так, Киев и Харьков, «где в те дни (май 1918 года)

10

жизнь была ключом, представлял(и) собой разительный контраст умирающей Москве. Бросалось в глаза обилие офицеров всех рангов и всех родов оружия, фланирующих в блестящих формах по улицам и наполнявших кафе и рестораны... Им как будто не было никакого дела до того, что совсем рядом горсть таких же, как они, офицеров вели неравную и героическую борьбу с красным злом, заливавшим широким потоком просторы растерзанной родины»²². «Ростов поразил меня своей ненормальной жизнью, — вспоминал очевидец. — На главной улице, Садовой, полно фланирующей публики, среди которой масса строевого офицерства всех родов оружия и гвардии, в парадных формах и при саблях... На нас — добровольцев — как публика, так и "господа офицеры" не обращали никакого внимания, как бы нас здесь и не было!..»²³ «Тысячи офицеров из разбежавшихся с фронта полков бродили по городу и с равнодушием смотрели,

как какие-то чудаки в офицерской форме с винтовками на плечах несли гарнизонную службу»²⁴. Один из первых добровольцев на Волге писал: «Итак, каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было... Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый кабак набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими...»²⁵

Белое движение не имело изначально ни организующих идей, ни людских, ни материальных ресурсов и было обречено. Следовательно была обречена и широкомасштабная гражданская война, с ее огромными жертвами и разрухой. Попытки ее развязать закончились бы относительно малокровным подавлением мятежа «белых» генералов. Остальные противники большевиков не были вооружены, организованны и опасны, как военная сила, они не представляли из себя угрозы для большевиков. Поэтому в применении массовых репрессий или террора в этом случае не было бы необходимости. Большевики в отличие от эсеров никогда не были сторонниками и личного террора. Кроме этого, большевики во время первого этапа гражданской войны — наступления генералов Каледина, Корнилова, Краснова, Дутова, Добровольческой армии — проводили еще политику умиротворения и компромиссов. Первый поход Добровольческой армии, таким образом, должен был стать последней попыткой развязать гражданскую войну в России, но...

Поворотным моментом Русской революции, втягиванием ее в гражданскую войну, стала «союзническая» интервенция. На помощь белым армиям, в том числе по многочисленным просьбам «друзей русского народа» из либеральной интеллигенции и буржуазии, кадетов, белых генералов... пришли «союзники». Американский консул Пуль в феврале 1918 г. писал: «В формируемой сейчас Добровольческой армии пока нет пехоты, достойной упоминания, а имеющаяся артиллерия практически остается без боеприпасов. С военной точки зрения положение донского правительства прискорбно слабое. Для успеха ему срочно нужны деньги, боеприпасы и снаряжение...»²⁶ Действительно, без «союзнической помощи» гражданская война в России закончилась бы уже весной 1918 г.

11

Строго говоря, белые «втянулись» в полномасштабную гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией, как ее «второй эшелон». В. Ленин, говоря об этом, указывал: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...»²⁷ Лидера большевиков можно обвинить в предвзятости, но искусственный характер гражданской войны в России вполне откровенно признавали и сами организаторы интервенции, утверждавшие, что без них белое движение потерпит неминуемое, немедленное поражение. Так, по мнению У. Черчилля, вывод войск интервентов приведет к гибели всех небольшевистских войск в России: «подобная политика была бы равнозначна выдергиванию чеки из взрывного устройства. В России будет покончено с сопротивлением большевикам...» Американский президент В. Вильсон в свою очередь предупреждал, что последует возмездие, наступит расплата, когда союзническим войскам придется уйти²⁸.

Но почему же, имея массированную поддержку союзников, белое движение тем не менее потерпело поражение?

ВТОРОЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. Правда тех, кто считал и родину и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной свет перекрашенным насилием, — правда тех, кто иначе понимал родину и иначе ценил революцию и кто видел их поругание не в похабном мире с немцами, а в обмане народных надежд... Были герои и тут и там; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние. Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если

бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой, но были и бились между собой две правды и две чести, — поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших».

*М. Осоргин*¹⁴

Белые и Красные

Здесь мы сталкиваемся с одним из наиболее важных вопросов гражданской войны, а именно — что заставило изможденную, смертельно

12

уставшую от войны армию, массами бежавшую с фронта, стремившуюся сохранить свою жизнь любой ценой, снова взять в руки оружие и воевать «до смерти...»³⁰ Эсер Б. Соколов, член белого правительства Северной области отмечал: «Пассивность как основа, пассивность как повседневность проходила красной нитью через жизнь нашего фронта. Этому отвечало и настроение красных войск, стоявших по ту сторону окопов... Несмотря на холода, отсутствие жилых помещений — красные войска были из рук вон плохо одеты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказал, отупелость красных солдат. Они шли в атаку, они защищали позиции, сдавались в плен или отходили, но все это делалось в каком-то полусне, не понимая ни к чему это, ни для кого, ни во имя чего. Они также безропотно умирали... Иногда я до боли в душе удивлялся, как раненый, и раненый тяжело красноармеец, переносил свои поистине ужасные раны... Терпелив русский человек. Терпелив и глубочайше пассивен. И подобно тому, как белые солдаты были весьма безразличны к интересам государственным, областным, так же и красные солдаты были чужды интересам Советской Республики. И, беседуя с красными солдатами, я тщетно пытался уловить у них хоть крупицу, хоть частицу общенациональных настроений, их не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга к дому»³¹. Эти чувства в начале гражданской войны владели подавляющим большинством солдат по обе стороны линии фронта.

Не случайно введение всеобщей воинской обязанности в Красной Армии вызвало мощную волну дезертирства. ЧКК пишет: «Число дезертиров в 1919-1920 годах оценивается в три с лишним миллиона. В 1919 году было задержано и арестовано ВЧК и специальными комиссиями по борьбе с дезертирством около 500 тыс. человек; в 1920 году — от 700 до 800 тысяч. От полутора до двух миллионов дезертиров, в подавляющем большинстве крестьян, отлично знавших местность, смогли тем не менее избежать поимки»³². «Страдавшая от дезертирства Красная Армия, которая, хотя и считалась теоретически весьма многочисленной (от 3 до 5 миллионов человек), в действительности никогда не могла выставить более 500 тысяч вооруженных солдат»³³.

Дезертирство действительно приобрело широкий размах. Правда, его необходимо разделить на три разных группы: Еще в январе 1917 г. британский представитель Нокс сообщал о миллионе дезертиров в царской армии. «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд»³⁴. Февральская революция вызвала новый всплеск дезертирства. С февраля по ноябрь 1917 г: количество дезертиров составляло почти 200 000 ежемесячно, всего за период около 1518 тыс. человек³⁵. Французский посол М. Палеолог спустя полтора месяца после свершения февральской революции отмечал: «Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой... В армии исчезла какая бы то ни было дисциплина... Исчисляют более, чем в 1 200 000 человек, количество дезертиров, рассыпавшихся по России...»³⁶ Именно они и составили основу второй волны дезертиров.

13

К моменту введения мобилизационного комплектования Красной Армии по

России уже бродило почти 2 млн. дезертиров, лишь относительно незначительное их число вернулось к труду. Основная часть либо занималась грабежом и терроризировала население, либо шла в «зеленые» и воевала и против «белых» и против «красных». Третья группа дезертиров появилась благодаря «белой» и «красной» мобилизации. Большинство крестьян откровенно не понимали политических лозунгов ни тех, ни других. Так, в августе 1919 г. из Смоленской губернии писали: «У нас был приказ идти на военную службу, но в деревне говорят: «За что мы будем воевать, на кого, друг на друга и брат на брата?»³⁷.

Г. Раковский вспоминал о проблемах с комплектованием «Белой Армии»: «Крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизации не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного дезертирства из рядов «Русской армии»³⁸. Дезертировали не только мобилизованные солдаты, но и офицеры, служащие... По словам Деникина: «Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, то не меньше «зеленых» в пиджаках и френчах наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха»³⁹. Дезертирство было массовым явлением и в казачьих войсках. «С фронта началось повальное дезертирство, не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили себе приют в екатеринодарских запасных частях — настоящей опричнине»⁴⁰. «Многочисленное одесское офицерство не спешило на фронт. Новая мобилизация не прошла: «по получении обмундирования и вооружения большая часть разбегалась, унося с собой все полученное»⁴¹. На севере России Чайковский сообщал союзникам, «что лишь трое офицеров из 300, которых он ожидал, подчинились приказу о мобилизации...»⁴² В Красной Армии, особенно на первом этапе гражданской войны, ситуация была аналогичной, после объявления мобилизации на призывные пункты явилось всего около 20% военнообязанных. Дезертировали и уже мобилизованные; так, на примере Южного фронта ко второй половине 1919 г. дезертиры и отставшие составляли 14%⁴³.

Но дезертирство было только частью проблемы, мобилизованные, по наблюдениям генерала Марушевского, делились на «две категории: старых солдат, «уже прошедших школу разложения в революционный период» и новобранцев, которые были лучшими элементами, то есть люди, «с еще неразложенной нравственностью»»⁴⁴. В. Марушевский делился личным опытом от посещения одной из частей: «Лица солдат были озлоблены, болезненны и неопрятны. Длинные волосы, небрежно одетые головные уборы, невычищенная обувь. Все это бросалось в глаза

14

старому офицеру, и видна была громадная работа, которую надо было сделать, чтобы взять солдат в руки. Все эти мелочи имеют громадное значение, и вовсе не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить... что дисциплины в части нет...»⁴⁵ Матросы в то время шлялись «без полосаток, что составляло особый революционный "шик", с драгоценными камнями на голой шее»⁴⁶.

Схожесть проблемы привела к тому, что меры по борьбе с дезертирством и отсутствием дисциплины у большевиков, Временного правительства, Белого движения и даже в рекомендациях союзников не отличаются большим разнообразием: самая распространенная и наиболее широко применяемая — расстрел.

Большевики. Троцкий приказывал: «...Дезертирство — расстрел, нарушение дисциплины — расстрел. Одним из важнейших принципов воспитания нашей

армии является неоставление без наказания ни одного проступка. Репрессии должны следовать немедленно»*. Троцкий применял методы времен Чингисхана и римских легионов, расстреливая за самовольное отступление⁴⁷ каждого десятого**. А ведь одним из первых постановлений Советской власти смертная казнь была отменена. Возмущению Ленина по этому поводу не было предела. Каменев оправдывался, что был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для дезертиров — солдат. — Вздор, отвечал Ленин — «Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? — Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия...»⁴⁸ Ленина почти дословно повторял его противник — генерал Деникин: «...судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни...»⁴⁹ Через четыре месяца декретом СНК «Социалистическое отечество в опасности» смертная казнь была восстановлена. Троцкий говорил: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока, гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать,

* За 7 месяцев 1919 г. было осуждено около 95 тыс. дезертиров, из них 600 расстреляны. В 1920 г. реввоен трибуналы рассмотрели дела 106 966 человек, из них расстреляны 5757 (5,4%), в том числе и за бандитизм. Губернские трибуналы приговорили тогда к расстрелу 4% осужденных. (Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.), с. 119-122; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920-1922 гг. — Вестник статистики. 1989. №8, с. 49, 54; (Литвин А.Л...С 63))

** Впервые децимация была проведена в Свияжске 14 августа 1918 г., по решению трибунала были расстреляны 27 красноармейцев, вместе с командиром и комиссаром полка. Позже эти меры применяли и красные, и белые. (Литвин А.Л..., с. 62).

15

командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной позادي».

Царское правительство. Попытка «революционизировать» действующую армию была предпринята кадетами еще до Февральской революции. В начале января 1917г. 17-й сибирский стрелковый полк отказался идти в атаку и предъявил политические требования кадетов — конституционное правление с ответственным министерством. Часть войск II и VI сибирских корпусов присоединилась к 17-му полку. Восстала 14-я сибирская дивизия и вместе с 3-й сибирской дивизией стала отступать, а частично разбежалась, побросав патроны. Царское правительство, еще контролировавшее ситуацию, карательными мерами восстановило дисциплину. Полевым судом было приговорено к расстрелу 92 человека, многие сотни солдат сосланы на каторгу³⁰.

Временное правительство сразу после Февральской революции, отменило смертную казнь. Однако уже через несколько месяцев комиссары Временного правительства Савинков и Филоненко телеграфировали: «Выбора не дано: смертная казнь изменникам; смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину»⁵¹. Им вторил Корнилов: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов». «Сегодня

Главкомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию»⁵².

Союзники. Ф. Гибс, британский участник войны, определял смертную казнь в качестве одной из первых причин стойкости западных войск: «Лояльность к своей стороне, дисциплина с угрозой смертной казни, стоящей за ней, направляющая сила традиции, покорность законам войны или касте правителей, вся моральная и духовная пропаганда, исходящая от пасторов, газет, генералов... стариками дома... глубокая и простая любовь к Англии и к Германии, мужская гордость.. — тысяча сложных мыслей и чувств удерживали людей по обе стороны фронта от обрыва опутавшей их сети судьбы, от восстания против взаимной непрекращающейся бойни»⁵³. Военный министр Франции Мессими писал на сообщение об отступлении французской армии: «Я получил вашу телеграмму, сигнализирующую об упадке духа. Против этого нет другого наказания, кроме предания немедленной казни: первыми должны быть наказаны виновные офицеры. Для Франции существует сейчас только

16

один закон: победить или умереть»⁵⁴. «Мильеран, сменивший на посту военного министра Мессими, издал 1 сентября 1914 г. циркуляр, коим предписывалось военному командованию не передавать на рассмотрение правительства ходатайства о смягчении приговоров военных судов по делам «об упадке духа», а Пуанкаре отказался от... прерогативы помилования в отношении осужденных на смерть солдат»⁵⁵. Другой пример касается русских солдат, сражавшихся во Франции «Получив известие о Февральской революции в России, солдаты отказались сражаться на Западном фронте и потребовали возвращения домой. В ответ полки были разоружены... Солдаты были отправлены на каторжные работы в Африку и лишь немногим удалось затем вернуться домой»⁵⁶. «Итальянская дисциплина.. отличалась большей жесткостью. Так было, поскольку итальянский главнокомандующий генерал Луиджи Кадорна считал, что социальная неустойчивость его армии требует наказаний за дисциплинарные нарушения со строгостью, какой не знала ни немецкая армия, ни ВЕР* — например массовые казни и наказание по жребию»⁵⁷. Союзники в России: Американский военный представитель Джадсон вспоминал: «В результате неспособности или нежелания Керенского восстановить дисциплину Временное правительство не могло далее существовать»⁵⁸. В то же время американский посол Фрэнсис давал волю воображению: «...я могу понять чувства солдат по этому поводу, но политики вроде меня понимают человеческую натуру гораздо лучше, и могу вас заверить, что русская армия никогда не уйдет, будет биться, как лев, вдохновленная духом вновь обретенной свободы»⁵⁹. Но вскоре и он стал требовать введения смертной казни. Вопрос был настолько важен, что Фрэнсис детально докладывал о его состоянии в Вашингтон: «Керенский обещал вновь ввести в армии смертную казнь», министр иностранных дел М. Терещенко «заверил, что Совет министров восстановит в войсках смертную казнь...»⁶⁰ В самый канун большевистской революции Джадсон пояснял, что укрепление дисциплины означает смертную казнь за дезертирство, заговор, бунт, насилие и неповиновение: «Легко предсказать, что без скорого восстановления жесткой дисциплины страна сползет к анархии, за которой в свое время последует приход сильной власти старого авторитарного типа». Он настаивал на необходимости «оказывать с этой целью сильнейшее давление, немедленно, постоянно и одновременно»⁶¹. Английский посол Бьюкенен: «..Керенский отстаивал в Совете министров применение смертной казни за некоторые государственные преступления как военных, так и гражданских лиц, но кадеты возражали против применения ее к последним,

опасаясь, что смертной казни могут быть подвергаемы лица, подозреваемые в возбуждении контрреволюции. Я возразил, что каковы бы ни были у правительства основания для осторожного образа действия в прошлом,

* Британский экспедиционный корпус.

17

сейчас оно не может терять времени; так, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что если не будут приняты немедленно самые решительные меры, то зимой могут возникнуть серьезные затруднения»⁶².

12 июля Временное правительство, как и обещало союзникам, восстановило смертную казнь и военно-революционные суды, заменившие собой прежние военно-полевые. «Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах; сформировал особые ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями; наконец... (но) Революционная демократия стала вновь в резкую оппозицию к новому курсу, видя в нем посягательство на свободы и угрозу своему бытию. Точно такое же положение заняли войсковые комитеты, ограничением деятельности которых и должны были начаться преобразования. Новый курс получил в глазах этих кругов значение прямой контрреволюции. А солдатская масса вскоре разобралась в новом положении, увидела, что «страшные слова» — только слова, что смертная казнь — только пугало, ибо нет той действительной силы, которая могла бы сломить ее своеволие. И, — по словам Деникина, — *страх вновь был потерян*»⁶³.

«Белая армия». А. Деникин писал: «Будучи убежденным сторонником института присяжных для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война — явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология подчиненного резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко поднимаясь до ясного понимания государственной необходимости... Если организованная и крепкая армия может управляться только единой волей вождя, а не желанием «большинства», олицетворяемого выборными коллективными органами, то и жизнь и воля ее должны регулироваться твердым и ясным законом, не подверженным воздействию психологических и политических колебаний момента. Верховная власть может прекратить войну, изменить закон, изгнать вождей и распустить войска. Но пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны»⁶⁴. «Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием»⁶⁵, — вспоминал А. Деникин.

Другие меры наказания в условиях гражданской войны приводили к прямо противоположным ожидаемому эффектам. Например, П. Скоморохов сообщал генерал-губернатору Северной области генералу Миллеру по поводу восстановления в белой армии в виде наказания пыток и порки: «Раздевание донага и порка — порка до остервенения, до сладострастия. Неистовый крик и бред истязаемых и похотливое хи-

18

хиканье истязателей. Окровавленных и истерзанных, одних выводят, других вытаскивают. Сильнее и стремительнее электрического тока весть разносится по всему фронту. Среди солдат, утопающих в неизвестности, страхе и сомнениях, живущих вследствие этого не сознанием, а только нервами, власть разрастается и ширится и претворяется в форму озлобленности — стихийной ненависти»⁶⁶. В

условиях гражданской войны расстрел оказался наиболее действенным средством. Шульгин писал об одном из лучших белых генералов: «А.М. Драгомиров человек очень добрый. Но у него бывают припадки гнева. Так было и сейчас, — в октябре 1918 года он говорил: «Мне иногда кажется, что нужно расстрелять половину армии, чтобы спасти остальную»... — В 1920 он добавлял «Мое мнение такое. Вслед за войсками должны двигаться (отборные) отряды, скажем, "особого назначения"... Но трагедия в том, откуда набрать этих "отборных"»⁶⁷

Другой «белый» генерал Марушевский, командующий войсками Северной области, давал реальные примеры подобной практики. В образцовые роты он назначал по 10-12 офицеров, «дабы не только взводы, но даже часть отделений была в офицерских руках»; при ротах создавались пулеметные взводы, «куда зачислены были лишь отборные, верные люди, на которых, в случае нужды, можно было опереться»⁶⁸. Но даже в этих ротах солдаты взбунтовались, когда им приказали выступать на фронт. Восстание было подавлено. Генерал потребовал выдать зачинщиков, «а ежели роты таковых выдавать не будут — взять каждого десятого... и расстрелять на месте». Тридцать зачинщиков было выдано и немедленно без суда расстреляно. «По точному смыслу устава дисциплинарного, предоставляющего начальнику безграничные права, в смысле выбора средств по восстановлению дисциплины, — писал В. Марушевский, — и на мою личную перед Россией ответственность». «Правительство признало мои действия правильными и отвечающими обстановке», как и солдаты, которые выказали сочувствие власти, показавшей свою силу, «последующие события убедили меня в том, что по крепкой власти соскучились все и все ждали ее»⁶⁹.

Позже генерал В. Марушевский докладывал правительству: «Я глубоко убежден, что если удалось заставить население драться, то успех этого дела был достигнут только силой и крутыми мерами. Наше население настолько серо и политически неразумно, что какая бы то ни было работа с ним «языком» и бюрократическими приемами не только не допустима в данное время, но и преступна перед Россией»⁷⁰.

Но армия не может состоять из одних дезертиров, которых силой принудили воевать. Такая армия будет просто небоеспособной. Главком вооруженных сил республики И. Вацетис писал об этом в докладе Ленину (январь 1919 г.): «Дисциплина в Красной Армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах, но если мы этим, несомненно, и достигли результатов, то только результатов, а не дисциплины ра-

19

зумной, осмысленной, толкающей на инициативу... Достигнутое механическое внимание, основанное лишь на страхе перед наказанием, ни в коем случае не может быть названо воинской дисциплиной...» Вацетис делал вывод: «Если долго будет продолжаться дисциплина, основанная на смертной казни, то наша армия не даст нам гарантии устойчивости»⁷¹. Троцкий в связи с этим указывал, что расстрелы без разбирательства в трибунале и судебного приговора следует прекращать⁷².

Кроме страха репрессий, армией должны двигать и другие, более значимые мотивы, только тогда она будет стремиться к победе. Какие мотивы были способны подвигнуть на войну Белую и Красную армии? Ведь всего несколько месяцев назад, во время Первой мировой войны, армия просто отказалась идти в бой. И вдруг вчерашние солдаты показывают новый прилив сил и энергии и отчаянно идут на смерть — во имя чего? Деникин также пытался ответить на этот вопрос: «Какая сила двигала этих людей, смертельно уставших от войны, на новые жестокие жертвы и лишения? Меньше всего — преданность советской власти и ее идеалам. Голод, безработица, перспективы праздной, сытой жизни и

обогащения грабежом, невозможность пробраться иным порядком в родные места, привычка многих людей за четыре года войны к солдатскому делу как к ремеслу ("деклассированные"), наконец, в большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное веками и разжигаемое сильнейшей пропагандой. Ростовский орган с.д. "Рабочее слово" (8, 1918 г.) приводил интересный факт: возвращение из ограбленного Киева Макеевского отряда рудничных рабочих, их "внешний облик и размах жизни" вызвали в угольном районе такое стремление в красную гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, "как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в красную гвардию"⁷³.

Деникин был прав, перечисляя мотивы, двигавшие массами в первой фазе гражданской войны, она действительно была в большей мере неосознанным в полной мере стихийным движением масс. Но сильно ли отличалась мотивация Белой армии? — По мнению генерала П. Врангеля, «интересные факты» в повседневной практике армии Юга России, чем дальше тем больше приобретали характер системы: «Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения (Ростова) вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот... Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением... В течение долгих месяцев армия жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро. Этот стимул несомненно приходилось учитывать»⁷⁴. На то, что «справедливость» носила не случайный характер, а была скорее массовым явлением, указывал сослуживец Врангеля, А. Валентинов: «О нашей армии население сохранило везде определенно скверные воспоминания и называют ее не Добрармией, а «грабьармией»»⁷⁵.

20

Врангель позже сам признает: «Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно. Идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг...»⁷⁶ В. Шульгин будет размышлять: «Отчего не удалось дело Деникина? Отчего мы здесь, в Одессе? Ведь в сентябре мы были в Орле... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление «орлов» от Орла?.. «Взвейтесь, соколы... ворами» («единая, неделимая» в кривом зеркале действительности). «Белое дело» погибло. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов», приходит к выводу В. Шульгин⁷⁷. По словам атамана А. Шкуро «реквизиции и грабежи для белых войск стали синонимами»⁷⁸. Грабеж приводил к тому, что крестьяне районов, где была Добровольческая армия, «совершенно не сочувствующие «коммуне», все же ждут большевиков как меньшее зло, в сравнении с добровольцами «казаками»⁷⁴.

В колчаковской армии «интересные факты» с первых дней носили массовый, всеобщий характер: «Террор и хищения, казнокрадство и взяточничество стали в армии обычным делом. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерал М. Жаннен... писал: «Вчера прибыл генерал Нокс... Его душа озлоблена. Он сообщает мне грустные факты о русских. 200 000 комплектов обмундирования, которыми он их снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным. Он считает совершенно бесполезным снабжать их чем бы то ни было»⁸⁰. Аналогичная ситуация была на Юге России, по словам Деникина: «Не только в «народе», но и в «обществе» находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования... Спекуляция достигла размеров необычайных... Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными. Традиции беззакония пронизывали народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких...

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось офицерство, приезжавшее с фронта... Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой, в тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрепанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся ее с величайшим бескорытием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий тон жизни Юга»⁸¹. Или другой пример, снова из колчаковской армии: «...в поисках необходимого (войска) начинали мародерствовать. Результатом было явление, уже совсем невыгодное для колчаковцев, население все более и более убеждалось в том, что все-таки белые хуже красных, хотя грабят и те и другие»⁸².

Деникин вспоминал, что в Белой армии «военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу. О войсках, сформированных из горцев Кавказа,

21

не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск в числе условий помощи, предложенной временному правительству, включили и оставление за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...»⁸³.

Деникин приводит показательный рассказ председателя Терского круга: «Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске... И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма генерала Мамонтова, возвращавшегося из Тамбовского рейда: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь...»⁸⁴ Деникин констатировал: «За гранью, где кончаются «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилия и грабежа. Она пронеслась по Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны»⁸⁵. «Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями для разбора на месте совершаемых войсками преступлений. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями и грабежами, обиранием пленных и так далее. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам. А рада? Круги, казачество, общество, печать в то же время поднимали не раз на головокружительную высоту начальников храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты риз, создавая им ореол и иммунитет народных героев»⁸⁶.

Деникин: «Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская)»⁸⁷. «В дни наших неудач все ищут причины, поколебавшие фронт. Правые видят их в

недостаточно твердом проведении своей программы; левые — в реакционности правительства; одни — в самостийных устремлениях; другие — в нетерпимости к новым «государственным образованиям»; третьи — в главном коман-

22

довании. И все — в грабежах и бесчинствах войск, даже те, кто толкал их на это, заменяя недостаток патриотизма жадной наживы»⁸⁸. Врангель приходил к выводу: «Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию...»⁸⁹

Грабежи военная добыча не были отличительной чертой гражданской войны в России, они неизменно сопровождали все гражданские войны, во всех странах и революциях. А ради чего велась Первая мировая война? — ради военной добычи, аннексий и контрибуций, уничтожения конкурентов, захвата рынков...

Но грабеж, как и дезертирство, не могут быть основой армии стремящейся к победе, должно быть еще что-то, большее...

Что же представляло из себя «белое движение»?

Белое движение

Основу Белой Армии, как и Белого движения вообще представляли в первую очередь офицеры. С. Волков прав, когда указывает, что «...именно офицеры были той силой, благодаря которой Белое движение вообще могло возникнуть»⁹⁰.

Принцип формирования офицерского корпуса в русской армии мало чем отличался от других стран, в Англии, Германии, Австро-Венгрии основным поставщиком офицеров была аристократия. В США, президент Дж. Вашингтон указывал, «в выборе офицеров надобно более всего остерегаться, чтобы они не выходили из сословий, слишком близких к тем, из которых набираются солдаты. Иерархия сословия переходит из гражданской жизни в военную. За исключением очевидных заслуг, надобно держаться правила, что бы кандидат в офицеры был непременно джентльмен, знающий правила чести и дорожащий своей репутацией»⁹¹. В 1862 г. в России вместо сословного был введен образовательный ценз производства в офицерский корпус, и к началу XX века в армии было немало офицеров вышедших из крестьян и «кухаркиных детей». Так, основатель Белой армии генерал Алексеев был сыном простого солдата, Корнилов — казачьего хорунжего, Деникин — вообще сыном крепостного крестьянина... Из 70 лишним генералов и офицеров — «отцов-основателей» Белой армии, участников «1-го Кубанского похода», по данным А. Кавтарадзе, всего только четверо обладали какой-нибудь наследственной или приобретенной собственностью; остальные жили и до 1917 года только на служебное жалованье»⁹².

За три с небольшим года мировой войны было произведено в офицеры около 220 тысяч человек, то есть больше, чем за всю предыдущую историю русской армии. Общее число офицеров, вместе с кадровыми, составило 300 тысяч⁹³. В Первой мировой погибло 73 тысячи офицеров, при этом «...едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже

23

за первый год войны»⁹⁴. С начала войны офицерский корпус сменился в пехотных частях 3-5 раз, в кавалерии и артиллерии — на 15-40%⁹⁵.

К 1917 г. «в результате наиболее распространенный тип довоенного офицера, — отмечает С. Волков, — потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста, пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, — практически исчез...»⁹⁶ Офицерский состав военного времени «...в общем соответствовал сословному составу населения

страны»*. По данным эсера В. Шкловского, «это не были дети буржуазии и помещиков... Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью»⁹⁷.

Таким образом, констатирует С. Волков, «социальную свою специфику офицерский корпус,, полностью утратил. Качественный его уровень катастрофически упал: прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров ускоренного производства были по своей сути совсем не военными людьми, а производимые из унтер-офицеров, имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией и понятиями». На эту проблему обращал внимание генерал Марушевский в 1918 г.: «Я всегда учил и на академической кафедре, что государство получает офицера не с помощью каких-либо прочитанных курсов или учебников, но лишь путем длительного воспитания...»⁹⁸ Другой генерал, Р. Фадеев, еще в 1889 г. утверждал: «вся сила армии — именно в строевых офицерах мирного времени; без них она не станет ни кадрам, ни школой, а останется только расходом»⁹⁹.

Тем не менее даже офицеры военного времени, по большей части, впитали в себя менталитет русского офицера — защитника отечества и престола, в концентрированном виде в этом заключался для них смысл жизни. При этом, как отмечает В. Успенский, офицеры русской армии, даже самые образованные и передовые, слабо разбирались в вопросах политики. У офицеров четко определенный круг обязанностей, заниматься

* До войны (1912 год) 53,6% офицеров (в пехоте — 44,3) происходили из дворян, 25,7 — из мещан и крестьян, 13,6 — из почетных граждан, 3,6 — из духовенства и 3,5 — из купцов. Среди выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10%, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет... Свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916—1917 годов происходило из крестьян. (Осипов А. К 65-й годовщине начала Белого движения // Ч. N 641, с. 20) Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков в его армии (7-й) около 700 происходило из крестьян, 260 из мещан, рабочих и купцов и только 40 из дворян. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Ревель, 1937, Кн. 1, с. 85; Волков С. В. С. 12))

24

политикой им было запрещено. «Слуга царю и Отечеству — остальное не имеет значения»¹⁰⁰. С началом войны «в руках офицеров, когда-то описанных Куприным в "Поединке", оказалась грозная сила армии, собиравшейся в бой. Опостылевшая мирная жизнь забыта, впереди война, цель жизни офицера. Переживания командного состава не были сложными»¹⁰¹. «Средний русский офицер — аполитичен, он только национален, — утверждал один из них. — Он молчалив, он действовавший, поможет нам вернуть родину, а не ученые дрозды, до головной боли насвистывающие одну и ту же фальшивую партийную песенку»¹⁰².

Именно выполнение своего воинского долга перед Родиной двигало лучшей частью офицерства во время Первой мировой и гражданской войн. В этом вопросе было полное единодушие между будущими командующими белыми армиями:

Генерал Деникин: «Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему Отечеству во всех областях его жизни... Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться»¹⁰³.

Генерал Марушевский: «Мартовская революция меня совершенно выбросила

из колеи. Вся моя жизнь была положена на изучение моего специального дела, я никогда не занимался социальными вопросами... Разлагающие приказы Вр. Правительства, направленные специально против офицерского корпуса, — в течение всего нескольких дней — совершенно подорвали авторитет этого правительства в наших глазах. Долг слепо повиноваться этой власти, влекущей армию в пропасть, исчез. Оставалось одно — отдать все свои силы на выполнение последнего завета царя — «война до победного конца»¹⁰⁴. «Как представитель военной среды, я должен... пояснить, что для большинства из нас борьба на Архангельском фронте была выходом из позорного положения, созданного Брестским договором. Для нас это было продолжением той войны, которая кончилась на фронте...»¹⁰⁵

Адмирал Колчак обращал внимание на другую сторону вопроса — война была способом самореализации для командного состава армии. Война была их звездным часом, тем, к чему они готовились на протяжении всей своей жизни, поэтому она приобретала характер самоцели: «Война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением». «Война дает мне силу относиться ко всему «холодно и спокойно», я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед Родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих ху-

25

лиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести...»¹⁰⁶

Настроения же всей солдатской массы были прямо противоположными. Генерал А. Брусилов вспоминал: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹⁰⁷. Поражения 1915 г. отчетливо проявили новую тенденцию, формировавшуюся в армии: стремление солдат к миру и нарастание на этой почве раскола между офицерством и солдатами. Офицеры в феврале 1916 писали с фронта: «Дух армии пал, это факт неоспоримый. Об этом лучше всего можно судить здесь в окопах... Жажда мира разлагает дух армии... Вера в помощь младшего офицерского состава не может оправдаться. Ведь мы, сидящие в окопах, — "обреченные". Офицеры это чувствуют так же, а может быть, и сильнее нижних чинов»¹⁰⁸.

Киган отмечал: «В 1915 году во время отступления из Галиции около миллиона русских солдат оказалось в плену, три четверти сдались без сопротивления. К концу 1917 года почти четыре миллиона русских солдат находились в немецком или австрийском плену. Таким образом, потери военнопленными прежней имперской армии в конечном счете превысили боевые потери в три раза: по последней оценке, русская армия потеряла погибшими... примерно столько же, сколько и французская, где число попавших в плен к немцам было ничтожно мало. Русский солдат-крестьянин просто не имел тех отношений, которые связывали немецких, французских и британских солдат с товарищами, с частью и с национальными интересами. Он находил психологию профессиональных солдат необъяснимой, рассматривая свои новые обязанности

как временные и бессмысленные. Поражение быстро деморализовало их. Зачастую солдаты, отличавшиеся храбростью, не находили ничего позорного в том, чтобы самим сдаться в плен, где, по крайней мере, они получали пищу и безопасность»¹⁰⁹. Бьюкенен с раздражением писал: «Военный министр Верховский подал в отставку. Он всегда заявлял, что для того чтобы удержать войска в окопах, им необходимо сказать, за что они воюют, и что, следовательно, мы должны опубликовать свои условия мира»¹¹⁰. Цели войны были уже определены в тайных договорах между державами Антанты. Но как писал тот же Бьюкенен: «если русским солдатам скажут, что они должны воевать до тех пор, пока не будут достигнуты цели, указанные в этих соглашениях, то они потребуют сепаратного мира»¹¹¹. Да что полуграмотные солдаты, Великий

26

князь Александр Михайлович восклицал: «Кто в России готов оставить свой дом и родных, чтобы воевать за возврат Франции Эльзаса и Лотарингии?»¹¹²

Г. Уэллс, описывая ситуацию в русской армии был, недалек от истины: «напряжение войны оказалось расплывшейся и плохо организованной Российской империи не под силу. Русские солдаты шли в атаку без поддержки артиллерии и порой без патронов; офицеры и генералы совершенно их не щадили. Какое-то время люди терпели, как терпят боль животные, но и у самого невежественного человека есть свой предел. Армия заразилась глубоким отвращением к царизму»¹¹³. И прежде всего к его ближайшему к солдатам олицетворению — офицерам.

Отношения между солдатами, жаждавшими мира, и офицерами, гнавшими их в бой, становились критическими. Вопрос о мире раскалывал армию на две части: меньшую кадровую, профессией которой была война, и превосходящую ее более чем в 100 раз крестьянско-солдатскую массу. Для солдат, вчерашних крестьян, война представляла собой невыносимое, бессмысленное бремя, бойню. Английский генерал Э. Айронсайд позже напишет: «...русские войска более других устали от долгой войны, но здесь не появилось ни одного национального героя, как это произошло после революции во Франции. Я думаю, что подлинной причиной была глубокая пропасть, разделявшая офицеров и солдат»¹¹⁴. Последний военный министр Временного правительства А. Верховский вспоминал: «Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной — идти на смерть, видя в этом спасение страны, солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать... Взгляд солдата на офицера как на своего врага, заставляющего его "бессмысленно" умирать, не меняется...»¹¹⁵

Русский военный агент во Франции Игнатъев, характеризуя отношения между офицерами и солдатами, приводил при этом, может, не типичный, но наглядный пример. В русском корпусе во Франции французов прежде всего поразили телесные наказания — порка солдат, введенная секретным приказом Николая Николаевича во время войны¹¹⁶. Но не только этим отличалась организация русской армии: «Что может быть дороже..., для всякого человека на фронте, чем отпуск? — спрашивал Игнатъев. — Во французской армии порядок увольнения в отпуск был единым от главнокомандующего до рядового и строго при этом соблюдался. Что же могли думать русские солдаты, запертые в лагере Мальи, глядя чуть ли не на ежедневные поездки в казенных французских машинах своих офицеров в Париж»¹¹⁷. При этом солдаты хронически недополучали жалованья. «Не на эти ли деньги катаются... офицеры в Париж?» — задавался вопросом Игнатъев¹¹⁸. На что тратились деньги, сообщали французы: «в первый же вечер... этот поп с черной гривой пошел в пляс с офицерами в публичном доме»¹¹⁹. Недовольство солдат вылилось в убийство ими в августе 1916 г. командира эшелона: «В лагере на-

27

стоящий бунт. Офицеров нет. Солдаты никого не слушаются»¹²⁰. Игнатъев, прибывший для разбора дела, наблюдая реакцию командного состава, заметил: «Неужели офицеры настолько боятся собственных солдат?»¹²¹ Игнатъева больше всего поразило настойчивое стремление даже солдат из русского корпуса во Франции разъехаться «по домам»: «Последнее, признаться, мне в голову еще тогда не приходило. Материальные условия во Франции для наших солдат были неизмеримо выше условий, существовавших в то время в России, а... я всегда имел возможность выбирать для каждой из наших двух бригад участки «потешнее»¹²².

Примеры с русского фронта отчасти характеризует приказ по Северо-Западному фронту, который гласил: «Ближайшие фронтовые тылы переполнены здоровыми строевыми офицерами, тогда как части, в которых продолжаются большие потери, имеют в качестве офицерского состава почти одних прапорщиков»¹²³. Генерал Эверт в январе 1916 г. докладывал: «Большое число офицеров отсутствует с фронта, и местонахождение их неизвестно...» В то же время на Западном фронте «сапоги в таком виде — 44% хороших, 32% годятся на короткое время, а 24% солдат вовсе без обуви»¹²⁴. М. Лемке в своем дневнике отмечал пропасть, отделявшую не только многих офицеров от солдат, но и строевых офицеров (черную кость) от штабных. В своих наблюдениях над жизнью генерального штаба М. Лемке вообще приходил к крайне радикальным выводам: «Они враги родины и армии, они в шорах, не знают азбуки, их образование — кастовая задрессированность, полное уничтожение в личности всего человеческого, для них нет России, она им чужда...»¹²⁵ Говоря о хищениях в армии, М. Лемке в начале 1916 г. впадал в пессимистическое настроение: «украдены миллиарды; народное достояние расхищается с неимоверной смелостью, безудержным нахальством, уверенностью в безнаказанности; к нему протянули свои цепкие руки и строевые чины, и штабные, и медицинский персонал, и многочисленные представители общественных организаций. Словом, воровство стало нашим национальным признаком»¹²⁶.

Тенденции, копившиеся с 1915 года, из потенциальной энергии тихо зреющего недовольства превратились в кинетическую энергию действия на следующий день после Февральской революции, которая на первый взгляд прошла буднично и тихо, практически без видимых жертв, общее число убитых и раненых—1443, в том числе воинских чинов — 869 (офицеров 60)¹²⁷. Но, как пишет С. Волков: «События 27-28 февраля и последующее отречение императора Николая II от престола открыли дорогу ненависти и насилия и стали началом Голгофы русского офицерства. На улицах Петрограда повсеместно происходили задержания, обезоруживания и избиения офицеров, некоторые были убиты. Когда сведения о событиях в столице дошли до фронтов, особенно после обнародования пресловутого «Приказа № 1», там началось то же самое. Какое влияние это оказало сразу же на боеспособность армии, свидетель-

28

ствует телеграмма главкома Северного фронта от 6 марта: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение...» Гражданская война началась с тех февральских дней. То, что пережито офицерами в те месяцы, никогда не могло изгладиться из их памяти...»¹²⁸

В том, что «после Февраля положение офицеров превратилось в сплошную муку, — по мнению С. Волкова, ответственность лежит на большевиках, — антиофицерскую пропаганду большевиков, стоявших на позициях поражения России в войне, ничто отныне не сдерживало, и она велась совершенно открыто и в идеальных условиях. Желание офицеров сохранить боеспособность армии...

наталкивалось на враждебное отношение солдат, распропагандированных большевистскими агитаторами, апеллировавших к шкурным инстинктам и вообще самым низменным сторонам человеческой натуры»¹²⁹.

Но разве большевики писали Приказ № 1 и «Декларацию прав военнотружущих», уничтоживших армию, еще до появления большевиков на политической сцене? Не генерал ли Корнилов начал свою деятельность в должности главнокомандующего Петроградским военным округом с того, что собственноручно приколот Георгиевский крест к груди унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова в награду за убийство им 27 февраля прямого своего начальника — заведующего учебной командой того же полка капитана Дашкевича¹³⁰? Генерал Энгельгардт, начальник Петроградского гарнизона, 1-го марта выпустил следующее воззвание: «...Среди солдат Петроградского гарнизона распространились слухи, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель временной комиссии временного комитета Государственной Думы, я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных...» В. Воейков замечал: «Последние слова воззвания, будучи горячо восприняты теми солдатами, которые поняли свободу в смысле отсутствия подчинения, дали в результате известные всем случаи зверской расправы нижних чинов с офицерами. Автором этого воззвания был бывший воспитанник Пажеского его императорского величества корпуса, офицер лейб-гвардии Уланского его величества полка и, как окончивший Николаевскую академию, носитель мундира генерального штаба»¹³¹.

Главкомандующий Северным фронтом генерал Черемисов субсидировал из казенных средств ярко-большевистскую газету «Наш путь», объясняя так свой поступок: «Если она (газета) и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях(?). Мы видим, что и большевики умеют драться. При этом у нас свобода печати»¹³². Во главе же развала армии стояла сама Временная

29

власть проводя реформы по «демократизации армии» во время мировой войны. Так, Деникин подсчитывал, что из 40 командующих фронтами, армиями и их начальниками штабов только 14 выступали против «демократизации» армии, 15 ее поощряли, и 11 были нейтральны. «Демократическая» чистка в армии привела к тому, что только в апреле-мае было уволено 143 старших начальника, в том числе 70 начальников дивизий¹³³.

И в этих условиях Временное правительство, Совет и Ставка принимают решение о новом июньском 1917 г. наступлении! Офицерам нужно было снова поднимать солдат в атаку... «В сводке сведений о настроении в действующей армии с 1-го по 9 июля о положении офицеров сказано следующее: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение в армии офицеров, их самоотверженную работу, протекающую в невыносимых условиях, в стремлении поднять дух солдат, внести успокоение в ряды разлагающихся частей и сплотить вокруг себя всех, оставшихся верными долгу перед родиной. Подчеркнута явная агитация провокаторов-большевиков, натравливающая солдат на офицеров. В большинстве случаев работа офицерства сводится к нулю, разбиваясь перед темной и глухой враждой, посеянной в солдатских массах, охваченных одним желанием уйти в тыл, кончить войну любой ценой, но не ценой собственной жизни. Вражда часто принимает открытый характер, выливаясь в насилия над офицерами. В 115-м полку большинство офицеров должно было скрыться. Требования солдат о смене неугодных начальников стали повседневным явлением. В 220-м полку несколько рот ушли с позиции, причем в

окопах остались одни офицеры. В 111-м полку на всей позиции после самовольного ухода рот остались несколько десятков наиболее сознательных солдат и все офицеры. Напряжение сил офицеров дошло до предела, терпение стало мученичеством. В боях под Крево и Сморгонью все офицеры были впереди атакующих частей, показав пример долга и доблести. Потери офицерского состава громадны. В 204-м полку выбыли из строя все офицеры».

«Яркую иллюстрацию положения офицерства дают рапорты трех офицеров 43-го Сибирского полка, в которых они ходатайствуют: двое — о зачислении в резерв и один — о разжаловании в рядовые. Офицеры указывают на невозможность принести какую-либо пользу при данных условиях и слагают с себя ответственность за свои части в бою "Служба офицера превратилась в настоящее время в непрерывную нравственную каторгу..." — пишет один из офицеров...»¹³⁴ Как отмечалось в докладе комиссаров 11-й армии, «бросалось в глаза прежде всего невозможное положение офицерского состава, бессильного, не признаваемого солдатами, третируемого ими и лишенного возможности реализовать свои полномочия. При большой ответственности офицерство оказалось лишенным прав не только командных, но зачастую и многих

30

гражданских, как, например, свободы слова. Всякий призыв с их стороны к солдатам к исполнению своих обязанностей, вообще все, что шло вразрез с инстинктами и пожеланиями шкурных элементов армии, встречается последними резко враждебно, причем нередко раздавались угрозы расправы оружием. И это были не простые угрозы»¹³⁵.

Корниловский мятеж привел к окончательному разрыву между солдатами и офицерами. Экспессы приняли бы еще более широкий характер, если бы во главе армии не стоял генерал Алексеев... формально руководивший ликвидацией корниловского выступления. Это «спасло не только непосредственных участников выступления, но и все лучшее строевое офицерство, он помогал спасти как раз ту распыленную силу, которая впоследствии собралась на его зов и под знаменами того же генерала Корнилова героически боролась за Россию»¹³⁶.

«Значение корниловского выступления для кристаллизации настроений офицерства огромно. Об этом очень полно писал Н. Головин: «Гонения, которые испытывал с марта офицерский состав, усиливали в нем патриотические настроения; слабые и малодушные ушли, остались только сильные духом. Это были те люди — герои, в которых идея жертвенного долга, после трехлетней титанической борьбы, получила силу религии... Неудача корниловского выступления могла только усилить эти настроения. Связь большевиков с германским генеральным штабом была очевидна. Победа Керенского, которая, по существу, являлась победой большевиков, приводила к тому, что в офицерской среде точно установилось убеждение, что Керенский и все умеренные социалисты являются такими же врагами России, как и большевики. Различие между ними только в "степени", а не по существу... Русское офицерство военного времени, не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки... Это обособление не обуславливалось какими-либо сословными или имущественными признаками, а исключительно данными социально-психологического порядка. До корниловского выступления офицерство старалось всеми силами не допустить углубления трещины между ним и нижними чинами. Теперь оно признало этот разрыв как совершившийся факт... В корниловские дни офицерство видело, что либеральная демократия, в частности кадеты, за немногими исключениями находится или "в нетях", или в стане врагов. Это обстоятельство они учли и запомнили... Офицерство больно почувствовало, что его бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная...»¹³⁷

«После корниловского выступления разрыв между офицерским составом и солдатской массой происходит уже полный и окончательный. — свидетельствует октябрьская сводка о настроениях с Западного фронта, — масса видит в офицерах не только «контрреволюционеров», но и главную помеху к немедленному прекращению войны. Большевики и немцы энергично эксплуатируют создавшееся

31

положение»¹³⁸. Н. Головин подтверждает, что после корниловского выступления «произошел окончательный разрыв между двумя лагерями: офицерским и солдатским. При этом разрыв этот доходит до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими. Это уже две вражеские армии, которые еще не носят особых названий, но по существу это белая и красная армия»¹³⁹.

В донесениях с фронта сообщалось: «Положение офицеров невыносимо тяжело по-прежнему. Атмосфера недоверия, вражды и зависти, в которых приходится служить при ежеминутной возможности нарваться на незаслуженное оскорбление при отсутствии всякой возможности на него реагировать, отзывается на нравственных силах офицеров тяжелее, чем самые упорные бои и болезни»¹⁴⁰. Постоянными стали явления, когда позиция оборонялась одними офицерами, а толпы солдат митинговали в тылу¹⁴¹. Командир 37-го армейского корпуса докладывал: «Необходимо отметить, что состав офицеров далеко не обладает сплоченностью — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк — «постояльный двор». Кадровых офицеров на полк — 2-3 с командиром полка, причем последний меняется очень часто «по обстоятельствам настоящего времени»...¹⁴². «Уже тогда вполне проявились безнадежность и пассивное отношение к происходящим событиям очень большей части офицерства...»¹⁴³.

Спустя месяц после октябрьского переворота, 30 ноября, было разослано «Временное положение о демократизации армии», по которому офицерские чины, знаки отличия и ордена упразднялись. 16 декабря был опубликован декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», провозглашавший окончательное уничтожение понятия офицерского корпуса, а также декрет «О выборном начале и организации власти в армии», по которому власть переходила к военнореволюционным комитетам, вводились выборы командного состава. «Это вызвало новый подъем озлобления против офицеров...»¹⁴⁴. Наглядно отношение офицеров к этим указам показывает высказывание одного из лучших, принявшего советскую власть генерала М. Бонч-Бруевича: «Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были совершенно подавлены... Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расстаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов»¹⁴⁵. На это время приходится и наибольшее число самоубийств офицеров (только зарегистрированных случаев после февраля было более 800), не сумевших пережить краха своих с детства усвоенных идеалов и крушения русской армии¹⁴⁶. Верховному главнокомандующему Красной Армией Н. Крыленко пришлось 12 декабря

32

срочно издать приказ о нераспространении «демократизации» на штабы и управления, но это уже помочь не могло. Войска не были способны не только оказать сопротивление, но даже на организованный отход без давления противника.

Октябрьская революция вызвала всплеск массового ожесточенного насилия

против офицеров, убийства все больше походили на поголовное истребление. Пример дают впечатления очевидцев, на всех железных дорогах ноября-декабря 1917 года приблизительно одинаковы. «Какое путешествие! Всюду расстрелы, всюду трупы офицеров и простых обывателей, даже женщин, детей. На вокзалах буйствовали революционные комитеты, члены их были пьяны и стреляли в вагоны на страх буржуям. Чуть остановка, пьяная озверелая толпа бросалась на поезд, ища офицеров (Пенза-Оренбург)... По всему пути валялись трупы офицеров (на пути к Воронежу)...¹⁴⁷ В апреле, когда немцы занимали Крым, некоторые уцелевшие офицеры, которым было невыносимо сдавать корабли немцам, поверив матросам, вышли вместе с ними на кораблях из Севастополя в Новороссийск, но в пути были выброшены в море. «Все арестованные офицеры (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, один из матросов ногой сбрасывал их в море. Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий. Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта»¹⁴⁸.

Между тем большинство офицеров на фронте пассивно переживало происходящее. И. Поляков вспоминал: «Я чаще всего слышал один и тот же ответ: «Мы помочь ничему не можем, мы бессильны что-либо изменить, у нас нет для этого ни средств, ни возможности, лучшее, что мы можем сделать при этих условиях, — оставаться в армии и выжидать окончания разыгрывающихся событий или с той же целью ехать домой». Такая психология — занятие выжидательной позиции и непротивление злу — была присуща командному составу не только нашей армии, ею оказалась охваченной большая часть и русского офицерства, и обывателя, предпочитавших тогда, когда большевики были наиболее слабы и неорганизованны, уклониться от вмешательства с тайной мыслью, что авось все как-то само собой устроится, успокоится, пройдет мимо и их не заденет. Поэтому многие только и заботились, чтобы как-нибудь пережить этот острый период и сохранить себя для будущего»¹⁴⁹.

Каковы же были мотивы, двигавшие активной частью белого движения теми же Добровольцами? Какова была Идеология белого движения?

Отчасти мы уже указали на ее составляющие. Для офицеров она заключалась прежде всего в выполнении своего воинского долга перед страной и государством, в мести за погибших товарищей. Воинский долг с внешнего противника распростился у них на внутреннего, который, по их мнению, вел страну к хаосу и развалу, поражению во внешней войне.

33

Стихийные убийства солдатами офицеров, начавшиеся с февраля 1917 г., были поддержаны большевиками, что сразу превратило их в смертельных врагов офицерства. Эти же стихийные убийства ставили офицеров перед выбором между смертью и борьбой за выживание.

Эти вполне объяснимые и благородные мотивы в конкретных условиях 1917 г. звучали обвинительным актом офицерам. Выполнение ими своего долга в глазах большинства населения превращало офицерство в «партию войны», готовую вести ее до конца несмотря ни на какие жертвы, вплоть до самоуничтожения самого русского государства. Борьба против внутреннего врага виделась войной за возвращение прежнего царского режима или его капиталистического подобия, в виде «диктатуры капитала». Офицерство для большинства становилось главным вооруженным и организованным защитником реакции. Генерал А. Будберг отмечал этот факт в своем «Дневнике»: «...За нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага... Все остальные против нас, частью по настроению, частью

активно»¹⁵⁰.

Идеология белого движения была обозначена в первом политическом обращении Деникина *От Добровольческой армии*: «Предстоит... тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни...»¹⁵¹ Лидер либералов П. Миллюков обосновывал цели борьбы более конкретно: «загнать чернь в стойла»¹⁵². Но что Деникин понимал под народоправством и чернью? Похоже, он сам не знал определенного ответа на этот вопрос: «Эта формула (*опора на разные слои населения, в особенности на крестьянство*) не обнаруживала степени дерзания ни в аграрном, ни в прочих социальных вопросах, сильно напоминая наши всегдашние призывы к сотрудничеству «всех государственно мыслящих слоев населения», а некоторая неясность редакции этого пункта дала даже повод председателю Особого совещания генералу Лукомскому сопроводить ее замечанием: «То есть выбросить буржуев!...»¹⁵³. Уточнение в определение «народа» внес К. Соколов, который «...высказался вполне определенно: "Власть должна опереться на консервативные круги при условии признания ими факта земельной революции". Однако, как пишет Деникин, это предложение теряло свою ценность, принимая во внимание настроения правых кругов, в глазах которых *тогда* даже "третий сноп" считался "уступкой домогательствам черни"... Итак, коалиции конец. Предстоит выбор: либерализм, консерватизм или "левая политика правыми руками" — та политика, которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами без особого успеха»¹⁵⁴. Какой же народ представляли политические конкуренты большевиков в борьбе за власть, на которых пытался опереться Деникин?

34

У правых (консервативных) партий был «общий лозунг — "самодержавие, православие, народность". Из предосторожности он не осложнялся необычайно трудными вопросами *положительного* государственного и социального строительства, а сводился к простейшему и доступному массе, оголенному от внешних туманных покровов императиву: "Бей жидов, спасай Россию!"»¹⁵⁵ «Почвенность, «корни» и народная опора считались там (среди монархистов и националистов) элементами второстепенными. Многие разделяли тогда взгляд, приписываемый Пуришкевичу: «К моменту окончательной победы над большевиками народная масса, усталая от пережитых потрясений, жаждущая порядка и возвращения к мирному труду, окончательно утратит свою роль главной движущей силы революции; масса отойдет от политики. Но революция будет продолжаться. И взамен демоса на арене борющихся сил окажутся политические группы, кружки и партии, из которых каждая будет говорить от имени народа. Вот этим-то моментом и нужно воспользоваться для выхода на политическую арену...» Деникин замечал в ответ, что это был «взгляд, не лишенный проницательности»¹⁵⁶.

Меньшевики совершенно трезво смотрели на такое будущее: «Учредительное собрание при самом неограниченном избирательном праве, но в обстановке тишины и спокойствия легко превратилось бы в послушное орудие реакции при отсутствии революционной энергии в массах; представители народа были бы бессильны перед правительством...» Как следствие, меньшевистские белогвардейские газеты, — по словам Деникина, — приняли тон настолько вызывающий и направление настолько деморализующее, что властям (Юга России) пришлось закрыть их»¹⁵⁷. Меньшевики «первыми примирились с большевиками и объединились с ними для борьбы с враждебными большевизму правительствами. Вслед за меньшевиками по этому пути пошли и социалисты-революционеры. Ряд видных и ответственных деятелей этой партии (Вольский,

Святицкий и др.) выступили с соответствующими декларациями и воззваниями...»¹⁵⁸

Эсеры на своем IX Совете партии, собравшемся в Москве в середине июня 1919 г., постановили: Совет, «учитывая соотношение наличных сил, одобряет и утверждает принятое всеми правомочными партийными органами решение прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой, перенеся центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставрации народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия»¹⁵⁹. И это были не пустые слова. Эсеры, еще вчера выступавшие против большевиков, не только встали на их сторону, но и стали создавать партизанские отряды для помощи Красной Армии в освобождении Сибири от Колчака. Деникин ссылается на собственное признание эсеров, «употребивших все усилия для свержения сибирской власти и теперь поднявших воору-

35
женные восстания во Владивостоке, Иркутске, Красноярске и других пунктах во имя прекращения гражданской войны и примирения с большевиками»¹⁶⁰.

Социалисты и раньше с подозрением относились к своим белым «попутчикам». А. Соловейчик, участник комучевского движения, писал, что «созданное новое министерство охраны государственного порядка и безопасности вело усиленную слежку за добровольцами-офицерами, за кадетами и за буржуазией и сквозь пальцы смотрело на большевиков»¹⁶¹. Ему вторил колчаковский генерал К. Сахаров: «Как во время существования самарского правительства, так и во времена Директории все его усилия были направлены не к борьбе с большевиками, а как раз к обратной цели: к воссозданию единого социалистического фронта, другими словами — к примирению с большевиками путем компромиссного решения. Одной из первых забот новой власти было учреждение особой охраны для борьбы с контрреволюцией справа»¹⁶².

У белых оставалась последняя надежда — та самая либеральная партия кадетов. Биограф Деникина Д. Лехович определял его политическую платформу как «либерализм», основанный на вере в то, что «кадетская партия... сможет привести Россию... к конституционной монархии британского типа»; соответственно, «идея верности союзникам (Великобритании, Франции, США. — В.К.) приобрела характер символа веры»¹⁶³. Но «...в конце июня, в разгар блестящих успехов армий и общего высокого подъема, либеральная общественность страшилась взять руль правления в предвидении «враждебного отношения других влиятельных общественных сил и противодействия с их стороны»...¹⁶⁴ В Белой армии «...и близких ей кругах... создавалось озлобление против «кадетов», и в частности против либеральных членов Особого совещания, которых называли «злыми гениями» и «главными виновниками» постигших нас бедствий. В такой обстановке либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь. Очевидно, и не могла дать, так как, по признанию видных ее деятелей, помимо внутренних расхождений, в этом лагере было очень мало людей, которые «революционному разложению и распаду могли бы противопоставить понятную всем организующую силу». Это последнее обстоятельство встало передо мной особенно ярко, — вспоминал Деникин, — когда я задал вопрос, при создавшихся условиях чисто академический: — Кого же все-таки либеральная группа могла бы предложить в главы правительства?»¹⁶⁵ На закате карьеры командующим армией Юга России Деникин подводил итог своим политическим исканиям: **«Последние приказы мои означали: невозможность опереться на либералов, нежелание**

передать власть всецело в руки правых, политический тупик и личную драму правителя. В более широком обобщении они свидетельствовали об одном, давно

36

назревшем и теперь особенно ярко обнаружившемся явлении: кризисе русского либерализма¹⁶⁶.

Колчак не вдавался в такие политические дебри, как Деникин, в этом плане он был проще. Свои политические взгляды адмирал изложил в ответе на условия «союзников» признания его Верховным правителем России. Первым требованием «союзников» был созыв Учредительного собрания, как высшего законодательного органа России. При этом «если же к этому времени «порядок» еще не будет установлен, адмирал *должен созвать «старое» Учредительное собрание «на то время, пока не будут возможны новые выборы»*. Колчак, по воспоминанию генерала для поручений М. Иностранцева, прокомментировал требование союзников следующим образом: «Вы ведь знаете, что западные государства во главе, конечно, с Вильсоном вздумали меня исповедовать на тему, какой я демократ? Ну, я им ответил, — продолжал он и засмеялся. — Во-первых, я им ответил, что Учредительное собрание, или, вернее, Земский собор, я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно здоровые элементы... Вот какой я демократ!...»¹⁶⁷

Деникин, как и Колчак, не признавал итогов того Учредительного собрания ноября 1917 г., рожденного в стихии бунта и насилия, которое, по их мнению, «не выражало воли русского народа». Правда, тут же Деникин указывал на самую бессмысленность созыва Учредительного собрания, поскольку даже его «предрешение» ничего изменить не в силах: «Перед правительством оставались бы и тогда неразрешимые для него вопросы: невоюющая армия, непроизводительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междоусобицы», а кроме этого было еще и крестьянство, занятое «черным переделом»... «Непредрешение» и «уклонение» от декларирования принципов будущего государственного устройства, которые до сих пор вызывают столько споров, были не «теоретическими измышлениями», не «маской», а требованием жизни. Вопрос этот чрезвычайно прост, если подойти к нему без предвзятости: все три политические группировки противобольшевистского фронта — правые, либералы и умеренные социалисты — порознь были слишком слабы, чтобы нести бремя борьбы на своих плечах. «Непредрешение» давало им возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и вперебой, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце — одни республику, другие монархию; одни Учредительное собрание, другие Земский собор, третьи «законопреемственность»¹⁶⁸.

Какая же в этом случае движущая политическая сила поднимала офицеров в бой, за что они шли умирать? Общие настроения офицерства

37

передавал создатель Белой армии Юга России генерал Алексеев, когда еще на заре белого движения, в июне 1918 г. он писал Шульгину: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставили мы его лишь в силу необходимости... Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проявить их здесь было бы ошибкой, так как населением это было бы

встречено враждебно... Большинство офицеров Добровольческой армии было за поднятие монархического флага, но...»¹⁶⁹, как вспоминал деникинский генерал Лукомский, «...в 1918 и 1919 гг. провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьян и рабочей массы... Провозглашение же республиканских лозунгов не дало бы возможности сформировать мало-мальски приличную армию, так как кадровое офицерство, испытывшее на себе все прелести революционного режима, за ними не пошло бы»¹⁷⁰. В итоге, как сообщал Гайда в военный департамент США, «колчаковское правительство не может удержаться у власти, и если союзники будут помогать ему, это будет величайшей исторической ошибкой. Правительство делится на две части: одна выпускает прокламации и распространяет сообщения для иностранного потребления о благожелательном отношении правительства к созыву Учредительного собрания и готовности осуществить его созыв, другая часть тайным образом строит планы и заговоры с целью восстановления монархии»¹⁷¹.

Между тем подавляющее большинство даже сторонников белого движения выступали против нового поднятия монархических знамен. Что в итоге? — Либо военная диктатура, подобная испанской — генерала Франко, либо созыв нового Учредительного собрания, из «здоровых государственных элементов» Колчака, задрапированного прозрачной «демократической вуалью Пуришкевича».

Состав и процент представительства нового Учредительного собрания в этом случае легко прогнозируем, его подсказывает история. В частности, пример дает эгалитарная III-я Государственная Дума П. Столыпина, так же специально подобранная из «государственно здоровых элементов». Чем бы новое собрание отличалось от предыдущего кроме еще большей реакционности? Ведь именно эти колчаковские «государственно здоровые элементы», должны были осуществлять «народоправство», а все остальные были «чернью»? Эта «чернь», не представленная в столыпинской Думе, составляла более 90% населения России и именно эту «чернь» необходимо было Колчаку, Деникину ... «разогнать и повесить», чтобы «избрать» свое «настоящее Учредительное собрание» и установить «народоправство». Идеи Колчака, Деникина..., несмотря на благие помыслы, неизбежно в случае успеха гнали русский народ обратно назад, в прошлое, в аристократический тоталитарный режим, правда уже не царский, а генеральский. «Во имя этих священных целей, которые связывали Корнилова с либералом Милюковым и черносотенцем Римским-Корсаковым, — по словам Троцкого, — уложены были сотни тысяч народу, разграблены и опустошены юг и восток России, окон-

38

чательно расшатано хозяйство страны, революции навязан был красный террор»¹⁷².

Белые генералы были слишком далеки от того народа, о интересах которого брались судить. Э. Гиацинтов отмечал, что несмотря на то, что основатель белой армии Юга России был сыном простого солдата, «Алексеев — ученый военный, который никогда в строю не служил, солдат не знал. Это был не Суворов и не Скобелев, которые, хотя и получили высшее военное образование, всю жизнь провели среди солдат и великолепно знали их нужды...»¹⁷³ По мнению Н. Головина, строки Деникина «грешат тем непониманием народных масс, которое привело затем самого автора... к крушению...»¹⁷⁴ М. Лемке, довольно близко знавший Алексеева, еще в середине 1916 г. писал: «Вина Алексеева не в том, что он не понимает основ гражданского управления и вообще невоенной жизни страны; а в том, что он не вполне понимает всю глубину своего незнания и все берется решать...»¹⁷⁵

Митрополит Вениамин указывал: «Можно не соглашаться с большевиками и

бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе) могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, который каким-то чудом все разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главных причин поражения нашего белого движения: в его безыдейности! В нашей бездумности!»¹⁷⁶

Бывший командующий Кубанской армией генерал А. Шкуро вспоминал: «Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких «источников» убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейший скептицизм и осторожность постоянно аннулировали первоначально обещанное»¹⁷⁷. Генерал Я. Слащов: «Тогда я ни во что не верил. Если меня спросят, за что я боролся и каково было мое настроение, я чистосердечно отвечу, что не знаю... Не скрою, что в моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, — ведь невозможно же, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам и т.п. Но эти мысли я как-то трусливо сам отгонял от себя и противопоставлял им слухи о восстаниях внутри России и т.п. Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь»¹⁷⁸.

По мнению Н. Карпова: «Главная внутренняя проблема отдела пропаганды заключалась в том, что ему нечего особенно было пропагандировать, не было позитивных лозунгов, которые бы воодушевляли население и несли разложение в ряды красных войск»¹⁷⁹. Пожалуй, лучше

39

всех по этому поводу высказался Председатель Верховного Казачьего круга Тимошенко: «Несмотря на талант Главнокомандующего и блестящую плеяду полководцев, его окружающих, вахмистры Буденный и Думенко отбросили нас к исходному положению. Почему? Одного боевого таланта мало. Гражданская война — это не племенная борьба, это борьба за формы правления. И поэтому воссоздать Россию мы можем лишь такой политикой, таким лозунгом, которые близки и понятны народу... Диктатурой Россию не победить... Клеймить сейчас позором движение народных масс как народную смуту — тяжелая ошибка»¹⁸⁰.

Колчак, Деникин, Милюков вольно или невольно оказались наследниками того царского режима, пример которого давал прием в Зимнем дворце в апреле 1906 г. Тогда П. Столыпина смутил разительный контраст блеска мундиров придворных чинов и более чем скромных, даже умышленно будничных костюмов депутатов, и возникло «сомнение: сумеют ли люди, настолько отличающиеся друг от друга своим внешним обликом, найти общий язык при обсуждении общего дела?»¹⁸¹ С. Крыжановский, описывая царский выход (в еще 1-ю «демократическую» Думу), за 10 лет до революции, который был «обставлен всею пышностью придворного этикета и сильно резал непривычный к этому русский глаз». Но глаз верного слуги старого режима резала также, на этом фоне царского блеска, неподходящая к месту «толпа депутатов в пиджаках и косоворотках, в поддевках, нестриженных и даже немых». Умный чиновник сразу заключил из этого, богатого смыслом, сопоставления, что «между старой и новой Россией перебросить мост едва ли удастся». И свои чувства он выразил восклицанием: «Ужас!.. Это было собрание дикарей...»¹⁸² Наблюдения посла

Франции в России в предреволюционные годы, М. Палеолога, приводили его к радикально революционным выводам: «Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и распада. Один из самых грозных симптомов — это глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Никакой связи между этими двумя группами, их разделяют столетия...»¹⁸³

Но, может, эта социальная пропасть осталось в монархическом прошлом, непристойном для упоминания в кругах «просвещенной либерально-демократической интеллигенции»? Но вот ее яркий представитель Бунин «...описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 года...: "Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: — Вставай, подымайся, рабочей народ! Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: "Cave furem". На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно... И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы! У солдат и рабочих, то и дело

40

грохочущих на грузовиках, морды торжествующие". И дальше, уже из Одессы: "А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая..."» «Здесь — представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как неближнего, — отмечает С. Кара-Мурза. — Это извечно необходимое внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство ближнего, представителя одного с тобой биологического вида...»¹⁸⁴ Что-то знакомое сквозит в этих перлах Бунина, деникинской «черни», колчаковских «здоровых элементах»,.. не тот ли самый маховый «социальный расизм»?

Другой яркий представитель интеллигенции начала XX века В. Шульгин вспоминал: «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злое бешенство... Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — зверь этот был... его величество русский народ... То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»¹⁸⁵. Шульгин продолжал: «Умереть. Пусть. Лишь бы не видеть отвратительное лицо этой гнусной толпы, не слышать этих мерзостных речей, не слышать воя этого подлого сброда. Ах, пулеметов сюда, пулеметов!...»¹⁸⁶ «Хоть минутку покоя, пока их нет... Их... Кого? Революционного сброда, то есть я хотел сказать — народа... Да, его величества народа... О, как я его ненавижу!...»¹⁸⁷

В. Шульгин снова и снова возвращался к теме: «Слава богу, наконец я опять в Таврическом дворце... да, там, в «кабинете Родзянко», есть еще близкие люди. Да, близкие потому, что они жили на одной со мной планете. А эти? Эти — из другого царства, из другого века... Эти — это страшное нашествие неоварваров, столько раз предчувствуемое и наконец сбывшееся... Это — скифы. Правда, они с атрибутами XX века — с пулеметами, с дикорычащими автомобилями... Но это внешне... В их груди косматое, звериное, истинно скифское сердце»¹⁸⁸. Лидер

кадетов Милюков в этой связи заявлял, что: «...бывают времена, когда с народом не приходится считаться». И не «считались». Деникин вспоминал: «...регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым неизменно я смягчал наказание; но несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало»¹⁸⁹.

41

Н. Бердяев в книге «Философия неравенства» пытался дать социальному расизму философско-научное обоснование: «Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... "Просветительное" и "революционное" сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование "белой кости" есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».

К выводу о «социальном расизме» как качестве, непременно присущем радикальной либеральной интеллигенции, приходит С. Кара-Мурза. По его мнению, ее идеологи уже с революции 1905-1907 г. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе: «В значительной части буржуазии и привилегированных сословий расизм был не философским, а вполне обыденным. В ответ на этот все более интенсивно демонстрируемый расизм «простонародье», причем уже вооруженное и знающее свою силу, очень долго отвечало множеством разного рода примирительных жестов. Это отражено во многих документах эпохи (например, в очень скрупулезных дневниках М. Пришвина...) В целом, примирительные жесты «простонародья» были имущими классами явно и четко отвергнуты. Это вызвало ответный социальный расизм, быстро достигший уровня ненависти и даже ярости. По накалу страстей гражданская война в России на стадии столкновения добровольческих армий была сходна с войнами этническими и религиозными...»¹⁹⁰ Х. Арндт отмечала еще в конце XIX века, что революционный терроризм стал «чем-то вроде философии, выражавшей отчаяние, негодование, слепую ненависть... человек был исполнен решимости отдать жизнь, лишь бы принудить нормальные слои общества признать его существование»¹⁹¹.

Белый генерал К. Сахаров, эмигрировавший в Германию, полагал, что белое движение в России являлось прообразом германского фашизма. Он писал: «Белое движение в самой сущности своей являлось первым проявлением фашизма... Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его»¹⁹², А. Литвин в связи с этим пишет: «Судя по приказам Сахарова в 1919 г., его роднили с фашизмом беспощадность к людям, презрение к «недочеловекам»¹⁹³, то есть «черни». Та легкость, с которой либеральная интеллигенция развязала гражданскую войну против собственного народа, говорит о том, что она не ассоциировала себя с этим народом. Народом она считала себя, то есть не более 5% населения России, остальные были для нее даже не людьми, а «чернью», которую необходимо было «загнать в стойла».

Офицеры, радикализированные революцией и войной, стали заложниками ситуации, они первыми стояли на пути стихии, рвавшейся домой, к миру и одновременно мстящей за копившиеся многие десятилетия обиды. И не важно, что офицеры не представляли уже собой правящего

42

класса, но они олицетворяли его и выполняли его приказы. Офицерству своими

жизнями, судьбами пришлось отвечать не только за себя, но и за весь правящий класс, который довел страну до революции и гражданской войны. Кроме этого, жестокость порождала ответную жестокость, офицерские части отвечали таким же террором, в таких же диких формах, как солдаты и крестьяне. Маховик насилия раскручивался взаимно...

Это взаимное насилие вело к тому, что постепенно простое офицерство заражалось тем же духом социальной ненависти, который проповедовали ревнители и сторонники «чистого» либерализма. А. Деникин отмечал, что офицерство «дралось и гибло с *высоким* мужеством. Но наряду с доблестью, иногда рыцарством, в большинстве своем в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм — иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции»¹⁹⁴. С. Есенин отмечал тот факт в стихах:

В тех войсках к мужикам
Родовая месть. И Врангель тут,
И Деникин здесь.

Но за идеологией шла сравнительно небольшая часть офицерства.. Для большинства разгоравшаяся разрушительная анархия была вызовом их доведенному до инстинкта чувству защиты отечества, связанному с чувством самопожертвования. Заставляя крестьянскую армию выполнять свой долг, они встали на пути стихии разгоравшегося «Русского бунта», который с невероятной жестокостью смел их. Тяжесть моральных мук офицерства описана в «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «Беге» М. Булгакова, «Хождении по мукам» А. Толстого, «Тихом Доне» М. Шолохова. Офицерство в результате действительно стало особой социальной группой, кастой, оторванной от остального общества и противопоставившей себя ему. Оно сражалось не столько за какие то идеи, сколько против анархии и разрушения, которые олицетворяли собой большевики...*

Белая Армия

Что же представляла собой Белая Армия? Не претендуя на исчерпывающий ответ, приведем лишь отдельные характерные зарисовки,

Судьба офицеров была по-настоящему трагична, большая часть их была обречена изначально с первых дней революции, трудно представить себе ужасающую безысходность того положения, в котором оказались многие из них. Что ждало оставшихся в живых? Деникин писал: «...тех немногих, кто уцелел, судьба разметала по свету: одни оказались в рядах полков, нашедших приют в славянских землях; другие — за колючей проволокой лагерей — тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи, голодные и бесприютные, — в грязных ночлежках городов Старого и Нового Света». (Деникин А. И. (II). С. 395-396.)

43

сделанные самими белогвардейцами и их союзниками, которые дают общее представление на этот счет:

Северная Армия: Б. Соколов писал о северном офицерстве: «В большей своей части оно было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство Сибирской и Юго-Западной армий, но и отличалось от офицерства Добровольческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно»¹⁹⁵. «Прибывшие в область офицеры в большей своей части отличались тоже мужественным и доблестным исполнением своего долга. К

сожалению, между ними не было полной солидарности, так как офицеры, спасенные на Украине от большевиков немцами, были проникнуты германофильством, что возмущало офицеров, сохранивших верность Антанте. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезного характера, но, к сожалению, давало повод для ссор и недоразумений. Много выше стояла офицерская среда в артиллерии, производя своим поведением, воспитанностью и уровнем образования впечатление офицеров мирного времени. Цвет офицерства составляла небольшая группа кадровых офицеров, командовавших отдельными войсковыми частями пехоты и артиллерии, на которых, собственно говоря, и держалась наша маленькая армия»¹⁹⁶.

Вместе с тем английский генерал Э. Айронсайд замечал об этих офицерах: «Память о революции глубоко въелась в их души. Я пытался внушить км, что они должны уменьшить пропасть между офицерами и рядовыми, но почувствовал, что мои слова не произвели на них никакого впечатления... Офицеры исправно несли службу, но в их глазах я видел ужасную безысходность. Многие из них в глубине души не верили, что смогут разбить большевиков, хотя все еще твердо были убеждены, что им нужно оказывать сопротивление»¹⁹⁷. В то же время практически все участники событий отмечают, что во фронтовых частях ситуация была прямо противоположной. Ген. В. Марушевский вспоминал: «Офицеры широко назначались в крестьянские партизанские отряды..., которых крестьяне «в полном смысле этого слова носили на руках»¹⁹⁸. Ген. Е. Миллер: «Все очевидцы отмечают в целом необычайно теплые отношения между офицерами и солдатами Северной армии. Даже при развале фронта «ни одного акта насилия, ни одного враждебного жеста по отношению к оставшимся в строю офицерам не было сделано...»¹⁹⁹ Ген. С. Добровольский: «Необходимо только отметить, что эксцессов в отношении офицеров на фронте почти не было... В общем солдатская масса рассталась с офицерами дружелюбно»²⁰⁰.

Член правительства Б. Соколов отмечал: «Не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители)... Это явление тесно связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России. Здесь, на Севере, были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше само-

44

стоятельности, больше и чувства собственного достоинства»²⁰¹. «Кроме единичных случаев... отношения между солдатами и офицерами были дружелюбны... Несколько офицеров, особенно отличившихся своими боевыми действиями и известных большевикам своей активностью, были спасены солдатами...»²⁰²

Но главной отличительной чертой Северного фронта от всех остальных фронтов белого движения являлось то что основной цементирующей его силой были не столько офицеры, сколько войска интервентов. Так, через полгода после высадки союзников 1 января 1919 г. **в Северной Области (Архангельском и Мурманском фронтах) на 7,1 тыс. русских солдат и офицеров приходилось 23,2 тыс. солдат и офицеров интервентов**²⁰³. **А на 15 апреля 1919 г. на 24,5 тыс. русских — 21,5 тыс. интервентов**²⁰⁴. Дальнейшее увеличение русской армии было невозможно, поскольку доступные мобилизационные ресурсы области были полностью исчерпаны.

О расстановке сил в Северной Армии писал эсер Б. Соколов: «Все фронты были в полном подчинении у английского командования... Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где русскими силами, русским же

разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды... — все это было в руках у союзной комендатуры. Госпитали... были английские, персонал же смешанный, русский и английский. Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов»²⁰⁵. Ключевую роль интервентов подчеркивал и генерал Марушевский: «Восстания... только подтвердили необходимость наличия в отрядах хотя бы небольшого числа иностранных войск. Здесь важна была не сила, а наличие иностранного мундира, в котором простолюдин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоявшую за ним. Кроме того, хотя бы небольшая иностранная сила обеспечивала свободу действий каждого войскового начальника, охраняя его жизнь от покушений. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими соображениями о политических вкусах и идеалах нашего мужика»²⁰⁶.

Северо-западная Армия: *Русская Западная армия была сформирована при активном немецком участии, в ней насчитывалось «в общей сложности около 50 тысяч человек (вместе с около 40 тысячами немецких добровольческих частей), при переброске (в Россию, речь шла только о русских частях) осталось лишь 6-7 тысяч человек»*²⁰⁷. В. Горн давал описание этой армии: «Период немецкой учебы оказался весьма краток, а с русской стороны дело велось крайне беспечно и бестолково. Уже тогда, в момент зарождения белой армии, вскрылась одна психологическая черточка, которая сразу возмутила храбрых немецких инструкторов. Едва успев надеть погоны и шашку, русские офицеры начали кутить и бездельничать, *не все*, конечно, но... многие. Немцы только руками разводили, глядя на такую беспечность. Быстро стал пухнуть «штаб», всевозможные учреждения «связи», а солдат — ноль. Офицеров

45

в городе многое множество, но большинство из них желает получать «должности», сообразно с чином и летами. Немцы нервничают, ругаются. Если не изменяет память, так и топчутся на одном месте, пока на выручку не появляются перебежавшие от большевиков на маленьком военном пароходике матросы чудской флотилии и небольшой отряд кавалерии Балаховича — Пермыкина. К этим удравшим от большевиков частям позже присоединились небольшие кучки крестьян-добровольцев, затем насильственно забрали старших учеников гимназии, реального училища, — и армия была готова. Вся затея явно пахла авантюрой, и большинству обывателей даже в голову не приходило, что их жизнь и достояние будут зависеть только от успехов такой армии»²⁰⁸. Генерал Марушевский вспоминал: «Состав армии был до крайности пестрый и какой-то случайный. Видно было, что все это нуждается в настойчивой организационной работе, в огромных материальных средствах, в запасах обмундирования, обуви, теплой одежды. Ничего этого не было»²⁰⁹. При этом, как отмечал В. Горн: «Погоня за чинами имела... просто комические результаты. Благодаря системе взаимно-дружеского награждения, к концу северо-западной эпопеи в армии (без преувеличения) появились полковники почти юношеского возраста, а генералов на всю армию в 17 тысяч штыков насчитывалось 34, не считая дюжины тех, которых умудрились испечь уже после ликвидации армии»²¹⁰.

Армия Юга России: В сентябре 1919 г. У Черчилль сообщал своему кабинету министров: «Армии генерала Деникина господствуют на территориях, на которых живет не менее тридцати миллионов русских и которые включают третий, четвертый и пятый по значению города России. Вся эта территория вполне доступна для торговых сношений с Францией и с Англией. Торговля же является в данное время насущной потребностью их народонаселения. В распоряжении войск генерала Деникина — целая сеть железных дорог, находящихся в

сравнительно хорошем состоянии и нуждающихся лишь в подвижном составе. Жители этих районов устали от большевизма, испытав его по доброй воле или по принуждению. Нет никакого сомнения в том, что этот тридцатимиллионный народ, если бы только была возможность прибегнуть к плебисциту, подавляющим большинством голосов высказался бы против возвращения большевистского правительства Ленина и Троцкого. Больше того: генерал Деникин имеет в своем распоряжении армию, которая, хотя в основном и является добровольческой, быстро растет в своей численности, и в настоящее время в ней уже более 300 тыс. чел.»²¹¹

Сам Деникин был другого мнения. Он вспоминал, что на призыв Добровольческой Армии «отозвались... офицеры, юнкера, учащая молодежь и очень-очень мало прочих "городских и земских" русских людей. "Всенародного ополчения" не вышло. **В силу создавшихся условий комплектования армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый...** Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям

46

возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам»²¹².

В армии Деникина, наиболее боеспособной из всех белых армий, в период ее максимальной численности летом 1919 г. состояло 30 тыс. офицеров, 70 тыс. казаков, 10 тыс. горцев, всего 140 тыс. человек²¹³. Армия действительно носила классовый характер и целиком могла полагаться только на офицеров-добровольцев. Л. Спирин пишет: «...стоило только перейти к массовой мобилизации... как процент офицеров упал в 7-8 раз, и армия стала терпеть поражения»²¹⁴. На этот факт указывает и С. Волков: «На офицерском самопожертвовании во многом и держалось Белое движение...»²¹⁵ Например, даже «казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери в командном составе были очень велики»²¹⁶.

*Доля офицеров в Добровольческой армии и ее общая боевая численность*²¹⁷

	Весн ой 1918	Весн ой 1919	Осе нью 1919	Вес ной 1920
Доля офицеров	60- 70%	30%	10%	25- 30%
Численность армии, тыс. чел.	8,5	40	150	25

Численность Добровольческой армии резко выросла только с началом поступления «союзнической» материальной и финансовой помощи в начале 1919 г. Один из командующих Красной Армии Егоров в этой связи указывал, что «..деникинщина оказалась преимущественно одной из форм этой интервенции»²¹⁸. Деникин сам подтверждал этот факт: «Военное снабжение (от «союзников») продолжало поступать, правда, в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же это был главный, жизненный источник их питания»²¹⁹. Кадры армии были пополнены за счет насильственной мобилизации. Как указывал П. Петров: «К осени практически все офицеры, еще не вступившие в армию, были призваны по мобилизации. Этот контингент (меньшей численности, чем добровольцы) был, естественно, гораздо худшего качества: часть призванных офицеров была пассивна, слаба духом. Были случаи, когда

такие офицеры, отправляясь на фронт, просили выдать им удостоверения, что они служат по мобилизации»²²⁰. Деникин подтверждал: «занятие нами новых территорий... дало приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше — по принуждению»²²¹. Качество офицерского состава, как отмечал в связи с этим генерал А. Шкуро, резко ухудшилось, к тому же «первые добровольцы — горячие патриоты и идейные беспартийные сподвижники генерала А. Корнилова — были уже выбиты»²²².

47

Дальнейшее развертывание белых армий уперлось не в ограниченность материальных ресурсов, а в отсутствие доброкачественных пополнений. Чем дальше продвигалась белая армия, чем большую территорию захватывала, тем больше теряла свою боеспособность. Врангель вспоминал: «...для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном, изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления»²²³. Шульгин, ставший офицером, записывал: «Мы "отвоевали" пространство больше Франции. Мы "владели" народом в сорок миллионов с лишком... И не было "смены"? Да, не было. Не было потому, что измученные, усталые, опустившиеся мы почти что ненавидели тот народ... за который гибли. Мы, бездомные, безхатные, голодные, нищие, вечно бродящие, бесконечно разлученные с дорогими и близкими, — мы ненавидели всех. Мы ненавидели крестьянина за то, что у него теплая хата, сытный, хоть и простой стол, кусок земли и семья его тут же около него в хате... — Ишь, сволочь, бандиты — как живут! Мы ненавидели горожан за то, что они пьют кофе, читают газеты, ходят в кинематограф, танцуют, веселятся... — Буржуи проклятые! За нашими спинами кофе жрут! Это отношение рождало свои последствия, выражавшиеся в известных "действиях"... А эти действия вызывали "противодействие"... выражавшееся в отказе дать... "смену". Можно смеяться над "джентльменами", но тогда приходится воевать без "смены"»²²⁴. Генерал Шкуро в своих воспоминаниях приводит слова казака-кубанца: «Мы воюем одни. Говорили, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут, одни мы страдаем... Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы да мы, казаки...»²²⁵

В результате в белой армии «В 1919-1920 годах проводились насильственные мобилизации даже среди военнопленных. Последними доукомплектовывались и такие дивизии, как корниловская и дроздовская. Генерал А. Туркул, начальник дроздовской дивизии, вспоминал: «Батальон шел теперь на красных без офицеров. Одни солдаты, все из пленных красноармейцев, теснились толпой в огонь. Мне казалось, что это бред моей тифозной горячки, как идет в огне толпой, без цепей, наш второй батальон, как наши стрелки поднимают руки, как вбивают в землю винтовки штыками, приклады качаются в воздухе. Никогда, ни в одном бою у нас не было сдачи скопом. Это был конец...»²²⁶

О другой стороне быта Добровольческой армии вспоминал М. Оболенский: «Если в военной организации и в военных успехах Добровольческой армии за все время ее существования бывали колебания в ту или иную сторону, если во внутренней политике южнорусской власти происходили иногда перемены к худшему или к лучшему, то в области тылового быта и тыловых нравов мы все время эволюционировали в одну сторону, в сторону усиления всякого рода бесчестной спекуляции, взяточничества

48

и казнокрадства. Смена вождей и руководителей военных действий и гражданской политики нисколько на этом не отражалась. Если при Врангеле

тыловой разврат был еще значительно больше, чем при Деникине, то только потому, что Врангель был после Деникина, а не наоборот»²²⁷. Непосредственный участник событий кадет Н. Астров также отмечал эти особенности внутренней жизни правительства Деникина: «Насилие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, трусы и развратники на местах, люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неумение, лень и самоуверенность»²²⁸.

Сибирская армия: Кристаллизующую основу Сибирской армии составил чехословацкий корпус, численностью в 42-55 тысяч человек. Уже в июне 1918 г. Ллойд Джордж заявлял, что чехословацкие части «формируют ядро возможной контрреволюции в Сибири»²²⁴. Чехи в Сибири выполняли те же функции, что белые офицеры на Юге и войска интервентов на Севере России. Масштабная гражданская война в Сибири стала возможна только и исключительно благодаря участию в ней чехословацкого корпуса, который в начале войны составлял более 80% всех организованных вооруженных белых формирований в регионе. В то время сколько-нибудь крупных белых армий, не считая небольшой армии Комуча и многочисленных разрозненных банд в Поволжье, Сибири и на Востоке России не было. А. Деникин писал, что даже Комуч пришел «к власти на штыках чехословаков»²³⁰. К 1920 г. численность войск интервентов, не считая 170 тыс. японцев, составила около 100 тыс. человек²³¹. Интервенты составляли примерно 15% общей численности колчаковской армии и до 40% ее боевого состава.

Глава британской военной миссии в Сибири генерал Нокс так характеризовал колчаковскую армию: «Солдаты сражаются вяло, они ленивы, а офицеры не умеют или не хотят держать их в должном повиновении... Неприятель заявляет, что он идет на Омск, и в данный момент я не вижу ничего, что могло бы его остановить. По мере того как Колчак отступает, армия его тает, так как солдаты разбегаются по своим деревням...»²³² Американский дипломат Р. Моррис 6 августа в телеграмме госсекретарю США Р. Лансину выражал уверенность в неминуемой сдаче Омска, если большевистское наступление не прекратится. Американский генерал Грэвс сообщал в военное министерство о массовом дезертирстве среди офицеров. «Солдаты-новобранцы, писал он, бросают оружие и даже обмундирование, чтобы легче было отступать. Многие простреливают себе левую руку или ногу, чтобы быть отправленными в тыл»²³³. Э. Айронсайд вспоминал: «В том, что Колчак был прав, развернув наступление в зимнюю кампанию, я не сомневался. Удерживать недисциплинированные войска бездействующими на зимних квартирах в пределах Сибири означало подвергнуть их в полной мере воздействию большевистской пропаганды. В войсках Колчака были и добровольцы, но большинство попало в армию по воинской повинности, и перед весной могло начаться массовое дезертирство. Транспорт и запасы про-

49

довольствия к этому времени должны были иссякнуть, и он оказался бы в худшем положении, чем был зимой»²³⁴.

По мнению Ф. Мейбома: «В целом (в Сибирской армии) доля офицеров не превышала, видимо, 5% всех военнослужащих»²³⁵. С. Волков: «По качеству своему офицерство на Востоке отличалось от Юга все-таки в худшую сторону. Кадровых офицеров было чрезвычайно мало»²³⁶. Г. Эйхе также отмечал: «...В отличие от общепринятых критериев, по которым кадровыми считаются офицеры, получившие образование в объеме полного курса военных училищ, то есть до войны, здесь к ним относились все офицеры, произведенные по 1915 год включительно. Но и при таком подходе всех таких офицеров насчитывалось менее тысячи, а остальные 15-16 тысяч были производства 1916-1917 годов»²³⁷. Причем подавляющее количество старших офицеров было не добровольцами, а

вступило в армию по мобилизации. Ф. Мейбом вспоминал: «...В нашем полку, к моему удивлению, со стажем одного года гражданской войны был только я и больше никого... Вся дивизия, то есть ее состав, была мобилизована, включая и большинство офицеров, которые после Германской кампании осели и занялись другой работой, обзавелись семьями и, конечно, без особого удовольствия явились на призыв»²³⁸.

Тыл собственной армии характеризовал сам Колчак: «...дело не в законах, а в людях. Мы строим из недоброкачественного материала. Все гниет. Я поражаюсь, до чего все испоганились. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежи?!. И министры, честности которых я верю, не удовлетворяют меня как деятели. Я вижу в последнее время по их докладам, что они живут канцелярским трудом; в них нет огня, активности. Если бы вы вместо ваших законов расстреляли бы пять-шесть мерзавцев из милиции или пару-другую спекулянтов, это нам помогло бы больше...»²³⁹ 7 июня 1919 года колчаковский генерал Будберг записывал: «...С ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и действенности, фронт трещит, армия разваливается, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманина. Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной». «Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело». Но вместо этого повсюду «только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций»; «гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество... торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами»²⁴⁰.

Внутренний фронт: Его составили десятки подпольных офицерских организаций. Один из организаторов высадки интервентов на Севере России капитан Г. Чаплин вспоминал: «К маю 1918 года я не избег общей

50

участи и состоял в рядах «тайной» офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге имя было легион»²⁴¹. По всей стране действовали: «Национальный центр», «Тактический центр», «Всероссийский монархический союз», «Единая Великая Россия», «Союз фронтовых офицеров», «Петроградский союз георгиевских кавалеров», «Русское собрание», «Союз фронтовиков», «Народный союз защиты Родины и свободы», «Всероссийский союз офицеров», «Белый крест» и даже «Союз трудового крестьянства», созданный колчаковскими офицерами, «Туркестанский союз борьбы с большевизмом», «Петроградская боевая организация». Чисто вербовочные организации «Черная точка», «Все для Родины», «Союз реальной помощи» и т.д...

О целях подпольных белых организаций, на примере «Союза защиты Родины и свободы», свидетельствует приговор по делу А. Перхурова, который обвинялся в том, что «в целях идейного объединения местных организаций выработал и распространил программу организации, в которой ближайшей задачей поставлено свержение существующего правительства и организация твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией». То есть это была программа, которая идейно сплачивала все офицерские организации независимо от политических пристрастий». — заключает С. Волков²⁴².

Между тем большинство офицеров не участвовало в подпольных организациях. Г. Чаплин вспоминал: «Все жившие в Петербурге в первую половину 1918 года должны помнить, что в те дни представляла собой

обывательская масса. На большинство наших предложений ехать на север следовал вопрос о том ...сколько мы в состоянии платить жалованья и... отказ. Не имею права винить кого бы то ни было, но полная апатия, забитость и во многих случаях просто трусость, невольно бросались в глаза. Множество молодых, здоровых офицеров, торгуя газетами и служа в новых кафе и ресторанах, не верило в долговечность большевиков, еще меньше верило в успех восстания и возлагало все свои надежды на занятие Петербурга... немцами»²⁴³. Например, в Самаре к началу 1918 года было около 5 тысяч офицеров, но в организацию из них входило очень мало²⁴⁴.

После разгрома белых армий у большевиков остался страх перед «пятой колонной», так в письме ВЧК от 17 июня 1920 года отмечалось, что «забранные в плен белогвардейские офицеры, которых насчитывается до 75 000 человек, рассеялись по всей России и представляют собой контрреволюционное бродило»... После эвакуации из Крыма «более 300 тысяч врагов советской власти, в том числе и офицеров, рассеялись по всему Югу». Хотя на самом деле число оставшихся в России белых офицеров, к этому времени, составляло не более 40 тыс., в списке пленных белых офицеров Управления по командному составу Всеросглавштаба к 15 августа 1920 года числилось всего 9660 человек²⁴⁵. Тем не менее Подозрения большевиков отчасти были оправданы. «Офицеры

51

во главе с генералом А.Н. Козловским и бывшим командиром линкора «Севастополь» капитаном 1-го ранга бароном П.В. Вилькеном играли видную роль в Кронштадтском восстании... Тогда же... офицеры подняли мятеж в красных частях в Колчедане»²⁴⁶. В Хабаровске был раскрыт офицерский заговор, связанный с «Комитетом защиты родины и Учредительного Собрания»²⁴⁷. В 1922 г. раскрыт «Центр действия», в мае 1923 в Кубано-Черноморской области было раскрыто 4 белогвардейских организации, кроме этого были раскрыты белогвардейские группы в Вольске, Витебске, Пермской губернии, монархические в Томской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Иркутской и других губерниях. В Харькове существовала сильная офицерская организация, в «батальоне» которой состояло около тысячи человек²⁴⁸.

Может показаться, что эти зарисовки о фронтах Белых армий несут в себе определенную долю предвзятости, отнюдь. В Белой армии было немало примеров мужества и героизма, особенно в боевых, офицерских частях. Они были единственной реальной силой, противостоящей большевикам. «В области военной, — признавал Фрунзе, — они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего... В нашей политической борьбе — кто может быть нашим достойным противником? Только не слюнтяй Керенский и подобные ему, а махровые черносотенцы. Они способны были бить и крошить так же, как на это были способны мы»²⁴⁹. Аналогичное мнение высказывал и другой красный маршал Егоров: «Части белых армий во многих случаях действовали очень удачно. Офицерские части дрались упорно и ожесточенно...»²⁵⁰ Но нас интересует, в данном случае, не частности, а более общая картина, нам нужно знать причины поражения белой армии, а они, во многом, скрыты именно в ее общей психологии и идеологии.

Представление о численности вооруженных и обеспеченных «союзниками» белогвардейских войск, в период максимальной напряженности на фронтах Гражданской войны дает нижеприводимая таблица.

Численность белогвардейских армий в период их максимальной численности, в середине 1919 г.²⁵¹, Врангель — сентябрь 1920 г.²⁵²

	Колчак	Деникин	Юденич	Сев. Армия	Врангель
Всего, тыс. чел.	400- 680	270	50	55	300
Из них, на фронте	110- 145	150	18,5	20,3	50
<i>Штыков,</i> <i>тыс.</i>	96	107	17,8	20	
<i>Сабель,</i> <i>тыс.</i>	22,5	46	0,7	0,3	

52

Отношение к «белой армии» того класса, который она фактически защищала, передавал генерал М. Алексеев. Возмущенный поведением либералов и крупной буржуазии, которые, спровоцировав февральскую революцию и корниловский мятеж, бросили армию на произвол судьбы, он еще в сентябре 1917 г. писал: «Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову»²⁵³. От имени союза офицеров Алексеев требовал у Вышнеградского, Путилова и других крупнейших капиталистов, повернувших спиной к побежденным, немедленно собрать 300 000 рублей в пользу «голодных семей тех, с которыми они были связаны общностью идеи и подготовки»... Письмо кончалось прямой угрозой: «...генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие»... «Только в конце октября Корнилову привезли из Москвы около 40 тысяч рублей». Лидер либералов П. Милюков в это время вообще отсутствовал на политической арене: согласно официальной кадетской версии, он уехал «отдыхать в Крым»²⁵⁴.

После начала гражданской войны ситуация не изменилась. Примеры давал сам А. Деникин: «Главный вопрос, от которого зависело само существование армии, — денежный — оставался по-прежнему неразрешенным. Денежная Москва ограничилась «горячим сочувствием» и обещаниями отдать «все» на спасение Родины. «Все» выразилось в сумме около 800 тысяч рублей, присланных в два приема; и дальше этого Москва не пошла. Впоследствии, по мере утверждения советской власти и захвата ею средств буржуазии, неограниченные ранее финансовые возможности последней значительно сократились. Повторилось опять то явление, которое имело место в дни корниловского выступления»²⁵⁵. С подобным отношением белые армии сталкивались повсюду. Деникин приводил другой пример с Юга России. Он писал про добровольцев, которые «дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати — злобу, клевету и поношение»²⁵⁶.

М. Нестерович-Берг сообщал из Киева: «Обыватель веселился — пир во время чумы. Пусть где-то сражаются, нас это не интересует нисколько, нам весело, — пусть потоками льется офицерская кровь, зато здесь во всех ресторанах и шантанах шампанское: пей, пока пьется...»²⁵⁷ Аналогичная ситуация была в Сибири. Так, «во время пребывания в (белогвардейском) Омске Грэвс был поражен пренебрежительным, если не сказать больше, отношением населения и власти к больным и раненым воинам, которое он повсюду наблюдал. «Было

прискорбно

53

видеть этих несчастных, предоставленных самим себе», в то время как веселящаяся толпа («мы насчитали до тысячи танцующих») в омском парке «находилась в расстоянии не больше двадцати минут ходьбы от места, где умирали солдаты, умирали во многих случаях несомненно из-за отсутствия ухода за ними»¹⁵⁸.

А. Деникин приходил к полному разочарованию в том классе, за который он по сути посылал свои войска на смерть: «Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином и работником, и крестьянином и помещиком, и пролетарием и буржуем. Все требовали от власти защиты *своих* прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась цифрами ничтожными — в полном смысле слова. И в то же время претензии этих классов были весьма велики... Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожарища старой бюрократии репутацию передового человека. Предположено было привлечь его в Особое совещание. Прибыв в Екатеринодар, он при первом своем посещении представил мне петицию крупной буржуазии о предоставлении ей широкого государственного кредита под обеспечение захваченными советской властью капиталами, фабриками и латифундиями. Это значило принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников...»²⁵⁴

Красная Армия

Царская армия была распущена, а спустя несколько дней — 15 января 1918 г. вышел декрет СНК «Об Организации Рабоче-крестьянской Красной Армии», в котором говорилось: «Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе»²⁶⁰. Создание «рабоче-крестьянской армии» строилось на добровольной основе из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящегося класса». «Но, — как отмечает Деникин, — формирование новой классовой армии шло неуспешно, и совету пришлось обратиться к старым организациям: выделялись части с фронта и из запасных батальонов соответственно отсеянные и обработанные, латышские, матросские отряды и красная гвардия, формировавшаяся фабрично-заводскими комитетами»²⁶¹. Если отбросить лозунги

54

«мировой, европейской революции», то практическая нужда в создании Красной Армии была вызвана угрозой нового немецкого наступления и ответом на создание Добровольческой Армии. Именно в этом смысле, в январе 1918 года, Крыленко заявлял на III съезде Советов: «Красная армия в первую очередь предназначена для войн внутренних».

Только весной 1918 г., когда началась иностранная интервенция, ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. В октябре В. Ленин выдвинул требование о создании трехмиллионной Красной Армии. Враги наседали со всех сторон,

интервенты и белые имели больший военный опыт, чем мобилизованные красноармейцы. К тому же для экипировки и оснащения трех миллионов у Советов не хватало около двух миллионов винтовок, почти двух с половиной миллионов шинелей и сапог...²⁶² К концу 1918 г. в стране действовал 7431 военкомат. Всеобщая воинская повинность и обязанность всех граждан защищать социалистическое отечество были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г. Право защищать отечество с оружием в руках было предоставлено только трудящимся, нетрудовые элементы выполняли иные воинские обязанности. Именно объявление «всеобщей воинской повинности» можно считать переходом к полномасштабной гражданской войне, которая со стороны большевиков стала ответом на уже широко развернувшуюся иностранную интервенцию.

Основу Красной Армии на первом этапе составляла Красная гвардия, которая к моменту Октябрьской революции насчитывала почти 100 тысяч человек, раскиданных более чем по 100 городам. Местные Советы создавали еще отряды рабочей милиции. В то время Красная Армия представляла из себя стихийно созданные разношерстные, зачастую анархистские, полупартизанские отряды экзальтированных революцией солдат и матросов, вчерашних крестьян, которые, как и крестьяне в деревнях, грабили и мстили своим «обидчикам» и в первую очередь офицерам.

Между тем для формирования полноценной армии необходимы были специалисты, и большевики обратились за помощью к «союзникам». Столкнувшись с их откровенной враждебностью, большевики приступили к мобилизации офицеров царской армии. Ленин вспоминал: «Если бы мы не взяли их на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армию... И только при помощи их Красная армия смогла одержать те победы, которые она одержала... Без них Красной армии не было бы... Когда без них пробовали создать Красную армию, то получалась партизанщина, разброд, получалось то, что мы имели 10-12 миллионов штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы не способны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых»²⁶³.

В марте 1918 г. СНК узаконил привлечение в Красную Армию «военных специалистов». В первые дни наступления немецких войск в феврале 1918 г. в Красную Армию вступило добровольно свыше 8 тысяч бывших офицеров и генералов²⁶⁴. Часть офицеров выступила на стороне «красных» уже на следующий день после Октябрьской революции. Причина, по словам Троцкого, крылась в том, что «большое

55

число офицеров, которые не разделяли наших (большевистских) политических взглядов, но, связанные со своими частями («loyalement attaches»), сопутствовали своим солдатам на поле боя и управляли военными действиями против казаков Касанова»²⁶⁵. На деле мотивы вступления многих офицеров в Красную Армию были, видимо, глубже и скорее связывали офицеров «loyalement attaches» не с солдатами, а с народом.

Генерал генштаба А. Балтийский, одним из первых вступивший в Красную Армию, говорил, что и он, «и многие другие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым среди слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной Думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что же! Мы пошли с ними... Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство... и пришли к полному убеждению, что они правы, что они действительно строят государство»²⁶⁶.

Генерал А. Брусилов: «Понять мне их трудно. Я не сочувствую тем, кто разжигает братоубийственную борьбу. Но я считаю с интересами народа и твердо знаю: кто выступает против него, под любыми лозунгами и любыми фразами, — тот авантюрист. Правда, в конечном счете, всегда за народом, этому учит история». «Мы с вами принадлежим к очень небольшой части населения, которая, в силу разных обстоятельств, руководила, направляла жизнь государства, вырабатывала политику. Причем в последние десятилетия делала это настолько скверно, что завела страну в военный и экономический тупик». «Я подчиняюсь воле народа, он вправе иметь правительство, которое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти, но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю силы на благо горячо любимой Родины»²⁶⁷. При этом Брусилов долго отказывался вступать, как в Белую, так и в Красную Армию, поскольку «сражаться против соотечественников не способен. Мне больно даже слышать о том, что льется русская кровь, гибнут русские люди, слабеет наше Отечество»*.

Бывший военный министр Сухомлинов в 1924 г. издал в Берлине свои «Воспоминания», которые закончил следующим образом: «Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом (коммунистическим) правительство... Их мировоззрение для меня неприемлемо.

* В создании Красной Армии участвовали бывшие военные министры А. Куропаткин, А. Поливанов и Д. Шуваев, начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего В. Бонч-Бруевич, помощник начальника Генерального штаба Н. Потапов, начальник Главного артиллерийского управления А. Маниковский, командующие фронтами П. Балухев, А. Брусилов, В. Черемисов. Всего около 750 генералов — более трети всего генеральского корпуса России.

56

И все же медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, быть может, помимо их воли, по правильному пути к верной цели и новой мощи... Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский, Добровольский, свои силы отдали новому правительству в Москве. Нет никакого сомнения, что они это сделали, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению»²⁶⁸.

Однако офицеров добровольцев было относительно немного, основная часть офицеров привлекалась в Красную Армию по мобилизации. «На местах все офицеры брались на учет, причем им вменялось в обязанность регулярно являться к комиссарам и отмечаться, на документах у них ставился штамп «бывший офицер». Офицеры были лишены всех видов пенсий, таким образом, все кадровые офицеры и их семьи были лишены всяких средств к существованию»²⁶⁹. По данным С. Волкова, «в Москве при объявлении регистрации (14 августа 1918 года) в манеж Алексеевского училища в Лефортове явилось свыше 17 тысяч офицеров»²⁷⁰, которые тут же арестовывались, и многие из них нашли свой конец в тире соседнего Астраханского гренадерского полка»²⁷¹. «Офицеров объявили вне закона. Многие уехали на юг. Знакомые стали нас бояться»²⁷². В Москве было посажено в тюрьмы 15 тысяч офицеров, причем 10 тысяч из них сидели еще к январю 1919 года»²⁷³. То же было в Казани в начале 1918 года: «Город задыхался от зверств и ужасов Чека. Сотнями расстреливались невинные русские люди только потому, что они принадлежали к интеллигенции. Профессора, доктора, инженеры, то есть люди, не имевшие на руках мозолей, считались буржуями и гидрой контрреволюции. Пойманных офицеров расстреливали на месте. В Казань приехал главнокомандующий красной армией М.А. Муравьев. Он издал приказ, требующий регистрации всех офицеров. За невыполнение такового — расстрел. Я

видел позорную картину, когда на протяжении 2-3 кварталов тянулась линия офицеров, ожидавших своей очереди быть зарегистрированными. На крышах домов вокруг стояли пулеметы, наведенные на гг. офицеров... В Казани тогда было зарегистрировано 3 тысячи офицеров»²⁷⁴.

Для сравнения с «красной» приведем пример «белой» регистрации офицеров в Одессе, который давал Шульгин в 1919 г.: «Толпа... Сколько их? Никто не знает толком, называют самые фантастические цифры... Но не меньше двадцати пяти тысяч, наверное... Целая армия. И казалось бы, какая армия. Отборная... Да это только так кажется... На самом деле эти выдохшиеся люди, потерявшие веру, ничего не способны делать. Чтобы их «встряхнуть», надо железную руку и огненный дух... Где это?.. Все чувствовали тогда в Одессе, что так дальше нельзя. Разложение армии по тысяча и одной причине было ясно. Ясно было, что именно потому она и отступает, что наступила осень и зима не только в природе...»²⁷⁵

57

Летом 1918 советские вооруженные силы насчитывали 263,8 тыс. красноармейцев, 36,6 тыс. красногвардейцев, 21,9 тыс. партизан. Из них вооружены были только 199 тыс., обучены военному делу — 31 тыс., а готовы к немедленному выступлению—15,5 тыс.²⁷⁶ В октябре 1920 из 5 млн. военнослужащих 2,6 млн. находилось в военных округах, 390 тыс. в запасных армиях, 160 тыс. в «трудовых армиях» и только 1.780 тыс. на фронте, причем на главных фронтах (Польском и Врангелевском) было 581 тыс. чел, из них в боевых частях— 150 тыс.²⁷⁷ Социальный состав Красной Армии: в 1920 г. — 77,4% крестьян, 14,9% рабочих, 7% служащих и учащихся и др.²⁷⁸

В декабре 1918 г., как и в Белой армии, в Красной была открыта Военная академия генерального штаба*. Аналогично Белой армии, в Красной начала создаваться сеть военных училищ. За 1918-1920 годы было открыто более 150 школ и курсов и т.п., действовало 6 академий (Генштаба, артиллерийская, инженерная, медицинская, военно-хозяйственная и морская)²⁷⁴. Среди преподавателей в военно-учебных заведениях бывшие офицеры составляли свыше 90% всего персонала²⁸⁰. Часть бывших офицеров занималась обобщением опыта Первой мировой войны, для чего 13 августа 1918 года была создана Военно-историческая комиссия".

Бывшие офицеры составляли около 90% командующих фронтами, армиями, дивизиями Красной Армии, более 50% командиров от батальона до взвода, и почти 100% штабных должностей всех уровней. Ими же были все начальники артиллерии, связи, инженерных и саперных частей, командиры кораблей²⁸¹. Бывшие офицеры составляли 2/3*** всего командного состава²⁸². При этом А. Кавтарадзе отмечает, говоря о бывших офицерах, что «среди них членов партии большевиков насчитывались буквально единицы. Реввоенсовет Республики отмечал в 1919 году, что, «чем выше была командная категория, тем меньшее число коммунистов мы могли для нее найти...»²⁸³

По словам С. Волкова: «В целом благодаря мобилизации офицеров красным удавалось иногда даже превосходить своих противников по качеству комсостава»²⁸⁴. «Не говоря уже о петлюровцах и других национальных армиях, встречаются подобные мнения и относительно армии Колчака: «Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой — вы-

* В 1921 г. переименована в Военную академию РККА.

** «По описанию опыта войны 1914-1918 годов» под председательством генерала от инфантерии В.Н. Клембовского, а также Военно-морская историческая комиссия, подготовившая в том числе «Стратегический очерк войны 1914-1918 годов». (Волков С. В..., с. 328)

*** Все школы и курсы за 1918-1920 гг. закончили 39 914 человека, тогда как к декабрю 1920 года весь командный состав (начиная с командиров взводов) составлял 130 932 человек.

нужден подчиняться строгой дисциплине»²⁸⁵. Дисциплина и «преданность» офицерского корпуса обеспечивалась поистине драконовскими методами. Так, например, Ленин требовал: «усилить взятие заложников буржуазии и семей офицеров ввиду учащения измены»²⁸⁶. Он считал, что «позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку» офицеров по мобилизации. Приказом Троцкого в конце 1919 г. семьи служивших в Красной Армии военспецов объявлялись заложниками²⁸⁷.

Условия службы бывших офицеров были крайне тяжелыми, как сокрушался Бонч-Бруевич, «перелом в настроении офицерства и его отношении к Красной армии было бы легче создать, если бы не непродуманные действия местных исполкомов, комендантов городов и чрезвычайных комиссий»²⁸⁸.

Между тем, как отмечал В. Шульгин: «одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много»²⁸⁹. По данным А. Кавтарадзе, «самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии — корпуса офицеров Генерального штаба» в Красной Армии оказались 639 человек, что составляло около 24—33% всех офицеров Генштаба²⁹⁰. По подсчетам А. Кавтарадзе, в Красной Армии служило примерно 30% общего офицерского состава, в Белой — 40% и еще 30% в 1917 году оказались вне какой-либо армейской службы вообще*.

В начале гражданской войны, во время успехов белой армии, абсолютное большинство офицеров переходило из Красной Армии в Белую, но в конце войны ситуация изменилась на прямо противоположную 14 390 офицеров перешли из Белой армии в Красную (то есть каждый седьмой). А. Валентинов записывал: «Только на Кубани и в Новороссийске сдалось в общей сложности 10.000 офицеров. Почти все якобы живы. Советская власть будто бы прилагает все усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Многие уже служат в красных армиях. Ведущих, впрочем, агитацию против большевиков беспощадно расстреливают»²⁹¹. Егоров отмечает неясные симпатии к Советам, которые наблюдались и у довольно широкого слоя казачьего офицерства. «В силу этого в январе и феврале 1919 г. казачество целыми полками сдавалось и переходило на сторону красных. Так, 31 января в районе станицы Алексе-

* С. Волков приводит другие данные. 62% офицеров служило в Белой армии (без перешедших в Красную), 20% у большевиков, около 10% не участвовало в Гражданской войне, поскольку 2/3 из них были истреблены в 1917—1918 гг. (Волков С.В..., с. 398.) С. Волков, защищая белое офицерство, несколько предвзято относится к вопросу. Судя по массовым свидетельствам, приводимым отчасти им же самим, отчасти Деникиным и другими участниками и исследователями событий, значительная часть офицеров была пассивна в гражданской войне. Поэтому в вопросе о доле участия бывших офицеров в ней, видимо, Кавтарадзе значительно ближе к истине.

59

евской на участке 15-й дивизии сдались добровольно в полном составе 23-й, 24-й, 26-й, 27-й и 39-й казачьи полки...»²⁹² Деникин указывает, что среди самих казаков были агитаторы, которые побуждали кубанских казаков «...оставить ряды Добровольческой армии, которая «является виновницей гражданской войны». Ибо, не преследуй она «целей насаждения монархизма, давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику...»²⁹³

С развитием польской интервенции переход и вступление в Красную Армию бывших царских офицеров стал принимать массовый характер. Весной 1920 г. «Правда» обратилась с призывом к русским офицерам выступить против «польской контрреволюции». В состав созданного большевиками «Особого совещания...» вошли известные царские генералы А. Зайончковский, А. Поливанов, А. Цуриков и А. Брусилов. Они обратились с воззванием «Ко всем

бывшим офицерам, где бы они ни находились»: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и вызываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию»²⁹⁴.

Психологию офицеров и генералов, перешедших на сторону большевиков, в определенной мере выражал А. Брусилов: «Правительства меняются, а Россия остается, и все мы должны служить только ей по той специальности, которую избрали. Власть зависит от народа, пусть народ и решает. А мы все, от солдата до генерала, исполнители его воли»²⁹⁵. Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

Если у белых основную движущую и цементирующую силу армии составляли офицерство и интервенты, то какие же силы двигали Красной Армией?

Ответ вроде бы напрашивается сам собой — коммунисты. Но доля коммунистов в Красной Армии, по сравнению с офицерством в Белой, была ничтожной. На второй год гражданской войны в сентябре 1919 г. А. Егоров, командующий Южным фронтом, сообщал, что к нему по-

60

ступило пополнение около 33 000 человек. Партийцев был 1%, тогда как раньше коммунистов среди прибывающих часто не было вовсе²⁹⁶. Тем не менее, как отмечал Б. Соколов, именно коммунисты составляли цементирующую основу Красной Армии: «Для гражданской войны нужна какая-то особая, железная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и решили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цемент, который не позволял бы развалиться зданию от первого же ничтожного дождя, они этим цементом, вкрапленным в мельчайшие воинские единицы, поставили комячейки. Благодаря последним, они держали в своих ежовых рукавицах солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней. Что противопоставили им белые Правительства, белые армии? Увы! Как правило, весьма общее для большинства белых фронтов — белое командование обычно ограничивалось требованием прежней дисциплины, установлением прежних навыков. Оно не находило нужным считаться с законами гражданской войны. И внутренняя спайка армии редко где имела место и еще реже где культивировалась как необходимая для победы. Исключение составляли добровольческие части, но армия не могла состоять из них одних, ибо им были противопоставлены сотни тысяч регулярных войск красной армии»²⁹⁷. Но коммунисты никогда бы не смогли создать (сплотить) армию и тем более удержаться у власти, если бы они шли против естественного движения масс.

Именно стихийное движение народа обеспечило большевикам победу. Большевики не столько двигали массами, сколько сами шли за ними, постепенно придавая им организованную структуру. Это была вполне осознанная и прагматичная политика, Ф. Дзержинский определял ее следующим образом:

«Задача настоящего момента — разрушить старый порядок. Нас, большевиков, еще не так много, чтобы выполнить эту историческую задачу. Надо предоставить возможность действовать революционной стихийности стремящихся к освобождению масс. В свое время мы, большевики, укажем массам путь, по которому надо следовать... Обретают голос массы, восстающие против классовых врагов, против врагов народа. Мы здесь только для того, чтобы... направить в нужное русло действия масс, в которых говорит ненависть и законное желание угнетенных отомстить своим угнетателям»²⁹⁸. Генерал Брусилов, который провел у большевиков четыре месяца в тюрьме и под домашним арестом, сохранял тем не менее объективность и редкую проницательность, утверждая, что будущее принадлежит красным, поскольку «они выражают волю народной массы. Разгулявшейся, бунтующей, опьяненной свободами массы. Большевики по крайней мере пытаются организовать ее, повести за собой. Наши бывшие друзья живут прошлым и сражаются за прошлое. А это шатко и бесперспективно»²⁹⁹.

Стихийное движение масс предопределило характер Советской власти, поскольку, как отмечал А. Грациози, большевики не только подчиняли себе стихию, но и сама стихия оказала на них свое влияние:

61

«...важное значение приобрело всемерное выдвижение кадров из народа, позволявшее черпать ресурсы среди масс населения, чего не хотели и не могли делать белые. Именно этим путем плебейская революция, тот первый большевизм... проникла в структуры власти и оставила на них свой отпечаток»³⁰⁰.

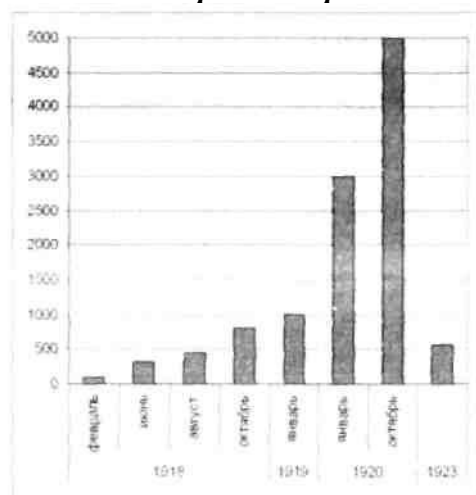
Опора на массы принесла победу Красной Армии, но не гарантировала ее. Победа была достигнута в отчаянной, невероятной по тяжести борьбе. А. Егоров вспоминал: «Борьба пролетарской революции с силами, противопоставленными ей, разрешилась в положительную для пролетариата России сторону, но можно ли на основе этого сказать, что в любой момент хода этой борьбы партия, армия, весь пролетариат могли спокойно ждать развязки, уверенные в благополучном исходе? Без проявления бешеной, нечеловеческой энергии, напряжения всех сил трудящихся, без железного руководства твердой, сплоченной Ленинской партии и без правильного стратегического руководства нашими операциями — нельзя было рассчитывать на успех. Жизнь ставила задачи неслыханной трудности, и мы видим, как разрешение их нашей стратегией имело часто условный, а иногда и ложный характер. Следствия же таких неверных решений бывали очень близки к катастрофе»³⁰¹.

Белая армия была разбита, кровопролитная гражданская война была закончена. При этом Шульгин отмечал еще один ее результат: «Прежде всего, мы научили их, какая должна быть армия. Когда ничтожная горсточка Корнилова, Алексеева и Деникина била их орды, — била потому, что она была организована на правильных началах — без "комитетов", без "сознательной дисциплины", то есть организована "по-белому", — они поняли... Они поняли, что армия должна быть армией... И они восстановили армию... Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется "во имя Интернационала", — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они восстановили русскую армию... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведов... Ленин мог бы пить за "здоровье учителей", эти учителя — мы... Мы били их до тех пор, пока они не выучились драться... И к концу вообще всего революционного процесса Россия, потерявшая в 1917 г. свою старую армию, будет иметь новую, столь же могущественную...»³⁰² В этой связи представляет интерес ход мыслей американского посла Фрэнсиса, пытающегося заглянуть в будущее: «Что будет, когда Россия победит, а эта гигантская организованная сила (*Красная армия*) останется «без дела?»³⁰³ Революционная армия Наполеона в свое время пошла завоевывать Европу, Кромвеля грабить Ирландию. Троцкий после окончания

гражданской войны хотел послать Первую Конную на помощь Афганистану и Индии, чтобы организовать революцию там. Ленин выступил резко против. Большевики, провозглашая мировую революцию, сразу после гражданской войны сократили свою армию почти в десять раз...

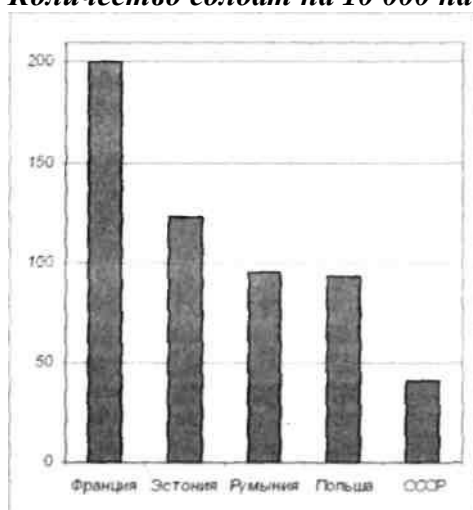
62

Численность Красной Армии тыс. чел.

К 1924 г. у большевиков была одна из самых скромных армий в Европе.

Количество солдат на 10 000 населения в 1924 г.³⁰⁴

63

На фронтах гражданской войны сошлись не только красные и белые, был и еще один участник войны, который по численности порой превосходил обе противоборствующие армии вместе взятые и был не хуже их вооружен пушками, пулеметами, бронепоездами. И белые, и красные считали его гораздо более опасным противником, чем даже друг друга...

Русский бунт

«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».
А. Пушкин

Именно эта мысль остановила декабристов в 1825 г. от обращения к народным массам. Простояв на морозе на Сенатской площади, декабристы так и не тронулись с места, только продемонстрировав свой протест. Выступление декабристов вошло в историю, как «стоячая революция!»³⁰⁵ Причину этой

пассивности раскрывал Штейнгель: «В России революция в республиканском духе еще невозможна: она повлекла бы за собой ужасы. В одной Москве из 250 тыс. тогдашних жителей 90 тысяч было крепостных, готовых взяться за ножи и пуститься во все неистовства...»³⁰⁶ К аналогичным выводам приходил и А. Керсновский: «Трудно сказать, что произошло бы с Россией в случае удачи этого восстания. Обезглавленная, она бы погрузилась в хаос, перед которым побледнели бы и ужасы пугачевщины. Вызвав бурю, заговорщики, конечно, уже не смогли совладать с нею. Волна двадцати пяти миллионов взбунтовавшихся рабов крепостных и миллиона вышедших из повиновения солдат смела бы всех и все...»³⁰⁷

В 1857 г., после поражения России в Крымской войне, Кавелин писал Герцену: «Недовольство всех классов растет, в особенности озлоблена масса офицеров, высылаемых из гвардии и армии, по случаю усиленного сокращения войск, на голодную смерть. Какое-то тревожное ожидание тяготит над всеми, но ожидание бессильное: словом, все признаки указывают в будущем, по-видимому недалеко, нас ожидает страшный катаклизм, хотя невозможно предсказать, какую он примет форму и куда нас поведет». Рязанский предводитель дворянства сообщал министру внутренних дел: «Неизвестно, что нас ожидает в будущем, тем более что войск, кроме двух батальонов, во всей губернии нет. Все распущенные из полков солдаты рассыпаны по деревням и при первом случае станут во главе всякого беспорядка»³⁰⁸. Неслучайно крестьянские «бунты» того времени вызвали шок в царской администрации и «имели капитальное значение в истории крестьянской реформы» 1861 года.

В 1880 г. вспышка революционного террора, последовавшая за русско-турецкой войной, привела в смятение правящие классы. В тот год К. Леонтьев указывал, что «если бы русский народ доведен был пре-

ступными замыслами, дальнейшим подражанием Западу или мягкосердечным потворством до состояния временного безначалия, то именно те крайности и те ужасы, до которых он дошел бы со свойственным ему молодечеством, духом разрушения и страстью к безумному пьянству, разрешились бы опять по его же собственной воле такими суровыми порядками, каких мы еще и не видавали, может быть!». «Для спасения России» он призывал: «...*подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не «гнила»...»³⁰⁹ Эту попытку сделал Лорис-Меликов, который после подрыва террористами Зимнего дворца 5 февраля 1880 г. был назначен фактическим диктатором России. Он в частности применил полевой устав к политическим делам. И Россию действительно «подморозили». Не случайно Д. Мережковский позже писал, что: «Русская монархия... — обледенелая анархия»³¹⁰. К. Победоносцев в 1900 г. говорил Николаю II, «что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее дуновение весны — и все рухнет»³¹¹.

В 1905 г., в первом номере «Народной свободы», лидер кадетов П. Милюков утверждал: «От настроения нейтральных элементов в значительной степени зависит судьба русской революции... Оттуда, из этих низов, выходят погромы и аграрные пожары... Туда надо идти, чтобы иметь право пророчествовать о будущем русской революции»³¹². Мнение лидера кадетов исходило из его собственного опыта Первой русской революции, когда он впервые в реальности столкнулся с этими низами — народом. «Между тем последний для этих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 г. появился во всей своей стихийной силе, — писал С. Витте. — Сила эта основана и на численности и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы»³¹³. Эта сила не ставила перед собой каких-

либо идеологических или государственных целей и не была как-либо организована, то есть носила полностью стихийный характер. Главными требованиями крестьян была «земля и воля».

В июле 1915 года на партийной конференции кадетов их лидер говорил: «Требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?» Они «играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... *Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Это была бы... вакханалия черни...*»³¹⁴

В 1917 г. Февральская революция, сломав государственную структуру, высвободила эту стихию уже вооруженной крестьянской массы. Шульгин писал о ней, как о «*взбунтовавшемся море*»³¹⁵. К Октябрю крестьяне силой взяли себе долгожданную «землю» и ободренные этим успехом уже не требовали, а стремились силой получить еще более

65

долгожданную «волю». Правда, М. Покровский отмечал, что «о "воле" в том смысле, как понимала это слово интеллигенция, крестьянство думало весьма мало — вызвав у одного наблюдателя горькое замечание, что девиз "земля и воля" можно было бы укоротить — только "земля»³¹⁶. Под интеллигентской волей М. Покровский понимал введение революционного самоуправления, примеров которого крестьянство не давало «ни одного»³¹⁷. Однако крестьянство и не ставило цели какой-либо более глубокой самоорганизации кроме общины, и понимало волю по-своему. Ее определение дал в «Живом труп» Толстой: «свобода» — это нечто имеющее пределы, установленные законом; воля не имеет пределов...»³¹⁸ Наивно было бы ожидать, тем более во время войны и революции, от неграмотной крестьянской массы установления, каких-то западных форм самоуправления.

А. Грациози назвал первый этап, начавшийся с февраля 1917 г., «плебейской» революцией: «Когда государство вступило в последнюю стадию своего распада, крестьяне тут же взяли инициативу в собственные руки. Программа их была проста: минимальный гнет со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, черный передел, о котором грезили поколения крестьян... Они почти совершенно перестали платить налоги и сдавать поставки государственным уполномоченным. Все больше молодых людей не являлись на призывные пункты, многие солдаты стали дезертировать. Сверх того, за несколько месяцев крестьяне разрушили еще остававшиеся помещичьи имения, уничтожали владения буржуазии, а также большинство ферм, созданных в ходе столыпинских реформ»³¹⁹. П. Милуков отмечал: «Конечно, русский солдат со времен Суворова показал свою стойкость, свое мужество и самоотверженность на фронте. Но он же, дезертировав с фронта, проявил с не меньшей энергией свою исконную преданность земле, расчистив эту свою землю от русских лэндлордов... Когда-то русский сатирик Салтыков отчеканил казенную формулу отношения крестьянина к тяготевшим над ним налогам: "йон достанет"... "Вековая тишина" таила в себе нерастраченные силы и ждала, по предсказательству Жозефа де Местра, своего "Пугачева из русского университета"»³²⁰.

После февральской революции «крестьянский бунт» стремительно набирал обороты. «К ноябрю 1917 г., — пишет Е. Иллерицкая, — 91,2% уездов оказались охваченными аграрным движением, в котором все более преобладали активные формы борьбы, превращавшие это движение в крестьянское восстание. Важно отметить, что карательная политика Временного правительства осенью 1917 г. перестала достигать своих целей. Солдаты все чаще отказывались наказывать

крестьян...»³²¹ Гаккебуш-Горелов писал, что в 1917 году «мужик снял маску... «Богоносец»* выявил свои политические идеалы: он не признает никакой власти, не желает платить *податей* и не согласен *давать рекрутов*.

* Русский народ по Достоевскому

66

Остальное его не касается»³²². В.Станкевич вспоминал, что после февраля «масса... вообще никем не руководится... она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации...»³²³ И. Бунин, записал в своем дневнике, что «всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были... бунтари против всех и вся...»³²⁴ По словам И. Майского: «...когда великий переворот 1917 г. (февральский) смел с лица земли старый режим, когда раздались оковы и народ почувствовал, что он свободен, что нет больше внешних преград, мешающих выявлению его воли и желаний, — он, это большое дитя, наивно решил, что настал великий момент осуществления тысячелетнего царства блаженства, которое должно ему принести не только частичное, но и полное освобождение»³²⁵. В. Булдаков, отмечая, что с революцией в низах воцарились «дичайшая анархия, лишенная всех сдерживающих начал», «всеобщий развал, ставший подобным природному бедствию»... даже приходит к радикальным выводам, что «гражданская война выросла из хаоса и далеко не сразу приобрела черты двухполюсности. Есть основание всерьез задуматься, а существовала ли она в ставшем хрестоматийным виде где-либо вообще, кроме перевозбужденных «красных» и «белых» голов и написанных под влиянием их эмоций учебников?»³²⁶

Высвобожденная крестьянская стихия, как пыль, смела и кадетов, и Временное правительство, и царских генералов... Что представляла из себя русская армия в 1917 г. — более 90% вчерашние крестьяне, озверевшие от войны. Интересен и поучителен в данном случае пример приводимый У. Черчиллем о демобилизации английской армии: «Конечно, имелись налицо и такие факторы, которых никто не мог учесть и которые до сих пор еще ни разу не проявлялись. Почти 4-миллионная армия была по приказу властей сразу освобождена от железной военной дисциплины, от неумолимых обязательств, налагаемых делом, которое эти миллионы считали справедливым. В течение нескольких лет эти огромные массы обучались убийству; обучались искусству поражать штыком живых людей, разбивать головы прикладом, изготавливать и бросать бомбы с такой легкостью, словно это были простые снежки. Все они прошли через машину войны, которая давила их долго и неумолимо и рвала их тело своими бесчисленными зубьями. Внезапная и насильственная смерть, постигавшая других и ежеминутно грозившая каждому из них, печальное зрелище искалеченных людей и разгромленных жилищ — все это стало обычным эпизодом их повседневного существования. Если бы эти армии приняли сообща какое-нибудь решение, если бы удалось совратить их с пути долга и патриотизма, не нашлось бы такой силы, которая была бы в состоянии им противостоять...»³²⁷ Только за одну неделю с начала демобилизации из различных пунктов Англии поступили сведения о более чем тридцати случаях неповиновения среди войск, настоящие бунты вспыхнули в Лютоне и в Кале.

67

И это в Англии, не знавшей войны на своей территории и толп беженцев, не истощенной до предела, как Россия, со стабильной властью. Что говорить о России, разоренной войной, с революционным хаосом и безвластием. Не революционные партии: ни кадеты, ни социалисты или большевики, — и не

белые генералы определяли к октябрю 1917 г. политику русского государства, она целиком подчинялась требованиям разгулявшейся стихии, и не было силы, способной ей противостоять.

Об этом в мае 1917 г., еще до первого появления большевиков на сцене революции, генерал Алексеев в своих ответах говорил на вопросы Мих. Лемке:

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии... Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вытерпеть все до конца, вот наше предназначение, вот что нам предопределено...

— Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой Армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. ***Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками...***

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху хоть нашей наносной культуры? — спросил Лемке.

— Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю, хотя бы о моменте демобилизации Армии. Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, который никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет; все так-де будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет...* А между тем, к окончанию войны у нас не будет

* Военный министр В. Сухомлинов докладывал Николаю II о проблеме мобилизации еще в июне 1915 г. — в период отступления русских армий: «Уроки событий после японской войны должны послужить указанием для организации демобилизации после этой войны, — что будет несравненно труднее, так как коснется не части армии, а всех вооруженных сил... Для благоприятного течения демобилизации уже необходимо приступить к подготовительным работам». (Сухомлинов В.А..., с. 338.)

68

ни железных дорог, ни пароходов, ничего — все износили и изгадили своими собственными руками»³²⁸.

В. Шульгин писал о тактике Временного правительства в этих условиях: «Мы все проталкивали Керенского к власти... своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев... Он изображал всероссийского диктатора. Надо быть поистине талантливым актером, чтобы играть эту роль...»³²⁹ Точно так же на гребне волны плясали и лидеры Советов... результат был вполне предсказуем. Большевики чудом удержались на гребне волны, и то только потому, что плыли по течению, то есть исполняли волю той самой стихии, дав ей землю и мир.

Крестьянские восстания и бунты сопровождали все буржуазные революции, в том числе и в Англии, и во Франции. Предпосылкой возникновения бунтов была обострявшаяся нехватка земли, вследствие роста сельскохозяйственного населения, отягощавшаяся сохранением экстенсивных, традиционных методов ведения хозяйства. Совершавшийся в это время переход от феодальных, общинных форм хозяйствования к капиталистическим приводил к массовому

обнищанию крестьянства, превращению его в пауперов. Кризисы и разорения, приносимые революциями, радикализывали ситуацию и неизбежно приводили ее к крестьянскому бунту. Однако нигде он не приобрел такой силы, как в России. Тому было четыре основные причины:

На первую указывал один из основоположников анархизма М. Бакунин в 1873 г.: «В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать как на необходимые условия социальной революции... Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля принадлежит народу... Вторая, столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине...; третья черта...—это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству... Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись... Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню...»³³⁰ Л. Толстой подтверждал: «Русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы, — он всегда смотрел на власть не как на благо, а как на зло...»³³¹

О второй причине, плотно пересекавшейся с первой, писал накануне 1917 года Н.Бердяев: «Россия — самая государственная и бюрократическая страна в мире... Интересы государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории... Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран... Бюрократия развилась до размеров чудовищных... И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своим законам, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни». В то же время «Россия — страна

⁶⁹ безграничной свободы духа. Эту «внутреннюю свободу русского народа, которую он не уступит ни за какие блага мира»... «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия — страна *бытовой* свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Россия — фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачевщины... страна мятежная и жуткая в своей стихийности...»³³²

Бердяев ссылается на Белинского, который писал: «Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы пить вино, бить стекла и вешать дворян»³³³ В 1917 г. в диппочте, идущей на Запад, о русских говорилось: «Когда у него ослабевает узда, малейшая свобода его опьяняет. Изменить его природу нельзя — есть люди, которые пьяны после стакана вина. Может быть, это происходит от долгого татарского владычества. Но ситуация именно такова. Россия никогда не будет управляться английскими методами. Парламентаризм не укоренится... (у них)»³³⁴.

М. Палеолог 13 января 1917 г.: «Вне царского строя, то есть вне его административной олигархии (в России) ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок...» Французский посол видел в этом кардинальное отличие России от Запада. За две недели до Февральской революции он записывает: «На какую ни стать точку зрения политическую, умственную, нравственную, религиозную — русский представляет собой всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим

добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости... Нет излишеств, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили «утвердить свою свободную личность»... Можно отчаяться во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!»³³⁵

В-третьих, менталитет русских крестьян (солдат) отличался от европейских, еще Наполеон возмущался тем, что русские ведут войну не по правилам, пройдет немногим более ста лет, и уже Гитлер обвинит русских в нарушении тех же правил войны. Во время Второй мировой, после того как боевые действия переносились на территорию противника, российское командование было удивлено тем, что, как в свое время во Франции и позже в Германии, «правила войны» действительно были другими. Русская война не по «правилам» выражалась в массовом партизанском движении. В других странах, за исключением, пожалуй, Греции и бывшей Югославии, таких масштабов партизанской войны не знали. Создание партизанских отрядов говорит о том, что стихия русского кре-

70

стьянства самостоятельно приобретала некий начальный, зачаточный организационный порядок, исторически основанный на неофициальных формах самоуправления русского крестьянства. Во время гражданской войны он выразился не столько в организации самоуправления или партизанских отрядов, сколько в создании многочисленных банд «зеленых» и различных атаманов, которые воевали против всех.

В-четвертых, «условия для их формирования, — пишет В. Шамбаров, — сложились подходящие — огромные коммуникации, небольшие гарнизоны, много "бесхозного" оружия. И демобилизованных солдат, хорошо умеющих с ним обращаться. И партизанское движение родилось само собой, уже без всякого инициирования. В Белоруссии начал действовать отряд деда Талаша в Петриковском районе, знаменитые партизаны Дукорской пуши, Рудобельских лесов... По Украине загуляли Махно, Котовский и прочие "бабки". Да и "мирные" крестьяне отнюдь не спешили отдавать хлеб и скот по спущенным им разнарядкам. А в итоге без каких-либо активных операций центральные державы вынуждены были в критическое лето 18-го держать на Востоке свыше 50 дивизий»³³⁶. Численность махновской армии была сопоставима с численностью всех казачьих армий — до 40 тыс. человек³³⁷. Махновцы контролировали целые области и крупные города, такие как Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, Екатеринослав.

После разгрома белогвардейцев красные далеко еще не стали хозяевами на освобожденных территориях. Глубинные сельские местности Украины все еще находились под контролем сотен больших и малых отрядов банд и «зеленых». В отличие от «черных орлов» России, украинские зеленые, чьи отряды состояли в основном из дезертиров, были хорошо вооружены. Даже летом 1920 года в той же армии Махно насчитывалось около 15 тысяч пехоты, 2500 кавалеристов, сотня пулеметов, 20 орудий и два бронепоезда³³⁸. Крестьянская армия Григорьева насчитывала почти 20 тыс. бойцов, с 50 орудиями, 700 пулеметами, в апреле — мае 1920 г. взяла целый ряд городов Южной Украины: Черкасы, Херсон, Николаев, Одессу и некоторые другие. Свои цели Григорьев декларировал следующим образом: «Вся власть Советам народа Украины!», «Украина для украинцев без большевиков и евреев!», «Раздел земли», «Свобода предпринимательству и торговле»³³⁹. Почти 20 тыс. партизан атамана Зеленого удерживали чуть ли не всю Киевскую губернию, за исключением важнейших

городов...

Общая численность только активных участников «крестьянского бунта» переваливала за 3 млн. человек, то есть на первом этапе гражданской войны превышала численность белой и красной армий вместе взятых в несколько раз. Десятки крестьянских формирований численностью до нескольких тысяч человек воевало против всех почти в каждой губернии Юга России и Сибири.

«Крестьянский бунт» стал третьим, отдельным фронтом гражданской войны. Он, по признанию Ленина и Троцкого, представлял

71

«во много раз превышающую» угрозу со стороны всех белых, «сложенных вместе»... Но для белых он представлял еще большую угрозу, здесь в силу вступал еще, почти на животном уровне, классовый антагонизм. Член Учредительного собрания Толстой писал в то время: «...В армии неблагополучно. Отряды не получают продуктов и проводят реквизиции у крестьян. Часты случаи расправ с крестьянами. У них отбирают помещичьих лошадей и коров, это сопровождается поркой и террором. Офицеры снова надели погоны и кокарды. Все это приводит крестьян и солдат в такой ужас, что они искренне теперь хотят возвращения большевиков... На его вопрос, почему они это делают, ему отвечали, что большевики все же их народная власть, а там царем пахнет. Опять придут помещики, офицеры и опять будут нас бить. Уж пусть лучше бьет — так свой брат»³⁴».

Подавление «крестьянского бунта» рассматривалось обеими сторонами как неизбежное условие существования самого государства. И это несмотря на то, что многие крестьянские атаманы, типа Махно, время от времени переходили на сторону красных или белых. Тем не менее они, как союзники, представляли еще большую угрозу, чем противник. Например, в Сибири «белый» атаман Г. Семенов отказывался признать верховную власть Колчака, угрожая объявлением автономии Восточной Сибири. Атаман прервал телеграфное сообщение Омска с Дальним Востоком, задерживал и грабил поезда, забирал из казначейства деньги³⁴¹. Войска у Семенова жили «поборами, грабежом и деньгами, полученными от японцев». Японцы держали его под своим контролем, и «Семенов делает именно то, чего они от него хотят»³⁴².

На Юге России ситуация была еще хуже «Наибольшее зло, — писал белый генерал Драгомиров, — это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка. Это типичный разбойник, которому суждена, несомненно, виселица. Принимать их к нам и сохранять их отряды — это только порочить наше дело. При первой возможности его отряд буду расформировывать»... Драгомиров считал необходимым поставить борьбу с бандитизмом на первый план, ибо «ни о каком гражданском правопорядке невозможно говорить, пока мы не сумеем обеспечить самое элементарное спокойствие и безопасность личную и имущественную...»³⁴³ Американец Франк Кинг писал про нравы атаманов в колчаковской Сибири: «Бежавшие из Хабаровска от тирании атамана Калмыкова русские выглядят полоумными от тех ужасов, которые им пришлось пережить от безумных калмыковцев. В защиту беспощадно расстреливаемых русских вынуждены были вступить американские войска...»³⁴⁴

Лидеры белого движения не смогли подавить народной стихии и вернуть ее в русло государственности. Деникин по этому поводу писал: «Если у нас в тылу бушевали повстанчество и бандитизм, то и линия наступающего советского фронта не смела повстанцев, а только перекинулась через них, и они работали теперь в тылу советских армий. Тот же Махно, который ранее приковывал к себе 17, наших корпусов, в конце

72

декабря перейдя в гуляй-польский район, вклинился между частями 14-й

советской армии, наступавшей на Крым»³⁴⁵. Таким образом подавление «русского бунта» оказавшегося в тылу большевиков, ложилось целиком на плечи победителей...

Но в гражданской войне в России, кроме белых, красных и крестьянских повстанцев, была еще четвертая сила, еще один участник, который не принимал активных действий, тем не менее именно его присутствие играло самую главную решающую роль в развязывании, затягивании гражданской войны и в степени ее ожесточения...

Интервенция

*Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя, наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок.
Когда наставит пушек жерла!
Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит...*
А. Блок «Скифы». 50 января 1918 г.

«Самба... подчеркивал эффективность русской помощи и категорично заявил: «Скажите без боязни, что, не будь России, нас бы захлестнула волна неприятельского нашествия. Имейте это в виду каждый раз, когда натолкнетесь на то или другое последствие внутреннего режима этой великой страны».

*Р. Пуанкаре, президент Франции, 1915 г.*³⁴⁶

В России после Октября 1917 г. на глазах у Запада происходило нечто совершенно невероятное. Черчилль вспоминал:

«В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже

73

после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу...

Но Россия упала на полдороге, и во время этого падения совершенно изменила свой облик. Вместо старого союзника перед нами стоял призрак, не похожий ни на что существовавшее до сих пор на земле. Мы видели государство без нации, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором. Оно отвергло обязательства, вытекавшие из договоров; оно заключило сепаратный мир; оно дало возможность снять с восточного фронта миллион немцев и бросить их на Запад для последнего натиска. Оно объявило, что между ним и некоммунистическим обществом не может существовать никаких отношений, основанных на взаимном доверии, ни в области частных дел, ни в области дел государственных, и что нет необходимости соблюдать какие-либо обязательства. Оно аннулировало и те долги, которые должна была платить Россия, и те, которые причитались ей. Как раз в тот момент, когда наиболее трудный период миновал, когда победа была близка и бесчисленные жертвы

сулили наконец свои плоды, старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти «безымянное чудовище», предсказанное в русских народных преданиях...»³⁴⁷

Г. Уэллс: «Большевики начали фундаментальную перестройку социально-экономического порядка в России со слепой верой и абсолютно к ней неподготовленные. Правительства Западной Европы и Америки мало что знали об этом и не могли оказывать им помощь, а тем более направить этот небывалый эксперимент. Пресса развернула кампанию дискредитации, а правящие классы решили любой ценой устранить новоявленных узурпаторов. На глазах всего мира велась безудержная пропаганда: большевистских вождей представляли кровавыми монстрами, грабителями и развратными чудовищами, по сравнению с которыми распутинский царский двор выглядел сонмом непорочных ангелов. Перепуганные враги большевиков организовывали против обессиленной страны военные экспедиции, не брезгуя самыми подлыми способами борьбы»¹⁴⁸.

Политика «союзников» в отношении большевиков и России была однозначно определена уже в первые месяцы после Октябрьской революции. Об этом свидетельствует краткая хронология развития событий тех дней:

30 ноября 1917 г. госсекретарь США Лансинг указывает американскому послу в России Фрэнсису исследовать возможность формирования на юге России армии для противоборства большевикам³⁴⁹.

1 декабря Клемансо требовал от Хауза начать военную интервенцию в Россию и настаивал на посылке на русский Дальний Восток японских экспедиционных сил³⁵⁰. Клемансо «считал интервенцию крайне необходимой, не только потому, что она сделает свое дело, но и потому, что по его мнению, она поднимет настроения французского народа больше,

74
чем что-либо другое, и что народ нуждается в моральной поддержке в час испытаний»³⁵¹.

3 декабря Военный кабинет принял решение, что «правительство Великобритании готово поддерживать любой ответственный орган власти в России, который активно выступает против движения максималистов (большевиков), и в то же время свободно финансирует в разумных пределах такие органы по мере их готовности помочь делу союзных держав»³⁵². По мнению Д. Дэвиса и Ю. Трани, «подобная политика подстрекала к гражданской войне и подразумевала определенного рода вмешательство Великобритании во внутренние дела России»³⁵³.

4 декабря Лансинг в своем меморандуме заявил, что большевики являются «опасными радикальными социалистами-революционерами», угрожающими Америке и мировому порядку, и сделал вывод (позднее уже никогда не менявшийся), что большевизм деспотичен, бесчестен, безрассуден и беспринципен в своих методах. Он создает авторитарную систему, насильно созданную и поддерживаемую, возглавляемую самозванными представителями одного-единственного класса и поставившую своей целью свержение и замену капитализма крайней формой социализма (экстремистской формой пролетарского деспотизма)»³⁵⁴. Уильямс утверждал, что в течение пяти недель после большевистской революции «американские руководители приняли решение об интервенции как о целенаправленной антибольшевистской операции». «Лансинг для прекращения отношений с большевиками воспользовался аргументом о том, что большевики — агенты Германии. Однако на самом деле он никогда в это не верил»³⁵⁵.

9 декабря лорд Бальфур, английский министр иностранных дел, относительно продолжающегося немецкого наступления в России говорил: «Немцы еще не скоро освоятся на оккупированных территориях... Простое перемирие между

Германией и Россией в течение еще многих месяцев не поможет удовлетворить германские нужды за счет снабжения из России. Мы должны постараться, чтобы этот период затянулся вероятно дольше»³⁵⁶. Ллойд Джордж вспоминал: «Мы рассматривали вопрос о мерах содействия антигерманским частям, которые существовали в отдельных районах России. Трудно было осуществить это, не создавая представления о том, что мы ведем войну против создавшегося в Петрограде большевистского правительства»³⁵⁷.

14 декабря протокол британского военного кабинета № 298 предписывал не отказывать в запрашиваемых деньгах для поддержки в юго-восточной России сопротивления центральным властям, то есть большевикам³⁵⁸. В тот же день Англия и Франция предоставили генералу Каледину 10 млн. ф. ст.³⁵⁹ для создания армии в 2 миллиона человек. Шеф британской разведки предлагал: «Каледин должен быть поддержан как глава самой большой оставшейся лояльной по отношению к союзникам организации в России. Либо он, либо румынский король должны обратиться к Соединенным Штатам с просьбой о посылке двух дивизий в Россию — номинально для помощи в борьбе против немцев, а на са-

75

мом деле для создания сборного пункта лояльных прежнему правительству элементов. Решительный человек даже с относительно небольшой армией может сделать очень многое»³⁶⁰. Британский посол был другого мнения. Бьюкенен, встретившись со сподвижниками Каледина, определил их как авантюристов. Посол говорил, что ставка на brave генерала (но наивного политика) грозит превратить Россию в германскую колонию³⁶¹.

21 декабря Военный кабинет Великобритании подготовил меморандум, в котором отмечалось: «В Петрограде союзники должны немедленно вступить в контакт с большевиками через посредство неофициальных агентов. Мы должны показать большевикам, что не желаем вмешиваться во внутренние дела России... Но мы считаем необходимым поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом... Было бы желательно убедить южную русскую армию возобновить войну. Но это, по-видимому, невозможно. Нашей первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск... Необходимо, чтобы США также приняли участие в расходах. Помимо этих финансовых вопросов, необходимо, чтобы мы имели своих агентов и чиновников, а также чтобы мы могли воздействовать и оказывать поддержку местным правительствам и их армиям. Необходимо это делать по возможности тихо, чтобы никто не смог нас обвинить, что мы готовимся к войне с большевиками»³⁶². Ллойд Джордж объяснял: «Трудность заключалась в том, что любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России»³⁶³. В случае неизбежности военной интервенции она должна была произойти под предлогом защиты России от германского вторжения.

23 декабря, одновременно с постановлением о поддержке «местных правительств и их армий», Англия и Франция заключили конвенцию, разделив Россию на сферы вторжения. «Французам предоставлялось развить свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря...; англичанам — на востоке от Черного моря, против Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона должна была состоять из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская — из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана»³⁶⁴.

В тот же день британское руководство постановило оказать помощь в формировании Добровольческой армии генерала Алексеева, «так как генерал Алексеев предложил в Новочеркасске программу, которая предполагает

организацию армии для осуществления враждебных действий против врага и просил о предоставлении кредита в миллион ф. ст. с одновременным предложением организации международного контроля...»³⁶⁵ Эти действия были предприняты вопреки рекомендациям большинства экспертов³⁶⁶.

2 января 1918 г. генералу Алексееву (который был уверен, что «народ тоскует по монархии»³⁶⁷), было выделено республиканской Францией

76 100 млн. франков. В оправдание действий союзников Ллойд Джордж заявлял: «Мы желаем, чтобы большевики отказались от своей пропаганды на территориях союзных стран. Они хотят, чтобы мы отказались от всякой помощи или содействия всяким военным силам или политическим организациям в России, которые не пользуются их одобрением. Наше требование связано с отказом большевиков от их открыто провозглашенных принципов, тогда как их требование заставило бы нас оставить на произвол судьбы наших союзников и друзей»³⁶⁸.

9 января Франция начинает реализацию «конвенции»: предоставляет денежный заем враждебной советской власти Украинской раде и назначает при ней главу своей военной миссии официальным французским представителем³⁶⁹.

10 января Вильсон подписывает доклад госсекретаря Лансинга (от 10 декабря) о предоставлении тайной поддержки британским и французским инициативам, направленным против Советской власти³⁷⁰. Речь шла о помощи Каледину. Поскольку Каледин и его сторонники не являлись признанными де-юре, закон запрещал предоставление им займов, Лансинг подчеркивал важность «избежать огласки намерений Соединенных Штатов продемонстрировать симпатии к движению Каледина, а тем более предоставить свою финансовую помощь»³⁷¹. Поэтому помощь оказывалась через Англию и Францию. В начале января американский консул Д. Пулл прибывает в Ростов для тайных переговоров с генералами Калединым и Алексеевым³⁷².

18 января Генеральный штаб главного командования армиями Антанты принял резолюцию «О необходимости интервенции союзников в Россию»: «...Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее... Необходимо срочно прийти к соглашению в целях установления принципов интервенции в России, уточнения распределенных обязанностей, обеспечения единого руководства. Это соглашение должно быть первым этапом в деле организации мира»³⁷³.

30 января Бальфур призывает послать Японии предложение на оккупацию Сибирской железной дороги³⁷⁴.

26 февраля союзный главнокомандующий маршал Фош в своем интервью, появившемся в американской печати, заявил, что «Америка и Япония должны встретить Германию в Сибири — они имеют возможность это сделать»... С этого времени союзная пресса повела усиленную агитацию за поддержку японской интервенции. Французские политические круги наряду с голосом французской печати усматривали в оккупации Японией Сибири «справедливое наказание для большевиков за аннулирование долгов и заключение сепаратного мира»³⁷⁵.

5 марта Газета «Daily mail» настаивала на приглашении Японии в Сибирь и создании из Азиатской России противовеса Европейской России³⁷⁶.

77

6 марта британские морские пехотинцы высаживают десант в Мурманске.

23 марта Межсоюзнический военно-морской совет рассмотрел вопрос о возможности отправки союзнической военной экспедиции в Мурманск и Архангельск с целью защиты боевых запасов, складированных в данных портах. В ноте № 17 совет выразил надежду, что операции военно-морских сил в

Мурманске будут продолжены в целях удержания данного порта в распоряжении союзников как можно дольше³⁷⁷.

5 апреля японский адмирал Като высадил десант во Владивостоке. Страны Антанты объявили этот десант простой полицейской предосторожностью, приписав его инициативе японского адмирала³⁷⁸.

7 апреля французской военной миссии пришло указание: «Не содействуйте русской армии, она станет угрозой общественному строю и может оказать сопротивление Японии»³⁷⁹.

12 апреля Военный кабинет одобрил план британской оккупации Мурманска, которую следовало провести по возможности с согласия Советов. Хотя этот проект был заблокирован американским военным представителем генералом Т. Блиссом, Британия решила поступить по-своему.

2 мая Англия представила на рассмотрение Верховному военному совету Антанты (нота № 25) план переброски к Мурманску и Архангельску около двадцати тысяч чехов из Чехословацкого легиона. План был одобрен.

27 мая «союзные» военные атташе собрались в Москве и единодушно признали, что необходимо вмешательство со стороны союзников в русские дела³⁸⁰. В то же время англичане высаживают десант в Новороссийске, французы в Одессе.

1 июня Англия добилась от В. Вильсона согласия на участие в интервенции. 3 июня Верховный военный совет принял совместную ноту № 31 — «Союзническая интервенция в русские союзные порты»³⁸¹.

6 июля чехословацкие отряды после уличного боя с советскими отрядами захватили Владивосток³⁸².

Задержка с интервенцией (с октября 1917 г. до июля 1918 г.) объяснялась несколькими причинами. Во-первых, в стане союзников не было полного единодушия относительно интервенции, против нее, например, активно выступал В. Вильсон. Помощник президента Хауз тогда писал: «Я по крайней мере чувствую себя правым, когда советую, что буквально ничего не должно быть сделано, прежде чем мы не выразим нашего сочувствия усилиям России объединиться на почве окрепнувшей демократии и не предложим нашей финансовой, промышленной и моральной поддержки любым возможным способом»³⁸³. Во-вторых, в России не было еще достаточно значимых белогвардейских формирований, на которые можно было бы опереться для успеха интервенции и для ее формальной легализации. В-третьих, необходимо было еще закончить Первую мировую войну, и Россия могла в этом сыграть свою роль.

78

Именно поэтому до середины 1918 г. «союзники» занимались лишь подготовительными мероприятиями. Этот этап в полной мере отражает политика, проводимая послами и представителями стран-«союзников» в России:

В отличие от Февральской революции после Октябрьской новое правительство не было признано «союзниками». Даже общаться с большевистским правительством они предпочитали через своих неофициальных представителей. Англия отзывала своего посла, «его заместителем остался Локкарт, который первоначально явился горячим противником интервенции и сторонником соглашения с Советской властью. Эта политика Локкарта находила поддержку в лице представителя французской миссии в России капитана Садуля, который также стремился к сближению с советской властью; в течение февраля и марта ему удавалось в значительной мере нейтрализовать влияние своего посла Нуланса... Все эти три лица, то есть Садуль, Локкарт и Робинс, стремились добиться от своих правительств признания Советской власти, так как этим они думали удержать ее от подписания Брестского мира»³⁸⁴. Были ли их отношения к большевистской России искренни? Для Садуля, по-видимому, да, он вскоре сам

стал коммунистом и во Франции был заочно приговорен к смертной казни, но позднее оправдан Военным советом³⁸⁵.

Очевидно, что и американский представитель Р. Робинс также был сторонником признания большевиков. «На протяжении многих дней я был единственным наделенным полномочиями американцем — уверен, что и единственным среди союзников, — видевшим во всем большевистском правительстве какую-то возможность спасения. В конце концов, все более или менее пришли к согласию с моей точкой зрения. Однако теперь слишком поздно»³⁸⁶. Причем, прежде чем стать неофициальным американским представителем, Робинс, несмотря на прямой запрет президента, на свой риск продолжал вести предварительные переговоры с Троцким. Робинс, как и Садуль, назвал большевистскую революцию «кардинальнейшим моментом в жизни всего мира»³⁸⁷.

С Локкартом было сложнее. Англия панически боялась германо-русского сближения, к которому могла подтолкнуть слишком настойчивая антибольшевистская политика. Именно поэтому министр иностранных дел Бальфур заявлял, что внутренние дела России, если они не связаны с войной, Великобритании не касаются. Выбор в пользу большевизма — дело самой России, а не Великобритании. Нежелательно ни полное признание, ни разрыв отношений. Бальфур отзывался о большевиках как о правительстве де-факто. Он не видел смысла копаться в прошлых грехах — в нарушениях договоров, отказе от долгов или оставленных без присмотра военных запасах. Точно такие же отношения были бы установлены с любым другим существовавшим в России правительством де-факто. Какими бы ни были расхождения между Великобританией и большевиками, они могли прийти к взаимному согласию отно-

сительно недопущения эскалации милитаризма в Центральной Европе. На этом основании большевики отказались бы от поставок Германии. Это также позволило бы Великобритании осуществлять в Россию необходимые поставки, не опасаясь при этом, что они попадут в руки Германии³⁸⁸. «Я, — заявлял Бальфур, — придерживаюсь четкого мнения, что нам выгодно как можно дольше воздерживаться от открытого разрыва с этой безумной системой. Если это означает дрейфовать по волнам, значит, я сознательно выбираю дрейфующую политику...» Большевики, указывал Бальфур, не собираются воевать с Германией и, возможно, ни с кем другим. Зачем толкать их в руки Германии? Без активного содействия русских Россию будет нелегко организовать или перетряхнуть, тем более что от германских войск сразу избавиться не удастся. Германия еще много месяцев будет способна обеспечивать свои нужды. На протяжении всего этого периода не следует разжигать враждебность большевиков³⁸⁹.

К. Кибл комментировал английскую политику того времени следующим образом: «Правительство Ленина рассматривалось как не более чем мимолетная стадия политического развития России». Первым делом предстояло выяснить: «Если большевики полны решимости заключить мир, можно ли было повлиять на условия мира, чтобы свести к минимуму ухудшение дел союзников? Если большевистская власть была еще не полной, могли ли русские офицеры, известные враждебностью к большевикам, быть побуждены способом денежной и вещественной помощи к продолжению борьбы?»³⁹⁰ Именно поэтому, как писал Локкарт, «инструкции у меня были самые неопределенные. Я нес ответственность за установление отношений. Я не должен был иметь никаких полномочий». «Однако, кроме того, — пишет К. Кибл, — при назначении Локкарта ему были поставлены две основные задачи: мешать ходу переговоров (Брестских) и собирать информацию о мощи и перспективах большевистского правительства».

Локкарт работал профессионально и, как пишет Кибл, отношения между

Локкартом и Троцким были настолько близки, что «мало кто из послов ее величества в Советском Союзе имел счастье установить»³⁹². По сообщению Локкарта, Ленин понимал общность российских и союзнических интересов перед лицом германской угрозы. Но Ленин опасался союзнической интервенции, «убежденный, что их настоящая цель — уничтожение системы Советской власти», он хотел получить гарантии будущего признания³⁹³. 2 февраля 1918 г. Локкарт сообщал: «В настоящее время большевистское правительство не одобряет идею разрыва отношений с Англией. Доказательством этого является его нежелание сделать достоянием гласности наши интриги в этой стране, о которых ему хорошо известно»³⁹⁴. Американский представитель Джадсон также сразу после революции телеграфировал: «Троцкий заверил, что иностранцев будут охранять»³⁹⁵. В начале марта английские войска высадились в Мурманске, но большевики и после этого пытались найти путь для мирного

80

диалога. Локкарт в марте 1918 г. докладывал в Лондон: «Вы не можете ожидать от большевиков теплых слов в отношении британских капиталистов. Они и без того еще удивительно вежливы с нами»³⁹⁶.

По словам У. Черчилля: «28 марта Троцкий сообщил Локкарту, что он не возражает против вступления в Россию японских сил для противодействия германскому натиску, если только в этом выступлении будут участвовать другие союзники и дадут со своей стороны некоторые гарантии. Он просил, чтобы Великобритания назначила британскую военную комиссию для реорганизации русского Черноморского флота и выделила британского офицера для контроля за русскими железными дорогами. Как говорили, даже Ленин не возражал против иностранного вмешательства, имеющего целью борьбу с немцами, если союзники дадут гарантии, что они не будут вмешиваться во внутренние дела России»³⁹⁷. 7 апреля Черчилль в секретном послании военному кабинету предлагал уговорить Россию возвратиться в строй воюющих держав... Предложив сохранить «плоды революции», можно восстановить пугающую немцев войну на два фронта. «Давайте не забывать, что Ленин и Троцкий сражаются с веревками вокруг шеи. Альтернативой пребывания у власти для них является лишь могила. Дадим им шанс консолидировать их власть, немного защитим их от мести контрреволюции, и они не отвергнут такую помощь».

Ленин выступил на стороне Троцкого: «Ленин поддержал меня, — вспоминал Троцкий, — со всей решительностью: «уполномочить товарища Троцкого принять помощь разбойников французского капитала против немецких разбойников», и только «Бухарин настаивал на недопустимости входить в какие бы то ни было соглашения с империалистами»³⁹⁹. 5 марта, накануне VII съезда партии, принявшего ленинскую формулировку Брестского мира, Троцкий, минуя Ленина, направил союзникам ноту, в которой говорилось: «В случае, если Всероссийский съезд советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление, может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии? Какого характера помощь может быть оказана в ближайшем будущем и на каких условиях?»⁴⁰⁰ Большевики требовали от союзников не обещаний, а конкретных действий, подтверждающих их лозунги «защиты демократии и мира» — признания и конкретной материальной, военной помощи для продолжения войны.

Локкарт в свою очередь «настаивал на том, что сотрудничество союзных держав с Лениным должно базироваться не на любви, а на расчете»⁴⁰¹. Очевидно, что таких же прагматичных принципов придерживались и большевики по отношению к «союзникам». Троцкий заявлял, «что взаимоотношения (с союзниками) можно построить на послевоенных взаимных коммерческих

интересах, а не на «платонических симпатиях к русскому народу, в которых меня хотят убедить американские

81

империалисты»⁴⁰². Для «союзников», привыкших к самопожертвованию царской и либеральной России во время Первой мировой войны, такая ее позиция была внове. Поняв, что традиционная «дешевая империалистическая политика» не дает результата, в начале лета 1918 г. Локкарт, как до него и Бьюкенен, пришел к выводу, что «единственная помощь, которую мы можем получить от России, — это та помощь, которую мы выйдем из нее силой при помощи наших собственных войск». Вчерашний адвокат договоренности с большевиками стал летом 1918 г. апологетом интервенции: «Союзная интервенция будет иметь своим результатом контрреволюцию, имеющую большие шансы на успех. Определенные партии готовы поддержать нас в том случае, если мы будем действовать быстро. Если же мы не выступим немедленно, они неизбежно обратятся к Германии»⁴⁰³. «В любом случае, — писал Локкарт, — необходимо с величайшей возможной поспешностью продвигать интервенцию»⁴⁰⁴.

Аналогичные переговоры Троцкий вел и с французами. «Генерал Лавернь говорил, что французское правительство считаете теперь с фактом заключения Брестского мира и хочет лишь оказать нам вполне бескорыстную поддержку при строительстве армии»⁴⁰⁵. Но уже «после подписания Советами 19 февраля Брест-Литовского мира Нуланс нашел, что нельзя больше «рассчитывать на советскую армию для восстановления Восточного фронта... Во имя наших интересов и нашей чести всякое сотрудничество французских офицеров в качестве инструкторов красных войск должно быть отныне воспрещено». В связи с этим заявлением Деникин с издевкой писал о своих союзниках: «Честь» находилась в такой зависимости от «интересов», что после 19 февраля она приобретала иное внутреннее содержание, чем до 19-го...»⁴⁰⁶ Локкарт шел дальше; в конце мая он информировал Лондон: «Большевистское правительство скоро падет, приглашения к интервенции от него не дожидаться, момент для интервенции подходящий. Интервенция — единственное средство защиты британских интересов в России»⁴⁰⁷. Об этих интересах сообщал и Блисс: «Мне кажется, есть свидетельства стремления наших союзников, чтобы Соединенные Штаты сами провели экспедиции туда, где после войны только у них возникнут какие-то особые интересы. Соединенные Штаты должны максимально сберечь свою армию от потерь и при этом преследовать единственную цель — победу над Германией, не связываясь с теми союзниками, у кого множество прочих целей»⁴⁰⁸.

У американцев относительно большевистской России боролись три линии. Первую озвучивали глава военной миссии Джадсон и руководители миссии Красного Креста, которые полагали, что большевики, взяв власть, перестали быть немецкими шпионами и превратились в оборонцев, а их полупризнание поможет восстановить фронт. Генконсул Саммерс, напротив, призывал однозначно и публично отказать Советам в признании. В итоге победила третья точка зрения — посла Фрэнсиса, предлагавшего не делать ничего в ожидании неизбежного со дня на день падения большевистского режима⁴⁰⁹. Однако уже 23 февраля 1918 г.

82

Фрэнсис писал своему сыну о целях своего пребывания в России: «Сепаратный мир явится тяжелым ударом по союзникам, но если какая-либо часть России откажется признать право большевистского правительства заключать такой мир, я постараюсь установить контакт с нею и помочь восстанию»⁴¹⁰.

2 мая 1918 года Фрэнсис телеграфировал в Госдеп: «По моему мнению, пришло время для союзнической интервенции. Я полагал, что Советское правительство само попросит об этом, и осторожно начал действовать в этом

направлении... поощряя развитие дружеских деловых отношений с большевиками..., предложив помощь союзников в создании новой армии, поскольку я уже говорил вам о своей уверенности, что в дальнейшем смогу влиять на эту армию... Я полностью сознаю всю важность своей рекомендации о необходимости интервенции, которую даю сейчас...»⁴¹¹ Спустя несколько недель американский посол докладывал: «В течение месяца я не получал ответа на свою телеграмму от 2 мая с рекомендацией начать интервенцию. Я решил ехать в Петроград, желая продемонстрировать немцам и австрийцам, что у американского правительства все еще есть представитель в России, который не боится их. Кроме того, мне хотелось посмотреть, как продвигается отправка снаряжения и боеприпасов из возможной зоны досягаемости немцев. Но это были лишь предлоги для поездки в Петроград. Подлинной же целью было выяснение того, существует ли организованная оппозиция большевистскому правительству»⁴¹²,

4 июля Фрэнсис использовал дипломатический прием, который он устроил в Вологде, «как удобный случай для обращения к русскому народу, которое было опубликовано в вологодской газете «Листок». Я заказал 50 тысяч копий, отпечатанных по-русски в виде листовок для широкого распространения»⁴¹³. Это был уже не первый опыт американского посла по распространению провокационных листовок. Еще 2 мая, указывая, что выступает за интервенцию, Фрэнсис «выпустил несколько заявлений и деклараций, пытаясь поднять русский народ на борьбу с Германией, но их тираж был весьма ограничен»⁴¹⁴. Американский посол вел подрывную пропаганду в не признанном его страной государстве, вел открытую подготовку интервенции и гражданской войны и при этом требовал, чтобы большевики обеспечивали его дипломатический статус. Легко можно себе представить реакцию Госдепа на попытку посла любой страны провести такие же акции в США. В большевистской России Фрэнсису все сходило с рук...

Деятельность представителей и послов Англии, Франции, США, как нельзя лучше характеризовал У. Черчилль. Правда, он писал о политике США в послевоенной Европе, но принципы, сущность этой деятельности нисколько не меняются от смены местоприложения в послевоенной Европе или постреволюционной России: «Расхаживать среди масс дезорганизованных и разъяренных людей и спрашивать их, что они об этом думают или чего бы они хотели, — наиболее верный

83

способ для того, чтобы разжечь взаимную борьбу. Когда люди помогают в таких делах, которых они не понимают и в которых они почти не заинтересованы, они, естественно, усиливают себе возвышенное и беспристрастное настроение. «Познакомимся со всеми фактами, прежде чем принять решение. Узнаем обстановку. Выясним желания населения». Как мудро и правильно все это звучит! И однако, прежде чем комиссия, в которой в конце концов остались одни лишь американские представители, проехала треть пути через обследуемые ею местности, — почти все заинтересованные народы подняли вооруженное восстание...»⁴¹⁵ В случае с Россией так же очень мудро и правильно звучали слова «союзников» и самого У Черчилля о приверженности демократическим принципам и обязательствам, но результат был тот же, что и в послевоенной Европе.

«Союзные» послы и представители занимались не только подрывной деятельностью, например, американский посол еще дезинформировал и провоцировал свой Госдеп и президента, донося, что «Германия через Мирбаха полностью контролирует большевистское правительство, и Мирбах фактически является диктатором, поскольку все разногласия, даже между русскими, выносятся на его суд...»⁴¹⁶ Фрэнсис продолжал: «для представителей союзников в

Вологде было давно очевидным: большевистское правительство находится полностью под влиянием Германии». Но тут же Фрэнсис заявлял: «В то же время большевики в Москве ясно показывали большое желание установить хорошие отношения с союзническими миссиями, и особенно с американским посольством»⁴¹⁷. То есть, по Фрэнсису, большевики, находясь под влиянием Германии, стремились установить хорошие отношения с союзниками?

30 июля 1918 г. Фрэнсис докладывал: «Россия — огромная страна с безграничными ресурсами; ее населяют двести миллионов человек, которые необразованны, но преданно любят свою страну. Я несколько раз выступал с заявлениями, стараясь поднять русских против Германии, но число воспринявших этот призыв лиц очень ограничено». Фрэнсис полагал, что «к американцам в России относятся лучше, чем к другим иностранцам. Здесь ощутимо предубеждение относительно других союзных правительств. Русские считают, что Англия, Франция и Япония намерены подчинить себе ресурсы и людскую мощь России, а большевики делают все возможное, чтобы усилить эти подозрения. Наши цели пока не рассматриваются как эгоистичные». Но активная подрывная деятельность американского посла достигла своей цели. Уже в конце августа (19-го) Фрэнсис докладывает в Вашингтон, что Ленин и Троцкий все чаще «называют американское правительство империалистическим и капиталистическим. Большевистские ораторы, поступая таким образом, находят тысячи слушателей, которые верят им»⁴¹⁸.

Даже Бейли писал, что Фрэнсис вводил Вильсона в заблуждение, и называл посла «дилетантствующим и недалёковидным». Уорт считал его «персонажем типа Бэббита» и метко цитирует Локкарта, утверждавшего, что «старина Фрэнсис не отличит левого эсера от картошки»⁴¹⁹.

84

А может быть, американским послом двигала не «наивность» и был прав французский посол Нуланс, когда писал: «Взгляды его (Фрэнсиса) были наивно империалистическими. По его мнению, американский народ должен исполнить высшую миссию... Бесцеремонность г-на Фрэнсиса не знала предела»⁴²⁰.

Сам Нуланс в своей «посольской» деятельности ушел еще дальше Фрэнсиса. Например, он сообщал: «Берлинское правительство приказало народным комиссарам принять в Москве так называемый полицейский корпус из тысячи человек для охраны немецкого посольства. Это была настоящая немецкая оккупация столицы. Большевистское правительство понимало, что перевести наши посольства и дипломатические миссии в Москву значило пойти на серьезные конфликты. Главным было оставить нас в Вологде, но каждое посольство получило охранника, несмотря на наши протесты. Поставив часового возле нашей двери, местный Совет обращался с нами как с заключенными, позволяя пройти к нам только тем, кто имеет подпись революционного исполкома. Мы могли только отвергнуть такой возмутительный способ контроля — история дипломатии цивилизованных народов не знала подобных примеров»⁴²¹.

На самом деле это была откровенная ложь. После покушения на немецкого посла Мирбаха германское правительство действительно запросило согласия русского правительства на допущение батальона германских солдат для охраны германского посольства. Уже на следующий день, 15 июля, ВЦИК утвердил ответ Ленина: «Подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками. На такой шаг мы вынуждены были бы ответить... усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению... эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания»⁴²².

При этом Чичерин, «принимая во внимание возможную опасность, грозящую представителям держав Антанты», пригласил послов переехать в Москву, так как «Советское правительство считает Москву единственным городом, где возможно обеспечить безопасность представителей данных стран»⁴²³. Но союзнические миссии приняли решение ехать не в Москву, а в Архангельск; большевики им не препятствовали. Тем не менее Чичерин еще несколько раз в более чем учтивой форме обращался к Фрэнсису как дуайену дипломатического корпуса с предложением переехать в Москву и наладить отношения с Советским правительством. Он был настолько настойчив, что Фрэнсис полагал, что «у Чичерина, похоже, сложилось впечатление, что после нашего отъезда из Вологды Советское правительство будет располагать американским послом»⁴²⁴.

Положение большевистской партии к лету 1918 г. стало критическим. По всей стране вспыхивали крестьянские мятежи и голодные рабочие

85

забастовки. Численность ВКП(б) уменьшилась до 150 тыс. человек. Настроение того времени охарактеризовал Троцкий в разговоре с германским послом В. Мирбахом: «Собственно, мы уже мертвы, но еще нет никого, кто мог бы нас похоронить»⁴²⁵. Сам Мирбах пришел к выводу, что «далее поддерживать большевиков нет никакого смысла». 25 июня он сообщал министру иностранных дел: «мы, безусловно, стоим у постели безнадежно больного человека. Большевизм скоро падет... В час падения большевиков германские войска должны быть готовы захватить обе столицы и приступить к формированию новой власти. Альтернативой могли бы быть монархисты, но они потеряли ориентацию и заботятся лишь о возвращении своих привилегий. Ядром будущего (прогерманского) правительства должны стать умеренные октябристы и кадеты с привлечением видных фигур из бизнеса и финансов»⁴²⁶.

Ссылка на кадетов была не случайной. После объявления кадетов партией «врагов народа» в декабре 1917 г. лидер либералов П. Милюков бежал с Дона и в Киеве вступил в контакт с командованием германских войск. «Ориентация Милюкова на немцев вызвала сильнейшее возмущение в ставке Добровольческой армии и навсегда подорвала его авторитет среди офицерства...» Сам Милюков объяснял свой поступок тем, что он был «уверен если не в полной победе немцев, то во всяком случае в затяжке войны, которая должна послужить к выгоде Германии, получившей возможность продовольствовать всю армию за счет захваченной ею Украины... На западе союзники помочь России не могут». Между тем немцам «самым выгоднее иметь в тылу не большевиков и слабую Украину, а восстановленную с их помощью и, следовательно, дружественную им Россию». Поэтому он надеялся «убедить немцев занять Москву и Петербург, что для них никакой трудности не представляет», и помочь образованию «всероссийской национальной власти»⁴²⁷. Левый кадет князь В.А. Оболенский при встрече с Милюковым в мае 1918 года спросил: «Неужели вы думаете, что можно создать прочную русскую государственность на силе вражеских штыков? Народ вам этого не простит». В ответ лидер кадетов «холодно пожал плечами. — Народ? — переспросил он. — Бывают исторические моменты, когда с народом не приходится считаться»⁴²⁸.

В ноябре 1918 г. П. Милюков получит приглашение на состоявшееся в городе Яссы совещание «союзников» с представителями антибольшевистской России, которое должно было определить пути дальнейшей борьбы против советской власти. Его противоантантовский (германский) «зигзаг» был прощен: — У Милюкова так много заслуг перед союзниками, — сказал Сент-Олер, — что на последнее отступление мы смотрим как на отдельный эпизод, отошедший уже в прошлое... Если никто не придет, но Милюков придет, то наша цель будет достигнута. Участники совещания с радостью приветствовали начавшуюся

интервенцию⁴²⁹.

До этого, летом 1918 г., послы парадоксальным образом попытались опереться на противников большевиков слева — эсеров. Бьюкенен писал:

86

«Мы пришли в этой стране к любопытному положению, когда мы приветствуем назначение террориста, бывшего одним из главных организаторов убийства великого князя Сергея Александровича и Плеве, в надежде, что его энергия и сила воли могут еще спасти армию. Савинков представляет собою пылкого поборника решительных мер как для восстановления дисциплины, так и для подавления анархии...»⁴³⁰ Основная ставка была сделана на левых эсеров, вошедших в большевистское правительство. Главные противоречия между большевиками и левыми эсерами заключались в двух пунктах: во-первых, эсеры выступали против аграрной политики большевиков, связанной с созданием комбедов и реквизицией хлеба; во-вторых, они выступали против мира с немцами, провозглашая борьбу за мировую революцию. После заключения Брестского мира левые эсеры ушли почти из всех наркоматов, кроме ВЧК. 6 июля 1918 г. они использовали аппарат Чрезвычайной комиссии для организации убийства немецкого посла Мирбаха⁴³¹. Убийство преследовало две цели: спровоцировать войну между Германией и Советской Россией и стать сигналом к началу эсеровских мятежей в Центральной России*.

Активное участие в мятежах приняли бывшие царские офицеры. 7 июля произошло восстание в Рыбинске (где в организации состояли до 400 офицеров), а на следующий день — восстание в Муроме⁴³². Но основные события развернулись 6 июля в Ярославле⁴³³. «Всего в Ярославле сражалось около 1,5 тысячи офицеров и около 6 тысяч добровольцев... Не получив ниоткуда помощи, Ярославль, превращенный латышской артиллерией в груды развалин, 21 июля пал, и большинство его защитников погибли. Часть офицеров (около 500), сдавшаяся представителю германской миссии (восставшие провозгласили отмену Брестского мира и возобновление войны с Германией), была расстреляна в первый

* Есть прямо противоположная версия, что убийство посла было совершено большевиками с целью разгромить партию левых эсеров и установить однопартийную диктатуру. (Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; Фельштинский Ю. Г. Брестский мир. — М., 1992. (Литвин А..., с. 265)).

Но убийство немецкого посла ставило большевиков на грань войны с Германией, с которой ценой огромных жертв всего 5 месяцев назад был заключен Брестский мир. А через месяц, в конце августа, после высадки союзников в Мурманске большевикам придется заключать с немцами новый мирный договор и идти на новые огромные материальные жертвы. Стоили ли эсеры такой цены? Очевидно нет. Большевики и так, несмотря на снижение их влияния, на 5-м Всероссийском съезде Советов (в начале работы которого произошло убийство Мирбаха), имели абсолютное большинство — 773 голоса, а левые эсеры всего — 353. (Литвин А..., с. 267). Не исключено, что большевики использовали восстание эсеров в своих целях. И этот поступок был полностью оправдан, поскольку служил логичным и прагматичным шагом на пути мобилизации власти в стране во время гражданской войны. Радикально-популистская позиция левых эсеров в тех условиях вела не к торжеству демократии, а к разжиганию в стране хаоса и анархии.

87

же день, как и остальные уцелевшие...»⁴³⁴ После падения Ярославля Дзержинский направил туда специальную следственную комиссию, которая за пять дней, с 24 по 28 июля, расстреляла 428 человек⁴³⁵.

Восстание в Ярославле не было жестом отчаяния или авантюрой. По показаниям Б. Савинкова, руководившего мятежом в Ярославле, срок выступления был согласован с французскими дипломатами и был связан с предстоящей высадкой союзников в Архангельске в первой декаде июля 1918 г. А так как этого не произошло, «мы остались висеть в воздухе в Ярославле, — говорил в своих показаниях Савинков. — Восстание утратило смысл. Мы

оказались в положении людей, обманутых иностранцами»⁴³⁶. Показания Савинкова подтверждал главнокомандующий войсками Северной Области генерал Миллер, который так же ссылался на 20 000 десанта, который союзники обещали высадить в августе 1918 года, и с ним «без сопротивления дойти до Ярославля, а может быть, и до Москвы...»⁴³⁷ Б. Савинков утверждал, что восстание финансировалось через французского военного атташе в Москве.

Финансирование «союзниками» антибольшевистских мятежей в июле 1918 г., млн. руб.⁴³⁸

Б. Савинков	,5
Эсеры	
«Союз защиты родины и свободы»	
«Национальный центр»	

Ленин имел все основания характеризовать события в Ярославле как заговор послов. Действительно, «история дипломатии цивилизованных народов не знала примеров», подобных поведению «послов» Антанты в России 1918 года. Еще в апреле 1918 г. были раскрыты связи «между сибирскими контрреволюционерами и некоторыми консулами из числа союзников. Народный комиссариат опубликовал эти сведения и предъявил союзникам ноту с требованием отозвать консулов, имевших отношение к этому делу...»⁴³⁹ Позже последует арест Локкарта за финансирование подпольного «Всероссийского национального центра» и «Союза возрождения России»⁴⁴⁰. Послы великих держав тем временем обоснуются в оккупированном интервентами Архангельске и будут вести свою деятельность уже оттуда.

У большевиков в середине 1918 г. не оставалось другого выхода, кроме сотрудничества с Германией. «Союзники» настойчиво «толкали большевиков в руки к немцам», и Советское правительство было вы-

88

нуждено опереться на свой мирный договор, чтобы иметь возможность оказывать сопротивление интервентам и белым армиям. 28 июня кайзер принял рекомендации Министерства иностранных дел, согласно которым «большевистское правительство получало гарантии в том, что Германия отказывается от давления на прибалтийские государства, а их финские союзники прекращают давление на Петроград... Эти гарантии были приняты Лениным и Троцким, поскольку позволяли перебросить их единственное эффективное военное формирование — латышских стрелков — по западной ветке Транссибирской железной дороги на Урал. Там в конце июля они атаковали под Казанью Чехословацкий легион»⁴⁴¹.

После эсеровского мятежа и окончательного разрыва с «союзниками» большевики были вынуждены обратиться к Германии за помощью. 1 августа 1918г. народный комиссар иностранных дел Чичерин «предложил германскому посольству совместную советско-германскую экспедицию с целью освобождения двух регионов России — мурманской железнодорожной магистрали и Донской области. Гельферих передал предложение Ленина в Берлин с комментарием: большевиков следует водить за нос возможностью сотрудничества, а подготовленные германские войска использовать для их свержения»⁴⁴². Гельферих был яростным сторонником диктата в отношении большевиков; по его мнению, достаточно было небольшого удара, чтобы призрачный большевистский

режим рассыпался на части⁴⁴³.

В конечном счете победила точка зрения адмирала Гинце: «Чего мы желаем на востоке? Военного паралича России. Большевики обеспечивают его лучше и более тщательно, чем любая другая русская партия без единой марки или единого человека в качестве помощи с нашей стороны. Давайте удовлетворимся бессилием России»⁴⁴⁴. Гинце призывал: «Использовать большевиков до тех пор, пока они приносят пользу. Если они падут, мы должны спокойно исследовать хаос, который, возможно, последует, и ждать того момента, когда мы сможем восстановить порядок без особых жертв. Если после прихода другой политической партии к власти хаоса не последует, мы должны выступить с лозунгом защиты порядка и защиты слабых от наших противников»⁴⁴⁵. Линия Гинце победила... Людендорф отдал приказ войскам, находившимся вблизи Петрограда, не крушить большевиков, а в случае необходимости помочь им. Он начал подготовку посылки германских войск в район Мурманска, чтобы сдерживать англичан. Кайзер пришел к выводу, что правительству Ленина следует помочь финансовым образом»⁴⁴⁶.

«В Берлине 27 августа были подписаны дополнительные договоры с Советской Россией. По существу, это была договоренность о том, что большевистское правительство будет сражаться против Антанты на севере европейской части России. Германии передавался контроль над остатками Черноморского флота и портовым оборудованием на Черном море. Было условлено, что если Баку будет возвращен России, то треть добычи нефти пойдет Германии. Договоры имели политические и эконо-

⁸⁹ мические статьи, а также секретные дополнения»⁴⁴⁷. Согласно секретным статьям, советское правительство обещало вытеснить с территории страны войска Запада с помощью германских и финских войск.

Тем временем широкомасштабная интервенция уже началась. У интервентов и так накопилось достаточно причин и поводов для этого. Французский дипломат Л. Робием обосновывал необходимость интервенции следующим образом: «...Интервенция в Россию, которую многие ждут, не должна выглядеть направленной против Германии, что приведет к воссозданию Восточного фронта. В этом случае она будет обречена на провал. Верить в то, что нам когда-либо удастся вновь вынудить русских взяться за оружие, — утопия; чего они хотят прежде всего, так это мира. Тем не менее, пока длится война, мы должны помешать нашим противникам воспользоваться ресурсами, которые несмотря ни на что остаются значительными. Именно этим мы должны ограничиться, составляя план действий, не заботясь о том, что станет с Россией... В действительности я не разделяю мнение тех, кто опасается, что немцы определенно могут обосноваться в России, а та, в свою очередь, станет для них колонией... Колонизация России немцами, впрочем как и нами, представляется мне невозможной. Это неустойчивая почва, на которой ничего нельзя построить надолго. Но это не относится к настоящему моменту, когда мы должны действовать... Надо опасаться, как бы немцы, освобождая Россию из-под ига большевиков, не поддались бы соблазну, пусть и мимолетному, воспользоваться благоприятными условиями, которые бы им позволили продолжить войну несмотря на блокаду. Именно нам предстоит стать освободителями Русской земли и тем самым поднять свой престиж: союзникам необходимо отправить в Архангельск несколько полков для того, чтобы японская экспедиция не выглядела больше такой изолированной, перестала быть «желтым нашествием» и вошла в рамки *крестового похода союзников во имя освобождения русского народа, угнетаемого большевиками*»⁴⁴⁸. Лозунг освобождения русского народа у Робиена причудливым образом переплетался с утверждением о том, что интервенция

должна развиваться независимо от того, что станет с Россией.

Американский посол Фрэнсис обосновывал свою позицию поборника интервенции тем, что «руководящим импульсом большевиков является классовая ненависть... Успех большевиков в России представляет собой угрозу всем упорядоченно созданным правительствам, не исключая наше, угрозу самим основаниям общественного устройства»⁴⁴⁹. У Черчилль развивал тему: «Большевистский империализм угрожает не только граничащим с Россией государствам, большевизм угрожает всей Азии; он так же близок Америке, как и Франции»⁴⁵⁰.

У. Черчилль вскользь упоминает и о других причинах. Последний том «Мирового кризиса» он начинает восторженным заявлением: «Окончание великой войны подняло Англию на небывалую высоту. Рос-

90

сийская империя, бывшая нашим союзником, уступила место революционному правительству, которое отказалось от всяких притязаний на Константинополь и которое... не было в состоянии скоро стать серьезной военной угрозой для Индии»⁴⁵¹. Но Октябрьская революция омрачила радость Черчилля. Призыв большевиков к угнетенным народам мира взрывал все основы мировой империалистической системы, наиболее реакционным апологетом которой к началу XX века стала Великобритания. Кроме этого, за недолгий срок своего существования большевики зарекомендовали себя, как приверженцы сильного русского государства и продемонстрировали свою способность достигнуть своих целей. Новые реалии вступали в резкое противоречие с убеждениями и планами У. Черчилля, именно поэтому, он заявлял: *«...поставленная цель еще не достигнута. Еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому разрешению мировых проблем. Вовремя было вспомнить девиз древних римлян: «Щади побежденных и усмиряй гордых»*⁴⁵².

Он же сформулировал обоснование политики интервентов в отношении России: «Формальное непризнание ни одного из русских правительств позволяло говорить о России, как о хаосе, неспособном самоорганизоваться без помощи извне». «На совещаниях союзников не было уже России — вместо нее зияла пропасть, ничем не заполненная»⁴⁵³. Россия превращалась в Америку в момент прибытия к ее берегам первых белых колонизаторов...

91

ИМПЕРИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ — РАСПАД ИЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ И ЕДИНСТВО

Эту главу, для лучшего ее понимания, мы вынуждены начать с теории — теории распада империй. Термин «империя» происходит от латинского «*imperiū*» — законная власть и означал право Рима повелевать покоренными народами. Понятие термина не оставалось постоянным и эволюционировало от века к веку. «Так, в средневековой Европе под империей понимали единство христианского мира, с ней ассоциировали мир и справедливость. В просвещенческий XVIII в. «империю» часто клеймили. В конце XIX — начале XX в. для большинства европейцев термин снова обрел положительное значение: быть империей значило быть сильным, нести прогресс и цивилизацию отсталым народам». В XX веке слово «империя» опять стало восприниматься негативно: оно означало экономическую эксплуатацию и/или «навязанное извне авторитарное правление, противоположное демократии»⁴⁵⁴. Действительно, империализм на первой стадии своего существования играл огромную созидательную роль, распространяя достижения более развитых стран на

отсталые, консолидируя огромные рынки и концентрируя необходимые ресурсы для дальнейшего развития. Это был объективный и неизбежный этап человеческого развития. Правда, порой плата за цивилизацию была чрезмерно высока, а нередко переходила границы, допускаемые любой человеческой моралью. Тем не менее империи сыграли важнейшую прогрессивную, ключевую роль в развитии человечества. Ни один малый народ, за редким исключением, не создал развитой цивилизации и не мог создать вследствие ограниченности своего экономического пространства. Практически все они пользовались для своего развития достижениями Великих держав, которые доставались последним ценой огромных жертв и напряжения...

Единство империй держалось не только на силе, но и на моральной базе, державшейся на трех основных принципах: «короне, религии, народности». При этом М. Покровский замечал: «Феодализм вообще равнодушен к национальным перегородкам — национализм появляется лишь на следующей ступени социального развития»⁴⁵⁵. С развитием самосознания общества, к середине XIX века, объединительные принципы времен феодализма во многом девальвировали свою ценность. Кроме

92

этого, капитализм к тому времени достиг той стадии развития конкурентной борьбы, когда народы ради своего выживания стали вынуждены прятаться за национальные границы*. Россия в этом процессе не была исключением, скорее она шла по пятам за более развитыми странами мира. Так, У. Черчилль отмечал: «В течение XIX века рост национализма определенно доказал, что все великие державы должны считаться с этим принципом (*самоуправления*) и все больше и больше приспосабливаться к нему, если они хотят сохранить свое могущество и целостность в современных политических условиях. Почти полное исключение вопросов религии во всех ее формах из области политики сделало национализм самым могущественным фактором современной политики»⁴⁵⁶.

Англия и Франция, крупнейшие империалистические державы, почувствовали эти тенденции первыми еще в середине XVIII века. Например, за четверть века до декларации независимости США Тюрго утверждал, что «колонии подобны плодам: они держатся на дереве только до тех пор, пока не созреют. Как только Америка будет в силах о себе заботиться, она сделает то же, что сделал Карфаген». Споры о необходимости силового сохранения империй не утихали в Англии до начала XX века. Расчеты стоимости удержания колоний тесно переплетались с развитием моральных принципов. Например, английский историк Дж. Сили в конце XIX века писал: «Мы не представляем себе, почему англичане обязаны сохранить свою империю из чувства уважения к героизму тех, кто ее приобрел, или почему отречься от нее было бы с их стороны признаком малодушия. Все политические союзы существуют для блага их членов и потому должны достигать как раз той величины, при которой остаются благодеятельными, и отнюдь не большей»⁴⁵⁷.

Англия была первой страной, которая сознательно, ради сохранения своего влияния была вынуждена пойти по пути предоставления в той или иной мере прав самоопределения некоторым своим бывшим колониям. Морские империи были уже слишком сильны и могли обеспечивать сохранение единого экономического пространства политическими и экономическими мерами, подкрепленными сильнейшими в то время флотами в мире. Еще Дизраэли отмечал: «Раньше мы фактически были хозяевами Африки, не имея надобности устанавливать там протектораты или нечто подобное — просто в силу того, что мы господствовали на море».

* Так, мононациональные государства, например, Великобритания или Франция стали появляться лишь на заре капитализма в XV-XVI веках. Небольшой народ французов в то время

присоединил и ассимилировал бретонцев и бургундцев. Англичане присоединили Уэльс, Шотландию и Северную Ирландию. Пример дают хотя бы оценки людских потерь в колониальных войнах. По официальным данным британского военного министерства: за шесть лет (с 1898 по 1903 г.) Великобритания в колониях провела не менее 73 военных «предприятий», в которых потеряла только убитыми 770 офицеров и 7813 солдат. Число раненых: 1929 офицеров и 21 431 солдат». (РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 977. Л. 138. (Шацилло К.Ф..., с. 215.))

93

В континентальных империях вопрос национального и территориального самоопределения стоял не менее остро. А. Буровский даже утверждает: «Между 1860-ми годами и началом XX века дальнейшее бытие Российской империи утратило смысл... следовало бы запланировать тихое, мягкое распадение Российской империи»⁴⁵⁸. Однако континентальные империи не могли пойти по пути морских, так как, с одной стороны, самоопределение национальных частей вело к сепаратизму и распаду единого экономического пространства, создаваемого континентальными империями, с другой стороны, сепаратизм резко обострял национальные и территориальные противоречия новых малых государств, подогревая их амбиции. Учитывая интересы сильных держав, такой раздел Европы превращал ее в минное поле возникновения всеевропейской войны*. Наглядным доказательством тому могут являться европейские революции 1848 г., когда, как пишет В. Шамбаров, «все «освобождающиеся» нации повели себя крайне агрессивно. В Австрии передрались все против всех — хорваты, венгры, чехи, немцы. Причем, все переманивали императора Фердинанда I на свою сторону и выражали готовность подавлять остальных». Другим примером может служить разгром турецкой империи на Балканах в 1877-1878 гг., приведший к череде балканских войн, в итоге ставших взрывателем Первой мировой войны". Именно поэтому Австро-Венгрия, Россия и Турция не могли пойти по пути Англии и Франции, они силовыми и административно-бюрократическими мерами обеспечивали то же необходимое единство, которое в настоящее время обеспечивает Евросоюз экономическими мерами. О Единой Европе мечтал еще Наполеон, считая, что именно единство может принести Европе мир и процветание...

Эти идеи развивал в 1896 г. Витте в разговоре с Вильгельмом II: «...Вообразите себе, Ваше Величество, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собой, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собой и что Европа не представляет собой того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы

* Причем, не имело значения, мягким или жестким был бы распад российской империи. Примером могут являться попытки смягчения политики России в отношении к Польше. Последняя принимала эти шаги за слабость России и немедленно восставала в 1830 и 1863 гг., сразу же выдвигая свои претензии на создание Великой Польши, включавшей украинские, белорусские и литовские земли. По словам Дж. Хоскинга, «сам факт восстания поставил под сомнение основные направления правительственной программы реформ — расширение местного самоуправления, поддержку образования, ослабление цензуры.». (Хоскинг Дж..., с. 384.)

** Европейские развалины Австро-Венгерской и Германской империй в виде мелких национальных государств станут благодатной почвой для возникновения Второй мировой войны. Об этом см. третий том «Запретной политэкономии».

94

и гораздо сильнее, и гораздо культурнее...»⁴⁵⁹ Германский план создания «Миттельойропы» был не чем иным, как развитием идеи создания единой Европы на национальной основе германского превосходства. О планах создания «Соединенных Штатов Европы» на социальной базе, как движения к миру и процветанию, будет говорить Троцкий в 1920-х годах. В 1930 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан выдвинет идею «Паневропейского Союза». Но реальное культурное и экономическое развитие европейских стран в то время

еще не могло обеспечить возможности создания Евросоюза на демократической основе. До той поры только «империя, — по словам Г. Уэллса, — гарантировала устойчивый мир и безопасность, именно поэтому ее терпели и даже поддерживали "покоренные" народы, несмотря на многие недостатки и пренебрежение к ним со стороны метрополии»⁴⁶⁰.

Наиболее наглядным примером эффекта консолидации являет собой объединение Германии. Именно с 1871 г., после создания единого немецкого государства, начался его невероятный экономический рост. За тридцать с небольшим лет она обогнала в развитии все великие страны и стала самой могущественной державой Европы и второй после США в мире. К началу XX века германская империя заняла место британской — став одной из основных движущих сил человеческого прогресса.

Однако уже с конца XIX века лозунг права наций на самоопределение стал приобретать некое абсолютное значение. Причина очевидно крылась именно в «правах», позволявших нации сосредоточиться на собственном развитии. Однако прав без обязанностей не бывает. Обязанность каждой нации сводится к внесению своего вклада в общечеловеческое развитие, мировой прогресс. Из-за ограниченности национально-экономического и политического пространства большинства малых народов они просто физически не могли сделать такого вклада. Двигателями прогресса, за редким исключением, являлись и могли являться только империи. Малые страны чаще всего лишь паразитировали за их счет или выполняли сервисные функции по обслуживанию определенных интересов Великих держав. Закон развития человечества жесток, но объективен: «Если народ не имеет возможности выполнять свои обязательства перед человечеством, он не имеет права на создание собственного национального государства». В противном случае этот народ превращается в паразита, живущего и развивающегося за счет других наций. В данном случае речь не идет о национализме, когда имперский народ пытается извлечь одностороннюю выгоду из покоренного народа.

Трудности, с которыми сталкивалась Российская империя в решении национального вопроса, были гораздо сложнее, чем у Европы. Россия объединяла в себе две абсолютно различные культуры Запада и Востока, население которых находилось на разном эволюционном уровне развития — от просвещенного европейского капитализма до глухого вос-

95

точного феодализма. Кроме этого, необходимо учитывать огромные размеры и сухопутный характер Российской империи, предопределявшие трудности коммуникаций с центром. Какие же силы могли удерживать сохранность Российской империи в этих условиях?

С. Витте, отвечая на этот вопрос в 1893 г., говорил: «Находясь на границе двух столь различных миров, восточно-азиатского и западноевропейского, имея твердые контакты с обоими, Россия, собственно, представляет собой особый мир. Ее независимое место в семье народов и ее особая роль в мировой истории определены ее географическим положением и в особенности характером ее политического и культурного развития, осуществлявшегося посредством живого взаимодействия и гармоничной комбинации трех творческих сил, которые проявили себя так лишь в России. Первое — православие, сохранившее подлинный дух христианства, как базис воспитания и образования; во-вторых, авторитаризм как основа государственной жизни; в-третьих, русский национальный дух, служащий основанием внутреннего единства государства, но свободный от утверждения националистической исключительности, в огромной степени способный на дружеское товарищество и сотрудничество самых различных рас и народов. Именно на этом базисе строится все здание русского

могущества».

Но уже в начале XX века произошла значительная девальвация традиционных, феодальных консолидирующих общество ценностей «православие, самодержавие, народность». К этому времени в православии «среди огромного персонала высшей церковной иерархии и академической богословской профессуры, при всем изобилии ученых специалистов и приличных администраторов, меньше всего можно было встретить людей истинно церковного духа. Двухсотлетняя жизнь русской церкви, обращенной в бюрократическое ведомство, принесла свой горький плод» — отмечал С.Шарапов⁴⁶¹. Либеральные реформы 1904-1907 гг. положили начало отделению церкви от государства — была введена свобода совести (свобода вероисповедания), ограничено влияние церкви в школах. Наряду с ростом образования и самоидентификации личности, эти факторы привели к тому, что к началу XX века православие в значительной мере утратило свой авторитет. Революция 1905 г., поражение в русско-японской войне, провозглашение Манифеста, введение парламента — Думы, в свою очередь, подорвали основы самодержавной власти. «Народность» с ростом самосознания наций в XIX веке стала превращаться в периферийный национализм. В итоге Бердяев констатировал: «Из официальной фразеологии «православие, самодержавие и народность» исчезло реальное содержание, фразеология эта стала неискренней и лживой»⁴⁶².

Реакция политических партий на обострение национального вопроса разнилась от «полного и безусловного признания наций на самоопределение» у социалистов-революционеров до полного игнорирования этого вопроса у либералов»⁴⁶³. А. Буровский отмечает, что «проектируя

96

будущее, кадеты и октябристы попросту не замечают империи и не занимаются ею... туманно отзываясь о "решении национального вопроса путем всеобщей эмансипации", то есть уравнивания всех в правах»⁴⁶⁴. Один из лидеров кадетов П. Струве, развивая представление своей партии о решении национального вопроса, утверждал: «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органично срастись»⁴⁶⁵. А. Буровский доводит эту мысль до логического конца: «Путь достижения стабильности и процветания — превращение всех завоеванных народов в единый народ». Однако Россия не могла, подобно США, стать «плавильным котлом» культуры, сплавлявшим переселенцев в одну американскую нацию. Для этого нациям и народам, составлявшим Российскую империю, необходимо было бы отказаться от своей истории, культуры...*

П. Столыпин встал у руля государства в период революции 1905-1907 гг., катализировавшей национальные брожения. Политические партии — от социалистов до кадетов — лишь подливали масла в огонь. Российская империя впервые оказалась на грани распада. Чем же он ей угрожал?

Распад Российской империи отличался от европейских, только еще более трагичными последствиями. Во-первых, он приводил к отделению наиболее климатически благоприятных и развитых западных окраинных территорий Российской империи, имевших выход к морям и европейским границам. Отрезанная от прямых контактов с Европой Россия из великой державы моментально превращалась в резервацию, впадавшую в зависимость от своих соседей. Эта резервация находилась в столь суровых климатических и географических условиях, что неизбежно была обречена на деградацию. Во-вторых, в условиях того времени, отделившиеся окраины не имели перспектив самостоятельного развития и сразу же становились провинциями или

протекторатами других великих держав. В-третьих, распад на мелкие национальные государства неизбежно привел бы к тем же последствиям, что и распад европейских империй — бесконечным войнам друг с другом. Таким образом, распад Российской империи в то время был равносильен гибели русской цивилизации.

П. Столыпин, отдавая себе отчет в нависавшей угрозе, занял жесткую оборонительную позицию: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, нарушать и приостанавливать все нормы права для того, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства... Этот порядок признается всеми госу-

* В этом случае необходима была бы и новая объединяющая база, в США ею стал «деловой успех», Россия же находилась еще на полуфеодальном этапе развития.

97

дарствами. Это, господа, состояние необходимой обороны... Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права... Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность...»⁴⁶⁶

На последовавший протест политической общественности П. Столыпин отвечал: «Та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной... Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит нет!»

Действительно, П. Столыпин попытался опереться на ту силу, которая обеспечивала устойчивость государств Запада — национализм, о котором, например, основатель организации бойскаутов Р. Баден-Пауэл говорил: «Мы должны быть кирпичиками в стене великого предприятия — Британской империи... Мы должны сомкнуть плечо к плечу, если еще хотим сохранить наше теперешнее положение среди наций»⁴⁶⁷. Или германский кайзер, который в начале Первой мировой войны заявлял: «Я больше не различаю партий, я вижу только немцев»⁴⁶⁸.

Ситуация осложнялась тем, что российская империя была уникальным государством: она изначально формировалась, как многонациональное государство, в отличие от мононациональных государств Запада и Востока. Поэтому в России не смогла появиться общая консолидирующая национальная идея подобно мононациональным государствам, а огромные труднодоступные территории, большая распыленность не способствовали развитию единого государственного самосознания русского народа. Н. Бердяев по этому поводу замечал: «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность...»⁴⁶⁹ Но Россия была не государством, а империей, которую монархия действительно пыталась превратить в государство-империю. Однако все подобные попытки, в том числе и русификации, не смогли переломить национальных барьеров. Взрыв национализма, вызванный Первой русской революцией, смел остатки всех вековых усилий на нет.

Именно в этот период начались весьма робкие попытки русификации Прибалтики и Финляндии, Западной Украины*. В западных губерниях

* Острота проблемы определялась и нарастанием колонизации Украины иностранцами. В

октябре 1910 г. П. Столыпин внес в Думу предложение запретить покупку земли иностранцами в западных губерниях (Волынской, Подольской).

98

из Царства Польского Столыпин выделил Холмскую Русь — исконные русские земли, захваченные некогда Польшей и колонизированные (полонизированные) ею*. Правящим классом и помещиками там были главным образом поляки, а русские — в основном крестьянами; при этом они говорили по-русски и сохранили русское самосознание. В этих девяти западных губерниях поляки составляли 4% всего населения, и 1-6% в шести юго-западных. По благодаря тому, что почти все крупные землевладельцы и дворяне в этих губерниях были поляками, по имущественному и сословному цензу в Думу и Госсовет проходили только они. «Сословно-имущественный признак входил в противоречие с национальными реалиями»⁴⁷⁰. П. Столыпин по этому поводу писал: «Для демократической России поляки не страшны ни в малейшей степени, но Россия, в которой властвует земельное дворянство и бюрократия, должна защищаться от поляков искусственными мероприятиями, загородками «национальных курий». Официальный национализм вынужден прибегать к этим методам в стране, где существует несомненное русское большинство, потому что дворянская и бюрократическая Россия не может прикоснуться к земле и черпать силы из русской крестьянской демократии»⁴⁷¹.

Революция 1905 г. привела к резкому росту антирусских настроений, вытеснению русских и ополячиванию западных областей Украины, Белоруссии, Литвы. П. Столыпин приводил следующие факты: «В Минском городском самоуправлении не пропускают совсем русских... не прошел ни один гласный по русскому списку... В Житомире... все важнейшие должности по найму — и бухгалтеры, и секретари, и юрисконсульты, и врачи, и заведующие водопроводом — все отдано полякам». Перед выборами во II Думу на съезде в Варшаве поляки договорились от Западной России, Литвы и Царства Польского не пропускать в Думу русских. Свое решение они опубликовали в газетах. Столыпин пришел к выводу, что «...поляки были не в силах изменить свое политическое направление; они не могли этого сделать и при выборах в Государственную Думу и Совет; везде, где русские им предлагали соглашение, почти везде они это отвергали». Предлагая свой проект закона, П. Столыпин говорил: «Цель правительственного законопроекта не в угнетении прав польских уроженцев Западного края, а в защите уроженцев русских... Законопроект дает законное представительство всем слоям местного населения, всем интересам; он только ставит предел дальнейшей многовековой пле-

Киевской, Бессарабской). С 1860 по 1890 г. число иностранцев в этих регионах выросло с 2,4 тыс. до 200 тыс. Немецкие колонисты в Волыни составляли свыше 5% населения и владели свыше 12% всех частных земель... (Федоров Б.Г... С 509.)

* В результате там укрепилось влияние католической (униатской) церкви (по Брестской унии 1596 г. католицизм вводился с сохранением большей части внешних православных обрядов, что получило название униатской церкви).

99

менной политической борьбе...»⁴⁷² Решительные меры П. Столыпина, направленные на защиту русского населения*, дали повод в 1928 г. Ф. Горячкину в Харбине издать книгу под названием «Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин». Между тем именно крайне правые черносотенные партии попытались воспользоваться голосованием по вопросу национальных курий, для того чтобы свалить Столыпина⁴⁷³. И хотя полностью замысел не удался, но именно с этого момента начался закат Столыпина, приведший к его гибели.

Черная сотня

Обострение национального вопроса среди национальных окраин империи вызвало ответную реакцию и среди русского народа. В России националистические, правые, черносотенные партии стали открыто появляться в период созыва I Государственной Думы. По новому закону о выборах в III Думу русские, в широком общественном смысле, получили дополнительные преимущества. В свою очередь, азиатские окраины были лишены представительства, в Польше, на Кавказе, в западных губерниях были введены национальные курии, что сократило число национальных депутатов. Русские, украинцы, белорусы насчитывали 85,2% депутатов III Государственной Думы, поляки — 4,3%, немцы — 2,3% (притом что русские, в широком смысле, составляли 65% населения России).

Витте жестко критиковал премьера: «Столыпин, выдвинув на первый план своеобразный принцип русского национализма, в силу которого, чтобы быть верным сыном своей родины, Великой Российской империи, и верноподданным государя, нужно иметь фамилию, оканчивающуюся на «ов», быть православным и родиться в центре России...»⁴⁷⁴ «Революция по своим приемам всегда бессовестно лжива и безжалостна. Ярким доказательством тому служит наша революция справа, так называемые черные сотни или «истинно русские люди». На знамени их высокие слова «самодержавие, православие и народность», а приемы и способы их действий архилживы, архибессовестны, архикровожадны... Во главе явно стоит всякая с...ь, как Дубровин, Грингмут, Юзефович, Пу-

* Вместо сословно-имущественных избирательных курий были введены национально-имущественные польская и русская избирательные курии. Опыт выборов по национальным куриям был и раньше. Но даже при такой системе поляки получали преимущества, поскольку они были основными землевладельцами в этих губерниях. Для достижения паритета имущественный ценз в западных районах России был снижен. Продвижение этого закона в Думе встретило сопротивление как справа, так и слева: одни упрекали Столыпина в национализме, другие — в излишней «демократизации» из-за снижения имущественного ценза, разрушении русской государственности.

100

ришкевич, а по углам, спрятавшись, — дворцовая камарилья. Держится же эта революционная партия потому, что она мила психологии царя и царицы, которые думают, что они тут обрели спасение»⁴⁷⁵. Витте чересчур сгустил краски; например, в приводимом им перечне черносотенцев всего одна русская фамилия, и та заканчивается на «ин».

С другой стороны, среди депутатов Думы даже в лучшие годы количество черносотенцев не превышало 15%. В то время как, по подсчетам историков, в 1917г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2% населения страны. Даже У. Лакер отмечает: «То, что в России есть правозкстремистское движение, — не такое уж поразительное открытие. Подобные партии существуют практически в каждой европейской стране, а также в Америке и в других местах. Чудом было бы, если бы Россия оказалась исключением»⁴⁷⁶.

*Количество официальных членов черных сотен в России*⁴⁷⁷

1906	91 450
1907	253 407
1908	404 500

Книга У. Лакера, о которой идет речь, называется «Черная сотня. Происхождение русского фашизма*». В ней, по словам Кожина, «Лакер пытается углядеть фашизм в совсем иных явлениях; к тому же он определяет его уже в самом заглавии книги как «русский». Основы этого фашизма заложил, как утверждает Лакер, Союз русского народа, который, оказывается, исповедовал

расизм, как и впоследствии германские фашисты»⁴⁷⁸. В 2001 г. выходит книга С. Шенфилда «Русский фашизм», который, сославшись на черносотенцев, тем не менее так и не смог идентифицировать фашизм в России до 1917 года. Тогда он нашел потенцию фашизма в России XXI века, фактически определив фашизм как желание русских быть русскими. По этому критерию к организациям фашистского толка он отнес как коммунистическую партию, так и Русскую православную церковь, почти сравнив их с РНЕ⁴⁷⁹.

Связь между черносотенцами и фашизмом находит В. Сироткин, который пишет о речах Н. Маркова («черносотенный» депутат Государственной Думы): «Все это очень напоминало будущие речи Муссолини и Гитлера... И не случайно в своей мракобесной книжке «Война темных сил» Марков позднее восторгался Муссолини»⁴⁸⁰. Н. Бердяев в *одно время* с Марковым писал в «Новом Средневековье»: «Фашизм — единственное творческое явление в политической жизни современной Европы... Значение будут иметь лишь люди типа Муссолини, единственного, быть Может, творческого государственного деятеля Европы»⁴⁸¹.

* Издана в 1994 году в Москве при поддержке Фонда Сороса.

101

Между тем в черносотенных организациях начала XX века — Русское собрание, Союз русских людей, Русская монархическая партия, Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела — состояли академики К. Грот, Н. Лихачев, Н. Кондаков, В. Комаров (впоследствии президент Академии наук), создатель первого в России оркестра народных инструментов В. Андреев, профессор С. Боткин, великая актриса М. Савина, живописцы К. Маковский и Н. Рерих, книгоиздатель И. Сытин и др. По рисунку В. Васнецова была изготовлена торжественная хоругвь Русской монархической партии. Вдова Достоевского, стремившаяся так или иначе продолжать его деятельность, сочла своим долгом стать действительным членом «черносотенного» Русского собрания. Будущий патриарх Тихон, занимая в 1907—1913 годах пост архиепископа Ярославского и Ростовского, одновременно возглавлял губернский отдел Союза русского народа. С ним был протоиерей Иоанн Кронштадтский. В. И. Ленин был совершенно точен, когда называл патриарха Тихона и его сподвижников «черносотенным духовенством»⁴⁸².

Трудно заподозрить столь выдающихся личностей в примитивном национализме. Как ни странно, эти сомнения подтверждает сам Лакер, доходя в своей книге до абсурда. Желая показать национальную «несостоятельность» русских «черносотенцев», Лакер сообщает, что немало видных «черносотенных» деятелей «были нерусского происхождения: Пуришкевич, Грингмут, Бутми де Кацман, Крушеван, генералы Каульбарс и Ранд, Левендаль, Энгельгардт, Плеве, Пеликан, Рихтер, Шванебах и другие»⁴⁸³. Очевидно, что для многих черносотенцев ведущей идеей был не национализм, а монархический консерватизм, стоявший на пути радикального либерализма и разрушения государства. Примечательно в этой связи замечание С. Булгакова: «Четырехмесячное сидение в «революционной» Государственной Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции. Из Государственной Думы я вышел таким черным, как никогда не бывал. И это понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной Думы»⁴⁸⁴.

Сам П. Столыпин указывал, что понятие «русский» он берет в широком смысле слова — к русским он относил всех, кто желает консолидироваться под русской идеей вне зависимости от национальности. Русская идея включала в себя

прежде всего желание сохранить единое российское государство, что влекло за собой необходимость введения как официального русского языка, распространения соответствующего образования и т.д., при этом не слишком ущемляя национально-куль-

102

турные, исторические и даже экономические особенности и интересы народов, населявших Россию. «Русское правительство, — напоминал П. Столыпин, — никогда не стремилось к денационализации проживающих в пределах государства народностей. Весь ход исторического развития империи показывает, что при присоединении к государству земель, населенных инородческими племенами, монархи российские, желая обеспечить каждой народности привычный ей строй жизни, стремились обыкновенно сохранять неприкосновенными установившиеся в данной местности правовые отношения, предоставляя в то же время отдельным лицам из числа присоединенных народностей приобретать преимущества, присвоенные русским сословиям»⁴⁸⁵. «Столыпин не был поклонником политики насилия, — вспоминал в эмиграции П. Курлов, — но проведение строгой системы подчинения окраин центру государства было для него выражением владевшей им мечты о «Великой России»»⁴⁸⁶.

П. Столыпин брался за очень тяжелое, почти безнадежное дело. Витте замечал по этому поводу: «Всякий же, знающий историю, знает, как трудно спаивать разнородные населения в одно целое, в особенности при сильном развитии в XX столетии национальных начал и чувств»⁴⁸⁷. «Когда около 35% населения инородцев, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их язык и пр. Девиз такой империи не может быть «обращу всех в истинно русских». Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу»⁴⁸⁸. Лакер так же приходил к выводу: «Чистокровный, примитивный расизм нельзя было внедрять в стране, где половина населения была нерусского происхождения... Можно было еще взять курс на изгнание или уничтожение всех нерусских, однако такое решение было бы чересчур радикальным для партии, которая хотя и шла к фашизму, но была еще далека от этих неясных целей»⁴⁸⁹.

Русский национализм

Отношение к национализму определялось и самим национальным характером русского народа, который резко отличался от всех других европейских и азиатских народов. Русского национализма, в европейском понимании просто не существовало. Русские не порабощали завоеванные народы, а объединяли их. «Россия больше чем народ, — писал В. Соловьев, — она есть народ, собравший вокруг себя другие народы...» Н. Бердяев: «Дух России — вселенский дух. Национален в России именно ее сверхнационализм... в этом самобытна Россия и не похожа

103

ни на одну страну мира». Другого и быть не могло. Русские жили бок о бок с теми, с кем еще вчера воевали. Но война не может продолжаться вечно, мир требует компромиссов. Это выработало соответствующий менталитет русского народа, развило его ассимиляционные свойства. Западное мировоззрение формировалось в совершенно других условиях. Европейские страны представляли собой в той или иной мере мононации, для которых далекие заморские колониальные народы были заведомо дикими, низшими расами полулюдей,

полузверей. У европейцев не было никаких прямых контактов с ними. Цивилизованные люди ехали в колонии обогащаться. Для британца «преуспеть в колониях» означало «награбить побольше»⁴⁹⁰. Британский полковник Сайкс, посетивший в 1916 г. русские войска на Кавказе, был поражен отношением между русскими и туземцами, которые, по его словам, невозможны для англичан, «они считают себя господствующей, высшей расой и поэтому никогда не поддерживают никаких отношений с туземцами своих колоний. Нарушить эту ужасную традицию — значит подвергнуться полному ostracism со стороны своих. Английского солдата нельзя заставить отдать честь офицеру колониальных войск — это считается оскорблением»⁴⁹¹.

Д. Лихачев, выделяя особый менталитет русских, писал: «Неверно думать, что Русское государство стало многонациональным только в XVI веке. Оно было многонациональным уже в X, XI и XII веках... Русские сражались с половцами. Но ни одного слова презрения к ним, как к народу, в русских литературных произведениях и в летописи мы не встретим...» Д. Лихачев приводит пример Вл. Мономаха, который в своем «Поучении» гордо рассказывает о грозных победах над половцами, но не менее гордо он сообщает: «Миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать..., и раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких...»⁴⁹² «Это, — как отмечает В. Кожинов, — в частности, неизбежно вело к ослаблению и размыванию таких четких национальных граней и форм, которые присущи западноевропейским народам... У русских не было столь твердых, отчеканенных форм национального быта, поведения, сознания, наконец, самого облика, как в странах Запада и Востока...»⁴⁹³

Национальное самосознание русского народа критически отставало от соседних народов и осталось слабо развитым до сих пор — до XXI века... По словам Дж. Хоскинга: «Русские потерпели неудачу в формировании собственной нации»⁴⁹⁴.

Идеализм русского национализма в полной мере выразил Тютчев в ответе на жесткий прагматизм Бисмарка, заявлявшего: «Национальные вопросы решаются железом и кровью»:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

104

Этот русский идеализм отражал в своих размышлениях Солоневич: «Еще сто лет тому назад на юге и западе США правительство платило за скальп взрослого индейца пять долларов, а за скальп женщины и ребенка — по три и два доллара. Приблизительно в то же время завоеванные кавказцы — Лианозовы, Манташевы, Гукасовы — делали свои миллионы на «русской нефти», из русских — не сделал никто. Завоеванный князь Лорис-Меликов был премьер-министром, а Гончаров во «Фрегате «Паллада» повествует о том, как в борьбе против «спаивания туземцев» русское правительство совершенно запретило продажу всяких спиртных напитков к востоку от Иркутска — и для русских в том числе. Все это никак не похоже на политику «национальных меньшинств» в США и Канаде, в Конго или на Борнео. Все это никак не похоже и на политику Англии в Ирландии или Швеции в Финляндии. Англия, завоевав Ирландию, ограбила ирландцев до нитки, превратив все население страны в полубатраков. Швеция, завоевав Финляндию, захватила там для своей аристократии огромные земельные богатства, и против этой аристократии финское правительство вело свои знаменитые «дубинные войны». Россия отвоевала от Швеции Прибалтику и Финляндию, не ограбила решительно

никого, оставила и в Прибалтике, и в Финляндии их старое законодательство, администрацию и даже аристократию — прибалтийские немцы стояли у русского престола, и генерал Маннергейм был генерал-адъютантом его величества»⁴⁹⁵.

В. Кожин приводит аналогичные примеры: «После кончины в 1598 году последнего Рюриковича царем был избран боярин «татарского происхождения» Борис Годунов... его главным соперником..., был также *русский татарин* (точнее, монгол) — потомок Чингисхана Симеон (Саин) Бекбулатович, которого Иван Грозный в 1575 году объявил «великим князем всея Руси»... Через полвека совершился раскол в русской Церкви и во главе борющихся сторон оказались два русских мордвина — патриарх Никон и протопоп Аввакум...»⁴⁹⁶ А. Буровский обращает внимание на то, что, «победив поляков, чеченцев... империя даже не пыталась отомстить побежденным за упорное сопротивление. Воинская доблесть противника не только не отрицалась, но вызывала уважение, и этого никто и не думал скрывать»⁴⁹⁷. Характерен в этой связи пример с Шамилем, ему не мстили, наоборот — его положение было приравнено к статусу владетельного князя. «Завоеванные Российской империей народы не переживали национального унижения. Простонародье могло жить по своим древним традициям, никто их нравы не «исправлял». Привилегированный слой завоеванных народов быстро получал права российского дворянства»⁴⁹⁸. Американец, посетивший Среднюю Азию в тот период, оставил нам подтверждение этой политики: «Довольно странно, но мусульмане отзывались о русском императоре самым лучшим образом. Поведение генерала Черняева произвело на них самое благоприятное впечатление. С тех пор местное население ни разу не выступило против своих завоевателей»⁴⁹⁹.

105

В. Шубарт относил такой нетипичный для Запада менталитет русского человека не к слабости, а к его духовным особенностям — чувствам братства и всечеловечности: «Сущность русского братства не в том, что люди в равной мере чем-то владеют или что они равны, а в том, что они уважают равноценность друг друга»...* «Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности»⁵⁰⁰. Ф. Достоевский: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите...»⁵⁰¹ Эта особенность русских выражена даже грамматически. Ведь далеко не случайно название всех народов образуется существительным и только русского — прилагательным.

А. Буровский: «Россия покоряла бедные народы не из стремления их грабежа, а ради защиты своих пограничных территорий, выхода к морям. Русские воевали с людьми, с которыми были связаны не первое поколение. Все мусульмане были для русских татарами, к ним относились без всякой расовой или национальной враждебности. Неизвестно ни одного восстания нерусских частей против Российской империи. Русские из опыта жизни узнают, каковы другие народы. Привыкая к их облику, поведению, особенностям других, они начинают относиться к ним естественно без напряжения и даже без особого любопытства»⁵⁰². «Каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет собственную культурную традицию, и многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную историю, — писал Н. Конрад — в русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти этому мы обязаны острым чувством единства человечества»⁵⁰³.

В. Шубарт: «Внутреннее единство русских, их целостная жизнь часто неправильно понималась в Западной Европе. Это трактовалось не как достоинство, а как отсталость, культурная незрелость, примитивность: мол в русских еще не вполне пробудилось чувство личностного; оно еще не вполне

обострилось и дремлет в народной душе, как плод во чреве матери. Это и предрассудок Запада, и в то же время доказательство его высокомерия. Социальные отношения русских показывают не степень зрелости их культуры, а исходят из свойственной им космической ус-

* В. Шубарт пишет: «Тут я предвижу возражение: «Разве в Европе не было чувства братства? Разве братство не принадлежит к идеалам французской революции?». «Да..., но эти слова означают на Западе не то же самое, что на Востоке. — отвечает В. Шубарт — Братство 1789 г. было не выражением органического чувства братства, а формулой уравнивания внешних условий политической и общественной жизни... здесь речь идет не о взаимной жизни человеческих душ..., а о профанированном, искаженном понятии братства... Своим лозунгом братства Европа предаст истинное значение мысли о братстве. «Небольшая сентиментальная ложь» — так назвал его Л.О. Форель. Честно сказано!» заключает В. Шубарт. (Шубарт В..., с. 169)

106

хановки. Это есть этическое выражение чувства всеобщности. Лишь поскольку европеец меряет это чуждое ему чувство своей западной меркой, он ошибочно трактует его как низшую ступень по отношению к западным формам жизни. В эту ошибку впадает и немало русских, не способных преодолеть пессимистическую оценку своего народа»⁵⁰⁴. Бисмарк указывал, что главная сила России заключается не в территориях и армиях, а в единстве народа, который, собственно, и есть сама Россия.

А. Буровский: «В строительстве своей империи русские вовсе не выступали в роли ангелов и альтруистов. Но никто другой не был ни ангелом, ни альтруистом. Абсолютно все народы, которые включила в себя Российская империя, или имели свои империи, или пытались их создавать. Жестокость Азиатских народов, как правило, во много раз превосходила жестокость русских солдат... Никто не имеет права заявить, что его народ чист, а это русские не чисты. К тому же Российская империя несла цивилизацию тем, кто жил еще вне цивилизации. Миллионам людей на Кавказе, в Средней Азии, в Крыму, на Дунае, в Сибири Российская империя дала возможности, которых они никогда не имели бы в своих традиционных обществах»⁵⁰⁵.

Вернемся в начало XX века.

Уже с середины XIX века огромные расходы на активную внешнюю политику, которой Россия следовала, по мнению Бисмарка, скорее подчиняясь инстинкту, чем здравому смыслу, перестали приносить дивиденды. Наоборот, войны стали лишь разорять и подавлять развитие собственного народа. В. Ключевский в начале XX века отмечал: «Внешнее территориальное расширение государства идет обратно пропорционально к развитию внутренней свободы народа... На расширяющемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа... В результате внешних завоеваний государство пухло, а народ хирел». Мало того, по мере развития национального самосознания народов, входящих в империю, ее содержание требовало все больших политэкономических затрат. В России они покрывались за счет дальнейшего обнищания и ограничения свобод (порабощения) самого «имперского народа» — русских. Вырученные ресурсы в том или ином виде передавались окраинам*. К концу XIX века эти инвестиции в сохранение империи уже перестали окупаться. И русский народ, являвшийся основой российской государственности, все сильнее отставал в своем развитии от народов, населявших западные территории империи. Русское государство само подрывало свои основы. В 1911 г.

* На Западе такое «самопожертвование» получило отражение в расовой теории, приписывающей русскому народу одновременно рабский и имперский характер.

107

«с трибуны Думы Шульгин с болью говорил о русском народе, о его безнадежном

отставании не только от западных соседей, но и от поляков, евреев, финнов, жителей Российской империи...»⁵⁰⁶

Царское правительство и аристократия абсолютно сознательно консервировало развитие прежде всего русского народа, как основу сохранения своей власти. Этой цели в частности служил циркуляр от 18 июня 1887 г., гласивший: «...гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат, и через то, как доказывает многолетний опыт, приводить их к пренебрежению своих родителей, к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного, по самой природе вещей, неравенства имущественных положений»⁵⁰⁷.

В эту социальную нишу попадало прежде всего русское население, так как оно находилось в худших экономико-географических и исторических условиях, чем другие народы империи. Крестьяне совершенно четко видели причины своей отсталости. Вторым вопросом после земли и воли они ставили образование: «Одною из главных причин нашего бесправия, — отмечалось на крестьянском сходе в Курской губернии, — служит наша темнота и необразованность, которые зависят от недостатка школ и плохой постановки в них обучения»⁵⁰⁸. Витте писал Николаю II в 1898 г.: «А просвещение? О том, что оно находится в зачатке, это всем известно, как и то, что мы в этом отношении отстали не только от европейских, но и от многих азиатских и заатлантических стран... Наш народ с православной душой невежествен и темен. А темный народ не может совершенствоваться. Не идя вперед, он по тому самому будет идти назад, сравнительно с народами,двигающимися вперед»⁵⁰⁹. Только после революции 1905 г., под нажимом Думы началась реформа начальной школы. Реформа встретила отчаянное сопротивление правых. Так, предложенный в 1906 г. закон П. Столыпина о всеобщем начальном обучении К. Победоносцев обозвал «бредом сумасшедшего»⁵¹⁰. С. Шарапов заявлял, что народ не хочет «казенной школы», ибо она стала «школой ненависти и политического разврата, школой безверия и борьбы, а объектом последней явилась сама христианская душа народа, его вера, его быт...»⁵¹¹. Закон о начальных училищах и введении обязательного начального образования был принят только в 1912 г., но времени оставалось слишком мало для того, чтобы решить вопрос, в котором русские отставали на многие десятилетия...

Царское правительство совершенно сознательно глушило и индивидуалистические инстинкты русских крестьян, препятствовало развитию органов государственного местного самоуправления и поощряло общинные. Государство стремилось, как указывает Грациози, «изолировать или сегрегировать российское крестьянство как от гражданского

¹⁰⁸

общества, так и от политического ядра... ради гарантии политической стабильности»⁵¹². Крепостное право в России было отменено почти на 50 лет позже, чем в прибалтийских губерниях, а искусственно сохраняемая община дожила до начала XX века.

Основы самоуправления в царской России были заложены земской реформой 1864 г. Дворянство удерживало господствующие позиции в земствах вплоть до февральской революции 1917*. Контрреформы 1887-1892 гг. еще больше усилили позицию дворянства и бюрократический контроль за земствами. К началу капитализма XX века правовое положение земств сохраняло все черты полуфеодализма середины XIX века. По мнению В. Ленина: «Земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства

волна общественного возбуждения и революционного натиска... Земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым бюрократией* лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось...»⁵¹³

С. Витте характеризовал земства еще более резко: «Участие крестьян в земстве ограничено. Мировые судьи были для крестьянского населения заменены земскими начальниками... В сущности, явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше всего заинтересованы в своем содержании»⁵¹⁴. Витте продолжал: «Крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов. Для крестьянства была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительными функциями, — все в виде земского начальника, крепостного помещика особого рода. На крестьянина установился взгляд, что это, с юридической точки зрения, не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но стал крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительным оком земского начальника»⁵¹⁵.

Либеральные реформы местного самоуправления начались только в 1906 г., с приходом Столыпина. Против них решительно выступили правые⁵¹⁶. С. Шарапов признавал, что проект преобразования ему «внушает наиболее опасений»⁵¹⁷. С. Шереметев: «Правительственный цинизм дошел до апогея»⁵¹⁸. Не меньшее сопротивление встретила судебная реформа. Правительство «намечает упразднение единственной

* Об этом свидетельствуют результаты выборов гласных в губернские и уездные земские собрания по 29 губерниям на 1865—67. В губернские было избрано помещиков-дворян — 74,2%, купцов — 10,9%, крестьян (в основном кулаков, сельских старост) — 10,6%, прочих — 4,3%; в уездные — помещиков-дворян — 41,7%, духовенства — 6,5%, купцов — 10,4%, крестьян — 38,4%, прочих — 3%. (Земства, БСЭ, 1970-1977.)

109

административной власти в сельских местностях в лице земских начальников, с заменой их шестью тысячами мировых судей, которых придется набирать, за оскудением землевладельческого класса, из молодых интеллигентов...» «При ужасающем развитии преступности» Министерство юстиции «озабочено, по-видимому, главнейше ослаблением репрессии и облегчением участи преступников до и после суда» (законопроекты о досрочном освобождении и условном осуждении)⁵¹⁹.

В то же время западные окраины российской империи интенсивно развивались под воздействием близости европейской цивилизации, легкости сообщения с нею и благодаря целенаправленной деятельности царского правительства, пытавшегося путем повышения образования, предоставления всевозможных национальных, государственных, экономических и прочих льгот и свобод отвлечь окраинные народы от сепаратизма и национализма. К первой русской революции 1905 г. процесс зашел слишком далеко...

Анализируя состояние Российской империи, Д. Кончаловский приходил к выводу, что «накануне Первой мировой войны, можно считать, что у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос. Он перекрывает все пути эволюции режима, поскольку либеральная, демократическая прогрессивная альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не дает решения национального вопроса и в

результате ведет к распаду империи»⁵²⁰.

К началу XX века у монархии оставалась только одна сила, способная обеспечить единство русского государства, но и ее репутация была поколеблена во время русско-японской войны 1904-1905 гг. По словам С. Витте: «Психика всех обывателей России начала перевертываться, все начали сбиваться с панталыку, и в конце концов, можно сказать, — Россия сошла с ума. Действительно, чем, в сущности, держалась Российская империя. Не только преимущественно, но исключительно своей армией. Кто создал Российскую империю, обратив московское полуазиатское царство в самую влиятельную, наиболее доминирующую, великую европейскую державу? Только сила штыка армии. Не перед нашей же культурой, не перед нашей бюрократической церковью, не перед нашим богатством и благосостоянием преклонялся свет. Он преклонялся перед нашей силой, а когда в значительной степени преувеличенно увидели, что мы совсем не так сильны, как думали, что Россия «колосс на глиняных ногах», то сразу картина изменилась, *внутренние и внешние враги* подняли головы, а безразличные начали на нас не обращать внимания»⁵²¹.

Успокоение, наступившее после подавления Первой русской революции, было обманчивым. Не зря, по словам А. Игнатьева, старая

110

русская армия после революции 1905 года была обращена в «городового»: «Только наивные российские политики могли не постигнуть, что с начала XX века царский режим держался на миллионе двухстах тысячах солдат, числившихся в армии по штатам мирного времени. Пошатнулась армия. — и развалилась, как картонный домик, по выражению тех же наивных политиков, Российская империя»⁵²². Даже в мирное время в «непокойных» районах (Средняя Азия, Финляндия, Польша, Кавказ) приходилось содержать роты в «усиленном составе»⁵²³.

Внутреннего врага, на которого указывал Витте, вполне определенно идентифицировал будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего и основоположник белого движения генерал Алексеев, который после Манифеста 17 октября 1905 г. писал, что русский либерализм «...тем и отличается от либерализма разумного европейца, что последний признает идею национализма, любит свое отечество, радуется о его славе и благе. Наш — отрицает Россию, печется о ее падении и унижении. Все стремления "либерализма русского человека" дискредитировать армию, офицеров направлены именно к этому; не будет надежной военной силы — и как быстро пойдет разрушение государства!»⁵²⁴

Причина этого явления крылась в том, что либеральная модель подразумевает примат экономических и индивидуалистических принципов организации общества. Как следствие, при переходе от патриархальной монархии к буржуазной республике имперская власть немедленно вступает в непримиримую конкуренцию с национальными и региональными элитами за власть и ресурсы. Национализм в данном случае, в зависимости от ситуации, либо действительно выступает, либо эксплуатируется элитами как инстинкт коллективной борьбы за выживание.

С. Кара-Мурза точно указывает на эту «сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы, — его несовместимость со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, их программа обрекала Россию на катастрофу... Это предвидел П.Столыпин, который в 1908 г. предупреждал либералов: «Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он

осел и окреп на грани двух частей света... Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, Вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью»⁵²⁵. С. Кара-Мурза замечает: «Сейчас кажется поразительным, как они (кадеты.—*ВТ.*) могли не видеть несовместимости главных целей движения (либерально-буржуазный порядок — и "единая и неделимая Россия"). Но они действительно ее не видели»⁵²⁶.

Именно на национальных особенностях России строились планы немецкой политики с началом Первой мировой войны. Людендорф

111

вспоминал: «Я был полон решимости восстановить на оккупированной территории цивилизаторскую работу, которой немцы занимались здесь многие столетия. Население, представляющее собой такую смесь рас, не может создать собственную культуру...» Литва и Курляндия должны управляться германским принцем и быть колонизованы германскими фермерами. Сама же Польша «должна признать германское главенство»⁵²⁷.

«Видный идеолог Шиман предлагал превратить российские национальные окраины в марионеточные государства, управляемые Германией «на римский манер». Его предложения поддерживал целый ряд таких столпов пангерманизма, как Рорбах, Хадлер, Клас, Лезиус. Вторая группа идеологов — Майнеке, Дельбрюк, Шефер — выступала за прямую колонизацию»⁵²⁸. М. Эрцебергер еще в сентябре 1914 г. ставил цель: «Освобождение нерусских народов от московского ига и реализация самоуправления каждого народа. Все это под германским верховенством». При этом ставилась цель «отрезать Россию от Балтийского и Черного морей»⁵²⁹. 19 апреля 1917 г. штаб генерала Людендорфа выпустил брошюру «Будущее Германии», в которой помещалась красочная карта России с обозначениями мест проживания «нерусского населения», объяснялись возможности колонизации России. Уголь, железная руда и нефть России сделают Германию самодостаточной экономической величиной⁵³⁰. Будущую границу с Россией предполагалось провести по линии «озеро Пейпус (Чудское) — Двина — Ровно — река Збруч».

Главными целями германского «освоения» должны были стать Литва и Курляндия. Отмечалось, что в Курляндии 10% немецкого населения, уже имевшегося там, «будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело»⁵³¹. В оккупированных немцами Польше, Литве и Курляндии была запрещена политическая деятельность. Учителями могли быть только немцы, язык обучения только немецкий. Основой судебной системы стал военный трибунал. Для колонизации уже в декабре 1914 г. предполагалось переселить в Польшу и Литву около 2 млн. российских немцев, и как утверждал Серинг, «через 2-3 поколения Курляндия станет полностью германской». Польшу предполагалось сделать буферной зоной между Европой и Россией. При этом Гофман считал ошибкой стимулировать дружбу литовцев и поляков: «Литовцы должны быть нашими союзниками в борьбе против поляков». Серинг предлагал сделать «немцами» наиболее производительных литовских крестьян, а поляков из Литвы «депортировать»... Гинденбург поддержал идею: «Для управления этими элементами необходима политика по принципу «разделяй и властвуй»⁵³².

В августе 1914 г. Циммерман указывал, что следует поднять против России Кавказ. Были созданы грузинские антироссийский фонд и легион во главе с германским капитаном. Немецкое правительство, несмотря на протест Турции, обещало грузинским националистам признать независимость Грузии от России. Еще в конце XIX в. был создан германо-

армянский комитет, а видный экономист Г. Гроте писал: «Овладение Арменией даст нам большое преимущество для овладения Месопотамией... для господства даже над всем Ближним Востоком»⁵³³. «Перед войной на Кавказ хлынули турецкие агенты и немецкие геологи, археологи, востоковеды, туристы... Была создана «Лига инородческих народов России», по сообщению русской разведки от 16.09.13, немецкий консул в Эрзеруме Андерс потратил на шпионаж и подобную деятельность 10 млн. марок⁵³⁴. Турция в свою очередь поднимала против России Армению и Азербайджан.

Однако сепаратистские настроения на Кавказе в то время разжигались с трудом. Гофман указывал на то, как неожиданно упорно сражались за Россию кавказцы⁵³⁵. Затея с «Грузинским легионом» закончилась неудачно. Набрать в него удалось всего 400-500 чел., в основном из грузин-мусульман Лазистана, при вторжении «Легион» встретил к себе такую ненависть и презрение соплеменников, что его побыстрее отправили в Европейскую Турцию⁵³⁶.

6 августа канцлер Бетман-Гольвег обещал финнам создание «автономного буферного государства». Руководитель германского МИДа Ягов 11 августа 1914 г. выдвигал дополнительные меры: «Очень важна реализация революции не только в Польше, но и на Украине: 1. Как средство ведения военных действий против России. 2. В случае благоприятного для нас завершения войны создание нескольких буферных государств между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией, с другой, желательно как средство ослабления давления русского колосса на Западную Европу и для отбрасывания России на восток настолько, насколько это возможно»⁵³⁷.

Таким образом, с первых дней войны Германия проводила активную целенаправленную сепаратистскую работу, которая становилась инструментом войны, а ее результаты одновременно — целью войны. Идеологическую базу раздела России в 1915-1916 гг. подвел Т. Шиман, «полагавший, что русское государство не является продуктом естественного развития, а конгломератом народов, удерживаемых вместе искусственно монархией, которая дегенерировала в деспотию»⁵³⁸. Под деспотией Шиман понимал прежде всего политику русификации национальных окраин, проводимую царским правительством.

Между тем в начале Первой мировой войны национальное единство России оставалось достаточно прочным. Правда, как вспоминал Деникин: «Еще до 1917 года были созданы национальные части по различным соображениям. В том числе несколько латышских стрелковых батальонов, пользовавшихся до революции хорошей боевой репутацией. Кавказская туземная дивизия, которою командовал великий князь Михаил Александрович и которая более известна под названием «Дикой», состояла из добровольцев от северокавказских горцев. Едва ли не стремление к изъятию с территории Кавказа наиболее беспокойных элементов было исклю-

чительной причиной этого формирования...»⁵³⁹ Тем не менее, отмечал Деникин, «национального вопроса в старой русской армии почти не существовало... В частности, малорусский вопрос не существовал *вовсе*. Малорусская речь вне официального обучения (песни, музыка) приобрела полное признание и ни в ком не вызвала впечатления обособленности, воспринимаясь как свое русское, родное... Армейская среда не являлась *вовсе* проводником ни принудительной русификации, ни национального шовинизма»⁵⁴⁰.

Волнения возникли только в глубоком тылу, в Туркестане. Попытка мобилизации на тыловые работы представителей местных народностей привела к мятежу: «Дескать, нарушены условия, на которых заключался договор о вхождении в Россию!» Но даже отмена распоряжения о призыве (в итоге на

тыловые работы стали нанимать китайцев) результатов не дала. Восстание приняло антирусский характер. Казахи поголовно вырезали русских крестьян-переселенцев. Генерал-губернатор Куропаткин быстро подавил восстание. Кроме этого, он выдал оружие крестьянам, и войскам скоро пришлось защищать уже не крестьян, а казахов и киргизов от разъяренных поселенцев. Повстанцы принесли повинную, а их вожди бежали в Китай⁵⁴¹. Г. Сафаров подтверждал: «Усмирение было чудовищным по своей жестокости... Десятки аулов в Джизакском уезде, в Семиречье и в Сырдарьинской области были стерты с лица земли. Земля, имущество скот и постройки были конфискованы и отданы в награду кулакам, принявшим живейшее участие в усмирении»⁵⁴².

Более или менее сильные национальные течения к началу войны существовали во всех национальных районах, но они носили весьма ограниченный характер и не выходили за рамки, которые, казалось, даже потенциально могли угрожать существованию единого российского государства. Все рухнуло в одночасье.

Февральская революция, казалось, прорвала плотину. Временное правительство попыталось удержаться на плаву, выпустив 28 марта декларацию об утверждении прочного мира «на основе самоопределения народа». Но еще до декларации «начались бесконечные национальные военные съезды вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все национальности: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане, — требуя провозглашенного «самоопределения» от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно, а главное — немедленного формирования отдельных войск. В конце концов, более серьезных результатов, несомненно отрицательных для целостности армии, достигли формирования украинское и польское, отчасти закавказские»⁵⁴³. Командование и правительство оказались не готовы к такому ходу событий, и, например, генерал А. Брусилов разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». В конце лета 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев⁵⁴⁴. Генерал Алексеев решительно про-

114

тивился всем попыткам разделения по национальностям, но поощрял польские и чехословацкие формирования... Генерал Рузский самовольно приступил к организации эстонских формирований и т.д...

«Стали все явственнее проявляться и националистические настроения части офицеров, главным образом украинцев, — отмечает С. Волков, — что было явлением для русской армии ранее совершенно неслыханным...»⁵⁴⁵ «Петлюра уверял, что в его распоряжении имеется 50 тысяч украинских воинов, — вспоминал А. Деникин. — А командовавший войсками Киевского военного округа полковник Оберучев свидетельствует: «В то время, когда делались героические усилия для того, чтобы сломить врага (июньское наступление), я не мог послать ни одного солдата на пополнение действующей армии. Чуть только я посылал в какой-либо запасной полк приказ о высылке маршевых рот на фронт, как в жившем до того времени мирной жизнью и не думавшем об украинизации полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: Пийдем пид українським прапором! И затем ни с места. Проходят недели, месяцы, а роты не двигаются ни под красным, ни под желто-голубым знаменем»⁵⁴⁶. Между тем, «в развитие распоряжений правительства Ставка назначила на всех фронтах определенные дивизии для украинизации, а на Юго-Западном фронте, кроме того, 34-й корпус, во главе которого стоял генерал Скоропадский»⁵⁴⁷.

Начался территориальный распад. «В течение нескольких месяцев поляки,

финны, прибалты, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы образовали национальные парламенты и правительства, стремящиеся к независимости»⁵⁴⁸. Польша к тому моменту была оккупирована Германией, и Временное правительство туманно пообещало признать ее. Финляндии отказали, в июне было даже разогнано заседание сейма. В Киеве 4 марта 1917 г. была образована Центральная рада, которая потребовала территориально-национальной автономии Украины. 8 июня Рада провозгласила автономию, образовала секретариат (совет министров) и начала организацию национальной армии. В июле меньшевистские члены Временного правительства были вынуждены подписать соглашение о предоставлении Украине автономии и одновременно разрешили организацию национальных войск. 25 сентября была выпущена последняя декларация Временного правительства, согласно которой Россия предоставляла полное самоопределение Польше, Литве и Латвии»⁵⁴⁹.

Сепаратизм поразил не только национальные окраины. 9 августа в Томске было принято постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей. 8 октября I Сибирский областной съезд постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. Ожесточенными противниками областничества выступили большевики. После Октября Сибирская Дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов было арестовано. I и II

115

Всероссийские мусульманские съезды (май/июль) заявили, что не помышляют о выходе из России, но обнаружили две тенденции: на национально-культурную автономию при унитарном государстве и на территориально-федеративное устройство (с созданием автономных республик). Председатель Юридического совещания Временного правительства Ф. Кокошкин разрабатывал даже проект двух Дум — Государственной и Союзной⁵⁵⁰. В сентябре начал отделяться Северный Кавказ, в Екатеринодаре возникло «Объединенное правительство Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». 5 октября Краевая казачья рада приняла постановление о выделении края в самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся «равноправным, самоуправляющимся членом федерации народов России». При этом право выбора в новый орган управления предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно «коренному» иногороднему населению, то есть почти половина области лишена была избирательных прав⁵⁵¹.

«Окончательно самоопределялись окраины. Туркестан пребывал в состоянии постоянной дикой анархии. В Гельсингфорсе открывался явочным порядком финляндский сейм, и местные революционные силы и русский гарнизон предупреждали Временное правительство, что не позволят никому воспрепятствовать этому событию. Украинская центральная рада приступила к организации суверенного учредительного собрания, требовала отдельного представительства на международной конференции, отменяла распоряжения главнокомандующего Юго-Западным фронтом, формировала «вольное казачество» (не то опричнину, не то просто разбойные банды), угрожавшее окончательно затопить Юго-Западный край...»⁵⁵² А. Буровский приходит к выводу, что к 1918 г. Российского государства практически не существовало, уже «в марте-апреле 1917 г., Временное правительство не контролировало большей части территории страны»⁵⁵³.

Октябрьская революция, прошла под лозунгом «Мир народам». Вполне закономерно, что в первый же день своей революции большевики провозгласили «Декрет о мире», гласивший, что продолжение войны «из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности,

правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на... равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях». 15 ноября 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», признававшая их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». По сути декларация лишь констатировала свершившийся факт. Уже объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии — Эстония, Литва, Крым, Бессарабия, казачьи области, Грузия, Азербайджан, Армения,

116

Сибирь. «Провозглашали свою «независимость» и отдельные регионы, губернии и даже уезды!»⁵⁵⁴

Лозунги русской революции подтолкнули выступление американского президента. Озвученный 8 января 1918 г. один из четырех фундаментальных принципов Вильсона провозглашал право наций на самоопределение при соблюдении принципа территориальной целостности. Большевистская «Декларация прав народов России» шла дальше принципов, провозглашенных Вильсоном. Причины столь радикального демократизма большевиков определяла стихия национализма, поднятая февральской революцией. Большевики, как до них и Временное правительство, ничего не могли противопоставить этой стихии и ради выживания были вынуждены плыть по течению.

Россию от окончательного развала спас большевистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Его, конечно, было недостаточно для преодоления межнациональных границ, но на пространстве бывшей Российской империи, где общие исторические корни были еще сильны, он становился мощной объединительной идеей. Именно эту консолидирующую силу, в меру своего понимания, отмечал генерал Гофман в своем дневнике: «Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет — в противном случае эти скоты загонят бичами всех вместе: украинцев, финнов, прибалтов — в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник»⁵⁵⁵.

На Украине в основном только буржуазия и либеральная интеллигенция выступали за самостийность, в то время как большинство народа стояло за сохранение единой страны. «Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов в середине апреля в резких и возмущенных выражениях охарактеризовал явление украинизации как простое дезертирство и шкурничество и большинством голосов (264 против 4) потребован отмены образования украинских полков. Интересно, что таким же противником разделения армии по национальностям явилась польская «левица», отколовшаяся от военного съезда поляков в июне из-за постановления о формировании польских войск»⁵⁵⁶. Большевики в итоге стали единственной консолидирующей государство политической силой, опираясь при этом на самую широкую поддержку народных масс.

Их «Декларация прав народов России» резко снижала напряженность внутри Российской империи, а также вероятность и масштабы гражданской войны на национальной почве. Лозунг большевиков выгодно отличался от позиции Белого движения — «За единую и неделимую Россию», которая неизбежно вела к разжиганию гражданской войны по национальному признаку. Кроме этого, белое движение не имело никакой национальной консолидирующей идеи. Следовательно, сохранение единства можно было бы достигнуть только «железом и кровью».

Даже Германия не могла не учитывать реалий новых принципов сосуществования народов. Германский историк Ф. Фишер отмечал:

117

«С русской революцией и американским вступлением в войну идея

национального самоопределения приходит в мир с востока и запада; теперь Германия должна была изыскать новые формы доминирования, отличающиеся от аннексий и экономической эксплуатации безотносительно к национальным устремлениям. Именно в этом историко-мировом плане мы должны видеть переход политики от неприкрытой аннексии в Бельгии, Литве и Курляндии к более эластичным методам «ассоциации», посредством которой Германия стремилась превратить новый принцип самоопределения в инструмент косвенного достижения целей своего доминирования»⁵⁵⁷. Начальник штаба Восточного фронта генерал-майор Гофман в мае 1917 г. писал: «Необходима формула, согласно которой Германия отвергает аннексии, в то время как Россия подчиняется принципу свободы малых наций, освобождая земли, оккупированные ныне нами, от своего политического влияния, передавая Германии задачу регулирования, их политическую будущность»⁵⁵⁸.

Следующим шагом на пути дезинтеграции России стал Брестский мир.

Стратегия «эластичного» доминирования стала складываться при подготовке Германии к переговорам в Бресте. Цель ее заключалась в самоопределении наций под германским протекторатом. Свое понимание новой политики доминирования Вильгельм II изложил в марте 1918 г.: «Обязанностью Германии является играть роль полисмена на Украине, в Ливонии, Эстонии, Литве и Финляндии»⁵⁵⁹. Первым шагом на этом пути должны были стать декларации, отражавшие «подлинное выражение народного мнения» о национальном самоутверждении. Такие декларации поступили от недавно созданных национальных советов Курляндии, Литвы, Польши, Эстонии и Ливонии, оккупированных Германией. Вторым шагом стало требование Германией *легализации* телеграмм о помощи... со стороны тех областей, которые германское командование намеревалось оккупировать и провозгласить независимыми. Гинденбург определил временной лимит: «Просьбы о помощи должны поступить до 18 февраля». Людендорф зачитал заготовленную «телеграмму из Риги». Необходимы такие же «просьбы» со стороны Украины и Финляндии»⁵⁶⁰. Третьим шагом должна была стать легализация политики Германии в глазах мирового общественного мнения, для этого поход против большевистской России необходимо было подать, как антикоммунистическую «полицейскую операцию», организованную в интересах человечества»⁵⁶¹. Как реализация этих пунктов выглядела на практике?

Наглядный пример «подлинного выражения народного мнения» о национальном самоутверждении давала Прибалтика.

Эстония была полностью оккупирована немцами в феврале-марте 1918 г., после чего главой эстонского народа был выбран националист К. Пятс. «Эстонская армия, русские белогвардейцы и части немецкого

118

ландвера разбили Красную Армию к февралю 1919 г. Эстонцы загнали белогвардейцев в лагерь, к весне они выморили голодом и холодом не меньше 10 тыс. из них»⁵⁶². В Латвии уже весной 1917 г. возникло такое же двоевластие, как и в России. 21 августа 1917 г. генерал Л. Корнилов сдает Ригу немецким войскам. К февралю 1918 г. вся территория Латвии оказывается под немецкой оккупацией. 18 ноября 1918 г. немцы передали власть избранному правительству во главе с К. Ульманисом. Территория Литвы была оккупирована немцами к концу 1915 г. Летом 1918 г. на престол литовцы позвали немецкого принца фон Ураха. Людендорф подчеркивал: «Мы охотно пошли навстречу в вопросе об осуществлении права на самоопределение народов... Мы только требовали, чтобы опрос населения был произведен при условии расположения наших войск в этих областях»⁵⁶³. Независимость прибалтийских стран, провозглашенная под прикрытием десятков тысяч немецких штыков, была объявлена свободным демократическим выбором народов, не желавших оставаться в Российской

империи*.

К декабрю 1918 г., вслед за отступающими немецкими войсками, территории Латвии и Литвы были заняты частями Красной Армии. Правительство Ульманиса обратилось за помощью к немцам. В ответ на базе немецких частей был сформирован 80-тысячный Балтийский ландвер, подавлявший ожесточенное сопротивление советских латышских частей, которому помогала дивизия Дер Гольца, белогвардейцы, поляки, эстонцы. В январе 1919 г. по просьбе своего правительства Литва так же получает военную помощь от Германии с согласия Антанты. «Немцы начали массовый террор. Каждый день на центральной улице Митау германская расстрельная команда уничтожала десятки захваченных красных... Немецкие власти потребовали регистрации всех, кто так или иначе сотрудничал с советскими учреждениями. И тех и других ждала та же участь. Две российские балтийские провинции оказались залитыми кровью; немцы вели себя самым жестоким образом. Здесь как бы перекидывался мост от цивилизованного германского офицерства к зондеркомандам Второй мировой войны»⁵⁶⁴.

Суть телеграмм о помощи от национальных районов к Германии демонстрировал пример Закавказья,

Лидер грузинских социал-демократов Н. Жордания, который в ноябре 1917 г. говорил, что и теперь «в пределах России грузинский народ должен искать устройства своей судьбы», в феврале 1918 г. заявлял: «Когда есть выбор — Россия или Турция, мы выбираем Россию. Но когда есть выбор — Турция или самостоятельность Закавказья, мы выбираем самостоятельность». Предложение встретило резкий протест в среде русских

* История с обретением «демократии и независимости» на этом не прекратится. Немецкие протеже Пятс и Ульманис вернутся в 1934 г. Они совершат в своих странах перевороты и установят правые диктатуры.

119

социалистов и армянских дашнакцутюнов. Решено было передать вопрос на рассмотрение особой комиссии, которая «обсудила вопрос в ряде заседаний с участием сведущих лиц — представителей армии, банков, финансового и других ведомств — и пришла к единодушному убеждению о невозможности самостоятельного существования Закавказья без поддержки какой-либо стратегически и экономически сильной державы»⁵⁶⁵. В итоге в мае 1918 г. грузинские националисты заявили, что «при определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, при контроле со стороны германского вице-короля»⁵⁶⁶.

Истинные цели «полицейской операции» против большевиков формулировал Г. фон Веделъ в начале 1918 г.: «В отношении России существуют две возможности. Либо имперская Россия откатится назад, либо она распадется. В первом случае она будет нашим врагом, ибо постарается восстановить свою власть над незамерзающими портами Курляндии и оказать влияние на Балканах. Империалистическая Россия может стать другом Германии, если мы не похитим у нее побережье, но она никогда не станет другом Миттельеюропы. Поэтому мы должны поставить все на *вторую* карту, на дезинтеграцию России, что помогло бы нам отбросить ее с берегов Балтики. Если Украина, балтийские провинции, Финляндия и другие действительно отпадут от России навсегда (что не кажется мне очень реальным, особенно в отношении Украины), тогда от России останется собственно Великая Сибирь. Если Россия возродится, нашим потомкам, вероятно, придется сражаться во второй Пунической войне против второй англо-русской коалиции; таким образом, чем дальше на восток мы сейчас ее отбросим — тем лучше для нас»⁵⁶⁷.

Кайзер был солидарен: если сохранить России ее силу и оставить ее в покое, ангlosаксы непременно организуют ее в противника, постоянно направленного против Германии. Следует максимально ослабить Россию⁵⁶⁸. Министр иностранных дел Германии Кюльман 20 декабря 1917 г. в этой связи заявлял, что главной целью является дезинтеграция «старой России». «Германия должна признать отделение Финляндии, Украины, Кавказа и Сибири, как только это сделает русское правительство». Множество слабых отделившихся государств, пояснял Кюльман, будет нуждаться в германском покровительстве»⁵⁶⁹. Кайзер предлагал поделить Россию на четыре независимых государства: Украина, Юго-Восточная лига (территория между Украиной и Каспийским морем), Центральная Россия и Сибирь⁵⁷⁰.

Согласно Брест-Литовскому мирному договору Финляндия и Украина получали независимость, кроме этого Россия должна была вывести свои войска с территории Эстляндии и Лифляндии. Отношение Германии к Брестскому миру высказал глава германской делегации в Брест-Ли-

120

товске Гофман, которого многие считали самым талантливым германским генералом: «Русский колосс уже в течение 100 лет оказывал слишком тяжелое давление на Германию, и мы с чувством известного облегчения наблюдали за тем, как под влиянием революции и хозяйственной разрухи былая мощь России постепенно разрушается»⁵⁷¹.

Методы и цели «подлинного выражения народного мнения» российских окраин в июне 1918 г. обосновал глава отдела торговли германского МИДа на Украине: «Репрессировать все прорусское, уничтожить федералистские тенденции», сохранять контроль и над большевиками и над Скоропадским, как можно дольше сохранить состояние распада России — единственного средства предотвращения возрождения России». Непосредственные цели: «Контроль над русской транспортной системой, индустрией и экономикой в целом должен находиться в наших руках. Мы обязаны преуспеть в сохранении контроля над Востоком. Именно здесь мы вернем проценты с наших военных займов»⁵⁷².

Политика «союзников» относительно будущего России парадоксальным образом совпадала с политикой ее противников. Единство мысли англичан, французов и немцев было почти абсолютным. Клемансо, который в ноябре 1917 г. стал премьером «правительства спасения» и военным министром Франции, провозглашал: «Брест-Литовский мир сразу нас освободил от фальшивой поддержки притеснителей из России, и теперь мы можем восстановить наши высшие моральные силы в союзе с поработенными народами Адриатики в Белграде, от Праги до Бухареста, от Варшавы до северных стран... С военным крушением России Польша оказалась сразу освобожденной и восстановленной; национальности по всей Европе подняли голову, и наша война за национальную оборону превратилась в силу вещей в освободительную войну»⁵⁷³.

У. Черчилль: «На западе к ней (Польше) примыкала Германия, трепещущая, ошеломленная... на востоке — тоже распростертая ниц и смятенная Россия, эта страшная глыба — Россия, не только раненая, но отравленная, зараженная, зачумленная; Россия вооруженных орд, сражавшихся не только с помощью штыков и пушек, но также и с помощью мириад тифозных бактерий, убивавших человеческие тела, и с помощью политических доктрин, разрушавших как здоровье, так и самую душу народа-Намерения тех, кто составляли Версальский договор, заключались в том, чтобы создать из Польши здоровый, жизнеспособный, мощный организм, который мог бы стать необходимой преградой между русским большевизмом — на все время его существования — и всей остальной Европой. Поражение и завоевание Польши, присоединение ее к России уничтожили бы все преграды между Россией и Германией и привели бы

их к непосредственному и немедленному соприкосновению»⁵⁷⁴.

Одновременно У. Черчилль не скрывал своего торжества от поражения России в Первой мировой войне: «Только чудо могло совершить возрождение Польши. Прежде же чем это случилось, необходимо было,

121

чтобы все три могущественные империи, участвовавшие в разделе Польши, были одновременно и окончательно разбиты. Но произошло совершенно удивительное совпадение... все ее цепи — русские, германские и австрийские — были порваны одним ударом. Пробыл час возмездия, и самое большое преступление, известное истории Европы, закрепленное в памяти шести поколений, отошло в область предания»⁵⁷⁵.

Ллойд Джордж вспоминал, что решение Англии о разделе своего союзника России возникло еще во время войны — осенью 1916 г., когда английское министерство иностранных дел представило правительству меморандум относительно основ разрешения территориальных вопросов в Европе после окончания войны. В меморандуме предусматривалось, что Польша должна стать буфером между Россией и Германией. Создание такой Польши, а также нескольких государств на территории Австро-Венгрии «оказалось бы эффективным барьером против русского преобладания в Европе»⁵⁷⁶. Для достижения таких целей «союзников», Россия к концу войны должна была подойти либо значительно ослабленной и не способной к серьезному сопротивлению решениям «союзников», либо из разряда союзников перейти в стан врага... И здесь произошло «совершенно удивительное совпадение»...

Ликование в стане «союзников» России от ее поражения в войне было всеобщим. Английский генерал Э. Айронсайд, командующий силами интервентов на Севере России, заявлял: «Подписав Брест-Литовский мир, большевики отказались от прав на все подчиненные народы. По моему мнению, сейчас союзники могли приступить к освобождению Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы, Латвии и, возможно, даже Украины»⁵⁷⁷. Посол Англии в Париже лорд Берти в своем дневнике замечал: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице Императора и религии, который связывал разные нации православной верой. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, то есть в Финляндии, Польше, Украине и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку»⁵⁷⁸.

Ллойд Джордж утверждал, что «традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и передней Азии»⁵⁷⁹. Позже Ллойд Джордж заявит, что целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они «борются за Единую Россию...» «Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд (Дизраэли), видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи...»⁵⁸⁰

В. Воейков, последний дворцовый комендант его величества, вспоминал, что по прибытии в эмиграцию его внимание привлекли откро-

122

венные статьи двух газет. «Первая писала: "Хорошо, что прогрессивные партии наконец поняли опасность, представляемую мощною Россией под каким бы то ни было правительством. Какая странная идея восстановления великой России..." Вторая статья гласила: "Беглого взгляда на географическую карту достаточно, чтобы понять, что падение царизма и вытекающее из него расчленение этого

государства есть только первый шаг к мировому равновесию, так как чудовищное географическое тело, каковым была империя царя, делало москвитов опасными"»⁵⁸¹.

Пожалуй, единственный, кто последовательно выступал за сохранение единства России, был только американский президент В. Вильсон. Его памятка от 17 июля 1918 г. отстаивала идею самоопределения и территориальной целостности России⁵⁸². Но даже в своей стране он был одинок, и его политика потерпела полное поражение. «Хауз постарался облегчить совесть президента: России так или иначе придется быть разделенной... остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут *четыре* России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны»⁵⁸³.

Украина

Очевидно, русскому трудно понять радикальные настроения украинских националистов. В России подавляющее большинство населения всегда считало украинцев даже не столь дружественным славянским народом, сколь ближайшей родственной нацией, или единым народом, разделенным историей и татаро-монгольским нашествием. Конечно, 200 лет ига — это не 45 лет разделения Германий после Второй мировой войны... Кеннан и его последователи в этой связи утверждают, что Московская Русь не имела никакого понятия о своей преемственности от Киевской Руси, «этот народ никогда не вспоминал про Киев»⁵⁸⁴. Действительно, связи между бывшей киевской Русью и московской были сильно ослаблены временем, историей и географией, но они никогда не исчезали совсем...

Принципы взаимоотношений России и Украины лучше всего демонстрирует история их воссоединения в 1654 г.:

Воссоединению предшествовало восстание под предводительством Б. Хмельницкого против Польши. Оно опиралось на холопское движение, которое началось еще раньше, чем запорожцы пришли на Украину⁵⁸⁵. Это движение носило характер стихийного бунта, который М. Покровский назвал «украинской пугачевщиной»*. Хмельницкий лишь использовал

* Причины бунта были те же, что и в других странах Европы, осуществлявших в XV-XVII веках переход от феодализма к торговому капитализму. Отношения Польши и запорожцев вносили лишь свои оттенки в общую объективную закономерность:

123

крестьянский бунт в своих целях⁵⁸⁶. Опора на «чернь» привела его к власти, но не гарантировала ее, тем более во время войны с Польшей*. Для борьбы «за казацкие вольности» запорожцы взяли в союзники крымскую орду. «За участие татар... приходилось платить несколькими десятками тысяч украинской молодежи, которая пошла на невольничьи рынки Средиземного моря и Малой Азии»⁵⁸⁷. Хмельницкий тогда говорил: «Тугай бей, брат мой... Вечная наша казацкая дружба, которой всему свету не разорвать!»³⁸⁸ Ходячей поговоркой стала присказка: «За кого хан, тот и пан».

Одновременно Хмельницкий пытался сохранить отношения с Польшей, главным требованием которой было «отступить от черни, чтобы холопы пахали, а казаки воевали»⁵⁸⁴. Б. Хмельницкий охотно согласился и пошел на «усмирение всяческих бунтов». Потеряв поддержку «черни», чтобы удержаться у власти, Б. Хмельницкий, был вынужден пойти на поклон к своим противникам. Он клялся всеми святыми в верноподданических чувствах польскому королю, провозглашал вечную дружбу с турецким султаном, шведским королем и крымским ханом⁵⁹⁰. То, что Украина оказалась под Москвой, по мнению Покровского, стало результатом «естественного отбора»⁵⁹¹.

Однако в объединении общие исторические корни очевидно сыграли свою роль. Для простых украинцев выбор стоял между мусульманской Османской империей и католической Польшей, где православных украинцев считали за людей второго, если не третьего сорта, и Россией,

— Наиболее наглядным шагом на этом пути было запрещение Речью Посполитой казацких набегов на турок. По словам М. Грушевского, для запорожских казаков «запрещение грабежей... было отобранием главного источника дохода». Решимость Польши диктовалось тем, что она уже выходила из эпохи средневекового феодализма с его рыцарскими грабежами и разбоем. Новая эпоха требовала относительной стабильности для процветания торговли и хозяйства.

— Наступление новой эпохи отразилось и в захвате крестьянских земель панами. Крупные товарные хозяйства вытесняли мелкие полунатуральные, вместе с их бывшими владельцами. Именно тысячи обезземеленных крестьян стали основной движущей силой стихийного крестьянского бунта.

— Непрерывные казацкие бунты привели к тому, что после очередного из них в 1638 г, казацкое самоуправление было отменено и казаки подчинены полковникам, назначаемым Речью Посполитой. С этого момента шляхта стала теснить не только крестьян, но и казацких старшин. Хмельницкий в то время писал: «Польское начальство обращается с нами, людьми рыцарскими, хуже, чем с невольниками». (Покровский М..., с. 44)

Постепенно экономические требования казаков сменились политическими — создания самостийного государства. Претензии были поддержаны национально-религиозными лозунгами: «За православие против католицизма и унии» (был впервые поднят вовремя восстания Наливайкой в 1595 гг.) Для Хмельницкого, по его словам, уния — «неволя, горше турецкой, которую терпит наш народ русский». (Покровский М..., с. 36, 45)

* Простой народ у запорожских казаков, являвшихся по сути восточным вариантом европейского рыцарского сословия, назывался «чернью».

124

связи с которой базировались на общности языка, религии, национального равенства. Далеко не случайно украинские казаки заявляли: «Идем к христианскому государю его царскому величеству з женами и детьми со всем скарбом. Буде христианский государь его царское величество не велит нас принять под свою государеву высокую руку, лучше нам умереть у христиан, чем умереть у поганцев в неволе». Богдан был вынужден пойти за войском: «...и я, кроме его, государя его царского величества, никуда не мышлю»⁵⁹². Уже с 1651-1654 гг. началось массовое переселение более 60 тысяч украинских казаков «на вечное житье» в российские земли, под начало русских воевод сначала под Воронеж, а затем в Ахтырку, Харьков и Сумы. Так начиналась вторая Украина — Слободская — зона «московских слободских полков», как называл их украинский летописец С. Величко³⁹³.

Государство, созданное Б. Хмельницким до Переяславской Рады, существовало всего шесть лет. Из них три последних года Украина все чаще обращалась к московскому царю и патриарху с просьбами о соединении. О том, что в то время творилось на Украине, говорил сам Б. Хмельницкий в своей речи на Переяславской раде: «Уже шесть лет живем без государя в нашей земле в беспрестанных бранях и кровопролитиях... что уже вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жити боле без царя»⁵⁹⁴.

Москва принять решение о воссоединении не торопилась, поскольку оно автоматически приводило к войне с Польшей. На войну Алексей Михайлович пойти не мог из-за усилившейся, с ужесточением крепостного права, смуты в России. Кроме этого, Москва сама еще не вполне оправилась от польского нашествия начала века. Поэтому русский царь пытался урегулировать вопрос мирным путем, выступая посредником в предоставлении Украине самой широкой автономии в составе Польши.

Современные исследователи указывают, что процесс соединения Украины с Россией несомненно был добровольным — никто не принуждал к нему украинцев и не навязывал воинской силой, инициатива преимущественно исходила от них самих. Для украинской и русской элиты это был не столько брак по любви,

сколько брак по расчету⁵⁹⁵. России в 1654 г. добровольно индивидуально присягнули 127,4 тыс. украинских казаков и мещан, больше реестра, определенного самим Хмельницким, и только 188 представителей шляхты⁵⁹⁶. Присягнули «навек и неотступно», каждый украинский житель налагал на себя личную ответственность перед Богом за нарушение присяги. «В документах Хмельницкого мы не найдем терминов «Украина» или «украинский народ». Великий гетман приводил под царскую руку «гетмана Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир христианский российский духовных и мирских людей, во всякому чину сущих...» Украинское ученое духовенство еще в 1620-х годах «отлило первичные формы национального самосознания в теоретическую концепцию «русского народа»⁵⁹⁷.

125

Однако, как отмечал А. Каппелер, украинская элита понимала подданство как протекторат с возможностью выхода. Россия в свою очередь понимала подданство в прямом смысле с возможностью самой широкой автономии и невозможностью выхода. Оба украинских гетмана Б. Хмельницкий и И. Выговский, призывавшие русского царя, впоследствии выступают против России. 28-29 июня 1659 года И. Выговский совместно с татарами одержит победу над царскими войсками под Конотопом, после которой 5000 пленных — цвет русской дворянской поместной конницы — были обезглавлены на глазах гетмана казаками и крымским ханом. Казалось бы, недовольное «московским гнетом» население должно было с восторгом приветствовать победителя, однако всего через два месяца казацкая рада заставила Выговского сложить булаву, а выбранный гетманом Ю. Хмельницкий уже в октябре 1659-го вновь присягнул России, причем на условиях, сужавших автономию⁵⁹⁸. М. Покровский отмечал: «Чем резче проявляли свою антипатию к московскому режиму верхи, тем преданнее были низы Москве»⁵⁹⁹.

По представлению украинских националистов и «либеральных» критиков, Россия должна была отвоевать у Польши Украину, подавить в ней бунт и гражданскую войну, установить самостийную государственную власть. После этого функции России считались выполненными, и она должна была предоставить Украине независимость. Правда, Б. Хмельницкий запросил еще от русского царя Алексея Михайловича установления жалования казакам, которое в сумме выливалось в 1,8—1,9 млн. золотых — более половины годового бюджета Польши того времени — или около 400 тыс. российских рублей*. В то же время максимальные доходы России с Украины в «страшные времена» петровской Малороссийской коллегии не превышали 130 тыс. рублей...» Т.е. свобода Украины и ее лояльность по отношению к Москве обошлась бы последней еще и в ежегодные затраты в размере 8-10% бюджета⁶⁰⁰.

Проблема состояла и в том, что в виде самостоятельного государства Украина тогда существовать не могла. Так, по мнению корифея украинской политологии В. Липинского воссоединение спасло «идеологически и юридически украинскую аристократию после банкротства ее собственного государства»⁶⁰¹. М.Покровский замечал: «Нелогично было ставить гетмана независимым правителем автономной Украины и в то же время признаться, что без московской поддержки ему не усидеть»⁶⁰². Сам Хмель-

* За полвека до Хмельницкого (в 1596 г.) аналогичные требования, правда, к польскому королю выдвигал его предшественник Наливайко, который свои запросы «в сущности сводил к тому, чтобы польское правительство взяло его казаков на жалование, а его самого сделало над казаками гетманом». Ровно о том же, правда в свою пользу, просил Сигизмунда противник Наливайко кошевой Лобода. М. Покровский объясняет эти запросы тем, что «национальный промысел» Запорожья (грабеж турок) был пресечен, и надо было найти вознаграждение за это. (Покровский М..., т. 2, с. 36-37),

ницкий просил войск царских с Украины не уводить. Позже Москва встала перед выбором между отстранением от власти «обанкротившейся украинской аристократии» или «банкротством украинского государства». Москва выбрала первое, встав на очередных выборах за представителя казацких низов — Брюховицкого*.

Какие выгоды получала Россия? Как и ожидалось, сразу после воссоединения началась тяжелейшая русско-польская война, которая длилась почти 13 лет. Кроме этого, с юга на Россию шли турки, с севера шведы. Война привела к глубокому экономическому кризису** и Москва была вынуждена предложить Польше поделить Украину Днепром, и тем покончить спор. Россия потратила значительные человеческие, материальные и финансовые ресурсы для подавления анархии на Украине и создания государственной власти. Сама Россия в конечном итоге не получила из земельного фонда, переданного в распоряжение украинских старшин и казачества, ничего, да еще и заплатила по Андрусовскому перемирию за «зачистку» украинских земель от польской шляхты миллион золотых⁶⁰³. Россия потеряла в пользу Украины свои лучшие в климатическом отношении русские земли в районе переселения украинцев — Слободской Украины. К концу XVII века все сборы с Украины (в том числе налог с торговли и промышленности), а также прежние «коронные земли» перешли в распоряжение гетмана и войсковой казны. Украина имела широкую автономию и несла весьма умеренное налоговое бремя (исключая периоды русско-турецких и русско-польских войн), использование налогов шло в первую очередь на нужды самой Украины. Деньги для развития и существования Российской империи собирались с русских крепостных, на Украине крепостное право было введено лишь при Екатерине II 125 лет спустя***. Россия ради воссоединения пожертвовала даже своей государственной религией, наверно уникальный случай в мировой истории, проведя унификацию русской церкви, жертвой которой стали десятки тысяч русских священников и верующих, целые пласты русского народа — староверы, которые почти на два с половиной века были объявлены вне закона.

Почему же Россия пошла на воссоединение с Украиной? По мнению М. Покровского: «Москве необходимо было ассимилировать Украину по той простой причине, что иначе московская «польская Украина» пре-

* Главные вожди «черной» рати были пожалованы дворянами московскими, а Брюховицкий стал боярином.

** Представление о глубине кризиса дает инфляция — цена серебряного рубля выросла почти в 17 раз. Волнения в Москве, вызванные кризисом, были подавлены со средневековой жестокостью. Было вырезано более 7 000 человек, сослано около 15 000. (Данные: Покровский М..., т. 2, с. 97, 98)

*** За крепостное право выступали еще послы Хмельницкого. Выпрашивая себе имения, они желали, чтобы «были вольны в своих подданных, как хотя ими удержати и обладати». (Покровский М..., т.2, с. 65)

127

вращалась в бездонную бочку», куда стекались крестьяне, бежавшие от ужесточения крепостного права на Руси. С другой стороны, самостоятельной политики Украина вести не могла, становясь заложником соседних стран и очагом новых военных конфликтов. Да и на мирные настроения самой Украины с ее вольным 60-тысячным казацким войском навряд ли можно было полагаться. Ведь та же казацкая вольница своими набегами и грабежами, помимо крымских татар, на протяжении веков служила препятствием для заселения и хозяйственного освоения причерноморских степей. Это признавал в своем фундаментальном труде и первый президент Украины академик М. Грушевский⁶⁰⁴.

К XX веку консолидирующие силы между русскими и украинцами были достаточно прочны. Так, академик НАН Украины И. Курас отмечал: «По-

видимому, нет в мире двух других государств, исторические судьбы которых переплелись теснее, чем судьбы Украины и России. Общие этнические и цивилизационные корни, которые прорастают в Киевскую Русь, долгосрочное пребывание в едином государстве, общее преодоление мировых катаклизмов, родственные экономические системы — это далеко не полный перечень наших глобальных связей...»⁶⁰⁵ Ллойд Джордж в 1918 г. утверждал: «Украины не существует. Она изобретена немцами. Это — малая Россия»⁶⁰⁶

Это вовсе не отрицает существования националистических течений на Украине. Так, гетман И. Мазепа призывал избавить «Отечество от ига Москвы»⁶⁰⁷. Следующий гетман П. Полуботок также был ярким противником России⁶⁰⁸. Т. Шевченко, оказавший огромное влияние на формирование украинского национального течения, говорил «Земля наших предков теперь не наша»⁶⁰⁹. Одновременно современник Мазепы Кочубей, как и Безбородко с А. Разумовским и Н. Гоголем, ничего не имели против Москвы. Тем не менее, национальное движение приобретало силу, и к концу XIX века стали появляться требования официального введения украинского языка.

Министр внутренних дел Валуев в то время (в 1876 г.) предостерегал царя: «Разрешить создавать специальную литературу на украинском диалекте для простых людей способствует отделению Украины от России... Допустить отделение тринадцати миллионов малороссов будет крайней политической безответственностью, особенно на фоне объединительных процессов, происходящих в соседней Германии»⁶¹⁰. Аналогичное мнение высказывал А. Тойнби 40 лет спустя (в 1915 г.): «Россия присоединилась к битве на стороне свободы наций... и мы осуществим столь желаемое переустройство Центральной Европы на национальной основе за счет германского и венгерского шовинизма, у России не будет ни воли, ни силы далее сдерживать процесс приведения в порядок собственного дома... Россия положила свои руки на плут истории, и она уже не может избежать своей участи». Но тут же А. Тойнби указывал, что «единство Российской империи соответствует интересам почти всех

128

национальностей, составляющих ее». Тойнби отмечал главную угрозу: Малороссийский элемент образует почти треть всей расы, и, если он будет оторван от основной массы и создаст собственную орбиту притяжения, это в критической степени ослабит всю систему... братоубийственная борьба ослабит силу обоих фрагментов и повредит концентрации их энергии». Результатом будет, в худшем случае, крушение Российской империи, в лучшем — продолжительный политический паралич. Чтобы избежать этой катастрофы, малороссы должны отставить свой партикуляризм и абсорбироваться в неделимой общности «Святой России»⁶¹¹. Масарик, лидер чехов, уже после Октябрьской революции утверждал, что Восточная Европа нуждается в сильной России, чтобы не сдаться на милость Германии. Независимая Украина может превратиться в очаг конфликта⁶¹².

Немцы отлично понимали, какую роль играет Украина в Российской империи, не зря австрийский канцлер Берхтольд заявлял 17 октября 1914 г.: «Наша главная цель в этой войне — ослабление России на долгие времена, и с этой целью мы должны приветствовать создание независимого украинского государства». Методы, которые использовали австро-венгры для достижения своих целей, основывались на пропаганде* и геноциде интеллектуальной элиты общества. Так, специально для «русофильской» славянской интеллигенции был создан концлагерь Телергоф, в который отправили почти всю галицийскую интеллигенцию**. Десятки тысяч были убиты; только за принадлежность к русскому народу. Это был первый в Европе в XX веке геноцид с использованием концлагерей. В результате через несколько десятилетий исчез целый народ. «Православные прикарпатские русины, говорившие на одном из наречий русского

языка, изменились до неузнаваемости, — пишет В. Шамбаров, — превратившись в «западэньцев» — ревностных униатов, ненавидящих «москалей» и считающих «ридной мовой» смесь украинского и польского»⁶¹³.

Но главный удар по Украине наносила Германия. «Начальник политического департамента германского генерального штаба генерал Бертерверфер полагал, что потеря Украины будет решающим ударом по России, она будет отделена от Черного моря и Проливов, от балканских народов и лишена лучшей климатической зоны»⁶¹⁴. Гельферих указывал в конце февраля 1918 г., что Южная Россия будет для Германии более важным

* В 1848 г. Австро-Венгрия, в целях подавления русского национального самосознания, ввела для оставшейся в ее границах части русского народа — русинов, населявших Закарпатье, Галицию и Буковину, название рутены. В дальнейшем, в целях поощрения украинского сепаратизма австро-венгерская и германская пропаганда стала применять слово «рутены» ко всем малороссам.

** О. Бисмарк, отмечая, что Галиция заселена русинами, указывал, что «Галиция... искусственно приклеена к Австрии». (Бисмарк О..., т.2, с. 252).

129

рынком, чем Северная Россия, которая показалась экономически ослабленной из-за потери производящего зерно региона и в будущем станет относительно маловажной по сравнению с Украиной, как потребитель германских товаров»⁶¹⁵.

Сепаратистскую работу на Украине возглавлял генеральный консул во Львове Хайнце, под началом которого украинские националисты создали «Лигу освобождения Украины». В военные подразделения «Лиги» планировалось набрать добровольцев из западных областей и пленных украинцев. Немцы в лагерях военнопленных отделяли от русских украинцев, грузин, финнов, мусульман, подвергая их националистической обработке. На немецкие деньги велась пропаганда величия Украины в гетманские времена⁶¹⁶, приход немцев подавался, как освобождение от тирании «москалей»⁶¹⁷. Подрывная работа активно поддерживалась униатской церковью⁶¹⁸.

20 ноября Центральная Рада, а 25 декабря 1 Всеукраинский съезд советов провозгласили создание Украинской народной (УНР) и Украинской советской республик, соответственно, в рамках общероссийской федерации. В то же время «...территория Украины была насыщена русскими войсками Юго-Западного, отчасти Румынского фронтов, а в центре новообразования, его столице Киеве, насчитывалось лишь 9% населения, считающего своим родным языком украинский»⁶¹⁹.

Уже 16-го января в Киеве вспыхнуло восстание. «Восставшие большевики — русские, украинские и инородные — овладели арсеналом; началась всеобщая забастовка, поддержанная 35-ю профессиональными союзами; к восставшим присоединились и украинские части»⁶²⁰. 26 января «к Киеву подошла незначительная советская банда Муравьева, город немедленно перешел в ее руки. Рада, правительство и Петлюра бежали... — Деникин делает весьма примечательное признание, — было ясно, что большевизм советов побеждал психологически полубольшевизм Рады, петроградский централизм брал верх над киевским сепаратизмом»⁶²¹. В. Винниченко вспоминал о «исключительно острой неприязни народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания большевиками и враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации»⁶²².

УНР объявила о независимости Украины еще 24 января, которая была тут же признана Германией. Расплата за признание последовала через две недели — был подписан мирный договор УНР с Центральными державами — Украинский Брестский мир. Согласно ему Украина должна была в первой половине 1918 г. поставить в Германию и Австро-Венгрию 60 млн пудов хлеба, 2 750 тыс. пудов мяса, 400 млн штук яиц другие сельхозтовары и промышленное сырье.

Одновременно началась перекройка украинской железнодорожной колеи на немецкий стандарт для включения ее в систему Миттельойропы. По мирному договору Центральные державы уступили Украине пограничные территории, против чего выступила Польша. В итоге УНР и польский Регентский совет дого-

130

ворились о возможности пересмотра границ в будущем⁶²³. Это будущее последует всего через несколько месяцев...

Украинский Брестский мир послужил поводом для ультиматума Германии к России с требованием немедленно подписать свой Брестский мир и признать независимость Украины. В результате 1 марта Центральная Рада вернулась в Киев.

Возвращение петлюровцев сопровождалось волной дикой жестокости и насилия, носящей характер откровенного садистского геноцида против русских, и не важно каких «белых» или «красных». Свидетели событий вспоминали: «Киев поразили как громом плакаты с фотографиями 33 зверски замученных офицеров. Невероятно истерзаны были эти офицеры. Я видела целые партии расстрелянных большевиками, сложенных как дрова в погребках одной из больших больниц Москвы, но это были все — только расстрелянные люди. Здесь же я увидела другое. Кошмар этих киевских трупов нельзя описать. Видно было, что раньше, чем убить, их страшно, жестоко, долго мучили. Выколотые глаза; отрезанные уши и носы; вырезанные языки, приколотые к груди вместо георгиевских крестов, — разрезанные животы, кишки, повешенные на шею; положенные в желудки еловые сучья. Кто только был тогда в Киеве, тот помнит эти похороны жертв петлюровской армии». «Ночью же производились уже аресты и расстрелы. Много было убито офицеров, находившихся на излечении в госпиталях, свалочные места были буквально забиты офицерскими трупами... На второй же день после вторжения Петлюры мне сообщили, что анатомический театр... завален трупами, что ночью привезли туда 163 офицера. Господи, что я увидела! На столах в пяти залах были сложены трупы. Жестоко, зверски, злодейски, изуверски замученных! Ни одного расстрелянного или просто убитого, все — со следами чудовищных пыток. На полу были лужи крови, пройти нельзя, и почти у всех головы отрублены, у многих оставалась только шея с частью подбородка, у некоторых распороты животы. Всю ночь возили эти трупы. Такого ужаса я не видела даже у большевиков. Видела больше, много больше трупов, но таких умученных не было!.. Некоторые были еще живы, — докладывал сторож, — еще корчились тут... Окна наши выходили на улицу. Я постоянно видела, как ведут арестованных офицеров»⁶²⁴. Аналогичные свидетельства зверств петлюровцев приводил Российский Красный Крест⁶²⁵.

Националисты вносили крайнюю садистскую жестокость в гражданскую войну, не делая различий между большевиками и белыми офицерами. Они с невероятной жестокостью расправлялись и с теми, и с другими. Так, в захваченном петлюровцами Киеве, «тяжелейшее впечатление произвело истребление в Софиевской Боршаговке под Святошином подотдела (взвода) 2-го отдела дружины Л.Н. Кирпичева (из которых 5 человек было убито на месте и 28 расстреляно, причем трупы их были изуродованы крестьянами): «На путях собралась толпа, обступили открытый вагон: в нем навалены друг на друга голые, полу-

131

раздетые трупы с отрубленными руками, ногами, безголовые, с распоротыми животами, выколотыми глазами... некоторые же просто пре. вращены в бесформенную массу мяса»⁶²⁶. То же самое в декабре 1917 г. петлюровцы творили с большевиками. Так, ими был захвачен Л. Пятаков, брат видного большевика. Тело обнаружили в январе. «На месте сердца была глубокая воронка,

просверленная, очевидно, шашкой, а руки были совершенно изрезаны: как объясняли врачи, ему, живому, высверливали сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей шашки...»⁶²⁷

Однако социалист Петлюра удержался у власти недолго, уже 26 апреля немцы разгоняют Центральную Раду и создают правительство во главе с гетманом П. Скоропадским, представлявшим интересы имущих классов⁶²⁸. В связи с этим обострился вопрос о собственности на землю, захваченную крестьянами в предыдущие месяцы. С другой стороны, сбор хлеба стал вестись под немецким наблюдением, усилились продовольственные реквизиции и карательные экспедиции, направленные на выполнение обязательств Украины по ее Брестскому миру. В. Воейков по этому поводу замечал: «В Украине почва для возбуждения крестьян против помещиков была прекрасно подготовлена оккупационными немецкими войсками: так как «обер-коммандо» отлично поняло, что выкачивать из Украины необходимые Германии «лебенс-миттели» будет возможно только при существовании помещичьих хозяйств, немецкое командование, войдя в Украину, восстановило в правах помещиков и учинило расправы над разграбившими имения крестьянами. Это обстоятельство и послужило подготовкой масс для обращения их в петлюровцев и последователей всевозможных «батек»⁶²⁹.

Н. Махно о времени правления Скоропадского высказывался еще резче: «Революция на селе принимает явно противвластнический характер... В этом залог того, что вновь организовавшаяся Украинская шовинистическая власть в Киеве останется властью только для Киева Крестьянство за ней не пойдет, а опираясь на отравленный и зараженный властническими настроениями город, она далеко не уйдет»⁶³¹. 4 июля на V Всероссийском съезде Советов* Александров, делегат Украинского крестьянского съезда, в своем выступлении говорил: «Против нас (на Украине) выступают превосходящие силы германских штыков... Украинская Рада открыла двери Германии... Немцы уничтожают артиллерийским огнем целые деревни, казнят людей без суда и следствия Но украинский пролетариат не бросает борьбу с врагом. Крестьяне отказываются отдавать зерно немцам. Мы взрываем поезда, груженные зерном для Германии. Все склады со снаряжением также нами взорваны Вся Украина вот-вот восстанет против Австрии и Германии». «Я умоляю вас, — продолжал Александров, — прийти к нам на помощь»⁶³¹.

* 678 депутатов были большевиками, 269 — левыми эсерами; было еще около 30 максималистов и 6 националистов.

132

Силы, скреплявшие русских и украинцев, оставались достаточно сильны, они, по сути, оставались одним народом. Несмотря на революцию в России и оккупацию, немцы сами постепенно приходили к выводу о полном провале своих попыток отделения Украины от России. Германский канцлер Г. Михаэлис 26.07.1917 предостерегал: «Мы должны быть слишком осторожны, чтобы литература, с помощью которой мы хотим усилить процесс распада России, не достигла прямо противоположного результата... Украинцы все еще отвергают идею полного отделения от России». Советник германского посольства в Москве Ритцлер 04. 06. 1918 подтверждал: «Любая идея независимости Украины сейчас выглядела бы фантазией, несмотря ни на что, живучесть единой русской души огромна». Посол Мирбах 25.06 констатировал: «Постоянное отделение Украины от остальной России должно быть признано невозможным»⁶³².

В предчувствии поражения Германии 9 ноября 1918 г. была провозглашена Западно-украинская народная республика (ЗУНР)⁶³³. А вслед за подписанием Германией перемирия в Компьене была создана Украинская Директория под руководством С. Петлюры. С этого времени начался новый виток войны за

Украину. На смену Германии пришли «союзники»... Еще в конце 1917 г. английский посол Бьюкенен получил указания своего министерства: «Вы должны обеспечить казаков и украинцев всеми необходимыми фондами; действуйте способами, которые посчитаете целесообразными»⁶³⁴. Однако 23 декабря союзники заключили Соглашение, которое передавало Украину в зону французских интересов. В начале 1919 петлюровская Директория заключила договор с Францией, по которому признавала французский протекторат над Украинской народной республикой...

В. Воейков описывал этот переходный момент следующим образом: «После поражения на западном фронте немцы были вынуждены начать эвакуацию Украины. Опирающийся исключительно на немецкие штыки государственный аппарат гетманской Украины, сосредоточившийся на внедрении самостийности и угождения так называемым демократическим элементам, естественно, не смог удержать власти в своих руках и направил взоры на союзников...»⁶³⁵ Киевское население было оповещено, «что державы Соглашения намерены поддержать настоящую власть в Киеве, олицетворяемую паном гетманом и его правительством, в надежде, что он поддержит порядок в городах и селах до времени прибытия союзных войск... Всяческое покушение против существующей власти, всякое восстание, которое затруднило бы задачу союзников, будут строго подавлены...»⁶³⁶

В середине 1919 г. Черчилль телеграфировал, что «при настоящей критической конъюнктуре было бы благоразумно идти, насколько возможно, навстречу украинским сепаратистским тенденциям»⁶³⁷. Французское правительство, невзирая на официальный разрыв сношений с Петлюрой, продолжало вооружать его и держать при нем свою негласную военную

133

миссию. Одновременно военный агент Франции в Румынии генерал Петэн и представитель американской миссии в Варшаве генерал Джудвин настойчиво убеждали Деникина пойти на сотрудничество с Украинской Директорией⁶³⁸. Но даже Деникин не строил иллюзий по этому поводу: «Общая перспектива: добровольцы идут под флагом Единой, Неделимой России, петлюровцы — под «прапором» независимости Украины, а после победы над большевиками борьба между обоими «союзниками» возобновляется»⁶³⁹.

Отношения России с Польшей и Финляндией занимали особое место.

Финляндия и Польша были присоединены к России во время наполеоновских войн не в экономических, а в политических и стратегических целях. Поэтому они никогда не только не рассматривались как объект колонизации, а наоборот имели привилегированный статус, обладая правами автономии (Великого княжества и царства) в размерах, свойственных скорее членам конфедеративного государства, с собственными конституциями (которой не было в России). В статистических справочниках того времени нередко можно встретить ссылки на «данные по России, без Польши и Финляндии». Сепаратистские настроения в Польше были сильны исторически. В Финляндии они возникали постепенно, наряду с формированием финского национального самосознания, развитию которого Россия не только не препятствовала, но и наоборот всячески содействовала. К началу XX века национальное самосознание у финнов развилось до уровня требований национального самоопределения. Существенным фактором, способствовавшим росту сепаратизма стало сильное влияние европейской цивилизации на формирование этих народов. Слишком резки для них были различия Запада и Востока.

Польша

История взаимоотношений России и Польши давна, непроста и неоднозначна, впрочем, как практически у всех соседствующих государств. Ситуацию резко осложняло то, что Польша лежала на пути, как по положению, так и по своему развитию, между двумя мощными центрами цивилизации — Европой и Россией. Да, Россией как центром цивилизации. Ведь именно Россия на протяжении веков несла на себе имперские — цивилизаторские функции для всех объединенных ею народов. Это поразительный факт, ведь та же Польша, Прибалтика, Финляндия, Украина имели гораздо более выгодное, с географическо-климатической и исторической точек зрения, положение, чем Россия. у них потенциально было гораздо больше шансов стать центрами Восточноевропейской цивилизации. Однако центром стала Россия, которая с экономической точки зрения, как сколько-нибудь крупное государство, вообще практически не имела шансов на существование...

134

Все непростые отношения европейских стран и России волнами прокатывались по территории Польши, оставляя весьма существенный след. Кроме этого, воинственность Польши, ее постоянные претензии на создание Великой Польши привели к тому, что ради спокойствия на границе Запада и Востока Польша была поделена между соседними странами. Шульгин приводил оригинальное, не лишенное проницательности сравнение поляков и русских — старинная польская поговорка, которая употреблялась еще в XVI веке, гласила «Polska stoi nierzadem»: «Польша стоит беспорядком»... «То есть они не только не хотели каяться во всех своих безобразиях, в вечной своей легкомысленной «мазурке», но, так сказать, «канонизировали» свою анархию... все продолжалось по-старому, пока не «промазурили» свою «королевскую республику»... А мы каялись... Набезобразим во всю «ширину русской натуры» и потом каемся... «Придите володеть и княжить»... и приходят и княжат...»⁶⁴⁰ И. Солоневич отмечал: «С Польшей у нас был тысячелетний спор о «польской миссии на Востоке»; русская политика по отношению к Польше была неразумной политикой, но поляки разума проявляли еще меньше»⁶⁴¹.

Польша во многом сама не смогла реализовать свое чрезвычайно выгодное географическое положение между Европой и Россией. Россия, в свою очередь, стремилась обезопасить свои западные границы и одновременно рвалась, через территорию Польши, к прямому контакту с Европой. Все это резко осложняло отношения между двумя странами копя взаимные обиды и претензии. Вопрос Польши, как «ворот» из Европы в Россию, оставался одним из ключевых вопросов европейской политики на протяжении нескольких столетий. И здесь Польша становилась заложницей великих держав, одна сторона которых пыталась закрыть эти «ворота», друга наоборот открыть.

Польша не воспринималась Россией как объект экспансии, наоборот, она всегда ассоциировалась как иностранное государство, силою судьбы вставшее на пороге России в Европу и по необходимости включенное в орбиту российских интересов. Александр II говорил Бисмарку в 1862 г.: «Польша... источник беспокойства и европейских опасностей для России, а русификация Польши неосуществима, из-за различия вероисповеданий и из-за недостаточных административных возможностей русских властей... Русский человек не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками...»⁶⁴² Со стороны образованного русского общества поляки воспринимались как родственная нация. Так, например, генерал А. Брусилов, отказываясь воевать против поляков, говорил: «Мне трудно воспринимать поляков как врагов. Это наша родня, такие же славяне»⁶⁴³. Такова вкратце предыстория вопроса. К нему, и вообще к Польше, мы обратимся еще не раз, а пока вернемся в начало XX века...

С первых дней войны между Россией и Германией началась борьба за влияние в Польше. В августе 1914 г. Николай II, обратился к полякам

135

Австрии, Германии и России с манифестом о создании единой Польши с широкой автономией под русским скипетром. Империалистические амбиции русского царя вызвали гневную реакцию президента Франции: «Россия еще раз выступила здесь, минуя нас. Если бы она предложила свою помощь для восстановления всей Польши во всей ее государственной независимости, мы могли бы только приветствовать это... Если бы она обязалась дать относительную автономию русской Польше, тоже прекрасно. Обещание полунезависимое, даже под скипетром царя, несомненно, встречено было бы с радостью и могло бы быть принято, как обещание загладить старую вину (*comme une reparation*). Но предложить полякам в Силезии, Познани и Галиции свободу вероисповедания, языка и управления под властью императора из династии Романовых — вряд ли это значит найти путь к их сердцу, во всяком случае это значит возвестить Германии замаскированные аннексии, о которых не было заключено никакого соглашения между Россией и нами и которые могут совершенно *исказить значение оборонительной войны, они рискуют также повредить тем реституциям, которые Франция имеет право требовать, и намерена требовать*»⁶⁴⁴. Австрийцы ответили на шаг России созданием польского легиона Ю. Пилсудского. Германия, используя религиозные трения между польскими католиками и русскими православными, призвала поляков к защите веры.

В 1916 г. Вильсон в ежегодном январском послании высказался за создание объединенной Польши с выходом к Балтийскому морю. Николай II поддержал предложение с условием протектората России над Польшей. Немцы ответили созданием Польского королевства, с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно дальше», включая русские, украинские и белорусские земли⁶⁴⁵. Между тем еще в начале войны министр внутренних дел Германии фон Лебель в Меморандуме «О целях войны» писал: «Говорят, что в результате этой войны мы должны будем разрешить польский вопрос. Это неверно. Собственно, польский вопрос для нас существует лишь во внутренней политике. Исторически этот вопрос нельзя полностью разрешить, разве только против нас. Поскольку он *мог* быть разрешен в наших интересах, он был разрешен польскими разделами и Венским конгрессом... Нам неудобна самостоятельная сильная Польша ввиду той притягательной силы, которую она может иметь на наши земли, заселенные поляками, без которых мы никогда не сможем обойтись. Но самое главное — это то, что сильная Польша будет относиться с симпатиями ко всем странам — к России, Австрии, Франции, Англии, но только не к нам...»⁶⁴⁶

Позиция «союзников» менялась в зависимости от успехов русской армии. Так, после ее побед Англия поспешила наградить царя орденом Бани I степени и произвести в британские фельдмаршалы. А Палеолог, который в мае строил проекты отчленения Польши, теперь выступил инициатором противоположного плана — связать Россию выгодным для

136

нее договором. В феврале было заключено секретное соглашение, по которому Россия признавала за Францией полное право на определение ее восточных границ, а Франция за Россией — ее западных...⁶⁴⁷

Февральская революция стала толчком к самоопределению Польши. «Еще на июньском (1917 г.) войсковом съезде поляков довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали речи, определявшие цели формирований. Их синтез был выражен одним из участников: «Ни для кого не секрет, что война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы. Она нам

необходима для того, чтобы на будущей международной мирной конференции с нами считались, чтобы мы имели за собою силу». Действительно, корпус на фронт не выходил во «внутренние дела» русских, не пожелал вмешиваться и вскоре перешел совершенно на положение «иностранной армии», поступив в ведение и на содержание французского командования»⁶⁴⁸. Временное правительство было вынуждено объявить акт о самостоятельности Польши, оставив однако, на волю Учредительного собрания, дать «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши»⁶⁴⁹. Борьба Польши за независимость получила мощную поддержку в лице США. Так, В. Вильсон в своих «14 пунктах» указывал на необходимость существования независимой Польши. Америка, как отмечает Деникин, даже финансировала создание польской армии на территории Франции⁶⁵⁰.

Большевики, в свою очередь, подписав «Брестский мир», отказались от всех прав России на Польшу. 29 августа 1918 г. они аннулировали все царские договоры о разделе Польши. Польский Регентский совет при посредничестве Германии предложил Москве установить дипломатические отношения, но советское руководство отказалось, поскольку не признавало Регентский совет, рассматривая его лишь как административный орган, созданный немецкими оккупантами⁶⁵¹. Тем не менее Советское правительство предложило аккредитовать дипломатического представителя РСФСР в Польше... На этот раз Варшава, опасаясь усиления большевистского влияния, промолчала⁶⁵². После подписания перемирия в Компьене и аннулировании «Брестского мира» Пилсудский уведомил все страны, кроме РСФСР, о создании независимого польского государства. Тем не менее, с 26 ноября по конец декабря 1918 г. советская сторона четыре раза предлагала Польше установить дипломатические отношения, та под разными предлогами отказывалась⁶⁵³. 2 января 1919 г. поляки расстреляли миссию Российского Красного Креста⁶⁵⁴. Но Москва все же признала Польшу и опять призвала к нормализации отношений, Варшава снова ответила молчанием.

Большевики сразу после прихода к власти были готовы признать независимость Польши. Но у той были свои планы — создание Великой Польши, активно подогреваемые «союзниками». Эти планы вылились в открытую агрессию Польши против России и Украины, что привело к польско-советской войне...

137

Финляндия

Не вдаваясь в длительные экскурсы в историю Финляндии, следует указать, что она была странной и обособленной частью Российской империи. С момента, как она была отвоевана у Швеции в 1809 г., царь Александр I обещал хранить установления и законы Финляндии, и не ставил задачи интегрировать ее в состав Российской империи. Отношение России к стране Суоми выражала фраза Сперанского: «Финляндия — не провинция, Финляндия — государство». «Под покровительством империи, в условиях громадного российского рынка финская экономика развивалась в благоприятных условиях, — отмечал Дж. Хоскинг. — Гражданские права в Финляндии были развиты гораздо сильнее, чем в других частях империи. Финны в отличие от темпераментных и непокорных поляков были весьма лояльны по отношению к России»⁶⁵⁵.

Действительно, в Финляндии были свои законы, свой парламент, свои деньги, своя граница с Россией. Действовало всеобщее избирательное право. Однако никакой особой финляндской государственности никогда не признавалось, и

Россия в течение многих десятилетий просто мало интересовалась финляндскими делами. Не было в отношении Финляндии и никакой продуманной политики русификации⁶⁵⁶.

Попытки интегрировать Финляндию в состав империи начались лишь к концу XIX века, и особенно во время правления генерал-губернатора Н. Бобрíkова. «При нем, в частности, ограничили права сената Финляндии, запретили назначать на высшие должности лиц, не знавших русского языка, ввели русский язык в делопроизводство... привязали финскую марку к рублю и т.д. — По мнению Б. Федорова: — Трудно спорить с логикой всех этих действий с точки зрения единства государства Российского...»⁶⁵⁷

Активность России вызвала всплеск недовольства в Финляндии, и в 1904 г. Н. Бобрíkов был убит, а «власти Финляндии стали сами решать вопросы, затрагивающие интересы всей России. Например, в 1906 г. без каких-либо консультаций с центром был принят закон о русском языке в государственных учреждениях. Дело дошло до того, что о многих финляндских законопроектах правительство России узнавало из газетных слухов... Наконец, сенат Финляндии приступил к разработке проекта о новой форме правления, сводившегося к почти полному освобождению Финляндии от связи с Россией. Такие сепаратистские настроения вели к развалу империи»⁶⁵⁸.

Правительство Столыпина ответило тем, что уже в «1908 г. были изданы правила, в силу которых финляндское управление фактически ставилось под контроль Совета министров России. Начались существенные кадровые перестановки в некоторых государственных учреждениях Финляндии». В 1909 г. для урегулирования спорных вопросов была учреждена русско-финляндская комиссия, на ней финны пред-

138

ложили, по сути дела, лишить Россию почти всех государственных прав в Финляндии⁶⁵⁹.

«Личная воинская повинность в Финляндии была введена в 1878 г., но в связи с обособлением финских войск вызвала все большее беспокойство в Петербурге». В 1901-1905 гг. воинская повинность в Финляндии фактически была отменена, вместо этого она стала выплачивать ежегодно 10 млн. марок компенсации. «В 1908 г. царь отказался удовлетворить ходатайство о восстановлении финских войск... Финляндский сейм 1909 г. признал данный царский манифест незаконным и был за это распущен». Сейм 1910 г. также не признал законность этого манифеста. Финны хотели иметь обособленную армию, но это было неприемлемо для России. С другой стороны, «российские власти считали, что в армии и так слишком много инородцев, и не хотели брать враждебных финнов непосредственно в русскую армию»⁶⁶⁰.

Во время Первой мировой Финляндия расходов на войну не несла, призыву ее граждане не подлежали. Прежде нищая российская окраина сказочно богатела за счет спекуляции, транзитной торговли, играла на понижение рубля по отношению к шведской марке. Призвать ее к порядку царское правительство не могло, — отмечает В. Шамбаров, поскольку за соблюдением финской конституции ревниво следили шведы. «Нейтральные, но настроенные прогермански Швеция с Финляндией стали открытыми воротами в российские тылы»⁶⁶¹.

Тем не менее и после февральской революции 1917 г., как признают даже германские историки, Финляндия «не собиралась абсолютно порывать с Россией и провозглашать себя полностью суверенным государством»⁶⁶². Генерал Марушевский так же вспоминал: «Нет слов, конечно, в Финляндии были и крайние течения, но в общем отношение к России было всегда лояльное»⁶⁶³.

Участие Германии в получении Финляндией независимости было ключевым. Так во время брест-литовских переговоров Германия настаивала на выводе с

финской территории русских войск и признании Россией независимости Финляндии. Под немецким давлением идея провозглашения независимости начинает вызревать в Финляндии к июлю 1917 г. Спустя четыре месяца представители финского правительства уже заявляли Людендорфу, что их целью является создание государства, тесно связанного с Германией: «Финляндия образует самое северное звено в цепи государств, образующих в Европе вал против Востока»⁶⁶⁴. 6 декабря финский парламент провозгласил независимость Финляндии. Большевики, вопреки желанию финнов, признали ее 31 декабря*. Примечательно, что независимость Финляндии после России первой, помимо

* Финский сейм открыто игнорировал большевистское правительство и вел переговоры с меньшевиками и эсерами, находящимися не у дел. 4 января 1918 г. Ленин на встрече с президентом Свинхувудом подтвердил признание независимости.

139

нейтральной Швеции и Германии, признала Франция, ведущая войну с Германией.

На деле независимость означала, по сути, немецкий протекторат. Как и с другими своими «новыми восточными доминионами», Германия заключила с Финляндией мирный торговый договор. Дополнительный секретный договор предполагал введение Финляндии в сферу экономического и политического влияния Германии и создание в Суоми немецкой военной базы⁶⁶³. В конце марта 1918 г. немцы послали в помощь Маннергейму для подавления революции в Финляндии отряд фон дер Гольца. Пресса трубила о совместных действиях армий Маннергейма и фон дер Гольца, называя их «братьями по оружию». Финский парламент 9 октября 1918 г. избрал родственника кайзера — принца Фридриха Карла Гессенского — королем Финляндии.

По Тартускому мирному договору в марте 1918 г., при поддержке Германии, финны настояли на очень выгодном для себя соглашении, захватив стратегические территории России. После подавления революции в Финляндии финское правительство в мечтах о Великой Финляндии предъявило новые территориальные претензии России. Войска белофиннов пытались захватить пограничные территории России, но были отбиты *отрядами, организованными местным населением*, при поддержке Красной Армии и «союзников» России.

Представители буржуазного финского правительства предлагали Гинденбургу занять Петроград ударом германских войск с территории Финляндии, что должно было довершить историческое крушение России. Акция не состоялась, поскольку уперлась в вопрос — как прокормить 2-миллионный город. И опять, как в Польше, на Украине, в Прибалтике..., сразу после ухода немцев их место заняли «союзники»... Французский посол Ж. Нуланс вспоминал: «...По мере того как ослабевало превосходство Германии на Балтике, мы больше интересовались событиями в Финляндии. Господин Свинхувуд, глава прогерманского финского правительства, был вынужден уступить место нашему другу, генералу Маннергейму. Последний уже разработал план действий против большевиков, который включал оккупацию Петрограда».

Маннергейм просил у союзников разрешения занять Петроград, объясняя это стремление тем, «что Петроградская губерния исторически входила в состав Финляндии и взятие Петрограда позволит отодвинуть русские войска от границы Финляндии и обеспечить ее безопасность»⁶⁶⁶. По словам Нуланса, «выполнение планов Маннергейма могло найти значительный отклик по всей России, так что власть большевиков была бы подорвана, особенно если интервенция союзников в Крыму лишила бы Россию всякого морского сообщения, как это предполагал финский генерал. Основное возражение против этой программы, что и заставило от нее отказаться, состояло в трудности продовольственного обеспечения Петрограда с его миллионным населением»⁶⁶⁷.

Участие Финляндии в интервенции в Россию ограничивалось тем, что Маннергейм в обмен на «оказанную помощь» требовал признания

140

полной независимости Финляндии, самоопределения некоторых карельских волостей, уступки незамерзающего порта в Печенгской губе, нейтрализации Балтийского моря (что фактически запрещало России иметь свой военно-морской флот на Балтике)...⁶⁶⁸ На эти запросы от Колчака последовал краткий ответ: «Помощь Финляндии считаю сомнительной, а требования чрезмерными»⁶⁶⁹. Правда, среди руководителей белого движения существовали и другие мнения. Так, представители Белого правительства Северной области В. Игнатьев и генерал В. Марушевский считали, что *помощь Финляндии и уступки ей были бы менее страшны, чем «закабаление союзниками» Севера России*⁶⁷⁰. Англичане в свою очередь выражали откровенное неудовольствие попытками наладить контакты между правительствами Северной области и Финляндии, заявляя, что русские не должны «вмешиваться в политику»⁶⁷¹.

На обещание Клемансо передать Финляндии Аландские острова при условии оказания ею помощи Юденичу финский МИД ответил: «Финляндия симпатизирует Юденичу и готова оказать ему экономическую помощь, но внутренняя политическая и финансовая ситуация, а также отсутствие гарантий Антанты или будущего русского правительства мешают ей ответить утвердительно на просьбу об участии в освобождении Петрограда»⁶⁷². Тем не менее Финляндия была вынуждена принять ограниченное участие в интервенции, чтобы заслужить признание Антанты. Финляндию больше интересовало расширение собственной территории. Белофинские войска в 1918-1920 годах неоднократно пытались захватить прилежащие территории Карелии⁶⁷³. Этот период отмечен массовыми расстрелами и казнями финскими войсками местного населения: «Все, кто оказывал сопротивление установлению новых порядков, уничтожались»⁶⁷⁴.

Следующим шагом в усилении сепаратистских тенденций в России, стала интервенция и гражданская война.

А. Деникин утверждал: «Нет сомнения, что явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того бедлама, который представляет из себя «Советская республика»...»⁶⁷⁵ Однако сепаратизм поразил, прежде всего, территории занимаемые как раз Белыми. Причем сепаратизм не кого-нибудь, а казаков Дона и Кубани — опоры русской государственности.

На Кубани. «Стоявший тогда во главе правительства Лука Быч заявил решительно: «Помогать Добровольческой армии — значит готовить вновь *поглощение Кубани Россией*». «Законодательная рада творила "самую демократическую в мире конституцию самостоятельного государственного организма — Кубани"»...⁶⁷⁶ На защиту «демократических интересов» Кубани встал не кто иной, как Грузия, прямо угрожавшая войной деникинским добровольцам⁶⁷⁷. В мечтах о Великой Грузии последняя три раза воевала с Деникиным, чтобы присоединить к себе

141

Абхазию и области в Краснодарском крае, вдоль Черного моря. Грузия предъявила претензии и на Армению, заявив, что та является государством нежизнеспособным, в подтверждение чего устроила Армении голодную блокаду.

На Дону на немецкие деньги Краснов «поставил... армию в 3,5 тысячи штыков и сабель... У добровольцев с офицерами Донского войска отношения были тяжелые, драки и поединки не прекращались...»⁶⁷⁸ В Екатеринодаре в 1920 году на Верховном Круге трех казачьих войск «после горячего спора из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России»⁶⁷⁹. Противник Деникина

красный командарм А. Егоров отмечал еще одну особенность донской самостийности: «Отстаивая свои экономические интересы, донское казачество стремилось к самостийности и готово было смотреть на иногородних как на иностранцев. Атаман Краснов откровенно проводил эту политику, которая получала местно-патриотический оттенок. По его словам, Каледина погубило доверие к крестьянам, знаменитый паритет. Дон раскололся на два лагеря: казаки — крестьяне... Там, где были крестьянские слободы, восстания не утихали... Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой... Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от «русских» (так пишет Краснов)⁶⁸⁰.

Мало того, Краснов в мечтах о Великом Доне простирали интересы далеко за его пределы и распространял их на территории Северного Кавказа, России и Украины. Атаман просил немецкого кайзера:

«1) признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения Кубанского, Астраханского и Терского войск и народов Северного Кавказа — на слияние с ними Войска Донского в одно государственное объединение под именем Доно-Кавказского союза;

2) содействовать присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, города Воронежа и станций Лиски и Поворино;

3) своим приказом заставить советские власти Москвы очистить пределы Всевеликого войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, причем...все убытки от нашествия большевиков должны быть возмещены Советской Россией»⁶⁸¹. «В дальнейшем казачество мечтало округлить свою территорию, получить возможно лучшие выходы к морю, а капиталистические верхи казачества пытались прибрать к рукам часть естественных богатств окраин...»⁶⁸²

Немцы, естественно, поддержали сепаратистские устремления казаков. «В Ростове была образована смешанная доно-германская экспортная комиссия, нечто вроде торговой палаты, и Дон начал получать сначала сахар с Украины, а затем просимые им товары из Германии. В Войско Донское были отправлены тяжелые орудия, в посылке которых германцы

142

до этого времени отказывали. Было установлено, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась Донскому войску безвозмездно. Наконец, германцы оказывали и непосредственную помощь своей вооруженной силой...»⁶⁸³

«С уходом немцев германская ориентация сменилась на англо-французскую, которую Донское войско приняло через свои верхи, по-прежнему, не будучи в состоянии обойтись без иностранной интервенции»⁶⁸⁴. Казаки под мощным давлением «союзников» были вынуждены объединиться с армией Деникина, только после этого «союзники» приступили к широкому снабжению объединенных сил⁶⁸⁵. Но это было лишь видимое единение. «Атаман Краснов согласился на подчинение Донской армии Деникину с оговоркой, что «конституция Всевеликого войска Донского не будет нарушена» и что «достояние Дона, вопросы о земле и недрах», а также «условия быта и службы Донской армии не будут затронуты». С уходом Краснова были сделаны некоторые уступки, но потом все осталось по-старому»⁶⁸⁶.

Действительно, настроения Дона и Кубани оставались сепаратистскими, Деникин вспоминал: «Донская армия представляла из себя нечто вроде иностранной союзной. Главнокомандующему она подчинялась только в оперативном отношении; на ее организацию, службу, быт не распространялось

мое влияние. Я не ведал также назначением, лиц старшего командного состава, которое находилось всецело в руках донской власти... и никогда не мог быть уверенным, что предельное напряжение сил, средств и внимания обращено в том именно направлении, которое предудказано общей директивой...»⁶⁸⁷

Освободив свою территорию от большевиков, Кубанские и Донские казачьи части отказывались идти на Москву с добровольцами. В итоге, констатировал А. Деникин, «взаимоотношения, сложившиеся между властью Юга и Кубанью, вернее, правившей ею группой, я считаю одной из наиболее серьезных «внешних» причин неудачи движения. Ближайшими поводами для междоусобной борьбы... Внешне эта борьба преподносилась общественному мнению как противоположение «казачьего демократизма» «монархической реакции»; на самом деле она представляла поход кубанской самостийности против национальной России вообще. При этом кубанские самостийники вкладывали в свои отношения к нам столько нетерпимости и злобы, что чувства эти исключали объективную возможность соглашения и совершенно заслоняли собою стимулы борьбы с другим врагом — советской властью. Можно сказать, что со времени полного освобождения Кубанского края самостийные круги... все свои силы, всю свою энергию и кипучую деятельность направили исключительно в сторону «внутреннего врага», каким в глазах их была Добровольческая армия»⁶⁸⁸.

Казаки Дона и Кубани боролись не только против «белых» и «красных», но и между собой. Так, Дон был заинтересован во ввозе продуктов с Кубани, тогда как кубанские власти постоянно тормозили

143

вывоз, предпочитая экспортировать свои излишки за границу. По словам А. Егорова: «На Кубани обстановка сложилась сложнее, чем на Дону, по причине особого экономического положения Кубани и ее федералистских стремлений. Оставаясь в глубоком тылу «вооруженных сил Юга России», Кубань оказалась в особенно выгодном положении по части использования своих сельскохозяйственных богатств, чем и не замедлила воспользоваться, установив у себя хлебную монополию и регистрацию вывоза товаров. Позднее был выставлен принцип ввоза эквивалентов, то есть требование, чтобы ни один фунт товаров не вывозился из области без возмещения товарами, в которых нуждается ее население. Таким образом, создалась политика экономического сепаратизма, которая встала в резкое противоречие с централизмом деникинской власти...»⁶⁸⁹ Для практической реализации своей политики кубанскими властями были выставлены специальные «пограничные рогатки»⁶⁹⁰.

«Парижская кубанская делегация при молчаливом соучастии правительства и законодательной Рады объявила об отторжении Кубанской области от России. Кубанские пограничные рогатки до крайности затрудняли торговый оборот и продовольственный вопрос Юга, в частности, душили голодом Черноморскую губернию...»⁶⁹¹ «В своей книге «Деникинщина» Г. Покровский описывает, как, вследствие запрета продажи хлеба самостоятельными правительствами, на Кубани в 1919 г. имелось для вывоза свыше 100 млн. пудов пшеницы, 14 млн. пудов подсолнуха... и т.д., в то время как рядом расположенная Черноморская губерния голодала, так как Черноморская губерния не входила в состав Кубани...»⁶⁹² В дальнейшем кубанское правительство сделало еще один шаг, ведущий к углублению раскола, — оно подчинило себе железные дороги, проходившие по территории края. «В итоге из Новороссийска в Ростов поезда проходили по территории трех суверенных государств с донскими и кубанскими таможнями»⁶⁹³.

Донских и кубанских казаков объединяло только одно — борьба против деникинской армии. Так, в январе к «французскому командованию в Одессе обратились представители Дона, Кубани, Белоруссии и Украины, с требованием

организации федерации, без участия какой-либо центральной объединяющей верховной власти, ненужности единой армии; желательны краевые армейские образования... и указанием на невозможность наладить торговые отношения, «пока порты Черного моря находятся в руках сил, чуждых этим областям (то есть в руках Добровольческой армии)»⁶⁹⁴.

Но казаки были лишь частью проблемы. «В Крыму, — пишет Деникин, — мы столкнулись с менее серьезным вопросом — татарским. Там с приходом добровольцев воскресли враждебные русской национальной идее татарский парламент (курултай) и правительство (директория), в период немецкой оккупации стремившиеся к «восстановлению в Крыму татарского владычества»⁶⁹⁵. Да что татары, русские черноморские крестьяне стеной встали против Добровольческой армии за

144

«свою крестьянскую власть». Их сход в апреле 1919 года единогласно вынес следующее постановление: «Крестьяне, не желая погибать на грузинском и большевистском фронтах, защищая интересы реакции, постановили: освободиться от Деникинского ига или же умереть здесь, у своих хат, защищая свою свободу»⁶⁹⁶. У белогвардейцев в буквальном смысле слова «земля горела под ногами», их все, абсолютно все воспринимали как оккупантов или пособников оккупантов.

Врангель позже, уже в Крыму, заявлял: «Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... *Политику завоевания России надо оставить... Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя воевать со всем светом... Надо на кого-то опереться...*»⁶⁹⁷ Юг России не был исключением, аналогичная ситуация складывалась и на Востоке, где после полугода правления Колчака против него восстала вся Сибирь. На русском Севере председатель Архангельского губернского земского собрания П. Скоморохов в феврале 1920 г., говорил, что после ухода интервентов «мы вновь оказались в завоеванной стране. Аресты, расстрелы, произвол — вот наши завоевания»⁶⁹⁸.

Отношения лидеров Белого движения с союзниками были еще более сложными. Их в полной мере характеризуют слова английского генерала Э. Айронсайда: «...Миллер (глава белого Северного правительства) удивил меня своим высказыванием о единой и неделимой России, которую нужно восстановить в тех границах, которые существовали до подписания Брест-Литовского договора... Я заявил Миллеру, что русским следует признать независимость поляков, финнов, литовцев, латышей и эстонцев. По моему мнению, союзники никогда не согласятся на включение этих народов в состав *любой будущей Российской империи*, и я указал ему на то, что, если белые хотят наверняка разгромить красных, им следует добиваться помощи со стороны новых государств»⁶⁹⁹. Конфликт между лозунгом белого движения «Единой и неделимой России» и целями союзников был слишком очевиден. «Разве не могли они (союзные державы) сказать и Колчаку и Деникину: ни одного патрона до тех пор, пока вы не заключите соглашения с пограничными государствами и не признаете их независимость или их автономию?»⁷⁰⁰ — сетовал Черчилль. Ллойд Джордж в мае 1919 утверждал: «Необходимо заставить все белые партии признать границы, установленные Лигой Наций, и оказывать помощь только в обмен на согласие признать независимость Прибалтики»⁷⁰¹.

В августе 1919 г. в Ревеле глава британской военной миссии генерал Ф. Марч заявил: «Русские сами ни на чем между собой договориться не могут. Довольно слов, нужно дело!... Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области России, не выходя из этой комнаты». Марч дал на это 45 минут, если правительство не будет образовано, «то всякая помощь со стороны

же прекращена». «Демократически избранное» новое «русское правительство» тотчас же утвердило решение о признании независимости Эстонии. Между тем участвовавшее во вторжении Юденича летом и осенью 1919 эстонское правительство неоднократно получало от Советской России предложение о признании независимости в обмен на прекращение враждебных действий, но эстонцы, стремясь создать свою Великую Эстонию, не торопились. С другой стороны, на Эстонию оказывалось мощное давление Антанты, которой было необходимо время, чтобы Колчак признал эту прибалтийскую страну раньше Советов. Бальфур полагал, что если эстонцы *«договорятся с большевиками, то в дальнейшем не будет надежды на борьбу с большевизмом в данной области... Произойдет неизбежное крушение северо-западной русской армии»*⁷⁰². Колчак сопротивлялся и лишь в июне 1919 г. после ультиматума союзников⁷⁰³ был вынужден признать независимость Польши, автономию Финляндии, Прибалтики, Закаспия*, Кавказа, чей статус должна была установить Лига Наций⁷⁰⁴.

Но было уже поздно: сам Колчак был разбит, а северо-западную армию, как вспоминал Деникин: «...ждало позорное разоружение, концентрационные лагеря, физические лишения и моральные издевательства на территории Эстонской республики, которая 21 декабря 1919 года заключила перемирие и вслед за сим весьма выгодный для текущего момента мир с большевиками. Этому событию предшествовали непосредственно два официальных заявления союзных нам держав: Франции (Вертело) — о том, что Верховный Совет примет меры в отношении Эстонии, если она пойдет на мир с советской Россией, и Англии (Ллойда Джорджа), что держава эта не препятствует заключению мира...»⁷⁰⁵

На Кавказе Правительство горских народов (лезгин, черкес, ингушей, чеченцев, осетин и кабардинцев) в период немецкой оккупации поддерживало полный контакт с турками, а после окончания Первой мировой стало добиваться своего признания перед британским командованием. В ноябре англичане вступают в Закавказье, Азербайджан был объявлен британским генерал-губернаторством. Азербайджан во время Первой мировой войны, поддерживая идею панисламизма, открыто ставил ближайшей своей целью «присоединение родственного Дагестана»⁷⁰⁶. В июле 1919 года Азербайджан с согласия и при содействии англичан захватил Мугани с чисто русским населением... Стычка Добровольческой армии с англичанами произошла из-за Грозного и Баку с их нефтяными источниками. На всякий случай деникинцы его заняли, но британский

* В договоре, заключенном с Закаспийским правительством, которое традиционно «пригласило» англичан, говорилось, что «эта республика будет находиться под исключительным влиянием Англии и будет пользоваться такой же самостоятельностью, как африканские колонии Англии — Трансвааль и Оранжевая». (Бабаходжоев А.Х., Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. — М., 1962, с. 25.)

генерал Томсон заявил, что хозяевами Дагестана и Баку являются горское и азербайджанское правительства, и потребовал, чтобы «все русские войсковые части... очистили пределы Бакинского военного губернаторства. ..»⁷⁰⁷

Англичане при содействии белогвардейцев планировали назначить своего генерал-губернатора по управлению даже Черноморской губернией⁷⁰⁸. И эти планы не были полностью отвлеченными. Так, деникинский генерал Лукомский писал своему командующему: «Крайне желательно заинтересовать Англию в экономических предприятиях Черноморской губернии и Крыма путем предоставления концессий, что в значительной мере свяжет ее интересы с нашими и даст нам валюту...»⁷⁰⁹

На заявление армянского правительства «о стремлении Армении стать на путь полного соглашения с Добровольческой армией для воссоздания России

генерал Ф. Уоккер заявил, что никакая агитация в пользу воссоединения Армении с Россией недопустима»⁷¹⁰. «Союзники» точно так же, как и год назад немцы, разжигали национальную вражду на Кавказе, одновременно финансировали и поддерживали, как Деникина, так и сепаратистские Азербайджанское и Грузинское правительства. Например, когда 6-го февраля Добровольческая армия выбила грузин и захватила Сочи, министр грузинской республики Гегечкори заявил, что «сочинский округ занимался нами (грузинами) по соглашению и настоянию английского командования»*. Воронович приводил другой пример: «Вспыхнувшая в конце декабря армяно-грузинская война во многом обязана своим возникновением политике английского командования, рассчитывавшего обессилить грузин и сделать их более послушными указаниям английских генералов»⁷¹¹. По словам генерала Лукомского, создавалось впечатление, будто англичане пытаются создать буферную зону между Персией, Турцией и Россией⁷¹².

На Севере России в Карелии британский подполковник Вудс, которого именовали «карельским королем», организовал тайный съезд карел и провел резолюцию о независимости и самоопределении Карелии «под протекторатом англичан»⁷¹³. Последние воспользовались формированием карелами вооруженного отряда для отражения агрессии белофиннов, объявив о создании карельского полка. «Вновь изобретенные карельские части были сформированы, обучены и вооружены англичанами весьма хорошо... Офицеры этих частей были почти целиком назначены из рядов английских войск... Окрепшие впоследствии части эти не хотели подчиняться русскому командованию»⁷¹⁴. Правда, «попытки использовать карельских легионеров для борьбы с Красной Армией не имели успеха... Летом 1919 г. карельский полк был расформирован»⁷¹⁵. Генерал В. Марушевский по поводу английской авантюры в Карелии писал: ***«Все горе наше на Севере, главным образом, состояло в том,***

* Подчеркнуто А. С. Лукомским.

147

что сыны гордого Альбиона не могли себе представить русских иначе, чем в виде маленького, дикого племени индусов или малайцев, что ли. Этим сознанием своего великолетия так же страдали и все те приказчики из петроградских магазинов и мелкие служащие..., из которых британское военное министерство понаделало капитанов, майоров и даже полковников и богато снабдило ими Северный экспедиционный корпус»⁷¹⁶.

У. Черчилль подводил итоги интервенции следующим образом: «интервенция дала еще и другой более практический результат: большевики в продолжение всего 1919 г. были поглощены этими столкновениями с Колчаком и Деникиным, и вся их энергия была, таким образом, направлена на внутреннюю борьбу. В силу этого все новые государства, лежащие вдоль западной границы России, получили передышку неопределенного значения. Колчак и Деникин и ближайшие сподвижники убиты или рассеяны. В России началась суровая, бесконечная зима нечеловеческих доктрин и сверхчеловеческой жестокости, а тем временем Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и, главным образом, Польша могли в течение 1919 г. организовываться в цивилизованные государства и создать сильные патриотически настроенные армии. К концу 1920 г. был образован «санитарный кордон» из живых национальных организаций, сильных и здоровых, который охраняет Европу от большевистской заразы...»⁷¹⁷ Ллойд Джордж 29 ноября 1919 на Парижской конференции говорил более определенно, без ссылок на большевиков: «Объединенная Россия угрожает Европе — Грузия, Азербайджан, Бесарабия, Украина, Балтия, Финляндия, а по возможности и Сибирь должны быть независимы»⁷¹⁸.

А вот как предвидел итоги интервенции еще до ее начала бывший министр

Временного правительства генерал А. Верховский уже в марте 1918 г.: «Великая скорбь посетила родную землю. Обессиленная лежит Россия перед наглым, торжествующим врагом. Интеллигенция, рабочие, буржуазия и крестьянство — все классы, все партии России несут муку и позор поражения. Все лозунги провозглашены, все программы перепробованы, все партии были у власти, а страна все-таки разбита, унижена безмерно, отрезана от моря, поделена на части, и каждый, в ком бьется русское сердце, страдает без меры»⁷¹⁹. Если отделение Польши было во многом объективным следствием развития ее взаимоотношений с Россией, то Финляндия и тем более Прибалтика были отторгнуты от России откровенно насильственным путем.

Планы интервенции отражали лишь вековые тенденции политики Великобритании и Франции. Англия активно боролась против выхода России к Балтийскому морю еще во времена Петра I. Затем вместе с Францией она с таким же ожесточением препятствовала выходу России в открытый океан через Черноморские проливы. С не меньшей энергией Англия блокировала попытки России выйти и в Тихий океан.

148

Своей политикой Англия и Франция преследовали цель сохранения своего морского господства. В 1918 г. за высадкой интервентов на побережье Белого и Черного морей последовало блокирование ими выхода из Балтийского моря. Таким образом, под англо-французский контроль попадала вся внешняя торговля России, она, по сути, превращалась в зависимую полуколонию. В полной мере эти планы реализовать не удалось, тем не менее Россия лишилась глубоководных незамерзающих портов в Балтийском море, береговая линия сократилась в несколько раз. Если учесть, что Черноморские проливы так же остались под контролем «союзников», на границе России и Европы был создан ряд буферных государств, а Россия была разорена войной и революцией, то цели *войны «союзников» России против России* можно было считать достигнутыми...

Позиция большевиков, признавших независимость Польши, Финляндии, Прибалтики, казалось бы полностью соответствовала интересам «союзников». Деникин по этому поводу упрекал русский народ в «органическом недостатке патриотизма» и обвинял большевиков в распродаже «...русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам...»⁷²⁰ Известный экономист Л. Кафенгауз клял большевиков за то, что они сдали Прибалтику⁷²¹. Но ведь между тем сам Деникин, Колчак, Врангель... выступавшие за лозунг «Единой и неделимой», непосредственно получали помощь от тех самых «политических ростовщиков», они, по сути, были их наемниками. У. Черчилль писал: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи...»¹²²

Выдающийся философ Питирим Сорокин уже в первые дни интервенции потерял остатки иллюзий: «...Любим, любим мы фантазировать... Наиболее национальным произведением нашей литературы надо считать басню о мужике и зайце, пока мужик фантазировал — заяц удрал и унес с собой все богатые фантазии мужика...»⁷²³ Фантазии эти касались надежд на благородство «союзников». П. Сорокин разъяснял свою мысль: «Я понял всю тщету надежд на «союзников», эгоистичность их целей и безнадежность попыток военного подавления большевизма извне... Учиться у союзников и Запада нужно многому, но возлагать на них какие-либо надежды, а тем более жертвовать в связи с этими надеждами хотя бы одним человеком для их целей — глупо. Только сила,

одна сила, является языком, понятным в международных отношениях... Остальное — один «нас возвышающий обман», за который приходится дорого расплачиваться... Много чудесных иллюзий и окрыляющих фантазий исчезло у меня...»⁷²⁴ Уже после гражданской войны один из наиболее выдающихся военачальников Белой армии, генерал-

149

лейтенант Я. Слащов-Крымский напишет статью о смысле борьбы белогвардейцев под названием: «Лозунги русского патриотизма на службе Франции»⁷²⁵. Лидер либеральной правой партий П. Милуков, опиравшийся на поддержку «союзников» для свершения революции, а затем призывавший их к интервенции в Россию, в октябре 1920 г. напишет: *«Военная помощь иностранцев не только не достигла цели, но далее принесла вред: всегда и всюду иностранцы оказывались врагами не только большевизма, но и всего русского»*⁷²⁶.

Никаких иллюзий в отношении целей «союзников» и «друзей» России не было уже тогда — создание буферного, санитарного кордона, отделяющего любую Россию, неважно — белую или красную; монархическую, демократическую или большевистскую, было для них в любом случае программой-минимум, попытка реализовать программу максимум — окончательного развала России — столкнулась с упрямым сопротивлением большевиков.

Борьба большевиков за сохранение России как единого государства, получила на Западе название «советского колониализма» или «большевистского империализма». Был ли другой выход? Либералы и псевдодемократы заявляют что да, нужно было предоставить право свободы выбора всем народам и национальностям. К чему бы это привело? — Распад единого экономического и политического пространства неизбежно привел бы к деградации абсолютного большинства народов, населявших Россию. Отрезанные от морей, находящиеся в крайне неблагоприятных климатических и географических условиях регионы были нежизнеспособны.

Например, с потерей европейских морских портов Россия утрачивала почти 80% всей своей внешней торговли. Только через Балтийские порты до войны осуществлялось 30% русского экспорта, из которого на прибалтийские порты приходилось — 75%, а на единственный оставшийся порт Петроград всего 25%⁷²⁷. Примечательно, что ни Польша, ни прибалтийские страны, находившиеся в самых выгодных географическо-экономических условиях, тем не менее вплоть до Второй мировой войны не достигли своего уровня промышленного развития, существовавшего к 1913 г., когда они находились в составе Российской империи. В то же время СССР увеличил свою индустриальную базу в несколько раз.

Распад означал конец русской цивилизации и русского народа. Ослабленные пограничные регионы Украины, Запада, Северо-Запада России, Северного Кавказа неизбежно были бы захвачены Великой Польшей, Великой Эстонией, Великой Финляндией, Великой Грузией и прочими великими... Наиболее «лакомые куски», например, на Черном, Северных и Дальневосточных морях превратились бы в протектораты других, еще более великих держав... Мало того, столкновение интересов почти всех вновь образовавшихся государств неизбежно приводило к крайне ожесточенным войнам между ними. Требования развала Российской империи на национальные образования в то время были чистой демагогией, на-

150

правленной на уничтожение и деградацию большинства народов, населявших Россию. Русский и другие народы России пошли за большевиками не только из за «земли», они интуитивно отчаянно боролись за свое выживание. Это чувство можно назвать инстинктом коллективного самосохранения.

Брусилов вспоминал: «Наступила весна 1920 года. С юга стал наступать Врангель, поляки — с запада. Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжелая болезнь, наносная муть. И что поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обкромсать наши границы. Я думал, что, пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная Армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути...»⁷²⁸

Великий князь Александр Михайлович, у которого более 20 родственников были убиты большевиками, тем не менее вставал на их защиту: «"По-видимому, "союзники" собираются превратить Россию в британскую колонию", — писал Троцкий в одной из своих прокламаций к Красной Армии. И разве на этот раз он не был прав? Инспирируемое сэром Г. Детердингом или же следуя просто старой программе Дизраэли-Биконсфилда, британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своею собственною изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...»⁷²⁹ Александр Михайлович дополнял: «Бывшие российские либералы, обращенные материальными затруднениями в монархизм, заявили мне, что расценивают мое вмешательство как лишнее доказательство «сближения с большевиками». Скажи эти слова кто-либо иной, я бы взбесился, но брошенные кучкой болтунов, несущих прямую ответственность за крушение империи, они звучали комплиментом»⁷³⁰.

Большевики сохранили единое экономическое и политическое пространство России, при этом они выполнили свой лозунг о праве наций на самоопределение. Бывшая Российская империя превратилась в федерацию национальных образований, по смыслу близкому к швейцарским кантонам. Конечно, только что созданная федерация была еще далека от идеала, до него еще не созрела не только центральная

151

власть, но и сами национальные территории. Но это был первый шаг в направлении выхода на эволюционный путь развития наций и объединявшего их государства.

Идеал государства, который преследовали большевики, раскрывают мысли Ф. Энгельса о самоуправлении: «Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и Первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, напр., швейцарский федерализм». В соответствии с этим необходимо «полное самоуправление в провинции (губернии или области), уезде и общине через чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством»⁷³¹. Для реализации этой программы необходимо было время, для эволюционного развития, созревания. Но России времени снова не дали...

Сравнения

Для сравнения сепаратистских процессов приведем показательный пример великобританской национальной политики в отношении Ирландии.

С началом Первой мировой войны английское правительство подписало акт о гомруле (самоуправлении) для Ирландии, который палата лордов отклоняла все предыдущие годы. Тем не менее ирландцы выступили за формирование своих национальных частей. Военное министерство предприняло все меры, чтобы подавить эти попытки. В конце 1916 г. в Ирландии вспыхнуло национально-освободительное восстание, которому немцы попытались оказать поддержку. Восстание было подавлено. «...Быстро последовали репрессии и казни, хотя и немногочисленные, но оставившие глубокий след»⁷³².

Во время войны «на фронте служило 60 тыс. ирландских солдат, но зато 60 тыс. британских солдат несли гарнизонную службу в Ирландии...» На парламентских выборах 1918 г., — отмечал У.Черчилль, — «провалились все кандидаты, поддерживавшие дело союзников. Националистическая партия, в течение шестидесяти лет представлявшая ирландскую демократию, исчезла в одну ночь. Вместо них были избраны восемьдесят шинфейнеров, совершенно чуждых всем тем процессам ассимиляции... Шинфейнеры были проникнуты старой, унаследованной от прадедов ненавистью, первобытной и неумолимой...» По словам У.Черчилля, это была «...дикая и никем не руководимая шайка людей, ненавидящих Англию, которая будет подтачивать самые жизненные основы империи и вносить в нашу общественную жизнь озлобление, о котором мы не знали в течение целых поколений, пожалуй, в течение

152

целых столетий». «За этими людьми (республиканцами), усиливая и пополняя число их сторонников и в то же время позоря этих последних, стоит большое число обычных грязных негодяев и разбойников, которые грабят, убивают, крадут ради своего личного обогащения или ради личной мести и создают беспорядок и хаос исключительно из любви к беспорядку и хаосу. Эти бандиты — ибо никаким другим именем нельзя их назвать — занимаются своей разрушительной деятельностью под прикрытием лозунга республики...»⁷³³

15 января 1919 г. конгресс шинфейнеров провозгласил Декларацию независимости. «Великобритания начала понимать, что в Южной Ирландии раздается страшный голос и что угрозы, которые он произносит, означают альтернативу «независимости или массового убийства»». В Ирландии действительно развернулась организованная кампания убийств судей, чинов полиции и солдат. «В течение 1920 г. кампания политических убийств в Ирландии росла и ширилась...»⁷¹⁴ «Солдаты, товарищи которых были убиты, громили лавки и квартиры лиц, проживавших поблизости от места совершения преступления, и полиция сплошь и рядом сама прибегала к репрессиям по отношению к подозрительным лицам». «Политика «разрешенных репрессий» вступила в силу с января 1921 г. Вскоре оказалось, что она гораздо менее действенна, чем грубые, но своевременные меры специальных полицейских отрядов... Фактическое право британских отрядов направляться куда им угодно и делать все, что они считали нужным, — вспоминал У. Черчилль, — никогда не вызывало сколько-нибудь сильного противодействия»⁷¹⁵.

«В начале лета 1921 г. стало ясно, что Великобритания стоит на распутье, — отмечал У. Черчилль. — Альтернатива, стоявшая перед нами, была теперь совершенно ясна: «Или сокрушите их железом и беспощадным насилием, или дайте им то, чего они хотят»...»⁷³⁶ Англия предоставила Южной Ирландии права ограниченного доминиона, после чего там вспыхнула гражданская война между сторонниками независимости Ирландии и проанглийской оппозицией.

Английское правительство активно поддерживало своих сторонников, и республиканцы потерпели поражение. Х. Планкетт позже писал Хаузу: «Ирландскую проблему разрешили настолько неправильным путем, что побили все рекорды английских грубых промахов»⁷³⁷. Южная Ирландия получила независимость только после Второй мировой войны в 1949 г. Северная Ирландия осталась провинцией Великобритании, превратившись в незаживающую кровотокающую «язву» английской национальной политики.

153

ПОТРУДИТЕСЬ ПОДЧИНИТЬСЯ ИЛИ СОТРУ С ЛИЦА ЗЕМЛИ...

Кровь и террор Гражданской войны

«Нет законодательства, которое бы не давало права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы права правительству приостанавливать все нормы права». «Правительство не колеблясь, противопоставит насилию силу».

П. Столыпин.

«Не выйдем мы из беспорядков и революций до тех пор, пока не станет всенародно ясно и неоспоримо. — где верховная власть, где та сила, которая при разногласиях наших может сказать "Roma locuta — causa finita" — потрудитесь подчиниться, а если не подчинитесь сотру с лица земли»

Л. Тихомиров.

Незаметно мы перешли к одному из наиболее трагичных вопросов гражданской войны — насилию. «Большевики — бесчеловечные, жестокие скоты», — указывал посол США Фрэнсис⁷³⁸. Шульгин: «Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди господни. Они презирают русский народ. Они озверелые горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила их. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют «буржуев» сотнями тысяч. Ведь разве это люди?... Они убивают, они пытаются... Разве это люди? Это звери...»⁷³⁹ С. Мельгунов: «Жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой «буржуазной» морали первые разнуздали гражданскую войну. На них лежит вина за дикость произвола, они морально ответственны за темные пятна междоусобной борьбы»⁷⁴⁰.

154

Насилие 1917-1922 гг. можно подразделить на четыре независимые, но тесно связанные друг с другом группы:

- насилие жесткой мобилизационной политики военного времени, отягощенное развалом государственной власти, оставленным в наследство Временным правительством;
- стихийное насилие социального взрыва — «русского бунта»;
- революционное насилие — подавление сопротивления побежденного класса;
- насилие, вызванное интервенцией и гражданской войной, реализуемое в рамках «военного положения».

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Месяц спустя после начала формирования белых армий Алексеева, Краснова, Каледина... 7 (20) декабря 1917 г. большевиками была создана специальная

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК). С 31 января 1918 г. деятельность ВЧК была строго ограничена: розыском, пресечением и предупреждением преступлений; она завершалась на стадии передачи материалов для следствия в трибунал, который в свою очередь направлял дела в суд. Т.е. речь о насилии как таковом пока еще не шла, а процедура соответствовала самым передовым демократическим нормам того времени.

Но уже 21-22 февраля после провала первых Брестских переговоров, с началом наступления немецких войск СНК издает постановление «Социалистическое отечество в опасности» и наделяет ВЧК правом внесудебного решения дел с применением высшей меры наказания — расстрела. **Этими двумя решениями СНК фактически вводил в стране режим «военного положения».** С этого времени органы ВЧК вели не только оперативную работу, но и проводили следствие и выносили приговор, заменяя следственные и судебные органы⁷⁴¹. ВЧК было предоставлено «право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами», в число которых включались «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы, саботажники и прочие паразиты» — все они «расстреливались на месте».

В марте начинается интервенция и новое немецкое наступление, гражданская война охватывает Юг России, в городах центра наступает голод. В мае-июне большевики с трудом подавили голодные рабочие манифестации в Сормове, Ярославле, Туле, Нижнем Тагиле, Белоречье, Златоусте, Екатеринбурге... 4 июня советник германской миссии в Москве К. Рицдер писал: «За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевицкий кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями... Не может быть никаких сомнений в том, что материальные

155

ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат..., больше нельзя полагаться, не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца...»⁷⁴²

8 июня в Самаре при помощи чехословаков и генерала Каппеля, был организован «Комуч»*, в который вошли представители эсеров и меньшевиков. Свою деятельность Комуч начал с массового террора против большевиков и их сочувствующих. Ответом большевиков стала дальнейшая мобилизация власти. Были *распущены* оппозиционные Советы, 14 июня из Всероссийского ЦИКа были удалены представители оппозиционных партий. Ленин объяснял свое решение тем, что «и меньшевики, и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехословаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. *Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма.... для нас ясно, что террор был вызван обостренной гражданской войной...*»⁷⁴³ 16 июня народный комиссариат юстиции РСФСР известил, что революционные трибуналы «не связаны никакими ограничениями» в «выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч.»⁷⁴⁴

2 сентября, после высадки интервентов в Архангельске, Мурманске, Одессе, Новороссийске, Владивостоке, мятежей эсеров в Ярославле и Вологде, «заговора послов», первого похода Добровольческой армии на Юге, начала террора Комуча и чехословацкого корпуса в Поволжье, атамана Дутова на Южном Урале и т.д. декретом ВЦИК в стране по сути **вводился режим «осадного» — «чрезвычайного военного положения».** В Декрете говорилось: «Лицом к лицу с

империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: *Советская республика превращается в военный лагерь...*⁷⁴⁵ Ленин писал в то время: «Товарищ Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы... удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архиважное. Надо поощрять

* «Комуч» — комитет членов учредительного собрания, объединил около сотни членов Учредительного собрания вместе с его председателем В. Черновым. Орган власти на территории Ср. Поволжья и Приуралья в июне — сентябре 1918 «Комуч» декларировал низложение большевистской власти, восстановление городских дум и земств.

156

энергичность и *массовидность* террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает»⁷⁴⁶.

4 сентября 1918 г. режим **«чрезвычайного военного положения»**

дополнен приказом Г. Петровского «О заложниках»: «...Убийство Володарского, убийство Урицкого, покушение на убийство и ранение председателя СНК В.И. Ленина, массовые десятками тысяч расстрелы наших товарищей в Финляндии, на Украине, и наконец на Дону, и в Чехославии, постоянно открываемые заговоры в тылу наших армий и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны Советов показывает, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет. С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел... О всяких нерешительных в этом направлении действиях тех или иных органов местных советов Завуправы исполкомов обязаны немедленно донести народному комиссариату Внутренних Дел... Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора...»⁷⁴⁷

5 сентября Совет Народных Комиссаров декретом **«О Красном Терроре»** утверждает введение **«чрезвычайного военного положения»**: СНК «...находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью... необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁷⁴⁸. И уже 17 сентября 1918 года в газете «Северная коммуна», было опубликовано требование члена ЦК РКП(б) и председателя Петросовета Г. Зиновьева: «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, мы должны иметь собственный, социалистический гуманизм. Мы должны завоевать на нашу сторону девяносто из ста миллионов жителей России под Советской властью. Что же касается остальных, нам нечего им сказать. Они должны быть уничтожены»⁷⁴⁹.

Ключевая роль в осуществлении Красного террора принадлежала ВЧК. Д. Рид

называл ВЧК «Красной армией тыла»⁷⁵⁰. При этом Лацис указывал: «ВЧК, как орган чрезвычайный и временный, не входит в нашу конституционную систему. Пройдет время гражданской войны, время чрезвычайных условий существования советской власти, и чрезвычайные комиссии станут лишними: они... будут вычеркнуты из аппарата советской власти»⁷⁵¹.

157

6 ноября 1918 г., *ровно через два месяца после объявления*, постановлением VI Всероссийского съезда Советов «*Красный террор*» был прекращен. Фактически в большинстве районов России он был закончен еще в октябре*.

30 января 1919 г. функции ВЧК были ограничены ролью «розыскных боевых органов по предупреждению и пресечению преступлений», судебные решения имели право принимать только ревтрибуналы. ВЧК оставили право выносить приговоры лишь в местностях, объявленных на военном положении⁷⁵².

В марте 1920 г., после эвакуации интервентов с Севера России, полного разгрома в начале 1920 г. армий Колчака, Деникина, Юденича, полномочия ВЧК снова были ограничены только предварительным следствием.

В феврале 1922 г., после разгрома Врангеля, окончания гражданской и польской войн, ВЧК была упразднена.

В период «Красного террора» — сентябрь-ноябрь 1918 г. — рупором ВЧК стали собственные печатные издания: «Еженедельник ВЧК», «Красный террор», «Красный меч», и др., в которых вполне откровенно освещалась его деятельность. Эта откровенность очевидно не была случайной и служила психологическому подавлению сопротивления власти и именно в ней заключалась **массовидность** террора. Формула воздействия была выражена Л. Троцким: «Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи»⁷⁵³. М. Калинин высказывался дипломатичнее: «Наказывая одних, мы воспитываем целое поколение», соответственно информация об этих «наказаниях» должна была распространяться как можно шире. Вместе с тем публично голов на улицах, как во времена Французской революции, уже не рубили. С другой стороны, в 1918 г. Ленин, несмотря на подавление оппозиционной прессы, пытался сохранить «демократический централизм» и поддерживал относительную свободу мнений внутри партии. В совокупности «откро-

* К середине июня 1918 г. действовало 43 губернских и 365 уездных Чрезвычайных Комиссий, в которых, по данным ЧКК «..работало уже 12 000 сотрудников — к концу 1918 года их станет 40 000». В ноябре 1920 г. в ВЧК вошли пограничные войска, и к началу 1921 года ее численность достигла 280 000 чел. Численность непосредственно самой ВЧК в 1921 г. составляла около 80 тыс. человек. Следует учитывать, что в функции ВЧК. кроме классового террора, вошли: внешняя разведка, контрразведка, борьба с бандитизмом, подавление вооруженных восстаний, обеспечение работы транспорта, борьба с беспризорностью и эпидемиями тифа и т.д. «Непосредственно политическим сыском в конце 1920 — начале 1921 г. занимались секретные отделы ВЧК. их число в 32 губернских и уездных ЧК составляло 1805 человек». (РГАСПИ. ф5, оп. 1, д. 2563, л. 3-4, 6-24. (Литвин А..., с. 121).)

158

венность» и «демократизм» привели к росту критических выступлений против «Красного террора» среди самих большевиков. Они достигли такого уровня, что 19 декабря 1918 г. по предложению Ленина ЦК партии вынужден был постановить, что «на страницах партийной советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях»⁷⁵⁴.

«Красный террор» «в Питере, пример коего решает», выразился в расстреле 512 представителей высшей буржуазной элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались. Всего, по

официальным данным, в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек. Еще примерно 400 человек было расстреляно в Кронштадте. «Еженедельник ВЧК» скрупулезно подсчитывал число жертв Красного террора: с сентября по октябрь 1918 г. ЧК Нижнего Новгорода расстреляла 141 заложника; 700 заложников было арестовано в течение трех дней. В Вятке эвакуированная из Екатеринбурга Уральская ЧК отапортовала о расстреле за неделю 23 «бывших жандармов», 154 «контрреволюционеров», 8 «монархистов», 28 «членов партии кадетов», 186 «офицеров» и 10 «меньшевиков и правых эсеров». ЧК Иваново-Вознесенска сообщила о взятии 181 заложника, казни 25 «контрреволюционеров» и об организации «концентрационного лагеря на 1000 мест». ЧК маленького городка Себежа казнила «16 кулаков и попа, отслужившего молебен в память кровавого тирана Николая II»; ЧК Твери — 130 заложников, 39 расстрелянных; Пермская ЧК — 50 казненных. Можно еще долго продолжать этот каталог смерти, извлеченный из шести вышедших номеров «Еженедельника ВЧК»⁷⁵⁵. «...Другие местные газеты осенью 1918 года также сообщают о сотнях арестов и казней. Ограничимся лишь двумя примерами: единственный вышедший номер «Известий Царицынской Губчека» сообщает о расстреле 103 человек за неделю между 3 и 10 сентября. С 1 по 8 ноября 1918 года перед трибуналом местной ЧК предстал 371 человек: 50 были приговорены к смерти, другие — «к заключению в концентрационный лагерь в качестве профилактической меры как заложники вплоть до полной ликвидации всех контрреволюционных восстаний»... «Такая практика была обычной в течение всего лета 1918 года. Однако в ноябре того же года в Мотовилихе местная ЧК, вдохновляемая призывами из центра, пошла дальше: более 100 забастовщиков были расстреляны без всякого суда»⁷⁵⁶ и т.д.

Авторы ЧКК отмечают: «напрасно пытаться точно сосчитать число жертв этой первой волны красного террора. Один из видных руководителей ВЧК М.Лацис, утверждая, что за второе полугодие 1918 года ВЧК казнила 4 500 человек*, не без цинизма добавлял: «Если можно

* Многие сомневаются и в этих цифрах, так, например, по мнению С. Волкова: «Официальные данные ЧК о расстрелянных не отражают, разумеется, и 10%»¹⁵⁹

в чем-нибудь обвинить ЧК, то не в излишнем рвении к расстрелам, а в недостаточности применения высшей меры наказания. Строгая железная рука уменьшает всегда количество жертв»⁷⁵⁷. В конце октября 1918 года лидер меньшевиков Ю. Мартов считал, что жертв ЧК с начала сентября было «более чем десять тысяч»⁷⁵⁸.

Много это или мало? ЧКК справедливо приводит сравнение, что 10 тысяч жертв ЧК — это в 2,5 раза больше, чем количество казненных за 50 предшествующих лет царизма. Но с другой стороны, за несколько месяцев террора Великой французской революции было казнено 17 тысяч человек — давняя история? В 1914 г. когда немцы подошли к столице Франции, в ней было введено *осадное положение*. Только в одном Париже в глубоких рвах Венсенского форта за несколько дней были расстреляны сотни воров, хулиганов и прочих элементов, особо опасных в военное время⁷⁵⁹.

В Финляндии в начале 1918 г., еще до введения «Красного террора» в России, за 2-4 месяца были расстреляны примерно те же 10 тысяч человек, что составило около 3% всего населения страны! Для сравнения во время «Красного террора» погибло не более 0,06% населения России. Причем «финский белый террор» был уже террором победителей против побежденных, а в Советской России «Красный террор» был только оборонительной мерой — составной частью «чрезвычайного военного положения», введенного в ответ на развертывание иностранной интервенции и раскручивания «белого террора», уже уничтожившего десятки тысяч человек. Но эти жертвы почти никто не учитывал, ведь с точки зрения

«социального расизма» они людьми не считались. Так, В. Краснов отмечает, что колчаковцы «не распространяли на большевиков, а заодно и на побывавшее под властью Советов население, особенно "низшие" трудовые слои, общепринятые правовые нормы и гуманитарные обычаи. Убить или замучить большевика не считалось грехом. Сейчас невозможно установить, сколько массовых расправ над гражданским населением навсегда ушло в небытие, не оставив документальных следов, потому что в обстановке хаоса и безвластия простым людям не у кого было искать защиты»⁷⁶⁰. «Белый террор» был в самом разгаре, а Ленин еще только спрашивал Бонч-Бруевича: «Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок расходившуюся контрреволюцию?»⁷⁶¹

Практически все серьезные исследователи признают, что социалистическая революция в России произошла относительно бескровно и большевики сделали максимум возможного для того, чтобы предупредить

реальной цифры. По ним получается, что за 1918 год было расстреляно 6185 человек (в т. ч. за первую половину года 22), а всего за три года — 12 733; в тюрьмы было посажено в 1918 году 14 829 человек, в концлагеря — 6407 и заложниками взято 4068 (в 1919 году — 5491).» (Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР, М., 1975, с. 166. (Волков С. В..., с. 92))

160

массовое кровопролитие, почти полгода не отвечая на «белый террор». В. Ленин отмечал: «После революции 25 октября 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет и о терроре не было речи. Мы освободили не только бывших министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова»⁷⁶². Эту особенность — отсутствие ответного красного террора на захлестнувший страну «белый террор» до сентября 1918 г. отмечал французский дипломат Л. Робиев, радикально настроенный против большевиков: **«Большевики становятся жестокими, они сильно изменились за последние две недели. Боюсь, как бы в русской революции, которая до сих пор не пролила ни капли крови, не настал период террора...»**⁷⁶³ По данным не менее радикально настроенного против большевиков С. Волкова: **«В местностях, с самого начала твердо находящихся под контролем большевиков (Центральная Россия. Поволжье. Урал), организованный террор развернулся в основном позже — с лета-осени 1918 года»**⁷⁶⁴.

На то, что именно интервенция стала основной причиной «Красного террора», указывал и посол Франции Нуланс: **«Размещение союзников в Архангельске послужило предлогом для нового террора.** Надо было обратиться к истории, чтобы найти примеры варварства, подобные большевистским в этот период. Любое цивилизованное государство, уважающее закон, допускает только один вид наказания — индивидуальный, применимый к преступникам и правонарушителям. Комиссары же заменили его на систему заложников и на коллективную ответственность, действующую только у отсталых народов»⁷⁶⁵. Но что такое интервенция, как не наказание всей страны, всего народа... и такой вид «наказания» является допустимым для «цивилизованных государств»? Другой свидетель комендант Арчен, которому удалось бежать из Петрограда сообщал: **«Когда большевики пришли к власти, они были утопистами, гуманистами и великодушными провидцами — сегодня они больше походят на злобных сумасшедших.** Их преступное безумие дало о себе знать в начале июля (1918 г.)...»⁷⁶⁶

«Белый террор» послужил не столько основной причиной «Красного», сколько поводом. Главной причиной «Красного террора» стало резкое углубление, с началом интервенции, политэкономического кризиса, вызванного Первой мировой войной и февральской революцией. Интервенция потребовала создания и содержания огромной армии, обрушила остатки экономических механизмов хозяйствования, уже и так почти полностью истощенных за время мировой

войны. Мало того, интервенция, вбросив новую силу на весы власти, окончательно вывела их из равновесия, тем самым до крайности радикализовав уже и так расколотое и маргинализованное войной и двумя революциями общество. Аналогично во время французской революции именно интервенция стала основной причиной массового террора. В июле 1793 г. началась иностранная интервенция, а уже 4 и 5 сентября прошли народные выступления под лозунгом «Хлеба и Террора!», положившие начало яко-

161

бинскому террору. В России события разворачивались по аналогичному сценарию, подчеркивая эту объективную и неизбежную закономерность. В июле 1918 г., при поддержке западных послов, произошел эсеровский мятеж. 1 августа с высадки интервентов в Архангельске официально началась иностранная интервенция, а спустя месяц, точно так же, как и во Франции веком раньше, — 4-5 сентября был объявлен «Красный террор».

Что же касается «белого террора», предшествовавшего красному, то он не столько вызвал ответную месть, сколько разрушил моральные барьеры, сдерживавшие общество от взаимного насилия. Насколько они были сильны, можно представить себе по тому, как генерал Каледин, которому «страшно было пролить первую русскую кровь», не желая кровопролития покончил с собой. Или генерал Брусилов, который еще совсем недавно во время летнего наступления 1916 г., не дрогнув, пожертвовал жизнями более чем 100 тыс. солдат и офицеров, «не желая проливать кровь соотечественников», будучи сторонником большевиков отказался вступать в Красную и Белую армии. Моральный запрет на убийство ближнего очень силен, даже бывалые генералы, привыкшие к смерти, не смогли сразу переступить через него.

Интервенция и гражданская война до крайности обострили другую причину насилия — классовую борьбу. Необходимость и неизбежность насилия, в данном случае, Троцкий утверждал следующим тезисом: «Сколько бы Каутский ни исследовал пищу антропоморфных... и другие близкие и отдаленные обстоятельства для определения причин человеческой жестокости, он не найдет в истории других средств сломить классовую волю врага, кроме целесообразного и энергичного применения насилия»⁷⁶⁷. В условиях гражданской войны классовая борьба приобретала крайние, радикальные формы. ЧКК в этой связи отмечает, что «оргия убийств «на классовой основе» постоянно оправдывалась родовыми схватками нового мира. Рождался новый мир, и при этом было «все позволено», как объяснялось читателям первого номера *«Красного меча»*, газеты Киевской ЧК: «Для нас нет и не может быть старых устоев «морали» и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «нижних классов». Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех... Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет Революции серо-бело-черный штандарт старого разбойничьего мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов!...»⁷⁶⁸ Б. Рассел в 1920 находил, что «основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме и его вере, что человечество можно полностью преобразовать с помощью насилия»⁷⁶⁹.

162

Тем не менее на первом этапе революции насилие преимущественно носило стихийный характер, опираясь на крайне ограниченную социальную базу. Меньшевик Мартынов указывал на одну из главных ее составляющих: «Когда революция социально углубилась, поднялась вторая волна стихийного террора,

направленного сначала в деревнях против помещиков, а потом в городах против буржуазии. И тут были эксцессы. Но они исходили по общему правилу не от пролетариата, не от того класса, который взял в свои руки диктаторскую власть, а от его мелкобуржуазных союзников. Я говорю — «по общему правилу», потому что во время империалистической войны в нашу рабочую среду втерлось много чуждых ей, шкурнических элементов, укрывавшихся от воинской повинности, потому что во время экономической разрухи в рабочей среде накопилось много деклассированных элементов и эти деклассированные элементы, конечно, иногда проявляли эксцессы, особенно ввремя острой борьбы за хлеб... Жорес в своей истории Великой французской революции отметил, что в революционном Париже того времени проявления жестокости и разнузданности наблюдались только в мещанских кварталах, а отнюдь не в пролетарских предместьях. Во время мартовского восстания берлинских рабочих в 1848 г. пролетариат так себя вел, что через месяц президент берлинской полиции заявил публике: «Поведение подмастерьев и рабочих по праву заслуживает всеобщей признательности». Известно также, как великодушно, слишком великодушно, вел себя французский пролетариат в 1871 г. во время восстания Парижской Коммуны. Так же вел себя русский пролетариат во время и накануне революции 1905 г.»⁷⁷⁰ Такое поведение пролетариата было вполне обоснованным. Пролетариат во время гражданской войны ничего, в плане собственности, не терял и не приобретал; поэтому собственнический инстинкт «хищника», который является основной движущей силой насилия, был в нем наименее развит. Именно поэтому большевистским лидерам все время приходилось «подстегивать» активность пролетариата.

На другую составляющую социальной базы террора обращает внимание ЧКК: «Эти подстрекательства к убийствам разжигали страсть к насилию и жажду мести, дремавшие в глубине души у многих чекистов, вышедших, как это признавали даже сами большевистские руководители, из криминальной среды, из «социально опустившихся слоев общества». В письме, адресованном Ленину, большевик Гопнер описывал деятельность чекистов в Екатеринославе (письмо датировано 22 марта 1919 года): «В этой организации, пораженной преступностью, насилием и произволом, управляемой уголовным сбродом, вооруженные до зубов субъекты расправляются с каждым, кто придется им не по нраву, производят обыски, грабят, насилуют, сажают в тюрьму, сбывают фальшивые деньги, вымогают взятки, а потом шантажируют тех, кто им эти взятки дал, и освобождают за суммы в десять, а то и в двадцать раз крупнее»⁷⁷¹.

163

Деклассированные элементы, о которых говорит ЧКК, стали «бичом» общества благодаря амнистии, проведенной Временным правительством. По свидетельству Деникина: «...войсковые части пополнялись и непосредственно обитателями уголовных тюрем и каторги после широкой амнистии, объявленной (Временным) правительством преступникам, которые должны были искупать свой грех в рядах действующей армии. Эта мера, против которой я безнадежно боролся, дала нам и отдельный полк арестантов — подарок Москвы, и прочные анархистские кадры в запасные батальоны. Наивная и неискренняя аргументация законодателя, что преступления были совершены из-за условий царского режима и что свободная страна сделает бывших преступников самоотверженными бойцами, не оправдалась. В тех гарнизонах, где почему-либо более густо сконцентрировались амнистированные уголовники, — они стали грозой населения, еще не повидав фронта. Так, в июне в томских войсковых частях шла широкая пропаганда массового грабежа и уничтожения всех властей; из солдат составлялись огромные шайки вооруженных грабителей, которые наводили ужас на население. Комиссар, начальник гарнизона совместно со всеми местными революционными организациями предприняли поход против грабителей и после

боя изъяли из состава гарнизона не более, не менее, как 2300 амнистированных уголовников»⁷⁷².

Но деклассированные элементы могут прорваться к власти только в случае полного разрушения ее фундаментальных основ. Разрушителем государственной системы в 1917 г., явилось то же самое Временное правительство: «Едва придя к власти, указом от 5 марта министр-председатель отдал распоряжение о повсеместном устранении губернаторов и исправников и замене их, в качестве правительственных комиссаров, председателями губернских и уездных управ»... «Должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом. Не имея в своем распоряжении ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно и попали в полную зависимость от революционных организаций. Вынесенное «неодобрение» прекращало фактически деятельность комиссара... Но это было только началом разрушения государственного механизма. Наиболее сильным ударом по власти стало упразднение полиции. «Упразднение полиции в самый разгар народных волнений, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантии, обеспечивающие общественную и имущественную безопасность граждан, являлось прямым бедствием. Но этого мало. С давних пор функции русской полиции незаконно расширялись путем передачи ей части своих обязанностей как всеми правительственными учреждениями, так и органами самоуправления, даже ведомствами православного и иных вероисповеданий. На полицию возлагалось взыскание всяких сборов и недоимок, исполнение обязанностей судебных приставов и участие в следственном производстве, наблюдение за выполнением санитарного, технического, пожарного уставов, собирание всевозможных статистических данных, призрение сирот и лиц, впавших

164

болезнь вне жилищ и проч. и проч. Достаточно сказать, что проект реорганизации полиции, внесенный в Государственную Думу в конце 1913 года, предусматривал 317 отдельных обязанностей, незаконно возложенных на полицию и подлежащих сложению с нее. Весь этот аппарат и сопряженная с ним деятельность — охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты из жизни и оставили в ней пустое место. Кадры милиции стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, без всякого технического опыта, или же заведомо преступным элементом. Отчасти этому способствовал новый закон, допускавший в милицию даже лиц, подвергшихся заключению в исправительных арестантских отделениях с соответственным поражением прав; отчасти же насильственно «демократизованными», благодаря системе набора их, практиковавшейся многими городскими и земскими учреждениями. По компетентному заявлению начальника главного управления по делам милиции, при этих выборах в состав милиции, даже в ее начальники, нередко попадали уголовные преступники, только что бежавшие с каторги. Волость зачастую вовсе не организовывала милицию, предоставляя деревне управляться как ей заблагорассудится»⁷⁷³.

Временное правительство опомнилось только после августа 1917 г., но и здесь предпринятые им усилия лишь усугубили ситуацию. Шингарев вспоминал: «Керенский, Переверзев... все-таки провели закон, которому мы всячески противились, — о внесудебных арестах.. И на основании этого закона держали их (большевиков) в тюрьме, уже не стесняясь. Упреки «Правды», что и Временное правительство применяло насилие, конечно, верны. Паралич суда, чему виною, по-моему. Керенский, был одною из причин быстрого разложения порядка, хотя бы и революционного»⁷⁷⁴.

Таким образом, к Октябрьской революции разрушенными оказались не только армия, экономика, промышленность, но и вся система государственной

власти. В первый день революции 25 октября 1917 г. большевики издают свой Приказ № 1, которым попытаются ограничить вакханалию преступности: «Приказываю солдатам и матросам красной гвардии беспощадно и немедленно расправляться своими силами с представителями преступного элемента, раз с очевидной несомненностью на месте будет установлено их участие в содеянном преступлении против жизни, здоровья или имущества граждан». Но наивный призыв к сознательности масс остался благим пожеланием, и только после этого появилась ВЧК.

Анархия неизбежно приводит к тому, что власть захватывают не самые умные или морально чистоплотные, а наименее связанные моральными нормами революционеры и наиболее агрессивные деклассированные элементы. В. Воейков утверждал этот тезис словами: «каждая революция есть сочетание работы честных фанатиков, буйных помешанных и преступников»⁷⁷⁵. На первом этапе революции у большевиков

165

не было выбора, и они сознательно использовали то наследство, которое досталось им от предыдущей власти. Ленин по этому поводу писал: «Трагическая судьба всякой революции ... заключается в том, что она всегда строится на отбросах»⁷⁷⁶. С. Волков отмечает: «В провинции грань между уголовными элементами и функционерами новой власти была, как правило, очень зыбкой, а часто ее вообще не было, так как последние состояли в значительной мере из первых»⁷⁷⁷. «М. Пришвин перечисляет известные ему "руководящие кадры" города Ельца... и приходит к выводу, что, они состоят из негодяев; переменись власть, они снова оказались бы на старых должностях — полицейских, урядников, инспекторов. Эти люди не только не заботились об авторитете советской власти, но с удовольствием под шумок уничтожали и коммунистов. Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под контролем центра и тем более лично Ленина. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня были фракции, которые не подчинялись Дзержинскому и Ленину (они пошли с удостоверениями ВЧК и убили посла Германии Мирбаха). Вообще, государственная вертикаль складывалась медленно и уже после войны»⁷⁷⁸.

Маховик насилия

Первым в гражданской войне в России тотальный террор, как метод борьбы, провозгласил генерал Корнилов в январе 1918 г. в своем приказе: «пленных не брать», и пленных действительно не брали. Этот приказ касался не только бойцов Красной Армии, но и всех большевиков и им сочувствующих. ВЧК тогда существовала разве что в зародыше, Красной Армии еще попросту не было. Как и систематического, объявленного *сверху* красного террора.

Идеологическую базу белого террора обеспечила партия либеральных демократов. С. Ан-ский вспоминал, что уже на следующий день после революции — 26 октября — «кадеты настаивали на том, чтобы к большевикам отнеслись беспощадно, чтобы их вешали и расстреливали, эсеры же требовали мягкого обращения с побежденными революционерами (это было в то время чуть ли единственным различием между «демократией социалистической» и «демократией несоциалистической" ...)»⁷⁷⁹. Но, может возразить критик, подобные заявления можно отнести на счет спонтанной реакции проигравших. Однако еще в ноябре 1904 г. лидер либерально-демократической кадетской партии П. Милюков писал: «Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что наши планы об организации партии... окажутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное

разрешение назревших вопросов государственного переустройства в то время, когда уже кругом происходит революция. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую

166

силу, надеясь в душе на известный исход, но не желая лично участвовать в актах физического воздействия? Но ведь это было бы лицемерием, а подобная лицемерная постановка вопроса была бы граждански недобросовестна. Несомненно, вы все в душе радуетесь известным актам физического насилия, которые всеми заранее ожидаются и историческое значение которых громадно...»⁷⁸⁰

Витте в этой связи приводил заявление либерального демократа и известного ученого, сделанное в 1905 г.: «Вот этот милейший, достойнейший и талантливейший Мечников упрекал меня также, что я мало убил людей. По его теории, которую он после выражал многим, я должен был отдать Петербург, Москву или какую-нибудь губернию в руки революционеров. Затем через несколько месяцев их осадить и взять, причем расстрелять несколько десятков тысяч человек. Тогда бы, по его мнению, революции был положен конец. Некоторые русские с восторгом и разинутыми ртами слушали его речи. При этом он ссылаясь на Тьера и его расправу с коммунистами»⁷⁸¹.

Белый террор приобрел характер системы с начала июня 1918 г., когда чешским легионом и войсками Комуча была захвачена Самара. В этот же день были зверски убиты все большевистские активисты и более 100 захваченных в плен красноармейцев и красногвардейцев. «Вооруженные патрули по указаниям из толпы расстреливали заподозренных. в большевизме лиц прямо на улице»⁷⁸². Эсеры попытались от имени Комуча установить подобие законности⁷⁸³, и... комучевцы продолжали расстреливать уже на «законном» основании»⁷⁸⁴. Атаман Дутов 4 августа установил смертную казнь за малейшее сопротивление властям и даже за уклонение от воинской службы⁷⁸⁵. О захвате комучевцами Казани 6 августа делился впечатлениями П. Смидович: «Это был поистине безудержный разгул победителей. Массовые расстрелы не только ответственных советских работников, но и всех, кого подозревали в признании советской власти, производились без суда, — и трупы валялись по целым дням на улице»⁷⁸⁶. Очевидец А. Кузнецов вспоминал: «раненых зверски добивали... Это было похоже на пир дикарей, справлявших тризну на трупах побежденных»⁷⁸⁷. Комучевец С. Николаев признавал: «режим террора... принял особо жестокие формы в Среднем Поволжье»⁷⁸⁸. Расстреливали в Мелекесе и Ставрополе, в каждом городе и деревне⁷⁸⁹.

Вольнов писал о своей поездке через линию фронта в Самару летом 1918 г.: «Мы не раз встречали изнасилованных женщин и девушек. Мы видели женщин, до костей иссеченных казацкими нагайками. Мы проезжали мимо братских могил. В общей куче, в братских объятиях, там покоились солдаты обоих фронтов, дети, случайно попавшие под выстрелы, до смерти изломанные, измятые солдатами женщины. Мы видели попа, на котором целую ночь катались верхом скупавшие на отдыхе партизаны: попа ставили на четвереньки и подгоняли шомполами по толстому задку... Наконец, мы видели старуху, мать коммуниста, с выколотыми глазами и отрезанными грудями. Видели церковные кресты, валявшиеся в навозе,

167

трепыхающиеся по ветру концы намыленных вожжевок на столбах, в петлях которых умирали большевики...»⁷⁹⁰

В России в то время действовал не только Комуч, но и множество других «демократических правительств». Так, *Временное сибирское правительство* 3 августа постановило передать всех представителей «так называемой советской

власти» политическому суду Всесибирского Учредительного собрания. В результате только в Омске было расстреляно полторы тысячи человек. 4 июня в Новониколаевске «при попытке к бегству» были убиты многие партийно-советские работники, тела погибших... были сильно изуродованы...⁷⁹¹ На Урале Временное областное правительство 27 августа декларировало установление власти партий кадетов, эсеров и меньшевиков. Заявлялось о признании власти только Учредительного собрания... И началась расправа. Центральное областное бюро профсоюзов Урала в августе 1918 г. заявляло: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара беспричинных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму...»⁷⁹²

Вышеприведенные примеры отражают лишь общие контуры белого террора. С первых же дней существования белого движения он приобрел массовый и беспощадный характер. Все большевики и им сочувствующие, или просто выступающие против белой власти, уничтожались поголовно, вместе с семьями. *«Красный террор», объявленный 5 сентября, должен был стать встречной волной, призванной погасить разгоравшийся пожар белого террора, загнать разгулявшуюся стихию в берега.* Он был последней попыткой удержать страну в рамках пускай и ограниченной, но демократии. Психологию «Красного террора» передает П. Лавров: «Именно те люди, которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови»⁷⁹³. Троцкий утверждал этот тезис словами: «В революции высшая энергия есть высшая гуманность»⁷⁹⁴.

Однако развитие интервенции бросало экономику страны за грань биологического выживания. Локальный террор, отдельные акции насилия уже не могли сдерживать разгулявшейся стихии насилия и обеспечить выживание государства, и тогда к власти пришла система, основанная на насилии — Диктатура пролетариата. О ней говорил еще Маркс, Ленин считал ее одним из основных условий победы пролетариата, но до конца 1918 г. диктатура пролетариата носила еще весьма ограниченный, в большей мере теоретический характер. Несмотря на грозные лозунги типа: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств

168

того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность «красного террора», жертвами которого стало всего около 10 тыс. человек. И только после того, как попытка остановить распространение гражданской войны и насилия с помощью «Красного террора» потерпела неудачу, с конца 1918 г. начинается настоящий террор, его жертвами становятся уже сотни тысяч... Именно тогда начался, как пишет ЧКК, «логический и последний этап «ликвидации буржуазии как класса» — казни заключенных в тюрьмах, «подозреваемых» и заложников...» Так, 25 июля

1919 года в «Известиях ВЦИК» было объявлено, что по всей Украине организуются комиссии «красного террора», и предупреждалось, что «пролетариат произведет организованное истребление буржуазии».

ЧКК, С. Мельгунов, С. Волкови др. приводят многочисленные данные о Красном терроре. Так, например, только в Харькове, Одессе, Киеве, Армавире было убито около 10 тыс. человек⁷⁹⁵. В Екатеринодаре, Екатеринославе,

Кременчуге в среднем по 3 тысячи⁷⁹⁶. В Екатеринбурге — 2,8 тыс., при этом все население города составляло до войны менее 30 тыс. человек... В Ростове-на-Дону — около 1 тыс. только в январе 1920 года. В Петрограде за три месяца (июль, август, сентябрь) расстреляно 5 тыс. человек⁷⁹⁷. Много офицеров погибло при расправах во время занятия красными Дальнего Востока, так, например, в Николаевске-на-Амуре с 1 марта по 2 июня 1920 г. погибло свыше 6 тыс. человек...⁷⁹⁸ В июне

1920 года офицеры, содержащиеся в Покровском лагере (1092 человека), были отправлены на Север и расстреляны⁷⁹⁹. В Астрахани в марте, «в общей сложности за одну неделю было расстреляно и утоплено от 3 до 5 тысяч человек⁸⁰⁰. Потрясенный увиденным Джон Рид писал: «По колориту, ужасу и величию то, что мы видим здесь, далеко превосходит Мексику (революция в Мексике 1910 г.)»⁸⁰¹

Несмотря на широту использования террора, наиболее пострадавшей от него социальной группой со стороны белых были офицеры: «Везде на занятых после отхода белых войск территориях применялся один и тот же прием: объявлялась регистрация офицеров, после чего явившихся тут же арестовывали и отправляли в лагерь, где их постепенно расстреливали»⁸⁰². И. Данилов вспоминал: «Остроумная вещь эта регистрация, применяемая большевиками, когда они занимают местности, очищенные от противника (я впоследствии это наблюдал и в Западном Крае и в Крыму). Люди, загипнотизированные страхом расстрела, сознательно несут свои головы в руки большевиков...»⁸⁰³

Офицеры редко находили снисхождение, инерция беспощадного насилия гражданской войны почти не оставляла им шансов на выживание: «Холмогорского лагеря, в который отправляли офицеров, до мая 1921 года фактически не было... прибывших просто расстреливали, в том числе и 800 офицеров Северной армии, и множество привезенных с Юга.

169

В самом Архангельске 120 офицеров были утоплены на барже. В 1921 году 600 заключенных петроградских тюрем были утоплены на барже по пути в Кронштадт»⁸⁰⁴. Как сообщал лорду Керзону английский священник Ломбард, «в последних числах августа две барки, наполненные офицерами, потоплены и трупы их были выброшены в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой»⁸⁰⁵. В Киеве в один день были убиты 2 тыс. бывших офицеров, вызванных для регистрации в городской театр. В Краснодаре под видом регистрации было собрано 7 тысяч ранее сдавших по манифесту о гарантии полной безопасности, в случае сдачи оружия врангелевских офицеров⁸⁰⁶ и отпущенных для свободного проживания, все были расстреляны. «...Уничтожению офицеров большевиками придавалось большее значение, чем даже их использованию в целях сохранения своей власти, — пишет С. Волков, — (когда отвечавший за комплектование армии Троцкий в октябре потребовал освободить всех офицеров, арестованных в качестве заложников, ЦК 25 октября отверг это требование)»⁸⁰⁷. То же самое произошло под Царицином, когда Троцкий потребовал сохранить арестованных военспецов, запертых на барже, Сталин в ответ затопил их.

В Крыму приказ о первой регистрации был составлен в таком тоне, что большинство оставшихся истолковало его как амнистию (которая и была объявлена) и почти все зарегистрировались в первые же дни⁸⁰⁸. Однако многие из зарегистрировавшихся были расстреляны. Заявление заместителя председателя Реввоенсовета Склянского, что «война продолжится, пока в красном Крыму* останется хоть один белый офицер» произвела такое впечатление, что назывались цифры даже в 100-120 и 150 тысяч расстрелянных... «Несомненно только, что все зарегистрированные офицеры, военные чиновники и солдаты "цветных"

частей были расстреляны поголовно...» — утверждает Успенский⁸⁰⁹. По мнению С. Волкова, в Крыму было убито до 52 тысяч человек⁸¹⁰.

Маховик насилия раскручивался постепенно и взаимно обеими воюющими сторонами. Попытка остановить его после окончания гражданской войны окажется не простым делом. Б. Соколов приводит пример, что после победы в «первый период пребывания большевиков в Архангельске был временем совершенно несвойственного для большевиков либерализма... большинство из взятых в плен офицеров было освобождено, не было реквизиций, магазины были открыты, свободная

* После эвакуации Врангеля в Крыму остались 2009 офицеров и 52 687 солдат, 15 тысяч раненых и более 200 тыс. — военные чиновники, журналисты, актеры, преподаватели, врачи, члены семей, офицеры, не воевавшие и не желавшие покинуть страну. Большевиками из Крыма 30 тыс. было направлено на восстановление шахт Донбаса, более 100 тыс. беженцев к лету 1921 г. выселено из Крыма. (Литвин А...)

170

торговля процветала, члены белого Правительств не были ни арестованы, ни просто обеспокоены. С первых же дней прихода красных войск начал функционировать реорганизованный городской театр...»⁸¹¹ Счастлиное время закончилось с прибытием Че-Ка, начались массовые аресты, обыски и реквизиции. Комиссар Кузьмин пытавшийся бороться с беспределом ЧК, получил отповедь от самого Ленина⁸¹². Мало того в Архангельск был послан Кедров, «репутация которого общеизвестна, как беспощадного палача и изувера... Расстрелы, реквизиции и беспощадные преследования всех и вся продолжались до тех пор, пока не выяснилось, что Кедров сумасшедший»*.

Другой пример приводил из Крыма Шульгин, который вспоминал, что большевики на другой день после окончания гражданской войны приступили к целенаправленному подавлению преступности, террора и насилия: «В направлении "смягчения" были даже довольно странные факты. В один прекрасный день пришел циркуляр из Москвы, по-видимому, от Луначарского, — предписывающий читать лекции рабочим и солдатам, с целью развития в них "гуманных чувств и смягчения классовой ненависти". Во исполнение этого те, кому сие ведать надлежит, обратились к целому ряду лиц с предложением читать такого рода лекции и с представлением полной свободы в выборе тем и в их развитии. Эти лекции состоялись. Одна из них имела особенно шумный успех и была повторена несколько раз. Это была лекция об Орлеанской Деве. Почему коммунистам вдруг пришла мысль поучать "рабочих и крестьян" рассказами о французской патриотке, спасавшей своего короля, объяснить трудно. Но это факт...»⁸¹³ И снова Шульгин: «Как он (*Котовский*) стал командиром дивизии, я не знаю, но могу засвидетельствовать, что он содержал ее в строгости и благочестии, бывший каторжник, — "honny soit, qui mal y pense". В особенности замечательно его отношение к нам — "пленным". Он не только категорически приказал не обижать пленных, но и заставил себя слушать. Не только в Тирасполе, но и во всей округе рассказывали, что он собственноручно застрелил двух красноармейцев, которые ограбили наших больных офицеров и попались ему

* (Соколов Б. Ф... с. 420.) В. Голдин по этому поводу пишет: «Версия о сумасшествии М.С. Кедрова получила довольно широкое распространение, но она не соответствует действительности... Дело, думается, в другом. С начала гражданской войны М.С. Кедров оказался в самом ее пекле... он возглавлял Особый отдел ВЧК (армейскую контрразведку) в качестве полпреда ВЧК выезжал в самые горячие и угрожающие места. Накапливалось ожесточение, выработалась привычка и уверенность в праве сурово карать «врагов революции»... В этом привыкании к насилию и террору заключалась великая драма и трагедия революции и людей, вершивших ее с самыми благими целями и намерениями. Этим во многом определялась и последующая история страны и судьбы людей, стоявших у истоков российской революции». (В. Голдин, Белый Север, т. 2, прим., с. 455)

171

на глаза. "Товарищ Котовский не приказал" — это было, можно сказать, лозунгом в районе Тирасполя. Скольким это спасло жизнь...»⁸¹⁴

БЕЛЫЙ ТЕРРОР «ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ»

Начальник «государственной охраны» Комуча эсер Климушкин вспоминал о подробностях жестокого подавления комучевцами рабочих восстаний в Казани и Иващенкове, в чем, полагал он, «надо признаться хотя бы для истории»⁸¹³. 3 сентября—1 октября в эти городах от рук комучевцев и чехов погибло около тысячи рабочих⁸¹⁶. В сентябре, терпя поражение на фронте, Комуч принял чрезвычайные меры, учреждался чрезвычайный полевой суд, выносивший только один приговор — смертную казнь⁸¹⁷, в том числе за любое неповиновение властям, распространение слухов, спекуляцию и т.д.⁸¹⁸ При наступлении красных комучевцы стали эвакуировать тюрьмы. В одном из поездов, отправленном в Иркутск из Самары, было 2700 человек... Из него до конечного пункта добрались только 725 человек, остальные погибли⁸¹⁹. На Урале расширяло террор Временное областное правительство, так, в Альяншинской волости Осинского уезда только с 10 сентября по 10 декабря было расстреляно 350 коммунистов, красноармейцев и членов их семей; на станции Сусанна — 46 родственников красноармейцев и советских работников. «Террор с первых дней принял массовый характер»⁸²⁰. «Когда в Бугурусланском уезде сразу семь волостей отказались дать новобранцев, «для примера» одно из сел окружили войска и открыли огонь из пушек и пулеметов. В сентябре восстали рабочие Казанского порохового завода, протестуя против террора, мобилизации в армию и ухудшения жизни. Комендант города расстрелял митинг... В октябре рабочие г. Иващенкова выступили против демонтажа предприятий и эвакуации их в Сибирь. Прибыли каратели и перебили около тысячи человек, в том числе женщин и детей, без разбора»⁸²¹.

Армии Юга России. «Кошмарные слухи о жестокостях добровольцев, об их расправах с пленными красноармейцами и с теми жителями, которые имели хоть какое-нибудь отношение к советским учреждениям, распространялись в городе Сочи и в деревнях. Случайно находившиеся в Новороссийске в момент занятия города добровольцами члены сочинской продовольственной управы рассказывали о массовых расстрелах, безо всякого суда и следствия, многих рабочих новороссийских цементных заводов и нескольких сот захваченных в плен красноармейцев»⁸²². «Заняв Одессу, добровольцы прежде всего принялись за жестокую расправу с большевиками. Каждый офицер считал себя вправе арестовать кою хотел и расправляться с ним по своему усмотрению», — писал очевиден, новороссийский журналист. То, что творилось в застенках контрразведки

172

города, по его словам, напоминало «самые мрачные времена Средневековья»... «Помню, один офицер из отряда Шкуро, из так называемой "волчьей сотни", отличавшейся чудовищной свирепостью, сообщал мне подробности победы над бандами Махно... даже поперхнулся, когда назвал цифру расстрелянных, безоружных уже противников: четыре тысячи!»⁸²³ Донской генерал С. Денисов вспоминал: «Миловать не приходилось... Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять. Временно надо было исповедовать правило: «Лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виноватого». Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты»⁸²⁴. Деникинский генерал А. Лукомский свидетельствовал: «С пленными наши войска расправлялись с большой жестокостью»⁸²⁵. В частных письмах сообщалось: «Деникинские банды страшно зверствуют над оставшимися в тылу жителями, а в особенности над рабочими и

крестьянами. Сначала избивают шомполами или отрезают части тела у человека, как то: ухо, нос, выкалывают глаза или же на спине или груди вырезают крест» (Курск, 14 августа 1919 г.)⁸²⁶.

Деникин оправдывал белый террор тем, что во время гражданской войны: «...самым демократическим декларациям — грош цена, самые благие намерения остаются пустыми, когда встречают сильное сопротивление среды; самые демократические формы правления не гарантируют от попрания свободы и права в те дни, когда эти ценности временно погасли в сознании народном, в те дни, когда право восстанавливается насилием, насилие претворяется в право»⁸²⁷. Позже в декабре 1919 г., когда Деникин сам окажется в том положении, в котором оказались большевики осенью 1918 г., он изложит свой политический курс в «наказе», включающем такие положения: «...Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, а осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание... Местный служилый элемент за уклонение от политики центральной власти, за насилие, самоуправство, сведение счетов с населением, равно как и за бездеятельность — не только отрешать, но и карать»⁸²⁸.

Сибирской армии Колчака. Колчак, став Верховным правителем, сразу же ввел на контролируемой им территории режим «чрезвычайного военного положения». Адмирал мотивировал свое решение так: «Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время Алой и Белой Розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне»⁸²⁹. Докладная капитана Колесникова, начальника штаба дивизии, являлась примером трактовки колчаковского «военного положения» на местах: «Наезды гастролеров, поряющих беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья ушли в Красную армию, решительно ничего не добиваются, кроме озлобления и подготовки к встрече красных, а между тем

173

в домах этого населения стоят солдаты, все видят, все слышат и думают... Порка кустанайцев в массовых размерах повела лишь к массовым переходам солдат, на некоторых произвела потрясающее впечатление бесчеловечностью и варварством...» И тут же Колесников предлагает ряд мер по укреплению армии: «...Уничтожать целиком деревни в случае сопротивления или выступления, но не порки. Порка, это — полумера (!). Открыть полевой суд с неумолимыми законами. Духовенство заставить (!) ходить в окопы, беседовать о вере, поднимать религиозный экстаз, проповедовать поход против антихриста. Мулл — тоже»⁸³⁰.

Приказ командующего западной армией генерала М. Ханжина требовал от крестьян сдать оружие, в противном случае виновные будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены; комендант Кустаная предлагал до смерти пороть женщин, укрывавших большевиков. Управляющий Енисейской губернии Троицкий предлагал ужесточить карательную практику, не соблюдать законы, руководствоваться целесообразностью⁸³¹. Генерал К. Сахаров издал приказ, требовавший расстрела каждого десятого заложника или жителя, а в случае массового вооруженного выступления против армии — расстрела всех жителей и сожжения селения дотла⁸³³. Колчаковский министр Сукин вспоминал про другого генерала: «Осуществляя свои карательные задачи, Розанов действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость... расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно железной дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков. Проходящие

экспрессы наблюдали эту картину, к которой все относились с философским безразличием. Целые деревни сжигались до основания»⁸³³.

Ижевская рабочая дивизия была одной из наиболее боеспособных, и ей было позволено воевать под красным стягом и «Варшавянку». Командир дивизии генерал В. Молчанов приказывал: «При нападении на караулы и порчи ж. д. производить круговые аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке и выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады как сообщников-укрывателей...» Так, огнем из пушек ижевцы уничтожили жившие в бараках рабочие семьи Кусинского завода. Недаром ижевцев называли варнаками (каторжниками, разбойниками)⁸³⁴. «Мы дожидались Колчака как Христова дня, а дождались как самого хищного зверя», — писали пермские рабочие 15 ноября 1919 г. Колчак декларировал себя сторонником демократии. Но премьер его правительства П. Вологодский писал в дневнике, что тогда правили военные, которые «не считались с правительством и творили такое, что у нас волосы на голове становились дыбом»⁸³⁵.

Армии Врангеля. Оболенский вспоминал: «Однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками... Этого Симферополь еще не видывал за все время гражданской войны. Даже большевики творили

174

свои кровавые дела без такого доказательства. Выяснилось, что это генерал Кутепов распорядился таким способом терроризировать симферопольских большевиков»⁸³⁶. Приближенный к Врангелю журналист Г. Раковский: «Если читать только приказы Врангеля, то можно действительно подумать, будто правосудие и правда царили в крымских судах. Но это было только на бумаге... Главную роль в Крыму... играли военно-полевые суды... Людей расстреливали и расстреливали... Еще больше их расстреливали без суда»⁸³⁷. В Крымском архиве хранится множество документов — свидетельств зверств террора белогвардейцев, например, 17 марта 1919 г. в Симферополе были расстреляны 25 политзаключенных; в апреле в Севастополе ежедневно контрразведка уничтожала 10-15 человек и т.д.⁸³⁸ 29 апреля 1920 г. Врангель приказал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен». Троцкий в ответ предложил издать приказ «о поголовном истреблении всех лиц врангелевского командного состава, захваченного с оружием в руках». Фрунзе, командующий тогда войсками Южного фронта, нашел эту меру *нецелесообразной, так как среди врангелевских командиров много перебежчиков из числа красных, а они без угрозы расстрела легко сдаются в плен*⁸³⁹.

На Севере России. За год на территории с населением в 400 тысяч жителей только через архангельскую тюрьму прошло 38 тысяч арестованных. Из них было расстреляно 8 тысяч и более тысячи умерло от побоев и болезней⁸⁴⁰. 23 августа 1918 г. на острове Мудьюг в Белом море интервенты создали концлагерь. Въезд туда для россиян воспрещался, комендант и его помощник были французскими офицерами, «причем первый служил перед этим по тюремному делу в какой-то колонии, где приобрел навык в обработке туземцев»⁸⁴¹. Заключенных около 300 человек, смертность свыше 30%, за пять месяцев. Член правительства Северной области В. Игнатьев писал об оставшихся: «Общее впечатление было потрясающее — живые мертвецы, ждущие своей очереди»⁸⁴². Примеру интервентов последовало белое правительство генерала Миллера, в середине 1919 г. организовавшее каторжную тюрьму в бухте Иоканьга на пустынном мурманском побережье Белого моря. В тюрьму было сослано свыше 1200 человек, в основном политических. Начальником тюрьмы был бывший начальник Нерчинской каторги, «личность безусловно ненормальная», отмечал Б. Соколов. Смертность за восемь месяцев достигла 30%, оставшиеся в живых все были в

сильнейшей степени больны цингой, без зубов, с почерневшими раздутыми ногами и руками⁸⁴³.

Северо-западная армия. В мае 1919г. в Пскове появились отряды генерала С. Булак-Балаховича, и тут же в городе стали вешать людей всенародно, и не только большевиков. В. Горн писал: «Вешали людей во все времена управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма...»⁸⁴⁴

175

Функции ВЧК в белых армиях выполняла контрразведка и подразделения государственной стражи. На территории, подчиненной Деникину, численность только государственной стражи к сентябрю 1919 г. достигла почти 78 тыс. человек, для сравнения численность всей действующей армии Деникина в то время была около 110 тыс. штыков. В Сибири в начале 1919 г. при МВД стали формироваться отряды особого назначения, в каждой губернии по 1200 человек, на которых была возложена государственная охрана для предупреждения и пресечения государственных преступлений⁸⁴⁵. В. Вольский, председатель самарского Комуча, в 1919 г. признавал: «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой... жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли не хуже»⁸⁴⁶.

Позже Деникин в который раз будет раскаиваться: «И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, вступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Что многие тяжелые эксцессы являлись неизбежной реакцией на поругание страны и семьи, на растление души народа, на разорение имущества, на кровь родных и близких — это неудивительно. Да, месть — чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудит нас к раскаянию, более глубокому, и к внутреннему перерождению, более полному и искреннему...»⁸⁴⁷ О том же писал и Шульгин, который находил причины поражения «белого движения» в том, «что нас одолели Серые и Грязные... Первые — прятались и бездельничали, вторые — крали, грабили и убивали не во имя тяжкого долга, а собственно ради садистского, извращенного грязно-кровавого удовольствия...»⁸⁴⁸ В. Шульгин приводил пример: «В одной хате за руки подвесили... «комиссара»... Под ним разложили костер. И медленно жарили... человека... А кругом пьяная банда «монархистов»... выла «боже, царя храни». Если это правда, если они есть еще на свете, если рука Немезиды не поразила их достойной их смертью, пусть совершится над ними страшное проклятье, которое мы творим им, им и таким, как они, — растлителям белой армии... предателям белого дела... убийцам белой мечты...»⁸⁴⁹

Но как мы помним, кроме белых и красных в гражданской войне в России принимали участие еще две силы, которые были не сторонними наблюдателями, а непосредственными и активными участниками событий. Естественно, что они не только участвовали в насилии, но и оказывали самое прямое влияние на него.

176

СТИХИЙНОЕ НАСИЛИЕ «РУССКОГО БУНТА»:

«Мы не учли элемента времени и степени напора народной стихии. Правители желали приостановить временно течение жизни в создавшихся берегах, покуда некая высшая власть не разметет новое русло, а жизнь бурно рвется из берегов, разрушая плотины и сметая гребцов и

кормчих».
Деникин⁸⁵⁰

«Банды, несущие с собой грабежи, насилия и поджоги, находятся вне закона. С ними не вступают в переговоры, их не предупреждают — их атакуют и рассеивают. Всякий сопротивляющийся должен быть расстрелян во имя общества и законной обороны».

*Циркуляр французского командования о подавлении крестьянского бунта 10 декабря 1851 г.*⁸⁵¹

Радищев в 1790 г. писал об одной из особенностей русской природы: «Я приметил из многочисленных примеров, что Русский народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость...»⁸⁵² Через месяц после февральской буржуазной революции 1917 г. французский посол М. Палеолог предостерегал: «Русская революция... может привести лишь к ужасной демагогии черни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России. При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности... Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданы...»⁸⁵³. В. Шубарт, анализируя движущие силы русского общества, отмечал: «Когда русская душа вступает в стадию заболевания нигилизмом, отталкивание от строгих форм вырождается в жажду разрушения форм. Русская душа в своем предпочтении фрагментарности изначально таит в себе зачаток экспрессионистских и символистских искажений, духовной и художественной анархии»⁸⁵⁴.

У этих наблюдений есть глубокие объективные предпосылки, определявшие отличия русского человека от западного. Одной из них является, как это ни покажется странным, неагрессивность русского человека. Обострение конкурентной борьбы довольно легко приводит западный индивидуализм к радикализации и агрессивности. Русского, наоборот, радикализовать гораздо труднее, что было связано с его общинным ми-

177
ровоззрением, нивелирующим конкурентную борьбу. С другой стороны, на протяжении веков происходил своеобразный естественный отбор русской породы, которая уходила от власти и насилия все дальше на север во все более труднодоступные и менее пригодные для выживания земли, которые уже просто не интересовали прочих завоевателей. Не зря русским досталось одно из наименее пригодных для выживания мест на планете. Для защиты своих южных границ русское государство было вынуждено почти искусственно создать особые казацкие поселения. Казаки по своему темпераменту приближаются к пограничным российскому государству южным народам и соседям. Русский историк середины XIX века писал: «Казаки и другие войска, пришедшие туда, действительно и были всегда «не войском, делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа»⁸⁵⁵.

Не меньшее, если не большее значение в формировании психологии нации играет климат и география. Во-первых, северные народы по характеру более уравновешенные и спокойные, чем южные, что объясняется хотя бы необходимостью перетерпеть полугодовую суровую зиму. Во-вторых, северная природа более ранима, а экономика труднее создается и дольше восстанавливается, поэтому последствия любого нарушения равновесия сказываются на Севере гораздо дольше и болезненнее, чем на Юге. В-третьих, малая плотность населения на Севере, повышает ценность человеческой жизни. Эти факторы, определявшиеся борьбой за выживание, на протяжении веков лепили особый русский характер, обуславливая его терпеливость и выносливость.

Объективные особенности существования русского народа использовал в своих интересах правящий слой, что выражалось в тотальном подавлении прав и свобод личности. Столетия государство и церковь проповедовали и утверждали терпение и покорность, возводя их в ранг национальной политики.

Но всему бывает предел, и когда терпение народа переходит определенные границы, вся копившаяся многими десятилетиями, а порой и веками потенциальная энергия разом превращается в кинетическую энергию взрыва народного бунта, ведущего к анархии и хаосу. В. Булдаков отмечает эту особенность революционного хаоса, как «раскрытие «варварского» человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой «цивилизаторского» насилия власти»⁸⁵⁶. Бескрайняя жестокость, беспощадность русского бунта предопределялась прежде всего тем, что русского мужика никогда за полноценного человека не считали. Восстав, мужик уже не просто убивал притеснителей, но и мстил за свои унижения и века рабства. Внешняя радикализация бунта войной и революцией, голодом и холодом доводила его ожесточенность до такого уровня свирепости, перед которым меркнут картины ужасов средневековой инквизиции.

178

В XX веке «русский бунт» был разбужен русской революцией 1905 г., ставшей первым крупным, серьезным столкновением нового буржуазного строя с полуфеодальным крестьянским миром, сохраняемом монархией почти в первозданном виде. М. Покровский связывал события 1905 г. с воскрешением в 80-х годах крепостного права*, которое «воскресило и крепостную идеологию во всех ее чертах — в том числе и психологию крепостного бунта»⁸⁵⁷.

Наглядную картину бунта рисуют письма саратовского губернатора П. Столыпина своей жене: «В уездах все та же пугачевщина, каждый день несколько убитых и раненых. Точно война...»⁸⁵⁸ «Пугачевщина растет — все уничтожают, а теперь еще и убивают... Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро совсем слягут. Всю ночь... рассылал пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорож. путь. Приезжает от Государя генерал-адъютант Сахаров. Но чем он нам поможет, когда нужны войска — до их прихода если придут, все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновка осквернили божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет...»⁸⁵⁹ Спустя несколько дней Столыпин снова пишет: «кажется, ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечева казаки (50 чел.) разогнали тысячную толпу. 20 убитых, много раненых. У Васильчиков 3 убитых, еще в разных местах 4»⁸⁶⁰. «Дни идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина!..»⁸⁶¹ «Соседние деревни терроризированы, так как и их хотели сжечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле успеваешь посылать войска, которых мало. И долго ли еще можно рассчитывать на войска после «Потемкина»? А господа земцы готовят сюрприз: врачи в Балашовском уезде решили, что недовольны тем, что я не исполнил их требования, и все... выходят в отставку — бросают больницы, амбулатории, уходят все 40 фельдшеров. К ним присоединяются 3 уезда, а затем, вероятно, вся губерния»⁸⁶².

П. Столыпин описывает методы борьбы с «крестьянским бунтом»: «Все село, почти, сидело в тюрьме по моим постановлениям... Я занял два дома наиболее виновных казаками, оставил там отряд оренбуржцев и учредил в этом селе особый режим»⁸⁶³. Активность Столыпина в подавлении беспорядков далеко не в

последнюю очередь привела его на пост министра внутренних дел. Уже в июле 1906 г. Столыпин рассылал всем

* Имеются в виду реакционные реформы Александра III, направленные на усиление общины, ограничение распространения образования, подавление самоуправления — земств и т.д.

179

губернаторам телеграммы: «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Открытые беспорядки должны встречать неослабный отпор. Революционные замыслы должны преследоваться всеми законными средствами»... «Дабы не препятствовать умиротворению страны и спокойному ожиданию реформ, строго следить за населением, не разрешая ему ни собраний, ни митингов, возбуждающих к противозаконным деяниям»⁸⁶⁴.

Николай II в то время писал Столыпину: «Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии. Не только занятие честным трудом, но даже сама жизнь людей находится в опасности. Манифестом 9 июля было объявлено, что никакого своеволия или беззакония допущено не будет, а ослушники закона будут приведены к подчинению царской воле... Р. S. По-видимому, только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что правительство приняло решительные меры, и успокоит всех»⁸⁶⁵.

«Вот будничные фон того периода. 1 мая 1906 года убит начальник петербургского порта, вице-адмирал К. Кузьмич. 14 мая не удалось покушение на коменданта Севастопольской крепости, генерала Неплюева, убито семь человек, в том числе двое детей. Всего в мае убито 122 человека, в июне — 127. В июле — восстание в Кронштадте. 2 августа боевики Ю. Пилсудского провели в Польше ряд терактов... Убито 33 солдата и полицейских. 14 августа в Варшаве убит генерал-губернатор Н. Вонлярский. 15 августа группа боевиков стала разъезжать по Москве и расстреливать стоявших на посту городских»⁸⁶⁶. В Прибалтике «латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей — балтийских баронов, и один из блестящих полков гвардии должен был нести в прибалтийских губерниях неприятную обязанность по охране помещичьих усадеб. Полиция на местах была в панике. Из всех губерний неслись вопли о помощи и просьбы прислать гвардейские части или казаков. Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»⁸⁶⁷. В 1906-1909 гг. от рук террористов погибло 5946 должностных лиц. За тот же период к смерти было приговорено не более 5086 человек...*

Шульгин в связи с этим писал про Столыпина: «...он понимал, что несвоевременная жалость есть величайшая жестокость, ибо та жалость понимается как трусость, окрыляет надежды, заставляет бунт с еще

* По другим данным, военно-полевыми судами с 1905 г. по март 1909 г. приговорено к смертной казни 4797 человек, повешено и расстреляно 2353 — 2825 человек. В то время как только в 1906 г. революционеры совершили убийство 1126 официальных лиц (еще 1506 человек было ранено), в 1907 г. эти цифры удвоились. Приводятся и другие цифры: в 1905-1907 гг. — 9000 жертв революционеров, в период с 1908 г. до середины 1910 г. — еще 7600 жертв. (Ruud C.A., Stepanov S. A. Fontanka 16, Montreal, 1999, p. 278. (Федоров Б. Г., с. 599))

180

большей свирепостью бросаться на власть, и тогда приходится нагромождать горы трупов там, где можно было бы обойтись единицами. Он сурово наказывал, чтобы скорее можно было бы пожалеть... Он был русский человек... Сильный и добрый...»⁸⁶⁸ Сам Столыпин говорил с думской трибуны: «Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь говорилось, кровь на руках палачей, от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной только надеждой, с одной верой — исцелить трудно

больного»⁸⁶⁹.

«Крестьянский бунт» 1905 г. был широко поддержан в армии и особенно флоте, сопровождался поразительной жестокостью. Так, во время Свеаборгского восстания некоторых офицеров бросали в котлы с кипящей водой. П. Столыпин потребовал, чтобы всех связанных с восстанием лиц (примерно 1200 человек), в том числе гражданских, судил военный суд... «Из ведения обычных судебных инстанций изымались дела гражданских лиц, совершивших преступные деяния *«настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании»*. На рассмотрение таких дел отводилось не более 48 часов, приговор приводился в исполнение по распоряжению командующего округом в течение 24 часов. В состав судов назначались строевые офицеры»⁸⁷⁰. Витте возмущенно писал по этому поводу: «...подобный суд недопустим в стране, в которой существует хотя бы тень гражданственности и закономерного порядка»⁸⁷¹.

Другим примером стал бунт на Сибирской железной дороге, в выводимой после русско-японской войны из Маньчжурии русской армии. В начале февраля 1906 года благодаря энергичным действиям карательных войск порядок был восстановлен. «Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, — вспоминал Редигер, — была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежала лично ему (Меллеру-Закомельскому. — О.А.), так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все эти бунтующие и бастующие элементы»⁸⁷².

А вот как описывал Милюков 14 декабря 1905 г. подавление революции в Москве: «В древней столице России происходят невероятные события. Москву расстреливают из пушек. Расстреливают с такой яростью, с таким упорством, с такой меткостью, каких ни разу не удостаивались японские позиции. Что случилось? Где неприятель?»... «Если восстановить порядок можно, только приставив к каждому обывателю солдата с ружьем и поставив у каждого дома пушку, то, значит, солдаты и пушки охраняют не тех, кого следует. Если все против власти, это значит, что власть против всех... Вот почему эта власть принуждена напрягать всю свою силу, чтобы произвести самое маленькое действие. Вот почему она ставит свои пушки на пустой площади и стреляет целыми часами вдоль пустых улиц. Вот почему она не может овладеть человеком, не разрушив пушечными гранатами дома, в котором он находится»⁸⁷³.

181

Милюков в данном случае был прав, именно царский режим всей своей эгоистично-недалековидной политикой завел общество в тупик и не оставлял другого выхода, кроме революции. Так, уже с конца XIX века «...постоянно наблюдался рост числа крестьянских восстаний и бунтов. В 1900-1904 гг. таких событий было отмечено 1205 (столько же, сколько за предыдущие 20 лет). Затем в 1905-1907 гг. их число достигло в среднем 8,6 тысячи в год! Более 70% из них были связаны с земельными отношениями, и главным требованием крестьян был захват помещичьих земель. За эти три года было сожжено и уничтожено около 4 000 имений»⁸⁷⁴. Витте в свою очередь писал: «Я уверен, что история заклеит правление императора Николая при Столыпине за то, что это правительство до сих пор применяет военные суды, казнит без разбора и взрослых и несовершеннолетних, мужчин и женщин по политическим преступлениям, имевшим место даже два, три, четыре и даже пять лет тому назад, когда всю Россию свел с ума бывший правительственный режим до 17 октября и безумная война, затеянная императором Николаем II»⁸⁷⁵. В. Коковцов, в эмиграции, со своей стороны, издал два тома воспоминаний⁸⁷⁶, которые по отношению к царю и его ближайшему окружению могли бы служить настоящим обвинительным актом⁸⁷⁷. Как ни странно, но по сути с Коковцовым, Витте и Милюковым был

согласен и Столыпин, который сразу после прихода к власти приступил к крестьянской и государственной реформам.

«Крестьянский бунт», вызванный Первой русской революцией 1905-1907 гг., был подавлен за счет сравнительно небольшого количества жертв, особенно по сравнению с революцией и гражданской войной 1917-1921 гг. Но первая русская революция принципиально отличалась от рассматриваемого времени. Если в 1902 г., когда «крестьяне в различных местностях бунтовали и требовали земли, бывший в то время в Харькове губернатором князь Оболенский вследствие крестьянских беспорядков произвел всем крестьянам усиленную порку, причем лично ездил по деревням и в своем присутствии драл крестьян»⁸⁷⁸, то в 1917 г. Оболенский не смог выйти бы даже из Харькова, ведь уже к февральской революции деревня за счет дезертиров была поголовно вооружена и радикализована тремя годами изнурительной и кровавой мировой войны. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, привыкли к смерти и худо-бедно научились воевать, и их, как крестьян начала века, уже невозможно было безнаказанно драть, расстреливать из пушек или разгонять казаками.

Именно поэтому «крестьянский бунт», вспыхнувший в феврале 1917 г., коренным образом отличался от того, который стал движущей силой первой русской революции. В 1905-1907 г. крестьянство проявило поразительную организованность и культуру: в ходе уничтожения около 3 тыс. поместий (15% их общего числа в России) практически не было случаев хищения личных вещей и насилия в отношении владельцев и их слуг. Так, английский историк русского крестьянства Т. Шанин

182

писал: «Поджоги часто следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе, и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию... Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами»⁸⁷⁹. Выводы Т. Шанина подкрепляются воспоминаниями меньшевика Мартынова: «Помню, как во время революции 1905 года у меня раз завязалась в вагоне беседа с каким-то пассажиром французом. «Удивительно благодушный ваш народ! — говорил он мне: — Если бы у нас во Франции разыгралась такая революция, то уже успели бы пролиться реки крови...»⁸⁸⁰

Но в феврале 1917 г. «крестьянский бунт» был уже другим, он сопровождался вспышкой массового, дикого, стихийного насилия. Шульгин ужаснулся, столкнувшись с этой стихией: «Что может быть ужаснее, страшнее, отвратительнее толпы? Из всех зверей она — зверь самый низкий и ужасный, ибо для глаза имеет тысячу человеческих голов, а на самом деле одно косматое, звериное сердце, жаждущее крови...»⁸⁸¹ Насилие бунта носило характер совершенно особой, несравнимой ни с чем, даже с революционной, садистской жестокости. Грациози объяснял это явление тем, что в крестьянской массе «...по-прежнему сохранялось крепкое ядро первобытной дикости, реалистически изображенное в повестях Бунина. Вспомним, к примеру, его суходольцев, «шутки ради заживо освежевавших помещичьего быка». Очевидно, сильные социальные сдвиги высвободили эту «первобытность», многие крестьяне вели себя подобно своим предкам, шедшим за Разиным или Булавиным»*.

* (Dioneo (Sklovskij). The Russian Peasant — What is He?// The New Russia. 1920. № 22 (1 July). P. 264-269. (Грациози А..., с 11.)) В середине XIX века не крестьяне, а регулярная английская

армия расправлялась с восставшими в Индии: привязывала их к жерлам пушек, жертву разрывало пороховыми газами холостого выстрела. Способ казни был направлен на религиозное унижение индусов, по представлениям которых он «уничтожал их души». Известная картина Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами» была выставлена в 1887 г в Лондоне и вызвала бешенный протест английской общественности, вплоть до угрозы суда. Сама картина бесследно исчезла, сохранившись лишь в копиях. (Буровский А.М..., с. 186.) В 1879 г. опять же регулярная английская армия, устав вешать восставших, прибегала к массовым сожжениям афганцев. (Халфин Н. Победные трубы Майванда. М., Наука, 1980, с. 249. (Широкоград А. Б..., с. 130)) В начале XX века английские солдаты устраивали массовые казни восставших индийцев, а в войне с бурами организовывала первые в современной истории концлагеря, в которых

183

А. Деникин, после своего ареста Временным правительством и корниловского мятежа, находил другие причины жестокости «русского бунта»: «Меня они — эти тыловые воины — почти не знали. Но *все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей, по чьей-то вине изломанной жизни, — все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью*»⁸⁸². «Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ненависть ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное, веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны, воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек»⁸⁸³. Колчак говорил про «обезумевший дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ».

Причины дикой ненависти и жестокости «русского бунта» Витте задолго до революции, объяснял не национальными особенностями русского народа, как Бунин, Грациози, Палеолог... или влиянием революционных вождей, как Деникин, а действием объективных политэкономических законов. Витте указывал, что до революции, «крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов... На крестьянина установился взгляд, что это, с юридической точки зрения, не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но стал крепостным крестьянского управления... Вообще его экономическое положение было плохо, сбережения ничтожны...»⁸⁸⁴ «...Когда он (крестьянин) не может ни передвигаться, ни оставлять свое, часто беднее птичьего гнезда, жилище без паспорта, выдача которого зависит от усмотрения, когда, одним словом, его быт в некоторой степени похож на быт домашнего животного с той разницей, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец, ибо это его имущество, а Российское государство этого имущества имеет при данной стадии развития госу-

погибли десятки тысяч человек, в том числе женщин и детей. Пройдет всего двадцать с небольшим лет, после революции в России и опять же не крестьяне, а регулярные армии цивилизованных стран Германии, Италии, Японии продемонстрируют такие «сохранившиеся ядра первобытной дикости», перед которыми померкнет вся предыдущая история человеческого насилия.. В начале XXI века в мае 2004 г. не грамотные озлобленные крестьяне начала XX века, а профессионально обученные английские и американские полицейские войска, не на поле боя, а в тюрьме будут совершенно бесцельно с садистским извращением пытаться пленных, захваченных в Ираке.

184

дарственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится... Но, конечно, если государственная власть считала, что для нее самое удобное держать три четверти населения не в положении людей граждански

равноправных, а в положении взрослых детей (существ особого рода), если правительство взяло на себя роль, выходящую из сферы, присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, то, рано или поздно, правительство должно было вкусить прелести такого режима»⁸⁸⁵. Витте пророчески заключал: *«..Несытое существо можно успокоить, давая пищу вовремя, но озверевшего от голода уже одной порцией пищи не успокоишь. Он хочет отомстить тем, кого правильно или неправильно, но считает своими мучителями...»*⁸⁸⁶ К аналогичным выводам приходил и Деникин: «Бесспорно, что аграрная реформа запоздала. *Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное — той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения»*⁸⁸⁷.

И когда пришел их час, солдаты стали мстить за все сразу, и за свои крестьянские и солдатские обиды... ЧКК приводит выдержку из письма одного молодого капитана, написанного еще в марте 1917 года: «Между нами и солдатами — бездонная пропасть. Для них мы есть и останемся «барами». Для них то, что произошло, не политическая революция, а революция социальная, из которой они вышли победителями, а мы — побежденными. Они говорят нам: «Прежде вы были барами, а теперь наш черед барствовать! Они чувствуют, что пришла пора реванша за века рабства»⁸⁸⁸.

При этом А. Грациози указывал, что «плебейская» жестокость взрыва может объясняться предварительной маргинализацией этих людей»⁸⁸⁹. Этот же факт подчеркивал Л. Троцкий, который, соглашаясь с Каутским, писал, что: «Одну из причин крайне кровавого характера революционной борьбы... (он) видит в войне, в ее ожесточающем влиянии на нравы. Совершенно неоспоримо»⁸⁹⁰. Во время войны солдаты и народ пришли к выводу, что сотнями тысяч их жизней жертвуют бесцельно, что их жизнь не стоит ничего, соответственно и они перестали ценить и чужую жизнь. Даже английский представитель А. Нокс замечал в ноябре 1916 г.: «Без аэропланов и гораздо более мощных орудий, снарядов к ним, а так же умения все это использовать, посылать русскую пехоту против германских оборонительных линий представляет собой бойню, бессмысленную бойню»⁸⁹¹. Офицеры посылали солдат на смерть и поэтому именно офицеры ассоциировались у солдата с теми силами, которые сделали их заложниками войны. А в это время по столице распространялись слова Распутина: «Слишком много мертвых, раненых, вдов, слишком много разорения, слишком много слез... Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и скажи себе, что каждый из них оставляет за собой пять, шесть, десять человек, которые плачут... А те, которые возвращаются с войны, в таком состоянии... Искалеченные, однорукие, слепые!.. В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе»⁸⁹².

Но основную роль в маргинализации масс играло даже не положение на фронте, а разруха и голод в тылу. Великая Российская империя рухнула под напором голодной толпы, та же толпа похоронила и Временное правительство. Большевики, захватив власть, получили лишь ее атрибуты, настоящим же царем был голод. Свидетель событий А. Мартынов отмечал: «По мере обострения гражданской войны стихийный террор принимал все более ожесточенные формы. «Известия Народного Комиссариата Продовольствия» свидетельствуют о катастрофическом продовольственном положении на местах в 1918 г.: «Это уже не оскудение — это картины... предсмертной агонии. А в паническом настроении народ и действует панически... Упрощенной психике соответствует и упрощенность действий — все они выливаются в одно — погром...», разрушая «и без того в конец разрушенную страну...»⁸⁹³

Интервенция и «союзническая» блокада довели эти два основных маргинализирующих фактора (голод и войну) до крайней степени радикализма. Делалось это совершенно сознательно, в надежде на то, что население не выдержит и скинет большевиков. Ради этого обрекались на смерть миллионы русских людей и будущее всего народа. Политический истеблишмент Англии, Франции и США отчасти добился своего — голод и война культивировали жестокость и ненависть населения. Война разоряла крестьян, приносила им страдания, смерть, нищету. В то же время крестьяне служили материалом для белых и красных армий и должны были еще и обеспечивать их продовольствием. Солдаты и крестьяне отвечали с жестокостью отчаяния. Это не была уже просто война или истребление, это был пароксизм животного насилия. Просто смерть врага уже не приносила утешения, не компенсировала понесенных утрат и страданий...

Третий маргинализирующий фактор заключался в том, что главный инициатор русских революций — интеллигенция — не ассоциировала себя с народом, а следовательно, и не имела моральной связи с ним. Большевики, точно так же как либеральная интеллигенция, смотрели на русский народ как на материал для реализации своих теорий. Бакунин задолго до революции указывал на эту особенность России: «Особенно страшен деспотизм интеллигентного и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ. Во-первых, представителя этого меньшинства попытаются во что бы то ни стало уложить в прокрустово ложе своего идеала жизни будущих поколений. Во-вторых, эти двадцать или тридцать ученых-интеллигентов перегрызутся между собой». Еще ранее А. Чехов заявлял: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, исте-

186
ричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр»...⁸⁹⁴ Отсутствие моральной связи с народом вело к тому, что стороны не воспринимали друг друга за людей, что вело к крайней ожесточенности гражданской войны. А. Деникин, отмечая этот факт, писал: «Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть... на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма...»⁸⁹⁵. Игнатъев: «Революция в России долгое время представлялась мне великим народным бунтом, направленным не только против помещиков и властей, но и против всех интеллигентов, которые не имели прочных корней в родной земле»⁸⁹⁶.

Но стихийный террор не может возникнуть сам по себе, несмотря на всю маргинализацию масс и глубину их противоречий с правящим классом. Мораль, привычка, инерция и сила подавления власти являются непреодолимыми барьерами для разгула стихии. Чтобы она выплеснулась из берегов, кто-то должен был разрушить эти барьеры. О том, что крылось за ними, предупреждал Ф. Тютчев еще в 1836 г.

О, бурь заснувших не буди,
Под ними Хаос шевелится⁸⁹⁷.

На того, кто разбудил эту бурю, уже в эмиграции укажет лидер кадетов П. Миллюков: «История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю». Солженицын в статье «Образованщина» замечал по этому поводу про февралистов: «Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять ее обломками. Потом, озираясь из эмиграции, она сформулировала себе оправдание: «народ — не такой», народ обманул ожидания интеллигенции». Активный участник февральской революции В. Шульгин по

этому поводу позже напишет: «Если подавлять бунт можно, то и слава богу. Это сделают не только без нас, но и против нас... *Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 февралистов, то это будет задешево купленное спасение России*»⁸⁹⁸.

Действительно, стихия овладела массами уже на следующий день после того, как февральская революция смела остатки монархической власти. Уже в марте «В Кронштадте были зверски убиты главный командир порта адмирал Р. фон Вирен, начальник штаба адмирал А. Бутаков... командир 2-й бригады линкоров адмирал А. Небольсин, на следующий день толпа настигла командующего Балтийским флотом адмирала А. Непенина. От рук взбунтовавшихся матросов пали комендант Свеаборской крепости, командиры 1-го и 2-го флотских экипажей, командир линкора «Император Александр II», командир крейсера «Аврора»... К 15 марта Балтийский флот и крепость Кронштадт потеряли 150 офицеров,

187

из которых более 100 было убито или покончило с собой. На Черноморском флоте так же было убито много офицеров, имелись и случаи самоубийства. На сухопутном фронте тоже происходило немало эксцессов. Цензура часто перехватывала солдатские письма такого содержания: «Здесь здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка, и так много арестовывают и убивают». Убийства происходили и в тыловых городах: в Пскове погиб полковник Самсонов, в Москве полковник Щавинский, в Петрограде князь Абашидзе. Не в силах вынести глумления солдат, некоторые офицеры стрелялись»⁸⁹⁹. Деникин вспоминал: «Я помню хорошо январь 1915 года, под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой полковник Носков, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел свой полк в атаку на неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли»⁹⁰⁰. С. Волков приводит почти по дням, пофамильно многие сотни подобных примеров убийств, арестов, унижений и самоубийств офицеров и генералов в период с февраля по июль 1917 г.

После Октябрьской революции, еще до введения «Красного террора», волна дикого стихийного насилия, едва прикрытая сверху революционными лозунгами (Красной армии в то время, как таковой, еще не существовало, не было еще и ВЧК) захлестнула страну. Так, 29 октября в момент «сдачи (Владимирского училища) толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в училище и учинила кровавое побоище. Многие были заколоты штыками — заколоты безоружные. Мертвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги»⁹⁰¹. В городе повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в зловонные каналы⁹⁰². На гидрокрейсере «Румыния», «лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательства, пристреливали, а затем бросали за борт... На «Труворе» снимали с жертвы верхнее платье, связывали руки и ноги, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде бросали в воду. Казни продолжались всю ночь, и на каждую казнь уходило 15-20 минут». За 15-17 января (1918 г.) на обоих судах погибло около 300 человек»⁹⁰³. «На крейсере "Алмаз" помещался морской военный трибунал. Офицеров бросали в печи или ставили голыми на палубе в мороз и поливали водой, пока не превратятся в глыбы льда... Тогда их сбрасывали в море». Тогда в Одессе было убито свыше 400 офицеров⁹⁰⁴. В Новороссийске 18 февраля все офицеры 491 полка (63 человека), выданные своими солдатами озверелой толпе, были отведены на баржу, где раздеты, связаны, изувечены и, частью изрубленные, частью расстрелянные, брошены в залив»⁹⁰⁵. С. Волков в своей книге приводит многие сотни подобных примеров.

Русский бунт тесно переплетался с революционной анархией первых лет

революции, внося в нее крайнюю жестокость. У. Черчилль писал о том времени: «Те же самые картины смятения и напряженных боев повторялись с теми или другими изменениями повсюду, где только

188

сталкивались большевистские и антибольшевистские войска. Убийства и анархия, грабежи и репрессии, восстания и подавления бунтов, измены и резня, слабые попытки вмешаться в неслыханные кровопролития, — все это происходило на обширной территории от Белого до Черного моря. Во всей стране никто не знал, что делать, за кем идти. Никакие организации не в силах были противостоять этому всеобщему разложению, жестокость и страх господствовали над стомиллионным русским народом в создавшемся хаосе»⁹⁰⁶.

Так, в марте-апреле 1918 года произошел «погром буржуазии» в Благовещенске, в ходе которого погибло до 1500 офицеров, служащих и коммерсантов⁹⁰⁷. «В Благовещенске, — писал генерал Нокс, — были найдены офицеры с граммофонными иглами под ногтями, с вырванными глазами, со следами гвоздей на плечах, на месте эполет, их вид был ужасен»⁹⁰⁸. Показателен такой эпизод. «На перроне валялся изуродованный труп старичка — начальника станции. У него на груди лежали проткнутые штыками фотографические карточки двух молоденьких прапорщиков, сыновей начальника станции... Если так расправлялись большевики с родителями офицеров, то над самими офицерами, взятыми в плен, красные палачи изощряли всю свою жестокость. На плечах вырезывали погоны, вместо звездочек вколачивали гвозди, на лбу выжигали кокарды, на ногах сдирали кожу узкими полосками в виде лампас. Бывали случаи, когда . даже тяжело раненных офицеров медленно сжигали на кострах. Видя неминуемый плен, офицеры-добровольцы застреливались или же, если были не в состоянии пошевелить рукой, просили своих друзей пристрелить их во имя дружбы»⁹⁰⁹. «В Таганроге люди из отрядов Сиверса бросили пятьдесят связанных по рукам и ногам юнкеров и офицеров в горящую доменную печь. В Евпатории несколько сотен офицеров и «буржуев» были после страшных истязаний сброшены связанными в море. Подобные же зверства имели место во многих городах Крыма, занятых большевиками: в Севастополе, Ялте, Алуште, Симферополе. Такая же жестокость проявлялась и в казачьих станицах в апреле-мае 1918 года. В досье комиссии Деникина есть сообщения о «трупах с отрубленными руками, переломанными костями, об обезглавленных телах, о раздробленных челюстях, об отрезанных половых органах»⁹¹⁰.

Все эти факты можно отнести к проявлениям большевистского «Красного террора». Но вот тот же С. Волков, которого в данном случае трудно заподозрить в предвзятости, пишет: «Там, где большевикам оказывалось сопротивление или их власть была непрочной (Новороссия, Крым, Дон, Кубань, Северный Кавказ, Сибирь, Средняя Азия), офицеры, с одной стороны, имели возможность организовать и принять участие в борьбе, но с другой — именно здесь в первой половине 1918 года офицерам было находиться наиболее опасно»⁹¹¹. Т.е. **стихийное насилие творилось в первую очередь там, где власть большевиков была слаба.** Пройдет всего 2-3 года, и то же самое крестьяне будут делать с большевиками, которые попытаются навести в стране порядок после 6-7 лет не-

189

прерывной тотальной войны. Большевиков будут замораживать, сжигать, забивать молотками, распиливать, сдирать с них кожу и т.д. Будут использоваться самые изощренные методы пыток и казней. Даже Деникин отметит: «Расправы с большевистскими властями носили характер необыкновенно жестокий...»

Вплоть до середины 1919 г. насилие и жестокость носили не столько организованный, сколько стихийный характер, не большевики вели массы за собой, а сами едва поспевали за массами. Одновременно, придя к власти на волне

стихии, большевики с первых же дней предпринимали попытки подавить эту маргинализованную стихию и загнать ее в берега. Например, «28 февраля 1918 матросы корабля "Борцы за свободу" постановили истребить всю буржуазию. За две ночи они расстреляли 400 человек. С большим трудом ревкому удалось удержать дальнейшие расстрелы без суда»⁹¹². Именно «в первый период войны — практически в течение всего 1918 г. — в плен обычно не брали, особенно офицеров. Захваченных тут же расстреливали, часто — после диких издевательств»⁹¹³. Только с начала 1920 г. стихийный террор начинает постепенно затухать. В плен белые и красные стали брать лишь с середины 1919 г. Деникин вспоминал: «Только много времени спустя, когда советское правительство кроме своей прежней опричнины привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это вообще возможно в развращенной атмосфере гражданской войны. Она калечила жестоко не только тело, но и душу»⁹¹⁴. Б. Соколов отмечал факт, что как только одна сторона начинала проявлять гуманное отношение к пленным, то «происходило своеобразное смягчение обычно беспощадной гражданской войны. Красные, узнав, что на белой стороне не расстреливают, стали тоже воздерживаться от применения расстрелов»⁹¹⁵.

С началом гражданской войны, с формированием Красной и Белой армий стихийное насилие «русского бунта» переносится из солдатской среды в деревню. Перед обоими армиями вставали проблемы самообеспечения продовольствием и мобилизации новых рекрутов. И то и другое проводилось с крайней жестокостью и насилием, что вызывало ответную маргинализованную реакцию крестьянской среды. Перед большевиками, кроме этого, стояла задача обеспечения снабжения городов и армии продовольствием. Ограниченность продовольственной базы в условиях гражданской войны приводила уже не просто к реквизициям, а к войне за хлеб. Между городом и деревней война шла за физическое выживание, именно она до крайности радикализывала «русский бунт».

К концу 1920 г. постепенно наступит четвертый этап гражданской войны. Укрепившиеся у власти большевики с беспощадной жестокостью

¹⁹⁰
приступили к подавлению крестьянского бунта — остатков «плебейской революции». Если бы они попытались это сделать раньше — встать на пути крестьянской стихии в 1917 г., — она бы сдунула большевиков, точно так же, как сдунула Николая II, Керенского, кадетов и армию. у большевиков в то время было еще меньше шансов, чем у их предшественников, что бы уцелеть и остановить каток «русского бунта».

Беспощадная война большевиков с «крестьянским бунтом» стала предметом различных политических спекуляций. Так, Грациози подает ее, как войну государства против своего народа, другие говорят о ней, как о войне большевиков против крестьянства. М. Бернштам пишет: «Источники насчитывают сотни восстаний (против большевиков) по месяцам сквозь всю войну 1917-1922 годов»⁹¹⁶. Л. Спирин: «С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы не происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима». Деникин утверждает: «Таким же всеобщим, стихийным настроением была ненависть к большевикам. После краткого выжидательного периода, даже после содействия, которое оказывали немногие, впрочем, повстанческие отряды в начале 1919 года вторжению на Украину большевиков, украинское крестьянство стало в ярко враждебное отношение к советской власти. К власти, приносившей им бесправие

и экономическое порабощение; к строю, глубоко нарушавшему их собственнические инстинкты, теперь еще более углубленные; к *пришельцам*, подошедшим к концу дележа «материальных завоеваний революции» и потребовавшим себе крупную долю»⁹¹⁷.

Достоинством Деникина является то, что несмотря на филиппики в адрес большевиков, он пытается сохранить объективность и уже на следующей странице пишет об истинных причинах «крестьянского бунта»: «Шесть режимов, сменившихся до того на Украине, и явная слабость всех их вызвали вообще в народе обострение тех пассивно-анархических тенденций, которые были в нем заложены извечно. Вызвали неуважение к власти вообще, независимо от ее содержания. Безвластие и безнаказанность таили в себе чрезвычайно соблазнительные и выгодные перспективы по крайней мере на ближайшее время, а власть, притом всякая, ставила известные стеснения и требовала неукоснительно хлеба и рекрутов. Борьба против *власти* как таковой становится со временем главным стимулом махновского движения, заслоняя собой все прочие побуждения социально-экономического характера. Наконец, весьма важным стимулом повстанческого движения был *грабеж*. Повстанцы грабили города и села, буржуев и трудовой народ, друг друга и соседей. И в то время, когда вооруженные банды громили Овруч, Фастов, Проскуров и другие места, можно было видеть сотни подвод, запружавших улицы злополучного города, *смирными* крестьянами, женщинами и детьми, собирающими добычу»⁹¹⁸.

191

В тылу самой деникинской армии депутаты от черноморских крестьян обращались к Коттону: «Мы не побоялись ваших пулеметов и пушек, которыми вы снабжали Деникина для борьбы с безоружными крестьянами, так неужели вы думаете, что теперь мы, завладев этими вашими пушками и пулеметами, побоимся ваших угроз? Знайте, что мы до тех пор не прекратим борьбы, пока не установим свою крестьянскую власть на всем Черноморье... И никакие иностранцы не смогут помешать нам... Генерал Коттон был видимо смущен. Привыкнув на территории Добрармии к выражениям почтительной благодарности, он впервые столкнулся и ознакомился с настроениями того русского народа, от имени которого с ним до сего времени разговаривали генералы и бывшие губернаторы дореволюционного режима. Враждебное отношение русских к всемогущим бывшим союзникам было для него полной неожиданностью»⁹¹⁹. Одновременно крестьяне Черноморья принимают декларацию: «...Большевизм объективно осужден на поражение, грядущая реакция несет с собой старое рабство народу... Города экономически разорены и потеряли свое бывшее значение. Пролетариат вследствие полного разрушения промышленности расплылся и перестал быть грозной ведущей силой первого периода революции. *Деревня фактически никем не покорена — она никого не признает*. Крестьянство не раздавлено, не деморализовано и не хочет идти ни за *черными*, ни за коммунистическими знаменами. Овладеть деревней механически невозможно. *Отнять "землю и волю" никому не под силу*»⁹²⁰.

Здесь непривычную для него объективность демонстрирует И. Бунин, который прямо и непосредственно наблюдал «русский бунт». Он записал в дневнике 5 мая 1919 года: «... мужики... на десятки верст разрушают железную дорогу (для того, чтобы «не пропустить» коммунизм—*В.К.*). Плохо верю в их «идейность». Вероятно, впоследствии это будет рассматриваться как «борьба народа с большевиками»... дело заключается... в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч...»⁹²¹ Свидетель событий М. Пришвин находил, что: «...крестьянин потому идет против коммуны, что он идет против власти»⁹²². Пристально исследовавший данный вопрос В. Кожинov приходил к выводу: «объективное изучение хода событий 1918-1921 годов

убеждает, что народ сопротивлялся тогда не столько конкретной «программе» большевиков, сколько *власти* как таковой, *любой* власти»⁹²³.

«Как бы то ни было, — вспоминал Деникин, — всеобщий популярный лозунг повстанцев, пронесшийся от Припяти до Азовского моря, звучал грозно и определенно: *«Смерть панам, жидам и каммунистам!»* Махновцы к этому перечню прибавляли еще и «попов», а понятие «пан» распространяли на всех «белогвардейцев», в особенности на офицеров»⁹²⁴. «Офицеры служили предметом «особого внимания» и разного рода бандитских формирований, особенно махновцев... каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену. После взятия Бердянска махновцы два дня ходили по дворам, разыскивая офицеров

192

и тут же их расстреливая, платя уличным мальчишкам по 100 рублей за найденного... Непримируемая ненависть Махно к офицерам оставалась неизменной»⁹²⁵. То же самое происходило в колчаковской Сибири: «По Сибири пронеслась волна крестьянских восстаний, вызванных, вероятно, в равной мере как преступлениями местной власти, так и воздействием рассосавшихся по краю красногвардейцев и их советской и эсеровской пропагандой. Восстания эти чередовались с жестокими усмирениями карательных отрядов. Восставшие не имели ни ясных лозунгов, ни определенных целей. Писали иногда на знамени своем такие кабалистические изречения, как «за царя и советскую власть», но были одинаково враждебны к любой существовавшей власти»⁹²⁶.

Русский бунт питался не только крестьянством. Так, В. Булдаков указывает на возникновение феномена: «личного садистского самоутверждения с помощью насилия... В Гражданскую войну и у красных, и у белых появилась масса «атаманов», отнюдь не пополнявшая собой «зеленое» воинство, но близкое ему по духу партизанщины. Фактически это были просто люди, ставшие палачами, а вовсе не идейные борцы с кем бы то ни было»⁹²⁷. Так, банда Анненкова 11 сентября 1918 г. в Славгородском уезде замучила до 500 человек. Надежды делегатов крестьянского съезда на то, что «никто не посмеет тронуть народных избранников, не оправдались. Всех арестованных делегатов крестьянского съезда (87 человек) Анненков приказал изрубить на площади против народного дома». Деревня Черный Дол, где находился штаб восставших, была сожжена дотла. Крестьян, их жен и детей расстреливали, били и вешали на столбах. Молодых девушек из города и ближайших деревень приводили к стоявшему на станции Славгорода поезду Анненкова, насиловали, потом выводили из вагонов и расстреливали. Участник Славгородского крестьянского выступления Блохин свидетельствовал: казнили анненковцы жутко — вырывали глаза, языки, снимали полосы на спине, живых закапывали в землю, привязывали к конским хвостам. В Семипалатинске атаман грозил расстрелять каждого пятого, если ему не выплатят контрибуцию»⁹²⁸.

«Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню... — повествовал командир драгунского эскадрона корпуса Каппеля штаб-ротмистр Фролов, — деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18-ти до 55-летнего возраста, после чего пустить "петуха". Убедившись, что от Каргалинска осталось пепелище, мы пошли в церковь... Был страстной четверг...»⁹²⁹ Американский генерал В. Грэвс вспоминал: «Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства. Если в то время спрашивали, к чему были все эти жестокие убийства, то обычно

193

получали в ответ, что убитые были большевиками, и такое объяснение, очевидно, всех удовлетворяло...⁹³⁰ Семенов лично визировал смертные приговоры и контролировал пытки в застенках, где были замучены до 6,5 тысяч человек⁹³¹. Закljučая свои воспоминания, Грэвс приходил к выводу, что интервенты и белогвардейцы были обречены на поражение, так как из-за бесчинств, творимых ими, «количество большевиков в Сибири ко времени Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода»⁹³². О том же писал генерал В. Краснов с Юга России: «В Святкрестовском уезде безнаказанно буйствовала «дикая дивизия», способствуя превращению лояльных до того времени крестьян в "зеленых камышанников"..."⁹³³ В Сибири непосредственный участник гражданской войны генерал А. Будберг записывал 1 сентября 1919 г.: «...теперь для нас, белых, немыслима партизанская война, ибо население не за нас, а против нас»⁹³⁴.

Партизанское движение на Севере было вызвано теми же причинами, что и на Юге и в Сибири. Но при этом имело свои отличия. Здесь почти не было лозунгов «земли и воли» или каких-либо ярко выраженных сепаратистских настроений. Крестьянские восстания здесь стали ответной реакцией на произвол и насилие властей и сопровождавшие их реквизиции. Б. Соколов вспоминал: «Смелые, привыкшие к своим непроходимым лесам охотники, не испытывавшие на себе крепостного ига северные крестьяне не похожи вообще на русского крестьянина средних губерний. И понятно, что в ответ на репрессии и насилия большевиков начались восстания... Они обладали удивительной храбростью... и крепкой дисциплиной, они вносили чрезвычайную остроту в гражданскую войну. Для них большевик, красноармеец — был синоним зверя, которого надо убивать. Они не брали в плен. И большевики платили им тем же. Взятых в плен истязали и расстреливали. Благодаря их жестокости нередко страдали интересы окрестных волостей. В результате появились и на стороне красных тоже партизаны, такие же сильные и такие же беспощадные, и нередко начиналась вражда двух соседних деревень»⁹³⁵.

Б. Соколов продолжал: «Пойманному партизану не было пощады от большевиков. Он ее и не просил. Коммунисты рассказывали, как они пытали партизан, замораживая их, поджигая, подвешивая и как никогда не могли они добиться от партизанов ни слова о прощении или раскаянии. Вся партизанская борьба на севере полна историй, которые, каждая в отдельности, насквозь пропитана человеческой ненавистью и звериной кровожадностью... Потомки раскольников, дети и внуки лесных охотников, партизаны на фоне общей пассивности сумели противопоставить большевикам активность и упорство, равное им. Но напрасно, как бы я этого ни хотел, было бы искать в психологии партизан чувств общегосударственных, общенациональных. Напрасной была бы попытка подвести под их ненависть антибольшевистскую — идейную подкладку. Нет, большевики оскорбили грубо душу Шенкурских партизан, допустив насилия над их женами и сестрами, разрушив их дома и нарушив их вольные

194

права. И большевики стали их врагами, волками, прибежавшими в их деревню, зверями, которых надо убить. Но до России, до всей совокупности российских переживаний им было дела очень мало. Чрезвычайно мало...»⁹³⁶

Генерал В. Марушевский вспоминал: «Все то, что происходило в эту эпоху в районах верховьев Печоры, далеко превосходит самые фантастические романы. В этих глухих местах... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции видели проруби на глубокой Печоре,

заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Романов посещал эти районы, опустошенные ужасами гражданской войны. Голод и нищета при жестоком морозе давали картины, не поддающиеся никакому описанию... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались «каждая против каждой», являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае»⁹³⁷.

Методы борьбы с крестьянским бунтом были одинаковы, как у большевиков, так и у белогвардейцев. О психологии этой борьбы, причинах ее радикализма дает представление замечание В. Булдакова: **«Для людей, внутренне жаждущих порядка вообще, революция низов представлялась тем звериным хаосом, который следовало уничтожить, не считаясь ни с чем»**⁹³⁸. Герберт Уэллс в книге «Россия во мгле» передавал опасения европейцев на этот счет: «В случае краха цивилизованного строя в России и перехода ее к крестьянскому варварству Европа на много лет будет отрезана от всех минеральных богатств России и лишится поставок других видов сырья из этого района — зерна, льна и т.д. Совсем не ясно, смогут ли западные державы обойтись без этих поставок. Их прекращение, безусловно, приведет к общему обеднению Западной Европы»⁹³⁹.

Пример подхода к восстановлению цивилизованного строя деникинской армией, в период ее расцвета, давал Н. Воронович: «С приближением армии к Москве оставшиеся в ее тылу военные и гражданские чиновники становились все более развязными и, поощряемые крайними реакционными элементами, говорившими (слова генерала Кутепова), что восстановить Россию возможно лишь при помощи кнута и виселицы, всячески старались применять эти способы воссоздания "Единой, Великой и Неделимой России" на вверенной им правительством Деникина территории»⁹⁴⁰. «В соответствии с духом времени и практикой Первой мировой войны порки сопровождалась уничтожением целых деревень (объявлявшихся «бандитскими гнездами»); расстрелами за-

195

ложников (родственников предполагаемых «бандитов»); казнями каждого десятого из взрослых мужчин»⁹⁴¹.

Деникинские «добровольцы, ворвавшись в деревню, принимались за экзекуцию оставшихся в ней крестьян, не делая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и детьми. Экзекуция состояла в порке шомполами, после чего карательный отряд удалялся из деревни, реквизируя скот, запасы хлеба и фуража. Если в деревне случайно оказывался мужчина призывного возраста, он, в лучшем случае, жестоко избивался шомполами и уводился отрядом в город, а в худшем случае — тут же на месте расстреливался в назидание прочим. Вскоре начальство убедились, что никакие жестокости карательных отрядов не могут обратить крестьян на путь послушания. Тогда решено было приступить к мирным переговорам... Крестьяне поддались на уловку, распустили отряды и прекратили вооруженную борьбу. Но добровольцы не сдержали своих обещаний, и вскоре по приказанию начальника округа чины государственной стражи стали вылавливать из деревень наиболее активных руководителей только что прекратившегося движения. На этой почве начались новые волнения, перешедшие вскоре в новое восстание. Крестьянство обратилось за помощью к союзникам, на что полковник Файн ответил, что он ничем им помочь не может. «Если бы добровольцы вас на моих глазах резали, я и тогда бы не имел права заступиться за вас, ибо генерал Деникин и его армия являются законной властью, признанной правительством короля Англии!»⁹⁴²

Представление о методах подавления крестьянских восстаний в колчаковской Сибири дает приказ генерала Розанова: «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания, приказываю неуклонно руководствоваться

следующим:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т.д. — отбирать в пользу казны...

3. Если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывается денежная контрибуция за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно...

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч. виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны...

6. Среди населения брать заложников; в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

196

7. Как общее руководство, помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства»⁹⁴³.

После установления Советской власти крестьяне, которые еще вчера с ненавистью убивали белых, с еще большим ожесточением выступили против «красных». Так в начале января 1919 г. в районе занятой «белыми» станицы Вешенской вспыхнуло восстание в пользу Советской России, а спустя несколько месяцев, после прихода «красных», там же вспыхнуло восстание уже против советской власти⁹⁴⁴. В Сибири через год после разгрома Колчака сибирское крестьянство, до этого боровшееся против колчаковской армии, смело советскую власть почти по всей Западной Сибири. Только жесточайшим массовым террором большевикам удалось подавить крестьянские восстания. Описания этой борьбы дает М. Бернштам⁹⁴⁵ и К. Лагунов⁹⁴⁶.

В качестве примера мер, использованных большевиками при подавлении крестьянских волнений в Тамбовской губернии, можно привести приказ, отданный Антоновым-Овсеенко и Тухачевским:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»⁹⁴⁷.

И такие приказы неуклонно приводились в исполнение. Вот лишь один из примеров: «...На общем собрании крестьяне заметно стали колебаться, но не решались принять активное участие в оказании помощи по изъятию бандитов. По-

видимому, они мало верили в то, что приказы о расстреле будут приводиться в исполнение. По истечении установленного срока был расстрелян 21 заложник в присутствии схода крестьян. Публичный расстрел, обставленный со всеми формальностями, в присутствии всех членов «пятерки», уполномоченных, комсостава частей

197

и пр., произвел потрясающее впечатление на крестьян....» В соседней деревне были повторены те же приемы — взяты заложники в количестве 58 человек. В первый день был расстрелян 21 человек, на другой — 15... «В конечном результате перелом был достигнут, крестьянство бросилось ловить бандитов и отыскивать скрытое оружие...»⁹⁴⁸ Эта практика была повсеместной и наиболее широко применяемой. Так, из Ярославля сообщали: «Восстание дезертиров в Петропавловской волости ликвидировано. Семьи дезертиров были взяты в качестве заложников. Когда стали расстреливать по мужчине в каждой семье, зеленые стали выходить из леса и сдаваться. Расстреляно 34 вооруженных дезертира»⁹⁴⁹. 12 мая 1920 года Ленин направляет комиссиям по борьбе с дезертирством инструкцию: «После истечения срока помилования, предоставленного дезертирам для сдачи властям, необходимо еще более усилить санкции в отношении этих неисправимых предателей трудящегося народа. С семьями дезертиров и со всеми, кто помогает дезертирам каким бы то ни было способом, следует обращаться как с заложниками и соответственно с ними поступать»⁹⁵⁰.

Однако отдельные операции порой не могли принести успеха, крестьянские восстания охватывали целые области, и тогда против них направлялась регулярная армия. Описание методов ее действий оставил командарм Тухачевский: «В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться полной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»⁹⁵¹.

Подавление казачьих восстаний было еще более жестким, чем крестьянских бунтов, поскольку казаки исторически являлись самоорганизованной «естественной военной силой». К тому же они были одними из наиболее активных участников гражданской войны. Жестокость в отношении казаков тесно переплеталась с противодействием сепаратистским настроениям Дона и Кубани, а также с наиболее острым для крестьян вопросом «о земле». Деникин указывал, что казачество «оставалось совершенно непримиримым в вопросе о наделении землей иногородних, в особенности «пришлых», которые составляли, однако, 24% населения... Как вообще могло относиться казачество к иногородним, которых оно отождествляло с большевиками, можно судить по тому, что делалось в его среде. В конце марта в одном из закрытых заседаний Круга рассматривался вопрос о массовом явлении насилий, творимых в задонских станицах отступившими казаками верхних округов: «иногда идет отряд всадников 300, бывают там и офицеры, тянут часто за собой пушку... обстреляют сначала станицу, потом начинают насилия над женщинами и девушками и грабеж...» Суровое время и жестокие нравы...

198

Как бы то ни было, факт непреложный: реакционный режим атамана Краснова в расчете на казачью силу игнорировал положение иногородних и в ответ вызвал враждебное с их стороны отношение...»⁹⁵²

«Казачья декларация вручала судьбу России Учредительному собранию, но тут же, — отмечал Деникин, — «Дон у себя лишал права участия в управлении

большую половину неказачьего населения...» Декларация «не допускала мысли о мести в отношении к широким массам..., а практика донских полков, наступавших на север, изобиловала эпизодами грабежа, насилия...»⁹⁵³ Очевидцы свидетельствовали: «Все плохо, а хуже нет казацкой плети. Она никого не щадит — ни старого, ни малого. Казаки не дали нам никакого продовольствия, а отнимали одежду, мало того, что грабили, но приходилось самому отнести без одной копейки (оплаты). Если не отнесешь, то к полемому суду. Много расстреляно мирных жителей, не только мужчин, но и женщин, а также ребятшек. Отрезали ноги, руки, выкалывали глаза»⁹⁵⁴. «Нужно вешать направо и налево», — призывал атаман А. Каледин. И сожалел, что «сил для этого нет»⁹⁵⁵. «Из пулеметов приказал расстрелять арестованных крестьян екатеринославский губернатор Щетинин. Кутепов распорядился повесить на фонарях вдоль центральной улицы Ростова в декабре 1919 г. заключенных, находящихся в тюрьмах города. О грабежах казаков в занятых Царицыне и Тамбове ходили страшные легенды»⁹⁵⁶.

Секретная резолюция ЦК партии большевиков от 24 января 1919 года гласила: «Учитывая опыт гражданской войны против казачества, признать единственным правильным политическим ходом массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»⁹⁵⁷. На деле же, как признавал в июне 1919 года председатель Донского ревкома Рейнгольд, на которого была возложена задача «навести большевистский порядок» на казачьих землях, «у нас была тенденция проводить массовое уничтожение казачества без малейшего исключения»⁹⁵⁸. «Кажется, одна только армия Сокольников за несколько недель расстреляла около 8 000 чел., а ведь Сокольников был ненавистным предводителем «умеренных», против «проказачьей» ориентации которых радикалы из Донбюро партии потом вели яростную борьбу»⁹⁵⁹.

Примеры этой борьбы давал приказ С. Орджоникидзе: «1. станицу Калиновскую сжечь. 2. станицы Ермоловская, Романовская, Самашинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь — всегда бывшим преданным совласти нагорным чеченцам, для чего: 3. все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ; 4. стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться на хутора или станицы на Север; 5. лошадей, коров, овец и проч. скот, а также пригодное имущество передать Кавтрудармии ...»⁹⁶⁰

199

Несмотря на внешнюю схожесть, тем не менее «белый» и «красный» террор имели принципиальные различия. А. Деникин указывал, что большевистский террор в отличие от «белого» носил более организованный характер: «Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Эта система, нашедшая своих идеологов, эта система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение»⁹⁶¹. «Белый» террор — явление иного порядка. Это, прежде всего, эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим, официальным убийствам? Где и когда это было в правительстве генерала Деникина, адмирала Колчака или барона

Врангеля?.. Нет, слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и... апофеоз террора — явления разных порядков»⁹⁶². «Большевики с самого начала определили характер гражданской войны: истребление... Террор у них не прятался стыдливо за «стихию», «народный гнев» и прочие безответственные элементы психологии масс. Он шествовал нагло и беззастенчиво. Представитель красных войск Сиверса, наступавших на Ростов: — Каких бы жертв это ни стоило нам, мы совершим свое дело, и каждый, с оружием в руках восставший против советской власти, не будет оставлен в живых. Нас обвиняют в жестокости, и эти обвинения справедливы. Но обвиняющие забывают, что гражданская война — война особая. В битвах народов сражаются люди-братья, одураченные господствующими классами; в гражданской же войне идет бой между подлинными врагами. Вот почему эта война не знает пощады, и мы беспощадны»⁹⁶³.

Действительно, большевистский террор был менее эмоционален, чем стихийный террор белых, чем дальше, тем более организованный характер он носил. Лидеры большевиков относились, в отличие от белогвардейцев, к террору сознательно, они были готовы к нему задолго до революции, изучая опыт своих предшественников. Еще К. Маркс в «Капитале» утверждал: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁹⁶⁴. Робеспьер в 1793 г. отмечал: «В революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна». А. Мартынов в 1918 г. ссылаясь на пример той же французской революции: «Террор есть страшное оружие — что и говорить! Но пусть те слабонервные социалисты, которые из-за применения этого оружия теперь так нравственно негодуют против диктатуры пролетариата, вспомнят отношение к якобинскому террору апостола гуманности в социалистическом ми-

200

ре — Жана Жореса. Кто был его любимым героем в французской революции? Дантон! Тот самый Дантон, который в марте 1793 г. первый предложил Конвенту вступить на путь организованного террора и учредить грозный Революционный Трибунал и который дал этому предложению знаменитую мотивировку: «Враги свободы поднимают голову ...Они имеют глупость думать, что они в большинстве. Так вырвите же их самих из рук народного суда (то есть самосуда — А.М.). Гуманность это вам повелевает»⁹⁶⁵.

Н. Бердяев: «Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках. Наоборот, я давно предвидел, что в революции будет истреблена свобода и что победят в ней экстремистские и враждебные культуре и духу элементы. Я писал об этом. Но мало кто соглашался со мной. Наивным и смешным казалось мне предположение гуманистов революции о революционной идиллии, о бескровной революции, в которой, наконец, обнаружится доброта человеческой природы и народных масс»⁹⁶⁶. Троцкий революционному насилию ставил в пример «...религиозную реформу, вошедшую водоразделом между средневековой и новой историей: чем более глубокие интересы народных масс она захватывала, тем шире был ее размах, тем свирепее развертывалась под религиозным знаменем гражданская война, тем беспощаднее становился на обеих сторонах террор»⁹⁶⁷.

Что ведет к большему насилию: стихийный террор «белых» или организованный «большевиков»? Стихия не способна созидать, это сила разрушения. Организация процесса ведет к сокращению негативных издержек, подавлению разрушительных стихийных тенденций и подготавливает базу, следующей созидательной фазы развития*. Н. Бухарин по этому поводу говорил: «революционное насилие расчищает дорогу будущему подъему. И как раз тогда,

когда начинается этот подъем, насилие теряет девять десятых своего смысла»⁹⁶⁸. Позже, в середине 1919 г., тот же Деникин, как и Колчак, попытаются перейти от стихийного к организованному террору, но не смогут и, наоборот, лишь спровоцируют новый виток насилия.

Независимый наблюдатель меньшевик А. Мартынов, анализируя стихию террора, приходил к выводу: «Когда власть в стране завоевал пролетариат, все силы ада на него обрушились, и тогда для спасения революции организованный террор стал неизбежен. Но не было ли излишеств в применении террора со стороны обороняющейся советской власти? Да, наверно, были, хотя неизмеримо меньше, чем со стороны наступающей контрреволюции и бесконечно меньше, чем у нас было бы, если бы эта контрреволюция победила... Был ли террор Советской власти неизбежен? Могла ли она обойтись без казней в тылу фронта

* Конечно, существует грань, за которой организованный террор превращается в организованное истребление, и большевики порой переходили эту грань.

201
гражданской войны?.. Смертная казнь есть, конечно, варварство, излишняя, недостигающая цели жестокость, в условиях устойчивого государственного строя, когда государственный аппарат регулярно функционирует и когда преступника в девяти случаях из десяти может постигнуть законная кара. Но могли ли мы, революционеры, зарекаться, что не будем прибегать к смертной казни в условиях обостряющейся борьбы революции с контрреволюцией... когда отказ от смертной казни равносителен провозглашению почти полной безнаказанности тяжких и опасных для государства преступлений? Я в Ялтушкове был свидетелем жестокой сцены: у мирных обывателей вырвался вздох облегчения, когда "чекист" на их глазах застрелил убежавшего с допроса участника банды, накануне убившего у нас ни в чем не повинную девушку. Не жестокость, а инстинкт общественного самосохранения вызвал у мирной толпы вздох облегчения при виде расстрела бандита...»⁹⁶⁹ В. Шульгин приводил другой пример: «Одесса спокон веков славилась как гнездо воров и налетчиков. Здесь, по-видимому, с незапамятных времен существовала сильная грабительская организация, с которой более или менее малоуспешно вели борьбу все... четырнадцать правительств, сменившихся в Одессе за время революции. Но большевики справились весьма быстро. И надо отдать им справедливость, в уголовном отношении Одесса скоро стала совершенно безопасным городом... Остальных пока не трогали... Разумеется, все это не относилось к лицам, имевшим с большевиками особые счета, вроде меня»⁹⁷⁰.

Деникин сам признавал объективность и неизбежность насилия, террора, жестокой силы: «...та «расплавленная стихия» («русский бунт» — В.К.), которая с необычайной легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина-Бронштейна и вот уже более трех лет (1917-1921 гг.) не может вырваться из большевистского плена. Если бы такая жестокая сила... взяла власть и, подавив *своеволие*, в которое обратилась свобода, донесла бы эту власть до Учредительного собрания, то русский народ не осудил бы ее, а благословил»⁹⁷¹. Почему же тогда сам Деникин, благословляя насилие ради Учредительного собрания, не пошел на восстановление государственности? Почему не взял в «железные тиски», «плен» «расплавленную стихию» и не «подавил своеволие»? Не хотел? Но он же сам видел в этой «жестокой силе» единственный выход. Очевидно, что не не хотел, а не мог. На его стороне не было силы, способной взять «расплавленную стихию» в «железные тиски». Если бы он только попробовал «подавить своеволие» в своем тылу, стихия бы его «сдунула», как «сдунула» Керенского, а потом и Колчака.

Колчаковский генерал А. Будберг видел издержки пути, о котором задумывался Деникин и в поисках выхода находил необходимую силу в

иностранной оккупации: «...нам нужны совершенно нейтральные, беспристрастные и спокойные войска, способные сдерживать всякие антигосударственные покушения как слева, так и справа. Только под прикрытием

202

сети союзных гарнизонов, не позволяющих никому насильничать и нарушать закон, поддерживающих открыто и определенно признанную союзниками власть, возможно будет приняться за грандиозную работу воссоздания всего разрушенного в стране, восстановления и укрепления местных органов управления и за еще более сложную и щекотливую задачу постепенного приучения населения к исполнению государственных и общественных повинностей, к платежу налогов, — одним словом, к многому, от чего население отвыкло; это неизбежное ярмо надо надеть умеючи, а главное, без помощи наших карательных и иных отрядов»⁹⁷². Теоретически Будберг был прав, но чем бы он был готов пожертвовать ради оплаты «труда» «беспристрастных войск»?

Кто-то в любом случае должен был направить стихийный процесс взаимного истребления, уничтожения цивилизации, пускай даже ценой больших жертв, из самоуничтожительного в созидательное русло. И в России не оказалось силы кроме большевиков, способной остановить стихию. В. Вернадский писал по этому поводу, что у Ленина, несмотря на слабость творческого начала, оказался «своеобразный государственный ум», сумевший сдержать разрушительные инстинкты революции⁹⁷³. «Черносотенец» Б. Никольский отрицая большевистскую идеологию, тем не менее признавал, что большевики строили новую. Российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей»⁹⁷⁴. М. Пришвин отмечал: «В большевиках этот инстинкт государственности проснулся удивительно быстро, контраст с нынешними демократами просто разительный. Многозначительно явление, о котором официальная советская идеология умалчивала (а зря!) — «красный бандитизм». В конце гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с красными, которые самочинно затягивали конфликт. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые парторганизации — они для власти уже не были «родственниками»⁹⁷⁵. Аналогичные примеры приводил И. Данилов из Архангельска, отмечавший, что после ухода белых в городе издевательствам, насилиям и грабежу самочинных комиссаров не было конца. Когда прибыла «настоящая большевистская власть, многие из них были посажены в... тюрьму»⁹⁷⁶, а «наиболее ярых проповедников из них принципа "все наше" за грабежи расстреляли»⁹⁷⁷.

М. Пришвин: «Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклиняет, и все-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чем их сила?.. Несомненно, в них есть какая-то идейная сила. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч своих же родных людей...» 14 декабря 1918 г. Пришвин пишет о большевиках: «Анализировать каждую отдельную личность,

203

и дела настоящего времени получают дрянь, а в то же время чувствуешь, что под всем этим шевелится совесть народа»⁹⁷⁸. Весьма показательно в данном случае признание Шульгина: «Белое движение было начато почти святыми, а кончили его почти что разбойники». Утверждение это исторгнуто жестокой душевной болью, но оно брошено на алтарь богини Правды. Мне кажется, что эта же богиня требует от меня, чтобы и о красных я высказал суровое суждение, не останавливаясь перед его болезненностью. И вот он, — мой суровый приговор:

красные, начав почти что разбойниками, с некоторого времени стремятся к святости»⁹⁷⁹. Очевидно, что в этом скрывалась одна из главных причин победы большевиков. Ведь «...скоро после того, как через село прошла гражданская война, крестьяне стали искать сильную власть, которая пускай и была жестокой, но гарантировала стабильность». Крестьяне за время гражданской войны пережили множество различных властей и имели возможность выбора: «Как быстро менялось у нас настроение крестьян в зависимости от перемены ситуации, я имел достаточно случаев убедиться, живя на Украине, — вспоминал Мартынов, — Когда петлюровские войска, низвергнув гетмана Скоропадского, заняли Киев, украинские социал-демократы, стоявшие близко к Директории, говорили, что Директория, борясь за «самостийность» Украины, считает себя вынужденной выставить сейчас в области внутренней политики большевистскую платформу, ибо иначе и месяц не пройдет, как быстро нарастающая волна большевизма в крестьянских массах ее сметет с лица земли. Когда я из Киева вернулся в Подолию, я убедился, что это правда. Крестьяне тут говорили в один голос: мы все большевики! Но как только Советская власть ввела разверстку и упразднила свободную торговлю хлебом, крестьяне, подстрекаемые кулаками, завопили: «Не треба нам комунии!» и перекрасились в значительной своей части в петлюровцев. Когда пришли польские паны, они опять метнулись влево, к большевикам. Когда стали приходить красные кавалерийские части и стали у них забирать овес для лошадей, они опять отшатнулись от большевиков, и молодежь опять стала уходить в лес, в банды. Когда деревне от бандитов житья не стало, крестьянская масса опять начала возлагать надежды на укрепление Советской власти и начала опять относиться к ней «прихильно» (сочувственно)...»⁹⁸⁰ Известный американский историк Ларс Ли в конце XX века приходил к выводу, что крестьяне «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть»⁹⁸¹.

Сравнения:

Действительно, а что бы было, если бы контрреволюция победила? Здесь мы снова вынуждены прибегнуть к сравнениям, но перед

204

тем, как перейти к ним, обратим ненадолго наш взгляд на некоторые примеры истории. Они помогут нам в определенной мере избавиться от предвзятости в наших суждениях:

— XVI век. Одной из наиболее одиозных фигур в русской истории в образе безжалостного палача неизменно представлен Иван IV. Скульптор Микешин, создавая в 1862 г. памятник «Тысячелетие России», даже был вынужден исключить его из числа ста девяти изваянных им фигур выдающихся исторических деятелей. Между тем было бы вполне логично, — указывает В. Кожин, — вспомнить, что за *одну только ночь* на 24 августа 1572 г. (год отмены опричнины) по приказу французского короля Карла IX было зверски убито примерно столько же людей, «повинных» лишь в том, что они не были католиками, сколько убили палачи Ивана Грозного за *восемь лет опричнины*. По указу другого современника Ивана IV — английского короля Генриха VIII было повешено 72 тысячи человек, «виновных» лишь в том, что они стали бродягами в результате «огораживаний»... В те же годы, во время правления испанского короля Карла V, было казнено, в том числе и на костре, около 100 тысяч еретиков⁹⁸².

— XIX век. «А. Герцен в 1847 г. уехал на Запад, унося в себе, как

незаживающую рану, как сгусток боли и стыда за свою родину, — пишет Кожин, — память о пяти казненных и ста шестнадцати сосланных в Сибирь декабристах. И вот в июне 1848 года он стал потрясенным свидетелем казни около 11 тысяч восставших парижан, а затем «депортации» еще около 14 тысяч из них на тихоокеанский остров Нука-Ива. Потрясенный Герцен писал: «Казаки... в сравнении с буржуазией... агнцы кротости... Французы вообще любят теснить. Вы знаете, как они в прошлом веке "освобождали" Италию и какую ненависть возбудили в Испании — но это ничто перед тем, каковы они в междоусобии: тут они делаются кровожадными зверями, мясниками Варфоломеевской ночи... Нука-Иво далеко превосходит Сибирь. В Сибири климат свирепый, но не убийственный, ссылаемые на поселение... не принуждены к поурочному труду, как во французских пенитенциарных колониях...»⁹⁸³ Герцен был даже склонен прийти к выводу о какой-то патологической жестокости французов вообще. Он напоминает о «междоусобной» войне конца XVIII века: «В Марселе роялисты вырезали, избили всех мамелюков с их женами и детьми. В другом месте католики напали на протестантов, выходящих из церквей; часть их перебили и, раздевши донага, таскали их дочерей голых по улицам... Но разве якобинцы лучше поступали в департаментах? Нет, не лучше. Но это не только не утешительно, а, напротив, это-то и приводит в отчаяние, тут-то и лежит неотразимое доказательство кровожадности французов. С которой бы стороны победа ни была, — «оставьте всякую надежду», они безжалостны и невеликодушны, — они рукоплещут каждому успеху, каждой кровавой мере... Я стыжусь и краснею за Францию...»⁹⁸³ И тогда же, в частном письме, обращенном к «московским друзьям», бежавший из России Герцен

205

говорит неслыханные слова: «Дай бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу...» (!) — и, предвидя, что эти слова вызовут изумление и возмущение его друзей в Москве, обвиняет их: «Вам хочется Францию и Европу в противоположность России, так, как христианам хотелось рая — в противоположность земле... Неужели вы поверите в возможность такого военного деспотизма и рабства... если б нравы и понятия не делали его вперед возможным?.. Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается»⁹⁸⁵.

В 1846 г. в Ирландии вспыхнул голод, от которого в течение нескольких лет умерло свыше 1 млн. человек⁹⁸⁶, население Ирландии сократилось на 30%⁹⁸⁷. Российский журнал рассказывал в 1847 г. своим читателям: «в Ирландии народ тысячами валится и умирает на улицах»⁹⁸⁸. Причина столь трагичных последствий лежала не столько в природном катаклизме, сколько в изменившихся экономических приоритетах Англии. Энгельс констатировал, что как только Англии вместо ирландской пшеницы понадобился скот, 5 млн. ирландцев стали «лишними»⁹⁸⁹. Маркс мрачно подсчитывал: «В течение 1855-1866 гг. 1 032 694 ирландца были вытеснены 996 877 головачи скота...»⁹⁹⁰ Мы не затрагиваем колоний Великих европейских держав, в которых массовое насилие и нередко тотальное истребление становилось зачастую нормой, чем вынужденной необходимостью. Там жертв никто не считал.

Россия в плане насилия не только не выделялась на общеевропейском фоне, но и на протяжении нескольких веков просто не знала примеров, которые демонстрировала просвещенная Европа. Тем не менее, на Западе Россию всегда считали за образец варварской жестокости. Считали, поскольку Россия была отсталой экономически и политически, потому что было удобно и выгодно ассоциировать насилие с варварской Русью, демонстрируя тем самым превосходство европейской цивилизации.

Однако дело было не только во взглядах Европы, но и в самих русских.

Достоевский по этому поводу отмечал: «Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев», которая «есть уже сама по себе признак величайшей особенности». В. Кожин указывает, что в Испании в 1826 году, ровно через неделю после воздвижения пяти тайных виселиц в Петропавловской крепости, публично был сожжен на костре один из нескольких десятков тысяч еретиков. «Но кто вспоминает об этом и *содрогается* так, как вспоминают и содрогаются о декабристах? И уж конечно, никто не «стыдится»...»⁹⁹¹. Иван Киреевский писал о коренном различии русского и человека с Запада, который «говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием... совесть его вполне спокойна... он совершенно чист перед Богом и людьми... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки.... При уклонениях от истинного пути он... даже в страстные минуты увлечения всегда готов сознать его (увлечения) нравственную незаконность»⁹⁹². Впоследствии Достоевский не раз возвращался к теме: «...пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней

206

мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, и не примет и не захочет принять своего греха за правду!»⁹⁹³

В. Кожин находит и другое объяснение, почему «казни, совершавшиеся в России, вызывали и вызывают неизмеримо большее возмущение» — они «предстают как «личный» произвол Ивана IV и Николая I, а не как «безличные» проявления действия *закона*: английские «бродяги» нарушали принятый парламентом закон (а как известно с времен Рима, «суров закон, но закон»); точно так же и «национальные мастерские» во Франции были ликвидированы по решению *избранного народом* парламента...»⁹⁹⁴ М. Палеолог в связи с этим указывал: «*при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он распыляется по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице...*»⁹⁹⁵

Но вернемся в XX век и попытаемся ответить на вопрос — что бы было если бы контрреволюция победила? Ответ можно поискать в тех странах, где массированная интервенция позволила подавить революционные движения.

Финляндия

«Готовность правых вступить в альянс с Германией после объявления в 1917 году независимости спровоцировала левых сформировать собственную рабочую милицию. В январе 1918 года между ними начались сражения»⁹⁹⁶. Гражданская война шла между просоветски настроенными пролетариями индустриального Юга и националистами аграрного Севера. Силы красных насчитывали около 90 тысяч человек, в основном рабочих, в распоряжении генерала Маннергейма было 40 тысяч, авангард которых составляли около 6 тысяч «егерей» 27-го финского батальона, воевавшего на стороне немцев с 1916 г. Кроме этого немцы направили в помощь Маннергейму дивизию генерала Дер Гольца — 15 тысяч человек, а так же 70 тысяч винтовок, 150 пулеметов и 12 орудий⁹⁹⁷. Русские большевики со своей стороны не смогли оказать существенной помощи «красным» финнам, в соответствии с Брест-Литовским миром они отвели свои войска из Финляндии, чем не замедлил воспользоваться Маннергейм. Благодаря поддержке Германии, белофинны одержали победу и устроили массовый террор против побежденных, за который в левых кругах победителей называли мясниками (лахтари).

Согласно советским источникам, в 1918 году в Финляндии, помимо боевых потерь, около 40 тыс. человек погибло от белого террора. (В том числе во время гражданской войны было казнено около 10 тыс. чел, после победы расстреляно,

по неполным данным, 15 817 чел. В конц-

207

лагерях умерло от голода и антисанитарных условий до 15 тыс. чел.) Всего в тюрьмы было брошено 90 тыс. чел. За первые 4 месяца после окончания войны финские суды рассмотрели 75 575 политических дел, приговорив к заключению 67 758 чел. По финским данным, за 2,5 месяца гражданской войны с обеих сторон погибло около 4 тыс. человек, еще 8 тысяч было расстреляно после войны и 12 тыс. умерло в концлагерях⁹⁹⁸. По данным Д. Кигана: «Общие потери в войне насчитывали 30 тысяч человек. Это была большая цифра для страны с населением в три миллиона человек — но совершенно незначительная как сама по себе, так и в сравнении со страшной платой за гражданскую войну, которая разыгралась в это время в России»⁹⁹⁹. По-видимому, это далеко не полные цифры потерь. Так, в Выборге 26-27 апреля 1918 года было убито около 400 русских и расстреляно не менее 500 человек, по большей части офицеров. Петроградские газеты сообщали также о расстрелах офицеров 10 мая в Николайштадте (11 офицеров) и Таммерфорсе¹⁰⁰⁰, и т.д.

В относительных цифрах в Финляндии в тюрьмы было брошено почти 3% населения страны, что почти в 2 - 4 раза больше, чем было в ГУЛАГе всех заключенных, вместе взятых — уголовных и политических, (или в 10 раз больше, если брать одних политических) даже в самые суровые периоды сталинских лагерей. В результате террора в Финляндии стала ощущаться столь сильная нехватка рабочей силы, что многих заключенных пришлось амнистировать. Доля погибших на уровне 13-16% в финских концлагерях более чем в два раза превышает долю умерших в сталинских лагерях за все 22 года (1931-1953 гг.) их существования.

Испания

Другой более сравнимой по масштабам и продолжительности является гражданская война в Испании. В 1936 после демократической победы на выборах в Испании Народного фронта, Франко совершил антиправительственный переворот и установил фашистскую диктатуру. На помощь Испании фашистская Германия бросила легион Кондор — 50 тыс. солдат, Италия — 150 тыс. Против них в интербригадах сражалось примерно 40 тыс. добровольцев 35 национальностей. Число советских — не превышало 3,5 тыс. человек.

Боевые потери в гражданской войне в Испании, по Урланису, составили 300 тыс. солдат и офицеров, еще 150 тыс. умерло от болезней — всего 450 тыс. человек. Общее количество погибших, включая гражданское население, достигло 1 млн. человек¹⁰⁰¹. Т. Хью дает следующие цифры потерь: боевые — 320 тыс., от болезней — 220 тыс., от послевоенного террора — 100 тыс.¹⁰⁰² Он оценивает общее число погибших от террора (в том числе послевоенного) в количестве 300-400 тыс. человек, при этом указывая: «В то же время существует предположение, что эти цифры были преуменьшены, чтобы не создавать за границей слишком тяжелого впечатления об испанском национальном характере»¹⁰⁰³.

208

Потери от террора во время гражданской войны:

От рук националистов		От рук республиканцев	
Республиканец Р. Сендер	750 000		

Националист (глава отдела пропаганды) А. Бахамонте	150 000	По данным националистов	85 940
Томас Хью	40 000	С 18 июля по 1 сентября 1936 г.	75 000

Жестокость террора, насилия, издевательств, пыток и изощренных убийств, в том числе священников, женщин и детей, в Испании соответствовали духу гражданской войны, свидетельства тому приводит Т. Хью. Кроме этого, после войны через франкистские тюрьмы прошло около 2 млн. человек. «В 1942 г. в грязных, сырых и переполненных тюрьмах сидело 241 тыс. заключенных»¹⁰⁰⁵. Эмигрировало из Испании 600—1000 тыс. человек. «Хроника человечества» приводит другие данные: боевые потери 280 тыс. человек, потери мирного населения 15 тыс. человек, еще 25 тыс. умерли от болезней и голода. «В тюрьмах и лагерях до 1941 г. было уничтожено около 2 млн. противников режима Франко»¹⁰⁰⁶.

Россия

Наиболее достоверные данные *военных потерь* во время гражданской войны 1918-1922 гг. приводит статистика РККА¹⁰⁰⁷. Правда, современные авторы уточняют их и говорят о совокупных потерях Красной Армии, включая партизанские отряды в размере 1150-1250 тыс. человек¹⁰⁰⁸, из них лишь 1/3 — боевые потери, остальные умерли от ран и болезней¹⁰⁰⁹. С исчислением потерь Белой армии, а так же повстанцев, мятежников, включая и бандитов, дело обстоит сложнее, количество погибших в этой группе исследователями определяется в размере 1,2-2 млн. человек¹⁰¹⁰. С другой стороны, совокупная численность Белой армии не превышала — 1,5 млн. Если применить к ней процент погибших в Красной Армии, то потери Белой армии составят около 0,35 млн. человек.

Численность всех остальных группировок, принимавших участие в гражданской войне (в том числе повстанцев, участников «крестьянского бунта», националистов, дезертиров и проч.), составляла примерно 2-4 млн. человек, но к этим формированиям неприменим процент потерь регулярной армии, он должен быть в разы ниже, по-видимому, число погибших в данной группе не могло превысить 0,3 млн.

²⁰⁹

чел. К ним необходимо добавить крестьян, ставших жертвами белого и красного террора и «войны за хлеб», их потери не могли превышать, боевых потерь вооруженных крестьянских армий, то есть — 0,3 млн. чел. По данным НКВД, в 1918 г. было 285 только крестьянских выступлений, а всего за время гражданской войны — более 400. Некоторые исследователи утверждают что их было значительно больше¹⁰¹¹. О количестве жертв наиболее крупных крестьянских восстаний дают представление следующие примеры. В марте 1919 г. при подавлении «чапанной» войны в Самарской и Симбирской губерниях, в которой участвовало 100-150 тысяч крестьян, из них было убито не менее тысячи и расстреляно более 600 «главарей»¹⁰¹². В феврале-марте 1920 г. в ряде уездов Уфимской, Казанской и Самарской губерний вспыхнуло крестьянское «вилочное» восстание. Общее число восставших доходило до 400 тысяч человек¹⁰¹³. Пик выступления западносибирских крестьян пришелся на январь 1921 г. Численность восставших — несколько сот тысяч человек... «Усмирение» крестьян продолжалось вплоть до июля 1921 г. Погибло не менее 2 тыс. красноармейцев, 5 тыс. партийно-советских работников. Число погибших крестьян исчислялось

десятками тысяч¹⁰¹⁴.

Количество жертв «Красного террора», согласно выводам комиссии, созданной Деникиным в конце 1919 г., затем повторенным С. Мельгуновым, составило 1700 тыс. человек. Но как справедливо указывают авторы исследования «Население России в XX веке», эта цифра не имеет никакого научного обоснования¹⁰¹⁵. С. Мельгунов сам признавал низкую достоверность использованных им источников: «Допустим, что легко можно подвергнуть критике сообщение хотя бы с.-р. печати о том, что вовремя астраханской бойни 1919 года погибло до 4000 рабочих. Кто может дать точную цифру?.. Пусть даже она уменьшится вдвое. Но неужели от этого изменится хоть на йоту самая сущность?»¹⁰¹⁶ Данные комиссии Деникина явно завышены и очевидно во многом носят идеологический характер. Приблизительную оценку количества погибших можно сделать на основе определения размеров потенциально возможной социальной базы жертв террора.

Репрессии в наибольшей степени коснулись тех, кто принимал наиболее активное участие в гражданской войне, и в первую очередь офицеров. По данным Волкова в «1914-1922 гг. офицерские погоны носило 310 тыс. чел». Из указанного количества офицеров 8% погибло во время мировой войны, около 30% в Гражданскую, 23% осталось в эмиграции, 35% на советской территории...¹⁰¹⁷ Всего в белом движении принимало участие 170 тыс. офицеров, из которых погибло около 50-55 тысяч, до 58 тыс. оказалось в эмиграции и примерно столько же осталось на советской территории¹⁰¹⁸. Очевидно, что большая часть офицеров, погибших во время гражданской войны, может быть отнесена к боевым потерям, оставшаяся стала жертвой стихийного и националистического насилия. Из офицеров, оставшихся в СССР, почти половина находилась в Красной Армии и дожила до сталинских времен. Таким образом, «Красный террор» физически мог коснуться 30-40 тыс. офицеров.

210

Второй наиболее пострадавшей категорией были казаки. ЧКК пишет: «Дорогую цену заплатили казаки Дона и Кубани за свое сопротивление большевикам. Согласно заслуживающим доверия подсчетам, цена эта — от 300 до 500 тысяч погибших и депортированных в 1919-1920 годах из общего числа населения в 3 миллиона человек. В октябре — ноябре 1920 года». С другой стороны, число всех казаков принимавших участие в гражданской войне, составило примерно 130 тыс. человек, из них почти 40 тыс. эмигрировало¹⁰¹⁹. К июлю 1920 года в их частях на Кубани и Дону насчитывалось не более 25-35 тысяч чел. Даже если предположить, что все казаки, принимавшие участие в гражданской войне, были уничтожены во время террора, то эта цифра, за вычетом военных потерь — около 30 тыс. чел., потенциально не может превысить 70 тыс.

Количество погибших от террора священников составило примерно 30 тыс. человек¹⁰²⁰. Относительно других социальных групп: интеллигенции, буржуазии, а так же лидеров оппозиции и заложников, — количество погибших неизвестно, как и погибших от белого террора большевиков и им сочувствующих. В то же время по данным С. Волкова, до 1919 г. офицеры составляли среди расстрелянных больший процент, чем в дальнейшем. Их арестовывали и расстреливали в первую очередь: «Со всех концов поступают сообщения о массовых арестах и расстрелах. У нас нет списка всех расстрелянных с обозначением их социального положения, чтобы составить точную статистику в этом отношении, но по тем отдельным, случайным и далеко не полным спискам, которые до нас доходят, расстреливаются преимущественно бывшие офицеры... Представители буржуазии в штатском платье встречаются лишь в виде исключения»¹⁰²¹. Можно предположить, что количество погибших от террора представителей интеллигенции и буржуазии, кулаков, заложников, семей

офицеров и казаков, и т.д., было сопоставимо с потерями активной части населения боровшейся против большевиков, то есть составляло 150-200 тыс. чел.

Таким образом, совокупные потенциально достижимые потери от Красного террора всех противостоящих социальных групп вместе взятых можно оценить примерно в 400-500 тыс. человек. О Красном терроре говорят и такие данные: в наиболее известном концентрационном лагере на Соловках в 1920 г. было всего 350 заключенных вместе с конвоем. И только в 1923 г. образуется СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), первыми заключенными были эсеры, меньшевики, анархисты, белогвардейцы, священники и уголовники. (С начала 1930 годов численность зэков на островах выросла в сотни раз... Но это уже другая тема.) В 1920-х годах среднегодовая численность всех заключенных, уголовных и политических, во всех тюрьмах и лагерях не превышала 150 тыс. человек, то есть менее 0,1 % населения,¹⁰²² для сравнения в начале XXI века в России и США около 0,6%. К смертной казни за 1921-1928 гг. было приговорено 21 282 человека, за тот же период было осужденных

211

за контрреволюционные, политические и другие особо опасные государственные преступления к заключению 73 743 человека, к ссылке и высылке около 55 тыс. человек¹⁰²³. Конечно, это только официальная статистика, на самом деле погибших было больше, поскольку многие жертвы не учитывались, например, при подавлении крестьянских восстаний... Но в любом случае речь может идти о десятках тысяч человек, а не о миллионах.

Белый террор носил не менее, если не более ожесточенный характер. Только в Екатеринбургской губернии, например, колчаковцы расстреляли и замучили более 25 тыс. человек¹⁰²⁴. Количество погибших от Белого террора было больше, чем от Красного, поскольку шире была социальная база для террора. Свидетелем о белом терроре выступал во время слушаний комиссии американского сенатора Овермэна 22 февраля 1919 г. журналист А. Вильямс: «...призовите на суд истории с одной стороны большевиков, обвиняемых в красном терроре, а с другой стороны — белогвардейцев и черносотенцев, обвиняемых в белом терроре, и предложите им поднять руки, мозолистые и загрубелые от работы руки рабочих и крестьян будут сиять белизной по сравнению с обагренными кровью руками этих привилегированных леди и джентльменов»¹⁰²⁵. Американский генерал В. Грэвс вспоминал: «Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами». Грэвс сомневался в том, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака¹⁰²⁶.

Всего число погибших со всех сторон «белого», «красного» и «стихийного» террора во время гражданской войны в России составило максимум 1,5-2 млн человек (даже если уничтожались поголовно целые социальные группы, чего никогда не было). Наибольшие потери дали инфекционные и эпидемические заболевания. За 1918-1922 гг. от них умерло около 3 млн человек¹⁰²⁷. Голод 1921-1922 гг., унес примерно 1 млн. жизней¹⁰²⁸. Таким образом общие потери за время гражданской войны 1918-1922 гг., включая все потери белых, красных, зеленых, гражданского населения и голода 1921-1922 г. в России не превысили 8 млн. человек. Из них, как минимум 2/3 — это потери мирного населения от болезней, эпидемий и прочих косвенных причин, не связанных напрямую с боевыми действиями и революционным террором. Около 1,5-2 млн эмигрировало, таким образом, общее сокращение численности населения составило примерно 10 млн. человек. Без учета снижения рождаемости и роста смертности от прочих причин*.

* Многие источники приводят другие цифры потерь. Например, по мнению М. Buttino, «за

период 1918-1922 гг. умерли 12,6 млн чел. Боевые потери в гражданской войне составляли 800 000 чел.. 8 млн гражданских лиц умерли в 1918-1920 гг.

212

Высокая смертность от прочих причин — от болезней и голода во время гражданской войны в России крылась не столько в ее ожесточенности, сколько в продолжительности, наложившейся на разруху, оставленную Первой мировой войной и Временным правительством. Разруха несла с собой голод, холод, ожесточенную борьбу за элементарное выживание...

Абсолютное количество погибших в гражданских войнах и последовавших репрессиях со всех сторон, в тыс. человек.

	Бо евые потер и в гражд анско й войне	Погибшие и умершие с обеих сторон				Потери гражданско го населения от военных действий, голода и эпидемичес ких заболевани й
		О т болез ней в армии	От репре ссий во время войны	О т репре ссий после войн ы	В концл агеря х и тюрь мах	
Росси я	70 0	11 00	20 00	1 00	5 0	4 000
Финл яндия	4	н/ д	0- 10	8- 15	1 2,5-15	н/д
Испа ния	30 0-320	15 0-220	30 0	1 00	н/ д	н/д

Для сравнения во время гражданской войны в США погибло 610 тыс. человек*, что составляло 19,7% от общей численности населения. Про-

(Buttino M. Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917-1920 // Central Asian Survey. 1990. № 4. (Грациоци А...)) Наиболее популярной является совокупная величина потерь в 16 млн. человек. (См., например, Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980, с. 262). М. Геллер и А. Некрич оценивают потери в гражданской войне в 10,18 млн. человек и от голода 5,053 млн. (Геллер М., Некрич. Утопия у власти. Даугава. 1990. №12, с. 76.). По мнению В. Данилова, жертвы террора, бандитизма и подавления крестьянских выступлений составили 1,3 млн. чел., жертвы тифа, оспы и дизентерии 5,1 млн. чел. (Данилов В.П. За что погибли шестнадцать миллионов россиян? Юность. 1990. №10, с. 19.) По-видимому, цифра 16 млн. взята авторами, как разница между довоенной и послевоенной численностью населения с учетом нормального естественного прироста. Эта разница действительно составила почти 16 млн. (См. Население..., т.2)

Но во время гражданской войны и интервенции, прежде всего из-за разрухи, эпидемических болезней, холода и голода естественный прирост был отрицательным. Для сравнения можно привести пример России, где в 1990-х годах, в мирное время, среднегодовой отрицательный естественный прирост населения составлял -0,7 млн. чел.

Население Юга — 9 млн., из них 4 млн. рабов, Севера — 22 млн. Погибло на Юге — 250 тыс., на Севере — 320 тыс. (Шубарт В..., с. 20.)

213

чие потери неизвестны. В Чили в 1973 г. было замучено около 30 тыс. человек, что составляет 3% населения*. При этом надо учитывать, что в Чили фактически не было гражданской войны, террор и репрессии чаще всего осуществлялись против тех, кто никогда не держал в руках оружие. Примерно 300 тыс. прошли сквозь лагеря и тюрьмы, то есть около 3% населения, 500 тыс. чилийцев были высланы из страны.

Относительное количество погибших в гражданских войнах и последовавших репрессиях со всех сторон, в % от общей численности населения

	Бо евые потер и в гражд анско й войне	Погибшие и умершие с обеих сторон				Потери гражданск ого населения от военных действий, голода и эпидемиче ских заболевани й
		С т боле зней в арми и	О т репре ссий во время войны	О т репре ссий после войны	В концла герях и тюрьма х	
Росси я	5	7 ,8	1 1	~ 0,7	~ 0,3	~ 30
Финл яндия	1, 3	н /д	0- 3	3- 5	4-5	н/д
Испа ния	8, 6	5 -6	8	2, 7	~ 7	н/д

Данная таблица требует комментариев.

Во-первых, она показывает, что чем короче период террора, тем меньше количество жертв. Даже несмотря на то, что интенсивность террора в этом случае в несколько раз выше. Пример Финляндии, в которой среднемесячное количество жертв более, чем в два раза превышает показатели для России или Испании, весьма показателен, но за счет короткого периода террора общие потери оказались меньше. Той же тактики пытался придерживаться Столыпин во время первой русской революции, а позже большевики, объявив «Красный террор» также всего на 2 месяца, но начавшаяся интервенция не позволила реализовать эти планы.

Во-вторых, огромные санитарные потери от болезней и голода в России были связаны, прежде всего, с совокупной продолжительностью Первой мировой и гражданской войн, интервенции, общая длительность которых составила почти 80 месяцев. Полный развал экономики, сельского хозяйства привели к массовому голоду и болезням.

* Население Чили составляло тогда 9,89 млн. человек.

214

Только от тифа погибло больше людей, чем непосредственно в боевых столкновениях. Уже в феврале 1917 г. Деникин писал: «Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных для больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах»¹⁰²⁹. После этого мировая, а затем гражданская войны, интервенция и «союзническая» блокада непрерывно продолжались еще почти пять лет.

Представители Лейбористской партии Великобритании, посетившие Советскую Россию в 1920 г., в своем докладе отмечали: «Транспорт, который должен доставлять продовольствие из сельской местности в города, занят перевозкой продовольствия, снаряжения и людских масс на фронт. Паровозы, которые могли быть использованы, простаивают на рельсах из-за нехватки запасных частей для их ремонта, которые не могут быть доставлены в Россию по причине блокады. Цеха, предназначенные для производства инструментов,

сельскохозяйственной техники, станков, выпускают винтовки, снаряды... В 1918-1919 имелось более миллиона случаев сыпного тифа, причем ни один город или деревня в России или Сибири не избежали заражения. Вдобавок к этому, случались эпидемии холеры, испанки и оспы. Мыло, дезинфицирующие средства и лекарства, необходимые для лечения этих болезней, отсутствовали в России из-за блокады. 200 или 300 тысяч русских умерло только от сыпного тифа, половина докторов, осуществлявших уход за больными тифом, умерла при исполнении обязанностей»¹⁰³⁰.

Число погибших от инфекционных заболеваний было очевидно во много раз выше, чем могло представить себе воображение англичан. Так, например, начальник Уральского края Постников сообщал: «В губерниях тиф, особенно в Ирбите. Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1600... По-видимому, они все обречены на вымирание»¹⁰³¹. Генерал И. Данилов, попав в Бутырскую тюрьму, писал, что там в течение зимы 1919-1920 гг. только от сыпного тифа умирали десятки человек ежедневно. Он же приводил воспоминания офицера Уральского Казачьего Войска, который утверждал: «Не большевики нас сломили, а тиф, который занесли к нам большевики. Ведь общее число Казачьего Войска было 160 тыс. человек, теперь же нас осталось всего 40 тыс. На протяжении десятков верст можно было встретить станицы без одной живой души. Все вымерло»¹⁰³². И это только в одной Уральской области.

Другой очевидец писал, что вдоль «полотна великого Сибирского пути эпидемия начала косить людей без жалости и без разбора. Тысячи больных в непосредственной близости со здоровыми увеличивали число жертв. Попытка сдавать тифозных в поезда не помогала, так как везде выяснялось отсутствие медицинской помощи и самого необходимого для ухода за больными. Здоровые бежали в панике, а больные оставались на произвол судьбы и гибели. Вскоре можно было видеть чуть ли

215

не целые эшелоны, груженные окоченевшими трупами, которые стояли ужасающими привидениями на запасных путях железнодорожных станций»¹⁰³³.

Санитарные потери Финляндии и Испании неизвестны, но судя по продолжительности гражданской войны и климатическо-географическим особенностям, они должны быть в несколько раз меньше.

В-третьих, сравнение потерь показывает, что от репрессий в Финляндии и Испании, относительно России, погибло в несколько раз больше человек, чем непосредственно от боевых действий, причем уже после войны. В России же боевые потери были соизмеримы с величиной потерь от репрессий, причем большая часть их приходилась на период террора, осуществлявшегося непосредственно во время войны. При этом необходимо учитывать, что гражданская война в России началась как продолжение Первой мировой войны, то есть с радикализированным и вооруженным населением, в отличие от Финляндии и Испании, на территории которых мировой войны не было.

Потери от всех видов террора в России составили 1,5-2 млн. человек, общие прямые потери за время революции, гражданской войны и интервенции около 8 млн. человек. Какой величины достигли эти потери, если бы в России была установлена военная диктатура белых генералов, которые определяли «белую альтернативу» большевизму, как «левую политику правыми руками»? Пример Франко и Финляндии дают тому пример. Для этого белым генералам необходимо было уничтожить всех своих политических противников, в которых необходимо включить и не только солдат Красной Армии, большевиков и им сочувствующих, но и крестьян, не желавших расставаться с захваченной землей, националистов и т.д. Т.е. дополнительно к жертвам гражданской войны еще как минимум 6-8 млн. человек, или всего примерно 15 млн. человек, только прямых потерь.

В случае победы радикального либерализма включались бы экономические законы, которые гласят о том, что для утверждения капитализма должна существовать определенная экономическая база. Для этого необходимо либо привлечение огромных инвестиций, либо сокращение неэффективного с экономической точки зрения населения. Все великие страны, например, Англия и Франция, столкнувшись с этой проблемой, пошли по пути массовой эмиграции излишнего населения в колонии. Германия, не имевшая таких возможностей, пришла к фашизму и развязыванию двух мировых войн. А что же Россия? В России в 1900 г. «излишних» рук было 23 млн. человек, и привели они к революции 1905 года, а в 1913 их было уже — 30 млн.¹⁰³⁴ Только по одной этой причине в России не могли победить умеренные формы либерализма. Для утверждения либерализма в разоренной войной стране большая часть этих лишних рук вместе с семьями должна была бы быть уничтожена. Т.е. совокупные потери населения России в случае победы радикальных ли-

216

бералов должны были составить не менее 40-50 млн. человек. Впрочем, либералы их людьми не считали — для них это была «чернь».

Николай II

Стоит остановиться и еще на одной жертве гражданской войны, которую нередко относят к величайшему преступлению большевиков — казнь царской семьи. Но во-первых, арестовало царскую семью Временное правительство, во-вторых, «...кроме Временного правительства, большая вина лежит и на высшем обществе, которое, вместо того чтобы единодушно возвысить свой голос за принятие каких-нибудь мер к спасению царя и его семьи, поддерживало лживые обвинения против царской четы. Лишив царскую семью свободы, возбудив против царя и царицы следствие по обвинению в государственной измене, члены Временного правительства сами подготавливали почву неслыханного преступления большевиков», — указывает последний царский комендант В. Воейков¹⁰³⁵. Со своей стороны, официальный Лондон, отдавая себе отчет, чем это грозит царской чете, заявил, что до окончания войны въезд царя и его семьи в пределы Британской империи невозможен¹⁰³⁶.

В самой России с началом гражданской войны для офицерства, разочаровавшегося в либеральных и социальных лозунгах Временного правительства, основной движущей идеей стало не Учредительное собрание, а восстановление монархии. Об этом пишут практически все свидетели и участники тех событий, так, например, С. Волков, самым подробным образом исследовавший взгляды офицерского корпуса, констатирует, что они были в своем подавляющем большинстве промонархическими¹⁰³⁷. В. Голдин: «Англичане также отмечали, что большинство русских офицеров были сторонниками монархии»¹⁰³⁸. Командующий белой армией на Севере России генерал Марушевский объяснял причины промонархических убеждений офицеров следующим образом: «Должен сказать, что я считал это явление совершенно естественным, так как видел в нем проявление чувства долга, чести и верности принятым на себя обязательствам в момент вступления в состав офицерского корпуса. Несомненно, что чувства долга и верности сумели сохранить в себе элементы, еще не тронутые тлетворным влиянием революции — и вот отчего я позволяю себе говорить, что к монархическому течению примыкали лучшие представители кадрового офицерства, наиболее подготовленные для строевой работы»¹⁰³⁹.

Очевидно, что большевики опасались этих настроений. Так, один из большевистских лидеров Я. Свердлов обосновывал казнь царской четы тем, что

«нельзя оставлять им (белому движению) живого знамени, особенно в нынешних условиях»¹⁰⁴⁰. Сохранение жизни монархической семье вело к угрозе затягивания гражданской войны и, как следствие, к новым многомиллионным жертвам. Выбор у большевиков был не велик.

217

С другой стороны, монархи, поскольку их невозможно переизбрать, несут ответственность за свое правление головой. Троцкий писал по этому поводу: «В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была бы жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности»¹⁰⁴¹. И поэтому голову своим монархам рубили и англичане, и французы во время своих революций. Последние отрубили голову и жене короля, а заодно адвокатам, защищавшим их. В России, когда в 1881 году Александр II пал жертвой покушения, не революционеры, а Л. Толстой и В. Соловьев, независимо друг от друга, выступили за помилование убийцы¹⁰⁴². Кстати, сам Николай II воспринимал свою вероятную гибель как неизбежную жертву во имя спасения русского государства.

Кто виноват?

Осталось ответить на последний вопрос: кто виноват? По этому поводу существуют вполне объяснимые диаметрально противоположные радикальные точки зрения. Либералы ставят все жертвы гражданской войны в вину большевикам. Левые не только не отрицают революционного террора, но и считают его неизбежным. Однако при этом они указывают на объективный характер возникновения насилия. В чем причина революции и гражданской войны? Кто сорвал стихию русского бунта? Кто первым развязал гражданскую войну и террор? Кто виновен в затягивании гражданской войны? Что, белые убили меньше людей, чем красные?.. Либералы на эти вопросы не обращают внимания, они с первых дней превратили вопрос о жертвах революции в пропаганду, в инструмент борьбы за свои интересы. Именно на этой пропаганде вырастет фашизм.

Не меньшую опасность представляет демагогическая позиция тех, кто склонен обвинять всех сразу, например, А. Литвин пишет: «Террор и большевиков, и комучевцев, и колчаковцев был одинаково реакционным явлением — ведь убивали за право думать и жить не по предписанию свыше»¹⁰⁴³. По вине демагогии и популизма в человеческой истории пролилось больше крови, чем от всех революций вместе взятых. Именно они до основания расшатывают общество, приводя его на край хаоса и анархии, выход из которых может обеспечить только террор.

Беспощадный террор сопровождал все буржуазные революции, в том числе и английскую и французскую, русская социалистическая не была исключением. Революционный террор был объективной данностью тех времен. «Успех революции — высший закон, — подчеркивал Г.В. Плеханов на II съезде РСДРП. — И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться»¹⁰⁴⁴. Маркс за полвека до русской революции утверждал,

218

что для того чтобы преодолеть «кровавые муки родов нового общества, есть только одно средство — революционный терроризм»¹⁰⁴⁵. Вспомним, что этих же принципов придерживался лидер либеральной партии конституционных демократов П. Милюков. Вполне был прав И. Бунин, который писал 17 апреля 1919 г.: «Революция не делается в белых перчатках...Что ж возмущаться, что

контрреволюции делаются в *ежовых рукавицах*»...¹⁰⁴⁶

Террор являлся неизбежным следствием революции. Но ответственность за революцию революционеры несут в последнюю очередь. Н. Бердяев в работе «Царство духа и царство кесаря» писал: «Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого»... эта расплата за старое зло осуществляется с помощью нового зла...» ***Первопричина всех революций кроется в крайнем эгоизме и недальновидности правящего класса (элиты). Она не совершает массовых убийств и тотального террора, но при этом доводит общество до такого состояния, что последнее было вынуждено взяться за оружие, чтобы обеспечить свое выживание, человеческое достоинство и развитие. Революция в данном случае становится самообороной населения против реакционной власти.***

Террор и насилие продолжают до тех пор, пока одна сторона физически не истребит (подавит) другую, либо пока не иссякнут материальные источники сопротивления одной из сторон. И здесь на поле выходит третья сила, которая обеспечивает материальное обеспечение террора, превращая его в массовое убийство. В роли спонсора террора в 1917-1922 гг. выступили Англия, Франция, США... Без их помощи массовый террор был бы просто физически невозможен. Ни одна белая армия не могла бы просуществовать и нескольких месяцев, она не могла бы просто возникнуть без материальной и финансовой поддержки интервентов. Большевики в этих условиях были вынуждены защищаться. Д. Неру по этому поводу справедливо писал, что Красный террор в России вели люди, «загнанные в угол»¹⁰⁴⁷.

Но основные жертвы принесли не непосредственно боевые действия или террор, а голод и разруха, которые были следствием совершенно сознательной политики блокады и интервенции в Россию «великих демократий» — Англии, Франции и США. О том, что эта политика была полностью осознанной, говорят воспоминания Великого князя Александра Михайловича. В 1919 г. он записал свой разговор с представителем Клемансо, который утверждал необходимость установления блокады России, подобной той, которая «парализовала Германию во время войны... Вокруг России будет воздвигнуто как бы колоссальное проволоочное заграждение. Через короткое время большевики начнут задыхаться, сдадутся», а «русский народ получит повод, чтобы восстать». Великий князь отвечал: «Разве ваш шеф примет на себя ответственность за те страдания, которым подобный метод подвергает миллионы русских людей? Разве он не понимает, что миллионы русских детей будут от такой

219

системы голодать?»¹⁰⁴⁸ Голод и крестьянские восстания в России носили плановый характер и были заранее подготовлены из Лондона и Парижа. Асквит в этой связи справедливо утверждал, что необходимо «либо оказывать России помощь в полной мере, либо предоставить ее собственным силам»¹⁰⁴⁹. В противном случае интервенция и блокада ведут не к свержению большевизма, а к массовому истреблению и страданиям местного населения.

Политический истеблишмент Франции и Великобритании, обвинявший большевиков, бравших заложников, в варварстве, в то же время делал заложниками своей политики все население России, какие бы «самые светлые идеалы» за этим не стояли. За счет разрухи, голода и их последствий Клемансо, Черчилль, Лансинг и им подобные уничтожили миллионы русских людей, почти в десять раз больше, чем их погибло от белого и красного террора вместе взятых.

Победа большевиков была закономерной и отражала коллективную борьбу за выживание русского народа против внешней агрессии Великих держав. Большевики стали той цементирующей силой, которая обеспечивала выживание русского народа. Этот исход предсказывал Великий князь Александр Михайлович

в своем разговоре с представителем Клемансо: «Я уверен, что ваша блокада явится только орудием для пропаганды большевизма и объединит население России вокруг московского режима»¹⁰⁵⁰.

220

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС РЕВОЛЮЦИИ — СОБСТВЕННОСТЬ, СВЯЩЕННОЕ ПРАВО ИЛИ НАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ?

Теория и практика

«Право государства на национализацию частной собственности вытекает из общепризнанного принципа международного права о суверенитете государства. Исходя из принципа суверенитета, только внутреннее право государства регулирует вопросы приобретения, перехода и утраты права частной собственности, в том числе и утраты этого права в силу закона

«Правительства не следует отождествлять с частными собственниками, и потому нет основания считать, что государства имеют право, и тем паче, что они обязаны возвращать то, что ими приобретено незаконно».

*Дж. Сили*¹⁰⁵²

Национализацию — «попрание священного права частной собственности» — часто рассматривают как одну из основных причин возникновения гражданской войны и интервенции. Отрицание частной собственности действительно бросало вызов всему буржуазному (капиталистическому) строю. С другой стороны, национализация во время революции и войны является не столько плодом идеологии, сколько результатом объективно складывающихся условий — тенденций. Она

221

не была чем-то экстраординарным и во многом повторяла путь, которым прошли другие «цивилизованные страны». Для анализа можно выделить два основных типа принудительной национализации — реквизиционную и мобилизационную.

Реквизиционная национализация свойственна всем революциям. Так, во время французской и английской национализировали сначала земли и имущество церкви, затем короны и, наконец, побежденных врагов. Или, например, в США во время войны Севера и Юга собственность противников северян так же была национализирована. Характерной чертой буржуазных революций был раздел и немедленная реприватизация конфискованной собственности между правящей и военной верхушкой победителей. При этом использовались различные механизмы — от прямой раздачи до продажи за символическую цену. Даже в случае восстановления монархии, после революции, например, в Англии и во Франции, бывшие собственники национализированного и реприватизированного имущества, в том числе даже короли, получали в лучшем случае лишь сравнительно скромные компенсации за утраченную собственность. Одним из основных итогов любой революции был передел не только власти, но и в первую очередь собственности.

Реквизиционная национализация в период революции обладает правом «первичной легитимности», поскольку любые юридические нормы привязаны к определенному механизму хозяйствования, который в указанные моменты перестает действовать, следовательно прекращает действие и соответствующее право. Деникин отмечал: «Революция с точки зрения государственного строительства есть разрыв непрерывности (переход «порядок — хаос»). В это время утрачивает силу старый способ легитимации власти»¹⁰⁵³. Можно добавить, что в том числе и собственности.

После установления новых правовых норм, соответствующих новому общественному строю, приобретенные во время революции на основе «первичной

легитимности» права собственности, как и ее передел всегда корректировались в соответствии с правовыми основами и общественными интересами нового строя для обеспечения его стабильности. Классическим примером является период буржуазных революций в Англии и Франции, когда произошел переход от традиционных отношений к собственности — от «естественного состояния», свойственного феодальному строю, которое Гоббс охарактеризовал, как «отсутствие собственности, отсутствие владения, отсутствие точного разграничения между *моим* и *твоим*»¹⁰⁵⁴, к гражданскому, буржуазному, частному праву собственности, присущему капиталистическим отношениям. В этот период наряду с изменением общественных отношений произошло и изменение статуса собственности, и ее «революционный передел» в пользу новых владельцев. Изменение статуса собственности выполняло при этом роль одного из основных механизмов «передела».

222

Реквизиционная национализация — это крайний случай, поскольку подрывает основы общества. Но она настолько же и неизбежна в случае исчерпания своего потенциала развития существующим институтом хозяйствования. Реквизиция возможна только тогда, когда собственность, используемая неэффективными собственниками, в масштабах государства заводит общество в тупик, и в этом случае она полностью справедлива и легитимна. В принципе, частичная реквизиционная национализация в виде налогов, законодательных или договорных ограничений происходит непрерывно и носит эволюционный характер. Если этого не происходит, революционный передел неизбежен.

Мобилизационная национализация является инструментом сохранения экономики и промышленного производства во время войн и кризисов, когда традиционные рыночные механизмы, экономические отношения, стимулы разрушаются, исчерпываются или перестают действовать и не могут обеспечить эффективного функционирования экономики.

Мобилизационная национализация — это естественная защитная реакция здорового общества на вынужденные неблагоприятные — форс-мажорные — условия. Вариаций в данном случае множество, собственность может быть национализирована навсегда или только на время действия неблагоприятных условий, права собственника могут быть ограничены полностью или частично и т.д. Все зависит от конкретных условий. Например, в Венесуэле в 2003 г., во время кризиса, для сохранения стабильности в стране была осуществлена временная национализация отдельных предприятий. Во время Первой мировой войны Англия и Франция проводили соответствующую мобилизационную политику, существенно ограничивающую права частной собственности. Но мобилизационная национализация не может, в отличие от реквизиционной, продолжаться достаточно долго. Она предназначена для реализации последних внутренних резервов общества в целях его выживания, а не для эволюционного развития.

Именно в этом заключалась ошибка большевиков. В. Ленин абсолютно правильно трактовал мобилизационную национализацию, но накладывал ее на базу своих идеологических воззрений и вследствие этого приходил в итоге к ошибочным выводам, воспринимая частное за общее: «Если подумать о том, что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование... рабочие, прошедшие школу капитализма, объединены капитализмом... собственность, капиталистическая собственность, мелкая собственность в товарном производстве разъединяет. Собственность разъединяет,

а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете... Чем дальше, тем больше наши враги разъединялись. Их разъединила капиталистическая

223

собственность...»¹⁰⁵⁵ Однако политэкономические законы свернули даже коммунистическую идеологию и сам Ленин привел на смену мобилизационной политике военного времени Новую Экономическую Политику (НЭП).

Особый случай мобилизационной политики дает Германия. В кругу своих приближенных Гитлер не раз говорил, что он совсем не собирается истребить, как это было сделано в России, слой частных собственников. Сохранение собственности, утверждал Гитлер, не меняет сути дела. «Что значит владение собственностью, — продолжал он, — если я твердо охватил всех людей дисциплиной, из которой они не могут выбраться. Пусть владеют землей и фабриками сколько им угодно. Решающий момент — это то, что государство распоряжается через партию всеми, независимо от того, собственники они или рабочие. Наш социализм изменяет не внешний порядок вещей, а только отношение человека к государству. Собственность и доходы — экая важность, очень нужна нам социализация банков и фабрик! Мы социализируем людей»¹⁰⁵⁶. Очевидно, что здесь Гитлер придавал лишь новую идеологическую форму старому содержанию, которое Германия с успехом использовала во время Первой мировой войны — мобилизационную политику «военного социализма». Мало того, в плане реализации «программы Гинденбурга» в сентябре был принят «Закон о конфискациях и реквизициях в военное время», практически перечеркивавший право собственности. Очевидно, что начала этой политики уходят корнями в глубь веков и ее элементы, еще до XX века, не раз использовались прусским государством. Ленин использовал немецкий «военный социализм», как образец построения мобилизационной экономической политики России во время гражданской войны.

Социалистическая национализация

Права частной собственности настолько расширились, что права общества почти полностью исчезли, и едва ли будет преувеличением сказать, что благосостояние, жизненные удобства и гражданские свободы большинства населения брошены к ногам кучки собственников...

Дж. Чемберлен, начало XX века

Обратимся сначала к особенностям и краткой истории предмета: «Собственность возникает из агрессивных инстинктов человека»... она «укоренена не столько в нашем разуме, сколько в инстинктах...», — утверждал Г. Уэллс. — «У природного дикаря и у отсталого современного человека никаких ограничений в сфере собственности нет. Добытое

224

силой принадлежит победителю: женщина, пленник, пойманный зверь, лесная поляна—все что угодно... Собственность принадлежала тому, кто первый сделал, первый захватил, первый заявил о своем праве... Постепенно, по мере того как люди начинали понимать преимущества организованной жизни, им стали понятны неудобства такого рода неограниченной собственности. Уже при рождении люди попадали в мир, где все было давно поделено. Более того, они и сами оказывались чьей-то собственностью. Теперь трудно отыскать следы социальных конфликтов в первобытных цивилизациях», но уже в Римской республике «можно видеть, как возникла идея об антиобщественной сущности долгов и неограниченного землевладения. И наконец, великий революционер из Назарета радикально осудил собственность... Откуда возьмется свобода и равенство, если у большинства людей нет куса хлеба и клочка земли»¹⁰⁵⁷.

«Самые разные люди, — продолжал Г. Уэллс, — стремившиеся к одним и тем же целям (свободе и всеобщему счастью), с одной стороны, абсолютизировали собственность, а с другой — собирались ее уничтожить. Только в XIX веке стало понятно, что собственность — чрезвычайно сложное явление... Критика собственности до сих пор остается скорее эмоциональным феноменом, чем наукой... Мы имеем полный набор градаций, от крайних индивидуалистов, с трудом соглашающихся платить налоги, до коммунистов, отрицающих любую форму собственности»¹⁰⁵⁸.

Русская революция стала переломным моментом в истории человечества. Буржуазные революции ввели понятие частной собственности, социалистическая утвердила право общенародной собственности. Одним своим появлением она угрожала существованию всего капиталистического мира. Маркс, обосновывая этот тезис, писал: «Так как частная собственность, например, представляет собой не простое отношение и уж совсем не абстрактное понятие или принцип, а всю совокупность буржуазных производственных отношений, то изменение или вообще уничтожение этих отношений может, конечно, произойти лишь в результате изменения самих классов и их взаимных отношений...»¹⁰⁵⁹ Вполне понятно, что для капитала такие формулировки были страшнее, чем фашистская диктатура. Очевидно, что именно в этом смысле Бердяев понимал появление фашизма: «Возникновение на Западе фашизма, который стал возможен только благодаря русскому коммунизму, которого не было бы без Ленина... Вся западная история между двумя войнами определилась страхом коммунизма»¹⁰⁶⁰. Введение нового понятия собственности действительно изменяло и общественные отношения, и весь механизм хозяйствования. Чтобы разобраться в этих вопросах, мы вынуждены вернуться к современным понятиям теории собственности.

Первенство в установлении правовых основ гражданского общества обычно отдают Дж. Локку. По его мнению, естественными правами личности являются свобода, равенство и собственность. Однако в естест-

225

венном состоянии права собственности не гарантированы, поэтому для их обеспечения человеку необходимо отказаться от части своей свободы и передать ее обществу. Т.е. причиной перехода от естественного состояния к гражданскому обществу является ненадежность прав человека. «Взгляды Локка, — писал К. Маркс, — имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии для всех ее представлений»¹⁰⁶¹.

А. Смит развивал идеи Дж. Локка: «Сообразно этому, наилучшей экономической системой может быть только система «естественной свободы», где наиболее полно реализуется право частной собственности. В ней «каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса»¹⁰⁶². «Это, собственно, и есть система рыночной экономики, которая представлялась А. Смиту изначально данной и разумной, развивающейся по своим естественным законам. Государство не должно вмешиваться и диктовать свою волю ее субъектам; задача государственной власти состоит в том, чтобы создавать и поддерживать надлежащие условия для их предпринимательской деятельности»¹⁰⁶³.

Значительное влияние на А. Смита оказали французские философы и физиократы*, которые выдвинули теорию «общественного договора», согласно которой общество возникло путем договора объединившихся людей. «В соответствии с этим договором люди обязались оказывать друг другу взаимные

услуги. Вступая в общественную жизнь, они отказываются от части своей свободы в предвидении выгод, которые должна им дать жизнь в обществе. Они берут на себя определенные обязательства в отношении общества при условии обратных обязательств общества по отношению к своим членам. Люди объединились в общество, следуя чувству самосохранения и стремления к счастью. Права на жизнь, свободу и собственность — это основные, естественные и неотъемлемые права, отвечающие природе человека. В конечном счете, эти права могут быть сведены к праву собственности. Государство обязано гарантировать его своим членам и защищать с помощью законов, ибо собственность — первоначало и основа общественной жизни»¹⁰⁶⁴.

Все права собственности трактуются, как санкционированные обществом (законами государства, административными распоряжениями, традициями, обычаями и т.д.) поведенческие отношения между людьми, складывающиеся в связи с существованием благ и касающиеся их использования. Т.е., согласно основоположникам гражданского общества,

* Ж. Ламетри, Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах и представители французской школы политической экономии Ф. Кенэ, А. Тюрго и др.

226

«общественный договор, лежащий в основе происхождения государства, не создал никакого права. Он был заключен между людьми для того, чтобы гарантировать им соблюдение и защиту их естественных прав, в том числе и права собственности»¹⁰⁶⁵. Еще дальше пошли термидорианцы времен французской революции, которые считали, что собственность — не естественное, а абсолютное право. Если правом голоса обладает тот, кто платит 10 ливров, писал один из современников, то у того, кто платит 20, должно быть 2 голоса, а 1000 ливров — 100 голосов. Если можно избирать того, кто платит 20 ливров, то тому, кто платит 40, надо отдавать предпочтение¹⁰⁶⁶. На что один из памфлетов той эпохи, отвечал, что «природа, без сомнения, не в большей мере создала собственников, чем дворян»¹⁰⁶⁷.

Но вернемся к «естественному праву». Его появление было вызвано совершенно объективными причинами. Во-первых, известно, что распыленная собственность идет в первую очередь на потребление, тем более в условиях полунатурального хозяйства феодального строя. Индустриализация же требует огромных мобильных инвестиционных ресурсов. В то время их можно было получить только путем сжатия потребления большинства общества и концентрации капиталов в руках немногих. Во-вторых, переход от натурального хозяйства к конкурентному рынку требует резкого повышения интенсификации труда — эксплуатации.

На каких же правовых основаниях меньшая часть общества может изъять средства у подавляющего большинства, обрекая его тем самым на вымирание и нищету? Джон Локк дал ответ на этот вопрос в следующей формулировке: 1) индивиды имеют естественные права, которые превосходят по важности государственные, 2) правительство существует для обеспечения этих прав и обретает свою власть с согласия тех, кем оно управляет, 3) большинство не может изменить данные права, не нарушив принцип справедливости¹⁰⁶⁸. Противоречия формулировки Дж. Локка объясняются тем, что под индивидами, меньшинством он понимал только собственников, остальное большинство было лишь бесправной массой, они не имели естественных прав. Таким образом, в гражданском обществе правительство, да и само государство, становится прислугой собственника и служит только для обеспечения его прав.

Мэдисон, «главный архитектор конституции» США, в 1829 г. декларировал: «Человек и собственность — это два важнейших субъекта, для которых должно функционировать правительство; права человека и права собственности — два

объекта, для защиты которых должно быть учреждено правительство»¹⁰⁶⁹. И тут же Мэдисон указывал: «Единственная эффективная гарантия прав меньшинства должна базироваться на таких основаниях и структуре самого правительства, какие могли бы сформировать в определенной степени, прямо или косвенно, орган защиты прав меньшинства»¹⁰⁷⁰. Т.е. Мэдисон, декларируя святость принципа прав человека, тут же противопоставлял их незыблемости прав меньшинства, владеющего собственностью. Права человека и права

227

собственности вступали друг с другом в конфликт с первого же дня их появления на свет. Адам Смит говорил об этом вполне откровенно: «приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Правовым основанием частной собственности стал институт либерального гражданского государства. Очевидно, что на том этапе развития общества институт абсолютной частной собственности, несмотря на все его издержки, был так же неизбежен, как и необходим для всего общества, ибо обеспечивал его общее развитие. По сравнению с предыдущим феодально-монархическим строем радикальный либеральный капитализм был огромным прогрессом — для своего времени. Но уже с середины XIX века с развитием индивидуума и общества стали все ярче проявляться родовые противоречия гражданского общества. О какой демократии — власти народа — можно говорить, если либерально-капиталистическое государство защищает и обеспечивает права только меньшинства и дико боится большинства, то есть того самого народа, от имени которого говорит. В речах основоположников либерализма Джона Локка, Мэдисона сквозит откровенный страх перед неимущим большинством — народом, от которого надо защищаться посредством всей мощи государственной машины. Энгельс в полном соответствии с постулатами «архитекторов» либерального гражданского государства утверждал: «Государство есть «особая сила для подавления». В. Ленин был ближе к практической деятельности и поэтому более прагматично определял смысл гражданского государства: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются, так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии»¹⁰⁷¹.

Действительно, раз существование частной собственности обеспечивается только в рамках общественного договора, то есть всем обществом, значит, частная собственность, сконцентрированная у немногих, должна приносить положительный эффект для всего общества. Узурпация меньшинством этого эффекта в своих целях и является не чем иным, как диктатурой буржуазии. Демократия стала возможна только и исключительно с появлением социально ориентированного общества, когда государство стало служить большинству народа, лишь в этом случае вообще возможна реальная демократия. Сам Мэдисон был против перераспределительных функций государства. Конституция, как «хартия свободы», предполагала предотвращение «произвольных изъятий у одних граждан ради блага других»¹⁰⁷². И если за 100 лет до рассматриваемых событий эти принципы еще можно было считать прогрессивными, то уже в начале XX века доминирование радикальных либеральных принципов

228

становилось уже не столько прогнившим реакционизмом, сколько откровенным преступлением перед обществом.

Какова же в этом случае роль владельца частной собственности? Для ответа

на данный вопрос вернемся ненадолго к теории: А. Смит исходил из того, что «самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще»¹⁰⁷³. Но из простейшей производственной функции известно, что кроме труда к факторам производства относится еще капитал (например, земля). Лишение человека капитала не дает ему возможности реализовать права на собственный труд. Именно поэтому феодальное право подразумевало под собой единство двух прав собственности — на труд и капитал.

«Естественное право» образца XVII века разделяло труд и капитал, отдавая последний в частную собственность. Труд таким образом попадал в кабалу к капиталу. Реализацию прав капитала обеспечивало гражданское общество образца XVII века. В чистом виде такой образец общества, подразумевающий прямую эксплуатацию труда капиталом, не мог долго существовать. И в XVIII веке «естественное право» было дополнено «общественным договором», согласно которому капитал оставался частной собственностью, а людям гарантировались соблюдение их прав и свобод человека. Однако права и свободы могут быть реализованы только при наличии у человека капитала. Этот факт ведущие умы отмечали еще в XVII веке, он стал наиболее очевиден с развитием общества в XIX веке и нашел свое отражение в работах марксистов, выдвинувших альтернативное понятие общественной (социалистической собственности).

Таким образом, к XX веку существовали две противоборствующие теории собственности: частная и общественная. Каждая из них обладала своими достоинствами и недостатками. В непримиримой борьбе происходила эволюция обоих прав собственности в сторону друг друга. И постепенно в неясных чертах появлялась новая теория собственности, объединяющая реальные, а не декларативные, то есть материально обеспеченные права человека и сочетание общественной и частной собственности:

Во-первых, появилось понятие личной собственности. К «личной собственности» в той или иной мере можно отнести права и свободы человека, личный труд, таланты, образование, здоровье, предметы личного потребления, жилье и т.д. Впервые на «личную собственность», как ни странно, указывает Сталинская конституция. Бердяев замечал: «Советская конституция 1936 г. создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации. Назрел новый душевный тип с хорошими и плохими чертами. Но свободы человека все еще нет»¹⁰⁷⁴. Сталинская конституция действительно во многом носила декла-

229

ративный характер — она лишь показывала направление развития. Тем не менее конституция утверждала реальные достижения своего времени. В XX веке человеческая цивилизация пришла к тому, что **личная собственность в определенных размерах должна обеспечиваться и гарантироваться государством, поскольку без нее человек физически не может стать полноценным членом общества.** Например, без некоего уровня воспитания, образования или социальных гарантий ни один человек теперь не в состоянии стать в полном смысле слова человеком разумным. Развитие цивилизации предъявляет к человеку все более высокие требования, а следовательно, ведет к тому, что личная собственность приобретает все большее значение.

Во-вторых, происходило эволюционное развитие понятия «частной собственности», приходя в соответствие с логикой «общественного договора». Частный собственник выступал в нем в виде управляющего частью «общественной собственности», доставшейся ему волею судьбы. Так, например, М. Вебер писал: «Мысли об обязательстве человека по отношению к доверенному ему имуществу, которому он подчинен в качестве управителя или даже своего

рода «машины для получения дохода», ложится тяжелым грузом на всю его жизнь и замораживает ее. Чем больше имущество, тем сильнее, если аскетическое жизнеощущение выдержит искушение богатства, чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом во славу Божию»¹⁰⁷⁵. «Отсюда — отделение "дела" от дома, капитала от личного имущества»¹⁰⁷⁶. Б. Франклин предупреждал: «Остерегайся считать своей собственностью все, что ты имеешь, и жить сообразно с этим...»¹⁰⁷⁷

В итоге трактовка основного постулата частной собственности в XX веке претерпела существенные изменения. **С точки зрения демократического развития XXI века, морально оправданной может быть только одна трактовка основного постулата собственности — частный собственник — это управляющий общественной собственностью, в интересах и во благо общества.** Т.е. общественная собственность передается частному собственнику пускай и неявным (традиционным) образом в своеобразный «общественный кредит», по сути сходный с тем, с которым государственная власть отдается в «кредит доверия» избранному парламенту. Если собственник или парламент не платят «по долгам», они обречены. Злоупотребление частным собственником «кредитом», полученным по общественному договору, ведет к деградации гражданского общества и установлению «экономического рабства».

Именно массовое злоупотребление «общественным кредитом», восприятие частными собственниками этого «кредита» как «естественного права», принадлежащего только ему, превратило частных собственников с XVII века в феодалов, рабовладельцев капитализма и привело к возникновению альтернативных теорий собственности. В противовес частной собственности, основой которой является индивидуализм, появилось другое — общественное представление о собственности. Представители

230

раннего утопического коммунизма Т. Мор и Т. Кампанелла выступили не только против частной собственности, в которой они видели основу нищеты и неравенства, но и за упразднение собственности вообще. Эти мыслители описывали идеальное общество, основанное на принципах свободы, равенства, справедливости, общности имущества. Позднее подобного рода идеи развивались представителями утопического социализма — А. Сен-Симоном, Ш.Фурье и Р. Оуэном... [Идею уничтожения частной собственности и обобществления средств производства в разное время развивали и другие мыслители, в частности, Д. Уинстенли, Ж. Мелье, Г. Мабли, Э. Кабе, Т. Дезамн, В. Вейтлинг. В России наиболее видными представителями утопического социализма были В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов.]¹⁰⁷⁸

С отрицанием абсолютного права частной собственности выступала даже церковь: «В конце прошлого века папа Лев XIII выступил с энцикликой *Reum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II издал энциклику *Centesimus Annus*, в которой он, в частности, говорил: «Церковь учит, что собственность не является абсолютным правом, поскольку в ее природе как человеческого права содержится ее собственное ограничение... Частная собственность, по самой своей природе, обладает и социальным характером, основу которого составляет общее предназначение вещей». Особенно это касается собственности на землю: «Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей». В энциклике 1987 г. *Sollicitudo Rei Socialis* папа камнем на камне не оставил от представления о частной собственности как естественном праве: «Необходимо еще раз напомнить этот необычный принцип христианской доктрины: вещи этого мира изначально предназначены для всех. Право на частную собственность имеет силу и

необходимо, но оно не аннулирует значения этого принципа. Действительно, над частной собственностью довлеет социальный долг, то есть она несет в себе, как свое внутреннее свойство, социальную функцию, основанную как раз на принципе всеобщего предназначения имеющегося добра»¹⁰⁷⁹.

«Хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022). В частности, в Девятом "Огласительном слове" Симеон говорит: "Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит..."»¹⁰⁸⁰

Окончательное формирование к началу XX века теория общественной собственности приобрела в работах классиков марксизма-ленинизма.

231

Они видели переход к общественной собственности как результат эволюционного развития общества в сторону нового типа общественных отношений (от капитализма к социализму). Энгельс писал: «...Частная собственность существовала не всегда; когда в конце средних веков в виде мануфактуры возник новый способ производства, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, эта мануфактура, уже переросшая старые отношения собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность... теперь благодаря развитию крупной промышленности... эти могучие, легко поддающиеся увеличению производительные силы до такой степени переросли частную собственность и буржуа, что они непрерывно вызывают сильнейшие потрясения общественного строя. Поэтому лишь теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым»¹⁰⁸¹.

Частная собственность подвергалась самой радикальной критике. Маркс писал: «Если всякое нарушение собственности, без различия, без более конкретного определения, есть кража, то не является ли в таком случае всякая частная собственность кражей? Разве, владея частной собственностью, я не исключаю из владения этой собственностью всякого другого?»¹⁰⁸² Энгельс: «Выражение «национальное богатство» появилось впервые благодаря стремлению либеральных экономистов к обобщениям. Пока существует частная собственность, выражение это не имеет смысла. «Национальное богатство» англичан очень велико, и все же они — самый бедный народ в мире. Надо или вовсе отбросить это выражение или принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл»¹⁰⁸³. «...Пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности. Уничтожение феодального рабства сделало «чистоган единственной связью между людьми». Собственность — природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу — возводится благодаря этому на трон, и в конечном счете, чтобы завершить это отчуждение, деньги — отчужденная, пустая абстракция собственности, — делаются властелином мира. Человек перестал быть рабом человека и стал рабом *вещи*; извращение человеческих отношений завершено...»¹⁰⁸⁴

«В чем состоит право человека на частную собственность? — задавался вопросом Маркс,—Статья 16 (французской конституции 1793 г.) гласила: «Правом *собственности* называется право каждого гражданина пользоваться и

располагать *по своему усмотрению* своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего усердия». Право человека на частную собственность есть, следовательно, право по своему усмотрению (*a son gre*), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им; оно — право своекорыстия. Эта индивидуальная свобода, как и это использование ее, образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает

232

другого человека не как *осуществление* своей свободы, а, наоборот, как ее предел»¹⁰⁸⁵.

Манифест коммунистической партии гласил: «Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых... С того момента, когда личная собственность не сможет превратиться в буржуазную собственность, — с этого момента, заявляете вы, личность уничтожена. Вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме... буржуазного собственника. Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд. Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень. В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лени, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится»¹⁰⁸⁶. «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности... если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер»¹⁰⁸⁷.

Манифест продолжал: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения...»¹⁰⁸⁸ Несколько раньше Энгельс раскрывал механизм реализации этих мер, которые носили последовательно-эволюционный характер: «Ограничение частной собственности: профессиональный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т.д.), принудительные займы и т.д. Постепенная экспроприация... частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассигнатами»¹⁰⁸⁹. Однако тут же Энгельс указывал: «Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен... когда весь капитал, все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними...»¹⁰⁹⁰

Но полное отрицание частной собственности нивелирует основы развития и прогресса — конкуренцию и личный интерес, заводя об-

233

щество в тупик. Кроме этого, концентрация прав собственности в руках государства, на этапе социализма, делает его заложником этих прав, то есть все

риски, связанные с использованием собственности, будут перекладываться на все государство... Мы опять возвращаемся к тому, что Маркс и Энгельс, подвергая жесткой, справедливой критике существовавшие в те времена буржуазные нравы, не предлагали ничего взамен. Тезисы классиков марксизма в этом случае выглядели бы полным популизмом и демагогией, если к ним не относиться, как к идеологи своего рода новой религии. Ведь даже национализация, в понимании марксистов, не уничтожает капиталистический строй, а означает лишь становление государственного капитализма. В идеале, для Маркса «...способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства»¹⁰⁹¹ — что это, как не абсолютная абстракция, больше схожая с религиозным постулатом, чем с реальным законом человеческого развития. Марксовский коммунизм не более, чем царство божие на земле, и в этом плане ничем не отличается от любой другой религии, дающей только нравственные ориентиры, но не дающей и не могущей дать практических рекомендаций.

В. Ленин совершенно определенно констатировал этот факт после прихода к власти: «Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...»¹⁰⁹² Ленин отчетливо понимал, что переход к общенародной собственности — это дело далеко даже не завтрашнего дня: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил...»¹⁰⁹³ Т.е. переход к социализму по Ленину является результатом долгого эволюционного развития, включающим в себя создание соответствующей экономической базы, и даже в этом случае результат непредсказуем, поскольку в вопросе о собственности он предлагал опираться на опыт миллионов, то есть осуществлять свою политику не доктринерским, а эмпирическим путем.

Но этот эмпирическо-эволюционный путь в России 1917 г. был поставлен в жесткие рамки действительности. Троцкий отмечал: «Революция была бы, вероятно, более гуманной, если бы пролетариат имел возможность «откупиться от всей этой банды», как выразился

234

некогда Маркс. Но капитализм во время войны возложил на трудящихся слишком великое бремя долгов и слишком глубоко подорвал почву производства, чтобы можно было серьезно говорить о таком выкупе, при котором буржуазия молчаливо примирилась бы с переворотом. Массы слишком много потеряли крови, слишком исстрадались, слишком ожесточились, чтобы принять такое решение, которое им было бы не под силу экономически»¹⁰⁹⁴.

Национализации способствовало своеобразие отношения русских к частной собственности. Так, М. Вебер замечал, что в отличие от буржуазных революций в Западной Европе к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей буржуазии в

либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»¹⁰⁹⁵. С. Витте относит подрыв примата частной собственности у русских крестьян к земельной реформе 1861 г., принявший радикальные формы во время революции 1905 г. Витте передавал настроения крестьян того времени: «Собственность священна. — А при Александре II собственность не была священна, захотел и отобрал и нам дал. Значит, не хочет. Вот те рассуждения, которых держится крестьянство. Эти рассуждения есть результат самим правительством устроенного их быта, и затем, конечно, они раскалены бессовестным огнем революции»¹⁰⁹⁶. В. Шубарт, исследуя природу русского человека, в отличие от Витте и Вебера, приходил к выводу, что у русских понятие частной собственности было вообще изначально менее развито, чем на Западе. По мнению Шубарта, «у русских понятие о частной собственности выражено менее отчетливо, чем у римлян и европейцев... между моим и твоим у русских нет столь строгой границы, как у последних»¹⁰⁹⁷. В. Шубарт относит это свойство русских в их предпосылках к общественной собственности, которые были заложены в патриархальном укладе землепользования, в общине, в миру. Он объясняет это свойство русских не только отсталостью русской цивилизации от западной, но и особым складом русского характера, в котором «мы» всегда значило больше, чем «я», то есть общественные ценности имели приоритет перед личными. В. Шубарт находит в русском отношении к собственности историческую наследственность традиционного права: «Согласно древнейшему русскому понятию права, земля принадлежит Богу, крестьянин же имеет право лишь на «справедливое пользование» ею в той мере, насколько способен сам ее обрабатывать»¹⁰⁹⁸. Но тут же В. Шубарт видит и субъективные свойства русских, отличающие их от европейцев, — русский «как человек души, оказывал социализации вещественного мира меньшее сопротивление, чем человек предметный (европейский)»¹⁰⁹⁹.

235

Именно эти свойства русского человека наиболее ярко и полно проявились при национализации земли, которая произошла даже вопреки стремлениям большевиков.

Национализация Земли

Национализация земли на начальном этапе Октябрьской революции носила чисто реквизиционный, но не социалистический, а скорее профеодальный характер. Фактически это было возвращение к нормам доримского права, действовавшим в средние века во многих странах Европы и гласившим, что «земля должна принадлежать обществу и сдаваться в аренду тем, кто ее обрабатывает»*. В «Декрете о земле» (8 ноября 1917), указывалось: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа... Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем... переходят в распоряжение волостных земельных комитетов уездных советов крестьянских депутатов»¹¹⁰⁰. Может показаться, что национализация земли являлась логичным следствием большевистской идеологии, однако на самом деле большевики издавали «Декрет о земле» против своей воли, подчинившись в данном случае воле крестьянской стихии, за которой стояли эсеры. Социал-демократы, наоборот, указывали, «что идея «равной» и «справедливой» дележки и вообще всякой «дележки» наполнена

мелкобуржуазным и цеховым духом, противоречит техническому и экономическому прогрессу и в силу этого реакционна, эсеры отвечали, что эта идея направлена против собственности вообще и что к этой идее толкает нас политическая реальность»¹¹⁰¹.

Крестьянская стихия впервые на деле развернула свой лозунг «земли и воли» во время революции 1905 г. в массовых погромах помещичьих имений. Т. Шанин давал обзор выступлений делегатов двух съездов Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 г., на которых было достигнуто общее согласие относительно идеального будущего: «Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером

* Эта теория получила развитие в тезисе «общественного владения землей и частного ею пользования», сторонниками которой были, например, Г. Джордж в 1879, С. Гезель в 1904, Е. Отани в 1981, М. Кеннеди в 1985. (Henry George, *Progress and Poverty*, San Francisco, 1879; Yoshito-Otani, *Die Bodenfrage und ihre Lösung*, Arrow Verlag Gesima Vogel, Hamburg, 1981; М. Кеннеди *Деньги без процентов и инфляции*. — Швеция; Lilalex 1993, 96 с, с. 33.)

236

семьи или «трудовой нормой», то есть числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить»¹¹⁰².

Кадеты тогда выступили с наиболее умеренной аграрной программой, в которую входило платное, принудительное отчуждение сравнительно небольшой части помещичьих земель, обрабатываемых без привлечения наемного труда и имевших урожайность ниже, чем у окрестных крестьян. Но, как свидетельствует Витте: «Все министры высказались против мысли о принудительном отчуждении частновладельческих земель, как мере для увеличения крестьянского землевладения, причем как главный довод всеми выставлялся принцип неприкосновенности и «святости» частной собственности; я присоединился к заключениям моих коллег, но выразил сомнение в возможности объяснить народу неосуществимость принудительного отчуждения частновладельческих земель после того, как все великое освобождение крестьян было основано на этом принципе платного, принудительного отчуждения; такая мера в настоящее время, по моему мнению, невозможна, потому что она способна окончательно поколебать и без того расшатанное финансовое и экономическое положение России войной и смуту»¹¹⁰³. Вебер приходил к выводу, что либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян». Столыпин в 1907 г. с трибуны Думы заявлял: «...с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (*Голоса*: верно, правильно...) Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губительной для страны, а проект партии народной свободы (кадетов), то есть полуксpropriация, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий»¹¹⁰⁴.

Мало того, что национализация земли подрывала правовые основы общества, вела к анархии и революции, но и с экономической точки зрения она была полностью бессмысленной. Об этом Столыпин говорил в той же своей речи «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности»: «Поголовное разделение всех

земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах... придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается из цифр прироста населения... Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год... Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес.»¹¹⁰⁵ Таких запасов свободной пахотной земли не было даже в огромной России.

Тем не менее при выборах во Вторую государственную Думу крестьяне слали своим депутатам указы, относительно которых Т. Шанин

237

замечал: «Фундаментальная однородность требований по главным вопросам в указах, полученных из самых разных мест России, поразительна. Обобщенные данные, опубликованные историком С. Дубровским*, таковы. Требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100% документов, причем 78% хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59% требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, 84% требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100% документов), свободные и равные выборы (84%)»¹¹⁰⁶.

Требования крестьян не остались незамеченными, Столыпин тогда пришел к выводу, «что близко уже то время, когда нам придется встать перед вопросом экспроприации частновладельческих земель»¹¹⁰⁷. Премьер решает взять процесс в свои руки и предупредить спонтанное развитие событий. Он призвал Николая II начать с себя. Императрица-мать по этому поводу писала сыну: «Насчет кабинетских и удельных земель, которые эти свиньи хотят отобрать по программам разных партий... (Нужно,) чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и непоправимой ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, нужно, чтобы все были в этом убеждены»¹¹⁰⁸. Тем не менее поскольку «аграрное движение, охватившее всю Россию, побуждает его подумать о том, что царствующему дому следует стать во главе уступок земли неимущим крестьянам...», Николай II пошел «на продажу крестьянам 1 800 000 десятин удельной земли, состоящей у крестьян в аренде»¹¹⁰⁹.

Стремясь сохранить в неприкосновенности принцип частной собственности, Столыпин добился добровольной экспроприации помещичьих имений. Сделано это было простым, но весьма дорогостоящим способом: «Крестьянский банк так поднял цены на землю, что помещики стали предпочитать продажу имений риску самостоятельного хозяйствования»¹¹¹⁰. П. Милюков по этому поводу замечал, что П. Столыпин ««экспроприрует» казну в интересах 130 000 владельцев»¹¹¹¹. Продажа поместий стимулировалась тем, что «создавшееся отношение крестьян к помещикам делало невозможным не только жизнь в имении и ведение сельского хозяйства, но даже и арендное пользование имением»¹¹¹². «За короткий срок помещиками было продано около 10,5 млн. десятин земли»¹¹¹³.

* Выводы сделаны на основе анализа 146 документов Крестьянского Союза, 458 наказов и 600 петиций во II Думу и т.д.

238

Деятельность Столыпина вызвала шквал протестов справа. Так, П. Дурново

усмотрел в указе о Крестьянском банке «посягательства на священные права собственности»¹¹¹⁴. Союз земельных собственников нашел, что «политика нынешнего времени» губит «частновладельческое хозяйство и всю культуру страны из страха пред призраком народных волнений»¹¹¹⁵. В. Гурко заявлял: «Какая разница в том, каким путем нам снимут голову»¹¹¹⁶. В докладе на V съезде Объединенного дворянства он характеризовал деятельность Крестьянского банка, как «самое энергичное осуществление на практике социал-революционной земельной программы»¹¹¹⁷. Столыпину удалось погасить крестьянские волнения..., но лишь на время.

Всего через год после начала войны, в середине 1915 г., стали проявляться признаки «русского бунта», когда крестьяне снова, как и десять лет назад, стали захватывать помещичьи земли. Февральская революция привела к тому, что уже к октябрю почти все помещичьи земли были захвачены крестьянами, а стихия перебралась на спонтанное раскулачивание столыпинских хуторян и расказачивание богатых земель казаков. Р. Робинс, возглавивший американскую миссию Красного Креста, утверждал, что Запад должен заставить Временное правительство распределить землю между крестьянами — это единственный способ выбить почву из-под Ленина, перехватить лозунг «Мир, земля, хлеб» и восстановить боевую мощь русской армии. Нокс был категорически против поддерживаемых американцем реформ, считая, что они могут вызвать цепную реакцию: «Распределите землю в России сегодня, и через два года вы будете делать то же самое в Англии»¹¹¹⁸.

После Октябрьской революции вопрос о земле приобрел ключевое значение, за ним стояло 85% населения. В армию пишет Деникин: «Приезжало много прожектеров с планами спасения России. Был у меня, между прочим, и нынешний большевистский «главком», тогда генерал, П. Сытин. Предложил для укрепления фронта такую меру: объявить, что земля — помещичья, государственная, церковная — отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, которые сражаются на фронте. Я обратился, — говорил Сытин, — со своим проектом к Каледину, но он за голову схватился: «Что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!»¹¹¹⁹ Между тем аналогичную программу месяцем раньше предлагал генерал Корнилов в качестве одного из пунктов своей диктаторской программы*.

Позиция самого Деникина отражена в манифесте от 5 апреля 1919 г.: «Полное разрешение земельного вопроса для всей необъятной России будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю». Другими словами — надо ждать

* Схожую программу реализовал Кромвель во время Английской революции, разделив между солдатами революционной армии земли, захваченные в Ирландии.

239

чего-либо вроде Учредительного собрания, которое будет собрано после победы над большевиками. Но жизнь не ждет, — говорится далее в манифесте, — и необходимо принять меры, которые должны сводиться к следующему:

- а) обеспечение интересов трудящихся;
- б) сохранение за собственниками их прав на землю;
- в) часть земли может переходить от прежних владельцев (помещиков) к малоземельным путем или добровольных соглашений, или принудительно, но обязательно за плату;
- г) казачьи земли отчуждению не подлежат».

«Таким образом, — отмечал А. Егоров, — по этому закону крестьяне должны были вернуть помещикам полученную ими за время советской власти землю и ничего не получить взамен, так как неизвестно, кто должен производить отчуждение и определять в каждом отдельном случае порядок перехода земли к

крестьянам; да, кроме того, никакой платы за землю малоземельные крестьяне внести были не в состоянии. В дальнейшем Деникин совсем уже переходит все грани и возвращает свою «Великую Россию» к эпохе крепостничества, устанавливая барщину: третий сноп и половина трав помещику. А потому нет ничего удивительного в том, что крестьянство окончательно отходит от Добровольии»¹¹²⁰. «С продвижением армий Юга в глубь Украины и РСФСР помещики возвращались «к себе» в имения, и начиналась жесточайшая расправа с крестьянством с помощью доблестных добровольческих войск и специальных карательных отрядов. Деникин и Лукомский в своих воспоминаниях скорбят об этом печальном факте. Деникин даже отдавал грозные приказы, воспрещавшие «насилия». Но ведь им же изданный закон толкал на это помещиков»¹¹²¹.

В. Шульгин в это время писал из Одессы в своих «еретических мыслях»: «Я думаю, что без решения аграрного вопроса ничего не будет. Наш мужик при всем своем варварстве здоров душой и телом, невероятно настойчив в своих основных требованиях. Наши помещики дряблы и телом и духом, и здоровый эгоизм собственника, столь сильный у англичанина и француза, в значительной степени ими утрачен. У меня появилось внутреннее убеждение, что бороться в этом отношении бесполезно. Но если землю все равно надо отдать, то возникает вопрос: правильно ли мы идем, откладывая этот вопрос до воссоздания России? Ведь главное препятствие этого воссоздания и есть эта проклятая земля»¹¹²².

В основе большевистского «Декрета о земле» лежал проект аграрного закона партии *социалистов революционеров* (эсеров), который так разъяснял один из ее идеологов П. Вихляев: «Частной собственности на землю не должно существовать, земля должна перейти в общую собственность всего народа — вот основное требование русского трудового крестьянства»¹¹²³. 25 мая 1917 г. Всероссийский съезд крестьян в Петрограде отклонил проект резолюции кадетов о частной собственности на землю, и 80% голосов поддержал резолюцию эсеров об «общенародной собственности». В «Известиях крестьянских советов» 19 августа

240

1917 г. была опубликована сводка 242 наказов избирателей своим представителям на первом Всероссийском съезде крестьян. Сводный наказ гласил: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда». «Право пользования землею получают все граждане... желающие обрабатывать ее своим трудом». «Наемный труд не допускается». «Землепользование должно быть уравнительным, то есть земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме». Ленин отмечал в августе: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать... периодически снова уравнивать...» В ноябре 1917 года крестьянство проголосовало на выборах в Учредительное собрание за эсеровских кандидатов, выступавших с программой национализации земли, чем и обеспечило им победу.

Эсеры в вопросе о национализации земли шли гораздо дальше большевиков, которые выступали за национализацию только помещичьей собственности и даже не планировали национализации всей земли. Согласно большевистской идеологии, национализации должен был предшествовать длительный период накопления и развития производительных сил, деревня должна была экономически созреть для национализации. Но крестьянский характер революции в России вынудил большевиков одним из первых законов издать эсеровский «Декрет о земле». Однако при этом ключевой эсеровской тезис — о национализации всей земли был фактически дезавуирован Лениным.

Троцкий по этому поводу указывал: «...основной доклад (Ленина по декрету "О земле") вообще умалчивает о новой форме собственности на землю. Даже и не

слишком педантичный юрист должен прийти в ужас от того факта, что национализация земли, новый социальный принцип всемирно-исторического значения, устанавливается в порядке инструкции к основному закону. Но тут нет редакционной неряшливости. Ленин хотел как можно меньше связывать априорно партию и советскую власть в неизведанной еще исторической области. С беспримерной смелостью он и здесь сочетал величайшую осторожность. Еще только предстояло определить на опыте, как сами крестьяне понимают переход земли "во всенародное достояние". Рванувшись далеко вперед, надо было закреплять позиции и на случай отката: распределение помещичьей земли между крестьянами, не обеспечивая само по себе от буржуазной контрреволюции, исключало во всяком случае феодально-монархическую реставрацию»¹¹²⁴.

Сам Ленин говорил «Мы не можем обойти... постановление народных низов, хотя бы мы были с ними не согласны... Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, и пусть сами крестьяне решают все вопросы и сами устраивают свою жизнь». «Оппортунизм? Нет, революционный реализм»¹¹²⁵, — заключает Троцкий. По выражению Деникина, «Декрет о земле» стал аналогом «Брестского мира» в деревне. «Декрет о земле», по мнению Милюкова, сохранил русскую государственность, которой уг-

рожала крестьянская революция. «Декрет о земле» стал, таким образом, компромиссом с крестьянством и отвечал не столько целям и задачам большевиков, сколько вековым мечтам русского крестьянства и являлся неизбежной уступкой его «бессмысленной», но всемогущей в то время стихийной силе...

Промышленность

Промышленность демонстрировала другой тип национализации— мобилизационный. Он широко практиковался в России еще задолго до войны и выражался в выкупе частных железных дорог в казну. При Бунге было выкуплено 1344 версты, при Вышнеградском — 5858 верст, при Витте — 14116 верст, то есть почти столько же, сколько было вновь построено частными обществами. Мотивом выкупа частных железных дорог являлась необходимость мобилизации экономики для интенсификации ее индустриального развития. Сохранение некоторых дорог в руках частных обществ являлось лишь уступкою необходимости... Правительство полностью регулировало железнодорожные тарифы, приобретая тем самым влияние на направление торговли (в особенности на усиление экспорта) и способствуя ускоренному развитию пассажирского движения.

Кроме железных дорог, государству в лице морского и военного министерств принадлежали многочисленные казенные заводы. Несмотря на то, что в 1911 г., по показаниям В. Сухомлинова, Гучков, Путилов, Коновалов и другие начали «приватизацию» снарядно-патронного дела, в казне оставались Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский, Тульский, Сестрорецкий, Ижевские оружейные, Пермские орудийный и сталелитейный, уральские горные заводы и т.д. Казна владела миллионами гектаров земли. Но с началом тотальной войны оказалось, что и этого было недостаточно. Война требовала немедленной мобилизации всей промышленности...

Пример давала Великобритания. Д. Ллойд Джордж в 1915 г. отмечал: «...Мы оборудовали в различных частях страны 16 национальных заводов. Надзор за ними и управление будет в руках нации. Мы снабжаем эти заводы необходимыми машинами и рабочей силой. Часть этих машин получена непосредственно по

заказам от машиностроительных заводов, часть — путем реквизиции у существующих фирм... Преимущество национального завода по производству снарядов перед кооперацией нескольких (частных) существующих предприятий заключается в большей экономии средств. Мы убеждены, что сможем производить снаряды по гораздо более низкой цене, чем сейчас получаем их. Возможен будет лучший контроль, легче будет установить надзор за ходом работ и, как мы полагаем, будет меньше трений с рабочими. Мы полагаем, что рабочие, может быть, охотнее согласятся отказаться от своих стесняющих

242

их обычаев, работая на национальных заводах, где трудно предположить, что кто-либо извлечет выгоду, кроме нации...» «Мы распорядились подчинить непосредственному контролю правительства все наиболее значительные машиностроительные предприятия... мы вынуждены немедленно оборудовать 10 больших национальных заводов в добавление к шестнадцати существующим. Это будут правительственные предприятия, руководимые правительством...»¹¹²⁶ В Англии во время войны был введен контроль за уровнем заработной платы рабочих и прибылей предпринимателей, могли конфисковываться любые ресурсы и производственные мощности. Ллойд Джордж в 1915 г. заявлял: «Можем ли мы достичь этой важнейшей цели, не применяя на время войны дальнейших принудительных мероприятий, которым должны беспрекословно подчиняться все граждане? Что касается предпринимателей, то, как я уже указал, мы решили, что возможность прибегать к мерам принуждения имеет существенное значение для наилучшего использования их ресурсов...»¹¹²⁷ Напомним, что Англия в 1915 г. еще даже толком не вступила в войну...

В США с вступлением в Первую мировую в 1917 г. правительство фактически национализировало океанские перевозки, железные дороги, телефон и телеграф. Оно стало контролировать взаимоотношения рабочих с администрациями компаний, продажу ценных бумаг, сельскохозяйственное производство, распределение угля и нефти, международную торговлю и т.д. Было создано несколько квазигосударственных компаний по производству военной продукции. Финансирование войны осуществлялось за счет инфляции и заимствований. Был введен новый прогрессивный подоходный налог и налог на прибыли предприятий. По мнению Дж. Хьюза, «стратегия мобилизации с помощью инфляции и прогрессивного налогообложения доходов была отражением перераспределения доходов в пользу наемных рабочих». Эти меры жесткой мобилизационной политики предпринимались самой мощной страной мира, находящейся в нескольких тысячах километров от реальной войны, после золотого дождя многомиллиардных военных прибылей предшествующих лет.

Россия не имела, подобно Англии или США, лишних лет для подготовки к войне. Поэтому мобилизацию экономики и промышленности нужно было делать на ходу. Ее жизненную необходимость подчеркивал в своих воспоминаниях А.Деникин: «...Уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом телеграфировал в Ставку: «Источники пополнения боевых припасов иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»...»¹¹²⁸ Уже в начале 1915 года, по словам М. Лемке, «все хозяйство страны было расшатано, все пришло в полный хаос, не выдержало испытанных потрясений, и России грозили неисчислимые бедствия»¹¹²⁹.

Только поражения русских армий 1915 г. и полученный **«кровавый опыт привел(и), наконец, к простой идее мобилизации русской**

243

промышленности, — вспоминал Деникин, — И дело, вырвавшееся из мертвящей обстановки военных канцелярий, пошло широким ходом... Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 года армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами...»¹¹³⁰ Так, до мобилизации Путиловский завод почти не делал 6-дюймовых снарядов, после — он стал давать почти половину всего изготовленного в России их количества. После мобилизации всей оборонной промышленности к 1917 г. военное производство в России выросло в 2,3 раза, полностью удовлетворяя потребности фронта в оружии и боеприпасах. Производство одних снарядов выросло в 40 раз. Снарядов наделали столько, что их хватило на всю гражданскую войну и даже в 1941 г. Красная Армия использовала шрапнели 1917 года выпуска.

На обратную сторону политэкономии войны в своем докладе Николаю II указывал начальник главного артиллерийского управления (ГАУ) — генерал Маниковский. Его данные говорили о массовых злоупотреблениях среди российских промышленников, завышавших цены на свою продукцию. Так, только по артиллерийским выстрелам переплата к исходу 1916 г. составила 1094 млн. рублей.. Если на казенном заводе 122-мм шрапнель обходилась в 15 рублей, то частный завод получал 35 рублей, 76-мм — соответственно 10 и 15 рублей, 152-мм фугас — 42 и 70 рублей и т.д... 3-дюймовая пушка стоила 7 тыс. и 12 тыс. рублей... Маниковский отмечал: «Наша промышленность, особенно металлообрабатывающая, взвинтила цены на все предметы боевого снабжения до степени, ни с чем не сообразной... Хотя при сравнении заготовочных цен наших союзников с ценами нашей частной промышленности и выясняется, насколько дешевле им обходятся предметы боевого снабжения в сравнении с нами, но все же следует отметить, что в общем гг. промышленники — и наши, и в союзных странах — проявили неумеренные аппетиты к наживе»¹¹³¹.

Действительно, «сверхприбыли не стеснялись грести предприниматели и во Франции, и в Германии, и в Англии. Так, французские фирмы по производству стали за год увеличили барыши вчетверо. А когда во Франции решили ввести дополнительный налог на сверхприбыли, то прикинули, что увеличение дохода фирм на 20-30% по сравнению с довоенным надо считать не «сверх», а «нормальным». И взяточничество там было вполне легальным — чиновнику, ведавшему распределением заказов, предлагали «войти в долю», по французским законам это не возбранялось, и парижские бизнесмены даже удивлялись, почему русские военные представители... отвергают подобные предложения»¹¹³². Даже когда в конце 1917 г. во Франции вспыхнули забастовки рабочих, «некоронованные и даже не всегда гласные властители французского капитала продолжали наживаться на военных заказах»¹¹³³. В Англии предприниматели для извлечения дополнительной прибыли задерживали поставки в ожидании повышения цен или снижали расценки в ответ на повышение рабочими выработки (к чему призывало рабочих прави-

244

тельство). Контроль за прибылью распространялся на поставки только для своей армии. На поставки союзникам норма прибыли повышалась в среднем на 20%. В то же время во Франции и Англии действовали строгие законы, ограничивающие рост заработной платы...

Русский военный агент во Франции А. Игнатьев вспоминал: «Третий год войны разрушил все мои о ней представления. Она обратилась в какое-то мировое предприятие, в котором тыл открывал с каждым днем все новые возможности легкой наживы и спекуляции. Мне, воспитанному на скромных началах, французская бережливость и экономия казенных средств в первые месяцы войны

приходились особенно по вкусу. Теперь же, когда и промышленники, и банкиры, наживавшиеся на казенных заказах, влезли в роскошные служебные кабинеты, а французские министерства по их примеру реквизировали для себя целые особняки и отели, — бороться с организованной в государственных масштабах спекуляцией становилось все труднее. Франция уже изменяла свое лицо»¹¹³⁴.

Погоня за сверхприбылью захлестнула даже такой вышколенный экономический механизм, как германский. По словам Людендорфа, «прибыль, граничащая с ростовщицеством, не могла быть терпима... я глубоко сожалел о том, что нам не удалось ее искоренить... Спекуляция за счет войны представляет собой отвратительное явление, приносящее своим разлагающим влиянием неисчислимый вред»¹¹³⁵. Людендорф продолжал: «Торговля из-под полы и спекуляция приняли с течением времени отвратительные формы и разлагающе действовали на нашу нравственность... Многократные предложения имперскому канцлеру... искоренить торговлю из-под полы, а также чрезмерную предпринимательскую прибыль и заработную плату, как того требовало сохранение нашей боеспособности, остались безрезультатными»¹¹³⁶.

В России существовали свои механизмы получения сверхприбыли и «чиновничьей доли», чему способствовало распределение заказов военного министерства через «общественные» Военно-промышленные комитеты, многие заказы просто разворовывались, а в России даже отсутствовала статья о наказании за коррупцию. «Когда сидишь в Ставке, видишь, что армия воюет, как умеет и может; когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна... ворует. Все воруют, все грабят, все хищничают. И не надо очень глубоко вдумываться, чтобы понять еще больший ужас: страна ворует именно потому, что армия воюет; а армия воюет потому, что страна в лице своих буржуазных правителей предпочитает воровать... Бешеные цены, которые платит казна за все, создает у всех на глазах молниеносных миллионеров, иногда в несколько часов... Лицемерный крик «Все для войны!» искренен только у несмышленных или наивных единиц; массы грабителей и воров держат его искусственно на высоких нотах патриотизма. В этой стране нет понимания ее собственных интересов, потому что у массы нет понимания самой страны. Россия, как таковая, всем чужда; она трактуется как отвлеченная категория. Все казенное и народное — это мешок, из которого

245

каждый черпает, сколько может захватить... «Черт с ними со всеми, лишь бы сейчас урвать» — вот девиз нашего массового государственного и народного вора...» Россия — это «страна, где каждый видит в другом источник материальной эксплуатации, где никто не может заставить власть быть сколько-нибудь честной...»¹¹³⁷

М. Лемке продолжал: «Торгово-промышленный класс... Без органов и организации он крепко объединился и разоряет страну, как дикарь. Все это возможно в такой стране, где нет разумной и знающей жизнь власти, ни любви к родине, ни понимания своих элементарных гражданских обязанностей... Государственная Дума не внесла в это дело корректив: она принципиально высказалась против крутых административных мер..., и не указала ни на какие другие меры... Россия попала в безвыходное положение... Мы летим на всех парах к какому-то страшному краю, к тому ужасному концу, который никому неясен, но неизбежен...»¹¹³⁸

«В конце ноября 1916 года с кафедры Государственной Думы были оглашены некоторые «военные прибыли» за отчетные 1915-1916 гг.: Товарищество Рябушинских — 75% чистой прибыли; Тверская мануфактура—111%; Товарищество меднопрокатного завода Кольчугина—12,2 миллионов рублей, при основном капитале 10 миллионов»¹¹³⁹. Валовая прибыль пяти крупнейших

акционерных обществ Урала: «Богословское общество, имевшее в 1913 г. около 4 млн. валовой прибыли, получило в 1916 г. свыше 10,5 млн; Белорецкое общество, имевшее в 1913 г. 0,86 млн. руб., в 1916 г. — 2,17 млн и т.д. В общем, за два года войны валовая прибыль увеличилась в три раза»¹¹⁴⁰. При этом объемы производства этих обществ в натуральном выражении сократились¹¹⁴¹.

Главное артиллерийское управление (ГАУ) под руководством генерала Маниковского разработало программу полной мобилизации промышленности, которая тесно перекликалась с появившимися два года спустя «тезисами» В. Ленина: «Все воюющие государства, испытывая крайние тяготы и бедствия войны, испытывая — в той или иной мере — разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали целый ряд мер контроля, которые почти всегда сводятся к объединению населения, к созданию или поощрению союзов разного рода, при участии представителей государства, при надзоре с его стороны и т.п. Все такие меры контроля общеизвестны, об них много говорено и много писано, законы, изданные воюющими передовыми державами и относящиеся к контролю, переведены на русский язык или подробно изложены в русской печати... Если бы действительно наше государство хотело деловым, серьезным образом осуществлять контроль, если бы его учреждения не осудили себя, своим холопством перед капиталистами, на "полную бездеятельность», то государству оставалось бы лишь черпать обеими руками из богатейшего запаса мер контроля, уже известных, уже примененных. Единственной помехой этому, — помехой, которую прикрывают от глаз народа кадеты, эсеры и меньшевики, — было и остается то, что контроль обнаружил бы бешеные прибыли капиталистов и подорвал бы эти прибыли»¹¹⁴².

246

Инициативы начальника ГАУ А. Маниковского встречали ожесточенное сопротивление промышленников. На защиту последних неожиданно встал Николай II. На причину этого проливает свет разговор А. Маниковского (М) с Николаем II (Н):

«(Н) На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии,

(М) Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1000% барыша*,

(Н) Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

(М) Ваше Величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

(Н) Все-таки не нужно раздражать общественное мнение»¹¹⁴³.

Н. Яковлев приходит к очевидному выводу — Николай стремился откупиться от буржуазии «в экономическом отношении, чтобы ослабить ее политическое давление»¹¹⁴⁴.

Такое «умиротворение» либеральной общественности и буржуазии за счет разорения экономики государства привело к все углубляющемуся массовому обнищанию населения. Рабочие ответили ожесточением стачечной борьбы. Количество стачек за 2 первые года войны выросло почти в 20 раз**. Ситуация резко осложнялась тем, что «милитаризация промышленности легла тяжким бременем на население, — отмечал Деникин, — ибо, по исчислениям министра Покровского, армия поглощала 40-50% всех материальных ценностей, которые создавала страна... В социальном отношении война углубила *рознь* между двумя классами — торгово-промышленным и рабочим, доведя до чудовищных размеров прибыли и обогащение первых и ухудшив положение вторых приостановкой некоторых профессиональных гарантий, ввиду военного положения, прикреплением военнообязанных к определенным предприятиям и более тяжелыми условиями жизни, ввиду общего повышения цен и ухудшения питания»¹¹⁴⁵. В результате в 1916 г. количество бастующих выросло по сравнению

с 1915 году почти в два раза: с 571 тыс. до 1172 тыс. человек.

Не способное ограничить сверхприбыли и аппетиты промышленников, правительство попыталось хотя бы частично снизить масштабы спекуляции, прямо ведущей к разрушению экономики страны. Шагом на этом пути стала реализация предложения генерала Алексеева по созданию особой оперативно-следственной комиссии генерала Н. Батюшина. В нее вошли лучшие специалисты контрразведки для борьбы с саботажем и экономическими диверсиями. В. Шамбаров пишет: «...Работать она начала очень результативно. Был арестован банкир Д.И. Рубинштейн, связанный с продажей за границу зерна, перекачкой за рубеж

* По данным военного министра Шуваева, «300-400% наживы с военных заказов являются обычными; а иногда эта прибыль доходит до 1000-1200%». (Лемке М.К..., 1916, с. 485.)

** Если в августе — декабре 1914, по официальным данным, произошло 70 стачек, то в 1915 — 957, в 1916 — 1416.

247

денег и ценностей, игрой на понижение русских ценных бумаг. А заодно и владелец контрольного пакета акций самой популярной газеты «Новое Время», заливавшей страну потоками грязи и «негатива»... Открылось дело уральских предпринимателей, вывозивших за рубеж золото и ценные легирующие добавки в неотработанных шлаках. В Одессе зацепили заводчиков Шапиро, Раухенберга и Шполянского, сбывавших «налево» стратегическое сырье. Открылось «дело мукомолов», завязанных со спекуляциями хлебом на Волге. Заинтересовались фирмой Нобеля, вывозившей через нейтралов керосин. Арестовали братьев Животовских, организовавших мощнейший канал контрабандного вывоза сахара через Персию (чистый «навар» от этого, только у самих Животовских, составил за год 75 млн. руб.). А от них потянулась ниточка к «Всероссийскому обществу сахарозаводчиков»... А дальше открылось, что сахарозаводчики связаны с... Внешторгбанком и Международным банком, и во втором из них при обыске нашли документы, подтверждающие агентурную информацию о контактах с немцами... Причем, выяснилось, что после ареста Рубинштейна как раз «Всероссийское общество сахарозаводчиков» сразу перекупило акции «Нового Времени». Как все знакомо, не правда ли?» — замечает В. Шамбаров¹¹⁴⁶.

Однако «...все это кончилось... ничем. Ни одно из перечисленных дел не дошло даже до суда... Перевод денег и продажа продовольствия в нейтральные страны преступлением не являлись... Оперативную информацию, полученную от агентуры или от расколовшихся арестованных, прокуратура и судебные следователи доказательствами не признавали. Впрочем, хватало и строгих доказательств — по делам сахарозаводчиков и банкиров были изъяты целые вагоны уличающих их документов, — но продолжает В. Шамбаров, — тем временем на комиссию подняла вой вся общественность!... Давление пошло со всех сторон... Либералы обвиняли комиссию Батюшина в "беззакониях", обыски и изъятия документов трактовались как разгул реакции и общенациональные трагедии». Николай II не решился идти на обострение отношений с «деловым миром» и закрыл все дела, в его резолюции указывалось: «Дело сахарозаводчиков прекратить, водворить их на места жительства, где усердною работою на пользу Родине пусть искупают свою вину, ежели таковая за ними и была». Саму комиссию Батюшина постарались смешать с грязью... вплоть до возбуждения встречных исков о «незаконных» арестах и обысках...»¹¹⁴⁷

Полным провалом закончилась и попытка А. Маниковского реализовать его «Программу» мобилизации промышленности, усилия ГАУ «находили лишь слабый отклик в правительственных кругах, напротив, гг. промышленники пользовались там особым покровительством и всегда умели находить верный путь к осуществлению своих планов... Лучшей иллюстрацией к этому может

служить то обстоятельство, что тотчас же после февральского переворота гг. промышленники настояли на образовании особой комиссии с преобладанием их для уничтожения казенного строительства, что и было ими успешно выполнено»¹¹⁴⁸.

248

Действительно, после Февральской революции первым делом либеральная демократия взяла реванш и сняла все государственные ограничения на частный бизнес. Это привело к бешеному росту спекуляций и инфляции. Так, например, министр юстиции Временного правительства В. Переверзев на III-м съезде военно-промышленных комитетов в мае 1917 г. докладывал: «Спекуляция и самое беззастенчивое хищничество в области купли-продажи заготовленного для обороны страны металла приняли у нас такие широкие размеры, проникли настолько глубоко в толщу нашей металлургической промышленности и родственных ей организаций, что борьба с этим злом, которое сделалось уже бытовым явлением, будет не под силу одному обновленному комитету металлооборудования»¹¹⁴⁹. При этом «петроградская власть больше всего боялась обвинения в недостаточной демократичности»¹¹⁵⁰.

С другой стороны, по свидетельству А. Деникина, в промышленности «...повторилась история с командным составом армии: организационно-технический аппарат был разрушен. Началось массовое изгнание лиц, стоявших во главе предприятий, массовое смещение технического и административного персонала. Устранение сопровождалось оскорблениями, иногда физическим насилием, как месть за прошлые фактические и мнимые вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи в состоянии переносить того тяжелого нравственного положения, в которое ее ставила рабочая среда. При нашей бедности в технически образованных людях эти методы грозили непоправимыми последствиями. Как и в армии, комитеты избирали и ставили на места ушедшего персонала зачастую совершенно неподготовленных и невежественных людей. Местами рабочие захватывали всецело в свои руки промышленные предприятия — без знания управления ими, без оборотных средств, ведя их к гибели, а себя — к безработице и обнищанию. В уральской промышленности, например, из 20 руководителей предприятий к середине 1917 года осталось 4»¹¹⁵¹.

Деникин объяснял провал либеральной экономической политики Временного правительства тем, что «особенно разрушительное влияние на промышленность оказали чудовищные требования повышения заработной платы, несообразные ни с ценой жизни, ни с продуктивностью труда, ни с реальными платежными способностями предприятий, — требования, значительно превосходившие всякие сверхприбыли... Сообразно с таким направлением промышленной деятельности и психологии рабочих масс, предприятия стали гибнуть, в стране появился громадный недостаток предметов первой необходимости, и цена на них возросла до крайних пределов. Как один из результатов такого расстройств хозяйственной жизни страны — рост цен на хлеб и нежелание деревни давать городу продовольствие»¹¹⁵².

Поясняя свою мысль, Деникин приводил следующий пример: «В Донецком бассейне 18 металлургических предприятий, владея основным капиталом в 195 млн. рублей, за последний год получили 75 млн. валовой прибыли и выдали дивиденд на 18 млн. руб; между тем рабочие требовали

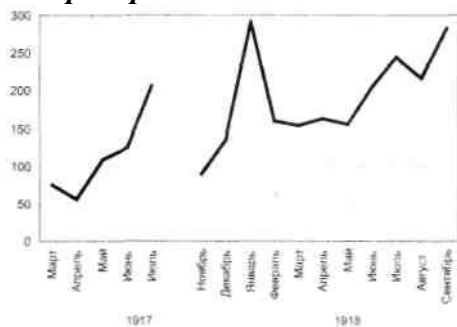
249

увеличения заработной платы на 240 млн. Промышленники в ответ предлагали прибавку в сумме 64 млн., но рабочие и слышать не хотели об этом». В общем, «ставки рабочей платы возросли на 200-300%, а прядильщикам московской текстильной промышленности — и на 500% в сравнении с 1914 г.»¹¹⁵³ Причиной опережающего роста требований повышения заработной платы стала

галопирующая инфляция — рост товарных цен составил почти 1000%¹¹⁵⁴, то есть в разы опережал рост заработной платы. Причем наибольший рост цен был на товары первой необходимости, он значительно превышал общий уровень инфляции.

В этот период промышленники уже почти не шли на компромисс с рабочими, даже при крайне умеренных требованиях со стороны последних. Так, по свидетельству Н. Суханова: «Пароходная фирма, имевшая за год прибыль в 2,5 млн. рублей, объявила локаут рабочим и служащим, предъявившим требование прибавок в общей сумме на 36 тыс. рублей»¹¹⁵⁵. Объявление локаутов и закрытие предприятий в ответ на требования рабочих о повышении заработной платы стали повсеместными. И объяснялись они не столько требованиями рабочих, сколько темпами роста инфляции, при которых промышленное производство становилось экономически невыгодным. Временное правительство своей либеральной политикой всего за несколько месяцев само загнало себя в тупик. С апреля 1917 г. начинается всплеск закрытия крупных и средних предприятий. В мае 1917 года было закрыто 108 заводов.

Количество закрытых до июля 1917 г.* и национализированных с ноября 1917 г. предприятий

«Московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле снизила выпуск продукции на 32%, производительность петро-

* Далеко не полный перечень только зарегистрированных закрытий предприятий. (Деникин А.И. (I)...., с. 160.)

градских фабрик и заводов снизилась на 20-40%, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к июлю — на 30% и т.д. Расстроилась добыча нефти на бакинских и грозненских промыслах». Летом простаивали уже 40% металлургической промышленности и 20%) — текстильной, к июлю было закрыто 20% всех петроградских промышленных заведений. Временное правительство в этих условиях было вынуждено расширить регулирующую деятельность государства, введя госмонополию на ключевые продукты питания и потребительские товары, в том числе и на уголь. В это время кризис начинал приобретать обвальный характер. Промышленное производство за 1914-1917 годы сократилось на четверть: спад добычи железной руды составил 43%, выплавки стали — 28%, производства хлопчатобумажных тканей — 47%, на треть упал сбор зерна¹¹⁵⁶.

После Октябрьской революции, несмотря на лозунги об отмене частной собственности, ликвидировать ее полностью большевики не собирались. Однако, как отмечает С. Кара-Мурза: «В промышленности события пошли не так, как задумывалось, начался процесс двух типов — "стихийная" и "карательная" национализация»:

Стихийная национализация проходила под лозунгом рабочих «все наше», который по смыслу был аналогичен лозунгу крестьян «земли и воли». Английский историк Э. Карр в своем грандиозном труде¹¹⁵⁷ писал, что в первые

месяцы после Октября: «Большевиком ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку»¹¹⁵⁸. А. Рыков признавал в мае 1918 г., что «этот совершенно неоформленный метод перехода отдельных предприятий в руки рабочих стал исчезать только в последнее время. Первые месяцы прошли в борьбе, в столкновениях на каждой фабрике, на каждом заводе между администрацией и рабочими. Национализация производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений...»¹¹⁵⁹ Стремительный развал промышленности привел большевистское правительство к необходимости быстро «навести порядок» в отношениях собственности, распустить заводские комитеты и «разъяснить» рабочим, что заводы и фабрики принадлежат не им, а государству¹¹⁶⁰.

Другой мерой, направленной на подавление стихийной национализации, было введение понятия карательной национализации, которая началась с принятия 17 декабря 1917 г. «Декрета о рабочем контроле». Согласно декрету, национализации подлежали промышленные пред-
251

приятия, владельцы которых противодействовали рабочему контролю. «Рабочий контроль» стал результатом эволюционного развития «рабочих групп военно-промышленных комитетов», созданных по инициативе промышленников в конце 1915 г. для «дисциплинирования» рабочих.

Сразу после Февральской революции деятельность «рабочих групп» приобрела прямо противоположный характер, теперь уже рабочие пытались контролировать и «дисциплинировать» промышленников. О причинах такого перелома в апреле 1917 г. писал С. Войтинский: «...У рабочих было стремление сохранить производство, повысить выработку — особенно в предприятиях, работавших на оборону»¹¹⁶¹. Эти тенденции были закреплены в декларации Временного правительства от 6 мая, в которой говорилось: «Правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим проведением и государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов...»¹¹⁶² Тогда же Временное правительство попыталось развить участие рабочих в управлении предприятием в виде «согласительных комиссий» и «совместных совещаний» предпринимателей и рабочих.

Однако на практике эти начинания оказались лишь благими пожеланиями. В. Ленин отмечал в сентябре 1917 г., в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Происходит повсеместный, систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства... Современный, новейший, республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах "горячо" признают "принцип" контроля и необходимость его, но только настаивают на "постепенном", планомерном, "государственно-упорядоченном" введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается срыв контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжки всяких деловых и практически серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничье-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровнехонько ничего не

делают и делать не могут»¹¹⁶³.

Выводы лидера большевиков подтверждали меньшевики и эсеры, которые указывали на полную «бездеятельность образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни»¹¹⁶⁴. Даже генерал А. Деникин был вынужден признать, что: *«...когда жизнь разбивала иллюзии, когда беспощадный экономический закон мстил дороговизной, голодом, безработицей, то большевизм с еще большей убедительностью настаивал на необходимости восстания, указывая и причины народного бедствия, и способы их устранения. Причины — политика Временного правительства, «отстаивающего» восстановление буржуазной кабалы, саботаж: предпринимателей и попустительство революционной демократии...»*¹¹⁶⁵

Сущность рабочего контроля передает С. Кара-Мурза: «С весны 1918 г. ВСНХ в случае, если не удавалось договориться с предпринимателями

252
о продолжении производства и поставках продукции, ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для постановки вопроса о национализации, а случаи невыплаты за два месяца подряд считались чрезвычайными... Декреты о национализации всегда указывали причины, вызвавшие или оправдывающие эту меру. Первыми национализированными отраслями были сахарная промышленность (май 1918 г.) и нефтяная (июнь). Это было связано с почти полной остановкой нефтепромыслов и бурения, брошенных предпринимателями, а также с катастрофическим состоянием сахарной промышленности из-за оккупации Украины немецкими войсками»¹¹⁶⁶.

На основную причину национализации указывал Э. Карр: «Требую национализации, обращаясь в Совет, в профсоюз или в правительство, рабочие стремились прежде всего сохранить производство (в 70% случаев эти решения принимались собраниями рабочих потому, что предприниматели не закупили сырье и перестали выплачивать зарплату, а то и покинули предприятие). Вот первый известный документ — просьба о национализации фирмы "Копи Кузбасса" — резолюция Кольчугинского совета рабочих депутатов 10 января 1918 г.: «Находя, что акционерное общество Копикуз ведет к полному развалу Кольчугинский рудник, мы считаем потому, что единственным выходом из создавшегося кризиса является передача Копикуза в руки государства, и тогда рабочие Кольчугинского рудника смогут выйти из критического положения и взять под контроль данные предприятия». Но если говорить не о поводе, а о реальной причине, то она была в том, что ряд владельцев крупных предприятий повели дело к распродаже основного капитала и ликвидации производства. Так, например, был национализирован завод "АМО" (на базе которого вырос ЗИЛ). Его владельцы Рябушинские, получив еще из царской казны на строительство 11 млн. руб., истратили деньги, не построив цехов и не поставив уговоренные 1500 автомобилей. После Февраля хозяева пытались закрыть завод, а после Октября скрылись, поручив дирекции закрыть завод из-за нехватки 5 млн. руб. для завершения проекта. По просьбе завкома, Советское правительство выдало эти 5 млн. руб., но дирекция решила истратить их на покрытие долгов и ликвидировать предприятие. В ответ завод АМО был национализирован»¹¹⁶⁷.

Национализация носила вынужденный характер, этот факт подчеркивал и Л. Троцкий: «Та массовая поголовная национализация, которую мы проводили в 1917-1918 гг.» совершенно не отвечала организационным возможностям рабочего государства, которые «чрезвычайно отставали от суммарной национализации. Но суть-то в том, что эту национализацию мы производили под давлением гражданской войны...»¹¹⁶⁸ Сплошная национализация не планировалась большевиками, наоборот они всеми силами боролись с подобными стихийными

инициативами рабочих:

«История оставила замечательные по смыслу и стилю документы, — замечает С. Кара-Мурза, — письма рабочих собраний с просьбой

253

взять их завод или шахту в казну. Ленин сдерживал этот порыв, но сдерживал, не доводя до разрыва, не обескураживая людей. Выступая в апреле 1918 г., Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано». И в апреле 1918 г. меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии»¹¹⁶⁹. Действительно, до марта 1918 г. Госбанк выдал крупные средства в виде ссуд частным предприятиям. «В целом, в основу политики ВСНХ была положена ленинская концепция «государственного капитализма», готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда и с крупным участием американского капитала). Это вызвало резкую критику «слева» как отступление от социализма, своего рода «Брестский мир в экономике»¹¹⁷⁰.

Организованный характер карательная национализация получила лишь «после заключения Брестского мира (когда) немецкие компании начали массовую скупку акций главных промышленных предприятий России. На I Всероссийском съезде СНХ 26 мая 1918 г. говорилось, что буржуазия «старается всеми мерами продать свои акции немецким гражданам, старается получить защиту немецкого права путем всяких подделок, всяких фиктивных сделок». Предъявление к оплате акций германским посольством наносило России лишь финансовый ущерб. Но затем выяснилось, что акции ключевых предприятий накапливались в Германии. В Берлине велись переговоры с германским правительством о компенсации за утраченную в России германскую собственность. В Москву поступили сообщения, что посол Мирбах уже получил инструкции выразить Советскому правительству протест против национализации "германских" предприятий. Возникла угроза утраты всей базы российской промышленности»¹¹⁷¹.

И 28 июня 1918 г. вышел указ «о национализации крупнейших предприятий»¹¹⁷², «После риторических заявлений о национализации как средстве «упрочения диктатуры пролетариата и деревенской бедноты» в указе говорилось, что до того, как ВСНХ сможет наладить управление

254

производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему осуществляют финансирование производства и *извлекают из него доход*. То есть, юридически закрепляя предприятия в собственности РСФСР, декрет не влек никаких практических последствий в экономической сфере. Он лишь в спешном порядке отвел угрозу германского вмешательства в хозяйство России»¹¹⁷³.

Только во второй половине 1918 г. в связи с обострением гражданской войны и иностранной интервенции начнется тотальная национализация, которая будет

связана с введением политики «военного коммунизма». «Она предусматривала ускорение национализации не только крупных и средних, но и почти всех мелких предприятий в промышленности и торговле; установление жесткой централизации и натурализации хозяйства; свертывание товарно-денежных отношений и соответствующих им финансово-кредитных институтов; государственное распределение сырья и продовольствия; распространение натуральной в основном и уравнительной по сути своей оплаты труда рабочих и служащих»¹¹⁷⁴. Национализация стала преследовать «цель организации отдельных отраслей производства, улучшения снабжения предприятий сырьем и топливом, поднятия производительности труда и нормализации самого производства»¹¹⁷⁵.

Интервенция и гражданская война вели страну к неминуемой экономической катастрофе. В 1919 г. все домны страны потухли, замер транспорт, 58% паровозного парка вышло из строя, на треть сократилась валовая продукция сельского хозяйства. Остро ощущался недостаток товаров первой необходимости: мыла, спичек, мануфактуры и т.п. Производство нефти к 1920 г. по сравнению даже с 1918 г. сократилось в 2,4, угля в 4,3 раза. По сравнению с 1913 г. промышленное производство сократилось в 7 раз, причем продукция крупной промышленности в 1920 г. составляла 12,8% довоенной, а мелкой — 44%¹¹⁷⁶.

Производство промышленной продукции в 1920 г. по отношению к 1913, в %.

	1920/1913
Спички	20
Хлопок	12
Текстиль	9,7
Сахар	6
Прокат	4,5
Пряжа	3,8
Чугун	2,1

255

Экономический кризис достиг апогея, нормальные рыночные механизмы уже не работали. В этих условиях советское правительство пошло на дальнейшее ужесточение мобилизационной политики — 29 ноября 1920 г. было принято постановление ВСНХ «О национализации мелкой и средней промышленности»: национализации подлежали все предприятия с количеством рабочих «свыше 5 человек с двигателем или 10 человек без двигателя».

О динамике национализации промышленности дает представление график количества закрытых и национализированных предприятий. Не обладая абсолютной точностью, он тем не менее демонстрирует, что на первом этапе гражданской войны 1917-1918 гг. стихийная и карательная национализация имели весьма ограниченные масштабы. Масштабная национализация 1919-1920 гг. носила мобилизационный характер страны ведущей тотальную войну за свое выживание. Она стала ответной мерой на обострение гражданской войны и интервенции. Около 1/3 предприятий было, видимо, полностью разрушено (утрачено) во время гражданской войны.

***Количество закрытых (до ноября 1917 г.)
и национализированных (после ноября 1917 г.) предприятий***

из общего количества крупных предприятий в 1916 г.¹¹⁷⁷

В конце стоит отметить, что национализацию рассматривают, как одну из основных причин гражданской войны. Несомненно, что в значительной мере так и было, но как пишет Деникин: «Надежды оптимистов, с одной стороны, и страхи левых кругов, с другой, что национализация создаст «прочные части» (по терминологии слева — контрреволюционные), быстро рассеялись»¹¹⁷⁸.

256

БАНКИ

«Нельзя забывать, что мы находились в состоянии войны, для которой, как известно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги».

Генерал С. Добровольский¹¹⁷⁹

По мнению М. Геллера и А. Некрича, национализация банков была чисто идеологической мерой, основанной на марксистском тезисе об исчезновении денег при социализме. Действительно, даже в 1920 году, Ленин писал: «Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен»¹¹⁸⁰. Эти положения коммунистической доктрины дали основания утверждать, что исходя из идеи о необходимости скорой отмены денег, правительство все больше склонялось к полному обесценению денег путем их неограниченной эмиссии. По мнению сторонников данной версии, именно большевистская идеология привела к раскручиванию инфляции, что стало одной из основных причин разрушения экономики государства в годы гражданской войны... Как же было на самом деле?

Теория отмены денег строилась на постулате Маркса, который указывал, что перераспределение «прибавочной стоимости» при капитализме происходит в значительной доле в сфере «циркуляции денег». Как следствие, идеологи марксизма указывали, что речь идет не о полной отмене денег, а об отмене процентных денег, которые позволяют осуществлять такое перераспределение. Функции денег сводились ими только к обеспечению прямого товарообмена. Здесь мы снова сталкиваемся, с пересечением марксизма с христианской религией и исламом, которые на протяжении веков запрещали взимание процентов.

Еще Аристотель писал: «Ростовщика ненавидят совершенно справедливо, ибо деньги у него сами стали источником дохода... проценты — это деньги от денег, поэтому они противнее природе из всех родов занятий». В 1139 г. Второй Латеранский собор постановил: «Кто берет проценты, должен быть отлучен от церкви, принимается обратно после строжайшего покаяния и с величайшей осторожностью. Взимателей процентов, не вставших перед смертью на путь истины, нельзя хоронить по христианскому обычаю». Мартин Лютер в начале XVI века утверждал: «ростовщик... не человек. Он, должно быть, оборотень, хуже всех тиранов, убийц и грабителей, почти такая же скверна, как сам дьявол»¹¹⁸¹.

С. Гейзель¹¹⁸² шел еще дальше, чем марксисты, и в 1890 г. выдвинул

предложение по реформированию денежной системы на основе отрицательного процента или «свободных денег». Дж. М. Кейнс в 1936 г. по этому поводу говорил: «будущее большому научится у Гейзеля, чем у Маркса»¹¹⁸³. Теории беспроцентных и «свободных» денег были весьма популярны в начале XX века в России, о них в той или иной мере писали еще Канкрин и Н. Данилевский, их предлагали ввести такие видные

257

экономисты того времени, противники большевиков, как С. Шарапов, А. Фролов, Г. Бутми и т.д.

С другой стороны, «Меры большевиков в области банковской политики во многом учитывали опыт Парижской коммуны 1871 года. По их мнению, одной из причин поражения Парижской коммуны было то, что она оставила Французский банк в руках буржуазии»¹¹⁸⁴. Манифест Коммунистической партии прямо утверждал необходимость «централизации кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией»¹¹⁸⁵.

Был и еще один аспект, подталкивавший большевиков к национализации банков — мобилизационный: «Во время войны частные банки в России резко разбогатели и усилились (при сильном ослаблении Государственного банка — обеспечение золотом его кредитных билетов упало за годы войны в 10,5 раз). В 1917 г. банки занялись спекуляцией продовольствием, скупили и арендовали склады и взвинчивали цены». После Октябрьской революции «...банки объявили финансовый бойкот Советской власти, перестали выдавать деньги для выплаты зарплаты (чиновникам госаппарата выдали зарплату за 3 месяца вперед с тем, чтобы те могли бойкотировать новую власть). Кроме того, по негласной договоренности с фабрикантами банки перестали выдавать деньги тем заводам, на которых был установлен рабочий контроль. Через три недели саботажа и бесплодных переговоров... вооруженные отряды заняли все основные частные банки в столице. 27 декабря 1917 г. издан декрет о национализации банков, частные банки влились в Государственный (Народный) банк. Банковские служащие объявили забастовку, и только в середине января банки возобновили работу... Поскольку среди служащих банков не было рабочих, не могло быть и речи о рабочем контроле, требовалось примирение с 50 тысячами служащих. Крупные вклады были конфискованы»¹¹⁸⁶.

Между тем в октябре 1917 г. большевики еще пытались действовать вполне демократическими мерами: «Насколько большевики, однако, не были уверены в собственной силе и насколько они в тот момент признавали права городской думы, видно из того, что, уже имея в своих руках ключи, они все-таки не осмеливались идти туда одни и требовали, чтобы дума прислала своих представителей, которые присутствовали бы при открытии кассы. Из кассы они намерены были взять три миллиона для покрытия государственных расходов»¹¹⁸⁷. В апреле 1918 г., когда возникли надежды на возможность перехода на эволюционный путь развития, большевики начали переговоры с банкирами о денационализации банков, но буржуазия на сотрудничество не пошла.

«Дольше всех не подвергался национализации московский Народный банк. Причина была в том, что это был центральный банк кооператоров и правительство хотело избежать конфликта с ними и его вкладчиками-крестьянами. Отделения этого банка были преобразованы в кооперативные отделения Национального банка. 2 декабря 1918 г. на территории РСФСР... были ликвидированы и все иностранные банки...»¹¹⁸⁸ Т.е. боль-

258

шевики, несмотря на уже начавшуюся интервенцию, на сотни тысяч жертв которые она принесла, до последнего сохраняли надежду на восстановление

сотрудничества с иностранными банками. Народный банк был объединен с казначейством и подчинен ВСНХ, а по сути превратился в центральную расчетную кассу. Вместо банковского кредитования было введено централизованное государственное финансирование и материально-техническое снабжение.

То, что национализация банков носила прежде всего не идеологический, а мобилизационный характер, подчеркивает пример правого экономиста начала XX века С. Шарапова. В период Первой русской революции в 1907 г. он издал книгу «Диктатор», в которой создал своеобразную модель мобилизационной экономики. Без нее, по его мнению, Россия была обречена на самоуничтожение. Вот несколько принципов организации финансовой системы, предложенной С. Шараповым:

Диктатор Иванов (И) пишет министру финансов Коковцову (К): *«Вы сами останавливаете всю промышленность, так как держите учетную норму в 7,5 процентов по трехмесячным векселям, заставляя частные банки брать 10 и 12. ... Нынешняя финансовая система никуда не годна и привела нас к разорению и революции... Я могу сказать только одно: золотая валюта неудержима. Поддерживать размен ценой народного разорения невыносимо... Я... буду держать курс рубля на том уровне, какой нужен для народного хозяйства.*

(К) Ясно. Но для этого нужна монополия по продаже и покупке драгоценных металлов?

(И) Да, Государственный банк иначе курсами управлять не может. Тратты покупать и продавать должен только он. Впрочем, при этой системе никто больше этим заниматься и не будет. Фондовая биржа исчезнет.

(К) Так что игру на курсе вы совершенно исключаете.

(И) Ее нельзя будет вести. Государственный Банк раздавит всякого спекулянта — и здешнего, и заграничного...

(И): *«Устанавливаю двойственный бюджет — золотой для расчетов международных и серебряный для внутренних. Сливаю воедино Государственный банк, сберегательные кассы и банки: Дворянский и Крестьянский. Организую уездные казначейства в отделениях Государственного Банка... Это возврат к Канкриновской системе.. Вернее, личной системе Николая I »¹¹⁸⁹.*

Еще за 10 лет до национализации банков большевиками правый С. Шарапов предлагал установить государственную монополию на банковское дело, то есть, проще говоря, национализировать банковскую систему. Эта мера предлагалась как временная. После выхода из кризиса и достижения российской экономикой конкурентоспособного уровня она должна была быть постепенно отменена.

Описание кризисной ситуации на финансовом рынке во время русско-японской войны и первой русской революции 1905-1907 гг.

259

оставил С. Витте: «Вследствие войны и затем смуты финансы, а главное, денежное обращение начали трещать. Война требовала преимущественно расходы за границу, а смута так перепугала россиян, что масса денег — сотни миллионов — была переведена за границу. Таким образом образовался значительный отлив золота»¹¹⁹⁰. «Революционные выступления, широко поддержанные прессой, привели к изъятию в короткий срок 150 млн. рублей сберегательных вкладов. «Такая паника после несчастной войны, стоившей около 2500 млн. рублей (почти годовой бюджет царского правительства), конечно, поставила наши финансы и денежное обращение в самое трудное, скажу, отчаянное положение, и одной из главных моих задач явилось не допустить государственные финансы до банкротства»¹¹⁹¹. Из русско-японской войны и революции Россия вышла банкротом, и если бы не крупный заем, предоставленный Францией, то, по мнению Витте, развал российской экономики

и новая революция стали бы неизбежностью. Тем не менее даже с учетом кредита, в мирное время, после окончания войны и революции 1905 г., царскому правительству потребовалось почти 5 лет для восстановления довоенных тенденций развития. Мобилизационная модель Шарапова оказалась не востребованной. Россию тогда спасли французские кредиты и «диктатура» П. Столыпина.

Первая мировая война по сравнению с русско-японской поставила Россию уже не на край кризиса, а бросила ее за грань катастрофы. Общие затраты только на военные расходы за 3,5 года превысили 15 млрд. золотых рублей 1914 г.¹¹⁹² Уже в начале войны первым делом стали исчезать золотые монеты, к 1915 г. они были изъяты населением из обращения полностью. В 1916 г. из обращения исчезли серебряные и даже медные деньги. Кредитный рынок рухнул — экономика перешла только на наличные расчеты¹¹⁹³. Инфляционное финансирование войны начало проявляться на ценах только во второй половине 1915 г. К концу 1916 г. средний уровень цен вырос почти в 4 раза по сравнению с довоенным уровнем, при этом цены на товары первой необходимости росли опережающими темпами. Увеличившийся с началом войны и мобилизацией спрос на рабочую силу обусловил пропорциональный росту цен и рост заработной платы. В российской промышленности зарплата была самой высокой из всех воюющих государств.

В свою очередь, как указывает Д. Киган: «Рост заработной платы и объема бумажных денег привел к стремительной инфляции. Это было неизбежно в стране с примитивным казначейством и банковской системой. Особенно разрушительно инфляция повлияла на сельскохозяйственное производство. Крупные землевладельцы продавали землю в обмен на производственные мощности, поскольку не могли позволить себе тройное увеличение заработной платы. В свою очередь, крестьяне, которые не желали или были не в состоянии платить высокую цену за промышленные товары, уходили с рынка зерна и возвращались к самообеспечению...»¹¹⁹⁴ А. Деникин обращал внимание еще на одну причину предопределившую кризис российской финансовой системы во время войны: «Главными недостатками нашего довоенного бюджета считаются

260

базирование его на доходах от винной монополии (800 миллионов рублей) и почти полное отсутствие прямого обложения... Война и запрещение во время ее продажи спиртных напитков вывели совершенно наш бюджет из равновесия»¹¹⁹⁵.

Либерализация государственной власти, начавшаяся после Февральской революции в условиях острого экономического кризиса и войны, привела к окончательному развалу финансовой системы. «В первые же месяцы революции поступление поземельного налога упало на 32%, от городских недвижимых имуществ — на 41%, квартирного налога — на 43% и т.д... Правительство не решалось только прибегнуть к средству, рекомендованному революционной демократией,— принудительному займу или установлению «высокого *единовременного* поимущественного налога» — средству, имевшему некоторый привкус большевизма... Министерство Бернацкого в начале августа сочло себя вынужденным обратиться к усилению косвенного обложения и к некоторым монополиям (на чай, сахар, спички) — мерам, накладывающим платежные тяготы на массу населения и потому до крайности непопулярным»¹¹⁹⁶.

12 июня 1917 г. были приняты новые налоговые законы. Декларация о их принятии гласила: «стремясь к последовательному устройству финансовой системы на демократических началах, Временное правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т.д.)»¹¹⁹⁷. Но эти налоговые законы, из-за противодействия либеральной общественности и

буржуазии, так и не были введены в действие. *Временное правительство не могло, а не хотело собирать налоги (в угоду частным интересам буржуазии), что наряду с целенаправленной либерализацией (разрушением) всего государственного механизма стало основой уничтожения финансовой системы государства.* Всю тяжесть налогов либеральное правительство, через косвенные налоги на потребительские товары, попыталось перенести на низшие слои населения. Однако эти меры привели лишь к росту «черного рынка» и спекуляции, но не налоговых поступлений.

Министр финансов А. Шингарев отмечал уменьшение «уплаты налогов в стране с 65 до 80%»¹¹⁹⁸. «Остается еще одно мероприятие, — указывал Шингарев, — печатание кредитных билетов. Это средство чрезвычайно тяжелое для государства и применение его в больших размерах сулит большую опасность... Но безмерно растущие требования заставляют вновь и вновь прибегать к нему»¹¹⁹⁹. Скобелев уверял: «Нет более надежного и более верного источника, как все тот же злосчастный станок»¹²⁰⁰. К октябрю 1917 г. количество денег в обращении увеличилось почти в 10 раз по сравнению с довоенным годом, превысив 22 млрд рублей. Денежная эмиссия к октябрю 1917 г., покрывала уже почти 80% всех военных расходов.

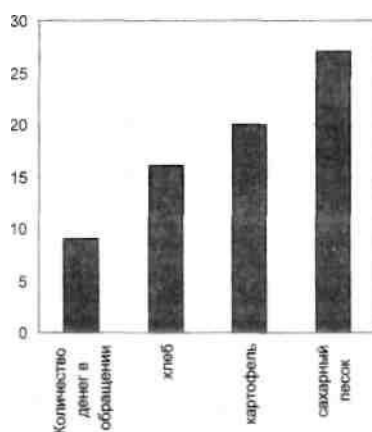
261

*Доля кредитных билетов в покрытии военных расходов (в млн. руб.)*¹²⁰¹

	Военные расходы	Выпуск кредитных билетов	% к военным расходам
С начала войны до 1 марта 1917 г.	28 035	8317	29,6
С 1 марта по 1 июля	7 062	3 105	44
С 1 июля по 1 сентября	5 400	4 235	78,4

Но даже высокие темпы эмиссии не отражали всей тяжести финансового расстройств страны. Если цены к октябрю 1917 г. в среднем выросли в 10 раз, то цены на товары первой необходимости, и особенно на продовольственные товары, росли еще в 1,5-3 раза большими темпами. Ленин уже в мае 1917 года констатировал: «Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России наблюдается, хотя и в менее сильной степени, то, что в других странах давно уже имеется: деньги потеряли свою силу»¹²⁰². До октября покупательная способность рубля упала еще в 4-5 раз¹²⁰³.

Рост цен к октябрю 1917 г. по сравнению с довоенным периодом, в раз

262

Другим источником средств для ведения войны стали займы. С начала мировой войны и до 1 января 1917 г. государственный долг вырос до 33,58 млрд.¹²⁰⁴ Временное правительство за три выпуска краткосрочных обязательств заняло еще 8,2 млрд. рублей¹²⁰⁵. Займы государству предоставлялись Госбанком под 5% краткосрочные обязательства казначейства и по своей сути являлись инфляционными кредитами*. Общая сумма долга к концу войны увеличилась на 41,6 млрд., в том числе внешнего на 8,5 млрд.¹²⁰⁶

Отношение Временного правительства к государственным кредитам наглядно демонстрировали примеры из ежедневной практики русского агента во Франции А. Игнатьева: «Французский кредит открывал для наших новых правителей широкое поле деятельности. За те задачи, разрешение которых оказывалось не под силу генералам и министрам, взялась та широкая общественность, под которой... Временное правительство подразумевало не только земгусаров, но и таких поистине замечательных охотников до тощего русского кошелька, как братья Рябушинские и все иже с ними. Метод обращения... был выработан простой: скрывая фирму и поставщика, предписывать мне переводить из Банк де Франс на частные банки... круглые суммы под не существовавшие заказы... Было даже трудно предвидеть, чем может окончиться эта финансовая вакханалия. Если в царское время государственная власть смотрела сквозь пальцы на мошеннические проделки дельцов типа пресловутого Митьки Рубинштейна, то теперь она в лице буржуазного Временного правительства попросту покорно исполняла приказы русских частных банков»¹²⁰⁷.

В России тем временем, как отмечал Вестник финансов, «тревожная неустойчивость внутреннего и внешнего политического положения обусловила сокрытие капиталов, некоторый перевод их за границу, помещение в движимости и недвижимости и сдержанности в подписке на военные займы»¹²⁰⁸. Из обращения исчезли 100- и 1000-рублевые купюры, сумма вкладов в банках упала почти на 3/4¹²⁰⁹. Бегство капиталов за границу приняло массовый характер. 5 июня Министерство финансов запретило денежные переводы за границу без своего разрешения. В августе 1917 г. Керенский, несмотря на получение крупного американского займа, был вынужден обнародовать программу изоляции от мировой экономики, включавшую прекращение конвертации рубля, запрет на вывоз иностранной валюты за границу, отмену коммерческой и банковской тайны. Однако все эти меры проводились недостаточно решительно и запреты легко обходились, в частности через Харбин и Финляндию... или за счет вывоза золота. Министерство финансов в октябре

* До войны основанием для выпуска кредитных билетов служил золотой запас Госбанка, во время войны из-за недостатка золота стали использоваться 5% краткосрочные обязательства Государственного казначейства. (См. подробнее Сидоров А.Л..., с. 140-150; Волобуев П.В..., с. 356.)

263

отмечало недостаточность обычных таможенных мер для борьбы с этим злом¹²¹⁰.

Английский посол летом 1917 г. с тревогой докладывал в Лондон: «Я все еще надеюсь, что Россия выдержит, хотя препятствия на ее пути как военного, так и промышленного и финансового характера внушают сильнейшие опасения. Вопрос о том, откуда она возьмет денег для продолжения войны и для уплаты процентов по государственным долгам, меня очень заботит, и нам вместе с американцами придется вскоре столкнуться с тем обстоятельством, что мы должны будем в весьма значительной степени финансировать ее, если мы желаем, чтобы она выдержала зимнюю кампанию»¹²¹¹.

Деникин приходил к мнению, что именно Февральская «Революция нанесла окончательный удар нашим финансам. «Она, — как говорил министр финансов Шингарев, — вызвала у всех сильное стремление к расширению своих прав и притупила сознание обязанностей. Все требовали повышения оплаты своего труда, но никто не думал вносить в казну налоги, поставив тем финансы в положение, близкое к катастрофе». Началась настоящая вакханалия, соединившая всех в безудержном стремлении под флагом демократизации брать, рвать, хватать сколько возможно из государственной казны, словно боясь упустить время безвластия и не встречая противодействия со стороны правительства. Даже сам г. Некрасов на Московском совещании решился заявить, что «ни один период русской истории, ни одно царское правительство не были столь щедрыми, столь расточительными в своих расходах, как правительство революционной России», и что «новый революционный строй обходится гораздо дороже, чем старый»¹²¹².

«Четыре сменявшихся один за другим министра финансов не могли ничего сделать, чтобы вывести страну из финансового тупика, — отмечал Деникин. — Ибо для этого нужно было или пробуждение чувства государственности в народной массе, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный удар гибельным, безгосударственным, эгоистичным стремлениям и той части буржуазии, которая строила свое благополучие на войне, разорении и крови народной, и той демократии, которая, по выражению Шингарева, «с такой суровостью, устами своих представителей в Государственной Думе, осуждала тот самый яд бумажных денег, который теперь полными чашами стала пить сама, — в момент, когда явилась почти хозяйном своей судьбы»¹²¹³.

Редкое единодушие объединяло в оценке причин и последствий развала финансовой системы страны таких непримиримых противников, как Шингарев, Деникин и Ленин. Последний, выражая по сути общее мнение, говорил: «Все признают, что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение сильнее всего именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы. И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эсерами и меньшевиками правительство

²⁶⁴

Керенского»¹²¹⁴. Это утверждение можно принять за происки коммунистической пропаганды. Но классик рыночной экономики Дж. Кейнс утверждал то же самое — инфляция во время войны неизбежно ведет к перераспределению национального богатства в пользу богатейших слоев общества.

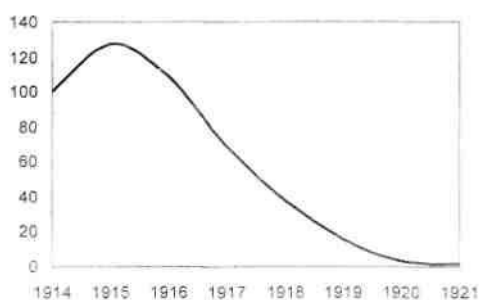
В 1939 г., когда Англия вступала во Вторую мировую войну, Дж. Кейнс писал: «Если военные расходы не будут полностью покрываться за счет сбора налогов (что невозможно практически), они частично могут быть покрыты за счет заимствований, которые являются формой отсрочки траты чьих-то денег. Этого не избежать в случае роста цен, который по сути означает передачу заработка потребителей в руки класса капиталистов... Только капиталисты, а не общество в целом, станут основными владельцами выросшего государственного долга — то

есть, по сути, владельцами права тратить деньги по окончании войны. По этой причине требования некоторых профсоюзов о повышении заработной платы в денежном выражении для компенсации стоимости жизни бесполезны и даже вредны для рабочего класса... Действительно, более организованные группы могут получать выгоду за счет других потребителей. Но, помимо преследования собственных целей группы, это означает выталкивание кого-то из очереди и является делом неблагодарным. Лидеры профсоюзов понимают это, и, по сути, не хотят того, что требуют. Но они не снизят свои запросы до тех пор, пока им не будет предложена альтернатива. Это логично: вразумительного плана им предложено не было»¹²¹⁵. Естественно, что русским рабочим в 1917 г., никто никаких планов не предлагал, о них даже не думали... Буржуазия пыталась получить дивиденды от своей революции по максимуму.

Через несколько месяцев после Октябрьской революции большевики будут вынуждены «перекрыть» достижения «Временного правительства» в печатании денежной массы, однако мотивация инфляции станет уже другой. «Советское правительство начало свою налоговую политику с того, что полностью восстановило налоговые законы от 12 июня 1917 г., принятые, но не введенные в действие Временным правительством, как одну из необходимых мер по выводу страны из экономической трясины»¹²¹⁶. Однако внедрять налоговую систему в разоренной войной и деятельностью предыдущего либерального правительства стране, в условиях гражданской войны было уже поздно. Естественно, что большевики были вынуждены использовать те же механизмы налогообложения, которые использовали их предшественники. Е. Преображенский на X съезде партии в 1921 г. признавал, что массовая инфляция служила формой косвенного налогообложения в пользу государства. По данным Н. Осинского, во второй половине 1919 года на печатание денег уходило от 45 до 60% бюджетных доходов. Он подчеркивал, что по этой причине нужно было бы как можно скорее отменить деньги, дабы сбалансировать бюджет.

265

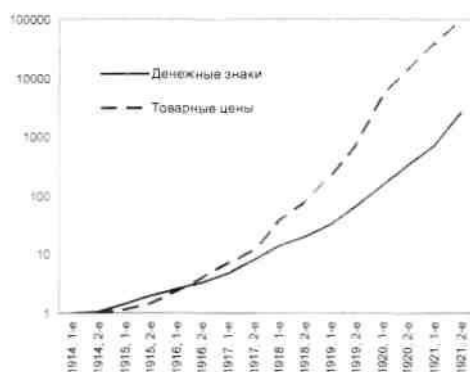
Стоимость в довоенных рублях денежной массы, в % к первой половине 1914 г.¹²¹⁷

К январю 1921 г. денежная масса увеличилась почти в 11 тысяч раз. Из-за разрушения промышленности и разорения страны во время гражданской войны ее стоимость к 1921 г. в довоенных рублях сократилась почти до нуля. Начало раскручиванию этой гиперинфляционной петли было положено еще в середине 1916 г., когда темпы роста цен стали опережать прирост денежных знаков. С того времени не столько правительство, сколько цены стали диктовать темпы печатания денег. Временное правительство окончательно разрушило остатки прежней финансовой системы, выпустив инфляцию из-под контроля государства. С таким наследством большевики уже просто не успевали печатать деньги вслед за стремительно растущими ценами, которые почти в 10 раз превышали темпы роста денежной массы.

Рост обращающихся денежных знаков и товарных цен, в размах, по

отношению к 1-му полугодью 1914 г.¹²¹⁸

266

Недоверие к властям и физическая неспособность напечатать необходимое количество денежных знаков, гражданская война и интервенция тем не менее не отменяли удовлетворения потребности в обеспечении товарооборота, и поэтому деньги выпускали все — от белых генералов, «зеленых» атаманов, от комунн до городов, заводов и отдельных деревень... В нумизматическом каталоге 1927 года перечислен 2181 денежный знак, находившийся в обращении во время гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Кроме этого, в ходу было множество денежных суррогатов — от винных этикеток до трамвайных книжек¹²¹⁹.

В период «военного коммунизма» деньги печатались в основном для выплаты заработной платы, она являлась главной статьей расхода государственного бюджета России¹²²⁰. В начале 1920 года зарплата рабочих в Петрограде составляла от 7000 до 12 000 рублей в месяц (на черном рынке фунт масла стоил 5000 рублей, фунт мяса — 3000, литр молока — 750!)¹²²¹. Но непосредственно сама зарплата играла сравнительно незначительную роль в обеспечении населения городов продовольствием. Уже в начале Первой мировой войны отдельные губернии нашли спасение от разрушающего роста цен в введении у себя карточного распределения продовольствия и товаров. Централизованная карточная система была введена почти во всех воюющих странах. Большевики после прихода к власти не замедлили использовать эту практику и обеспечивали продовольственными и товарными пайками 30-35 млн. человек. За счет пайков удовлетворялось 40-60% потребности в продовольствии. Хлеб для пайков добывался продотрядами. Другим источником продовольствия стало развитие псевдорыночных отношений — спекуляции, на которую большевики смотрели «сквозь пальцы». Некоторые социалисты, критически относившиеся к большевикам, вообще утверждали, что их политика выражает интересы спекулянтов. «Нет, спекуляция не только извне налипала, — отмечал, например, В. Базаров, — она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляет самую его душу. Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях»¹²²². Во многом то же отношение проявлялось и к нелегальной торговле золотом. В 1920-м и особенно в 1921 году операции с золотом на «черной бирже» Москвы приобрели настолько распространенный характер, что цена золотой монеты регистрировалась советской статистикой труда¹²²³.

А как же обстояло дело на территориях, контролировавшихся белыми армиями?

Если положение большевистской России можно характеризовать как глубочайший кризис, то на «белых территориях» к концу 1919 г. разразилась уже

настоящая катастрофа. О положении Юга России писал

267

генерал А. Деникин: «Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных слоев, партий и профессий: кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации... «...совещание считает своим долгом указать на угрожающее падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали, в страшном падении производительности труда...»¹²²⁴ Генерал Лукомский, председатель Особого совещания, откровенно признавался: «Что касается промышленности, то, конечно, не было ни времени, ни возможностей ее наладить как следует. С правильным разрешением вопросов торговли мы совсем не справились»¹²²⁵.

Генерал Врангель свидетельствовал: «...В стране отсутствовал минимальный порядок. Слабая власть не умела заставить себе повиноваться. Подбор администрации на местах был совершенно не удовлетворителен. Произвол и злоупотребления чинов государственной стражи, многочисленных органов контрразведки и уголовно-розыскного дела стали обычным явлением... Несмотря на то, что правительство обладало огромными не поддающимися учету естественными богатствами страны, курс денег беспрерывно падал, и ценность жизни быстро возрастала»¹²²⁶. Деникин, в другой своей работе, отмечал: «Развал так называемого тыла — понятие, обнимающее в сущности народ, общество, все невоющее население, — становился поистине грозным»¹²²⁷. Противник А. Деникина командарм А. Егоров именно в развале тыла находил первопричину поражения белых армий Юга России: «Неумелое руководство экономической жизнью развивало спекуляцию, а попустительство властей и полная безнаказанность довели эту спекуляцию до тех огромных размеров, которые грозили всей территории гибелью еще задолго до фактического разгрома деникинщины на полях сражения»¹²²⁸.

На Севере положение белых армий было еще более трагичным. Генерал В. Марушевский вспоминал: «Архангельская общественность относилась к своему правительству с полным безразличием, поражающим каждого вновь прибывшего в город... Пока финансово-промышленные круги занимались обращением всех возможных средств в иностранную валюту, которая систематически выкачивалась за границу, крестьянство держало деньги в сундуках, а так называемое «общество» беспрерывно танцевало в зале городской думы»¹²²⁹. По словам В. Игнатьева, «красною нитью проходило нежелание имущих классов подчиняться каким бы то ни было ограничениям, нести какие бы то ни было жертвы во имя предпринятой борьбы... цинический отказ от минимальных даже имущественных жертв на то дело, о великом значении которого они и их газеты трубили на весь мир...»¹²³⁰

Любые попытки мобилизации экономики встречали прямое и упрямое сопротивление буржуазии и либеральных партий. Так, после

268

прекращения обеспечения интервентами Северной Области, правительство начало политику «затягивания поясов» и попыталось заставить и местную буржуазию увеличить свой вклад в оборону области и стабилизацию ее экономики. «В частности, предприниматели-экспортеры обязывались сдавать иностранную валюту в обмен на русские деньги, — но чрезвычайные меры вызвали сильное недовольство имущих классов и не усилили, а напротив ослабили положение властей»¹²³¹. Причину нежелания сдавать валюту объяснял прокурор С. Добровольский, который указывал, что из области шло активное

выкачивание валюты за рубеж и **наиболее грозным «внутренним» врагом был Управляющий Областным банком, осуществлявший валютные махинации**¹²³².

Другой характерный пример В. Игнатьев приводил из Онеги, где «рабочие бездействовавших лесопильных заводов, правления которых находились за границей и не открывали заводов, ожидая повышения цен на лес, — обратились с просьбой разрешить им взять во временную аренду эти заводы. Гор. дума и земство их поддерживали. Нечего и говорить, что просьба эта была основательная, мало того — она была государственно необходима: вывозить лес нам было необходимо для получения валюты, а вывозить нераспиленный лес было с хозяйственной точки зрения абсурдно... В ответ правая газета (к.-д.) «Русский Север» заявила, что лицам, не уважающим правовых норм, не должно быть места у власти... и заводы не были открыты»¹²³³. Еще один пример, который давала либеральная общественность: «Когда весной в Архангельск пришли пароходы с продовольствием для населения, потребовалась срочная разгрузка их,— грузчиков оказалось недостаточно, а за простой судов правительство должно было уплачивать громадные деньги». Правительство попыталось «привлечь население к принудительной выгрузке судов». В ответ «буржуазная печать подняла крик о том, что мы докатились до венца большевистской политики»¹²³⁴.

В итоге в середине 1919 г. генерал В. Марушевский докладывал своему правительству: «Положение критическое, и кризис должен разразиться в самом ближайшем будущем... 1. В финансовом отношении политика правительства... привела население к краху... 2. В отношении торговли и промышленности положение таково, что все промышленные предприятия стоят и что-либо приобрести из вещей первой необходимости доступно лишь людям, нажившим огромные деньги спекуляцией. 3. В отношении внутренней политики не сделано ничего, так как Земство бездействует и власти на местах фактически нет... весь правопорядок в области покоится не на деятельности Правительства, а исключительно на военной силе...»¹²³⁵ Командующий северной армией был не одинок в своем мнении. «Финансовое положение области печально», «финансовая политика правительства заслужила полное недоверие», «область накануне финансового краха» — таковы были ти-

269
пичные оценки ситуации в официальных документах правительства, губернского земства и др.»¹²³⁶ Для исправления положения В. Марушевский предлагал: потребовать займы и военную помощь от союзников, реквизировать «капиталы всех частных банков и капиталы всех частных лиц в пользу нужд области и на выплату долгов населению», заключить договоры о военной помощи с Финляндией и Польшей на любых предложенных ими условиях, распустить правительство и установить военную диктатуру¹²³⁷.

В записке, отправленной парижской кадетской группой на имя Врангеля в октябре 1920 г. Милюков констатировал: «попытки образования собственных армий всюду терпели неудачи, объясняемые одними и теми же причинами: разлагающий тыл, реакционные элементы, контрразведка и т.п.; *везде все антибольшевистские правительства оказались совершенно неспособными справиться с экономическими вопросами*»¹²³⁸. Россия и русский народ интересовали буржуазию гораздо меньше их прибылей и «прав». Белые генералы, русская буржуазия и либеральная интеллигенция, обвинявшие большевиков в развале российского государства, на деле оказались неспособны и не заинтересованы мобилизовать экономику государства, как во время Первой мировой войны, так и революции, делая тем самым самоуничтожение и распад российской государственности неизбежным.

Именно жесткая мобилизационная экономическая политика большевиков

принесла им победу. При этом большевики не только подавляли, но и использовали революционную ситуацию в своих идеологических целях. Например, инфляция играла роль не только в покрытии дефицита бюджета, но и в решении политических задач. Ленин писал: «Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и, особенно, неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный как основа спекуляции и частно-хозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бури»¹²³⁹. Но теперь инфляция, в отличие от Временного правительства, перераспределяла собственность не в интересах небольшой группы военно-революционных спекулянтов, а в интересах государства. Инфляция в данном случае была формой «естественной экспроприации» в пользу государства.

В то же время большевики и не планировали отказываться от денег. Характерное мнение большевистского руководства относительно роли денег высказывал Л. Троцкий, который в полном соответствии с коммунистической доктриной писал: «В коммунистическом обществе государство и деньги исчезнут», — но тут же отмечал: — «С другой стороны,

270

успешное социалистическое строительство немыслимо без включения в плановую систему непосредственной личной заинтересованности производителя и потребителя, их эгоизма, который, в свою очередь, может плодотворно проявиться лишь в том случае, если на службе его стоит привычное надежное и гибкое орудие: деньги. Повышение производительности труда и улучшение качества продукции совершенно недостижимы без точного измерителя, свободно проникающего во все поры хозяйства, то есть без твердой денежной единицы. Отсюда ясно, что в переходном хозяйстве, как и при капитализме, единственными подлинными деньгами являются те, которые основаны на золоте. Всякие другие деньги — только суррогат. Правда, в руках советского государства сосредоточены одновременно как товарные массы, так и органы эмиссии. Однако это не меняет дела: административные манипуляции в области товарных цен ни в малейшей мере не создают и не заменяют твердой денежной единицы ни для внутренней, ни тем более для внешней торговли»¹²⁴⁰.

И действительно, сразу после окончания гражданской войны в 1922 г. Ленин назначил «архиспособного» выпускника Сорбонны Сокольников, который в статье «Гарантированный рубль» обосновал теорию «золотого червонца», Наркомом финансов. Сокольников заявлял: «Эмиссия — опиум для народного хозяйства»¹²⁴¹. Введение «золотого червонца» шло в разрез с теорией «беспроцентных денег», то есть носило в целом чисто капиталистический характер, что еще раз доказывает, что большевики в первую очередь на практике строили не столько коммунистическое, сколько некое прокапиталистическое общество. Денежная реформа, в условиях ограниченных ресурсов, была проведена большевиками на редкость профессионально и ни в чем не уступает лучшим мировым образцам.

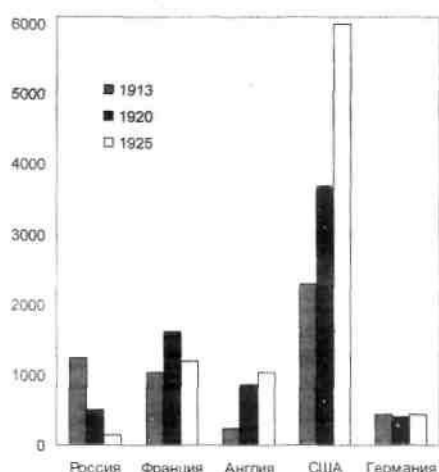
С. Витте смог восстановить золотой стандарт рубля после русско-японской войны и революции 1905 г. только за счет взятого с огромными жертвами крупного французского займа. При том, что резервы центрального банка России в то время составляли 950 тонн золота. Первая мировая, гражданская войны, две революции и интервенция обошлись России почти в 30 раз дороже, чем русско-японская война и революция 1905 г. вместе взятые. Кредитов России никто давать не собирался, наоборот одним из основных требований интервентов был возврат долгов, независимо от того, какое правительство, красное или белое, диктатура

или демократия, окажутся у власти в России. Даже во время Первой мировой войны Англия и Франция согласились кредитовать царское правительство только уступив откровенному шантажу русского министра финансов. Англия кредитовала Россию во время войны под залог русского золота. США соглашались давать кредиты Временному правительству только в обмен на наступление русских войск.

Положение у большевиков с золотым обеспечением рубля весьма наглядно характеризует следующий график:

271

Золотые резервы центральных банков, в тоннах¹

По России приведены данные не за 1920 г., ввиду их отсутствия, а за 1918 г. В этом году в Советской России оставалось примерно 450-500 т. золотого резерва¹²⁴³.

Выход из глубочайшего экономического кризиса, восстановление разрушенного и развитие экономики невозможно обеспечить на голом месте. Для этого необходимы соответствующие экономические ресурсы, и они были собраны большевиками в основном за счет экспроприации у буржуазии. Экспроприации и реквизиции сопровождали все сколько-нибудь значимые революции, разница состояла, в чью пользу они совершались, либо это был обыкновенный грабеж, в пользу победителей, в той или иной мере узаконенный государством, либо они составляли часть мобилизационной политики государства. Примером мобилизационной экспроприационной политики может служить национализация золота Ф. Рузвельтом во время Великой Депрессии в США в 1933 г. Радикальность предпринимаемых мер обуславливается степенью радикализации обстановки.

Большевики сразу после революции приступили к конфискации финансовых и золотовалютных ресурсов. Так, декрет ВЦИК от 14.12.1917 «О ревизии стальных ящиков» гласил: «1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке. Золото в монетах и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд...» Затем вступил в силу указ «о незаконном переходе границы», предусматривающий

272

расстрел, позже Ленин за право выезда из страны запросил с каждого 2000 фунтов стерлингов золотом или зерном. Следом шло распоряжение Дзержинскому срочно взять на учет всех, кто потенциально может иметь фамильные ценности и сбережения. «1. Лица, принадлежавшие богатым классам, то есть имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше; владельцы городской недвижимости, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в течение 24 часов представить в домовые комитеты в трех экземплярах заявления за своей

подписью и с указанием адреса о своих доходах, службе и занятиях... 5. Эти лица обязаны в недельный срок, обзавестись потребительскими карточками для ведения еженедельных записей приходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений...»¹²⁴⁴

Пример реквизиций дает ЧКК: «Установление «диктатуры пролетариата» происходило в том числе путем наложения «огромных денежных контрибуций на буржуазию — 600 миллионов рублей в Харькове в феврале 1919 года, 500 миллионов в Одессе в апреле того же года. Чтобы гарантировать получение таких контрибуций, сотни «буржуев» были заключены в концлагеря как заложники. По мнению ЧКК, контрибуция фактически являлась синонимом грабежей и экспроприации и была первым этапом «ликвидации буржуазии как класса», в том числе и казачества: «...На область Войска Донского была наложена контрибуция в 36 миллионов пудов зерна — количество, явно превосходящее возможности края; у сельского населения отбирались не только скудные запасы продовольствия, но и все имущество, «включая обувь, одежду, подушки и самовары», как уточняется в одном из донесений ЧК»¹²⁴⁵.

Но большевики и тут не были первыми. Меньшевик Мартынов вспоминал о событиях 1918 года: «..в местечко въехал австрийский карательный отряд. Он сейчас же потребовал, чтобы население в течение двух часов принесло в штаб 300.000 руб. контрибуции. Местечко контрибуцию внесло своевременно. Тем не менее австрийцы в течение нескольких часов обстреливали его из орудий в карательном порядке. Затем началась расправа с селом: солдаты ходили по селу и с чисто немецкой аккуратностью поджигали каждый второй дом. Сжегши таким образом 240 крестьянских дворов, австрийцы выгнали на площадь все население местечка и села и на его глазах повесили 10 человек, в том числе несчастного отца накануне обезглавленного студента и одного семидесятилетнего старца, у внука которого найдено было ружье. Это была первая моя встреча с контрреволюцией на Украине»¹²⁴⁶.

Белогвардейцы превратили контрибуции в систему грабежа и насилия, причем не в государственных, а в личных интересах. Так, В. Горн вспоминал, как контрразведка Балаховича занималась крестьянством. Создавались дутые обвинения в большевизме, преимущественно в отношении *зажиточных* людей, и жертве предстояла только одна дилемма:

273

или откупись, или иди на виселицу. Экспроприации Балаховича сопровождали ужасные казни и грабежи...¹²⁴⁷ «Очерки...» А. Деникина забиты описаниями казачьих экспроприации: «...грабежи, бесчинства, массовые убийства и расстрелы в захваченных городах, погромы, поджоги, насилия и разрушения... Казаки относились к рейду как к очередной наживе, как к хорошему случаю обогатиться, пополнив свою казачью казну. *Более широкое понимание задач рейда было им недоступно...*»¹²⁴⁸ А вот как описывает «белую» контрибуцию Шульгин: «Деревне за убийство приказано было доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то, коров и т.д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка... По всей деревне. По русскому народу, за который мы же умираем...», «на деревню наложить контрибуцию! Весело вскакивает на лошадей конвой командира полка — лихие «лабинцы»... Мгновение, и рассыпались по деревне. И в ту же минуту со всех сторон подымается стон, рыдания, крики, жалобы, мольбы...»¹²⁴⁹ В итоге, как констатирует Шульгин, «белым», «освободителям русского народа» нельзя оставаться в одиночку... Убивают»¹²⁵⁰.

274

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ СПАСЕНИЕ — ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ

ДИКТАТУРА

«Все, что было наихудшего в столетии, которое открыла Первая мировая война, — все это имело начало в хаосе, который она оставила после себя».

Киган

Что такое абсолютная монархия, как не феодальная форма тоталитаризма, диктатуры, опирающейся на религиозный догматизм, невежество большинства населения и аристократию? Но даже здесь Герцен в середине XIX века выделял: «Русское императорство... это военная и гражданская диктатура, гораздо больше схожая с римским цезаризмом, чем с феодальной монархией...»¹²⁵¹ И к XX веку Россия подходила именно с этим традиционным для нее опытом развития. Не потому ли Н. Бердяев писал, что «по русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологи были всегда тоталитарными, теократическими...»¹²⁵²

Первая русская революция 1905 г. поколебала вековые устои русского самодержавия, оставляя ему только два пути. О них С. Витте докладывал Николаю II: «*при настоящих обстоятельствах* могут быть два исхода, или диктатура, или конституция»¹²⁵³. Проект манифеста Витте о введении конституции категорически поддержал великий князь Николай Николаевич, мотивировавший свое решение: «невозможностью, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре»¹²⁵⁴. Но «конституция» Витте, приведя страну на грань экономического и политического кризиса, продержалась менее двух лет. «Переворот» Столыпина 1907 года «урезал демократию» и фактически установил «полудиктатуру». Для этого он объединил в своем лице посты премьер-министра и министра внутренних дел. Войска, для подавления крестьянских беспорядков, были возвращены из Маньчжурии и размещены в европейской части страны. Витте, указывая на диктаторские полномочия Столыпина, назвал его конституцию — «quasi-конституцией, а, в сущности, скорее — самодержавием наизнанку, то есть не монарха, а премьера»¹²⁵⁵. Ленин более точно определял правление Столыпина как бонапартизм.

275

Последствия Первой мировой войны отличались от русско-японской 1905 г., только тем, что были уже не критическими, а катастрофическими. Уже в начале мая 1916 г. на вопрос Председателя Государственной Думы М. Родзянко: «Скажите... что Вам недостает в России» — представитель французского Правительства министр Тома отвечал: «Нам недостает сильной центральной Русской власти, так как... Россия должна быть морально очень крепкой, чтобы переносить в критические минуты, которые мы сейчас переживаем, то состояние тихой анархии, которое царит в Вашей стране и прямо бросается в глаза»¹²⁵⁶. Паралич власти прогрессировал. «Ведь только «видимость правительства» заседает у нас в Мариинском дворце», — писал начальник ГАУ генерал Маниковский осенью 1916 года.

Министр внутренних дел России А. Протопопов в своих показаниях следственной комиссии Временного Правительства рассказывал о состоянии страны к зиме 1916/1917 гг.: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль... пути сообщения — в полном расстройстве... двоевластие (Ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев... Общий урожай в России превышал потребность войска и населения; между тем система запрета вывозов — сложная, многоэтажная, — реквизиции, коими злоупотребляли, и расстройство вывоза создали местами голод, дороговизну

товаров и общее недовольство... Многим казалось, что только деревня богата; но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало... Товара было мало, цены росли, развилась продажа «из-под полы», получилось «мародерство», не как коренная болезнь, а как проявление недостатка производства и товарообмена... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе. Упорядочить дело было некому. Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много. Но направляющей воли, плана, системы не было и не могло быть при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля над работой министров. Верховная власть... была в плену у дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшавших председателей, которые не могли дать направления работам Совета... Работу захватили общественные организации: они стали «за (то есть вместо — П.М.) власть», но полного труда, облеченного законом в форму, они дать не могли». Таково было положение, при котором мысль о диктатуре навязывалась сама собой. Вопрос этот был поставлен в Ставке начальником штаба генералом Алексеевым, который считал необходимым сосредоточить

276

эти три ведомства в одном лице — «диктатора», который бы соединял гражданскую власть с военной. Диктатором должен был быть военный. Этот вопрос обсуждался в заседании Совета министров, в Ставке 27 и 28 июня 1916 г.»¹²⁵⁷ В январе 1917 года у Маниковского вырывается вопль отчаяния: «Условия работы боевых припасов все ухудшаются: заводы не получают металла, руды, угля, нефти; рабочие — продовольствия и одежды... Общее настроение здесь — задавленное, гнусное. А сильной власти — все нет как нет!»¹²⁵⁸

На сильную власть делали ставку и революционеры, готовившие февральский переворот, на то были свои причины. На них в своих воспоминаниях указывал эсер В. Станкевич: «В конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды»¹²⁵⁹.

Далеко не случайно в день свершения февральской революции ее организаторы сразу же выдвинули кандидата на роль диктатора. По словам Мельгунова: «со стороны Некрасова, несколько неожиданно для «левого кадета», в частном зале Госдумы... 27 февраля, было сделано.. предложение о военной диктатуре и вручении власти популярному генералу.. (А. Маниковскому)»*. В то же время Николай II со своей стороны назначает военным диктатором генерала Иванова. Но уже 2 марта по требованию Временного комитета Государственной Думы начальник штаба Ставки генерал Алексеев предпринимает меры для отзыва генерала Иванова и выполнению требования М. Родзянки: «...Необходимо для восстановления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда... доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-адъютанта Корнилова...»¹²⁶⁰

Помощь Корнилова была нужна Родзянке для поддержания его собственных

притязаний на диктаторские полномочия. Однако милюковская партия поспешила избавиться от Думы, оттеснила Родзянко и поставила

* (Яковлев Н..., с. 320.) А.А. Маниковский, судя по его работам, действительно был выдающейся личностью. Его выделяли абсолютно все, так, например, Шульгин писал: «Среди них несколько генералов и самый замечательный — Маниковский, начальник главного артиллерийского Управления». (Шульгин ВВ. Дни..., с. 119) «Маниковского все очень ценят как простого, дельного, умного, лишенного генеральствования начальника» (Лемке М.К..., 1916, с. 395)

277

во главе Временного правительства, объединившего законодательную, исполнительную и верховную власть (то есть ставшего еще более авторитарным, чем даже царское правительство), безвольного кн. Львова, в надежде на возможность манипулирования властью за его спиной. Позднее Милюков писал: «Было бы, конечно, нелепо обвинять князя Львова за неудачу революции. Революция — слишком большая и сложная вещь. Но мне казалось, что я имею право обвинять его за неудачу моей политики в первой стадии революции. Или, наконец, обвинять себя за неудачу выбора в исполнители этой политики? Но я не мог выбирать, как и он «не мог не пойти». Что же, спрашивал себя В. Шульгин: был лучше Родзянко? И он правильно отвечал, как и я: нет, Родзянко был невозможен — ему «не позволили бы левые»! А нам, кадетам, имевшим «все же кой-какую силу», могли бы «позволить»? В обнаженном виде к этому сводился весь вопрос...»¹²⁶¹

Здесь Милюков отвечает на принципиально важный вопрос: почему новые «правые» не установили свою диктатуру? — не потому, что не хотели, а потому, что не могли, поскольку не имели сил для преодоления сопротивления «левых». Под левыми же понимались даже не большевики, а та самая расплавленная стихия «русского бунта», разбуженная февральской революцией. В апреле 1917 г. накануне организации коалиционного правительства Милюков снова попытается вернуться к альтернативной идее диктатуры¹²⁶², но левые опять «не позволяют» ему даже предложить этот вариант.

В. Воейков по этому поводу замечал: «По-видимому, временному комитету Государственной Думы не удалось организовать настолько, чтобы, по выражению Милюкова, быть в состоянии «загнать в стойла чернь, расчистившую Временному правительству дорогу к власти»¹²⁶³. Шульгин сокрушался: «пулеметов у нас не было... Величайшей ошибкой, непоправимой глупостью всех нас было то, что мы не обеспечили себе никакой реальной силы. Если бы у нас был хоть один полк, на который мы могли бы твердо опереться, и один решительный генерал — дело могло бы обернуться иначе. Но у нас ни полка, ни генерала не было... И более того — не могло быть... В то время в Петрограде «верной» воинской части уже — или еще — не существовало...»¹²⁶⁴

Активный участник февральского переворота Шульгин, столкнувшись с разбуженной «стихией», буквально впадал в отчаяние: «Да, под прикрытием ее штыков мы красноречиво угрожали власти, которая нас же охраняла... Но говорить со штыками лицом к лицу... Да еще с взбунтовавшимися штыками... Нет, на это мы были неспособны. Беспомощные — мы даже не знали, как к этому приступить... Как заставить себе повиноваться? Кого? Против кого? И во имя чего?.. Я убежден, что если бы сам Корнилов был членом Государственной думы, ему это не пришло бы в голову. Впрочем, нечто в этом роде пришло в голову через несколько дней члену Государственной думы казаку Караулову. Он задумал «арестовать всех» и объявить себя диктатором. Но когда он повел такие речи в одном наиболее "надежном полку", он увидел, что если он не перестанет, то ему самому несдобровать... Такой же прием ожидал каждого

278

из нас... Кому мог приказать Милюков? Своим "кадетам"? Это народ не винтовочный...»¹²⁶⁵ «Родзянко мог бы бороться, если бы у него было два-три

совершенно надежных полка. А так как в этой проклятой каше у нас не было и трех человек надежных, то Родзянко ничего бы не сделал. И это было совершенно ясно хотя бы потому, что, когда об этом заикались, все немедленно кричали, что Родзянко «не позволят левые». То есть как это «не позволят»? Да так. В их руках все же была кой-какая сила, хоть и в полуанархическом состоянии...»¹²⁶⁶

Уже к лету 1917 г. деятельность Временного правительства привела к ситуации, о которой сам П. Милюков говорил: «В сущности, не менее катастрофическое положение уже не грозило, а было налицо в области народного хозяйства...»¹²⁶⁷ Лидер кадетов приходил к выводу: «Не отступление войск и отсутствие снарядов заботит русских людей, а глубокое функциональное расстройство самой страны. И именно оно повелительно ставит дилемму между диктатурой и сдачей власти...»¹²⁶⁸ Шульгин в отчаянии призывал: «Хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы действительно сильной, действительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходит в деспотизм, который скорее обрушится на меня, чем на вас — друзей этой власти»...¹²⁶⁹

Но, как вспоминал Деникин: «Вместо установления власти, соответствовавшей военному времени, такие, как Вердеревский проповедовали, что «дисциплина должна быть добровольной. Надо сговориться с массой (!) и на основании общей любви к родине побудить ее добровольно принять на себя все тяготы воинской дисциплины. Необходимо, чтобы дисциплина перестала носить в себе неприятный характер принуждения»¹²⁷⁰. В это время английский посол Бьюкенен докладывал в Лондон: «Я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления». Бьюкенен подчеркивал, что «не принадлежит к тем, кто видит в республике панацею от прежних слабостей страны. До тех пор пока образование не пронизало российские массы, они будут не более способны обходиться без сильного правителя, чем их славянские предки, которые в девятом веке пригласили северных викингов прийти и править ими, поскольку не было в их земле порядка...»¹²⁷¹ Р. Чаркес приходил к выводу, что: «российский либерализм, стоявший за полную парламентскую демократию в империи, где более трех четвертей населения были неграмотны и жили на протяжении столетий в условиях ничем не сдерживаемого абсолютизма, был обречен на неминуемое поражение»¹²⁷².

«В результате всеобщего признания несостоятельности установившейся власти в общественном сознании возникла мысль о *диктатуре*, — вспоминал Деникин, — первые разговоры на тему о диктатуре (в виде легкого зондирования почвы) начали со мной различные лица, приезжавшие в Ставку, приблизительно в начале июня. Все эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить их. — Россия

²⁷⁹

неизбежно идет к гибели. Правительство совершенно бессильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже нам нужно перейти к диктатуре»¹²⁷³. 2 июня сами кадеты, главные организаторы и исполнители либерально-буржуазной февральской революции, выходят из правительства и «решают прекратить всякое сотрудничество с демократией и направить все усилия на подготовку условий для сотрудничества с иными силами на платформе военной диктатуры»¹²⁷⁴. Это была уже третья попытка либеральных демократов, за последние 4 месяца после февральской революции, установить свою диктатуру.

Через месяц к неизбежности установления военной диктатуры приходят лидеры Временного правительства и Советов: «В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в

частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство»¹²⁷⁵.

Тем временем правительственный кризис превращался в государственную катастрофу: «Участились и внешние проявления этого расстройств, особенно в обороне страны... производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство — на 60%)..., — отмечал А. Деникин, — Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадал вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы»¹²⁷⁶.

Английский генерал Нокс докладывал своему правительству: «Конечно, первое, что нужно, это восстановление дисциплины. Если это не будет сделано, то нет силы в мире, которая сможет спасти Россию от катастрофы. Вопрос только в том, произойдет ли последняя осенью или зимой»¹²⁷⁷. Деникин в то же время писал: «Самое главное — офицерство просило и требовало *власти* над собою и над армией. Твердой, единой, национальной — «приказывающей, а не взывающей». Власти правительства, опирающегося на доверие страны, а не безответственных организаций. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновение, не считаясь совершенно с расхождением в области социальной»¹²⁷⁸.

Керенскому, по его воспоминаниям, неоднократно делались предложения заменить бессильное правительство личной диктатурой «казацки круги и некоторые общественные деятели». И только когда «общественность» разочаровалась в нем «как в возможном организаторе и главном деятеле изменения системы управления в сторону сильной власти», то-

гда уже «начались поиски другого человека»... «Страна искала *имя*»¹²⁷⁹. В августе 1917 года «Лорд Роберт Сесиль обосновал точку зрения, что «этот лидер» (имелся в виду Керенский) никогда не найдет в себе внутренних сил для превращения своего режима в диктуемую обстановкой диктатуру»¹²⁸⁰.

«Имя» скоро нашлось в лице генерала Корнилова, который еще за день до ареста Николая II, 7 марта, арестовал в Царском Селе императрицу с детьми. В августе 1917 г. Корнилов изложил свою программу следующим образом: «Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят; я устранюсь и ничему препятствовать не буду»¹²⁸¹. Активным сторонником Корнилова выступил генерал Деникин. Лидеры «военной партии» искали поддержку своей программы в буржуазных и либеральных слоях общества, у союзников и в армии. В результате «поисков» Деникин приходит к печальному выводу:

«Поддержка буржуазии?.. крупная денежная буржуазия, «небольшая по числу, но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах». Буржуазия эта «подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила (Республиканскому центру) первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигавшейся опасности большевизма». Представители этой банковской и торгово-промышленной знати лично стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи...»¹²⁸²

«Московская группа шла нам навстречу; петроградская нас избегала. У Рябушинского отнеслись более внимательно. Тем не менее мы должны были сделать вывод: мы — одни»¹²⁸³. В итоге, как свидетельствует Деникин: «Большое затруднение для нас представляло полное отсутствие денежных средств. Широкое субсидирование корниловского выступления крупными столичными финансистами, о котором так много говорил в своих показаниях Керенский, — вымысел. В распоряжении «диктатора» не было даже нескольких тысяч рублей, чтобы помочь впавшим в нужду семьям офицеров...»¹²⁸⁴

«Поддержка союзников? — продолжал Деникин. — Нужно заметить, что общественное мнение союзных стран и их правительств, вначале чрезвычайно благожелательно настроенных к Керенскому, после июльского разгрома армии резко изменилось. И посланный правительством для ревизии наших заграничных дипломатических миссий Сватиков имел полное основание суммировать свои впечатления следующими словами доклада: «Союзники смотрят с тревогой на то, что творится в России. Вся западная Европа — с Корниловым, и ее пресса не перестает твердить: довольно слов, пора приступить к делу». Еще более определенное и вполне доброжелательное отношение сохранили к Верховному иностранные военные представители. Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние

281
пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель... Впрочем, Корнилов тогда не ждал и не искал более реальных форм интервенции».

«Поддержка русской общественности? Произошло нечто чудное: русская общественность внезапно и бесследно сгинула». Корнилов говорил об этом: «У меня никого не было. Этих людей я знал очень мало...» У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые если не вдохновляли, то, во всяком случае, всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени в ожидании результатов борьбы»¹²⁸⁵. В свою очередь, «правые смотрели на Корнилова только как на орудие судьбы, и на дело его — как на переходный этап к другому строю»¹²⁸⁶.

Поддержка армии? Генерал Пржевальский выступил против планов правой военной диктатуры: «Я остаюсь верным Временному правительству и считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне гибельными для отечества»... Еще более определенно высказался будущий военный министр полковник Верховский, объявивший в приказе по войскам Московского округа: «Бывший Верховный главнокомандующий (Корнилов)... в то самое время, когда немцы прорываются у Риги на Петроград, снял с фронта три лучшие казачьи дивизии и направил их на борьбу с правительством и *народом русским*»...¹²⁸⁷

Тем временем глава английской военной миссии в России генерал А. Нокс информировал военный кабинет об отчаянной ситуации: «Огромные массы солдат не желают воевать; в промышленности дело приближается к анархии; виды на урожай катастрофические. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, огромное большинство страны поддержит его». Русские не созрели для демократии. «Им нужно приказывать, что следует делать»¹²⁸⁸. Нокс заявлял о возможной «необходимости в поддержке попыток генерала Л. Г. Корнилова» «свергнуть в начале сентября правительство премьер-министра Керенского»¹²⁸⁹. Нокс упрекал американского полковника Робинса в том, что последний не поддерживает Корнилова. «Я не заинтересован в правительстве Керенского, — говорил британский генерал, — оно слишком слабо; необходима военная диктатура, необходимы казаки, этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно»¹²⁹⁰. Американец Р. Робинс быстро разуверившийся

во Временном правительстве, повторял своего английского коллегу: «Я не верю в Керенского и его правительство. Оно некомпетентно, неэффективно и потеряло всякую ценность». Стабилизировать его уже невозможно. Единственной надеждой России.. является военная диктатура: «Этот народ должен иметь над собой кнут»¹²⁹¹. Лорд Р. Сессил, как и британский военный кабинет, заявляли, что обстановка в России диктует необходимость установления военной диктатуры: «ради интересов союзников и демократии вообще»¹²⁹². Мало того, на за-

282

крытой союзнической конференции Англия и Франция потребовали поддержки Корнилова. В подготовке мятежа Корнилова приняли участие лидер кадетов Милюков и монархист Шульгин¹²⁹³.

С Корниловым об установлении твердой военной власти вел переговоры и сам Керенский, однако в последний момент он отрешил Корнилова от Верховного Командования. «Корнилов отказался повиноваться и призвал войска к восстанию против Временного Правительства. Керенский, в свою очередь... объявил... Корнилова изменником. В тот же день вечером Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его Начальник Штаба и старшие генералы, а также командующие всех Армий этого фронта и их Начальники Штабов были арестованы солдатами. На позициях началось избивание лучших офицеров под предлогом, что они «корниловцы»¹²⁹⁴. Решение Керенского выступить против Корнилова, очевидно, диктовалось пониманием того, что корниловский мятеж грозит не только установлением военной диктатуры, но и уничтожением его идеалов. Бьюкенен записывал: «Сегодня ко мне заходил Верховский. Он сказал, что Керенский не захотел, чтобы казаки сами подавили восстание, так как это означало бы конец революции»¹²⁹⁵.

Но установление военной диктатуры означало не столько конец революции, сколько начало гражданской войны, при этом Керенский рисковал отдать власть слепой силе, которая фактически не пользовалась реальной поддержкой ни одного сколько-либо значимого слоя общества. Она не имела ни одного шанса утвердиться у власти, и это неизбежно привело бы к массовому бесцельному кровопролитию и самоуничтожению государства. Керенский, после шараханий вправо, тем не менее очевидно чувствовал это и во второй раз не допустил развертывания ширококомасштабной гражданской войны в России. За Керенского вступились американцы, благодаря давлению которых совещание дипломатов 11 стран, под председательством Бьюкенена, как дуайена дипломатического корпуса, поддержало Временное правительство против Корнилова. Отношение американцев к мятежу Корнилова диктовалось не столько приверженностью «демократическим» принципам, сколько противоборством с англичанами, поддерживавшими Корнилова.

Позиция США в отношении России формировалась под воздействием различных точек зрения. Госсекретарь США Лансинг «...скептически относился к компромиссам Керенского с радикалами и считал провальными попытки привести к согласию умеренных и радикалов. В нормальном, по его выражению, революционном процессе России предстоит пройти через стадии, аналогичные этапам Французской революции: «Первая — умеренность. Вторая — террор. Третья — восстание против новой тирании и реставрация порядка непрерываемой военной силой. По моему мнению, деморализованное состояние будет ухудшаться и ухудшаться, пока не появится некая властная личность и со всем не покончит»¹²⁹⁶. Уошберн писал, что «...к зиме разразится кризис, который приведет к «необычайно суровому времени для России, когда повсюду будут звучать требования реставрации сильной

283

власти любого рода»¹²⁹⁷. Советник американского президента Хауз по-прежнему

верил, что важнее поддерживать русскую демократию, чем пытаться поставить «Германию на колени». При условии сохранения демократии Хауз отнесся бы снисходительно к военным обязательствам России¹²⁹⁸. В итоге, заключал Уильямс, «в августе 1917 г. Соединенные штаты решили оставить Россию с ее Февральской революцией, пока «нормальный процесс» революции не войдет в свое русло и не восстановится порядок с помощью «произвольной военной силы». Уильямс приписывает эту политику Лансингу, «несмотря на предупреждения разных источников о ее крайней опасности».

Оценка причин поражения Корнилова зачастую не идет дальше оценки субъективных особенностей организаторов мятежа. Так, например, В. Войтинский писал: «К сожалению, Корнилов не был «слеплен» из материала, из которого история делает Цезарей и Наполеонов»¹³⁰⁰. Английский посол Бьюкенен, прожив в России долгие годы, так ничего и не понял об этой стране или не хотел понимать: «Выступление Корнилова с самого начала было отмечено почти детской неспособностью его организаторов».

На деле корниловский мятеж был обречен по другой причине. Шульгин вспоминал, как «по призыву ЦК РСДРП(б) 27 августа против мятежников выступили солдаты революционных частей, моряки Балтийского флота, красногвардейцы. За три дня в отряды Красной гвардии записалось более 15 тыс. рабочих»¹³⁰¹. Милюков свидетельствовал: «...борьба с войсками генерала Корнилова закончилась без единого выстрела. «Вопрос был решен не столько... стратегическими или тактическими успехами правительственных или корниловских войск. Вопрос решили ... не полководцы, а солдаты»¹³⁰². Тот же В. Войтинский констатировал: «...казаки не хотели идти за генералом Корниловым против петроградских солдат и рабочих — и не пошли, — этим исчерпывается реальное содержание корниловской эпопеи»¹³⁰³.

После сдачи Корнилова Верховным Главнокомандующим стал сам Керенский. Развал армии шел уже полным ходом. Прежние войсковые комитеты казались солдатам слишком «правыми». «Везде начали самочинно возникать «революционные трибуналы», переименовавшиеся вскоре затем в военно-революционные комитеты...»¹³⁰⁴. В это время Бьюкенен с раздражением писал, что военный министр Верховский «по-видимому, окончательно потерял голову и заявил, что Россия должна немедленно заключить мир и что когда мир будет заключен, то должен быть назначен военный диктатор для обеспечения поддержания порядка»¹³⁰⁵. Союзники, почувствовав слабость власти Керенского и осознав провал попытки установления «военной диктатуры», в целях продолжения участия России в войне сразу же предъявили свои «векселя» на выданные России кредиты: «26 сентября к министру-председателю явились посланники Англии, Франции и Италии и обратились к нему с коллективным заявлением от имени своих держав, что «общественное мнение

284

их стран требует отчета у правительств по поводу материальной помощи, оказанной России; что русское правительство должно доказать свое стремление использовать все средства, чтобы восстановить дисциплину и истинный воинский дух в армии»¹³⁰⁶.

Настроения самого Керенского передавал Милюков: «Если не хотят мне верить и за мной следовать, я откажусь от власти. Никогда я не употреблю силы, чтобы навязать свое мнение... Когда страна хочет броситься в пропасть, никакая человеческая сила не сможет ей помешать, и тем, кто находится у власти, остается одно: уйти!» И «с разочарованным видом он сходит со сцены». Французский посол Палеолог пишет в недоумении: «Мне хочется ему ответить, что когда страна находится на краю бездны, то долг правительства — не в отставку уходить, а с риском для собственной жизни удержать страну от падения в

бездну»¹³⁰⁷. Гревс был настроен явно скептически: «Тот факт, что правительство Керенского — либеральное и частью социалистическое — оказалось способно оставаться у власти только 8 месяцев, ясно показывает, что русским было предназначено иметь или автократическое или крайнее социалистическое правительство»¹³⁰⁸.

В. Ленин писал в то время: «Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата — об ином выходе для страны, прodelывающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, не может быть и речи. Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т.п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917-1918 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой»¹³⁰⁹.

Теория диктатуры:*

Прежде чем идти дальше, нам на время необходимо отвлечься от истории и дать место политэкономии, которая поможет нам разобраться в происходивших событиях.

Словари дают определение ДИКТАТУРЫ (лат. *dictatura* — неограниченная власть) как осуществление власти в государстве недемократическими методами; авторитарный политический режим. Диктатуре противопоставляется Демократия, как власть народа. Но определения не дают понимания их природы. Поэтому на практике природу диктатуры и демократии нередко отдают на откуп склонности отдельных народов или партий к тому или иному типу власти. Такой субъективистский подход

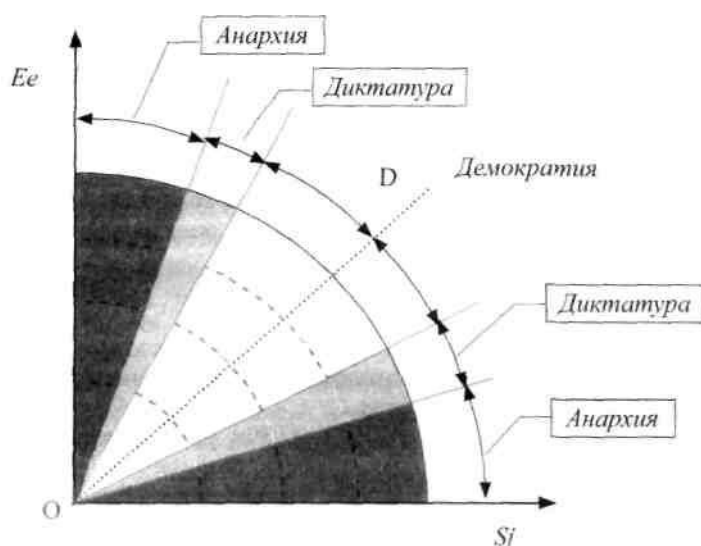
* Теория диктатуры не исчерпывается нижеприведенными рассуждениями, к ней мы еще вернемся в следующих томах «Запретной политэкономии».

285

вполне отражает расистскую теорию неполноценности того или иного народа, или социальной группы.

Объективный подход требует указать на силы, которые приводят к той или иной форме власти, то есть написать формулу демократии. И здесь мы снова обратимся к графику, подробное обоснование которому было дано в первом томе серии «Запретная политэкономия» («Революция по-русски»)*. В соответствии с предложенной теорией, государство может существовать лишь в ограниченном секторе графика, за его границами начинается Анархия — распад и самоуничтожение. «Защитную» функцию в данном случае выполняют жесткие мобилизационные, диктаторские режимы. В. Шубарт по этому поводу писал: «В конечном счете требуется государство насилия, в котором человеческая масса ищет спасения от хаоса»¹³¹⁰. Именно поэтому демократия с обеих сторон ограничена диктатурами. Последняя есть не что иное, как форма мобилизации власти. Ее цели могут быть различными и являться как защитной реакцией на неблагоприятные условия, так и прямо противоположными — узурпацией экономической или политической власти.

Диктатуры на графике предельных соотношений

Таким образом мы можем вывести формулу демократии — $Dem. Dem = F(Ee; Sj)$;

* См. «Запретная политэкономия» («Революция по-русски») или сайт www.gaiin.ru

286

Демократия, как и любой общественно-политический строй, является функцией от экономической эффективности и социальной справедливости. То есть демократия это не только общественно-политическое, но и экономическое понятие, ограниченное строгими объективными рамками. В роли этих естественных ограничителей выступают Диктатуры — Dic :

$Dic < Dem < Dic$

Один из постулатов, определяемых данной формулой, гласит, что *при снижении экономического потенциала общества ниже некоего критического уровня невозможна никакая другая форма власти кроме диктатуры*.

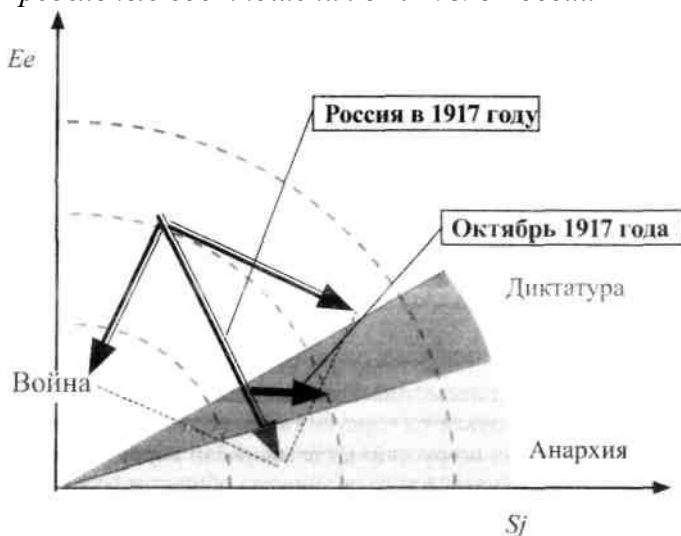
Вернемся к России и посмотрим, где она находилась в 1917 году. Для этого мы должны сослаться на первую книгу серии «Запретная политэкономия» («Революция по-русски»), где мы ввели параметр, характеризующий истощение экономического потенциала общества во время войны, обозначив его термином «мобилизационная нагрузка». На графике она была представлена вектором «Война». Там же мы рассчитали величину и определили направление результирующего вектора социально-экономического развития «России в 1917 г». — он вел страну к хаосу, анархии и самоуничтожению. Именно на его пути встала Октябрьская революция и диктатура большевиков. Она силой переломила направление результирующего вектора и вывела его на новую траекторию развития. Диктатура в данном случае явилась последней защитной реакцией общества, спасающей его от уничтожения. Именно поэтому в 1917 г. мнение всех левых и правых, либералов, социалистов и монархистов и даже «демократических союзников» из Англии, Франции, США... было единодушным: в России должна была быть установлена диктатура, только в этом случае последняя могла выжить. К этим выводам, как мы помним, еще раньше в 1916 г. пришли генералы Алексеев и Маниковский, лидер либералов Милюков и монархист Шульгин, французский министр-демократ Тома и представитель английской демократии генерал Нокс.

Общее мнение выражали слова меньшевика А. Мартынова, который, находясь в гуще событий, писал: «Каждый раз, когда мутная волна бандитизма нас захлестывала... я приходил к убеждению, что в одном пункте мы, меньшевики, были совершенно слепы, что наш меньшевистский взгляд на демократию и диктатуру в эпоху революции есть взгляд маниловский, кабинетный, безжизненно-доктринерский. Когда я очутился на Украине, в самой

гуще гражданской войны, в самом пламени бушующих народных стихий, суровые факты действительности безжалостно разрушали мои старые парламентско-демократические схемы...»¹³¹¹

287

Предельные соотношения в 1917г. в России

После снятия неблагоприятной нагрузки выход из диктатуры, пускай и с некоторым инерционным кризисом, осуществляется естественным путем. Но если неблагоприятные условия продолжают достаточно длительный период времени или снижение экономического потенциала общества слишком велико, то диктатура приобретает все более радикальный и хронический характер. Выход из нее естественным путем становится невозможным, происходят качественные изменения, и диктатура вырождается из вынужденной в регрессивную.

Диктатура не может существовать сама по себе, она может быть реализована лишь при условии, если за ней стоит какая-либо сила, способная ее обеспечить: либо политическая, либо военная. Большевистская диктатура была — «диктатурой пролетариата».

Диктатура пролетариата

ВXVII-XIX веках либеральное государство Дж. Локка стало революционным прорывом в общественных отношениях, это была победа демократии и свободы над аристократической, феодальной монархией. Но для XX века либеральный демократизм XVII века выродился если не в подобие нового рабовладельческого строя, то во вполне очевидную диктатуру избранной элиты, ведь либерально-демократическое государство, согласно Дж. Локку, Мэдисону, А. Смит, было призвано за-

288

щищать и отражать права меньшинства, за счет подавления большинства. По терминологии Маркса и Энгельса, государство Дж. Локка уже к середине XIX века превратилось в «особую силу подавления», у Ленина в «диктатуру буржуазии», у С. Шарапова в «диктатуру капитала». Леонтьев, отмечая эти тенденции, в 1880 г. писал: «тот слишком подвижный строй», к которому привел «эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века... должен привести или к всеобщей катастрофе», или же к обществу, основанному «на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме»¹³¹².

Основой «нового деспотизма» Маркс считал буржуазное государство, так в

работе «Гражданская война во Франции» он утверждал: «...Государственная власть после революции 1848-1849 гг. становится национальным орудием войны капитала против труда»... «Диктатуре капитала» марксизм противопоставил «диктатуру пролетариата». Макиавелли в «Государе» указывал на возможность существования двух этих типов диктатур: «Единовластие утверждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай». А умеренный Гильфердинг, теоретический вождь каутскианства, отмечал: «В гигантском столкновении враждебных элементов диктатура магнатов капитала превращается в диктатуру пролетариата»¹³¹³.

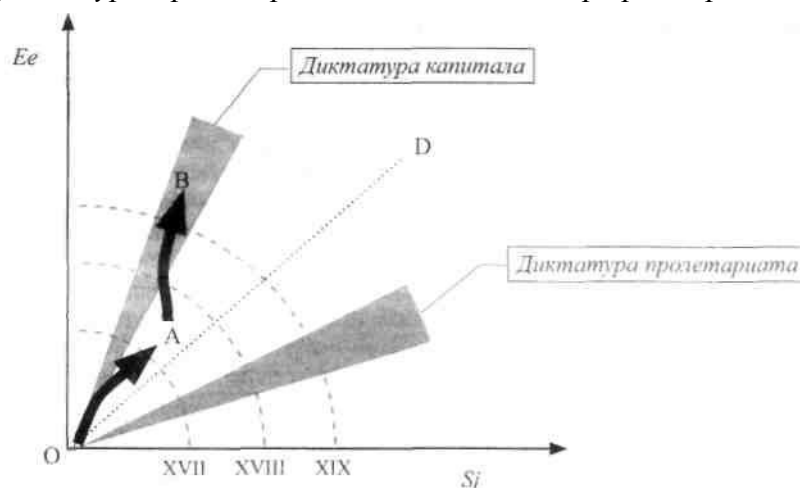
Поясним эти тезисы на нашем графике. В XVII веке государство Дж. Локка находилось в секторе демократии в точке (А). Капитализм на первой стадии своего существования на кривой XVIII века носил безусловный прогрессивный и либерально-демократический характер по сравнению с феодальным строем*. Капитализм обусловил потребность в демократии, поскольку демократия — общественный строй, основанный на экономическом способе хозяйствования. Поэтому она не может существовать при феодализме, равно капитализм не может существовать без демократии.

Стремительное развитие капитализма в XVII-XIX веках привело к опережающему развитию экономики по сравнению с социальной эволюцией общества. Этот процесс постепенно достигал своего насыщения, упираясь с одной стороны в ограниченность рынков, что обостряло борьбу за них, с другой в растущее социальное расслоение общества. Именно поэтому развитие капитализма происходило не по прямой, а вдоль дуги (AB), и уже во второй половине XIX века буржуазное государство оказалось в секторе «диктатуры капитала» в точке (В). Идеология марксизма формировалась именно в этот период и отличалась тем радикализмом, который диктовало время.

* XVIII век, как обобщающий показатель. Разные страны осуществляли переход от феодализма к капитализму в разное время, и этот переход иногда занимал столетия.

289

Диктатуры пролетариата и капитала на графике предельных соотношений

Сектор «Диктатуры», как мы помним, является крайне нестабильным, поскольку он находится в зоне, где источники дальнейшего эволюционного роста оказываются исчерпанными*. Чем больше снижалась эффективность, тем больше капитал сдвигал точку равновесия влево, тем самым снижая устойчивость экономической системы в целом. Выход в то время виделся только в увеличении размеров самой системы — империализме. Империализм приводит к пропорциональному увеличению ресурсов и эволюционному сдвигу кривых предельных соотношений в направлении оси OD. Именно империализм стал главной причиной Первой и Второй мировой войны, что лишний раз подтверждает вырождение капитализма и демократии образца XVIII века к XX

веку. Но империализм на своей поздней стадии уже не может привести к качественному изменению системы, и капитализм быстро возвращается в сектор «диктатуры капитала».

Следует отметить, что диктатура капитала, как и диктатура пролетариата далеко не обязательно реализуется в форме авторитарных

* Есть и другой выход, в секторе диктатуры капитала общественные ресурсы достигают своего максимума, для данного уровня развития, и до их исчерпания они могут быть вложены в осуществление революционного перехода на более высокий уровень развития общества. Этот прием позже используют многие страны Юго-Восточной Азии для своего прорывного и опережающего развития, демонстрируя пример прогрессивной диктатуры.

290

режимов. Демократические формы диктатур порой оказываются еще страшнее и опасней для общества, чем авторитарные. М. Палеолог по этому поводу писал: *«Демократия... не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнета политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он распыляется по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ и в то же время его нет нигде; оттого он, как пар, наполняющий пространство, невидим, но удушлив, он как бы сливается с национальным климатом. Он нас раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь. При самодержавии же, наоборот, деспотизм проявляется в самом, так сказать, сгущенном, массивном, самом конкретном виде. Деспотизм тут воплощается в одном человеке и вызывает величайшую ненависть»*¹³¹⁴. Диктатура капитала осуществляется именно в виде демократического деспотизма, о котором писал М. Палеолог.

К середине XIX века власть диктатуры капитала выродилась в откровенный социальный расизм элиты к собственным народам, что привело к появлению ответной реакции в виде классовой борьбы пролетариата. Энгельс в то время писал: «Особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата)¹³¹⁵. Маркс впервые употребляет термин «диктатура пролетариата» в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Впоследствии, опираясь на опыт международного рабочего движения, Маркс сформулировал в «Критике Готской программы» (1875) следующий вывод: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Сущность диктатуры пролетариата классики марксизма излагают в «Коммунистическом Манифесте»: «...пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии... Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»...¹³¹⁶ При этом Маркс, подчеркивая временный характер «диктатуры пролетариата», указывал, что «для уничтожения классов необходима *временная диктатура угнетенного класса*»¹³¹⁷.

Но, как пишет В. Ленин, «открывать политические формы... будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением фран-

291

цузской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к разрушению буржуазной государственной машины»¹³¹⁸. Причины

того, что Маркс не оставил никаких конкретных рекомендаций насчет нового общества, В. Ленин находил в том, что «формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹³¹⁹.

В программе большевиков «положение о необходимости установления диктатуры пролетариата было впервые закреплено в Программе РСДРП, принятой на 2-м съезде партии (1903). «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»¹³²⁰. Ленин обосновывал свое утверждение следующим образом: «...Нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, то есть гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переметов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не "показать себя" при таком глубоком перевороте. А "показать себя" элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*»¹³²¹.

«Диктатура пролетариата — писал Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»¹³²². При этом, указывал В. Ленин, «власть рабочего класса вырастает из конкретных условий освободительной борьбы каждого народа. Поэтому в разных странах она не может не приобретать различной формы. «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или

292

иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»¹³²³.

Троцкий добавлял: «Чем грандиознее задачи, чем большее количество приобретенных прав и интересов они нарушают, тем концентрированнее революционная власть, тем обнаженнее ее диктатура. Плохо ли это или хорошо, но именно такими путями человечество до сих пор шло вперед»¹³²⁴. Н. Бухарин давал экономическую трактовку: «Целью пролетарской диктатуры являются *ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики*, «диктаторское посягательство» (Маркс) на права частной собственности. Основной смысл пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть *рычаг экономического переворота*»¹³²⁵.

По словам Л. Троцкого: «Диктатура рабочих и солдат была фактом, начиная с 27 февраля. Но рабочие и солдаты не отдавали себе в этом факте необходимого отчета... Расчет большевиков на мирное развитие революции покоился не на том, что буржуазия добровольно передаст власть рабочим и солдатам, а на том, что рабочие и солдаты своевременно помешают соглашателям переуступать власть буржуазии»¹³²⁶. Но диктатура неорганизованной массы «рабочих и солдат», о которой писал Троцкий, есть не что иное, как всеразрушающая власть стихии «русского бунта», а отнюдь не «диктатуры пролетариата». Опыт первых лет революции показал, что на переходном этапе пролетариат оказывается неспособным реализовать «диктатуру пролетариата» и ее осуществление взял на себя авангард рабочего класса — партия. Монополия партии была определена решениями VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), партия должна была добиваться «полною господства в современных государственных организациях, какими являются Советы, полного руководства всеми общественными организациями, и в первую очередь профсоюзами»¹³²⁷.

Механизм осуществления «диктатуры пролетариата» строился на принципах «демократического централизма», впервые упомянутых Марксом в 1847 г., но доведенных до логического конца В. Лениным в 1903-1908 гг. Принципы «демократического централизма» первоначально предназначались только для организации партии и включали в себя: «а) выборность всех руководящих органов партии снизу доверху; б) периодическую отчетность партийных органов перед своими партийными организациями и перед вышестоящими органами; в) строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству; г) безусловную обязательность решений высших органов для низших»¹³²⁸. После Октябрьской революции большевики распространили действие принципов демократического централизма на все области государственной жизни. Ленин писал: «Наша задача теперь провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства

293

транспорта и т.п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»¹³²⁹.

Наибольшей проблемой было сохранение баланса между демократией и централизмом. По словам Троцкого, «сам Ленин говорил, что палку, изогнутую в одну сторону, пришлось перегибать в другую. Его собственная организационная политика вовсе не представляет одной прямой линии. Ему не раз пришлось давать отпор излишнему централизму партии и апеллировать к низам против верхов. В конце концов партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или другую сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централизма. Лучшей проверкой этого равновесия явился тот исторический факт, что партия впитала в себя пролетарский авангард, что этот авангард сумел через такие демократические массовые организации, как профсоюзы, а затем Советы, повести за собой весь класс и даже больше, весь трудящийся народ. Этот великий исторический подвиг был бы невозможен без сочетания самой широкой демократии, которая дает выражение чувствам и мыслям самых широких масс, с централизмом, который обеспечивает твердое руководство...»¹³³⁰

Однако к окончанию гражданской войны троцкисты (левые коммунисты) выступили против демократического централизма, под предлогом развития

партийного демократизма в виде фракционности. Позиция Троцкого, по его словам, основывалась на том, что, признавая правоту Ленина для конкретных исторических событий, он видел в демократическом централизме, при определенных условиях, потенциальную угрозу обществу. Л. Троцкий отмечал: «Демократизм и централизм, сведенные к отвлеченным принципам, могут, подобно законам математики, найти свое применение в самых различных областях. Не трудно чисто логически «предсказать», что ничем не сдерживаемая демократия ведет к анархии или атомизированию, ничем не сдерживаемый централизм — к личной диктатуре... Поскольку централист Ленин казался мне чрезмерным, я, естественно, прибег к логическому доведению до абсурда. Но дело шло все же не об абстрактных математических принципах, а о конкретных элементах организации, причем соотношение между этими элементами вовсе не оставалось неподвижным...»¹³³¹

X съезд РКП(б) (1921) решительно осудил всякую фракционность и принял по предложению Ленина резолюцию «О единстве партии». Троцкий, несмотря на свои вполне обоснованные опасения и оппозицию, в итоге так же безоговорочно встал на ленинскую позицию: «Советский централизм вообще находится еще в зачаточном состоянии, а без него мы ничего не создадим ни в продовольственной, ни в других областях,

294

ни тем более в военной области. Армия, по своему существу, есть строго-централизованный аппарат, тесно связанный нитями со своим центром. Нет централизма — нет армии»¹³³². При этом Троцкий указывает, что такой радикальный подход к централизму во время войны был вынужденной мерой: ***«Главкократический централизм в его нынешней форме может держаться лишь на основе чрезвычайного хозяйственного оскудения»***¹³³³.

Каким же видели следующий за «диктатурой пролетариата» этап развития общества классики марксизма? — К. Маркс разделял переход к коммунизму (обществу без классов) на две фазы — высшую и низшую. Уже на низшей, социалистической, «...раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то "особой силы" для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти»¹³³⁴. На смену государству должна была прийти новая общественная организация в виде «коммуны». «Коммуна — писал Маркс — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество... Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»... «Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю...»¹³³⁵

Для современного читателя наивный идеализм классиков коммунизма может показаться абсурдом, как впрочем многим и в те годы. Например, С.Шарапов в 1907 г. писал: «Социализм, ратующий против исключительных прав капитала, ради таких же исключительных прав труда, то есть желающий заменить деспотизм капитала деспотизмом труда, логически не может кончить не чем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя...»¹³³⁶ Но,

во-первых, радикальный марксизм появился лишь в ответ на достигший апогея радикализм диктатуры капитала. Во вторых, любая идеология, особенно на начальном этапе своего существования, всегда обладает некой утопичностью и односторонностью. Поэтому важно не принимать ее догматично, как руководство к действию, а относиться к ней именно как к некоему религиозному идеалу, требующему непрерывного самосовершенствования.

295

Ленин очевидно вполне отчетливо отделял идею от практики и указывал на необходимость поиска эволюционного пути развития: «Развитие демократии до конца, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т.д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию»¹³³⁷.

В своей известной работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. Ленин писал: «Решительная победа революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... И такая победа будет именно диктатурой, то есть неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные «легальным», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков и крупных буржуа и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но *это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма.* Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, *провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики*, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня...»¹³³⁸ Л. Троцкий в свою очередь дополнял: «Каково будет социальное содержание этой диктатуры? Первым делом она должна будет довести до конца аграрный переворот и демократическую перестройку государства. Другими словами, *диктатура пролетариата станет орудием разрешения задач исторически запоздалой буржуазной революции*»¹³³⁹.

За риторикой фраз мы опять сталкиваемся с тем, что в планах большевиков на первом месте стояло не установление социализма или тем более коммунизма, а переход к некоей форме социально ориентированного буржуазно-демократического государства. Именно этим целям и должна была служить «диктатура пролетариата»... Ленин еще до революции указывал, что «кроме, как вроее капитализма, нет залога победы над ним», что ***классовая борьба «не задерживает развитие капитализма, а ускоряет его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма»***. «Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический ("реалистический, демократический, активности полный") капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочими капитализм за «жадность», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта»¹³⁴⁰.

296

Троцкий после революции в этой связи писал уже совсем парадоксальные вещи: «...человеческое мышление консервативно, а мышление революционеров подчас — особенно. Большевистские кадры в России продолжали держаться за старую схему и восприняли Февральскую революцию, несмотря на то что она явно заключала в себе два несовместимых режима, лишь как первый этап

буржуазной революции... Все руководящие большевики без изъятия—мы не знаем ни одного — считали, что демократическая диктатура еще впереди. После того как Временное правительство буржуазии «исчерпает себя», установится демократическая диктатура рабочих и крестьян, как преддверие буржуазно-парламентарного строя»¹³⁴¹

ДИКТАТУРЫ «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ»

«... в этой отчаянной войне не может быть никакой середины, и для того, чтобы держаться, буржуазия должна расстреливать десятками и сотнями все, что есть творческого в рабочем классе. Это ясно видно на примере Финляндии, это показывает теперь пример Сибири. Чтобы доказать, что большевики несостоятельны, эсеры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака... Это показывает, что между диктатурой буржуазии и диктатурой рабочего класса середины быть не может»¹³⁴².

В. Ленин

Министр британского военного кабинета лорд Р. Сесил 28 ноября 1917 г. утверждал, что вести переговоры с умеренными социалистами в России столь же бесполезно, как с большевиками, и какую-то надежду сулит лишь военная власть. Возможно, какой-нибудь генерал возьмет на себя руководство, восстановит Восточный фронт и сбросит большевиков¹³⁴³. Госсекретарь США Лансинг убеждал Вильсона 10 декабря 1917 г., что «только военная диктатура, опирающаяся на поддержку войск, способна гарантировать стабильность в России и ее участие в войне»¹³⁴⁴. Секретарь посольства Франции в России 17 апреля 1918 г. сообщал: «То и дело происходят тайные сборища различных партий оппозиции: кадетов, эсеров и т.д. Пока это только «расгаворы», и вполне вероятно, что люди, неспособные договориться между собой и совместно действовать, так и не смогут ничего добиться. Единственным режимом, могущим установиться в России, остается самодержавие или диктатура...»¹³⁴⁵ В это

297

время все публичные лозунги союзников кричали о необходимости свержения большевиков и установлении демократического выборного правительства, однако между собой союзники и либералы были более откровенны — ни слова о демократии: главное — обеспечить свержение большевиков и обеспечить продолжение участия России в войне любыми средствами.

С Колчаком впервые о диктатуре заговорил в августе 1917 года, то есть еще до прихода большевиков к власти, начальник Морского генерального штаба Великобритании генерал Холл. «Что же делать, революция и война — вещи несовместимые,— сказал тогда Холл, — но я верю, что Россия переживет этот кризис. Вас может спасти только военная диктатура...» Очевидно, что это не было секретом. Н. Суханов вспоминал: «в кандидаты на диктатора она («Маленькая газета» Сувориных с тиражом несколько сотен тысяч экземпляров, со стоящими за ними деловыми кругами) — сначала полегоньку, а потом без околичностей — выдвигала не кого другого, а адмирала Колчака...»¹³⁴⁶ В августе 1918 г. Колчак заявлял: «Военная диктатура — единственная эффективная система власти»¹³⁴⁷. В. Пепеляев, кадет и премьер правительства Колчака, так же находил «спасение в единоличной военной диктатуре, которую должна создать армия»¹³⁴⁸.

Продолжение разговор «союзников» с Колчаком получил 18 ноября 1918 г., когда в Сибири произошел переворот: «Кучка мерзавцев» арестовала законное Всероссийское правительство в Омске. Арестованные на следующий день были освобождены, а «посягнувшие на верховную власть» в тот же день «преданы чрезвычайному военному суду». Однако в тот же день все участники переворота секретным приказом по казачьим войскам за выдающиеся боевые отличия были повышены в звании»¹³⁴⁹. Тем не менее политес перед «демократическими союзниками» был соблюден, и в виду чрезвычайных обстоятельств А. Колчак,

«был вынужден» принять на себя обязанности Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. Бывшие арестованные члены правительства, частью с деньгами и миром были отправлены во Францию, частью расстреляны, некоторым удалось перейти к большевикам. Во все губернские города Сибири и Урала была послана телеграмма с требованием недопущения никаких выступлений и обсуждений в печати и на собраниях происшедшего, «не останавливаясь перед арестом как отдельных лиц, так и правлений и руководителей партий и организаций»¹³⁵⁰. Колчак фактически стал военным диктатором. «...Население ждет от власти ответа, — заявлял Верховный правитель... Вопрос должен быть решен одним способом — оружием и истреблением большевиков. Эта задача и эта цель определяют характер власти, которая стоит во главе освобожденной России — власти единоличной и военной»¹³⁵¹.

В то время Колчак писал Деникину: «...Мною была отправлена на Ваше имя телеграмма *через представителя Великобританского*

298

правительства... Здравый государственный смысл сибирского правительства признал невозможным существование социалистической партийной директории и остановился на военной диктатуре и единоличной военной власти, как единственной форме правления в настоящее время. Я принял функции Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, не имея никаких определенных решений о будущей форме государственного устройства России, считая совершенно невозможным говорить в период тяжелой гражданской войны о будущем ранее ликвидации большевизма»¹³⁵². Деникин вспоминал: «Я отнесся с большим удовлетворением и полным признанием к факту замены Директории единоличной властью адмирала Колчака»¹³⁵³. Ростовская конференция кадетов (29-30 июня) постановила «в отношении общенациональной платформы считать руководящими начала, провозглашенные в декларациях адмирала Колчака и генерала Деникина»¹³⁵⁴.

Военный переворот вызвал горячую поддержку союзников. Американский представитель «Гаррис первым прибыл к Колчаку с визитом уже на следующий день после переворота. — Думаю, — сказал он, — что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение. Но, наблюдая всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть при условии, конечно, что вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, то есть выбрать правительство по своему желанию. В таком же духе говорил с Колчаком и Реньо. Навестил адмирала и Уорд. Английский полковник в разговоре с Колчаком подчеркнул, что установившаяся власть — это единственная форма власти, которая должна быть. — Вы должны нести ее до тех пор, — сказал Уорд, — пока наконец ваша страна не успокоится и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа»¹³⁵⁵.

Полковник Уорд, командир английского батальона прибывшего в г. Омск, заявлял: «Я, демократ, верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мной проблему для решения, я никогда не позволю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода»¹³⁵⁶. Французский дипломат Л. Робиен записывал: «...Переворот Колчака в Сибири встревожил умы... Впрочем, придется смириться с тем, что новый порядок опять устанавливается при помощи переворота. Но в России не привыкли

действовать по-другому, иначе чем является Февральская революция и революция большевиков, как не государственным переворотом?.. Я надеюсь, что он (*Колчак*) сумеет удержаться у власти и усмирить кнутом этих молодчиков: русские так устроены, что будут этому только рады»¹³⁵⁷.

299

Участие союзников в перевороте и установлении военной диктатуры Колчака было столь очевидно, что его никто особо и не скрывал. Французский посол указывал, что «этот государственный переворот был осуществлен при соучастии английского генерала Нокса...»¹³⁵⁸ Нокс в принципе и не отказывался, он убеждал Военное министерство, что адмирал — единственная кандидатура для роли «военного диктатора»¹³⁵⁹. В июне 1919 года английский военный министр У. Черчилль, выступая в палате общин, говоря о правительстве Колчака, обронил фразу: «*Мы вызвали его к жизни...*» А Дж. Уорд не без оснований говорил, что Колчак ел «*британский солдатский рацион*»¹³⁶⁰. Ж. Нуланс отмечал при этом, что «англичане, имевшие большое влияние на Колчака, думали только о выгодах, которые они имели бы при эксплуатации золотых и медных рудников в Сибири, благодаря рабочей силе, полученной в обмен на товары и поставку оружия»¹³⁶¹.

Благородство союзников, морально поддержавших установление военной диктатуры Колчака во имя спасения русской демократии, на этом и закончилось. «Союзные миссии, а через них и правительства Антанты молча примирились с переворотом. Однако своего официального признания новой власти они не высказали... вплоть до самого конца колчаковской эпопеи. Это тем более странно, поскольку они в полной мере оказывали омскому режиму материальную помощь»¹³⁶². Эта странность может объясняться тем, что интервенты смотрели на Колчака не как на равного союзника, а как на наемника, воюющего за их интересы. Другим объяснением является то, что Колчак даже с диктаторскими полномочиями не мог стабилизировать свою власть, то есть доказать свои права на звание Верховного правителя России.

На Юге России события разворачивались не менее драматично, чем в Сибири. Корреспондент британской военной миссии на Юге России майор Годжсон сообщал: «Условия, создавшиеся ныне на Юге России, не подходят ни к каким принятым нами до сих пор понятиям о цивилизации. Разница между Россией и Англией так велика, что я могу объяснить ее лишь примерно: если бы любой английский городской совет был призван управлять Россией, он справился бы лучше, чем все теперешние русские законодатели... Распущенность, спекуляция и пьянство в данное время такие же враги России, какими были и раньше... Россия никогда не переставала пить водку, поэтому она проиграла войну... Вся страна нуждается быть взятой в крепкие руки. По моему мнению, строгая и справедливая диктатура наиболее подошла бы моменту...»¹³⁶³

Остроту стихии «русского бунта», придавала политическая борьба. Деникин вспоминал: «Начавшаяся на Кубани задолго до июня кампания против южной власти приняла размеры угрожающие... в программу кубанской «революционной демократии» в соответствии с практикой российских социалистов входила «энергичная борьба со стремлением слуг царского режима, помещиков и капиталистов установить дикта-

300

торскую власть в освобожденных от большевиков местностях России, ибо эта власть есть первый твердый и верный шаг к установлению самодержавно-полицейского строя»¹³⁶⁴. П. Струве в связи с этим указывал, что Деникину необходимо положить руль направо и, отметая всякое соглашательство, твердо проводить военную диктатуру¹³⁶⁵.

Командующий армией Юга России сам скоро пришел к идее «полной концентрации власти в виде диктатуры, признавая такую форму правления

единственно возможной в небывало тяжелых условиях гражданской войны...»¹³⁶⁶
Так, первые шаги добровольцев в занятом ими Сочинском округе, начались с того, что «все демократические организации: городская дума, земский комитет, профессиональные рабочие союзы — были распущены, а не успевшие вовремя скрыться члены этих организаций арестованы по обвинению в государственной измене... Все управление округом перешло к военным властям, которым были подчинены начальник округа и участковые пристава, на каковые должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции»¹³⁶⁷.

В своем наказе Особому совещанию Деникин определял свой «политический курс» следующим образом: «...Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа и слева — карать...»¹³⁶⁸ В. Шульгин разъяснял сущность деникинского наказа: «Добровольческая армия, взявшая на себя задачу очищения России от анархии, выдвинула непреложный принцип твердого управления, диктаторскую власть главнокомандующего. Только неограниченная, сильная и твердая власть может спасти народ и развалившуюся храмину государственности от окончательного распада...»¹³⁶⁹

Деникин, как и Колчак, вскоре был разбит Красной Армией. Им на смену пришел новый претендент на пост диктатора: «Все равно с властью Деникина покончено. Его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу. Последний давно уже жаждет «хозяина земли русской»... Все готово: готовы к этому и генерал Врангель, и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с генералом Врангелем. Причем генерал Врангель — тот Божией милостью диктатор, из рук которого и получит власть и царство помазанник...»¹³⁷⁰ Врангель заявлял: «Другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не можем принять — иначе это было бы сознательно идти на окончательную гибель того святого дела, во главе которого вы стоите». В. Оболенский дополнял: «Сама собой подразумеваемая диктатура выдвигалась не как временное необходимое зло, а как универсальное средство для спасения России»¹³⁷¹.

На Севере России, в Архангельске, правительство Северной области Чайковского было свергнуто и по омскому сценарию арестовано и сослано на Соловки. Во главе переворота стоял русский морской

301

офицер, *служивший в штабе английского генерала Пуля*. Переворот привел к массовым забастовкам. Английский главнокомандующий отмечал: «Взбешенные послы потребовали от генерала Пуля их немедленного освобождения. Он сделал это, но доверие к военному командованию было сильно поколеблено... генерала Пуля обвиняли в потворствовании заговорщикам. Конечно, подобные глупые обвинения были лживы насквозь»¹³⁷².

Однако даже американцы однозначно указывали на то, что переворот — дело рук англичан. Американский посол назвал переворот «простым похищением», явно указывая на участие в нем англичан и французов¹³⁷³. Американский Госдеп писал своему послу в Лондоне: «Департамент получил весьма тревожные сообщения, касающиеся произвола, творимого в Архангельске генералом Пулем по отношению к местному правительству, чьи полномочия он явно игнорирует. Естественной реакцией на это русских станет рост возмущения и, возможно, неприкрытая враждебность к тем правительствам, чьи войска высадились в Северной России с целью помогать местным жителям, а не командовать ими. Курс, взятый, как сообщают, генералом Пулем, совершенно расходится с политикой нашего правительства... и с соглашением, достигнутым при отправке американских войск на территорию России...»¹³⁷⁴

Представители французов, как и англичан, не страдали сентиментальностью.

Л. Робиен заявлял: «Я продолжаю придерживаться мнения, что исчезновение Чайковского и его шайки нам на руку. Они становились все более и более невыносимыми... Пусть остаются в Соловецком монастыре... и дадут союзникам заняться здесь делом... Протестуют лишь немногие... Бедный американский посол пытался урезонить этих людей. Я еще никогда в жизни так не хотел оказаться на его месте — тогда бы я попросил господ делегатов немедленно выйти вон и благодарить небо за то, что им позволено удалиться, а также напомнил бы им, что если они не пошевелиятся, то в Архангельске хватит стен, хоть и деревянных, но прочных, чтобы упрятать их куда следует. Напрасно пытаться спорить с русскими — надо дать им почувствовать свою силу, это единственный аргумент, который они признают на протяжении многих веков»¹³⁷⁵. Л. Робиен продолжал: «Г-н Нуланс ... полагает, что две ныне существующие партии тоже должны почувствовать нашу власть, а для этого надо вернуть банду Чайковского, чтобы продемонстрировать организаторам заговора, что для нас не существует того, что было проведено без нашего участия. Затем мы учредили бы новое правительство, где необходимо было бы объединить арестованных и арестовывающих, чтобы подчинить их своей воле...»¹³⁷⁶

По требованию американцев англичане вернули правительство Чайковского, одновременно вынудив его подать в отставку. Английский генерал Пуль назначил военным губернатором Архангельска французского полковника, замененного впоследствии генерал-губернатором Е.Миллером. Новое правительство было образовано в виде

302

«директории», в которой «...члены правительства избраны из числа представителей торгового и финансового мира»¹³⁷⁷. «Северная Область считалась Республикой Демократической, — однако, как вспоминал Б. Соколов, — это обстоятельство, впрочем, не помешало превалировать в ней власти военной над гражданской, что с полным правом могло именоваться диктатурой военной»¹³⁷⁸.

«Процесс кристаллизации твердой военной власти, который имел место на Севере, — отвечал желаниям англичан и находил в них во всех тяжелых случаях поддержку и одобрение..., — писал Б.Соколов, — Победы на фронте еще больше укрепили военную диктатуру, сведя совершенно на нет гражданскую власть»¹³⁷⁹. Лидер эсеров заключал: «У нас военная диктатура и военный диктатор, который готов допустить совещательный орган при своей персоне, но не больше... Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать Область и будем помогать там, где можем»¹³⁸⁰. Один из наиболее глубоких исследователей того периода российской истории В. Голдин подчеркивает, «что эволюция антисоветского режима в Северной области от «социалистического» Верховного управления к военной диктатуре генерала Миллера не была особенностью Севера, но характерной чертой процессов, которые происходили на всей территории, контролируемой антибольшевистскими силами»¹³⁸¹.

Как видим, особого недостатка в «диктаторах» у «белых» не было. Все они имели существенную помощь «союзников», но одинаково неизбежно потерпели поражение от большевиков. Почему?

Красный маршал А. Егоров находил ответ в том, что «декретировать военную диктатуру нельзя. Военный диктатор силен и представляет собой власть не программными декларациями, а мощью штыков в первую очередь, а их-то как раз у Деникина не было. Армия безнадежно отходила и, отходя, распылялась. И власть Деникина пала, как только окончательно определилась невозможность продолжения вооруженной борьбы»¹³⁸². Другой боевой генерал Алексеев, который еще до февральской революции «настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры»¹³⁸³, став верховным главнокомандующим, покорно пошел на поводу Временного правительства и Советов. Бессилие Алексеева

объяснялось тем же — у него не оказалось «штыков», на которые он бы мог опереться. Армия не шла за генералами. В той же ситуации оказался и Колчак. Став русским военным диктатором, он даже свою охрану доверил не русским солдатам, на которых по идее должна была опираться его диктатура, а англичанам. Колчак в своих показаниях говорил: «...Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10-12 англичан, который в дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории...»¹³⁸⁴ Колчак оказался русским диктатором, установленным англичанами, содержащимся на английские деньги и охраняемым англичанами от собственного правительства и народа.

303

Но дело было не только в штыках, ведь гвардия, и даже личная охрана царя, одними из первых в Феврале 1917 г. надели красные банты. Фундамент диктатуры покоится не столько на «штыках», сколько на идеалах, которые они должны защищать. Эсер Б. Соколов, представитель левого крыла правительства Северной области, отмечал отсутствие общенародной идеи у белых диктаторов, и именно в этом находил причину их поражения: «Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться к положению, что для победы необходима диктатура. Для меня стало более чем очевидным, что сила большевиков не только в их активности, которой были лишены их противники, но и в твердой, не отступающей ни перед чем власти. Но если твердая власть и есть необходимое условие для победы, то, во всяком случае, не ею одной куется последняя. Чего-чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многих других качеств, которые были у того, кому они хотели подражать, у Наполеона. Бонапартизм русских генералов решительно не того качества, которое способно было принести им победу. Ибо для них все начиналось с твердой власти и кончалось ею же. Причем, часто они довольствовались лишь внешним проявлением этой твердости... Погоня за призраком твердой власти, а не за ней самой, не за тем, чтобы быть сильным, а чтобы казаться таковым. И генерал Миллер, который среди других генералов выделялся сравнительной культурностью, тем не менее был типичным «русским военным диктатором». Он стремился к «окружению и оформлению» своей власти, мало заботясь о фундаменте, на котором она зиждется... История российских военных диктатур показывает, что те, кто ставили на нее ставку, были глубоко неправы. Условия гражданской войны требуют от ее вождей тех качеств, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуют широкого ума, умения понять интересы и желания населения, умения повести их за собой — и все это наряду с существенно необходимым талантом стратегическим»¹³⁸⁵.

Белые генералы не только не постарались понять нужды народа, а наоборот, противопоставили себя ему. «Почему все те, которые шли с меньшевиками, эсерами, и чехословаками, и Колчаком, скоро отшатнулись от них? Почему помещики, капиталисты и офицеры из Сибирского правительства, как только получили власть в свои руки в Сибири, выгнали меньшевиков и эсеров и посадили вместо них Колчака? Почему же это правительство, поддерживаемое со всех сторон, так скоро развалилось? — спрашивал В. Ленин и тут же отвечал, — Потому что все их слова, все их дела были только обманом и ложью. Потому, что они не сдержали своего слова, не дали народу ни Учредительного собрания, ни народной власти, ни какой бы то ни было другой демократической власти; они учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров»¹³⁸⁶.

Существовала ли возможность какой-либо демократической альтернативы белой и красной диктатурам? В то время теоретически она

304

могла бы опереться на меньшевиков и эсеров, победивших на выборах в

Учредительное собрание и создавших собственные правительства. Почему этого сделать не удалось? На этот вопрос отвечал представитель одного из них В.Игнатьев, в марте 1918 года: «Общество грызется. Лают друг на друга справа и слева. Если прочесть газеты — сплошной кошмар классовой ненависти и вражды...»¹³⁸⁷ Подобная ситуация была характерна для всех белых армий. Так, например, «Комуч представлял собой организацию эсеровско-демосоциалистическую, его армия имела и соответствовавшие тому атрибуты... Все это находилось в вопиющем противоречии с настроениями, психологией и идеологией офицерства»¹³⁸⁸. «Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию», — говорили офицеры¹³⁸⁹. Они «ненавидели Комуч и терпели его лишь как неизбежное зло, позволявшее по крайней мере вести борьбу с большевиками»¹³⁹⁰. По словам В. Игнатьева: «Социалисты оказались игрушкой в руках отечественных черносотенных и буржуазных групп. Наш союз оказался совершенно неосуществимым... Буржуазия, использовав нас, сказала: "Мавр сделал свое дело, и мавр может идти"... в тюрьму. И начался последний акт величайшей нашей трагедии — нас, вдохновителей организаторов похода за великую Россию, как только обстоятельства на белых фронтах стали складываться благополучно и где-то вдалеке забрезжила эта "великая Россия", — стали сажать по тюрьмам, ссылая, расстреливать наши же бывшие соратники — кадеты, офицерство и их сподвижники...»¹³⁹¹

Умеренные социал-демократы — меньшевики, как и эсеры, победившие на выборах в Учредительное собрание, оказались меж двух огней. С одной стороны, по приказу наркома внутренних дел Г. Петровского в сентябре 1918 г. «все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы». С другой, по приказу Колчака все военачальники должны были пресечь деятельность учредилковцев, «не стесняясь применить оружие»¹³⁹². В итоге, как констатировал Д. Чураков «опыт правления» показал, что «демократическая власть в тех условиях была реальна только в виде «демократической диктатуры», которая по своим методам и средствам осуществления политики мало чем отличалась от большевистской и от военной диктатуры... Гражданская война навязывала свои законы; оказалось, что у баррикады может быть только две стороны, а стоящие посередине оказываются под перекрестным огнем»¹³⁹³.

Политика «великих демократий».

В Англии и Франции во время войны «все выборы — в сенат, в палату депутатов, окружные и коммунальные — были отсрочены до прекращения военных действий»¹³⁹⁴. Война обострила противоречия между парламентом и правительством, так, например, Пуанкаре отмечал, что «главнокомандующий Жоффр жалуется на участвовавшие случаи вмешательства парламентских деятелей и требует от правительства защиты,

³⁰⁵ требует от него также «эффективного руководства общественным мнением...»¹³⁹⁵ Ллойд Джордж 3 июня 1915 г. утверждал: «Во время войны вы не можете ждать, пока всякий человек станет разумным, пока всякий несговорчивый субъект станет сговорчивым... Элементарный долг каждого гражданина — отдавать все свои силы и средства в распоряжение отечества в переживаемое им критическое время. Ни одно государство не может существовать, если не признается без оговорок эта обязанность его граждан»¹³⁹⁶.

И во Франции и в Англии парламент в итоге был фактически отстранен от власти, в Англии был образован «Военный кабинет», в составе 11 человек, по сути директория, полностью управлявшая государством, У. Черчилль вспоминал: «Во время войны в Англии небольшой Военный кабинет фактически управлял страной, а Кабинет министров в полном составе не имел большого значения»¹³⁹⁷.

А. Деникин с восхищением говорил о примере Германии, приводя слова Гинденбурга: «Канцлер — это не более как вывеска, прикрывающая военную партию. Фактически правит страной Людендорф», — в этой связи, писал русский генерал, — становится понятным, какой огромной властью считало необходимым обладать немецкое командование для выигрыша мировой войны»¹³⁹⁸. Во Франции в ноябре 1917 г. к власти были приведены Клемансо и Петэн, отличавшиеся своим радикализмом. Французский дипломат, сторонник самой жесткой интервенции в Россию, писал об этом решении в 1918 г.: «Осуществление планов объединения командования на нашем фронте сможет многое изменить. К сожалению, потребовалось четыре года поражений и столько смертей, чтобы понять, что анархия недопустима на войне и что должен быть командующий, чьи решения выполнялись бы всеми беспрекословно... Какой урок для демократов!»¹³⁹⁹

В то время, как все страны, несущие на себе бремя войны, шли по пути мобилизации власти, У. Черчилль проповедовал: «Что касается России, то ищущие подлинную истину могут убедиться в том, до какой степени страшна господствующая там антидемократическая тирания и до чего ужасны совершающиеся там социальные и экономические процессы, грозящие вырождением. Единственным надежным основанием для государства является правительство, свободно избранное миллионными народными массами. Чем шире охват масс выборами, тем лучше. Отклоняться от этого принципа было бы губительно»¹⁴⁰⁰. Декларируя принципы демократии, У. Черчилль одновременно был одним из основных организаторов интервенции и блокады России. Последствия подобной политики нетрудно предвидеть, они диктуются объективными законами, обеспечивающими выживание общества. Представление о них дает история: «Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно-тяжким положением революционной Франции... Иностранные войска вступили с четырех сторон на французскую территорию: с севера — англичане и австрийцы, в Эльзасе — пруссаки, в Дофинэ и до Лиона — пьемонтцы. в Руссильоне — испанцы. И это в такое время, когда гражданская война

306

свирепствовала в четырех различных пунктах: в Нормандии, в Вандее, в Лионе и в Тулоне... К этому надо прибавить внутренних врагов в виде многочисленных тайных сторонников старого порядка, готовых всеми средствами помогать неприятелю»¹⁴⁰¹.

Черчилль и Клемансо..., под лозунгами «борьбы за демократию» выступили на стороне всего 5% населения России, проигравших выборы в Учредительное собрание и развязавших гражданскую войну. Войну против абсолютного большинства 86% проголосовавших за социалистический путь развития. Блокадой и поддержанием огня гражданской войны они совершенно сознательно разрушали экономический потенциал России, что делало невозможным установление любого демократического строя. Ратуя за созыв Учредительного собрания (образца 1918 г.), интервенты сами или посредством своих наемников разгоняли правительства, образованные партиями, получившими большинство на тех выборах: эсеровский Комуч, уфимскую Директорию, Северное правительство Чайковского... Бывший председатель самарского Комуча В. Вольский в феврале 1919 г., отвечая на вопрос английского корреспондента, что побудило его «и тех, чьим представителем он был, покинуть Колчака и перейти на сторону советского правительства», отвечал: «Я скажу вам правду. Факты убедили нас, что политика представителей союзников в Сибири имела своей целью не поддержку учредительного собрания против большевиков и немцев, а просто усиление реакционных сил за нашими спинами»¹⁴⁰².

На «слова Черчилля» о демократии дадим ответить противнику большевиков меньшевику Мартынову: говорят, что «большевистская диктатура есть резким

насилия меньшинства над большинством.. Это неверно... Именно потому, что большевики глубоко опускали свой якорь в народную стихию, они нащупали в глубине ее такую гранитную опору для своей власти, какую совершенно бессильна была найти дряблая интеллигентская демократия в эпоху Керенского. Если бы судить о России по этой эпохе, то можно было бы прийти в отчаяние, можно было бы подумать, что вся Россия есть сплошная Обломовка и что рыхлость и безволие есть национальная черта русского народа. Заслуга большевиков заключалась, между прочим, в том, что они рассеяли это ложное представление о России: они показали, что в ней есть такие социальные пласты, которые более похожи на твердый, хотя и неотесанный гранит, чем на мягкое тесто, что политика зависела у нас не от национального характера народа, а от того, какой класс делал эту политику»¹⁴⁰³.

307

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЮ В РОССИИ

Благие цели и жестокие реалии интервенции

«...Когда было обнаружено, что в Финляндии, под предлогом помощи белофиннам, находится немецкая армия под командованием генерала фон дер Гольца, насчитывающая пятьдесят пять тысяч человек*, оказалось, что нет ничего, что могло бы удержать их от захвата незамерзающего порта Мурманска. Создай они там базу для подводных лодок, и вся наша сложная система оборонительных рубежей у Па-де-Кале будет опрокинута, что повлечет страшные последствия для конвоев, — вспоминал английский генерал Айронсайд. — Это была реальная надвигающаяся опасность, которая и вызвала появление союзнических войск на севере России»¹⁴⁰⁴.

«Первая высадка союзников на северном побережье России прошла практически без сопротивления большевиков, — отмечал американский посол Фрэнсис, — при весьма интересном стечении обстоятельств»¹⁴⁰⁵. События разворачивались следующим образом: Троцкий отказался участвовать во вторых переговорах в Брест-Литовске. Вместо себя он послал Чичерина. Условия договора были гораздо более тяжелыми, чем те, которые большевики отвергли на первых переговорах, и Троцкий предполагал, что Чичерин откажется их подписать, а немцы начнут новое наступление¹⁴⁰⁶. Поэтому на запрос мурманского Совета, следует ли разрешить высадку союзников, и сообщавшего, что «представители дружественных держав, расположенных в Мурманске — французской, американской и английской миссий, по-прежнему демонстрируют хорошее расположение к нам и готовы предоставить помощь, начиная с продуктовых поставок и вплоть до использования активной военной силы»¹⁴⁰⁷, Троцкий ответил: «Ваш долг — сделать все для защиты мурманской железнодорожной линии. Каждый, покинувший пост без борьбы, — предатель. Немцы наступают мелкими группировками. Сопротивление возможно и обязательно. Ничего не оставлять врагу. Все

* Армия фон дер Гольца насчитывала 16-20 тысяч солдат и была занята подавлением финской революции.

308

ценное должно быть эвакуировано, если это невозможно — уничтожено. Вы обязаны принять любую помощь от союзнических миссий»¹⁴⁰⁸. При этом Троцкий поставил условием любого сотрудничества с союзниками невмешательство во внутреннюю политику и взаимодействие с большевиками...¹⁴⁰⁹

Председателем «Мурманского Краевого совета» был ранее долго проживавший в Америке рабочий А. Юрьев, убежденный в необходимости

помощи Мурману со стороны Антанты¹⁴¹⁰. Приглашая англичан, он не идеализировал ситуацию и признавал, что «союзники отсюда не уйдут, что бы мы ни говорили»¹⁴¹¹. Союзники действительно переродились в интервентов уже на следующий день после высадки. Подтверждением тому служили слова генерала Ф. Пуля, который, информируя Лондон о разрыве Мурманского Совета с Москвой, недвусмысленно заявлял, что его депутаты тем самым «надели веревку на шею и, если они будут колебаться, я заставлю их быть твердыми»¹⁴¹². Другой пример давал член Мурманского Совета Г. Веселаго: «Генерал Пуль ведет откровенно реакционную политику и смотрит на русских, как смотрели англичане прежде на кафров»¹⁴¹³.

Тем не менее для того, чтобы интервенция приобрела легитимность — «интервенции по приглашению», между представителями «союзников» и мурманским Советом было подписано «Временное соглашение»*. В нем помимо прочего указывалось, что все расходы «союзников» по оказанию помощи Мурманскому Совету записывались «в общий счет государственного долга России»¹⁴¹⁴. Необходимость в подтверждении легитимности интервенции возникла из-за позиции В. Вильсона «Президент всей душой сочувствует любым военным усилиям, которые могут быть предприняты в Мурманске и Архангельске, но подобные действия следует предпринимать только при гарантированной симпатии русского народа, и они не должны иметь своей конечной целью какую-либо реставрацию старого режима или оказывать любое другое влияние на политическую свободу российского народа»¹⁴¹⁵.

Советское правительство не подтвердило «Мурманского соглашения»**, отдавая себе отчет, что оно легализует интервенцию и одновременно грозит разрывом только что подписанного Брестского мира. Последнее грозило новым наступлением немецкой армии, и оно действительно началось. В ответ на протест Советского правительства по поводу нарушения Германией Брестского договора Мирбах заявил, что «германское вторжение прекратится, когда союзники оставят Мурманск и Архангельск». Американский посол Фрэнсис сообщал в Госдеп: «По моему мнению, такой шаг со стороны союзников был бы весьма неблагоприятен».

* «Словесное соглашение» (Внешняя политика СССР; Сб. докум., т. I, с. 54 (Штейн Б.Е..., с. 39)).

** Мало того, еще за несколько дней до подписания соглашения, по директиве центра, Юрьев официально был объявлен «врагом народа» и поставлен «вне закона», то есть не имел никаких официальных полномочий.

309

зумным»¹⁴¹⁶. Вильсон в свою очередь настаивал, что «поскольку Россия отказалась просить об интервенции..., не нужно наносить оскорбление суверенным правам России»¹⁴¹⁷. Но интервенция продолжилась. Ллойд Джордж отмечал: «Мы обращаемся с большевистским правительством так, словно оно не является правительством. При старом режиме мы бы не высадились в Мурманске и Владивостоке без разрешения царя. Мы действуем, как во времена Французской революции, — захватывая Тулон и прилегающие места одно за другим»¹⁴¹⁸.

Новое немецкое наступление было остановлено дополнительным Брест-Литовским соглашением от 27 августа, по которому Россия должна была выплатить Германии репарации в размере 6 млрд. марок — частично золотом, частично деньгами, частично товарами, частично «экономическими концессиями». Ф. Пуль в этой связи заявлял, что дополнительные соглашения «были, в отличие от первоначальных договоров Брест-Литовска, подписаны большевиками не под явным принуждением, но по их желанию и инициативе». И трактовал этот факт как упрочнение сотрудничества между большевиками и немцами¹⁴¹⁹.

Англичане и французы, тем временем, уже строили планы по освоению

«новых территорий»: «Мурманский порт, единственный незамерзающий и действующий круглый год, должен был, как нам казалось, стать основным, так как прежде всего он обеспечивал постоянный доступ в Россию и, кроме того, был рынком сбыта угольных запасов Кольского полуострова. Были уже разработаны проекты строительства причалов, доков вдоль побережья. Крупные промышленные предприятия Европы планировали вложить свой капитал в разработку соседних месторождений магнитной руды; можно предположить, какую выгоду извлекла бы из этого русская экономика. Невозможно было не предвидеть развитие города, и мы приобрели большой участок земли, чтобы построить здесь консульство; французские фирмы предполагали также построить здесь торговые конторы»¹⁴²⁰.

Вслед за Мурманском последовала высадка интервентов в Архангельске. Поводом стали 600 тыс. тонн военных грузов, присланных на север еще до революции, которые могли, по мнению союзников, быть захвачены немцами или переданы им большевиками. Позицию английского военного ведомства в данном вопросе отражал У Черчилль: «Можно ли было предоставить его (это оружие) в руки малодушного правительства, изменившего союзному делу и открыто враждебного всякой цивилизации?»¹⁴²¹ Но, как вспоминал американский генерал, «когда союзные войска осмотрели обширные складские помещения в гавани, они увидели, что большевики с величайшей заботливостью собрали и взяли с собою все, что представляло хоть какую-либо ценность. Если целью архангельской экспедиции было охранять запасы военного снаряжения и склады в Архангельске, то это дело оказалось явно невозможным из-за отсутствия объекта для охраны»¹⁴²². Французский дипломат Л. Робиен в связи с этим откровенно издевался над американцами: «Так как боль-

310

шевики уже успели приложить руку к тому, что хранилось на складах, и уже все вынесли... единственное средство сохранить в данном случае — отнять. Следовательно, американцы будут бороться с ворами, не «ущемляя прав местного населения» и «не вмешиваясь во внутренние дела России»¹⁴²³. Сарказм Л. Робиена был весьма логичен для таких как он, поскольку европейские интервенты подобными моральными вопросами себя вообще не отягощали. Тем не менее в словах Робиена была доля истины: политика США носила откровенно двойственный характер. Ллойд Джордж по этому поводу замечал — чем же отличается «военное воздействие» В. Вильсона от «военной интервенции»?

Высадка интервентов в Архангельске произошла «по приглашению местного правительства», которое пришло к власти в результате антибольшевистского переворота, свершившегося «часа за четыре до появления союзнических войск». Французский посол вспоминал, что в Архангельске «большинство населения встречало с радостью наших солдат», но буквально через несколько фраз он указывает, что «в городе с населением приблизительно 100 тыс. жителей... насчитывалось 40 000 большевиков»¹⁴²⁴, то есть все взрослое население. Тем не менее еще один свидетель С. Городецкий вспоминал: «Общая радость и подъем среди населения, не сразу поверившего в действительность падения ненавистной советской власти, не поддавалась описанию»¹⁴²⁵. С другой стороны, американский консул в Архангельске Ф. Коул отмечал, что «союзников приветствовали представители имущих классов и средних слоев населения. Рабочие просто-напросто отсутствовали»¹⁴²⁶.

Ж. Нуланс и Д. Фрэнсис оставили полуанекдотическое описание «приглашения интервентов» местным населением. На самом деле план оккупации Архангельска «по приглашению» был заранее тщательно подготовлен капитаном I ранга Г. Чаплиным и представителями «союзников». По словам самого Г. Чаплина, он в начале Первой мировой войны в течение года служил на

английских подводных лодках и благодаря заведенным знакомствам «находился в тесной связи с... морскими и военными агентами союзников». Через них, после Октябрьской революции, Чаплин «обратился с ходатайством к английскому и американскому правительствам о принятии... на службу в их флоте для участия в дальнейшей борьбе против немцев»¹⁴²⁷. В ответ союзники поручили Г. Чаплину организацию Белой армии и подготовку интервенции на Севере России¹⁴²⁸. «Надо отдать должное союзникам, — писал Г. Чаплин, — вернее, англичанам. С того дня, как было решено вместе работать, мы от них ни в чем отказа не получали»¹⁴²⁹. Г. Чаплин получил английский паспорт на имя Томсона и был фиктивно оформлен как начальник английской военной миссии в Вологде¹⁴³⁰. Это давало ему возможность беспрепятственного проезда по всему Северу России*. Будущий член белого Северного правительства В. Игнатьев отмечал, что с этих пор в средствах нужды не было,

* Большевики даже после Мурманской эпопеи пытались сохранить отношения с «союзниками», поэтому представители последних в России имели полную

311

их источником была английская миссия в Вологде, на ее «средства было куплено оружие, содержались члены организации»¹⁴³¹.

17 июля капитан британской армии Макграт прибыл к послам в Вологду с планом оккупации Архангельска¹⁴³². Для отвлечения большевистских частей из Архангельска Г. Чаплин послал в Шенкурский уезд, где началось антибольшевистское брожение, «двенадцать лучших» своих «офицеров, и вскоре во всем уезде вспыхнуло восстание, которое продолжалось... вплоть до занятия нами Архангельска. В результате ярославская бригада, наиболее опасная для нас часть, покинула город»¹⁴³³. Чаплин отмечал, что: «освобождение всей области совершилось благодаря применению именно того метода разложения, как верхов, так и воинских частей, который так часто применялся самими большевиками»¹⁴³⁴. Последовавший захват 1 августа интервентами укрепленного острова Мудьюг у входа в устье Северной Двины привел к срочной эвакуации советских учреждений¹⁴³⁵. Той же ночью в городе вспыхнуло антисоветское восстание, а днем было создано Верховное управление Северной области, «пригласившее интервентов»*. Политес перед не столь требовательными в данном случае «принципами демократии» английское руководство соблюло.

Однако радость Чаплина и англичан оказалась преждевременной. После высадки интервентов претензии на власть неожиданно предъявил Петроградский тайный «Союз возрождения России» Н. Чайковского, состоявший в основном из эсеров. «Союз возрождения» вел переговоры с союзниками через французского посла Нуланса¹⁴³⁶. Свершивший переворот Г. Чаплин с недоумением писал, что первым пожеланием союзных послов было формирование настоящего сугубо демократического правительства, «в состав которого входили бы представители всех партий до... большевиков включительно, но кроме ...правых»¹⁴³⁷. «Для генерала Пуля явилось полной неожиданностью образование... (эсеровского) правительства, — вспоминал В. Игнатьев. — Пуль... ожидал не социалистического министерства, а определенно буржуазно-кадетского. Для него, по его выражению, это правительство было точно «ножом по сердцу»...¹⁴³⁸ Адмирал Кемп в свою очередь откровенно заявлял, что вообще недоволен образованием Северного Правительства: «это было неудобно для успеха нашей экспедиции в советскую Россию»¹⁴³⁹.

свободу передвижения, телефонного и телеграфного сообщения. См. подробнее. (Фрэнсис Д...; Нуланс Ж... (Голдин В.И..., ком., с. 466-467)) По аналогичному сценарию прошла высадка союзников в Одессе 10-11 августа 1919 года: «Огромное содействие десантной операции (союзников) оказали офицерские организации, восставшие по нашему указанию в Одессе и очистившие собственными средствами весь город от красноармейцев. Эти же организации давали нам точные данные о всех советских войсках и их батареях в этом районе». (ГАРФ, ф. 5827, оп. 1,

Противоречия между англичанами, продвигавшими своего претендента на «сильную военную власть» Г. Чаплина, с одной стороны, и франко-американским протее — демократическим правительством Н. Чайковского возникли с момента высадки интервентов. На причины этих противоречий в определенной мере указывал американский посол Фрэнсис: «Что касается позиции генерала Пуля, то я был удовлетворен и тем, что он не захотел поставить у власти собственное правительство; ведь британские солдаты так долго были колонизаторами, что просто не знают, что значит уважать чувства социалистов. Я не хочу сказать, что это политика британского правительства, но Великобритания имеет столько колоний, а английские офицеры так привыкли распоряжаться нецивилизованными людьми, что подчас воспринимают что-либо не столь остро, как американцы»¹⁴⁴⁰. Американский посол не строил иллюзий в отношении целей и намерений своих партнеров: «В целом манеры и образ действий всех британских представителей, и военных, и гражданских, в Архангельске и Мурманске демонстрируют их веру и сознание того, что если они и не имеют особых привилегий в этих портах, то должны их получить; и они не будут удовлетворены, не заимев решительного преимущества. Каждый шаг обнаруживает их желание утвердиться здесь»¹⁴⁴¹.

«Президент Вильсон во внутреннем кругу обвинял англичан в обращении к примитивной силовой политике. Его возмутило предложение англичан ввести в своем треугольнике собственную валюту. Стоило президенту ответить положительно, и политика раздела России на сферы влияния стала бы базовым принципом — она опрокинула бы все прочие подходы. Вильсон отказался даже обсуждать это предложение»¹⁴⁴². Тем не менее англичане ввели на территории области «Северный рубль», гарантированный английскими банками. В. Игнатьев по этому поводу замечал, что «Северный рубль» «оказался средством для проведения английской финансовой и торговой политики»¹⁴⁴³. Демократическое правительство Чайковского в этих конкретных условиях становилось для франко-американских союзников в определенной мере инструментом сдерживания английских амбиций.

Что же представлял из себя регион, за который велась борьба?

Архангельск своим возникновением во многом обязан англичанам, и в частности капитану Р. Чанселлору, который в 1553 г. вошел в устье Северной Двины в поисках северного пути в Китай¹⁴⁴⁴. Англичане получили от России права беспошлинной, монопольной торговли, приносившей им сотни процентов прибыли ежегодно на протяжении более ста лет. Россия также получала огромную выгоду от единственного морского порта. В XVII веке, еще до отмены привилегий иностранным купцам, величина одной только торговой пошлины, которую давал Архангельск, была соизмерима с общей суммой основных налогов — тягла и земельной подати, собираемых со всей Российской империи (или в не-

сколько раз больше, чем сумма торговой пошлины, собираемой со всех остальных российских городов, вместе взятых)*.

В 1612 г. капитан Т. Чемберлен предложил Якову I воспользоваться смутой и польско-шведской интервенцией (1609—1618 гг.) в России (польские войска взяли тогда Москву) для захвата всей территории Поморья с созданием военной базы, торговой фактории и превращением Архангельска и Холмогор в опорные пункты британской короны. (Т. Чемберлен до этого служил в России наемником. Об этих наемниках Г. Бертон писал: «Хотя они пришли как друзья на помощь, вряд ли кто может удержать войско от мародерства и грабежа, что несчастные русские в полной мере ощутили на себе в ходе этой кровавой войны»¹⁴⁴⁵. В

Тушинской битве наемники изменили В. Шуйскому, бежав с поля боя.) Проект Т. Чемберлена был утвержден королем¹⁴⁴⁶, но сорвался еще на этапе подготовки благодаря освобождению от поляков Москвы в октябре 1612 г., положившему начало восстановлению российской государственности**, и кн. Пожарскому, выславшему английских разведчиков из России.

В 1808 и 1809 гг., во время наполеоновских войн, английская эскадра безуспешно пыталась атаковать Архангельск. Получив отпор, эскадра блокировала порты Белого и Баренцева морей, захватывая поморские и торговые суда, разоряя поморские селения...

В 1854 и 1855 гг., во время Крымской войны, англо-французская эскадра пыталась захватить Архангельск и Соловецкий кремль. Потерпев неудачу, эскадра блокировала Белое и Баренцево моря, захватывая суда и истребляя поморские деревни, несмотря на то, что в то время регулярных русских военных сил на Севере не было¹⁴⁴⁷. Сотни семей были обречены на вымирание в долгую и холодную полярную зиму. Но все эти жертвы были лишь «побочными издержками», цель англо-французской экспедиции была в другом — в результате блокады внешнеторговый оборот Архангельского порта сократился в 25 раз — с 5388,4 тыс. руб. в 1853-м до 210 тыс. руб. в 1855 г.***

* Через беломорские порты внешняя торговля, в том числе и с Англией, велась задолго до прихода Р. Чанселлора, с XII века. В то же время был основан и монастырь святого Михаила Архангела, в честь которого позже назовут город. В XVI веке торговля через северные порты приобрела особое значение, поскольку в результате русско-шведской войны Россия оказалась отрезанной от выходов к Балтийскому морю. Беломорские порты оставались единственным путем сообщения, связывавшим Европу и Россию. Англичане прибыли вовремя, показав, что новый путь может стать заменой балтийской торговли.

** В 1613 г. избран на царство Михаил Романов.

*** Цинизм действий англичан подчеркивала конвенция по морскому праву, предложенная ими же в ходе Парижских переговоров в апреле 1856-го, в первой статье которой говорилось об уничтожении каперства. До этого ограничение каперства на протяжении предыдущих почти ста лет предлагалось Россией и категорически отвергалось Англией (Татищев С..., т. 1, с. 225.)

314

В 1918 г. лорд Керзон писал: «Большинство наших советников придерживаются мнения о том, что создание нового государства или армии в России на развалинах большевизма представляет собой фантастическую мечту. Между тем у нас есть генерал Пуль, советующий оккупировать Мурманск и Архангельск»¹⁴⁴⁸. Ф. Пуль, обосновывая интервенцию в Архангельск, отмечал, что поскольку страна погружена в хаос, важно захватить инициативу в области торговли с Россией: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске. Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами»¹⁴⁴⁹.

Генерал В. Марушевский противопоставлял англичанам французов: «На страже... (российских) интересов г-н Нуланс стоял незыблемо твердо. Именно его присутствие в области оградило эту русскую окраину от хищнических английских и американских концессий... Ни одна союзная страна не могла приступить к эксплуатации области без согласия на то представителей и других стран. Не будь этих условий — все лесные богатства края и обе железнодорожные линии были бы в нерусских руках на много лет вперед»¹⁴⁵⁰.

На самом деле французы не столько защищали интересы области, сколько свои собственные и изо всех сил старались не отстать от англичан. Тот же Ж. Нуланс был весьма откровенен: «Наша интервенция в Архангельск и в Мурманск оправдала себя результатами, которых мы добились с экономической точки зрения. Вскоре обнаружится, что наша промышленность в четвертый год войны нашла дополнительный ценный источник сырьевых материалов, столь

необходимых демобилизованным рабочим и предпринимателям. Все это благоприятно отразилось на нашем торговом балансе»¹⁴⁵¹. «...Наши коммерсанты выгодно совершали индивидуальные обменные операции... сделки более крупного масштаба были предприняты и удачно завершены по инициативе правительства *благодаря оккупации Архангельска*»¹⁴⁵². В одной из сделок по поставке льна, как утверждал Нуланс: «главной целью... было, чтобы фабрики Северной Франции были снабжены сырьем; если нет, то тысячи рабочих, вернувшись с войны — а победа была близка, — оказались бы безработными»*. В другой сделке французы закупали пятьсот тонн семян свеклы при «очень низких ценах товара». «...Мы были очень заинтересованы в том, чтобы сократить дорогостоящий импорт американского сахара. В 1916 году наш министр торговли, рассчитывавший на импорт русских семян, но не сумевший добиться своевременной поставки для посева, вынужден был закупить их в Швейцарии, то есть в Германии**», по очень высоким ценам»¹⁴⁵³.

* Речь идет о крупной поставке льна из России. (Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с 133-134.))

** Т.е. у противника, с которым Франция находилась в состоянии войны.

315

Между союзниками то и дело возникали споры из-за дележа награбленного. Французский посол писал по поводу одной из сделок, когда англичане обошли французов: «Я не мог не констатировать постоянной скрытой враждебности некоторых английских агентов к нашей стране, несмотря на братские узы, связывающие нас в войне. С момента заключения мира мы неоднократно могли увидеть, что это ощущение не исчезло полностью...»¹⁴⁵⁴ Вот, например, одна из жалоб французского посла: «Адмирал Кемп особенно выделяется своим эгоизмом: вот уже две недели продолжается спор между англичанами и французами за обладание ледоколом «Святогор»... Поначалу британский штаб оставил его французам, когда нужно было позаботиться о том, чтобы почистить и привести его в рабочее состояние... Теперь, когда все это сделано, он намеревается присвоить его себе... что соответствует английскому характеру»¹⁴⁵⁵.

Американцы были менее напористы, но действовали более фундаментально. Французский посол отмечал: «Сейчас, когда представители Антанты обосновались в Архангельске, Америка имела многочисленных и активных посредников в лице сотрудников Христианского молодежного союза. Под прикрытием проводимой ими благотворительности и добрых дел члены ассоциации проникали всюду; таким образом, одновременно с оказанием ценной помощи несчастным они собирали информацию, которая была нужна их торговым корреспондентам»¹⁴⁵⁶. Фрэнсис выступил с речью, в которой он приветствовал «единство союзников в борьбе с Германией и отличные качества американских продуктов»¹⁴⁵⁷. В другом письме президенту Фрэнсис сообщал: «Британское правительство тайно договорилось с Морганом держать Соединенные Штаты подальше от российских рынков, подвергая цензуре информацию о России*; Соединенным Штатам надо иметь в России собственный телеграфный кабель, а также перехватывать у германской стороны инициативу по масштабной оптовой торговле на российском рынке»¹⁴⁵⁸.

Для успеха интервенции и сохранения ее легитимности в глазах общественного мнения для англичан и французов было жизненно важно придать ей формы помощи гражданской войне в России, но *когда интервенты высадились на севере, гражданской войны не было — ее надо было создать*. Именно этим они и занимались с первых дней появления в северных водах, сначала «оказав помощь» в создании правительства Северной области, а затем и в создании Белой армии. Создание армии встретило определенные трудности. На «призыв Главнокомандующего и на декларацию Земско-Городского Сопения о необходимости поступать добровольно в армию не откликнулся никто:

записались два-три гимназиста и только... Посланные на фронт ополченцы тотчас же утекали

* Телеграфный кабель в то время из США в Россию шел через Великобританию и принадлежал «Дж. П. Морган и К».

316

оттуда в тыл под самыми благовидными предложениями, заполняя лазареты, эвакуационные пункты и санитарные поезда»¹⁴⁵⁹.

Когда «в октябре был издан декрет о мобилизации шести возрастов, только тысяча восемьсот человек ответили на призыв. Еще не получив амуниции, они восстали против своих начальников... Восстание было подавлено одной угрозой союзников, однако, — вспоминал Айронсайд, — У нас осталось ужасное впечатление от этого инцидента: будто какая-то пружина сломалась внутри большинства русских, независимо от их звания или положения. Казалось, что общественные потрясения проникли в души, приведя к моральной депрессии, которая делала начальников неспособными командовать и управлять»¹⁴⁶⁰. Невозможность мобилизовать достаточное количество местных войск означала провал интервенционистских планов, который стал ощущаться уже в конце 1918 г. 30 января 1919 года В. Буллит предупреждал Хауза: «Двенадцать тысяч американских, английских и французских солдат в Архангельске не могут больше с пользой выполнять свою задачу. Всего только три тысячи русских присоединились к этим отрядам. В дальнейшем им грозит опасность быть уничтоженными большевиками...»¹⁴⁶¹

Но это было только началом. Э. Айронсайд отмечал, что «натолкнулся на нежелание крестьян сражаться с большевиками... Всеобщего желания прогнать большевиков не существовало... Мы пришли к выводу, что Временному правительству предстоит приложить немало сил, чтобы поднять население на борьбу с теми, кто узурпировал власть в стране»¹⁴⁶². «Повсюду я искал сообщения о местном вожаке, который мог бы возглавить партизанское движение против большевиков, но безуспешно. Странно, что ни один встреченный мною русский не выказывал ни малейшего желания возглавить сопротивление врагу. Северные крестьяне, несомненно, более независимы, чем сельские жители в других областях России, и образовательный уровень у них выше»¹⁴⁶³.

Английскому генералу вторил американский — У. Ричардсон: «Когда добровольческая система набора потерпела неудачу, была проведена по приказу англичан принудительная мобилизация двадцати двух тысяч молодых людей, среди которых едва ли сотня знала, почему происходит война русских с русскими. Во главе этих новобранцев ставились офицеры старой русской армии, среди которых было много людей с громкими титулованными именами. Гордые своим происхождением, они, конечно, высокомерно относились к малейшему намеку на социальное равенство... Не лучше обстояло дело и во взаимоотношениях английских и русских офицеров. Англичане относились с предубеждением ко всякому русскому и открыто выказывали недоверие к своим русским коллегам»¹⁴⁶⁴.

Кроме принудительной мобилизации, «в Архангельске была сделана попытка образовать русско-британские смешанные части под звучным наименованием «Славяно-британский союзный легион», но после Долгих и весьма энергичных мероприятий удалось привлечь в ряды этого легиона лишь около двух тысяч голодающих крестьян, которые

317

вступили в легион только потому, что им нечего было есть. — замечал Ричардсон. — Их облекли в хаки «томми», но дальше этого не пошло их сходство с британскими солдатами. Им платили гроши, они получали худшую пищу, к ним относились высокомерно. Между ними и союзными солдатами никогда не

устанавливались те товарищеские отношения, которые рождаются у людей, сражающихся плечом к плечу за общее дело. После того как добровольческая система набора потерпела явную неудачу, около тысячи русских были призваны в ряды легиона принудительным путем. Но эта мера также не имела успеха, так как русские оставались равнодушны к «русскому патристическому зову» англичан»¹⁴⁶⁵. Могло ли быть иначе? Ведь, как указывал В. Игнатъев, эта мобилизация напоминала «...принудительный, из эпохи негритянских наборов, набор, зачисление в славяно-британский легион,— осуществляемый просвещенными англичанами в XX веке...»¹⁴⁶⁶

Результат был прогнозируем. Английский генерал Э. Айронсайд вспоминал: «7 июля было печальным днем. Дайеровский батальон Славяно-британского легиона, на который мы возлагали такие надежды, неожиданно взбунтовался. Для меня это стало большим потрясением, ведь наш эксперимент провалился... Опасность мятежей в русских частях значительно возросла». Скоро Айронсайду пришлось испытать еще один удар. Утром двадцатого июля русские на Онежском фронте взбунтовались и сдали позиции большевикам. «На некоторое время с трудностями удалось справиться, но я чувствовал, что дело идет к всеобщему мятежу. Сообщать об этих непрерывных мятежах в военное министерство было весьма непростым делом. Для чиновников эти сообщения могли стать свидетельствами начала крушения архангельских войск в целом»¹⁴⁶⁷. Так оно и было. У. Черчилль отмечал: «В дружественной до тех пор русской армии вспыхнул бунт, не замедливший принять грозные формы»¹⁴⁶⁸. «С этих пор, — указывал У. Черчилль, — на все эти местные войска, численностью от 25 до 30 тыс. человек, которые организовали союзники, не только нельзя уже было полагаться, но они представляли, безусловно, очень большую опасность».

У. Черчилль подходил к оценке причины бунтов со стороны своего традиционного толкования истории: «Говорят, что вероломство такого рода свойственно русским, но в данном случае оно объясняется очень просто: с момента, когда мы оказались вынужденными в силу давления парламентского и политического характера отозвать войска, каждый дружественный нам русский знал, что он сражался под угрозой смерти и что для того, чтобы обеспечить себе помилование, ему надо было войти в соглашение со своими будущими властелинами за счет уезжающих союзников...»¹⁴⁶⁹

Генерал В. Марушевский искал объективные факторы и находил «главную причину разложения»¹⁴⁷⁰ армии в резком сокращении удельного количества офицеров в войсках: «Необходимо иметь в виду, — писал он, — что если рота в нормальной армии нуждается в 3-5 офицерах.

318

то в гражданской войне число офицеров должно быть увеличено в два-три раза. Так я и поступал в первые месяцы работы, но к весне положение осложнилось тем, что на фронте было уже около десяти полков, а в офицерах был некомплект даже по старому штатному составу»¹⁴⁷¹. Выводы В. Марушевского подтверждал пример краха Деникинской армии, одной из главных причин которого стало резкое сокращение офицерского корпуса по отношению к численности армии после проведения массовой мобилизации.

В. Марушевский указывал и на другую объективную причину развала армии: «В этой весьма неясной обстановке мы подошли к теплomu времени на Севере, когда вместе с таянием снега и горячими лучами солнца начинает просыпаться и человеческая энергия. Мы подошли к началу брожения на фронте»¹⁴⁷². «Как удалось выяснить тогда же, в ближайшие дни после катастрофы, солдаты полка в большинстве просто разбежались... Была горячая пора сенокоса, в деревнях рабочих рук не было... и это послужило одною из веских причин восприятия солдатами соблазнительных идей. Эти «сознательные граждане» одинаково не

хотели защищать своей грудью и белые идеи законности и порядка, и красные лозунги господства пролетариата»¹⁴⁷³. Действительно, когда после захвата интервентами Мурманска большевистские власти Архангельска объявили мобилизацию, она так же «потерпела полную неудачу: население почти поголовно отказалось идти и, несмотря на все меры, принятые тогда большевиками, мобилизация так и не могла состояться»¹⁴⁷⁴.

Еще более важную причину поражения интервентов, чем развал армии, сыграли настроения тыла. Передавая их, Б. Соколов писал: «Весь 1919 год настроение рабочих было пассивно-оппозиционно... С рабочими Архангельска повторилась та же история, что происходила по неизменному трафарету на всех «белых» окраинах. Сначала рабочие приветствовали новую власть, потом постепенно росло у них оппозиционное настроение, и в конце концов они желали уже одного: прихода большевиков»¹⁴⁷⁵. «Доминирующим настроением большинства крестьян была пассивность... многие думали, что и вообще северному крестьянину большевизм относительно чужд. И только поскольку он устал от войны и думал, что «мир даст большевик», — он и сочувствовал неизбежному концу Северной Области»¹⁴⁷⁶.

«Для большинства фронтовиков от этого еще мучительнее становился вопрос: «Да для чего же мы защищаем Область, проливаем кровь, мы — чужаки, когда местные жители — в лучшем случае — пассивно-доброжелательны»»¹⁴⁷⁷. Дальнейшая мысль эсера Соколова почти дословно совпадала с утверждением генерала Миллера: «Апатия сельского населения, утомленного войной, ни результатов, ни цели которой оно не видело, себялюбивое безразличие городского населения, преимущественно старавшегося как-нибудь уклониться от военной службы на фронте, одним словом, общее нежелание продолжать вооруженную

319
борьбу, приводили к курьезной картине, будто бы единственно желающими воевать с большевиками являются приехавшие откуда-то генералы и офицеры»¹⁴⁷⁸. Генерал Ключев после осмотра войск Двинского фронта констатировал: «...с таким составом продолжать борьбу было бы безумием»¹⁴⁷⁹.

Но проблемы в армии не столько были причиной краха Северной области, сколько лишь отражали общий кризис интервенционистской политики. Всего через несколько месяцев американцы и французы разочаровались в своем ставленнике Н. Чайковском. Американский посол Фрэнсис сообщал: «...Британцы и французы раздражены, они потеряли терпение, ожидая, когда у русских появится способность самим управлять собой. Новое здешнее правительство, именуяющее себя Верховное управление Северной области, явно преувеличивает свою важность и силу... Несколько дней назад мне пришлось сказать главе правительства в ответ на какую-то его жалобу, что если союзники покинут Архангельск, чиновники нового правительства будут выброшены в Арктику — при условии, что им удастся спастись от смерти от рук Красной гвардии. И это не единственная угроза для нового правительства; его министры являются социалистами, которых монархисты считают немногим лучше большевиков и постоянно пытаются свергнуть, заменив Верховное управление Северной области диктатурой»¹⁴⁸⁰.

Действительно, семь из восьми членов правительства Северной области были социалистами!¹⁴⁸¹ Четверо из них после гражданской войны перейдут на службу к большевикам. Не случайно официальная правительственная газета «Возрождение Севера» выходила под лозунгами: «пролетарии всех стран объединяйтесь», «в борьбе обретешь ты право свое»... даже была попытка объявить красный флаг национальным¹⁴⁸². На практике Северное правительство проводило ту же анархо-демократическую политику, что и Временное правительство после февральской революции, которая получила название «керенщины».

Главнокомандующий войсками интервентов Э. Айронсайд вспоминал: «Они (министры Северного правительства) испытывали неуверенность в своих силах, и никто не высказывал того накала патриотических чувств и воли к победе, который был у большевистских лидеров. Ни один из членов правительства не побывал в провинции, чтобы установить контакт с крестьянами. Министры казались трусливыми бюрократами»¹⁴⁸³. Айронсайд сравнивал Северное правительство и правительство большевиков: «Красными руководило сильное фанатичное правительство, занимавшее центральную часть страны и пользующееся поддержкой народных масс. Они могли разговаривать с людьми повсюду»¹⁴⁸⁴. В результате даже демократические круги Архангельска видели выход из создавшегося положения только в установлении твердой власти: «Мы не за диктатуру, но мы за твердую военную власть. Только она может спасти Область»¹⁴⁸⁵.

320

Союзники приходили к тем же выводам. Ген. С. Добровольский вспоминал: «Отсутствие твердой власти и организационной деятельности выводило из себя англичан, неоднократно предупреждавших, что они пришли не на вечные времена, и поэтому русским надо спешить самим организовать...»¹⁴⁸⁶. Б. Соколов: «Английское командование отстаивало ту точку зрения, что в Области нужна твердая власть. Эту твердую власть англичане представляли себе не иначе, как военной. Они считали, что сговориться с населением невозможно, да и не к чему. Если жителей хорошо кормят и не обижают, то все будет хорошо. Особенно их испугали демократические проекты Верховного Управления... Присутствие Н. В. Чайковского весьма мешало. Когда он в начале 1919 года уехал, положение совершенно изменилось, и военная диктатура становится совершившимся фактом»¹⁴⁸⁷.

В. Марушевский дополнял: «скажем просто», английская «диктатура»¹⁴⁸⁸. «Несмотря на все заверения в искреннем желании организовать борьбу против большевиков — англичане смотрели на свое собственное присутствие в области как на оккупацию, вынужденную военными обстоятельствами... Все эти сибирские, новороссийские, архангельские и ревельские шашки нужны были в игре с большевиками. Каждый раз, когда шашки проявляли самостоятельность, они становились если не опасными, то, во всяком случае, стеснительными для британской политики»¹⁴⁸⁹. В. Марушевский неоднократно повторял: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми»¹⁴⁹⁰.

Как прореагировало на приход интервентов местное население? Б. Соколов вспоминал: «Настроение обывателей заслуживает описания... Я застал архангелогородцев, в состоянии совершеннейшего и глубочайшего безразличия к судьбам Северной Области. Словно все это — и защита Области, и уход союзников, и возможный приход большевиков, меньше всего касалось именно их. Угрюмые по своей природе, смесь великороссов с местными туземными полярными племенами — архангелогородцы живут замкнуто, чуждаясь общения, не тяготея нисколько к общественности... Можно было прийти в отчаяние от такой пассивности тех, кто, казалось, должен был быть в центре борьбы, являться ее стимулом. На упреки, бросаемые местному купечеству, что оно интересуется только ценами на треску, что оно спекулирует английскими товарами и мехами, оно спокойно в свою очередь спрашивало: "А мы разве просили вас приходить защищать нас от большевиков. Нам и с ними было не скверно..."»¹⁴⁹¹

С аналогичными настроениями интервенты столкнулись в рабочей и крестьянской среде. У. Ричардсон вспоминал: «Заявление американского правительства о целях военной интервенции указывало, что союзники

вдохновлены стремлением возвышенно и бескорыстно оказать

321

помощь России. Однако широкие массы крестьян остались равнодушны к этому нашему «самопожертвованию» и выказывали нескрываемую радость, когда мы окончательно и с позором покидали их страну»¹⁴⁹², Наглядное представление о положении интервентов в «пригласившем их Архангельске» дают откровения Э. Айронсайда, сделанные им после переворота и ареста «пригласившего их правительства»: «К несчастью, союзники проявили слабость, позволив предать огласке воззвание, подписанное двумя бывшими министрами Чайковского, избежавшими ареста, в котором они призывают к всеобщей забастовке. А так как в России призывы к прекращению работы никогда не остаются без ответа, их послушались. Когда главы миссий пожелали, в свою очередь, распространить собственное заявление, не нашлось никого, кто смог бы напечатать его... Как это могло произойти в городе, наводненном нашими войсками и окруженном эскадрой... Какой смысл посылать французов за 100 километров отсюда на смерть от руки большевиков, если мы не в состоянии повлиять на ситуацию здесь!»¹⁴⁹³

У. Ричардсон находил причины таких настроений северян в целях и методах интервенции: «Мир никогда не был заключен с Россией, и никогда не могло быть мира в сердцах русского населения на Ваге и Двине, которое видело свое жалкое имущество конфискованным в связи с «дружественной интервенцией», свои домики в пламени и себя самого изгнанным из жилищ, чтобы искать приюта в бесконечных снежных просторах. Дружественная интервенция? Слишком очевидна была ее цель там, на месте, в Архангельске, в то время как государственные люди, заседавшие в Париже, тщетно пытались найти достойные объяснения этой постыдной войне. По их словам, военная необходимость требовала того, чтобы далекие мирные хижины на Двине были разрушены. А солдаты, не будучи от природы столь жестокими людьми, должны были следовать этому призыву — разрушать. Бежали женщины, как испуганное стадо овец, заливаясь слезами отчаяния. А дети в это время жалобно кричали, являясь свидетелями таких ужасов, которые их детское сердце не могло перенести. Мужчины крестьяне взирали на все это с бессильным отчаянием в глазах. Зачем же мы пришли, зачем мы оставались, вторгнувшись в пределы России и разрушая русские жилища?»¹⁴⁹⁴ В. Марушевский писал об одной из таких операций: «Почти все стекла в деревне полопались от разрывов, и в домах стоял невыносимый холод. Измученное, изголодавшееся, избыточное население бродило по деревне в каком-то отупении»¹⁴⁹⁵.

«Британский генерал Финлейсон, начальник двинского отряда, говорил нам: «Не должно быть никаких колебаний в нашем стремлении смыть клеймо большевизма с России и цивилизации». Действительно ли это было нашей целью в те зловещие зимние ночи, когда мы расстреливали русских крестьян и сжигали русские дома? Единственное клеймо, существовавшее в действительности, это было клеймо позора, которое мы, уходя, оставляли после себя. Но еще более глубокое, четкое, жгучее

322

клеймо позора остается на лицах тех людей, которые, сидя в мягких креслах, чертили планы вооруженных союзов и будущих международных столкновений и беззаботным жестом посылали других людей в отдаленнейшие места земного шара, где они испытывали лишения и страдания, где угасали все надежды и леденело сердце...»¹⁴⁹⁶

Генерал У. Ричардсон приводит примеры той войны, рисуя картину за картиной происходивших событий: «Часовые, которым приходилось выходить за пределы селения к группе домиков, стоящей несколько поодаль, часто теряли хладнокровие и отрывали своих товарищей от сна. Поэтому было решено сжечь

эти домики, и в результате около двухсот крестьян остались без крова...»¹⁴⁹⁷ «В начале кампании французы, сражавшиеся на железнодорожном фронте, убивали тех, кто не мог уйти с поля сражения, считая, что они будут подвергнуты кошмарному истязанию, как только окажутся в руках противника. И этому искренне верили, несмотря на то, что еще в Усть-Паденьге раненые подбирались почти в ста шагах от большевистских пулеметов, а в Тулгасе после кровопролитной схватки противник без видимых причин прекращал свой огонь по санитарному отряду, который продвигался по совершенно открытому месту»¹⁴⁹⁸. Английский генерал Э. Айронсайд вспоминал: «Перед отъездом на Двину я получил телеграмму с сообщением об успешном рейде австралийцев. Приблизившись ползком в сумерках и просочившись между передними блокаузами за линию обороны, они внезапно напали на смену караула. Тридцать вражеских солдат были заколоты штыками и многие ранены. Затем австралийцы открыли огонь по четырем блокаузам и подожгли их. Пленных не брали. С этой ободряющей телеграммой в кармане я отправился в путь»¹⁴⁹⁹. У. Ричардсон: «*В течение зимы 1919 г. американские солдаты..., убивали русских и уничтожались русскими, несмотря на то, что конгресс Соединенных Штатов никогда не объявлял войны России. Мы вели войну с Германией, но ни одного германского пленного не было захвачено за все это время постыдной войны на севере России; среди убитых врагов никогда не было обнаружено ни одного германца, никогда ничто не указывало на то, что германцы сражались в рядах русских войск или участвовали в управлении этими войсками. В течение всей кампании не было обнаружено никаких признаков сотрудничества между большевиками и центральными державами*»¹⁵⁰⁰.

Провал интервенционистских планов объяснялся не только настроениями местного населения. Оценивая действия большевиков, У. Ричардсон писал: «Можно предполагать, что Ленин имел достаточно политической дальновзоркости, чтобы понять, что полное уничтожение союзных войск на севере России могло бы вызвать взрыв негодования в Англии, Франции и Америке и требование реванша. Лучше было остановиться на методе постепенного оттеснения союзных сил»¹⁵⁰¹. Действительно, стратегия большевиков отчасти основывалась на их уверенности,

323
что открытая война с Западом означает верную гибель Советской власти. Наркоминдел Чичерин в начале интервенции на Севере, в августе 1918, заявлял, что Россия находится «*в состоянии скорее обороны, чем войны*» с Антантой и Советское правительство желало бы «*продолжения отношений с союзными державами*»¹⁵⁰².

У. Ричардсон продолжал: «В ста восьмидесяти милях от Архангельска противник стал внезапно проявлять признаки пробуждения от первоначальной неподвижности. Он преобразился и показал свои когти; преследование противника прекратилось. Теперь становилось очевидным, что отступление противника не было беспорядочным бегством, как это предполагалось раньше, а частью стратегического плана большевиков, в который входило... решение принять бой внутри страны»¹⁵⁰³. Э. Айронсайд так же отмечал, что «руководство боевыми операциями у противника значительно улучшилось, возросла и его уверенность в своих силах», «через несколько месяцев (после революции) красные открыли в Троцком гениального военного министра»¹⁵⁰⁴.

Другую сторону проблемы освещал В. Марушевский, который вспоминал: «Союзные силы (англо-американцы) не выражали особого желания драться, и когда обнаружили более или менее серьезный натиск, просто-напросто ушли (также ушли американцы под Пинегой). Маленькое ядро партизан было отрезано и брошено на произвол судьбы»¹⁵⁰⁵. В. Игнатьев отмечал: «Единственно разумным способом борьбы англичане считали позиционную борьбу, на манер

западного фронта»¹⁵⁰⁶. По словам Б. Соколова: «Пассивность англичан служила неоднократно предметом обсуждений в русской военной среде. Большинство обвиняло англичан не только в пассивности, но даже в трусости. Более того, уверяли, что английское командование мешает проявлению активности русских воинских частей, что оно парализует волю русского командования»¹⁵⁰⁷. Полковник Л. Костанди приходил к выводу, что «англичане не хотят особенного успеха русского оружия»¹⁵⁰⁸. Сам Э. Айронсайд объяснял пассивность союзной армии тем, что «русские войска были ненадежны, а нас было очень мало. Это был риск, к тому же имели место беспорядки...»¹⁵⁰⁹

Действительно, «силы союзников, высадившихся в начале августа 1918 г. в Архангельске, были трагически малочисленны, — указывал В. Марушевский. — Отдельные группы этих войск... закупорили все подходы к Архангельску по долинам рек, являющихся сосредоточием возможных на севере путей сообщения. Этим свойством и объясняется тот секрет, что небольшие части могли удержать область в своих руках в течение 1,5 лет»¹⁵¹⁰. Г. Чаплин: «Союзники пришли с более чем недостаточными силами...»¹⁵¹¹ В. Игнатъев: «Союзнический «десант» состоял... в количестве, которое скорее говорило об авантюре, чем о серьезных намерениях...»¹⁵¹² У.Ричардсон в своих рассуждениях пытался найти причины подобного поведения интервентов: «Тщетность достичь Сибирской железной дороги до смешного малыми силами, которые нахо-

324

дились в распоряжении союзного командования, была очевидна для каждого солдата. Почему же Пуль не отозвал свои войска к Архангельску, чтобы держаться там до тех пор, пока подойдет весной подкрепление или будет окончательно определена линия поведения по отношению к России? Много жизней было бы сохранено и многих бедствий можно было бы избежать благодаря этому, но подобные вопросы не имели достаточного веса в сознании тех людей, которые заседали в союзных штабах и для которых было привычным делом пожертвовать дивизиями или даже целой армией. *Возможно, это объяснялось тем громадным англосаксонским высокомерием, которое не позволяло британскому командованию принять оборонительную тактику по отношению к столь ничтожному народу, как эти славяне, которые должны быть приведены к покорности решительно и быстро*»¹⁵¹³.

Американский генерал приходил к выводу, что *русские «англичанам просто не доверяли, не доверяли инстинктивно, и будущее показало, насколько верно было это "верхнее чутье" у всех русских... За немногими исключениями... английская политика в крае была политикой колониальной, то есть той, которую они применяют в отношении цветных народов*»¹⁵¹⁴. В. Марушевский приводил примеры внешнего проявления этой политики: «Роулинсон принял нас, как какой-нибудь вице-король принял бы негритянскую депутацию»¹⁵¹⁵. В. Игнатъев замечал, что чины английского командования держали себя «крайне нагло, точно среди туземцев завоеванной колонии»¹⁵¹⁶. Далеко не случайным в этих условиях выглядело наблюдение Б. Соколова: «Английские войска были приглашены правительством Северной Области... их просят не уходить... и просят об этом и население, и армия, и правительство, и в то же время к ним, несомненно, полускрытое, а порою и явно враждебное отношение, начиная с командиров отдельных частей и кончая крестьянами окрестных деревень»¹⁵¹⁷. «...Русские, как солдаты, так и офицеры — более, чем солдаты, — были преисполнены какой-то инстинктивной бессознательной враждебности к англичанам»¹⁵¹⁸. В. Марушевский вспоминал, что взаимным недоразумениям и столкновениям между русскими и английскими офицерами не было конца. При этом он же отмечает, что полностью противоположными — дружественными были отношения с французским иностранным легионом и американцами¹⁵¹⁹.

Агония интервенции на Севере наступила с заключением перемирия с Германией.

В начале 1919 г. генерал Айронсайд дал интервью парижской газете «Information»: «Союзные войска прибыли на Север России по просьбе Верховного Управления... Они прибыли тогда, когда общеевропейская война еще продолжалась и союзники боялись взятия немцами Петрограда. Таким образом, первоначальная цель (интервенции) — создание противогерманского фронта и охрана Архангельского и Мурманского

325

портов. После перемирия с германцами встал вопрос о нашем уходе из Северной Области, но по просьбе правительства Северной Области... Союзные войска остались, чтобы помочь русским сформировать свою армию, а отнюдь не для того, чтобы развивать военные операции и вмешиваться в русские дела. Однако приходится констатировать печальный факт. Скоро год, как союзники здесь, а русской армии как боевой единицы еще не существует. Те несколько полков, что сформированы при нашей помощи, решительно никуда не годятся. Офицеры держат себя недостаточно корректно, а солдаты-большевики устраивают бунты. Недавно были восстания и заговоры... чуть ли не во всех имеющихся налицо полках. Главный Русский Штаб сорганизовался плохо и не пользуется авторитетом у своих войск. Создается безнадежное положение... Мое мнение — надо ликвидировать Северный фронт. Он совершенно и никому не нужен. До недавнего времени я был горячим сторонником того, чтобы сохранять Северную Область, чтобы продолжать помогать здешним русским бороться с большевиками. И всеми силами я защищал эту позицию перед Foreign Office. Но теперь я больше не могу этого делать. Эти бунты в полках, а особенно настроение населения г. Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам. Так к чему же тратить такую уйму денег, да к тому же совершенно без пользы? Для меня ясно, что русские не хотят воевать с большевиками. Да и правительство Королевства считает, по-видимому, нужным ликвидировать Северный фронт, чтобы успокоить общественное мнение Англии». — «Что же будет с Северной Областью, когда вы уйдете?» Айронсайд как будто удивлен. «Когда мы уйдем? Но конечно вслед за нами придут большевики. И чтобы было меньше жертв, надо чтобы русские офицеры и вообще все противобольшевики уехали вместе с союзными войсками...»¹⁵²⁰

У. Ричардсон указывал и на другие причины эвакуации союзников: «Британцы в Монсе, французы в Вердене, американцы в Шато-Тьерри знали или по крайней мере предполагали, что знают, за что они сражаются. В России ни один солдат союзных войск не знал этого. Правда, штаб, заботясь о боевом духе войск, выпускал время от времени листовки с разъяснением целей экспедиции, но они нервировали солдат гораздо больше, чем приходившее на смену длительное молчание. В то же самое время к американским солдатам доходили из дома газеты, в которых приводились речи, превозносившие большевизм как героическое движение на пользу всего человечества. Единственное, что поддерживало моральную устойчивость американских солдат, — это товарищеская спайка, сознание, что все они в одинаковой степени приняли участие в лотерее смерти, ставкой в которой является жизнь каждого из них»¹³²¹.

В. Марушевский в этой связи совершенно точно прогнозировал: «долгожданное перемирие на европейском фронте не послужит успеху дела Северной области. Измученные войной войска, заброшенные на далекую, чуждую им русскую окраину, не связанные военными обстоятельствами,

326

будут тяготиться их ссылкой. А без этих войск никакая работа долго еще не будет возможна»¹⁵²². «Все эти соображения уже тогда заставили меня прийти к

заклучению, что если союзные войска будут отозваны, наша молодая армия, лишенная к тому же и материальной поддержки, в виде иностранного пайка, муки и т.д., не устоит»¹⁵²³. «Пригласивший» интервентов капитан Г. Чаплин обреченно писал: «С заключением мира с Германией у союзников интерес к России, естественно, пропал, в ней они больше не нуждались, и нет ничего удивительного, что осенью 1919 года они эвакуировали область и предоставили нас собственной участи»¹⁵²⁴.

События разворачивались стремительно. «Шел только октябрь месяц, но какими-то загадочными путями французы узнали о переговорах относительно перемирия на германском фронте; не обращая внимания на то смятение, которое должен был вызвать их уход среди покинутых товарищей, они оставили фронт и ушли обратно в Обозерскую...»¹⁵²⁵ «Французы открыто заявили, что не собираются сражаться в России,.. так как не понимают, почему они должны воевать в России за британские интересы. Часть американских солдат и офицеров также заражена этими настроениями...»¹⁵²⁶ У. Ричардсон сообщал, что вскоре «английские солдаты обнаружили нежелание сражаться, пока им не будут даны ответы на вопросы, бывшие у всех на устах, относительно целей войны с Россией»¹⁵²⁷, а «в последних числах марта начались трудности среди американских солдат, отказавшихся выполнять распоряжения начальников...»¹⁵²⁸

«Эвакуация становилась несомненной», и перед английским командованием встала проблема, как провести ее с наименьшими потерями. Любая попытка открытой эвакуации привела бы к немедленному восстанию на фронте. Поэтому Айронсайдом была избрана специальная тактика, согласно которой при отводе сил интервентов с фронта было необходимо как можно дольше «поддержать боеспособность русских войск. Всякое проявление пренебрежительного отношения к русским со стороны наших офицеров или солдат должно решительно пресекаться»¹⁵²⁹. «В глубине души мы сознавали, что постоянно рискуем, и в любой момент, если из Сибири поступят плохие новости, боевой дух русских войск испарится. Мне пришлось ввести строжайшую цензуру всех поступающих из Европы сообщений», — вспоминал Айронсайд¹⁵³⁰. Для того чтобы еще больше скрыть истинное положение дел, был издан секретный приказ: «Все действия должны быть наступательными. Должно быть внушено всем солдатам, что мы ведем наступательную, а не оборонительную войну»¹⁵³¹. Но к лету 1919 г. скорая эвакуация интервентов перестала быть секретом.

«В середине августа 1919 года... на совещании всех командиров полков Архангельского фронта, — вспоминал генерал Миллер, — было высказано единогласное мнение, что с уходом союзных войск с фронта в наших полках будут всюду бунты, будут перерезаны офицеры, как элемент пришлый, не имеющий связи с населением, и, таким образом,

327

желание продолжить борьбу после ухода англичан приведет лишь к бесполезной гибели нашего многострадального офицерства»¹⁵³². Мало того, по воспоминаниям генерала С. Добровольского, офицерский корпус считал, что «без англичан никакая (самостоятельная) эвакуация немыслима, ибо солдаты их не выпустят и выдадут, как виновников войны, большевикам»¹⁵³³. Эсер Б. Соколов писал, что фронтовые офицеры «чувствовали себя обреченными»¹⁵³⁴. По словам полковника Н. Зеленова, почти все начальники частей заявили, что «с уходом союзников борьба на Севере становится бессмысленной и обречена на неудачу»¹⁵³⁵. Б. Соколов вспоминал: «Сталкиваясь с жителями Архангельска: с купцами, интеллигентами, рабочими, — у всех встречал и одинаковую оценку положения. Здесь не было даже много логики, не было рассуждений, была лишь вера в то, «что иначе быть не может. Англичане уйдут — придут большевики»»¹⁵³⁶. В армии было поголовное убеждение, что с уходом «союзников» приход большевиков

неизбежен. Армия в 25 тыс. человек, распыленная на огромных пространствах севера в суровых климатических условиях, без собственных источников продовольствия и развитой промышленности была обречена. Фронтное офицерство практически единодушно выступило за эвакуацию вместе с англичанами, против выступили тыловые офицеры и штабные генералы.

«Декларация генерала Миллера — оставаться в Северной Области была встречена угрюмо фронтом, который расценивал это как «бонапартизм тыловых генералов, которые на крови фронта хотят построить свою славу. После... этот антагонизм все рос и рос, — свидетельствовал Б. Соколов. — Насколько он был велик, показывает то обстоятельство, что тыловики не рисковали даже приезжать на фронт, так как там их обещали «вывести в расход». Это нисколько не смущало тыл. Жизнь в Архангельске шла своим чередом. Торжественные обеды, гостями которых бывал весь генералитет, сменялись один за другим»¹⁵³⁷. Тыл «являл собой все признаки разложения, которое было характерно и для Самары, и для Омска перед их падением, и для многих других городов, служивших тылом белых армий. Ни тревожное состояние, ни дурные вести с фронта, ничто не могло нарушить ураганной жизни Архангельска. Люди словно хотели взять от жизни то немного, что она им давала: вино и снова вино... чем грознее становилось в области, тем безудержнее жил военный тыл»¹⁵³⁸. «Ни для кого не было секретом, что недовольство фронта тылом грозило вылиться до размеров военного заговора...»¹⁵³⁹

При этом С. Добровольский указывал, что «справедливость требует снять с английского командования обвинение, что оно, создав Архангельский фронт, бросило его на произвол судьбы, обрекая своих товарищей по оружию на гибель. Английское командование предложило эвакуироваться, считая оставление в Архангельске после их ухода чистой авантюрой... Наше командование категорически отказалось от этого и тем приняло всю ответственность за дальнейшую судьбу оставшихся войск на себя — в последующем самостоятельном существовании

328

области, после ухода англичан, не было принято никаких разумных мер к обеспечению в нужный момент эвакуации войск и лояльных элементов населения»¹⁵⁴⁰. «Английское командование настаивало на совместной эвакуации, указывая на бесполезность отстаивания Северной Области и даже невозможность этого и неизбежность ее падения»¹⁵⁴¹. Англичане оповестили местное население и русскую армию о своем предложении эвакуировать 14-30 тыс. человек. Но Главнокомандующий русскими войсками в Северной области генерал Миллер приказал защищать область и запретил покидать ее пределы мужчинам мобилизационных возрастов¹⁵⁴². Начштаба генерал Квецинский призвал защищать Область «до последней капли крови». Генерал Айронсайд по этому поводу заявлял, что «русские генералы делают преступление»¹⁵⁴³.

Пять месяцев спустя генералы Миллер и Квецинский тайком бежали на ледоколе «Минин», бросив свою армию на произвол судьбы¹⁵⁴⁴, а офицеров на неминуемую гибель*. Четыре дня спустя так же бежало командование Мурманского фронта, бросив вверенные войска. Многие из офицеров в Архангельске и Мурманске приходили к выводу, что «нас снова предали, после этого позора не стоит и жить», и кончали жизнь самоубийством¹⁵⁴⁵. Мало того, как пишет генерал И. Данилов, штабные «не потрудились не только вывезти, но даже сжечь штабные дела и переписку по тем вопросам, которые в глазах большевиков были обвинительным актом нашим офицерам... которые там, далеко на фронте, жертвуя собой, прикрывали их бегство»¹⁵⁴⁶.

Следует отметить выдающуюся роль полковника Леонида В. Костанди, который после бегства главнокомандующего и штаба по просьбе профсоюзов

добровольно остался в Архангельске, чтобы подготовить область к сдаче и избежать при этом стихийного насилия, грабежей и анархии".

С какими настроениями заканчивали интервенцию на Севере России ее участники?

Американский генерал У. Ричардсон: *«когда последний американский батальон уходил из Архангельска, ни один солдат не имел даже смутного представления о том, за что он сражался, почему он уходит теперь... Война Америки с Россией даже не была войной. Это была преступная затея, так как она не получила санкции американского народа»*¹⁵⁴⁷. «Всем известно, что политика этого правительства

* Это был не первый случай, который офицеры ставили в вину генералу Квевцинскому, еще раньше он выдал офицеров добровольческой армии Петлюре, а сам скрылся. (Данилов И.А..., с. 286; о том же пишет Соколов Б.Ф..., с. 344;) Еще одному — «генералу Ключеву никто не хотел «простить катастрофы со сдачею в плен всего его корпуса в самом начале Великой войны» (Марушевский В.В..., с. 332.)

** Л. Костанди лично поехал к большевикам и пригласил их в Архангельск, позже он был расстрелян ВЧК.

329

(пришедшего к власти в результате переворота в Архангельске) направлялась союзниками, вследствие чего оно в действительности лишь маскировало союзный протекторат. Это правительство пригласило на русский север иностранные войска. И если бы по этому вопросу был проведен плебисцит среди населения, оно, несомненно, возвысило бы свой голос и твердо заявило: «Оставьте нас в покое». Эта война на севере России вдохновлялась главным образом Англией и являлась с ее стороны попыткой навязать свою волю русскому народу. Эта кампания была продолжением той политики, которую Англия проводила в Южной Африке, Египте, Месопотамии и в Индии»¹⁵⁴⁸.

Английский генерал Э. Айронсайд: «У нас не было столкновений с русскими в Архангельске, но до отъезда со мной произошел один неприятный случай. Выдающийся русский полковник, доблестно сражавшийся под началом союзников и хорошо мне знакомый, попросил разрешения встретиться со мной. Он был награжден британским орденом, которым очень гордился. И вот этот офицер вошел в мой кабинет и отдал мне честь. Затем он положил свой орден на стол, разделявший нас. За две минуты он высказал мне все, что думает о союзниках и их поведении. Потом снова отдал честь и вышел вон. Долго я сидел в полном молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть»¹⁵⁴⁹.

Военный министр Великобритании У. Черчилль: «Я, как сейчас, вижу бледные лица и грустные глаза членов делегации архангельских граждан, явившихся в конце июля 1919 г. ко мне в Военное министерство просить о дальнейшей защите со стороны англичан. Мне пришлось дать всем этим жалким лавочникам, которым предстояло вскоре очутиться перед лицом смерти от расстрела большевиков, отрицательный ответ. Ответственность за их судьбу падает на те могущественные и великие нации, которые в ореоле победы оставили свою задачу незаконченной»¹⁵⁵⁰.

Министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур признал опрометчивыми обязательства, «взятые на себя российскими друзьями союзников. Было бы прискорбно, если бы небольшевистские, умеренные силы в России почувствовали себя не только брошенными, но и пострадавшими от рук союзников»¹⁵⁵¹. На самом деле наиболее пострадавшим оказалось именно небольшевистское гражданское население. Интервенты разорили и радикализовали, а потом бросили на произвол судьбы русскую экономику и маргинализованное население...

Именно интервенты, развязавшие гражданскую войну на Севере России, были

той силой, которая обрекла сотни тысяч людей на вымирание и нищету. Не случайно накануне своего падения небольшевистское правительство Северной области писало У. Черчиллю, что борьба на Севере «с большевиками была начата по инициативе союзников»¹⁵⁵². Один из наиболее добросовестных исследователей интервенции на Севере В. Голдин приходит к выводу «...изучение истории антибольшевистской борьбы на Севере России убеждает в том, что без воору-

330

женного вмешательства извне она вряд ли вылилась бы здесь в форму гражданской войны»¹⁵⁵³.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ

На Дальнем Востоке, поощряемая Англией и Францией, развивала свою интервенцию Япония. Она смогла найти поддержку даже в США. Так, «бывший президент Тафт открыто заявил, что Америка должна позволить Японии войти в Сибирь. Для соблюдения внешних приличий в Харбине дали возможность образоваться «Русскому дальневосточному комитету», который взывал о немедленном выступлении союзников...»¹⁵⁵⁴ Официальными целями интервенции было объявлено создание нового Восточного фронта Первой мировой войны, на который немцы должны будут перебросить свои армии с Западного фронта.

Бредовость плана создания нового фронта за десять тысяч километров от Европы была очевидна для всех, как и откровенно империалистические планы Японии. Хауз выражал свои мысли достаточно дипломатично: «Планы сосредоточения в Сибири эффективных экспедиционных сил, способных восстановить военное равновесие в Европе, нуждались в чем-то вроде чуда, чтобы привести к успеху»¹⁵⁵⁵. Бальфур признавал: «Хотя японцы охотно оккупировали бы восточную Сибирь, я крайне сомневаюсь, что они согласятся продвинуться вплоть до Уральских гор или позволят представителям четырех великих союзников контролировать свои действия». Для реализации этого плана требовались крупные военные силы. Кроме того, его осуществление привело бы к резкому снижению рентабельности японского флота. Это дорого обошлось бы, повлекло за собой серьезный военный риск и не принесло бы славы. Более того, реализация этого плана могла привести к открытой войне с большевиками, даже бросить Россию в объятия Германии»¹⁵⁵⁶. Французский дипломат Л. Робинен был аналогичного мнения: «Много говорят о японской интервенции, от которой я, в противовес общему мнению, не жду большой пользы. Японцы в этой операции думают лишь о своих частных интересах, которые состоят в том, чтобы «заморочить голову» французам и заставить их поверить в то, что высадка десанта во Владивостоке может потревожить немцев и заставить их перебросить свои силы с нашего фронта»¹⁵⁵⁷. Великий князь Николай Михайлович рассматривал «японскую интервенцию как утопию, потому что они не смогут продвинуться по территории Сибири настолько, чтобы стать опасными для немцев»¹⁵⁵⁸.

Американский политолог Спарго в то время предупреждал о другой опасности: «Не требует большого воображения увидеть, что, в случае овладения Германией контролем над экономической жизнью России в Европе, а возможно, и в Западной Сибири, в то время как Япония овладеет контролем над остальной Сибирью, результатом будет воз-

331

никновение угрозы всем демократически управляемым нациям мира. Сомкнув руки над распростертой в прострации Россией, две великие милитаристские державы овладеют контролем над ресурсами и судьбой около семисот миллионов людей. Конечно, союз Германии и Японии с Россией, управляемой реакционной

монархией, будет еще более огромным и опасным; но если даже Россия не станет более управляемой реакционными монархистами и сохранит либеральное правительство, в ее экономической жизни на западе будет доминировать Германия, а на востоке — Япония... Возникнут две великие лиги наций — лига демократических стран против более сильной лиги более агрессивных милитаристских наций»¹⁵⁵⁹.

Б. Бахметьев, которого США все еще признавали российским послом, утверждал, что японцы стремились высадиться во Владивостоке под любым предлогом. Посол опасался, что они оттуда никогда не уйдут...¹⁵⁶⁰ Французский коллега Бахметьева посол В. Маклаков, так же считал, что угроза со стороны вооруженных сил союзных держав, особенно Японии, российским территориям будет иметь катастрофические последствия для России и для союзников¹⁵⁶¹. Мнения русских послов совпадали с позицией американского президента. По словам Хауза: «Вильсон боялся, очевидно, одного — как бы японские войска, раз уж они попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда. Их (японские) военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет контроль над Восточной Сибирью...»¹⁵⁶² Сам Хауз говорил: «Если японцы вступят в русские пределы, не обещав уйти оттуда, то Антанта, поддерживая японцев, поставила бы себя в такое же точно положение, как германцы, окулировавшие сейчас западную часть России, хотя против этой германской оккупации гремят непримиримые возражения со стороны западных держав»¹⁵⁶³.

В. Вильсон писал Хаузу, что «доходит до изнеможения», раздумывая, что делать в России, и всякий раз, как обращается к этому вопросу, тот распадается на куски, «точно ртуть под моим прикосновением»¹⁵⁶⁴. Тем не менее президент последовательно выступал против интервенции даже при заявленных гарантиях, в его «второй ноте появились два новых тезиса — ожидаемое «горячее» российское возмущение интервенцией и «симпатии» Америки к российской революции, какой бы печальный и неудачный оборот она ни приняла. Нота заканчивалась заверениями «в самых теплых дружеских чувствах и доверии» США к Японии, при этом Вильсон с критики Японии «переключился на более высокие материи: на отрицание как таковой пользы интервенции»¹⁵⁶⁵. «Президента особенно раздражала попытка союзных держав вмешаться во внутреннюю политику России. В феврале он не видел ничего «разумного или практичного» в планах Великобритании в Сибири. А когда автор статьи в нью-йоркской «Ивнинг Пост» допустил возможность американской интервенции, Вильсон заявил, что корреспондент «полностью искажает

332

дух и принципы власти, если считает возможным ее участие во вмешательстве» в дела любой другой страны»¹⁵⁶⁶.

Только «под непрерывным давлением со стороны французов и англичан», указывал Хауз, Вильсон взял обратно свои возражения против японской интервенции¹⁵⁶⁷. При этом Вильсон настаивал на крайне ограниченном контингенте японских и американских войск. Хауз выступал против любой интервенции: «Я никогда не изменял своего мнения, что посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой. Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред. Не говоря о враждебном чувстве, которое создается бы в большевистском правительстве...»¹⁵⁶⁸

Существовала и другая проблема, на которую указывал госсекретарь США Лансинг: «Британское правительство настойчиво утверждает, что союзным державам в собственных интересах следует попросить Японию оккупировать

Транссибирскую железную дорогу. С политической точки зрения я назвал бы это опасным; немцы могут воспользоваться этим для консолидации российского общественного мнения против союзников»¹⁵⁶⁹. На эту опасность указывал и Бахметьев. По его мнению, интервенция «бросит русских в объятия германцев... Относительно этого у нас не было разногласий», отмечал Хауз¹⁵⁷⁰. Аналогичных взглядов придерживался и У. Черчилль: «Если бы Япония выступила против России, то большевики, при поддержке русского народа, могли бы заключить прямой союз с Германией против союзников»¹⁵⁷¹. Дансингам и Черчиллям нужна была *третья сила*, которая бы не компрометировала «союзников» в открытой интервенции против России, и такая сила была скоро найдена...

Представители США в регионе информировали Вашингтон об усилении немецкого влияния на Дальнем Востоке в результате формирования австро-немецкими военнопленными воинских частей и вследствие того, что сибирские большевики являются немецкими агентами¹⁵⁷². Волков приводит не подкрепленную ничем цифру «...до 80% красных войск в Сибири составляли ненавистные чехам бывшие пленные немцы и венгры»¹⁵⁷³. Это угрожало созданием некоего Сибирского фронта мировой войны и ставило под угрозу находившийся в России чешский корпус...

Обвинение большевиков в вооружении германских пленных скоро было опровергнуто самими союзниками: атташе американского посольства в Китае В. Дризден заявлял в марте 1918 г.: «От Владивостока до китайской границы абсолютно не имеется вооруженных военнопленных. Все военнопленные тщательно охраняются русскими»¹⁵⁷⁴. Между тем добровольцы из германских военнопленных, как впрочем и из других стран, в том числе и Чехословакии,¹⁵⁷⁵ были, и осенью 1918 г. они составляли 5-7% всей численности Красной Армии, в 1920 г. — 0,5%¹⁵⁷⁶. Но о каких-то массовых вооруженных формированиях немецких военнопленных, способных даже теоретически уг-

333

ржать чешскому корпусу, тем более весной 1918 г, когда большевики надеялись еще на соглашение с Антантой, речь не шла. Мало того, Людендорф в то время прямо обвинял большевиков в пособничестве Антанте: «Если бы советское правительство предполагало честно исполнять мирный договор, то оно могло бы те поезда, на которых оно отправляло чехословаков, использовать для перевозки германских военнопленных. Но советское правительство не было честным. Большевизм вредил нам везде, где только мог»¹⁵⁷⁷.

Однако столь нужная дезинформация делала свое дело, и вдруг появившаяся *третья сила* «завоевывала симпатии американцев»¹⁵⁷⁸. «В любом случае повод для изначально запланированной интервенции был найден. Следует добавить, что довод «большевики — союзники немцев, так как заключили с ними мир» хорошо действовал на чешских солдат, ненавидевших Австро-Венгерскую монархию»¹⁵⁷⁹. Ленин в то время писал: «Вся буржуазия, все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики за чехословаков, ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти. Об этом знают союзники... Им не хватало в России ядра, и ядро они обрели в чехо-словаках»¹⁵⁸⁰. В июне 1918 г. американский посол в Китае Райниша писал Вильсону про чехов: «Они могут овладеть контролем над Сибирью. Если бы их не было в Сибири, их нужно было бы послать туда из самого дальнего далека»¹⁵⁸¹. С одной стороны, чехи должны были блокировать большевиков, а с другой, «потеснить японцев, как часть союзных интервенционистских сил в России»¹⁵⁸². Бальфур 21 июня выдвигает благовидный предлог: «Большевики, которые предали румынскую армию, очевидным образом сейчас настроились на уничтожение чешской армии. Положение чехов требует немедленных союзных действий, диктуемых крайней экстренностью ситуации»¹⁵⁸³.

«Бравый американский адмирал Найт в телеграмме президенту 28 июня писал: "Пока мы рассуждаем о судьбах чехов, организованные большевиками австро-германские военнопленные начинают выбивать их из опорных пунктов транссибирской железной дороги". В госдепартаменте отреагировали утверждением, что эта телеграмма послана самим Богом. "Это именно то, в чем мы нуждаемся, — говорил госсекретарь Лансинг, — теперь давайте сконцентрируем на этом вопросе все наши силы. Чехов следует снабдить американскими винтовками и амуницией. Они сумеют защитить любой американский широкомасштабный план для России. Американская миссия начнет движение по транссибирской магистрали так далеко, как то позволят обстоятельства. Конечный пункт ее продвижения будет определен приемом, оказанным ей русскими"»¹⁵⁸⁴. 29 июня чехи заняли здания Советов во Владивостоке, взяв большевиков под арест. Эта акция ускорила новую высадку союзнических войск для охраны консульств и запасов, хотя город уже контролировали чехи¹⁵⁸⁵.

334

Между тем еще 24 июня Буллит писал Хаузу: «Я испытываю дурные предчувствия, потому что *мы готовы совершить одну из самых трагических ошибок в истории человечества*. В пользу интервенции выступают русские «идеалисты-либералы», лично заинтересованные инвесторы, которые желали выхода американской экономики из Западного полушария. Единственными, кто в России наживется на этой аванюре, будут земельные собственники, банкиры и торговцы». Эти люди «в Россию пойдут ради защиты своих интересов. А при этом возникает вопрос: сколько понадобится лет и американских жизней, чтобы восстановить демократию в России?»¹⁵⁸⁶

Тем не менее массированное давление и дезинформация сделали свое дело. Вильсон был вынужден написать меморандум, который считал столь конфиденциальным, что «как видите, сам напечатал его **на собственной машинке**»: *«Интервенция в Россию лишь усилит там сумятицу, причинит ей вред и не создаст преимуществ для выполнения основного плана. При этом придется использовать Россию, не оказав ей помощи; иностранные армии истощат ее материально*. Военную акцию в России можно оправдать только необходимостью оказания помощи чехам; поддержкой усилий России в самоопределении и самозащите (от Германии), охраной военных запасов и оказанием русским любой приемлемой помощи. *Помочь чехам необходимо. Этой акции хочет русский народ*»¹⁵¹⁷. «Президент ограничил интервенцию жесткими рамками и всячески сопротивлялся какому-либо политическому участию США в этой акции»¹⁵⁸⁸. «Б. Миллер утверждает, что «Основной **его** (Вильсона) целью было предупредить своих коллег относительно невозможности перерастания спасательной миссии в антибольшевистский крестовый поход». Вильсон «хотел держать двери открытыми в Сибири и в северной Маньчжурии, не вмешиваясь во фракционные споры русских»¹⁵⁸⁹. 5 августа вышла соответствующая официальная американская декларация, которая начиналась словами: *«Военное вмешательство скорее принесет России вред, нежели помощь в ее тяжелом положении...»*

«Ллойд Джордж скептически относился к программе Вильсона. Он радовался интервенции, но считал, что 14 тыс. человек недостаточно. Столь малые силы не смогут гарантировать того, что «германские и австрийские пленные не перережут чехам горло». Для обеспечения защиты Сибири вплоть до Урала силы должны быть достаточно крупными...»¹⁵⁹⁰ «Ридинг (так же) был разочарован привлечением столь незначительных сил и отсутствием единства действий; он недоумевал, почему Вильсон заручился согласием японцев прежде, чем проконсультировался с Великобританией и Францией»¹⁵⁹¹. Между тем

американское правительство, помимо военного, планировало и другие виды интервенции: «Намерением Правительства Соединенных Штатов является... послать в Сибирь комиссию из коммерсантов, сельскохозяйственных экспертов, производственных специалистов (labor advisers), представителей

335

Красного Креста, агентов Ассоциации Христианской молодежи... для того, чтобы в организованной форме удовлетворить насущные экономические нужды населения»¹⁵⁹². «О планах США можно судить по предполагаемой миссионерской деятельности Христианской молодежи*, которой предписывалось *«морально руководить русским народом»*¹⁵⁹³. «Комиссия помощи русским», возглавляемая Г. Гувером, должна была оказать массированную материальную и продовольственную помощь России. «Эта программа, — писал Хауз Вильсону, — передаст в ваши руки ключ от русского и вообще восточного положения, удовлетворит союзников и, может быть, примирит большую часть России с этого рода интервенцией»¹⁵⁹⁴. Но эта программа так и не была реализована.

Вслед за американской последовали декларации английского и французского правительств от 22 августа и 19 сентября: «главной целью интервенции (они) выставляют желание помочь спасти Россию от раздела и гибели, грозящих ей от руки Германии, которая стремится поработить русский народ и использовать для себя его неисчислимые богатства»¹⁵⁹⁵.

Но уже в ноябре Первая мировая война закончилась. Главные доводы союзников в оправдание пребывания их войск в России рухнули¹⁵⁹⁶. У Черчилль отмечал: «Со стороны союзников потребовалось немало усилий для того, чтобы громадные запасы, имевшиеся в России, не достались германским войскам, но этих войск больше уже не существовало. Союзники стремились спасти чехов, но чехи уже успели сами себя спасти. В силу этого все аргументы в пользу интервенции в России исчезли»¹⁵⁹⁷. Генерал Грэвс вспоминал: «Поскольку все основания, ради которых войска Соединенных Штатов принимали участие в военных действиях в Сибири, целиком исчезли перед перемирием или к моменту перемирия, то мне казалось, что мы должны будем отозвать наши войска с территории России»¹⁵⁹⁸.

Но 27 октября 1918 г. глава французского правительства Клемансо извещает французского командующего Восточным фронтом генерала Франше д'Эспере о принятом «плане экономического изолирования большевизма в России в целях вызвать его падение»¹⁵⁹⁹. А в середине ноября Англия и Франция издают новую декларацию, в которой прямо заявляют о своем вступлении в Россию для «поддержания порядка» и для «освобождения» ее от «узурпаторов-большевиков»¹⁶⁰⁰. Для союзных солдат командование выпускает специальную прокламацию: «В войсках, кажется, существует самое смутное понимание того, за что мы сражаемся в России. Это может быть объяснено в нескольких словах. Мы — против большевизма, который означает анархию в полном и чистом виде...»¹⁶⁰¹

* Young men's Christian Assosiation. Находившийся на Севере сотрудник этой организации Р. Альбертсон выпустил в 1920 г. в Нью-Йорке «Сражение без войны», переизданную в 1987г. под названием «Янки в России». (Белый Север, с. 370, прим.)

336

Американский дипломат Пул утверждал борьбу против большевиков тем, что «нельзя рассчитывать на честное соблюдение большевиками договорных обязательств; в международной политике они исповедуют оппортунизм. Они создали губительное царство террора, направленного, главным образом, против среднего класса, ввели дискриминацию при распределении продуктов питания; плохо управляли страной и привели ее к экономической катастрофе. Пула тревожила судьба Польши и других вновь созданных государств в Восточной Европе. «Нынешний повсеместный успех здоровых демократических движений

подвергается опасности в связи с раздающимся из Москвы коварным призывом к насилию и безрассудству»¹⁶⁰².

В то время, как Моррис и Грейвс предупреждали о большом риске дальнейшего участия США в событиях в России, госсекретарь Лансинг, наоборот, продолжал оказывать на президента давление, настаивая на «открытом выступлении» против большевиков. Он требовал от президента не ограничиваться простыми заявлениями, а «возглавить движение против него, к чему вас обязывает ваше положение и репутация»¹⁶⁰³. У Г. Гувера шаги Вильсона вызывали такое же неприятие, как и сама Россия, которую он назвал «призраком, почти ежедневно являвшимся на мирной конференции»¹⁶⁰⁴. Проект резолюции, внесенный в Сенат США в феврале 1919 и содержавший требование о выводе американских войск из России, был провален всего лишь одним голосом вице-президента США Т. Маршалла (при равном соотношении голосов в Сенате «за» и «против» право подачи решающего голоса предоставляется вице-президенту страны).

ЧЕХИ

*«Масарик, лидер чехов, выступал против интервенции и любой поддержки белых армий, он так же не верил в особо успешные действия против Ленина кадетов или социалистов-революционеров. Масарик считал, что большевики удержат власть дольше, чем считают их противники, но дилетантизм большевиков положит конец их господству. Прочное правительство может составить коалиция социалистических партий, включая большевиков»*¹⁶⁰⁵.

Исторически отношение чехов к России строилось на двух противоположных началах, которые, с одной стороны, опирались на прагматичный интерес и славянские корни народов. В. Вильсон позже даже напишет: чехи — «ведь они двоюродные братья русских»¹⁶⁰⁶. Сами чехи считали, что Россия естественным образом обязана поддерживать ин-

337

тересы австрийских славян¹⁶⁰⁷. Термин «панславизм», который отражал стремления западных славян к независимости в надежде на помощь России, ввел словак Херкель в 1826 году. Вспышка симпатии чехов выплеснулась во время русско-японской войны 1904-1905 гг.; например, газеты сообщали: «сегодня в первой половине дня в православном храме Святого Николая на Староместской площади в Праге пройдет молебен за победу русского войска. В молебне примут участие городской совет и представители самых старых чешских городов. Городской совет пражского квартала Нусли на своем вчерашнем заседании принял решение выразить свои симпатии России»¹⁶⁰⁸. Или, как утверждал Клофач в газете «Народни политика» в октябре 1904 года: «Хотя Россия и будет ослаблена после войны, чехи все равно должны искать защиту у своих славянских братьев, поскольку ворота в Россию для нас открыты. Наши симпатии на стороне России, хотя это и не нравится господам в Вене...»¹⁶⁰⁹ «...Нет нужды говорить, — писала чешская газета "Час", — что мы, славяне, надеемся и верим в победу русского оружия»¹⁶¹⁰.

С другой стороны, чехи ассоциировали себя с европейской цивилизацией и с ее пьедестала свысока поглядывали на Россию, жестко критикуя самодержавие, порой доходя до яркой ненависти ко всему русскому. Одновременно чехи смотрели на Россию с ее панславянскими идеями, как на потенциальную угрозу. Так например, известный политик К. Гавличек в мае 1844 года утверждал, что «русские... вовсе не наши братья, как мы их называем, а намного более опасные враги нашего народа, чем мадьяры или немцы. Их язык и литературу мы можем использовать как хотим, но любое панибратство с ними нужно оставить...»¹⁶¹¹

В 1918 г. после подписания Брестского мира предполагалось отправить около 50 тыс. пленных чехословаков, находившихся на Урале, Поволжье и в Сибири, через Владивосток в Европу для участия в борьбе с Центральным союзом. Захватив железную дорогу, они могли беспрепятственно сделать это, но союзники удержали их в Сибири. Ген. Гревз отмечал: «Если союзники действительно хотели перебросить чехов во Францию, то представляется странным, что не принималось никаких мер к их отправке из Владивостока. Для меня совершенно ясно, что до 28 мая 1918 г. не существовало планов переброски чехов на Западный фронт»¹⁶¹². Гревс, командовавший американским экспедиционным отрядом, объяснял задачу своего пребывания там как охрану тыла чехословаков — наступавших на запад (на центральную Россию). Британский консул во Владивостоке Ходжсон получил в апреле телеграмму, гласившую: «Ввиду трудностей с транспортом решено не эвакуировать в настоящее время чешский корпус во Францию. Секретно: он может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников, если она осуществится»¹⁶¹³.

Существовали планы переброски чехов в Европу и через северные порты. Но на запрос английского генштаба о количестве судов, необ-

338

ходимом для перевозки чехов, лорд Бальфур ответил: «Эти вопросы совершенно неуместны в связи с уже принятым решением о том, что чехи должны охранять подступы как к Мурманску, так и к Архангельску»¹⁶¹⁴. Госдепартамент инструктировал американское командование, что чехам «не должно ставиться препятствий, если они будут принимать меры, вызываемые военным положением»¹⁶¹⁵. Меры эти должны были предприниматься чехами не по своему усмотрению, а с указания союзного руководства: «Чехословацкая армия принадлежит к числу союзных армий и в такой же степени подчиняется приказам Версальского военного совета, как и французская, и американская армии»¹⁶¹⁶. 2 мая представители Антанты выпустили ноту № 25, согласно которой чехословацкие войска, двигавшиеся во Владивосток для последующей отправки во Францию, предстояло развернуть на Мурманск и Архангельск, «где они могли защищать оба порта, а также охранять Мурманскую железную дорогу»¹⁶¹⁷.

Оставалось лишь найти повод или спровоцировать его, и он был найден менее чем через две недели после принятия ноты № 25. Английский историк пишет: «Транзит был прерван 14 мая 1918 года, когда на территории Западной Сибири, в Челябинске, произошла стычка между следующими на восток чехами и группой венгерских военнопленных, которые возвращались на запад, чтобы присоединиться к армии Габсбургов. Почвой для столкновения стал патриотизм: для чехов он означал независимость Чехословакии, для венгров — их привилегированное место в империи Габсбургов. В стычке один из чехов был ранен. Над напавшим на него венгром был учинен самосуд. Когда местные большевики вмешались, чтобы восстановить порядок, чехи схватились за оружие, чтобы утвердить свое право пользования Транссибирской железной дорогой для собственных исключительных целей. Чехов насчитывалось 40 тысяч человек, и эта масса, разбитая на отдельные группы, была растянута по всей длине железной дороги — от Волги до Владивостока. Как справедливо подозревали чехи, таким образом большевики хотели нейтрализовать их организацию»¹⁶¹⁸. У Черчилль подает эти события в другой интерпретации: «26 мая первый эшелон с чехословацкой артиллерией прибыл в Иркутск. Согласно договору с большевиками, у чехов оставалось только 30 карабинов и несколько гранат для личной самообороны». На станции их встретил многократно превосходящий чехов по численности отряд красногвардейцев, вооруженный пулеметами, который потребовал сдачи чехами оставшихся 30 карабинов. «Но, — как писал У. Черчилль, — чехи не уступили. В это время подготовка Красной Армии

ограничивалась лишь изучением принципов коммунизма, казнью пленных и грабежом. Со своими 30 карабинами... чехи наголову разбили своих противников»¹⁶¹⁹. У. Черчилль укажет: «В истории вряд ли можно встретить эпизод, столь романтический по характеру и столь значимый по масштабу», дальше он их назовет «удивительными событиями». Но на этом «анекдоты» от английских историков

339

У. Черчилля и Д. Кигана не закончились: чехи, продолжает Киган, вдруг неожиданно обнаружили «...горячее стремление не покидать Россию прежде, чем они нанесут большевизму смертельный удар...»¹⁶²⁰

Вернемся в реальность. Вопрос об участии чехов в гражданской войне в России был решен еще в ноябре 1917 г. Уже тогда, по воспоминаниям чешского президента Масарика, его армии «союзниками» ставились грандиозные, но невыполнимые задачи, по поводу которых он недоумевал: «Нереально оккупировать и удерживать огромную территорию Европейской России силами в 50 тыс. человек»¹⁶²¹. Однако в январе 1918 г., генерал Алексеев в письме, обращенном к начальнику французской миссии в Клеве, указывал: «Силы неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон если не весь чешско-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование Добровольческой армии»¹⁶²². Союзникам потребовалось время, чтобы подготовить интервенцию и убедить чехов принять участие в гражданской войне в России. В этом немалую помощь оказали русские офицеры, служившие в чехословацком корпусе, «начиная с того, что командовал им русский генерал-майор В. Шокоров, а начальником штаба был сыгравший затем видную роль генерал-лейтенант М. Дитерихс. Русские офицеры, остававшиеся в штабах и на командных должностях чехословацких войск, сыграли далеко не последнюю роль в решении чешских руководителей выступить против большевиков»¹⁶²³.

Чехи продержались недолго. Уполномоченные чехословацкого правительства в России Б. Павлу и В. Гирс (12 ноября 1919 года, накануне падения Омска публикуют весьма впечатляющее обращение (меморандум) к политическим и военным представителям стран Антанты и США с просьбой о скорейшей их эвакуации на родину: «...Сейчас пребывание наших войск на магистрали и ее охрана становятся невозможными как ввиду абсолютной бесцельности, так и с точки зрения самых элементарных требований справедливости и гуманности, — писали чехи. — Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, наша армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы совершают такие действия, которые поражают весь цивилизованный мир. Сожжение деревень, убийства мирных русских граждан, расстрелы сотен демократически настроенных людей без суда, лишь по подозрению в политической нелояльности, — повседневное явление, и ответственность за все это перед судом народов всего мира падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому беззаконию». А в качестве причины того, что им прихо-

340

лилось якобы пассивно созерцать это «беззаконие», чешские политики выдвигают «нейтралитет и невмешательство во внутренние дела русских»¹⁶²⁴.

В. Краснов по этому поводу пишет: «Как будто не чехи начали в мае 1918

года активное выступление против советской власти! Как будто не они захватывали город за городом, арестовывая членов местных советов и передавая власть в руки белых, создававших местные правительства! Как будто не они организовали террор и кровавые расправы с рабочими и крестьянами по всей Сибири и Уралу, устилая свой «путь к славе» трупами замученных в застенках, повешенных, расстрелянных и зарубленных! Как будто не они повели сначала осторожные «коммерческие дела», затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и наконец чистый грабеж России — на сей раз под лозунгом борьбы «против русской реакции»¹⁶²⁵.

В. Краснов продолжает: «...Чехословацкое войско было далеко не столь доблестно и благородно, как стараются изобразить генералы. Они ни единым словом не упоминают о тех порках, расстрелах, насилиях и издевательствах, которые чинились "доблестными" легионерами над мирным населением. Может, легионеры тоже вызывали по отношению к себе "отвращение и омерзение"? Об этом французский генерал "дипломатично" умалчивает. Ни единым словом Жанен не упоминает и о тех грабежах и спекуляциях, которые "бескорыстные" чехи обычно совершали с откровенной наглостью, при явном попустительстве и даже с благословения их "благородного" шефа...»¹⁶²⁶ Французский посол Ж. Нуланс лично подтверждал эти выводы: «чехи привыкли хозяйничать в стране, где сила оружия давала им столько власти»¹⁶²⁷. Киган писал о командующем чехословацким корпусом Р. Гайде — чешский авантюрист, прославился своей жестокостью. За попытку мятежа выслан Колчаком из России. Повешен в Чехословакии в 1948 году за сотрудничество с нацистами¹⁶²⁸. В 1938 г. бывший колчаковский генерал К.Сахаров, воевавший вместе с чехами, «выпустил в Германии книгу, полную ненависти к чехословацким легионерам («Каины славянства»)»¹⁶²⁴.

Примечательно, что У. Черчилль говорил о чехах, как об основной военной силе поддерживавшей огонь гражданской войны в Сибири: «Мы видели уже в октябре 1918 г., что они (*чехи*) были доведены до полного отчаяния тем, как хорошо вели дела они и как плохо вели свою работу русские белогвардейцы...»¹⁶³⁰

КОЛЧАК

В начале августа 1917 г. только что произведенный Временным правительством в адмиралы Колчак тайно прибыл в Лондон, где встречался с морским министром Великобритании и обсуждал с ним вопрос о «спасении» России. Затем он опять-таки тайно по просьбе

341

американского посла был послан в США, где встречался «не только с военным и морским министрами (что было естественно для адмирала), но и с министром иностранных дел, а также — что наводит на размышления — с самим тогдашним президентом США Вудро Вильсоном»¹⁶³¹. Действительно, цели поездки — передача «американскому флоту опыта нашей морской войны» и «получение нескольких миноносцев»¹⁶³², как и ранг Колчака не соответствовали уровню встречи с министром иностранных дел и тем более с президентом США. Однако, как мы помним, именно в это время, в августе 1917 г. начальник Морского генерального штаба Великобритании генерал Холл обсуждал с Колчаком необходимость установления диктатуры. Полмесяца спустя в необходимости введения диктатуры в России английский представитель генерал Нокс убеждал американского — Робинса. Как раз в тот период, в августе-сентябре 1917 г., «страна искала имя» и либеральная пресса выдвигала на роль диктатора Колчака...

Сразу после Октябрьской революции Колчак обратился к английскому посланнику в Японии К. Грину с просьбой к правительству Его Величества

Короля Англии принять его на службу, «я всецело предоставляю себя в распоряжение Его правительства...»¹⁶³³ 30 декабря 1917 г. английское правительство удовлетворило просьбу адмирала. «17(30) июня я, — пишет Колчак, — имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Руттом и адмиралом Гленноном... я оказался в положении, близком к кондотьеру»¹⁶³⁴, — то есть наемному военачальнику... «Действительно, Колчак пытался все время одеваться в английский костюм. И не случайно, конечно, что в наиболее критические моменты он оказывался под защитой английского конвоя и английского флага, хотя подчас эта защита принимала совершенно анекдотические формы»¹⁶³⁵.

Англичане, послав Колчака в Сибирь, помогли ему осуществить переворот и установить военную диктатуру. Генерал Нокс, возглавлявший британскую военную миссию в Сибири, «цитируя заявление У. Черчилля в палате общин 6 июня, заявлял, что англичане несут ответственность за создание правительства Колчака»¹⁶³⁶. Союзники де-факто признали Колчака Верховным правителем, но сделать это де-юре они не торопились. Для признания Колчака союзники выдвинули ряд условий: «Во-первых, как только А. В. Колчак достигнет Москвы (вряд ли союзники сами верили в такую возможность), он должен созвать Учредительное собрание... Во-вторых, правительство Колчака не должно препятствовать свободному избранию местных органов самоуправления... В-третьих, не будут восстанавливаться «специальные привилегии в пользу какого-либо класса или организации» и вообще прежний режим, стеснявший гражданские и религиозные свободы. В ноте далее высказывались требования предоставить независимость Финляндии и Польше, урегулировать отношения России с Эстонией, Латвией и Литвой, а также с «кавказскими и закаспийскими народностями», и отмечалось, что все разногласия по этим вопросам должны подлежать арбитражу Лиги

342

наций, и, наконец, Колчак должен был подтвердить свою декларацию от 27 ноября 1918 года о русском государственном долге»...¹⁶³⁷

Колчак, с некоторыми оговорками, принял условия союзников. Но союзники продолжали свою политику непризнания. А именно этот вопрос был ключевым для Колчака, да и всего белого движения, поскольку способствовал бы объединению под главенством Колчака всех антибольшевистских сил и по сути снял бы ограничения на открытую массированную помощь союзников на законных основаниях. Но союзники откровенно не желали придавать интервенции официальный статус, предпочитая вести войну своими традиционными полулегальными методами... Этот факт можно объяснить двумя причинами: с одной стороны, официальное признание Колчака по сути являлось официальным объявлением войны России; с другой, интервентов победа Колчака интересовала в гораздо меньшей степени, чем решение ключевого вопроса — кардинального ослабления России, за счет поддержания там огня гражданской войны...

Правда, у европейцев быстро обнаружился восточный конкурент — Япония, имевшая свое видение будущего Дальнего Востока. Колчак пытался лавировать между союзниками и Японией, обещая преференции и тем и другим. Опираясь на поддержку Запада, Колчак одновременно заявлял японцам, что «поскольку, если помощь будет предоставляться разными странами, будет трудно удовлетворить интересы каждой из них, мы предпочли бы полагаться на помощь одной Японии»¹⁶³⁸. Но японцы «предпочли финансировать собственные подконтрольные казачьи формирования Семенова, Калмыкова, Розанова, Хорвата и др. Им было направлено оружие, снаряжение, военные инструкторы, причем, несмотря на полную зависимость этих отрядов от японского

командования, помощь и инструкторов присылали также и Англия, и Франция. Эти атаманы, хоть и не планировавшие захватить Москву, обходясь мелкими пограничными разбоями, готовы были служить японским интересам, в отличие от Колчака, о котором японский генеральный консул Сато писал: «Он не сомневается, что сможет изгнать большевиков сам. В этом его взгляды совершенно расходятся со взглядами Хорвата и Плешкова. В настоящее время эти двое твердо уверены, что ничего нельзя сделать без японского вторжения... Похоже, что он сильно симпатизирует Великобритании, так что, если Япония согласится предоставить ему материальную помощь, нельзя будет сказать с уверенностью, что обещая Японии концессии, он не предоставит их в большом количестве англичанам... Боюсь, что в результате Япония ничего не получит»¹⁶³⁹.

По признанию активного участника тех событий кадрового дипломата из русского посольства в Японии Д. Абрикосова, одной из ключевых причин военного поражения А. Колчака было не превосходство большевиков на фронте, а именно открытый конфликт в тылу с атаманом Г. Семеновым, который фактически отрезал адмирала от Дальнего Востока и блокировал поставки вооружения, амуниции, про-

343

вианта для армии Верховного главнокомандующего. Как отмечает Абрикосов, японцы делали все, чтобы, с одной стороны, поссорить атамана с адмиралом, а с другой стороны, дискредитировать Колчака, вставляя по возможности ему палки в колеса. Колчак писал: «Крайне тяжело положение Дальнего Востока, фактически оккупированного японцами, ведущими враждебную политику хищнических захватов. Поддерживаемые японцами так называемые атаманы Семенов, Калмыков, Гамов со своими бандами образуют враждебную мне группу, и до сих пор вопросы с ними не улажены, так как японцы открыто вмешались и воспрепятствовали мне вооруженной силой привести в повиновение Семенова. Последний является просто-напросто агентом японской политики, и деятельность его граничит с предательством... Что касается американцев, то пока они ограничиваются только обещаниями помощи, но реального от них мы ничего не получаем. Повторяю, что единственно, на кого можно рассчитывать, — это только на англичан и отчасти на французов»¹⁶⁴⁰.

Сам Колчак не смог организовать ни прочного тыла, ни собственного правительства. Моррис докладывал госсекретарю: «Все попытки сохранить транспортную систему остались безрезультатными. Исключения составляли лишь усилия союзников, опиравшихся на чехов. «К ошибкам военной политики необходимо добавить невероятную по своим масштабам коррупцию должностных лиц, с которой Колчак не пытался серьезно бороться. По словам Морриса, оба (*Жанен и Нокс*) откровенно заявляли о трудностях, с которыми сталкивались последние месяцы в ходе доставки грузов для Колчака. Они характеризовали штат колчаковской армии и снабженческих отделов как «полностью дезорганизованный, неумелый, коррумпированный и непостоянный; там преобладают личные амбиции, зависть, интриги; постоянные призывы к адмиралу не допускать злоупотреблений безрезультатны, ибо он, по их мнению, бессилен что-либо сделать». Возможно, понадобится наблюдение и руководство распределением и даже организацией армии»¹⁶⁴¹.

Генерал Сахаров вспоминал: «Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодетальной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в

других городах Сибири»¹⁶⁴². Моррис отмечал: «Штатские члены правительства были людьми серьезными, политически умеренными, но ни на что не способными. О военных же было «нельзя сказать ничего положительного». Это были нетерпимые и коррумпированные реакционеры. (Между тем) по мнению Морриса, «дух и цели правительства Колчака... умеренно либеральные и прогрессивные»¹⁶⁴⁵. Генерал Будберг утверждал, что ад-

344

миралу с таким Советом министров «не выехать на хорошую дорогу; слишком уж мелко, эгоистичны и не способны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота»¹⁶⁴⁴. Сам Колчак говорил о своих министрах: «После встречи с ними хочется вымыть руки»... Не уважал и генералов: «Старые пни, с ними не возродить России....» О чехах он отзывался так: «Иуды, встанут в очередь, чтобы предать меня...»¹⁶⁴⁵

«Беседовал Грэвс и с генералом Ивановым-Риновым, который откровенно признался, что омские министры «не имеют точки соприкосновения с населением», что «население не доверяет министрам». В этом Грэвс убедился еще по пути в Омск... «Никто из тех, кого мы спрашивали и кого спрашивали наши переводчики, не сказал ни одного хорошего слова о колчаковском режиме», — свидетельствовал он»¹⁶⁴⁶. Моррис в свою очередь докладывал: «Колчаку не удалось завоевать чью-либо преданность. Исключение составляла лишь небольшая группа реакционно настроенных офицеров царской армии. Вывод чехов послужил бы сигналом к «грандиозному восстанию против Колчака, если не в поддержку большевиков, в каждом городе вдоль железной дороги от Иркутска до Омска»¹⁶⁴⁷. Госсекретарь США Лансинг парадоксальным образом оправдывал неудачи Колчака: «По мнению департамента, неудачи Колчака были результатом перенапряжения, а его нынешняя слабость объясняется чрезмерностью предпринятых военных усилий. Кажется, ни одно правительство не в состоянии выжить в России, не продемонстрировав свою способность обеспечить лучшие условия жизни, чем те, что предлагают большевики»¹⁶⁴⁸.

Начальник Уральского края Постников еще в апреле 1919 г. отказался исполнять свои обязанности, поскольку «руководить краем голодным, удерживаемым в скрытом спокойствии штыками, не могу...»¹⁶⁴⁴. Дела Колчака шли все хуже. С конца лета сибирское крестьянство, не желая воевать, стало массами дезертировать или перебегать к красным с только что полученными английскими винтовками. Однако союзники упорно поддерживали Колчака, затягивая изжившую себя гражданскую войну. Осенью Колчак был отброшен за Урал, с этого времени его армия не столько воевала, сколько разлагалась. С фронта поступали сведения, что «солдаты не хотят воевать; офицеры в большинстве неспособны уже на жертвенный подвиг»¹⁶⁵⁰. Американские военные (полковник Грей) заявляли в то время, что «за последние 6 недель вряд ли было хоть одно сражение, что армия распадается и что по отношению к населению солдаты ведут себя хуже, чем когда-либо вели себя большевики»¹⁶⁵¹. Генерал Нокс сообщал из Омска о сибирских армиях: «шансов для удачного наступления у армий Колчака практически нет. Они совершенно деморализованы постоянными отступлениями, и у них практически не осталось мужества. Даже русский генеральный штаб в Омске признавал, что половину их войск нужно отвести в тыл для реорганизации. Сибирское на-

345

ступление подходило к концу. Военное министерство уведомило меня, что не присылает больше снаряжения для солдат Колчака, поскольку нет надежды, что кто-нибудь из них достигнет Архангельска»¹⁶⁵².

«100 тысяч человек, вооруженных и снабженных британцами, присоединились 1 декабря 1919 к антиколчаковским силам. Большевики

телеграфировали генералу Ноксу, благодаря его за помощь одеждой и снаряжением советским войскам»¹⁶⁵³. Гревс свидетельствовал, что английские офицеры, находившиеся в Сибири и воочию наблюдавшие армию Колчака, протестовали против оказания ему помощи, так как целые вновь сформированные полки Омского правителя тут же, с новым английским оружием и обмундированием, перебегали к красным¹⁶⁵⁴. Генерал Будберг летом 1919 года писал: «В тылу возрастают восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь». Партизанские отряды только Амурской области выросли в целую партизанскую армию, насчитывавшую к весне 1919 г. 100 тыс. активных бойцов и имевшую единое командование»¹⁶⁵⁵.

Американский генерал Ричардсон отмечал: *«Союзное военное командование презрительно относилось к большевистскому движению и рассматривало его как ряд бесчинств, творимых дезорганизованными бандами. Однако факты говорят, что война велась против правительства русского народа.* Омское правительство явно было правительством лишь меньшинства русского народа и никогда не пользовалось симпатиями широких кругов населения. Оно не обладало в действительности властью»¹⁶⁵⁶. Земские deputации на Дальнем Востоке заявляли генералу Гревсу, что *«средний класс резко отрицательно относится к вновь сформированным русским войскам, которые мучат и притесняют народ; это чувство негодования может распространиться и на союзников, ибо народ считает, что все эти факты не имели бы места, если бы в Сибири не было союзнических войск»*¹⁶⁵⁷. И здесь мы так же, как и на Севере России, сталкиваемся с тем непреложным фактом — не будь иностранной интервенции, в Сибири не было бы полномасштабной гражданской войны. Не было бы миллионов жертв, разрушения экономики, дикого насилия и жестокости.

А вот мнение самого адмирала о тех, от кого он получал свой хлеб: «Владивосток произвел на Колчака тяжелое впечатление. Это был российский город, российский порт. Раньше русские были в нем хозяевами. Теперь тут распоряжались все кому не лень. Все лучшие дома, лучшие казармы были заняты чехами, японцами, другими союзными войсками, которые постоянно туда прибывали, а положение русских было унижительно. По всему чувствовалось, что Владивосток уже не является русским городом. Колчак считал, что «эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем, я не мог относиться

346

сочувственно к этой интервенции ввиду позорного отношения к нашим войскам и унижительно положения всех русских людей, которые там были. Меня это оскорбляло. Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем, сама цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер; это не было помощью России, все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке»¹⁶⁵⁸. Генерал Болдырев оставил в своем дневнике запись: «Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго. По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская — доброжелательная, и японо-американская — враждебная, причем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономическое завоевание Дальнего Востока идет полным темпом»¹⁶⁵⁹.

Конец адмирала был трагичен и символичен одновременно. Французский генерал Жанен дал А. Колчаку гарантии личной безопасности, после чего «Вагон с Колчаком был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка и поставлен под защиту американского, английского, французского, японского и чехословацкого флагов; был вывешен и русский андреевский флаг. Над «золотым эшелон» развевался флаг Красного Креста»¹⁶⁶⁰. Не прошло и нескольких дней, как «чешский офицер на русском языке, но с сильным акцентом, объявил А. В. Колчаку, что он получил от генерала Жанена приказ передать адмирала и его штаб местным (большевистским) властям»¹⁶⁶¹. Ген. Жанен позже скажет: «Je repete que pour Sa Majeste Nicolas II on a fait moins de ceremonies»*.

ОКОНЧАНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

США

Республиканский сенатор Джонсон заявлял в Конгрессе: «Государственному секретарю надлежит направить в Сенат все данные, относящиеся к нашим нынешним отношениям с Россией и состоянию войны или мира с ней, с тем, чтобы Сенат и нация могли понять, с какой целью и почему наши солдаты находятся в России и какова политика нашего правительства в отношении России». Позже он добавил: «Все равно, кого поддержат сенаторы — большевиков или прежнюю авто-

* И с императором Николаем II обошлись с меньшими церемониями (фр.) (Черчилль У..., с. 304.)

347

кратическую тиранию, но я заявляю: проливать за любую из них кровь американцев — преступление»¹⁶⁶². Сторонник интервенции сенатор Маккамбер обосновывал ее необходимость тем, что «долг Соединенных Штатов и наших союзников... — немедленно направить достаточные силы в Петроград и Москву и другие русские города для немедленного разгрома банды грабителей, известных под именем большевиков, и защиты... народа России, пока он не сможет созвать представительский конгресс, способный распорядиться и управлять страной».

Однако политика интервенции встречала все более активную оппозицию в сенате, и уже в феврале 1919 г. военный министр Бейкер вынужден был заявить об отзыве американских войск с севера России. И действительно, в течение мая-июня, в то время, как в Архангельск прибывали новые британские подкрепления, началась эвакуация американских войск. Хауз вспоминал: «Мы с Бальфуром буквально встали стеной против Черчилля, французов и итальянцев. Мы отстаивали свою точку зрения... Соединенные Штаты не могут использовать против России никакие ресурсы, так как мы не воюем с Россией». Главным аргументом было равное число голосов, поданное в сенате по резолюции с требованием вывода войск США из России»¹⁶⁶³.

Солидарность с большевиками стали проявлять американские интервенционистские войска. Командующий английским контингентом в Сибири полковник Уорд сообщал: «В Никольске была получена телеграмма от начальника станции Краевской с указанием, что... на станцию пришел отряд красногвардейцев и в присутствии американских солдат, охранявших железную дорогу, арестовал его и его служащих и занял станцию»¹⁶⁶⁴. По данным атамана Розанова, «казаки открыто заявляют, что американцы помогают большевикам. По показаниям одного пленного из красных, его отряд имел целый ящик бомб и ящик револьверов системы Кольта, предоставленных ему американцами»¹⁶⁶⁵.

Наиболее активно и последовательно против интервенции выступал президент В. Вильсон. Свою позицию он строил на целом ряде фундаментальных

принципов: демократических — невмешательства в дела другой страны; гуманистических — интервенция в Россию подорвет ее жизненные силы и принесет только страдания и разруху; цивилизационных — считая, несмотря на все недостатки, революцию в России одним из наиболее прогрессивных явлений в человеческой истории; прагматических — организовывая конференцию на Принцевых островах, В. Вильсон прямо указывал, что интервенцию не удастся осуществить ни штыками английской, ни штыками американской армий¹⁶⁶⁶. В другом заявлении, в ответ на решение Военного Совета Антанты о интервенции в Россию, президент заявлял, «что предлагается немедленно достичь столь неосуществимые цели, что он часто гадает, то ли сам сошел с ума, то ли они»¹⁶⁶⁷. Вильсон так же полагал, что большевики черпают свои силы отчасти из угрозы иностранной интервенции, это помогает им объединить вокруг себя народ¹⁶⁶⁸.

348

Французский посол был очевидно во многом прав, когда писал: **«Он (большевизм) был спасен благодаря уловкам правительств союзников, большей частью обязанных досадному вмешательству президента Вильсона.** Останавливая японцев в Харбине, отказывая в помощи чехам, когда те были в Казани и Екатеринбурге, президент обеспечил выживание режима. Большевики сами были убеждены, что русский опыт коммунизма близился к концу, — они были удивлены неожиданным поворотом событий»¹⁶⁶⁹. «В августе 1919 г. Вильсон отверг предложение об участии США в совместной союзнической блокаде России в Балтийском море, заявив о том, что каждая страна самостоятельно определяет линию своего поведения. А в июне 1920 г. президент объявил о том, что американский бизнес может свободно торговать с Советской Россией, однако при условии, что власти США не будут нести за это никакой ответственности»¹⁶⁷⁰. В феврале 1920 г. была создана «Американская коммерческая ассоциация для развития торговли с Россией».

Только после того, как в 1920 г. к власти в США пришел республиканский президент, ситуация кардинально изменится. В марте 1921 г. новый государственный секретарь Юз указал на невозможность даже торговых отношений между обеими странами: «Было бы тщетно ожидать возобновления торговли, пока экономические основы производства прочно не установлены. Производство обусловлено безопасностью жизни, признанием твердой гарантии частной собственности, святости договоров и права свободного труда». Министр торговли Гувер утверждал, что «вопрос о торговле с Россией скорее политический, чем экономический вопрос, пока Россия находится под контролем большевиков»¹⁶⁷¹.

Затруднением для интервенции стало подписание Советской Республикой мирных договоров с Латвией (16 апреля 1920), Литвой (12 июля), Финляндией (14 октября). 16 марта 1921 был заключен торговый договор с Великобританией, а 18 марта подписано перемирие с последним из близлежащих противников Советской России — Польшей. «В то время как правительство Вильсона оставалось глухим к повторным просьбам балтийских стран о признании, правительство Гардинга в июле 1922 г. заявило о признании правительств Эстонии, Латвии и Литвы. Правда, это произошло после того, как этим странам дали признание европейские великие державы и после заключения мирных договоров этими странами с советской властью... С другой стороны, СССР не был приглашен к участию в Вашингтонской конференции 1922 г...»¹⁶⁷³

Великобритания

16 января 1919 Ллойд Джордж заявлял в Париже: «Большевистское правительство теперь сильнее, чем несколько месяцев тому назад... Крестьяне

бояться, что любые другие партии, если им удастся

349

восстановить старый режим, отнимут землю, которую дала крестьянам революция»¹⁶⁷³. Ллойд Джордж 11 февраля писал Черчиллю: «Интервенция бросит антибольшевистские партии в объятия большевиков... Если Россия действительно настроена враждебно к большевикам, то снабжение боеприпасами даст ей возможность освободиться. Если же Россия стоит за большевиков, то мы не только не имеем права вмешиваться в ее внутренние дела, но это было бы даже пагубно, потому что усилило бы большевистские настроения и консолидировало бы силы сторонников большевизма»¹⁶⁷⁴. Ллойд Джордж заявлял, что мысль о подавлении большевизма вооруженной силой является чистым безумием. Если даже представить, что это даст положительные результаты, то кто мог бы оккупировать Россию? Если было бы предположено послать для этой цели британские войска, то и они взбунтовались бы.

16 февраля Ллойд Джордж снова возвращался к теме интервенции: «Может быть только одно оправдание вмешательству в дела России, а именно то, что Россия этого желает. Если это так, то в таком случае Колчак, Краснов и Деникин должны иметь возможность собрать вокруг себя гораздо большие силы, чем большевики. Эти войска мы могли бы снабдить снаряжением, а хорошо снаряженное войско, состоящее из людей, действительно готовых сражаться, скоро одержит победу над большевистской армией, состоящей из насильно завербованных солдат, особенно в том случае, если все население настроено против большевиков... Если же, с другой стороны, Россия не идет за Красновым и его помощниками, то в таком случае мы нанесли бы оскорбление всем британским принципам свободы, если бы использовали иностранные армии для того, чтобы насильно организовать в России правительство, которого не желает русский народ»¹⁶⁷⁵. А 23 февраля Ллойд Джордж убеждал Хаза: «Не предпринимать иностранной интервенции против России и не посылать никаких иностранных войск на помощь небольшевистской России, кроме добровольцев, но оказывать материальную помощь правительствам тех территорий, которые не желают подчиниться большевистскому владычеству, с тем, чтобы помочь им удержаться на своих территориях. Россия должна спасти себя сама. Если она будет спасена внешней интервенцией, то фактически спасена она не будет»¹⁶⁷⁶.

Ллойд Джордж, предлагавший в начале 1919 пригласить на Парижскую мирную конференцию представителей от России, выражающих *«господствующее мнение»* ее народа, признавал, что антибольшевистские силы подходили для этой роли меньше всего: *«Русские крестьяне принимают большевизм... Возможно, что большевизм не представляет Россию, но князь Львов безусловно ее не представляет и тем менее Савинков»*¹⁶⁷⁷. После осенних неудач белых армий в 1919 г. Ллойд Джордж уже открыто заявлял в парламенте, что большевизм не может быть поражен мечом и что необходимо искать путей для соглашения с РСФСР. 18 ноября он убеждал палату общин в невозможности до бесконечности финансировать белые русские правительства и о необходимости созвать

350

международную конференцию для решения русского вопроса¹⁶⁷⁸. Ллойд Джордж говорил: «Я не могу решиться предложить Англии взвалить на свои плечи такую страшную тяжесть, какой является водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света, в стране, где проникавшие внутрь ее чужеземные армии всегда испытывали страшные неудачи... Я не жалею об оказанной нами помощи России, но мы не можем тратить огромные средства на участие в бесконечной гражданской войне... Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России...»¹⁶⁷⁹

У. Черчилль, выступавший активным поборником интервенции и тройственного союза «между Англией, Францией и Германией в целях взаимной помощи и поддержания общей безопасности», негодовал: «премьер-министр повел совершенно иную политику... Главной целью политики премьер-министра была Москва. Он хотел, чтобы Великобритания находилась в возможно более тесных отношениях с большевиками и являлась в Европе их покровителем и поручителем. В такой политике я не вижу решительно никаких выгод для Великобритании... Благодаря нашей позиции по отношению к России, мы оказались отчужденными от обеих великих демократий, с которыми мы всего сильнее связаны, то есть от Соединенных Штатов и Франции... Я уверен, что, если бы мы сохранили дружбу и расположение обеих этих стран, мы могли бы оказывать большое влияние на их поведение и определенным образом изменить его. При данных условиях из-за русского вопроса мы пошли почти на полный разрыв с Францией»¹⁶⁸⁰.

Ллойд Джордж в свою очередь писал Черчиллю: «Я убедительно прошу Вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России и создания его у нас в Англии. Мы не можем взять на себя такую ношу. Чемберлен сообщает мне, что мы едва сведем концы с концами в мирных условиях даже при теперешних огромных налогах, и если мы втянемся в войну против такого континента, как Россия, то это будет прямой дорогой к банкротству и установлению большевизма на Британских островах.. Французы не являются верными руководителями в этом деле. Их политика в значительной степени определяется огромным количеством мелких вкладчиков, поместивших свои деньги в русские займы и не видящих в настоящее время перспектив получить их когда-либо обратно. Поэтому я настоятельно прошу Вас не обращать слишком много внимания на их подстрекательство. Они ничего так не хотели бы, как заставить нас таскать для них каштаны из огня. Я также хотел бы, чтобы Вы имели в виду весьма тяжелый рабочий вопрос в Англии. Если бы стало известно, что Вы отправились в Париж для подготовки плана войны против большевиков, то это привело бы организованных рабочих в такую ярость, как ничто другое»¹⁶⁸¹.

351

Но вопрос об интервенции решался не только и не столько в кабинетах американского сената и британской палаты общин. С самого начала интервенции в странах Антанты возникло все усиливавшееся движение солидарности с Советской Россией, начавшееся с многочисленных отказов рабочих от погрузки военных грузов для интервенции, в 1919 г. начались настоящие восстания, например 55-го французского пехотного полка под Тирасполем. В конце 1918 г. на одесском рейде сначала на миноносце «Протэ», а затем над французскими линкорами «Франс», «Жар Бар», «Вальдек Руссо» и многими другими кораблями поднялись красные флаги¹⁶⁸². Уже через пару месяцев Антанта убедилась в неэффективности действий своих войск на Юге. Солдаты не желали сражаться и революционизировались. Д. Дэвис и Ю. Трани указывают: «Вильсон и английский премьер Ллойд Джордж, сталкиваясь с явным нежеланием собственных народов продлевать «удовольствия» войны и не уверенные в полном и скором успехе предприятия, отвергли наиболее воинственные проекты (*интервенции*). Как и протянутую руку Москвы, которая не была приглашена в Париж, но готова была признать царские долги, открыть двери для иностранных инвестиций и концессий, прекратить подрывную революционную деятельность за рубежом, амнистировать противников ленинского режима и признать независимость Финляндии, Польши и Украины в обмен на дипломатическое признание и прекращение интервенции»¹⁶⁸³.

У. Черчилль вспоминал: «Положение в то время было чрезвычайно трудным. Мы имели значительное число восстаний в армии». По свидетельству Черчилля, «за одну неделю из различных пунктов поступали сведения о более чем 30 случаях неповиновения среди войск. В ряде случаев значительные отряды солдат в течение нескольких дней не признавали над собой никакой власти»¹⁶⁸⁴. «В некоторых военных лагерях возникли Советы солдатских депутатов. Иногда восставшие устанавливали связи с рабочими организациями. 8 февраля 1919 г. в самом Лондоне восстали 3 тыс. солдат. «Теперь, — пишет Черчилль, — события разыгрывались в столице государства, в самом его центре». Солдатские восстания несли в себе элементы солидарности с Советской Россией, ибо восставшие выступали не просто с требованием более быстрой демобилизации, но и против посылки войск в Россию»¹⁶⁸³.

Циркуляр У. Черчилля требовал в недельный срок сообщить министерству, «выполняют ли войска приказы об участии в поддержании общественного порядка», «помогут ли они в подавлении стачек», «будут ли они готовы отправиться для действий за границей, особенно в России», каково влияние профсоюзов в войсках, как действует на войска агитация, проводимая из «внутренних и внешних источников», «были ли созданы в частях солдатские советы»¹⁶⁸⁶. Ответ отовсюду пришел единообразный: войска пойдут куда угодно, но не в Россию. Этот ответ предопределял дальнейшее: упор будет сделан не на посылке воинских контингентов, а на помощи белым деньгами и оружием»¹⁶⁸⁷.
Английское правительство

352

не могло набрать добровольцев в английский экспедиционный корпус, предназначенный для интервенции в Архангельск, даже когда солдатам повышали плату с обычных 15 шиллингов в неделю до 25 шиллингов в день. Только в январе 1919 г. в Англии произошло 50 солдатских бунтов, солдаты требовали демобилизации и прекращения военных действий против Советской России. Тред-юнионы пригрозили парализовать экономику, если Англия не прекратит своей интервенции в России. Ленин писал: «Не мы победили, ибо наша военная сила ничтожна, а то победило, что державы не могли пускать против нас свои силы...»¹⁶⁸⁸ «Мы у нее (Антанты) отняли ее солдат»¹⁶⁸⁹.

Как раз в феврале 1919 г., когда Черчилль развил бурную активность в Париже, в Англии стачечная борьба приобрела огромный размах. В то время Ллойд Джордж говорил: «Каждое утро, перед тем как идти на заседание мирной конференции, я получаю из Лондона сообщение о новой забастовке, и когда возвращаюсь вечером с заседания, еще об одной»¹⁶⁹⁰. Тем не менее Черчилль организует отправку вооружения и снаряжения интервентам и белогвардейским армиям на многие миллионы фунтов стерлингов. Лидер лейбористов Макдональд писал в то время: «Будь господин Черчилль неограниченным монархом, и тогда он не смог бы тратить национальную казну и человеческие жизни с более щедрым размахом». Черчилль был бы рад послать и новые войска, но английский народ выступал категорически против»¹⁶⁹¹.

В стране развертывалось мощное движение под лозунгом «Руки прочь от России!», в котором активную роль играли массовые организации английского рабочего класса и лучшие представители английской интеллигенции. 17 июня 1919 г. состоявшаяся в Саустпорте конференция лейбористской партии единогласно проголосовала за осуждение интервенции в Россию. В тот же день об этом шла речь на заседании военного кабинета. Постоянный заместитель министра труда Д. Шэклтон предупредил членов кабинета, что недовольство в среде рабочего класса Англии растет прежде всего из-за интервенции. «Он сам был удивлен, — гласит запись в протоколе заседания военного кабинета, — до какой степени представители всех классов теперь объединяются в поддержку

мнения лейбористов о том, что Советское правительство должно быть оставлено в покое». Позиция лейбористов была озвучена в выступлении их лидера Э. Бевина в августе 1920 г.: «Каковы бы ни были достоинства и недостатки теории государственного управления, принятой в России, — заявил он, — это дело самой России, и мы не имеем права определять ее форму правления, как не потерпели бы и мы, если бы Россия пыталась определять нашу форму правления»¹⁶⁴². 29 июля газета «Дейли экспресс» писала: «Страна совершенно не желает вести большую войну в России... Давайте покончим с манией величия Уинстона Черчилля, военного азартного игрока. Давайте вернем наших солдат домой». Интервенцию в Советской России в Англии окрестили «личной войной г-на Черчилля»¹⁶⁹³.

353

В начале декабря Ллойд Джордж в палате общин докладывал о результатах состоявшейся незадолго перед тем межсоюзной конференции: «Союзниками достигнуто полное соглашение в вопросе невмешательства в дела России. Принято решение послать России материальную помощь оцениваемую в 15 миллионов фунтов стерлингов, помимо этого сделать ничего больше нельзя. Франция не предполагает в дальнейшем брать на себя какую-либо ответственность в этом направлении. Этой же точки зрения придерживается и Италия. Что же касается мирных переговоров, то в настоящее время в России нет правительства, объединяющего всю страну. Если большевики желают говорить от лица России, пусть они созовут Учредительное собрание, свободно избранное крестьянами и рабочими. Тогда явится власть, с которой можно будет заключить мир»¹⁶⁹⁴.

Об этом же говорил и Бальфур: «Язык международного права приложим к отношениям между организованными государствами, но не столь приложим к отношениям между организованными государствами с одной стороны и неорганизованным хаосом с другой»¹⁶⁹⁵. Примечательно, что статус «неорганизованного хаоса» помог России избавиться от блокады... По настоятельному требованию Ллойда Джорджа, в конце декабря 1919 г. Верховный Совет снял блокаду с Советской России. Официальная нота о «возобновлении экономических сношений с Россией» гласила: «Для облегчения тяжелого положения населения внутри России, куда совершенно прекращен доступ иностранных товаров, Верховный Совет, ознакомившись с отчетами специальных комиссий, рассматривающих вопросы установления торговых сношений с русским народом, постановил разрешить, на основе взаимности, обмен товарами между русским народом, с одной стороны, и союзными и нейтральными странами — с другой. С этой целью Верховный Совет постановил предоставить возможность русским кооперативным организациям, находящимся в непосредственной связи с крестьянским населением всей России, организовать ввоз в Россию одежды, медикаментов, сельскохозяйственных орудий и других предметов первой необходимости, в которых нуждается русский народ, в обмен на вывоз из России хлеба, льна, леса и другого сырья, имеющегося в изобилии в России. Это постановление не вносит никаких изменений в политику союзников по отношению к советской России»¹⁶⁹⁶.

Между тем Маклаков сообщал из Парижа Деникину: «Со слов Черчилля, я могу вас заверить — о чем он обещал вам лично телеграфировать, — что они продолжают и будут продолжать посылать Вам вооружение. Они просят не смущаться тем, что блокада с России снимается. Это вообще очень сложный вопрос. Неожиданное решение принято по настоянию Ллойд Джорджа; ни с кем из нас они предварительно не посоветовались; сами кооперативы, без предупреждения, были приглашены в высший совет и вышли оттуда с решением в их пользу. Главное дело в том, что масса русских и иностранцев этому

сочувствует, многие русские считают преступлением возражать против этого; то, с чем

354

можно было мириться, когда ожидалось скорое освобождение России от большевиков, с их точки зрения, становится преступлением, когда эта надежда исчезла. Многие иностранцы, с другой стороны, убеждены, что восстановление экономических отношений и вообще отношений с иностранцами поведет к видоизменению большевизма; словом, эта мера одна из тех, помешать которой в данном положении дела было бы абсолютно невозможно. Черчилль мне сказал, что он ясно учитывает гибельные моральные последствия этого, падение духа у вас, мысль о том, что вас совершенно оставляют, и что с этим надо бороться, так как это неверно. Но удержать блокаду сейчас не смог бы никто. Единственно, что, может быть, будет возможно,— это использовать кооперативы в наших интересах или по крайней мере помешать им служить большевизму более открыто и явно, чем они это намерены делать. Не скрою, что предположения Ллойд Джорджа шли гораздо дальше и вели к... признанию большевизма; этому пока удалось помешать...»¹⁶⁹⁷

Поскольку военное министерство находилось в распоряжении Черчилля, он, используя свое положение, попытался вопреки воле народа и официально принятому решению продолжать вести войну в России на собственный страх и риск... Как пишет Г. Пеллинг, «широко известный энтузиазм Черчилля в организации интервенции в Россию вызвал глубокое недоверие к нему со стороны рабочего класса». В 1920 г. на страницах печати разгорелась острая полемика между Черчиллем и Гербертом Уэллсом, которого он атаковал за призыв к достижению взаимопонимания с Советской Россией. Одному из героев своего романа «Люди-боги» Руперту Гэтскиллу Уэллс придал все характерные черты Черчилля. Ллойд Джордж, послав эту книгу Бальфуру, заметил, что пародия на их коллегу «убийственна»¹⁶⁹⁸.

В августе 1920 г., когда Красная Армия, отбив польскую агрессию, двигалась к Варшаве, английское правительство предъявило Советской России ультиматум. Ответом стала угроза всеобщей забастовки английских рабочих. Даже лидеры лейбористской партии и тред-юнионов поддержали его. «Вся промышленная мощь организованных рабочих, — заявили они, — будет использована для того, чтобы поразить эту войну»¹⁶⁹⁹. В Англии была создана разветвленная сеть «Комитетов действия», руководивших борьбой. Под угрозой всеобщей стачки правительство Ллойд Джорджа вынуждено было отказаться от ультиматума. В. Ленин в одной из речей 1920 г. говорил: «Последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии... Мы добрались до английского пролетариата, мы подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции. Когда английское правительство предъявило нам ультиматум... рабочие... ответили на это образованием «Комитетов действия».

«Черчилль был поражен враждебностью, с которой его встретили избиратели. 14 ноября 1922 г. он попытался выступить на массовом

355

митинге перед 9 тыс. избирателей. Его внесли на эстраду в кресле для инвалидов. Несмотря на это, аудитория держалась крайне агрессивно. Все его попытки произнести речь срывались криками, раздававшимися из зала. «Я был поражен, — пишет Черчилль, — выражением страшной ненависти, «которое было на лицах у некоторых молодых мужчин и женщин. Действительно, если бы не мое беспомощное положение; я уверен, они избili бы меня». Ненависть избирателей, концентрировавшаяся на Черчилле, не имела в своей основе ничего личного. Она явилась выражением возмущения тем политическим курсом, который, как

справедливо были убеждены избиратели, он проводил»¹⁷⁰⁰.

Бывший английский посол Бьюкенен находил причины неудачи интервенции в ее ограниченности: «я сознаю, что лишь немногие согласятся с моими взглядами на этот вопрос, потому что наша интервенция оказалась на практике столь неудачной, что была осуждена в принципе всеми как ошибочная политика. Проводимая на самом деле скрепя сердце, она, несомненно, была ошибкой, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер. Союзные правительства, не имея ясно определенной политики и боясь себя скомпрометировать, прибегли к полумерам, неудача которых была почти предreshена»¹⁷⁰¹. Аналогичного мнения был и У. Черчилль: «В течение великой войны было сделано слишком мало для того, чтобы достигнуть каких-нибудь ощутительных результатов в России... Тех чужеземных войск, какие вошли в Россию, было вполне достаточно, чтобы навлечь на союзников все те упреки, какие обычно предъявляли к интервенции, но недостаточно для того, чтобы сокрушить хрупкое здание советского режима. Когда мы узнаем об изумительных подвигах чешского армейского корпуса, становится ясным, что решительные усилия сравнительно небольшого числа верных американских или японских войск дали бы возможность соединенным русским и союзным войскам занять Москву еще до гибели Германии. Несогласованная политика и противоречия между союзниками... и личное нежелание президента Вильсона сделали то, что вмешательство союзников в дела России во время войны остановилось на таком пункте, на котором оно приносило наибольший вред, не получая никакой выгоды»¹⁷⁰².

Почему же интервенты не пошли на массированную агрессию против России?

Во-первых, из-за особенностей России, которые интервенты вполне четко осознавали, как и русские философы Н. Бердяев и П. Сорокин, писавшие о глубокой почвенности большевизма в России и, что поэтому большевизм должен быть не побежден, а изжит, преодолен самим русским народом. Ген. С. Добровольский вспоминал: «На нагни сетования о слабой поддержке нас союзниками полковник Бигу объяснил, что такое невмешательство вызывается необходимостью истечения известного срока для изжития большевизма самим русским народом, ибо иначе для насильственного водворения порядка потребовались бы громадные воору-

356

женные силы и все-таки вряд ли бы этот порядок был бы обеспечен подобным методом действий»¹⁷⁰³. Война против большевизма фактически становилась войной против русского народа.

Во-вторых, интервенция не могла стать успешной по чисто материальным соображениям. Опустошенные Первой мировой войной экономики «союзников» не могли вынести еще одну крупномасштабную войну против такой огромной страны, как Россия. О размере необходимых ресурсов дают представления страны, где интервенция и контрреволюция победили — Испания и Финляндия. Численность войск интервентов в этих странах, по отношению к численности населения, более, чем в 10 раз превосходила величину данного показателя для Советской России. Для Латвии, Литвы и Эстонии этот показатель достигал значения — 40 раз. В Испании даже в абсолютных показателях число иностранных интервентов в 2,5 раза превышало их численность в России, хотя население Испании составляло всего 15% российского. Численность оккупационных немецких войск в Латвии, Литве и Эстонии значительно превышало общее количество интервентов в России, в то же время все их население вместе взятое не превышало 5% населения России.

В-третьих, демократические принципы для Англии и тем более США не были уже пустым звуком. Правда, и отказаться от своих империалистических методов они не спешили. У. Черчилль в этой связи оригинальным образом критиковал

Ллойд Джорджа за его колебания относительно интервенции в Россию: «Неустойчивые, постоянно меняющиеся операции русских армий нашли отклик в политике, или, вернее,— в отсутствии твердой политики союзников. Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на Русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения. Но объявить ему войну — это стыд! Интервенция — позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом. Одновременно с этим они вели переговоры и делали попытки завести торговые сношения»¹⁷⁰⁴. Британский консул в Архангельске в этой связи писал: «Британское правительство ведет грязную, двойную игру против Советского правительства России»¹⁷⁰⁵.

В-четвертых, народы стран интервентов и их передовые политики, в том числе президент США, признали прогрессивный характер русской революции и так или иначе оказали ей существенную поддержку. Например, В. Вильсон начинал свои четырнадцать пунктов с заявления, что Россия отражает «подлинный дух современной демократии» и что американская демократия постарается соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией. Правящие круги Англии и Франции были вы-

357

нуждены вести войну уже не против большевиков в России, а против собственных народов, не желавших воевать против Советской России.

В-пятых, победа интервентам была не нужна. Консул США в Архангельске Ф. Коул писал в июне 1918 г.: «Я оставляю без внимания точку зрения, которая, на мой взгляд, должна в конечном счете оправдать интервенцию. а именно: наша политика в России должна быть такой, чтобы последняя оставалась в разрухе. Это помешает Германии использовать Россию так же, как после революции Германия помешала союзникам использовать Россию, способствуя сохранению там разрухи и беспорядка»¹⁷⁰⁶. Но война закончилась, а интервенция не только не прекратилась, но наоборот только набирала обороты... И дело здесь было не только в идеологии или в геополитических интересах, ведь, втянувшись в интервенцию, правительства стран Антанты уже не могли просто выйти из нее без ущерба для своей репутации. Даже победа интервенции становилась для них опасной, так как в этом случае, в соответствии со своими демократическими принципами, они были бы вынуждены нести ответственность за поверженную и разоренную войнами Россию, спасти ее население от голода, восстанавливать промышленность, устанавливать демократическую власть... Победитель в данном случае несет ответственность за побежденного, поскольку силой навязывает ему свои идеалы... Главнокомандующий интервенционистскими силами на Севере России, английский генерал Э. Айронсайд еще в начале интервенции полностью отдавал себе отчет в этом: «...парижский Верховный Совет, поддерживая и снабжая белых... взял на себя весьма серьезные обязательства...»¹⁷⁰⁷. Своих обязательств «союзники» выполнять не собирались, да и разоренные Первой мировой войной не могли выполнить, поэтому их военная победа была равносильна поражению их «демократических» идеалов.

Окончание интервенции означало конец гражданской войны, поскольку белогвардейские армии и буржуазные «демократические» правительства могли существовать в России только и исключительно опираясь на штыки и деньги интервентов. Так, Ф. Коул говорил о правительстве Севера России: «презираемое всеми и бессильное, жалкий фиговый листок нашей оккупации»¹⁷⁰⁸. Слова Коула

можно без натяжки распространить на все антинародные белые правительства Севера, Юга и Сибири. Все они были установлены и содержались только за счет помощи Англии, Франции и США. В. Ленин писал в то время: «Теперь, после ряда поражений буржуазии и ее сторонников, нам приходится слышать такие признания, как, например, Богаевского, имевшего на Дону лучшую в России почву для контрреволюции, который также признал, что большинство народа против них, — а потому никакие подкопы буржуазии без иностранных штыков им не помогут»¹⁷⁰⁹. Великий князь Николай Михайлович не строил иллюзий, но констатировал, «что большевики изрядно всем надоели, однако пока еще не нашлось никого, кто

358

мог бы нанести им решающий удар... Перебирая кандидатов, претендующих на власть, он всех отверг как ни на что не способных...»¹⁷¹⁰

В январе 1920 численность Красной армии достигла 3 млн. чел, число новобранцев в Белую и Красную армии находилось в отношении 1:5. Но дело было уже даже не в численности. Брошенная интервентами и народом белая армия сломалась психологически. Так, «17 февраля генерал Сидорин отвел войска северного фронта за реку Кагальник, но части не остановились на этой линии и под давлением противника отошли дальше. Дух был потерян вновь. Наша конная масса, временами раза в два превосходящая противника... до некоторой степени стесняла его продвижение. Но пораженная тяжким душевным недугом, лишенная воли, дерзания, не верящая в свои силы, она избегала уже серьезного боя и слилась в конце концов с общей человеческой волной в образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев, стихийно стремившихся на запад. Куда?»¹⁷¹¹ «И тысячи вооруженных людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели, не отказывая в повиновении в обычном распорядке службы. Отказывались только идти в бой. А вперемежку с войсками шел народ — бесприютный, огромными толпами, пешком, верхом и на повозках, с детьми, худобой и спасенным скарбом. Шел неведомо куда и зачем, обреченный на разор и тяжкие скитания... С середины февраля армии наши отступали... Непролазные от грязи кубанские дороги надежнее, чем оружие, сдерживали энергию наступательного движения большевиков»¹⁷¹².

Поражение белых армий и эмиграция не остудили пыл борьбы. Игнатьев вспоминал: «Аппетиты на наши русские богатства росли с приездом их прежних владельцев, один за другим пробиравшихся в Париж для пропаганды новой войны на смену провалившегося «священного похода против большевиков»¹⁷¹³. Великий князь Александр Михайлович: «Должен признаться, мне совсем не хотелось сходить на берег. Я заранее знал, что встречу очередную жертву трудноизлечимой болезни, которую я зову «большевикофобия» и которая превращает многих, во всем остальном вполне здравомыслящих людей, в маньяков, видящих во всем, что происходит под солнцем, «длинную руку Советов»¹⁷¹⁴. Бердяев: «Когда я попал за границу и соприкоснулся с русской эмиграцией, то это было одно из самых тяжелых впечатлений моей жизни... Эта атмосфера заражена глубокой реакцией и религиозной, и политической... Ищут не правды, а порядка и сильной власти»¹⁷¹⁵. «Я очень мучительно переживал эмигрантскую среду, отсутствие в ней умственных интересов, нежелание знать русскую мысль, отвращение к свободе, клерикализм, поклонение авторитету, У меня все время было горькое чувство отчужденности... Во мне все время нарастал протест, бунт против среды, в которой приходилось действовать»¹⁷¹⁶.

Великий князь Александр Михайлович: «Русские беженцы 1919-го принадлежали к бесчисленным политическим партиям и ненавидели

359

друг друга много сильнее, нежели большевиков... Никто, кроме плохо

информированных американских корреспондентов, не назвал бы ту разношерстную армию просто «белой русской эмиграцией». Розовые и красноватые, зеленые и белесые, они все ждали, когда падут большевики, чтобы вернуться в Россию и продолжить свою грызню, прерванную Октябрьской революцией... есть еще нечто, о чем ни я, ни История не забудем и не сможем забыть: два миллиона русских беженцев — это те самые люди, которые сначала взяли от империи все, что она могла дать — защиту от черни, право эксплуатировать крестьян, недоплачивать рабочим и обманывать вкладчиков, жизнь, полную неги и очарования. А потом, когда от империи стало уж нечего брать, они сели на краю кровати и начали рыдать и каяться, что изменили мечте своей юности, прекрасной деве, называемой Революция»¹⁷¹⁷.

Бывший член Белого правительства Северной области В. Игнатьев в письме к Н. Чайковскому писал по этому поводу:

«Я думаю, что выводы и уроки из этой эпохи напрашиваются сами собой: коалиция социалистов с буржуазией оказалась утопией; интервенция ради осуществления наших русских целей и задач — романтической иллюзией; действовавшие группы в борьбе с большевиками — неспособными к активной твердой работе...

За эти четыре с половиной года многое изменилось коренным образом, и те цели, которые мы ставили как основные для борьбы с большевиками-коммунистами, уже не могут служить знаменем. Прежде всего, в России Советской властью создана новая могущественная государственность. Государство Российское воссоздано, и Советская власть в данное время является национальной властью, осуществляющей, наряду с революционными задачами, охрану национального достоинства России. Мало того, Советская власть одновременно является национальной властью для всех национальных меньшинств России. И если кто угрожает в настоящее время независимости и целостности России, так это иностранные державы и наша эмиграция, стоящая за интервенцию...

В борьбе за возрождение России, за ее экономическое возрождение, за народоправство и прекращение гражданской войны — и вы, и я — и наши единомышленники считали возможным вести борьбу даже при наличии диктаторских форм власти справа... Почему же теперь, во имя тех же начал — охранения единства возрожденной России, ее национального достоинства в лице Советской власти, экономического возрождения России, ныне осуществляемого Советской властью, — почему, повторяю, теперь вы не должны примириться во имя тех же самых начал с диктаторскою формою Советской власти, народной, сохраняющей ряд революционных завоеваний, социально нам близкой? Ведь диктатура при Советской власти расширяется в своей базе по мере того, как в трудный процесс государственной жизни втягиваются все новые силы и группы населения и, следовательно, в условиях классового существования общества, приобретают избирательное право в Советы...

360

Может быть, моральное чувство не допускает отказа от борьбы с Советской властью, безоговорочного ее признания, может быть, кровь бесчисленного ряда жертв гражданской войны обязывает к этому? Сейчас этот мотив стал излюбленным в кругах эмиграции; на нем строят невозможность совместной работы с властью. Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были противниками казней, жестокостей, но разве их не было? Разве без нашего ведома, на фронтах... не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми?.. А в Сибири при Колчаке? Расстрелы арестованных при эвакуации из Тобольской тюрьмы: арестованные при эвакуации были убиваемы и

потопляемы...; из эвакуирующихся из Омской тюрьмы при Колчаке из нескольких сот человек дошло до Ново-Николаевска только три десятка, остальные были перебиты. Я сам видел сожженные колчаковскими карателями деревни крестьян, разграбленные польскими легионерами крестьянские избы, где было ими расхищено все, до бабьих юбок включительно. Да, жестокости творились и у нас, и у коммунистов — таковы неизбежные спутники гражданской войны. Мораль здесь одинакова и для коммунистов, и для их противников, и за нее демократической эмиграции прятаться не приходится! Да, чудовищно жестока гражданская война, когда фанатики, страсти и злоба разгораются. А теперь русская эмиграция вновь хочет гражданской войны?...

Позиция русской эмиграции, действующей сейчас вопреки стремлению России к мирной жизни, вопреки охране ее национального достоинства, вредна для народа. Что нового может дать России вставшая у власти демократическая российская эмиграция? Только иностранные товары. Но для этого бороться, затягивать петлю умирающих с голода миллионов крестьян недостойно. Нужно сделать все для облегчения Советской власти... Помогите ей, призовите к порядку эмиграцию, предпочитающую России свою озлобленную мечту о водворении «порядка» в ней через гибельные для народа и страны иностранные штыки»¹⁷¹⁸.

С окончанием официальной интервенции война «союзников» против России не закончилась, она стала лишь приобретать новые формы, в которых явственно просвечивались принципы старой «дешевой империалистической политики». Эти новые формы проступили на поверхность в виде открытой агрессии в польско-советской войне:

Польша

Осенью 1918 г. в Польше началась активизация социалистического движения: «в стране возникло около 120 Советов, появились отряды Красной гвардии, крестьяне требовали проведения аграрной реформы»¹⁷¹⁹. Остановить революцию, по мнению Пилсудского, могла

361

только победоносная война. Подогреваемая реваншистскими идеями, она должна была консолидировать общество и направить его радикализованную энергию вне страны.

1 января 1919 г. польские войска вторглись в пределы России и захватили Вильно. Но уже 3 января к Вильно подошли части Красной армии и выбили поляков. 12 января премьер Польши Падеревский направил Хаузу паническое письмо, в котором, упирая на угрозу наступления большевиков для европейской цивилизации, писал: «Польша не может обороняться самостоятельно. У нас нет продовольствия, нет обмундирования, нет оружия, нет боеприпасов. У нас есть только солдаты... готовые сражаться и защищать страну под руководством сильного правительства. Нынешнее правительство — слабое и опасное, оно почти исключительно состоит из радикал-социалистов»¹⁷²⁰. Хауз рекомендовал Вильсону оказать помощь Польше оружием, боеприпасами и военным снаряжением¹⁷²¹. В тот же день на заседании Высшего Военного Совета «союзников» маршал Фош предложил план переброски польских войск из Франции в Польшу для оказания противодействия Красной Армии¹⁷²². «5 февраля под давлением Франции было подписано германо-польское соглашение об эвакуации германских войск из Литвы и Белоруссии и их замены польскими войсками»¹⁷²³. Поляки сразу перебросили свои войска на восток и в начале февраля захватили Ковель и Брест, а потом заняли Белосток, откуда ушли германские части. В результате с февраля возник сплошной советско-польский фронт от р. Неман до р. Припять.

Советская Россия со своей стороны еще надеялась урегулировать конфликт мирным путем. 10 февраля Москва, а 16-го — советские власти Литвы и Белоруссии в очередной раз предложили Варшаве установить отношения и договориться о границах¹⁷²⁴. Варшава в ответ начала новое наступление и 2-5 марта заняла Слоним и Пинск¹⁷²⁵. Красная Армия отходила, поскольку 4 марта началось наступление войск Колчака и войска были переброшены на Восток¹⁷²⁶. В середине апреля поляки выбили из Вильно части Красной Армии и предложили Литве восстановить польско-литовскую унию (федерацию), но это предложение не нашло поддержки в Каунасе¹⁷²⁷.

На словах Англия и Франция выступили за перемирие и вынесение на суд Парижской конференции польского вопроса. На деле в середине марта 1919 г. в Польшу стала прибывать 70-тысячная армия генерала Ю. Галлера из Франции, что привело к новому наступлению польских войск. Советская сторона в ответ прервала официальные контакты¹⁷²⁸. Тем не менее в июле Москва неофициально снова предлагала Польше мирное соглашение, но получила отказ¹⁷²⁹. 25 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел Англии, Франции, Италии и США уполномочил Польшу оккупировать Восточную Галицию до р. Збруч...¹⁷³⁰

28 ноября помощник министра иностранных дел Скржинский в ответ на запрос в польском сейме заявил, что Польша готова к мирному соглашению с Советами, но Москва якобы никогда не предлагала Польше

362

подобного соглашения, угрожала Польше вторжением и не желает удовлетворить «законные польские требования»¹⁷³¹. 22 декабря советское правительство в очередной раз предложило польскому «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира»...¹⁷³² 28 января 1920 г., не дождавшись ответа, советское руководство снова обратилось к Польше с заявлением, что советское правительство безоговорочно признавало и признает независимость и суверенность Польской республики и, что в случае начала и во время переговоров Красная Армия не переступит занимаемой ею линии фронта. В заявлении выражалась надежда, что все спорные вопросы будут урегулированы мирным путем¹⁷³³. В ответ польская сторона заявила о необходимости обсудить его с Антантой. Хотя еще 26 января Англия заявила Варшаве, что не может рекомендовать Польше продолжать политику войны, поскольку РСФСР не представляет военной угрозы для Европы.

2 февраля ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, снова повторив предложения о заключении мира с Польшей¹⁷³⁴. 22-го — мирный договор предложила заключить УССР, еще раз повторив свое предложение 6 марта¹⁷³⁵. Верховный совет Антанты 24 февраля заявил, что если Польша выставит на переговорах с Москвой слишком чрезмерные требования, то Антанта не будет ей помогать, если Москва откажется от мира...¹⁷³⁶

27 марта польское правительство согласилось начать переговоры о мире, определив их местом город Борисов, занятый польскими войсками, и предложив установить локальное перемирие только вокруг него. Это позволяло польскому командованию вести наступление на Украине и одновременно препятствовало Советской России начать ответные действия в Белоруссии. В ответ Советское правительство предложило заключить общее перемирие и выбрать для переговоров любое другое место вдали от линии фронта. Варшава отказалась¹⁷³⁷. Варшава официально обвинила Москву в намеренном затягивании переговоров и в подготовке большого наступления против Польши. В то же время на неоднократные предложения Москвы перенести переговоры в другое место польское правительство не реагировало¹⁷³⁸. Почему? — выяснилось всего через два дня после очередного предложения...

25 апреля обладавшие 5-кратным превосходством против Юго-Западного

фронта польские войска перешли в наступление, началась польско-советская война*. Поляки захватили Житомир и Коростень, 6 мая — Киев и вышли на левый берег Днепра. Польское наступление было хорошо подготовлено союзниками. «Всего весной 1920 г. Англия, Франция и США поставили Польше 1 494 орудия, 2 800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин,

* Максимальной численности польская армия достигла в августе-сентябре 1920 г. — 1 200 тыс. человек. (Какурин Н..., с. 68).

363

800 грузовиков, 576 млн. патронов, 10 млн. снарядов, 4,5 тыс. повозок, 3 млн. комплектов обмундирования, 4 млн. пар обуви, средства связи и медикаменты»¹⁷³⁹. Французская военная миссия предоставила польской армии свыше 2000 инструкторов и технических специалистов и почти 80% всего вооружения, поставленного Антантой. «В феврале 1920 г. в Польшу прибыло 1100 вагонов американских военных материалов. Правда, военный министр США Бейкер заявил при этом, что оказываемая Америкой помощь предполагает неагрессивную политику польского правительства. Но уже после польского нападения на советскую Украину, когда общественное мнение Америки признало империалистические мотивы этого нападения, госдепартамент одобрил размещение в США польского займа в 50 млн. долларов, хотя к тому времени Польша уже задолжала Америке 72 млн. долларов за материалы, купленные у военного министерства. Это не мешало американскому правительству заявлять о своем полном нейтралитете в польско-советской войне»¹⁷⁴⁰. Продовольственное обеспечение польской армии на начальном этапе агрессии весной 1920 г. было обеспечено за счет поставок муки из США. После оккупации Украины польская армия обеспечила свое снабжение за счет местных источников¹⁷⁴¹.

Правовым основанием развязывания войны против России для Пилсудского стал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный польско-украинский договор с С. Петлюрой, интернированным в Польше, «о «союзе», военной и материальной помощи Украине ценою «уступки» Польше Петлюрою (!) Восточной Галиции и большей части Волыни. Этот «союз», по словам польского историка, имел конечной целью отделение Польши от России буфером в виде вассального (udzielnego) государства «Украины — страны плодородной, богатой углем и загрязжающей России столь важные для нее пути к Черному морю»¹⁷⁴².

Правда, первоначальные реваншистские планы Пилсудского и польской элиты шли гораздо дальше — восстановление Великой Польши в границах 1772 г., которые обнимали Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию, Волынь на Западе и распространялись далеко на Восток к Киеву и Одессе. Однако полякам пришлось скорректировать свои амбиции с учетом мнения стран Антанты и настроений украинских националистов. Новые цели польское руководство изложило в документе для командного состава Волынского фронта, подготовленном по указанию Пилсудского 1 марта 1920 г. В нем отмечалось, что «глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России... В настоящее время польское правительство намерено поддержать украинское национальное движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является создание барьера между Польшей и Россией и переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экс-

364

пансии Польши как экономической — для создания себе рынка сбыта, так и политической»...¹⁷⁴³

Одновременно «Генерал Пилсудский объяснял отсутствие взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем обстоятельством, что ему «к сожалению, не с кем разговаривать», так как «и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты...»¹⁷⁴⁴ Белогвардейцы все же приняли участие в польской агрессии. В 1920 году С. Булак-Балахович сформировал в Брест-Литовске Русскую Народную армию до 20 тысяч человек, действовавшую в составе польских войск...¹⁷⁴⁵ Деникинская армия Юга России приняла косвенное участие в польской интервенции. «Gazeta Polska», приоткрывая, по-видимому, карты польского генерального штаба, в то время писала: «Если генерал Деникин, не обращая внимания на поставленную ему Антантой (?) цель (Москву), все же начнет продвигаться (к Киеву), имея в виду соединиться с польскими войсками, как с союзниками в борьбе с большевизмом, то он ошибается: польские войска вынуждены были бы указать ему, что не туда лежит его путь...»¹⁷⁴⁶ Деникин замечал по этому поводу: «Словом, все наше осведомление сходилось в определении того принципа, которым руководствовались в русском вопросе польское правительство и руководящие круги общества: «Нужно, чтобы большевики били Деникина, а Деникин бил большевиков»¹⁷⁴⁷.

У. Черчилль, ставший одним из основных идеологов польской агрессии и инициаторов военной помощи Польше, имел свои планы: «Наша попытка должна быть направлена к тому, чтобы убедить поляков... бить большевиков на границах своих владений, не думая ни о решительном наступлении на сердце России, ни о сепаратном мире»¹⁷⁴⁸. Политика Черчилля вела к совершенно сознательному затягиванию гражданской войны и интервенции и в итоге к экономическому коллапсу России.

М. Мельтюхов приводит массовые примеры методов войны армии: «...страны, называвшей себя бастионом христианской цивилизации в борьбе против большевизма и вообще «восточного варварства», страны «свободы и славы Европы»¹⁷⁴⁹, по У. Черчиллю. Будущий министр иностранных дел Польши в 1930-е годы Ю. Бек рассказывал своему отцу — вице-министру внутренних дел, как в конце 1918 г. он с товарищами пробирался через «большевизированную Украину»: «В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении в неискренности». Периодически предпринимались жестокие бомбардировки не имевших гарнизонов городов, медицинских учреждений... Занятие населенных пунктов сопровождалось расправами с местными представителями советской власти, а также еврейскими погромами. Так, после занятия Пинска по приказу коменданта польского гарнизона на месте, без суда было расстреляно около 40 евреев, пришедших для молитвы, которых приняли за собрание большевиков. Был арестован медицинский персонал госпиталя и несколько санитаров расстреляны...

365

некоторые польские газеты еще в марте с возмущением писали о бесчинствах армии на востоке, захват Вильно был ознаменован растянувшейся на несколько недель вакханалией расправы над защитниками или просто сочувствующими советской власти людьми: арестами, отправкой в концлагеря, пытками и истязаниями в тюрьмах, расстрелами без суда, в том числе стариков, женщин и детей, еврейским погромом и массовыми грабежами... По свидетельству представителя польской администрации на оккупированных территориях — М. Коссаковского, убить или замучить большевика не считалось грехом. «В присутствии генерала Листовского застрелили мальчика лишь за то, что якобы недобро улыбался». Один офицер «десятками стрелял людей только за то, что были бедно одеты и выглядели, как большевики... были убиты около 20-ти изгнанников, прибывших из-за линии фронта... этих людей грабили, секли плетью из колючей проволоки, прижигали раскаленным железом для получения

ложных признаний». Коссаковский был очевидцем следующего «опыта»: «кому-то в распоротый живот зашили живого кота и побились об заклад, кто первый подохнет: человек или кот»¹⁷⁵⁰.

«В оккупированных районах Украины польская армия грабила население, сжигала целые деревни. Пленных красноармейцев подвергали пыткам и издевательствам. В Ровно поляки расстреляли более 3 тыс. мирных жителей... За отказ населения дать польским оккупантам продовольствие были полностью сожжены деревни Ивановцы, Куча, Собачи, Яблунька, Новая Гребля, Мельнич, Кирилловка и др. Жителей этих деревень расстреляли из пулеметов. В местечке Тетиево во время еврейского погрома было вырезано 4 тыс. человек. Украинские газеты писали о жертвах среди гражданского населения. «В Черкассах 4 мая доставлено 290 раненых из городов и местечек, занятых поляками, женщины и дети. Есть дети в возрасте от года до двух лет... Раны нанесены холодным оружием»¹⁷⁵¹. Неудачи поляков лишь подстегивали их дикий вандализм.

29 мая 1920 г. Правительства РСФСР и Советской Украины обратились к правительствам Англии, Франции, США и Италии с нотой, в которой выражали протест против бесчинств польских захватчиков. Приводился ряд фактов, свидетельствовавших о варварском поведении польских оккупантов на Украине. Нота указывала, что правительства стран Антанты являются ответственными за нападение Польши на Советскую республику¹⁷⁵². 2 и 11 июня правительства РСФСР и СССР в очередной раз обращались к странам Антанты с нотой о варварстве польской армии, указав при этом, что «прекрасный собор Святого Владимира, эта не имеющая себе равных жемчужина русского религиозного зодчества и уникальный памятник с бесценными фресками Васнецова, был уничтожен поляками при отступлении только потому, что они желали выместить свою злобу, хотя бы на неодушевленных предметах...»¹⁷⁵³. Но защитники «цивилизации и демократии» молчали.

366

Тем временем 26 мая Красная Армия под командованием М. Тухачевского и А. Егорова перешла в контрнаступление. Освободив Киев, Ровно, Минск, Вильно, она вступила на территорию Польши. 5 июля Совет обороны Польши обратился к Антанте с просьбой о содействии в мирных переговорах. Условия перемирия были изложены Антантой в ультимативной форме Москве: «В случае продолжения наступления советских войск в Польшу, Англия и ее союзники поддержат Польшу «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении». Кроме того, предлагалось заключить перемирие с Врангелем, войска которого вели бои в Северной Таврии. На размышления Москве давалось 7 дней, и сообщалось, что Польша согласна на эти условия»¹⁷⁵⁴.

16 июля пленум ЦК РКП (б) принял решение продолжать наступление, поскольку польско-антантовский ультиматум фиксировал положение лишь на время, одновременно создавая угрозу для новой интервенции*. Левые коммунисты воскрешали с наступлением на Варшаву надежды на «экспорт революции» в Европу, именно этот тезис был использован западной пропагандой для обвинений большевиков во врожденной агрессивности.

19 июля, вспоминая У. Черчилль, до нас дошли сведения, что «...если советские войска будут двигаться с тем же темпом, каким они шли до сих пор, то через 10 дней они уже очутятся под самой Варшавой»¹⁷⁵⁵. Польша запросила РСФСР договориться о «немедленном перемирии и открытии мирных переговоров»¹⁷⁵⁶. 23 июля Москва ответила Варшаве, что главное командование Красной Армии получило распоряжение «немедленно начать с польским военным командованием переговоры в целях заключения перемирия и подготовки будущего мира между обеими странами»¹⁷⁵⁷. В тот же день главнокомандующий потребовал от войск Западного фронта еще ускорить наступление на Варшаву¹⁷⁵⁸. Англия

предложила РСФСР пойти на перемирие, но Москва ответила отказом, сославшись на стремление к двусторонним советско-польским переговорам, которые должны были начаться 11 августа.

В начале августа Советское правительство снова заявило, что оно признает независимость и этнографические границы Польши, которые даже У. Черчилль назвал «разумными», и что действия Красной Армии не преследуют никаких захватнических целей. Известия ВЦИК сообщали: «Наступление советских войск является чисто военной операцией, не наносящей ущерба будущему мирному договору и не посягающей на независимость и неприкосновенность Польского государства вето этнографических границах, причем переговоры начнутся, как

* Все европейские войны велись до полной капитуляции агрессора, что по логике победителей должно было служить в дальнейшем обеспечению мира. Пример дают как наполеоновские войны, так и Первая, и Вторая мировые войны. Поскольку Польша была агрессором, большевики имели все моральные права вести войну до полной капитуляции Польши.
367

только для их ведения вернутся польские делегаты»¹⁷⁵⁹. Ллойд Джордж поддержал предложения советской стороны, французы же заявили, что русские условия «абсолютно неприемлемы». Условия включали демилитаризацию Польши, создание рабочей милиции для поддержания порядка и предоставление Польшей земли семьям ее граждан, убитым или раненым... во время войны. У. Черчилль сразу углядел в этом подготовку большевиками революции в Польше¹⁷⁶⁰.

Действительно большевистские предложения отдавали неким духом «экспорта революции», но с другой стороны демилитаризация Польши предотвращала возможность ее повторного использования в качестве инструмента агрессии Запада против России. Польская армия в потенциале могла быть использована только для этого, находясь между Германией и Россией; никакого самостоятельного военного значения она не имела. Рабочая милиция, по мнению большевиков, могла снизить накал профашистских агрессивных настроений в польской верхушке. Поляки тем временем, поддерживаемые союзниками, продолжали «динамить» переговоры.

Красная Армия стояла всего в 15 милях от Варшавы и имела все шансы взять ее, но тут произошло событие, которое сами поляки окрестили, как «чудо на Висле». Красная Армия потерпела сокрушительное поражение. У. Черчилль сравнивал его с «Чудом на Марне»: «Что же случилось? Как это было достигнуто?», — восклицал он и тут же приводил две версии: виновником был гений французского генерала Вейгана, посланного французами на помощь полякам, и конечно же, «благодаря влиянию и авторитету лорда д'Абертона, английского посла в Берлине...» Правда, сам Вейган отрицал свою ведущую роль, утверждая, что победа всецело одержана польской армией. По этому поводу У. Черчилль давал вторую версию — победа одержана благодаря заранее обдуманному польскому плану...¹⁷⁶¹ Но нас интересуют не «анекдоты» на историческую тему от У. Черчилля, а реальные события...

Виновником «чуда на Висле» стал Сталин, который в решающий момент, получив прямой приказ — конармии идти на помощь Тухачевскому, наступавшему на Варшаву, саботировал его, заявив при этом, что некоторые товарищи, «...не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве»... В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями... врагов с Запада»¹⁷⁶², а позже добавил, что «Врангель... грозит взорвать с тыла плоды наших побед над поляками... Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов...»¹⁷⁶³ Среди бутафории слов ярко

прослеживается откровенная насмешка над лозунгами «мировой революции» и «красной советской Варшавой»*. В. Ленин, в свою очередь,

* Личная неприязнь между Сталиным и Тухачевским здесь, конечно, сыграла свою роль, но вряд ли она носила определяющий характер.

368

анализируя причины поражения под Варшавой, указал на переоценку возможностей советских войск и революционности польских рабочих и крестьян.

Поражение Красной Армии под Варшавой привело к подготовке нового польского наступления, одновременно польское правительство усилило пропаганду о несправедливости «линии Керзона», но даже страны Антанты высказались, что именно эта линия должна быть основой восточной границы Польши. Более того, Варшаве было заявлено, что Вильно должен быть сохранен за Литвой. Однако Польша воспользовалась тем, что Россия была истощена шестью годами непрерывной тотальной войны и интервенционистской блокадой. Угрожая новым наступлением, Польша добилась от Москвы капитуляции. По рижскому договору в марте 1921 г. Польша навязала СССР границу, проходящую далеко к востоку от линии Керзона, захватив западные части Украины и Белоруссии, а так же вынудила выплатить крупную контрибуцию. Потери Красной Армии неизвестны. Известно лишь, что за время войны польские войска взяли в плен более 146 тыс. человек, содержание которых в Польше было очень далеко от каких-либо гуманитарных стандартов. Все это привело к тому, что около 60 тыс. советских военнопленных умерли в польских лагерях¹⁷⁶⁴. За все последующие десятилетия на территориях бывших польских концлагерей в Тухоле и Пулавах не возникло ни одного мемориала в память о погибших от голода, эпидемий и варварского отношения надзирателей...

Но Польша на этом не успокоилась: с ее территории до конца 1922 г. постоянно засылались банды белогвардейцев. Некоторые из них достигали численности в 2 000 человек. На севере России в октябре 1921 г. Финляндия начала свою авантюру в Карелии, которая прекратилась только в феврале 1922 г. Жертвами уже послевоенного польско-финского террора стали десятки тысяч человек.

Для западной пропаганды польско-советская война стала символическим примером «экспорта революции», демонстрирующим агрессивность большевистской власти, стремящейся к «мировой революции». Однако войну развязали не большевики. Как указывал в своем донесении 11 апреля 1919 г. президенту В. Вильсону американский представитель при миссии государств Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан, «хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше. Легкость, с которой им это удалось, доказывает, что полякам не противостояли хорошо организованные советские вооруженные силы. **Я убежден, что наступательный воинственный крестовый поход, предпринятый**

369

из России, центра распространения пропаганды большевизма или советского движения, остановлен. Но он может быть снова вызван к жизни агрессивными действиями извне, а их можно ожидать как со стороны Польши, так и других государств¹⁷⁶⁵. Дж. Кернан был прав: именно польская агрессия поддержанная и профинансированная ведущими демократиями — Англией, Францией и США, вызвала «марш на Варшаву» и именно они несут ответственность за огромные жертвы и последствия этой агрессии.

Монархист Шульгин в то время писал: «Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал. И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение «советских республик». Но это только так сверху... На самом деле их армия была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области...»¹⁷⁶⁶ Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: «Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!». Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню..., я всей душою желал Красной Армии победы. Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство»¹⁷⁶⁷. Польская агрессия всколыхнула патриотические чувства даже в белой армии. Под лозунгом защиты от польского нашествия в Красную Армию начался массовый переход многих тысяч белых офицеров. Одним из первых вступил в Красную Армию легендарный генерал Брусилов, до той поры отказывавшийся воевать как за белых, так и за красных.

Но и на Польше интервенция не закончилась, она начинала приобретать лишь новые черты: «Когда приближение советских армий к Варшаве вызвало сильную тревогу в Лондоне и Париже и началось обсуждение вопроса о вмешательстве Франции и Англии в советско-польский конфликт, государственный секретарь США Колби выступил с заявлением, излагавшим американскую политику в отношении Советского государства.... Вышеозначенная нота Колби фактически представляет собой обвинительный акт против советской власти. В ноте говорилось, что, подтверждая желание США о сохранении политической независимости и территориальной целостности объединенной, свободной и самостоятельной Польши и одобряя усилия к достижению перемирия между Польшей и советским государством, американское правительство отказывается от участия в расширении переговоров

370

в форме созыва общей международной конференции, которая, по всей вероятности, имела бы два результата, неприемлемых для нашей страны, а именно — признание большевистского режима и разрешение русской проблемы неизбежно на базисе расчленения России. Далее говорится о традиционной дружбе США с русским народом и о вере в его будущее, о том, что интересы России должны быть охранены, в особенности касательно ее суверенитета на территории бывшей Российской империи. «Этим чувством дружбы и честным долгом» к великой нации, которая в час нужды оказала дружбу США, американское правительство якобы и руководилось при отказе в признании независимости Прибалтики, Грузии и Азербайджана. Границы России должны включать всю прежнюю империю, «за исключением собственно Финляндии, этнической Польши и тех территорий, которые по соглашению могут составить часть армянского государства». США не могут, однако, признать советскую власть правительством, с которым могут быть поддерживаемы отношения, так как этот режим «основан на отрицании всякого принципа, на котором можно было бы построить гармоничные и основанные на доверии отношения как между нациями, так и между отдельными лицами. Соглашение с таким режимом было бы лишено всякой цены, так как его вожди открыто хвастали отсутствием намерения выполнять их». Далее говорится о III Интернационале, имеющем своей целью большевистскую революцию во всем мире и субсидируемом советским

правительством. «Мы не можем признать и поддерживать официальные отношения с агентами правительства, которое решило и обязано составлять заговоры против наших учреждений, чьи дипломаты были бы агитаторами за опасные бунты». Однако иностранные войска должны быть отозваны из России. «Только таким образом большевистский режим может быть лишен должного, но действенного призыва к русскому национализму»... Госдепартамент дал понять Польше, что он не одобряет аннексии больших этнически русских территорий. В своем ответе на польскую ноту Колби рекомендовал делать всяческие усилия к прекращению военных действий, заявляя, что американское правительство» не могло бы оправдать программу наступательной войны польского правительства против России»... Вильсон позже добавлял, что великие державы должны торжественно обещать «не пользоваться бедственным положением России для нарушения ее территориальной целостности, не предпринимать самим никаких дальнейших вторжений в Россию и не допускать таких вторжений со стороны других»¹⁷⁶⁸.

Д. Дэвис и Ю. Трани в этой связи пишут: «Документом, оформившим первую «холодную войну», авторы называют ноту, которая 9 августа 1920 г. вышла из-под пера Б. Колби, сменившего Лансинга в кресле госсекретаря. Соединенные Штаты заявили о себе как о гаранте территориальной целостности и независимости Польши, официально заняли позицию непризнания советской власти и возложили на себя миссию противодействия мировой революции. При этом американское прави-

371

тельство готово было закрывать глаза на торговлю с Россией частных компаний»¹⁷⁶⁹. По сути, речь Колби означала, что экономическая блокада и интервенция против России сменялись ее политической блокадой, что неизбежно должно было привести к консервации, радикализации и последующей деградации большевистской власти. Любая блокада — это война не против власти, а прежде всего против народа, потому, что именно он первым терпит лишения и страдания. Требование сохранения целостности России очевидно было вызвано тремя причинами: во-первых, развал России приводил к разделу ее на сферы влияния: в европейской части между Англией и Францией, на Дальнем Востоке Японией. Такое развитие событий было явно не в интересах США. Во-вторых, единство России было программным требованием В. Вильсона, озвученным еще три года назад. В-третьих США не были удовлетворены итогами Версальского мира. Единая Россия нужна была Америке для противовеса Европе в ее будущей мировой политике...

372

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ — ТУПИК ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ФОРМА БОРЬБЫ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

*В мире есть царь: Этот царь беспощаден, Голод название ему...
Некрасов. Железная дорога.*

К началу Первой мировой государственные зерновые резервы России составляли всего 14,5 миллионов тонн. В 1915 г., несмотря на обильный урожай, нормальный товарооборот был нарушен и, несмотря на высокий урожай, «хлеб на рынок не пошел». Отдельные губернии стали вводить карточное распределение основных продуктов питания и промышленных товаров, что привело к появлению огромного разрыва в местных ценах (иногда — трехкратного) и, как следствие, к растущей, как снежный ком, спекуляции. Тем не менее «обеспечение армии хлебопродуктами являлось самой благополучной областью снабжения, и только в 1916 г. из-за неурядиц организационного характера снабжение несколько ухудшилось»¹⁷⁷⁰. К 1916 г. посевы сельскохозяйственных культур сократились на

12%, производство зерна на 20%, мяса в 4 раза,¹⁷⁷¹ для нужд армии было реквизировано 2,6 млн лошадей. Тем не менее в 1916-м собрали 3,8 млрд. пудов зерна, что при отсутствии экспорта превышало довоенную потребность внутреннего рынка на 400-500 млн. пудов, а традиционные экспортеры масла в Сибири заготовили огромное его количество и не знали, как вывезти.

Однако при избытке продовольствия план госзакупок 1916 г. был выполнен лишь на треть, были даже сокращены пайки в действующей армии. Причина продовольственного кризиса крылась в разрушении рыночных механизмов хозяйствования во время войны.

Во-первых, промышленность переориентированная на выпуск военной продукции, сократила производство гражданской, что привело

373

к нарастающему дефициту промышленных товаров и росту цен на них. Сельское население в ответ почти перестало поставлять продовольствие в города и сдавать хлеб государству по твердым ценам.

Во-вторых, расстояние на которое необходимо было перевезти продовольствие и топливо в России, от производителей до потребителей, было в среднем в четыре раза больше, чем для Германии или Франции. При этом плотность железнодорожной сети в Европейской части России была в 8 раз меньше, чем у Франции и в — 10, чем у Германии¹⁷⁷². Мобилизация железнодорожного транспорта для военных нужд увеличила нагрузки на него в разы. В итоге потребный грузооборот значительно превысил пропускную способность железных дорог. Это привело к вытеснению прежде всего гражданских грузов и, как следствие, к затовариванию продовольствием производящих губерний Юга и дефициту хлеба в промышленных городах Севера.

В-третьих, с начала войны царское правительство прибегло к инфляционным мерам ее финансирования. Эффект от этого стал существенно сказываться только через год и выразился в опережающем росте цен на товары первой необходимости. Царское правительство нашло выход в том, что «установило твердые цены на хлеб и эти цены повысило», Ленин назвал этот шаг нелепой мерой, ибо ход мысли кулака очевиден — «Нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят...»¹⁷⁷³ Тем не менее раскрутка инфляционной спирали, наряду с мобилизацией работников, привела к массовому разорению буржуазных (товарных, частных) сельхозпроизводителей и резкому обнищанию крестьянства*.

В-четвертых, рост армии, к концу 1916 г. почти в 5 раз по сравнению с довоенным временем, резко увеличил потребность государства в то-

* С. Кара-Мурза дает существенные пояснения сложившейся обстановки: «Россия, как говорил Менделеев, долго вынуждена была жить «бытом военного времени». Поэтому «прогрессивным» для нее могло считаться только то хозяйство, которое сохраняет свою дееспособность в чрезвычайных условиях. Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства — трудового крестьянского и частного — стала Первая мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же ответило на эти трудности хозяйство — крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20%, а в частновладельческих хозяйствах уменьшилась на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным... Справочник «Народное хозяйство в 1916 г.» констатировал: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью». Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия». (Кара-Мурза С..., с. 28-29.)

374

варном хлебе в 1,5-2 раза, по сравнению с мирным временем. Это замечание

подтверждают планы хлебозаготовок 1916-1917 гг., которые более чем в 2 раза превышали потребность России во внутреннем товарном хлебе по сравнению с довоенными 1910-1913 гг. Дисбаланс между спросом и предложением к концу 1916 г. составил примерно 600 млн. пудов. Эта цифра сравнима с производством всего товарного хлеба, включая экспорт в 1915 г. По некоторым видам продуктов ситуация была еще более острой, например, наряду с ростом армии, с началом войны суточная норма мяса солдатам была удвоена...

Таким образом, резко увеличившийся спрос на продовольствие сопровождался столь же резким сокращением его поставки. В этих условиях по предложению министра земледелия А. Риттиха **23 сентября 1916 г. правительство объявило о введении принудительной продразверстки**. Несмотря на это ситуация с хлебом продолжала ухудшаться. Об этом свидетельствуют выступления на совещании в Ставке Главнокомандующих 17 декабря 1916 г.: Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт: «...Необходимо обеспечить войска продовольствием. Надо пополнить запасы базисных и продовольственных магазинов, которые теперь исчерпаны. Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живем ежедневным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. Местные средства также исчерпаны». Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский рисовал не менее печальную картину: «...Северный фронт не получает даже битого (мяса). Общее мнение таково, что у нас все есть, только нельзя получить. В Петрограде, например, бедный стонет, а богатый все может иметь. У нас нет внутренней организации...»¹⁷⁷⁴ На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. В феврале М. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой»¹⁷⁷⁵.

19 января «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице» доносило в «совершенно секретном докладе»: «Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства...», общество жаждет «найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее»¹⁷⁷⁶. В феврале М. Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает «...о полном крахе разверстки». Неспособность правительства осуществить продразверстку погубила Российскую империю¹⁷⁷⁷. Недостаток и невиданная дороговизна продовольствия стали причиной массовых забастовок и демонстраций, начавшихся 23 февраля в Петрограде, приведших в итоге к февральской революции.

375

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Временное правительство вводит хлебную монополию уже на третью неделю своего существования — 25 марта. Все излишки зерна и фуража были объявлены государственной собственностью, что привело к новому резкому росту цен на промышленные товары. К лету 1917 г. пуд хлеба стал стоить не более, чем одна подкова. «С августа 1917 г. начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. Восстания подогрел крупный обман. 6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. «ни в коем случае повышены не будут». Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и

было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебобородных губерний и по рабочим»¹⁷⁷⁸. А. Деникин отмечал: «Деревня была обездолена. Ряд тяжких мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения — вначале, а затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, к голоду в городе и репрессиям в деревне...»¹⁷⁷⁹

Проведенное 27 августа 1917 г. повышение твердых цен на хлеб привело к новому, еще большему повышению предпринимателями цен на промышленные товары и породило новый взрыв недовольства. П. Рябушинский еще в июле 1917 г. призвал: *«ввиду неблагоприятных действий отдельных предпринимателей, бросающих тень навесь торгово-промышленный класс, привлечь их к суду чести, что должно освободить торгово-промышленный класс от несправедливых и незаслуженных обвинений из-за отдельных проступков его членов»*.

Летом 1917 года были введены твердые цены на уголь, нефть, лен, кожу, шерсть, соль, яйца, масло, махорку и т.д. На потребительском рынке стали исчезать основные товары: мыло, чай, обувь, гвозди, папиросы, бумаги и т.д. Повсеместно развивались тенденции к хозяйственной изоляции регионов. Уже в конце весны 1917 года появились запреты на вывоз продуктов из одной губернии в другую, распространению которых способствовал знаменитый приказ министра Маклакова.

Деникин вспоминал: «...официальные нормы, которые были установлены к лету 1917 года — 1 ¹/₂ фунта хлеба для армии и ³/₄ фунта для населения. Эти теоретические цифры, впрочем, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтам, за исключением Юго-Западного, не раз угрожал кризис, предотвращаемый обычно дружными усилиями всех органов правительственной власти и советов, самопомощью тыловых частей и... дезертирством. Тем не менее армия недоедала, в особенности на Кавказском фронте. А конский состав армии весной, при теоретической норме в 67 фунтов зернового фуража (армия поглощала 390 мил-

³⁷⁶

лионов пудов сухого фуража в год!—Прим. авт.), фактически падал от бескормицы в угрожающих размерах, ослабляя подвижность армии и делая бесполезным комплектование ее лошадьми, которым грозила та же участь... Только на фронте, в ущерб питанию городов, ко второй половине июня удалось сосредоточить некоторый запас хлеба»¹⁷⁸⁰.

10 августа 1917 г. генерал Нокс докладывал своему Правительству: «1 августа на заседании Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабочих депутатов министр продовольствия Пешехонов говорил об общем экономическом положении государства. Он сказал, что в мае это положение было очень плохим; армия имела продовольствия всего на несколько дней; в Москве одно время было муки всего на один день; в Петрограде положение было лишь немного лучше... будущее угрожающее. Главное затруднение происходит от дезорганизации, царящей на железных дорогах, которая к осени грозит катастрофой. Продовольствие Северной России не может базироваться лишь на железнодорожном транспорте. Для подвоза должны быть использованы водные пути. Но мысль о железнодорожной перевозке до Волги, по которой можно вести грузы дальше на север на баржах с тем, чтобы затем опять развозить железными дорогами, невыполнима из-за чрезмерной платы, требуемой грузчиками, притом не соглашающимися работать даже по 8 часов в день.

Прежнее Правительство зависело от урожая на помещичьих землях', который легко было собрать. Но помещичьи посеы уменьшились вследствие препятствий, чинимых крестьянами. Последние, кроме того, стремятся мешать применению сельскохозяйственных машин. Они требуют предоставления им сбора хлебов при условии уплаты им за это от четверти до трети урожая. Это значит, что большая часть урожая помещичьих земель будет растаскана по избам и сбор его станет для правительства невозможным. В некоторых губерниях крестьяне отказываются отдавать свое зерно иначе, как в обмен на мануфактуру. Селения Юго-Западной России нуждаются в одежде и металлических изделиях. Министр продовольствия делает героические усилия, чтобы найти нужные для обмена предметы, но сейчас мануфактуру достать в России нельзя нигде. Ограничения в тоннаже препятствуют ее ввозу. Если даже удастся собрать некоторое количество товара, то распределение его при царящем беспорядке является делом не легким. 600 вагонов тканей было недавно отправлено для обмена на Кавказ. 400 из них было «арестовано» в Таганроге, и местные комитеты потребовали распределения содержимого на месте.

Производство сахара будет чрезвычайно сокращено, так как крестьяне силой захватили часть свекловичных хозяйств. Крестьяне делают все возможное, чтобы задержать у себя зерно в надежде, что цены, которые сейчас низки, поднимутся. Вдоль железных дорог нет правительственных складов, и продукты должны отправляться немедленно после их подвоза. Самая же доставка до железных дорог представляет из себя целую проблему. В реквизиции лошадей переусердствовали. Моторизованного транспорта нет. Практически в наиболее хлебных районах

377

железных дорог мало, а простые дороги часто непроходимы весной и осенью. Как раз теперь все перевозочные средства, находящиеся в распоряжении крестьян, заняты жатвенной работой и никакое зерно к железным дорогам не подвозится. Лошадиный транспорт так ограничен, что зерно не может доставляться с больших расстояний. Отсюда вытекает, что Армия и городское население России должны базироваться на узкой полосе земли, примерно в 15 миль по каждую сторону от железной дороги...»¹⁷⁸¹

Воззванием от 29 августа Временное правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положение страны: правительственные запасы непрерывно уменьшаются; «города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, *хотя его в стране достаточно*»; многие не сдали даже прошлогоднего урожая, многие агитируют, запрещают другим выполнять свой долг»¹⁷⁸². Член палаты общин И. Малькольм путешествовавший по России по поручению Красного Креста, писал: «*Серьезность общественного положения страны не может быть преувеличена; положение страны поистине ужасно. Продовольствие и топливо исчезли... Цены на продукты исключительно высокие, и самые богатые слои населения начинают испытывать нужду в продовольствии*». В то же время опера и балет были открыты каждую ночь»¹⁷⁸³.

16 октября 1917 г. на заседании Предпарламента министр продовольствия С. Прокопович заявлял: «*хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу*»¹⁷⁸⁴. Главный Полевой Интендант сообщал, что на дальнейшее регулярное пополнение пищевых армейских запасов, многие из которых приближаются к исчерпанию, он рассчитывать не может. На вопрос, что же будет дальше, он развел руками и сказал «Голодные бунты». На последнем заседании министров Временного Правительства министр продовольствия категорически заявил, что снабжать продовольствием он может только 6 млн. человек, в то время как на довольствии находится 12 млн.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

После Октябрьской революции все проблемы, накопленные за три с лишним года войны царским и Временным правительствами, которые в конечном итоге привели их обоих к краху, обрушились на новое правительство большевиков. 15 января 1918 г. Ленин телеграфировал в Харьков С. Орджоникидзе с мольбой «...хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть...» Критичность сложившегося положения характеризует тот факт, что второй человек в государстве после Ленина — Л. Троцкий — 31 января был назначен главой Чрезвычайной Комиссии по снабжению и транспорту. Весной нехватка продовольствия достигла смертельно опасного предела, в городах северной полосы России разразился голод, в Петрограде давали по 50 г. хлеба

378

в день, в Москве—100 г. «Все сходились на том, что виноваты железные дороги, не успевающие перевозить хлеб. В действительности же, — отмечал Н. Стоун, — трудность состояла не в отсутствии железнодорожного транспорта — в 1918 году в стране имелось 18757 паровозов и 444 тысячи вагонов по сравнению с 17036 паровозов и 402 тысячами вагонов в 1914 году — а в отсутствии зерна: поезда гонялись за зерном, а не зерно за поездами»¹⁷⁸³.

Резкое осложнение ситуации было вызвано тем, что основные губернии, поставщики товарного хлеба, находились на оккупированной немцами Украине и на уже охваченном гражданской войной Юге России. И это в добавление к тому, что с 1915 г. по октябрь 1917 г. посевная площадь в наиболее хлебородных районах и так уже сократилась на 20%, а в некоторых местах до 50%. С другой стороны, как отмечал К. Радек, весной 1918 года «крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству весьма близкое к мнению, что такая вещь, как государство, вообще не нужно крестьянину. Если бы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого у нас не было аппарата, старый был сломан, а крестьянин добровольно ничего бы не дал. Нужно было, в начале 18-го года, сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»¹⁷⁸⁶.

А вот как описывал ситуацию в русской деревне У. Черчилль: «Савинков дал нам интересное описание жизни деревни, когда однажды мне и Ллойд Джорджу довелось с ним завтракать. В некоторых отношениях его рассказ напомнил нам судьбы индийских деревень, в давно прошедшие времена переходивших от одних завоевателей к другим. Крестьянам принадлежала теперь вся земля. Они убили или прогнали прежних владельцев. Сельские общины сделались хозяевами новых и хорошо обработанных полей. Помещичьи усадьбы, о которых они так давно мечтали, принадлежали теперь им. Не было больше помещиков. Не было больше арендной платы. Крестьяне сделались полными хозяевами земли со всеми ее богатствами. Однако они еще не понимали, что при коммунизме у них будет новый помещик — советское государство, — помещик, который будет требовать более высокой арендной платы для прокормления голодных городов, коллективный помещик, которого нельзя будет убить, но который будет убивать их»¹⁷⁸⁷.

У. Черчилль продолжал: «Крестьяне были в хозяйственном отношении независимыми. При своем простом образе жизни они всегда могли поддерживать свое существование и помимо всех современных условий цивилизации. Из кожи зверей они делали себе одежду и обувь. Пчелы давали им и мед, заменявший им

сахар, и воск для освещения. Хлеб у них был, и было мясо, и разные коренья. Они пили, ели и работали в поте лица. Не для них были все эти слова: коммунизм, царизм, святая Русь, империя или пролетариат, цивилизация или варварство, тирания или свобода. Все это в теории было им безразлично, и не только в теории, но и

379

на практике. Они были и оставались людьми земли и тяжелым трудом зарабатывали свой хлеб.... Москва правила Россией, и, когда союзники победили и в победе своей исчерпали энергию борьбы, не было других соперников у Москвы. В стране разрозненных хозяйственных ячеек, ничем не связанных между собой, жизнь велась по примеру Робинзона Крузо, так же удаленного от цивилизации. Древняя столица находилась в центре сети железнодорожных линий, расходившихся из Москвы во все стороны. В центре сети сидел паук. Тщетной была надежда уничтожить его, двигая против него ряды опутанных паутиной мух! И тем не менее я считаю, что 20—30 тысяч решительных, сознательных, хорошо вооруженных европейцев без особых трудностей и потерь могли бы быстро домчаться по любому из железнодорожных путей до Москвы и вызвать на бой те силы, которые были против них»¹⁷⁸⁸.

«Трогательная забота» У. Черчилля о русских крестьянах говорит о том, что он либо забыл историю своей страны в период буржуазной революции и индустриализации, либо был крайне заинтересован в превращении России «в страну разрозненных хозяйственных ячеек, ничем не связанных между собой», в уничтожении городов и в возврате ее в эпоху глухого феодализма с его натуральным хозяйством, невежеством и отсталостью... По крайней мере никто не сделал для этого больше, чем «борец за демократию» У. Черчилль. Ассоциации с индийскими крестьянами, видимо, тоже были не случайны, империалистический менталитет Черчиллей не шел дальше видения России, как английской колонии по типу второй Индии...

На практике единственной мерой, способной спасти города от голодной смерти, оставалось расширение и ужесточение мер, введенных еще царским и Временным правительствами по принудительному изъятию продовольственных запасов. О них И. Сигов докладывал еще в мае 1917 г.: «И при старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревне повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже царское правительство»¹⁷⁸⁹. Временное правительство пошло на такую «прямолинейность», но и ее оказалась недостаточно. Продовольственная политика Временного правительства провалилась с еще большим «треском».

Сразу после Октября Ленин пытался избежать радикальных мер и предлагал обязать всех крестьян сдавать излишки продовольствия в обмен на квитанции, которые, как и в прежние времена, концентрировались в основном у кулаков. Но эта инициатива распространения не получила. Тогда под давлением крестьян и левых эсеров в феврале 1918 г. был принят Закон о социализации земли, который провозгласил переход земли из частной собственности в общенародную. В основу закона был положен эсеровский принцип уравнительного распределения земли

380

между крестьянами, а на деле — фактический передел земли в пользу бедноты.

9 мая была введена *продовольственная диктатура*. Наркому продовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия «по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Все организации и учреждения обязывались «безоговорочно и немедленно»

исполнять все распоряжения наркома, касающиеся продовольственных вопросов. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению. Изъятие продовольствия в деревнях осуществлялось продовольственными отрядами, в которые по очереди посылались рабочие*.

Тем временем голод охватывал всю Россию, радикализировал, как села, так и города, и не потому, что большевики вывозили и где-то «прятали хлеб от народа, чтобы закабалить его», а потому, что хлеба просто не было. Французский дипломат в мае-июне 1918 г. записывал: «К пробуждению религиозных чувств надо добавить голод, который с каждым днем становится все более и более угрожающим. В Петрограде норма хлеба сейчас 45 граммов в день, причем хлеба из соломы. Три дня его не давали вовсе, а на четвертый его заменили 45 граммами подмороженной картошки. Фунт свинины (450 граммов) стоит двадцать три рубля, а говядина или конина — более десяти. В различных местах прошли стихийные митинги, красногвардейцы стреляли в рабочих. Между властью и рабочими, как когда-то между царем и его народом, встала кровь»¹⁷⁹⁰. Л. Робиев продолжал: в Вологде «организованы отряды красногвардейцев для защиты города от банд голодных крестьян, которые, как говорят, идут на Вологду, чтобы свергнуть там советскую власть. Во всех провинциях происходит нечто подобное. Правительство пытается изменить ситуацию, издав декрет о всеобщей мобилизации и призывая весь народ взяться за оружие против буржуазии, захватчиков и контрреволюционеров. Но сейчас все говорят о том, что народные массы скорее готовы подняться против большевиков. Ведь уже не идет речь о том, чтобы пойти грабить напуганных помещиков, теперь нужно отправляться в деревню, чтобы отнять у крестьянина то небольшое, что у него еще осталось. Впрочем, не думаю, что они достаточно сильны для этого»¹⁷⁹¹.

Борьба за хлеб принимала все более радикальные формы. Она вызвала широкомасштабную гражданскую войну в деревне, которая началась с создания 11 июня 1918 г. особых чрезвычайных организаций — *ко-*

* До января 1919 г. Петроградский Совет направил 189 отрядов общей численностью 72 тыс. человек. Продовольственные отряды вскоре были преобразованы в «Продармию». Численность бойцов продотрядов в октябре 1918 г. составляла 23 тыс. человек и достигала максимальной численности 62 тыс. к декабрю 1920 г. и на 1 января 1921 г. сократилась до 49 тыс. (Стрижков Ю.К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917-1922 гг. М., 1973, с. 119,255.)

381

митетов бедноты, перед которыми стояло две задачи: распределение конфискованной у кулаков собственности среди сельской бедноты и, главное, содействие в изъятии излишков хлеба у кулаков (за это часть зерна предоставлялась самим комбедам до 15 июля бесплатно, а затем с большой скидкой). Ленин призывал: «Ни один пуд хлеба, не должен оставаться в руках держателей... Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации...»

Но предпринимаемые меры не достигали цели: армия и города были обречены на голодную смерть. 10 августа Ленин предлагает наркому продовольствия Цюрупе проект декрета: «...в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков». Цюрупа прикинулся непонимающим, указав, что взятие заложников весьма трудно осуществить. Ленин отправил ему вторую, совершенно недвусмысленную записку: «Я предлагаю «заложников» не взять, а назначить поименно по волостям. Цель назначения именно богачи, так как они отвечают за контрибуцию,

отвечают жизнью за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба в каждой волости»¹⁷⁹². «Мы были ошеломлены, прочитав этот проект, — писал Цюрупа в своих воспоминаниях. — Принятие такого декрета привело бы к массовым казням. В конце концов проект Ленина был отклонен»¹⁷⁹³. Однако уже через несколько дней тот же народный комиссар продовольствия заявил: «у нас нет другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии... Речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб».

Ленин указывал на вынужденность этих мер, противоречивших стратегии большевиков: «Да, революция наша (октябрьская) буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, что никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить»¹⁷⁹⁴. Позже Ленин снова возвращался к теме: «В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции, — наша революция до организации комитетов бедноты, то есть до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией буржуазной»¹⁷⁹⁵.

С другой стороны, Ленин отмечал: «Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми — против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, спекулянтов, и постольку революция становится со-

382

циалистическую»¹⁷⁹⁶. Троцкий дополнял: «Уничтожение сословного крепостничества встретит поддержку всего крестьянства, как тяглового сословия. Подоходно-прогрессивный налог встретит поддержку огромного большинства крестьянства. Но законодательные меры в защиту земледельческого пролетариата не только не встретят такого активного сочувствия большинства, но и натолкнутся на активное сопротивление меньшинства. Пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и, таким образом, нарушать ту общность интересов, которая несомненно имеется у всего крестьянства, но в сравнительно узких пределах. Пролетариату придется в ближайшие же моменты своего господства искать опоры в противопоставлении деревенской бедноты деревенским богачам, сельскохозяйственного пролетариата — земледельческой буржуазии»¹⁷⁹⁷. Ленин и Троцкий таким образом развивали и обосновывали тезисы Маркса о непрерывной революции, данные в конце 40-х годов XIX века. В «Обращении к Союзу коммунистов» и в письме Энгельсу 1856 г., Маркс говорил: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны»¹⁷⁹⁸.

Столь быстрый переход от первого буржуазного этапа революции ко второму социалистическому был вынужденной мерой, диктовавшейся объективными хозяйственно-экономическими условиями. Они требовали жесткой мобилизации экономики, которой большевики придавали идеологическую окраску. Именно в этом смысле председатель ВЦИК Я. Свердлов предлагал «расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, разжечь там гражданскую войну...», чтобы получить хлеб у крестьян¹⁷⁹⁹. О том же говорил и Л. Троцкий: «Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб»¹⁸⁰⁰.

Осенью 1918 г. большевики предпримут несколько попыток вернуться к

экономическим методам хозяйствования, так, 30 октября была сделана попытка ввести продналог, а затем из-за быстрого обесценивания денег перейти к натуральному обмену — бартеру с деревней (в хлебных местностях 85% стоимости товаров крестьяне должны были оплачивать натурой.) В ноябре отменены «комбеды»*. Однако все попытки ввести экономические отношения потерпели неудачу, рыночные методы не работали, поскольку была разрушена сама экономическая основа общества, и речь шла уже об элементарном биологическом выживании.

В январе 1919 г. Совнарком издал декрет об обязательной сдаче крестьянами государству всех излишков хлеба и фуража — продразверстке. Продовольственная диктатура приобретала черты «военного коммунизма». Государственные органы давали планы по изъятию продовольствия производящим губерниям, уездам, волостям, селениям, крестьянским дворам, при этом использовался в общем-то привычный для общины принцип круговой поруки. В стране была запрещена частная

* «Комбеды» просуществовали всего пять месяцев (реально действовали еще меньше). На Украине, где социальное расслоение на селе было более резким, чем в России, «комитеты незаможных крестьян» пережили введение НЭПа.

383

торговля хлебом и другими продуктами, введена карточная система, в том числе и на промышленные товары повседневного спроса. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек). В 1920 г. система пайков постепенно была заменена оплатой труда натурой. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих. За счет прямого вне рыночного распределения городское население получало от 20 до 50% потребляемого продовольствия. Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы¹⁸⁰¹.

Вполне естественно, что деревня оказывала яростное сопротивление изъятию хлебных излишков, что в сочетании с «крестьянским бунтом» привело к массовым крестьянским выступлениям. Только в 20 районах центральной России в 1918 году вспыхнуло 245 крупных крестьянских восстаний¹⁸⁰². В селах и деревнях разыгрывались настоящие сражения. В августе 1918 г. в Ижевске, где большевики получили всего 12% мандатов на выборах в Советы, вспыхнуло восстание. Восставшие рабочие создали «Ижевскую народную армию», насчитывавшую более 30 тыс. человек. В августе 1918 г. Ленин, озабоченный размахом крестьянского восстания в Пензенской губернии, телеграфирует в губисполком требуя: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»¹⁸⁰³. В мае 1919 года произошло 93 крестьянских восстания в Киевской, Черниговской, Полтавской губерниях и в окрестностях Одессы. За первые двадцать дней июля официальные данные ЧК сообщают о 210 восстаниях, в которых приняло участие несколько сотен тысяч крестьян...

В феврале-марте 1920 года новое грандиозное волнение, так называемое «вилочное восстание», охватило обширное пространство между Волгой и Уралом, Казанскую, Симбирскую и Уфимскую губернии. За несколько недель восстание охватило десятки уездов. Численность повстанческой крестьянской армии «черных орлов» в момент наивысшего подъема достигала 50 тысяч человек. Части ЧК и ВОХРа, вооруженные пушками и пулеметами, безжалостно истребляли повстанцев с их вилами и пиками. За несколько дней тысячи крестьян были убиты и сотни сел сожжены¹⁸⁰⁴. Большевики прибегали к крайне жестким мерам: «...Вот красноречивое свидетельство Мартына Лациса, в то время председателя Украинской ЧК: «Заложники — женщины, дети, старики — изолированы в лагере

недалеко от Майкопа, выживают в страшных условиях, при холоде, октябрьской грязи... Дохнут, как мухи...»¹⁸⁰⁵ После быстрого подавления «восстания вил» пламя крестьянских волнений снова распространилось на центральные и средневожские губернии, также сильно затронутые реквизициями: Тамбовскую, Пензенскую, Самарскую и Саратовскую.

Но отступать большевикам было некуда, голод в городах делал их своими заложниками. В феврале Троцкий утверждал: «...первый вопрос — продовольствие. Рабочие Москвы, Петрограда, Иваново-Воз-

384

несенского района, Донецкого бассейна и даже Урала терпят жесточайшую продовольственную нужду, а временами тяжко голодают. Голодают московские и питерские пролетарии не день и не два, а в течение уже нескольких лет. Голодают железнодорожные рабочие. От голода слабеет не только тело человека, но и его дух. Руки опускаются, падает воля. Трудно поднять голодных рабочих на напряженную, энергичную, согласованную работу. Первым делом нужно накормить рабочих. Нужно собрать для промышленности хоть небольшой продовольственный фонд (запас) или — говоря по-военному — создать продовольственную базу. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет поставил задачу: собрать 300 миллионов пудов продовольствия на поддержку промышленных и транспортных рабочих. Много ли это? Нет, ничтожное число. До войны помещики, спекулянты и кулаки ежегодно вывозили за границу по 600 миллионов пудов, по 750 и по 900, то есть в два, два с половиной и три раза больше того, что нам необходимо собрать теперь... А урожай хлебов всей России составлял в среднем почти три с половиной миллиарда пудов. Таким образом, запас в 300 миллионов пудов совсем небольшое число, около десятой доли всего урожая, то есть 4 фунта с пуда. Кто может и должен этот фонд создать? Крестьянство...»¹⁸⁰⁶

Радикализм борьбы за хлеб был обусловлен еще и тем, что протекала она во время крайне ожесточенной гражданской войны. Деникин вспоминал: «То, что открылось впоследствии, превзошло значительно наши тогдашние «оптимистические» предположения. Советские источники приоткрывают нам картину того тяжелого, почти катастрофического положения, в котором победители докатились до Дона. Страшнейшая эпидемия тифа, большие потери и дезертирство выкосили их ряды... У нас был хаос в тылу, но у них *вовсе не было никакого тыла*. «Железные дороги, — говорит советский официоз, — совершенно разрушенные противником (нами), стали. Между Красной Армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни подвезти пополнения, ни произвести эвакуацию, ни организовать санитарную помощь было невозможно...»¹⁸⁰⁷ «Какую же силу представляет собой ныне большевизм? Я не стану излагать своего мнения и ограничусь оценкой, данной Троцким на заседании революционного военного совета Южного фронта. «Отсутствие продовольствия, расстройство транспорта, голод, холод, глухое и открытое недовольство нами масс — все это грозит последствиями, которые до конца напряженная власть не в состоянии будет ликвидировать. Наш противник также совершенно выдохся, и весь вопрос в том, кто из нас в состоянии будет выдержать эту зиму. Мы не в состоянии воевать, они тоже, поэтому во что бы то ни стало надо наступать»¹⁸⁰⁸.

Как же обстояло дело с борьбой за хлеб в самой Белой армии?

Потребности белогвардейцев в продовольствии, в отличие от большевиков, на Севере полностью покрывались за счет поставокиинтервентов. Белая армия Юга России находилась в сельскохозяйственных районах, являвшихся основными источниками товарного хлеба в дореволюционной России. Тем не менее меры, которые использовали белогвардейцы были

основаны на не меньшем насилии и жестокости и отличались от большевистских только своим неорганизованным характером, придававшим «самообеспечению» вид откровенного грабежа. На *Севере* французский дипломат раздраженно писал: «...союзники до настоящего времени не установили здесь право реквизиции. Крестьяне придерживают продукты, отказываясь их продавать в ожидании повышенных цен. Я понимаю, что мы отвергаем большевистские методы, которые, расстреляв нескольких мужиков, в одно мгновение собирали с каждой деревни вереницы нагруженных телег. До этого нам далеко, и мы, забыв, что идет война, позволяем русскому крестьянину, наиболее хитрому и жадному до наживы из крестьян других стран, обманывать себя! И до тех пор, пока мы будем продолжать любезничать с этими стыдливymi большевиками или эсерами, мы будем вынуждены терпеть подобные вещи!»¹⁸⁰⁹ Всего через полгода после прихода белых на *Северо-западе*: «Против ставшего всесильным помещика, сего грозным и безапелляционным — «вернуть!», к концу лета 1919 года вновь стоял угрюмый, раздраженный крестьянин. Здесь скапливались все горечи в одну чашу. Помещичьи претензии осложнились требованиями всевозможных военных властей. Деревня систематически эксплуатировалась, не получая взамен ничего или очень мало. Требования эти росли и росли, принимая чем дальше, тем все более чудовищные размеры, пока они, наконец, не приняли характера беззастенчивого обирания деревни оптом и в розницу, натурой и деньгами»¹⁸¹⁰. «К концу лета 1919 г. деревня в своей массе определенно настроилась против белых. Формула «белые не лучше красных» стала избитым местом всех деревенских разговоров»¹⁸¹¹.

На Юге. «Специальные отряды (деникинских войск) не жалели шомполов и виселиц для непокорных. Тех, кто не давал продовольствия, расстреливали на месте. Еще сильнее приток в отряды повстанцев увеличился после того, как каратели, не добившись от крестьян добровольной сдачи оружия, стали сжигать целые деревни»¹⁸¹². В тылу Добровольческой армии, по воспоминаниям Раковского, «обыски и аресты, в особенности среди... рабочих, принимали характер какой-то вакханалии. Аресты производились чаще всего под предлогом сочувствия большевикам, причем это сочувствие выражалось, например, в том, что рабочие жаловались на дороговизну, на невозможные условия существования. Профессиональные союзы ожесточенно преследовались... Озлобленно преследовались и кооперативы, которые являлись могущественными конкурентами крымским хищникам-спекулянтам, в числе которых были и лица, занимавшие высокие административные посты, вплоть до министерских. Крымские кооперативы в конце концов подверглись жесточайшему разгрому под тем предлогом, что у них существует, мол, связь с советскими кооперативными организациями»¹⁸¹³.

Деникин вспоминал: «Окружная администрация Черноморской губернии оказалась в некоторых местах корыстной и преступной; войска злоупотребляли не раз реквизициями; контрразведка вносила своими действиями элемент произвола; карательные экспедиции были суровы. Все это правда. Но, с другой стороны, в Черноморье более, чем где-либо, по

386

бытовым и историческим условиям власть встречала противодействие населения во всех законных и естественных требованиях. Кары и репрессии вызывались тяжелой необходимостью — тем обстоятельством, что население знало хорошо свои права, но решительно уклонялось от всяких тягот и повинностей государственных»¹⁸¹⁴. Врангель рисовал «...удручающую картину наследия, полученного им от генерала Май-Маевского: систему «самоснабжения», обратившую «войну в средство наживы, а довольствие местными средствами — в

грабеж и спекуляцию...»¹⁸¹⁵

В Сибири. «...Я был и есть сторонник передачи всей земли крестьянам и всем тем, кто хочет обрабатывать ее своими усилиями...» — заявлял Колчак 16 февраля 1919 года¹⁸¹⁶. «Но местные крестьяне уже пользовались помещичьими угодьями и считали землю своей, пытались даже доказать явившимся «законным владельцам», что земля принадлежит им «по приказу адмирала» и что об этом написано «крупным шрифтом» во всех уфимских и омских газетах. Но этот спор решался на месте — и, конечно, не в пользу крестьян, и не так, как было написано в грамотах и декларациях Колчака. Крестьян начали арестовывать, судить, пытать и расстреливать каждого пятого. Итак было везде, где интересы «законных владельцев» сталкивались с интересами крестьян. Так осуществлялась на практике «передача всей земли крестьянскому населению»¹⁸¹⁷. В результате: «Все деревни от Нижнего Кучука до Волчихи... настроены по-большевистски, — говорилось в одном из документов того времени, — всячески препятствуют нашим отрядам, не дают подвод, хлеба, питания, сбивают ложными сведениями... В селе Вознесенском в бою участвовали жители: стреляли из домов и огородов, выдавали красным всех скрывавшихся при отступлении Славгородского отряда наших солдат, били их лопатами, граблями, отказывались давать подводы даже для раненых»... По образному выражению одного из свидетелей новой «демократии», «Сибирь была превращена в необъятное смрадное кладбище, где бродили полуживые люди-тени»¹⁸¹⁸.

Профессор Калифорнийского университета Ларс Ли, сравнивавший в конце XX века продовольственную политику царского, Временного и советского правительств, приходил к выводу, что **«только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть»**¹⁸¹⁹. Крестьяне, испытав на своей шкуре власть «временных», «белых», «зеленых» и «красных» остановили свой выбор на последних.

Наглядно положение с обеспечением армии и городов продовольствием демонстрирует график поступления товарного хлеба на внутренний рынок. Уже в конце 1916 г. города и армия находились на грани голода. Революционные события 1917 г. привели к резкому сокращению поставок товарного хлеба. В 1918 г. ситуация осложнилась тем, что основные зернопроизводящие губернии находились в зоне белогвардейцев и интервентов, а потребляющие, промышленные в — большевистской. Советская Россия оказалась по сути отрезанной от традиционной зерновой базы Российской империи. Рост количества товарного хлеба

387

с 1917 по 1920 гг. объясняется предпринятыми репрессивными мерами и освобождением территорий, занятых белыми армиями, что сопровождалось соответствующим приростом населения. Как следствие, среднедушевое потребление хлебов зачастую не только не увеличивалось, а наоборот сокращалось.

*Экспорт и внутренний товарный хлеб до Первой мировой войны, продрозверстка, продрналог 1921 г. и хлебозаготовки 1925 г. хлебов в млн. пудов*¹⁸²⁰

Совокупный товарный хлеб (пшеница, рожь, ячмень, овес) в последние годы перед Первой мировой войной составлял 20-25% общего сбора хлебов, в том числе экспорт 11-19%.

С. Кара-Мурза справедливо указывает, что «ни одно правительство не вводит чрезвычайные меры без крайней необходимости, ибо они дороги и вызывают недовольство большей или меньшей части населения. Идя на чрезвычайные меры, правительство тратит свой политический «капитал». Поэтому вопрос стоит так: что вызовет большие по масштабу страдания — применение чрезвычайных мер или отказ от них?»¹⁸²¹ С. Кара-Мурза приводит пример из французской революции, который давал историк А. Матъез в книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» — скрупулезное описание французской «продразверстки». Вот главные ее уроки. Чрезвычайные продовольственные меры во Франции были введены сторонниками экономического либерализма, принципиальными противниками любого государственного регулирования рынка. Значит, дело не в доктринах и не в теориях. Меры были исключительно жесткими. Первым законом предписывалось реквизировать у земледельца лишь излишек урожая. Крестьянину оставляли «семейный запас» (достаточный для пропитания семьи в течение года) и семена для посева. Позднее Конвент спе-

циальным декретом отменил семейный запас, и Продовольственная комиссия «превратила все продовольственные запасы республики в общую собственность». Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие. Единой для всей страны нормы оставляемого жителям хлеба установлено не было, но она везде была очень мала. Например, в округе Шомон она составляла 1 пуд, то есть 16 кг на жителя, излишек он должен был сдать на военный склад в течение 5 дней. Реквизиции проводились национальной гвардией и часто сопровождались боями. Были введены хлебные карточки и смертная казнь за спекуляцию. По словам А. Матъеза, результат был таков: «правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода»¹⁸²².

В своей борьбе за хлеб большевики далеко ушли даже за грань «пролетарской диктатуры», эта политика получила название «военного коммунизма». В. Ленин писал: «Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих...»¹⁸²³ Л. Троцкий указывал, что в тот период «хозяйственные задачи советского правительства сводились... главным образом к тому, чтоб поддержать военную промышленность и использовать оставшиеся от прошлого скудные запасы для войны и спасения от гибели городского населения. Военный коммунизм был, по существу своему, системой регламентации потребления в осажденной крепости»¹⁸²⁴.

«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»

У Черчилль, оправдывая политику тайных договоров Антанты перед США, философствовал: «Каждый человек имеет право стоять на берегу и спокойно смотреть на утопающего; но если в течение этих долгих и мучительных минут зритель не потрудились даже бросить веревку человеку, борющемуся с потоком, то приходится извинить пловца, если он грубо и неуклюже хватается то за один, то за другой камень»¹⁸²⁵.

Даже если следовать моральным принципам У. Черчилля в случае с Россией, не «каждый человек», а «союзники» не просто «спокойно смотрели на утопающего», а стоя на берегу, под улюлюканье толпы забрасывали его камнями. Виновен ли в данном случае пловец, что ему пришлось пойти на жертвы ради своего выживания?

Ллойд Джордж 10 ноября 1914 г. призывал: «Эта величайшая война требует чудовищных усилий и огромных жертв — жертв достоинством и богатством, всем тем, что подразумевается за этими словами. Нельзя участвовать в войне, подобной нынешней, без огромного напряжения

389

всех источников ресурсов нашей страны, а война эта обойдется дороже всех прежних войн»¹⁸²⁶. Действительно, с началом Первой мировой войны все страны в той или иной степени были вынуждены уйти от рыночных методов хозяйствования к мобилизационной экономике.

Говоря о целях мобилизационной политики, Ллойд Джордж заявлял: «Настоящая война — война материальной части. Мы воюем с наилучшим образом организованным государством в мире, наилучшим образом организованным как для войны, так и в мирное время... Все решительно, что только может помочь нам справиться с нашими затруднениями и покрыть наши нехватки, все это должно быть мобилизовано так, чтобы можно было наладить производство в кратчайшие сроки наилучших военных материалов в максимальном количестве. Это принесет победу»¹⁸²⁷.

Методы мобилизационной политики были очерчены в британском «Законе о безопасности государства». Представление о его сущности дают разъяснения Ллойд Джорджа: «Он (закон о безопасности) дает нам полнейшую власть над всеми заводами и фабриками страны. Он позволяет нам требовать выполнения в первую очередь правительственных заказов, то есть заказов самого государства. Правительственные заказы не должны замедляться из-за выполнения заказов частных, как бы важны они ни были. Государственные заказы должны иметь преимущество, ибо иначе не останется страны, для нужд которой вообще стоило бы работать. Мы можем неограниченно распоряжаться всеми заводами как таковыми, можем распоряжаться всеми машинами и станками на них... Почему потребовали мы такие полномочия? Потому, что обладание этими полномочиями сберегает время, которое иначе по необходимости затрачивалось бы на убеждение. Это ограждает нас от любых задержек, которые могли бы иметь место, если бы вам пришлось столкнуться с упрямством, непонятливостью или эгоизмом со стороны того или другого лица, с кем вам надлежит иметь дело»¹⁸²⁸.

У. Черчилль дополнял: «В наших руках находились почти все рудники и заводы Британии. Мы контролировали все главные отрасли британской промышленности и фактически управляли ими. Мы регулировали снабжение сырьем. Мы организовывали распределение всех производимых ими готовых изделий. Под нашим непосредственным началом находилось почти пять миллионов человек, и наша деятельность тесно переплеталась со всеми областями экономической жизни страны»¹⁸²⁹. Говоря о мобилизации рабочих, Ллойд Джордж указывал: «Мы не можем затрачивать десять месяцев на вербовку великой промышленной армии»¹⁸³⁰.

«Законом о защите королевства» вводился государственный контроль за

транспортом, заводами, допускалась конфискация любых вещей, строго запрещались стачки, вводился принудительный арбитраж по трудовым конфликтам. В 1915 г. был принят «Закон об обороне Индии», вводивший строжайшую цензуру и учреждавший специальные трибуналы, приговоры которых не подлежали обжалованию. Была введена обязательная воинская повинность, установлен жесткий контроль за уровнем заработной платы и прибылями предпринимателей. «Проводилась кампания

390

за всеобщую экономию — газеты поучали, как из старой шляпы сделать новую, перелицевать одежду и починить обувь. Призывали воздерживаться от роскоши — дескать, стоимость бутылки шампанского равна 5 винтовочным обоймам, а дорогого платья — 4 снарядам»¹⁸³¹.

И такую мобилизационную политику проводила Англия, еще толком не вступившая в войну. Ллойд Джордж 28 февраля 1915 г. говорил по этому поводу: «Никто посетивший наши берега, не заметит, что мы участвуем в том же конфликте и что на изрытых полях европейского материка... решается ныне на целые поколения вперед не только участь Британской империи, но и судьба всего рода человеческого. Мы ведем войну так, как будто войны совсем нет»¹⁸³².

В США в 1917 г. был принят Акт о шпионаже, направленный против создания помех производству или перевозке военных товаров. Закон о продовольственном контроле давал право национализировать предприятия, контролировались выпуск топлива и цены на него. Для разрешения трудовых споров была создана Военная трудовая коллегия. Военно-промышленная коллегия устанавливала приоритеты производства продукции и цены на нее. Всего в США было создано более 5 000 мобилизационных институтов — коллегий, комитетов, корпораций и администраций. Современники называли эту политику американского правительства «военным социализмом». Закон о подстрекательстве устанавливал уголовную ответственность за критику мобилизационной политики правительства. (По этому закону, например, был арестован писатель А. Синклер за чтение на митинге Билля о правах. Многие иностранцы были насильственно депортированы.) Такую жесткую мобилизационную политику проводила самая богатая страна мира, не знавшая реальной войны.

Экономическая теория мобилизационной политики была обоснована Кейнсом в работе «How to Pay for the War», изданной в 1939 г.¹⁸³³: «...В ходе войны, такой, как идет сейчас, количество товаров, доступных для потребления, должно быть уменьшено... Следовательно, увеличение количества денег в карманах потребителей столкнется с не увеличившимся количеством товаров. Если мы не установим жестких рамок, ограничивающих количество продаваемого и устанавливающих максимальные цены на все предметы потребления, чтобы ничего не оставалось непроданным..., остаются две альтернативы. Либо будут найдены меры для изъятия покупательной способности с рынка, либо цены будут расти, пока стоимость доступных для покупки товаров не поглотит возросшие расходы — другими словами, это метод инфляции». «Поэтому, общий смысл нашего решения должен состоять в пропорциональном полученному доходу изъятии из потребления. Это единственный путь, помимо дефицита товаров и повышения цен, для обеспечения баланса между количеством денег и товаров. Принудительные сбережения могут эффективно послужить этой цели, если они будут существенными...» Кроме этого, схема, предложенная Кейнсом, предполагала «...обеспечить

391

отложенное потребление за счет послевоенных сборов с капитала... — защитить от каких бы то ни было ограничений тех, чей уровень жизни ненамного

отличается от прожиточного минимума. Это достигается при помощи установления необлагаемого минимума, резко прогрессивной шкалы и системы семейных норм довольствия».

По сути Кейнс предлагает мягкий мобилизационный план, для страны, не ведущей тотальной войны на своей территории, только в этих условиях можно находиться в тех рамках, которые он описывал. Кейнс сам говорил об этом: «Необходимо отметить, что высказанные здесь предложения чрезвычайно мягкие... по сравнению с мерами, принятыми в двух воюющих странах — одной вражеской и другой союзной». И тут же он приводит пример Германии, ведущей тотальную войну и вынужденную мобилизовать практически все свои ресурсы: «...я полагаю, — писал Кейнс, — что если бы мы хотели бы ввести в нашей стране столь же радикальный контроль общего потребления, такой, как действует в Германии, мы бы смогли увеличить военные расходы на 50% и, может быть, даже гораздо больше».

Говоря о Франции, Кейнс замечал: «Я полагаю, что британское общественное мнение практически не в курсе того, насколько далеко зашел контроль (во Франции)... Рядом декретов... был установлен полный государственный контроль над заработной платой и условиями труда — более жесткий в военных отраслях и более мягкий в остальных... работодателям запрещено выплачивать заработную плату сверх оговоренного уровня... работники не могут увольняться с нынешнего места работы без разрешения, но могут быть перемещены по желанию властей на другое место работы... Кроме того, создан Фонд национальной солидарности, из которого финансируются все связанные с войной расходы в гражданской сфере... В фонд направляются налоги на сверхприбыль и сборы с заработной платы... Кроме этого, приняты жесткие меры для сдерживания стоимости жизни на довоенном уровне...»¹⁸³⁴ Тем не менее меры, предпринятые Францией, оказались недостаточными, она даже с поддержкой Англии продержалась во Второй мировой войне всего несколько месяцев. Россия продержалась в непрерывной тотальной войне почти 7 лет: 1914—1921 гг. Для своего выживания она была вынуждена применить такие мобилизационные меры, которых не знала даже Германия.

После публикации серии статей «How to Pay for the War» Дж. Кейнса обвинили в пропаганде социалистических идей. Действительно, модель Кейнса была пропагандой социализма — «военного социализма» — мобилизационной политики, классический образец которой давала Германия во время мировых войн. Впрочем, подобные методы применялись еще во времена французской революции 1790-х годов — ограничение цен на продовольствие и установление «максимума» заработной платы. Аналогичные меры мобилизационной политики «военного социализма» в той или иной мере использовали практически все страны Европы, участвовавшие, как в Первой, так и Второй мировой войне.

392

В России попытки милитаризовать промышленность предпринимались неоднократно но, на деле, оставались лишь разговорами. Так, летом 1915 г. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов решило «ходатайствовать... о милитаризации рабочих»¹⁸³⁵. 9 июля оно принимает решение добиваться «всеобщей милитаризации» работающих на войну предприятий через государственные учреждения. По настоянию П. Рябушинского, аналогичные требования месяц спустя выдвигаются Московским областным военно-промышленным комитетом¹⁸³⁶.

На причину провала мобилизационной политики царского правительства указывал ответ премьера Штюрмера заместителю министра военного снабжения Франции А.Тома. Последний в мае 1916 г. говорил: «Ваши заводы работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше.

Необходимо милитаризовать рабочих» — «Милитаризовать наших рабочих! — воскликнул Штюмер. — Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас»¹⁸³⁷. В. Шамбаров по этому поводу замечает: «Да, действовали вот такие цепочки парадоксов — либералы не давали навести порядок в тылу и сами же обрушивались за беспорядок на царя и правительство. А иностранцы, прекрасно сознающие необходимость наведения порядка, поддерживали и поощряли не правительство, а Думу»¹⁸³⁸. Английский посол Бьюкенен, тем временем, убеждал Николая II, «...я заметил, что Россия не исчерпала своих огромных запасов человеческой силы, и что хотя она крайне нуждается в некоторых металлах, но ее минеральные богатства не эксплуатируются надлежащим образом. Не предполагал ли как-нибудь его величество, спросил я, *последовать примеру Германии* и установить какую-либо форму обязательной для всех вспомогательной службы?»¹⁸³⁹

После революции американский представитель Джадсон призывал Временное правительство навести порядок силой: «Когда в армии нет дисциплины, правительство нигде не может применить силу — ни на железных дорогах, ни на фабриках, ни на шахтах»¹⁸⁴⁰. Претендент на роль «военного диктатора» генерал Корнилов высказал тогда свой взгляд на милитаризацию экономики: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой; армию в тылу — в мастерских и на заводах, изготовляющую для армии фронта все ей необходимое; и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту»... «Для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта»¹⁸⁴¹.

Идею «прямого огосударствления предприятий» после февральской революции приветствовали большинство левых партий и экономистов, а также государственных деятелей. Однако реально почти ничего не было сделано. «Главной ошибкой в тыловой работе России являлось, — отмечал подполковник Ребуль в статье «Промышленная мобилизация России во время войны», — отсутствие единого руководства и общего плана работы. В Петрограде не было создано того единого

393

центра, который мог бы составить объединенную в одно целое программу; только такая программа может урегулировать работу каждой технической службы, каждого производственного центра в зависимости от степени потребности Армии и наличия сырья и полуфабрикатов. Иначе неизбежен полный разбой в производстве»¹⁸⁴². Н. Головин констатировал: «Нужно признать, что по существу дела подполковник Ребуль прав»¹⁸⁴³. Временное правительство попыталось осуществить урезанную мобилизационную политику, но «готовившиеся Временным правительством решения о введении всеобщей трудовой повинности выполнять было некому — разрушались не только хозяйственные механизмы, но и государственные структуры в целом».

Шульгин будет оправдываться: «В конце концов, что мы смогли сделать? Трехсотлетняя власть вдруг обвалилась, и в ту же минуту тридцатитысячная толпа обрушилась на голову тех нескольких человек, которые могли бы что-нибудь скомбинировать. Представьте себе, что человека опускают в густую, густую, липкую мешанину. Она обессиливает каждое его движение, не дает возможности даже плыть, она слишком для этого вязкая... Приблизительно в таком мы были положении, и потому все наши усилия были бесполезны — это были движения человека, погибающего в трясине... По этой трясине, прыгая с кочки на кочку, мог более или менее двигаться — только Керенский...»¹⁸⁴⁴ Пример из «жизни» Временного правительства приводил министр продовольствия А. Наумов: «Члены Особого Совещания ездили осматривать

городские холодильники за Балтийским вокзалом. Холодильники в полном порядке. Мясо в них не портилось, но зато кругом были навалены горы гниющих туш. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки в армию. Его, видите ли, негде было хранить. Когда поставщики обращались за разрешением построить новые холодильники, им не давали ни средств, ни разрешения. По обыкновению, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было так же нелепо, как и многое другое: точно сговорились все делать во вред России... Тысячи пудов мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и с доставкой мяса из Сибири: от недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысяч пудов. Виновников, конечно, не нашлось, так как один сваливал на другого, а все вместе на общую бесхозяйственность»¹⁸⁴⁵. И это в 1917 г., когда города, и тот же Петроград, уже голодали.

Ситуацию, в которой находилась Россия к середине 1917 г., с военной четкостью характеризовал генерал Деникин: «Ввоз военного материала через Архангельск, Мурманск и в незначительной степени через Владивосток несколько оживился; но, в силу трудных естественных условий морских путей и малой провозоспособности Сибирской магистрали и мурманской дороги, он не получил надлежащего развития, достигая всего 16% общей военной потребности. Для военного управления было, однако, очевидным, что мы живем лишь старыми запасами, соз-

394

данными патриотическим подъемом и напряжением страны в 1916 году. Ибо уже к августу 1917 года важнейшие производства военных материалов снизились: орудийное — на 60%, снарядное — на 60%, авиационное — на 80%. Впрочем, возможность продления войны при худших материальных условиях с наибольшей очевидностью доказало впоследствии советское правительство, питающее войну в течение более трех лет в большой мере запасами, оставшимися от 1917 года, частью же — обломками русской промышленности; но, конечно, путем такого чудовищного сжатия потребительского рынка, которое возвращает нас к первобытным формам человеческого бытия»¹⁸⁴⁶.

На следующий день после Октябрьской революции Моррис очертил большевистскую программу госсекретарю: прекращение войны, передача земли крестьянам, разрешение экономического кризиса в стране¹⁸⁴⁷. Но началась интервенция и гражданская война, и чрезмерная мобилизационная нагрузка, приведшая к краху русской монархии, февральской и октябрьской революциям, выросла еще в разы, окончательно разорив страну и бросив ее за грань выживания. В. Ленин писал в то время: «...англо-французская группа хищников бросается на нас и говорит: мы вас втянем снова в войну. Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции»¹⁸⁴⁸.

Л. Троцкий отмечал: «Бывает, что разоряется отдельный хозяин: град, пожар, пьянство, болезнь и пр. А бывает, что разоряется целая страна. Война хуже града, пожара, болезни и пьянства, ибо все в ней соединено и многократно увеличено. И притом война длилась несколько лет подряд... — вот теперь Россия вконец разорена. Железные дороги разбиты войной вконец. Несколько лет подряд заводы выделяли не паровозы, вагоны и рельсы, а пушки, пулеметы, бронированные поезда. Топливо жгли нещадно, а нового в достаточном количестве не заготавливали. И так во всем хозяйстве. Война требовала расхода во много раз больше, чем в мирное время, а производство против мирного времени уменьшилось во много раз. Отсюда все большее и большее оскудение страны»¹⁸⁴⁹.

Об этом же докладывал Британский Комитет лорда Эммота: «Летом 1918 г. вспышка гражданской войны, сопровождаемая иностранной интервенцией, вынудила советское правительство перенаправить все свои силы и все остатки промышленного потенциала России на военные цели. При таких обстоятельствах резкий упадок всех отраслей индустрии, не ориентированных на войну, стал окончательным... С лета 1918 г. все силы и руководящая деятельность большевистских лидеров были сосредоточены на успешной кампании против Юденича, Деникина и Колчака, в то время как нуждами гражданского населения вынужденно пренебрегали ради нужд армии»¹⁸³⁰. Радикальность складывающейся ситуации требовала радикальности принимаемых мобилизационных мер, которые были реализованы в политике «военного коммунизма».

395

Теоретическое обоснование «военного коммунизма» дал Ленин: «Пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего»¹⁸⁵¹. «Германский империализм, представляющий в настоящее время наибольший прогресс не только в военной мощи военной техники, но и крупной промышленной организации в рамках капитализма, ознаменовал, между прочим, свою экономическую прогрессивность тем, что раньше других государств осуществил переход к трудовой повинности»¹⁸⁵². С Лениным по сути был солидарен помощник американского президента Э. Хауз, который так же отмечал, что во время войны преимущества получила «прекрасная германская организация, при системе автократии, резко отличающаяся от скверной организации, присущей демократической системе»¹⁸⁵³.

Ленин указывал: необходимо перенять опыт Германии, придав ему при этом другое классовое содержание¹⁸⁵⁴; «что такое государство? Это организация господствующего класса, — например, в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют "военным социализмом", на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов. Что такое трудовая всеобщая повинность? Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом. В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих... Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, это еще не социализм, но это уже не капитализм. Это — громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму»¹⁸⁵⁵. На Чрезвычайном VII съезде РКП(б) Ленин говорил: «Учитесь дисциплине у немцев, если мы, как народ, не обречены жить в вечном рабстве... У нас будет лишь один лозунг. Учитесь в необходимой степени искусству войны и приведите в порядок железные дороги. Мы должны организовать порядок»¹⁸⁵⁶.

Л. Троцкий по этому поводу писал, что «военный коммунизм» составлял героическую параллель «военному социализму» капиталистических стран¹⁸⁵⁷. Ф. Риас в книге «Мое путешествие в Советскую Россию» утверждал, что на всю ее «экономико-административную структуру повлиял пример Германии периода войны с ее сырьевой диктатурой, продовольственными карточками и госкапитализмом»⁸⁵⁸. Германский представитель Г. Штреземан в начале 1918 г., выступая сторонником советско-германского союза, заявлял, что русский

большевизм — просто *плохая копия германской экономики военного времени*¹⁸⁵⁹.

Л. Юровский

396

в 1928 г. объяснял отличия «военного коммунизма» от «немецкого военного социализма» слабостью российского капитализма, традициями абсолютной власти и местной «общинности»¹⁸⁶⁰. Но с другой стороны, Германия никогда в своей истории не выносила мобилизационную нагрузку такой величины, как Россия в 1919 г., Германия капитулировала раньше. Это позволяло ей сохранять первоосновы капиталистических отношений, которые в России были почти полностью разрушены в 1917 г.

Большевики были далеко не первыми в использовании германского образца на русской почве. Еще Герцен писал: «Россия отреклась от всего человеческого, от покоя и воли, она шла в немецкую кабалу только для того, чтобы выйти из душного и тесного...»¹⁸⁶¹. В. Шубарт отмечал, что «с Петра I *начинается реакционное западничество*, ориентированное на германские народы. Петр, по словам Герцена, был первый "русский немец", а пруссаки для него — образец... Английские свободы кажутся ему неуместными». При Александре I «появились военные поселения Аракчеева — творения в духе немецкого рыцарского ордена: полумонастыри-полуказармы коллективистского толка, без частной собственности. И при Николае I оставался в силе лозунг, что Россия должна быть хорошей Пруссией, идеализированной Пруссией...»¹⁸⁶². Эти параллели были далеко не случайны, они отражали сходный континентальный характер держав, которым для обеспечения своего выживания требовалась сильная государственная власть.

Принципы «военного коммунизма» включали в себя распределение продовольственных и промышленных товаров по карточкам — по фиксированным низким ценам или бесплатно (в конце 1920 — начале 1921 года даже отменялась плата за жилье, электроэнергию, топливо, за пользование телеграфом, телефоном, почтой, медикаментами и т.д.). Вводится всеобщая трудовая повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) военное положение, так что все работники считаются мобилизованными. Все трудоспособные и неработающие от 16 до 55 лет обязаны были встать на учет в отделах распределения рабочей силы и были обязаны работать там, где им прикажут. Эта обязанность провозглашалась в январе 1918 г. «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а позже была включена и в Конституцию РСФСР 1918 г. К концу 1918 г. стало обычным делом объявлять о призыве рабочих и специалистов различных отраслей на государственную службу, как это делалось с набором в Красную Армию. С этого момента они попадали под юрисдикцию военного трибунала.

Для управления промышленностью было создано более 50 отраслевых главков, получивших фактически абсолютные полномочия. На предприятиях была введена военная дисциплина и единоначалие, не допускалось никакой хозяйственной самостоятельности, а все решения принимались директорами только после согласования с главками. На предприятиях применялась уравнительная система оплаты труда:

397

если в 1917 году заработная плата у высококвалифицированного рабочего была в 2,3 раза выше, чем у чернорабочего, то в 1918 — в 1,3 раза, а к 1920 году — всего в 1,04 раза. В годы «военного коммунизма» был введен запрет на забастовки рабочих. Свободные профсоюзы превратились по существу в государственные организации.

Но как заставить людей работать в этих условиях? Ответ дал В. Ленин: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является

в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламычала активное сопротивление. Нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое-либо сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. И мы имеем средство для этого ... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность». «От трудовой повинности в применении к богатым власть должна перейти, а вернее одновременно должна поставить на очередь применение соответствующих принципов (хлебная карточка, трудовая повинность и принуждение) к большинству трудящихся рабочих и крестьян ... Следует добиваться подчинения, и притом беспрекословного, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями...»

Это выражение Ленина стало поводом для различных спекуляций. Так, А. Грациози пишет: «Суть ленинского плана заключалась в обеспечении любой ценой «хлебной монополии», так как без нее невозможно было превратить в рабов двухсотмиллионное население огромной страны»¹⁸⁶³. О спекулятивном характере подобных заявлений говорит хотя бы тот факт, что «хлебную монополию» — карточное распределение продуктов и «всеобщую трудовую повинность» вводили во время Первой и Второй мировой войн все страны, активно участвовавшие в них, даже самые «демократические», в том числе Англия и Франция. Большевики придавали мобилизационной политике некое идеологическое содержание, что неизбежно во время революции и гражданской войны, когда происходит изменение общественных ценностей. Но сущность их экономической политики — «милитаризация промышленности» — от этого не менялась.

Тезисы Л. Троцкого о переходе ко всеобщей трудовой повинности, о мобилизации индустриального пролетариата и милитаризации труда, трудовых армий появились в декабре 1919 г. Троцкий утверждал: «Хозяйственное положение страны требует перехода к всеобщей трудовой повинности и к широкой мобилизации рабочей силы, главным образом крестьянской рабочей силы»¹⁸⁶⁴. «...Нужно честно и открыто констатировать пред всей страной, что наше хозяйственное положение в сто раз хуже, чем

398

было военное положение в худшие моменты... Стало быть, необходимы принудительные меры, необходимо установить военное положение в известных строго определенных ударных областях, нужно провести там учет, мобилизацию, применить там трудовую повинность в широких размерах»¹⁸⁶⁵. «Как мы поступили для создания Красной Армии? Она была вначале партизанскими отрядами или сборищами сырых рабочих сил, а мы милитаризовали рабочих, мы собирали рабочих на собрания и говорили им: «Мы стоим перед опасностью, угрожающей гибелью. От вас, передовые рабочие, зависит внести в эти массы сознание готовности умереть или победить». Эти передовые рабочие, милитаризовавшие самих себя, милитаризовали крестьян и повели их в бой»¹⁸⁶⁶. IX съезд партии в апреле 1920 г. окончательно утвердил принципы «военного коммунизма», как новой основы хозяйственного строительства.

Троцкий развернуто обосновывал свои тезисы: «Самым опасным фронтом теперь является наш хозяйственный фронт. Здесь опасность повсюду — и в виде голода, и в виде холода, и в виде эпидемий и т.д. Эта опасность больше

деникинской. Она требует напряжения всех сил страны. Главной задачей прежде всего является организация продовольственного фонда, который мы в ближайшие месяцы должны создать. Главным рычагом здесь является опять-таки рабочая сила. А затем — транспорт. Вопрос транспорта — это вопрос жизни и смерти Республики. Во многих областях, где должны были бы работать машины, мы будем вынуждены применить живую силу. Мы должны собрать сырье, продовольствие, топливо, подвезти все это к станциям, городам по железным дорогам, гужом, а где нужно и на спине...

Вопрос о рабочей силе. Здесь положение наше хуже, чем в отношении технического машинного оборудования нашей промышленности. Революция и гражданская война явились величайшими расхитительницами живой квалифицированной рабочей силы. Прежде всего потому, что революция опирается на верхи, на наиболее интеллигентные слои рабочего класса, на наиболее квалифицированных рабочих. Строительство советского аппарата шло за счет этого слоя. Военное строительство шло также за счет лучших элементов рабочего класса. Часть рабочих ушла в деревню. Тов. Рубинштейн, обследовавший Коломенский завод, указывает, что значительная часть квалифицированных рабочих ушла в спекуляцию. Тот же инженер Кили утверждает, что, по его наблюдениям, на нескольких металлургических заводах действительный и фактический прогул составляет 50%, тратится же энергии рабочего на разыскание себе личными индивидуальными усилиями пищи — психической и физической энергии — около 80%...

Мы брали работников из производств, из управлений и посылали их в полки и роты, — там они погибали и учили других погибать и тем спасали положение. Необходимо не меньше энергии, самоотвержения и энтузиазма, чтобы преодолеть голод и продовольственную разруху, и важнейшим фактором, который будет иметь не меньшее значение, явится принудительное общественное питание, организованное при

399

больших заводах. Мы будем устраивать столовые при заводе, упраздня колоссальное расхищение энергии. Иначе мы продовольственного вопроса не разрешим, ибо нельзя ссылаться на то, что Наркомпрод не дает продовольствия, а Наркомпроду не дает Наркомпуть, а Наркомпути — Сормовские и др. заводы. Тут круговая порука. Стало быть, основной наш лозунг для ближайшего периода, это: пролетарий назад, к станку, из армии, из советских учреждений, из правлений Гомзы, из деревень, из рядов спекулянтов!.. С вопросом организации рабочей силы связан вопрос о демобилизации военного аппарата. Систему демобилизации и методы нужно вырабатывать не тогда, когда армия завершает свое дело, а когда она в полном развитии и достигла максимума своей численности»¹⁸⁶⁷.

Наглядный урок «военного коммунизма» давал пример железнодорожного транспорта, который, по словам Людендорфа, являлся основной «поддержания экономической жизни в стране»¹⁸⁶⁸. О состоянии ж-д транспорта в России к середине 1915 г. свидетельствуют выводы, к которым приходил М. Лемке: ««Властные» распоряжения делаются уже невозможными: весь транспорт пришел в неподдающееся человеческим усилиям расстройство... Это начало конца»¹⁸⁶⁹. В «1916 году паровозный парк уменьшился на 16%, а парк товарных вагонов — на 14%. Бессистемно использовавшиеся дороги не справлялись с перевозками, в то время как протяженность путей возросла. За войну было построено 3,3 тысячи километров новых железнодорожных линий и 2,8 тысячи находились в постройке. Для обслуживания непосредственно фронтов было сооружено 2,2 тысячи километров полевых железных дорог облегченного типа, и еще 600 километров строилось. Не доставлялись в срок не только военные грузы, но и продовольствие»¹⁸⁷⁰. Помощник главного интенданта генерал Богатко

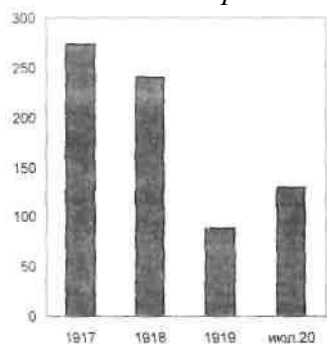
констатировал: «Вследствие нарушения правильного транспорта нельзя было подать топливо, сырье, вывезти заготовленные предметы снабжения и т.д. Все это вызывало недостаток предметов первой необходимости в стране, дороговизну... Вследствие этого нельзя было перебросить находившиеся в изобилии в Сибири запасы мяса, зерна и т.д. Богатые источники средств России не были исчерпаны до конца войны, но использовать их мы не умели»¹⁸⁷¹.

В эти условиях, как пишет Деникин, «министр путей сообщения (Временного правительства) Некрасов решил ввести «на место старых лозунгов принуждения и страха (?) новые начала демократической организации» путем насаждения во всех отраслях железнодорожного дела выборных советов и комитетов...»¹⁸⁷² О последствиях этого решения 17 июля 1917 г. докладывал начальник штаба Военных сообщений ГУ Генерального Штаба: «Положение на железных дорогах признается отчаянным и ухудшающимся с каждым днем. Распад дисциплины так же, как и в Армии растет. Производительность рабочей силы резко упала... Многие из находящихся в работе паровозов работают уже через силу, и если не будут приняты меры к поднятию продуктивности работы (ремонта паровозов), положение грозит к зиме катастрофой»¹⁸⁷³. Ленин

400

писал по этому поводу в конце сентября 1917 года: «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба»¹⁸⁷⁴. Ленину вторил Деникин: «Разрушался и транспорт. Еще в мае 1917 года на очередном съезде железнодорожных представителей в Ставке я услышал мотивированный доклад г. Шуберского, подтвержденный многими специалистами, что наш транспорт если не изменятся общие условия, через полгода станет...»¹⁸⁷⁵ В 1919 г. положение на транспорте было хуже, чем в мае 1917, почти в 5 раз, но железные дороги продолжали работать.

*Количество исправных паровозов на каждую тысячу верст ж/д*¹⁸⁷⁶

Но благодаря чему транспорт не встал? — «В 1919 году в «Правде» был опубликован приказ советского комиссара путей сообщения Красина, похоронивший окончательно некрасовские упражнения в области самоуправления: «Существующая система железнодорожного управления... привела транспорт к полному развалу... Всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения... На место коллегиального, в действительности — безответственного управления, вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности. Все от стрелочника до члена коллегии должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить и всюду, где только можно, восстановить старые должности и старый технический персонал в центральном управлении и на линиях»¹⁸⁷⁷. На другую меру Троцкий указывал Ленину 1.02.1920.: «Хлебный рацион должен быть снижен для тех, кто не работает в секторе транспорта, решающем на сегодняшний день, и увеличен для тех, кто в

нем работает. Пусть, если это необходимо, погибнут тысячи людей, но страна должна быть спасена»¹⁸⁷⁸.
401

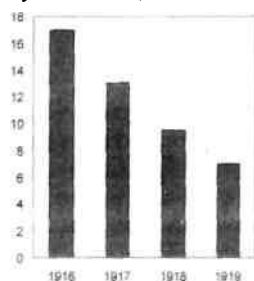
Транспорт был важной, но относительно небольшой частью российской экономики. С началом интервенции Центральная Россия, которую контролировали большевики, оказалась фактически отрезанной от основных поставщиков энергоносителей — угля и нефти Донбасса, Урала и Сибири. Без них вставал тот же транспорт, останавливалась промышленность, в буквальном смысле слова вымерзали города. Центральная Россия — это не Центральная Европа.

*Добыча и производство по регионам в Российской империи в 1913 г. и на территории Центра в 1919 году, млн. пудов*¹⁸⁷⁹

	Всего	Донецк	Урал и Сибирь	Центр
	1913 г.			1919
Уголь	1 800	1500	150	36,9
Чугун	257	189	56	12

Большевики контролировали только 2% добычи угля и 4,5% чугуна. Нефти в 1918 г. из Баку удалось вывезти всего треть годовой потребности (200 млн. пудов), в 1919 г. нефти не было почти совсем. «Таким образом, вся тяжесть снабжения страны топливом ложилась исключительно на дровозаготовки и торф»¹⁸⁸⁰. К январю 1919 доля дров в топливном балансе страны (по сравнению с углем и нефтью) составила 88% (в 1916 — 14%)¹⁸⁸¹. При этом энергопотребление сократилось почти в 2,5 раза.

*Энергопотребление территории Советской России, в переводе на дрова, (в млн. куб. саж.)*¹⁸⁸²

О значении энергоносителей говорил в своей речи в 1915 г. Ллойд Джордж: «Правительство вызывает ныне к углю как к другу — своему другу, другу нации и другу свободы всех стран мира. У нас не хватает угля, чтобы выручить страну из переживаемого величайшего кризиса...»¹⁸⁸³

402

В мирное время уголь является самым важным элементом промышленной жизни страны. Кровь, текущая в жилах промышленности нашей страны, состоит из расплавленного угля. В мирное и военное время уголь — король промышленности. Он входит в каждый предмет потребления... Уголь для нас — все, он нам необходим для победы...»¹⁸⁸³ В Германии во время войны все, что удавалось выжать из шахт, шло на военные заводы, жилые дома не отапливались. Но в России уголь был необходим не только для промышленности, в России в отличие от Англии и Германии, бывает зима и топливо было необходимо для отопления и элементарного выживания городов, для доставки в них продовольствия. Энергетический кризис для России был во много раз более тяжким и благодаря интервенции продолжительным, чем для Англии и Германии.

Жесткие меры «военного коммунизма» вызвали массовые забастовки в тылу и промышленности, которые подавлялись по законам военного времени. В качестве примера можно привести забастовку в Туле в марте 1919 года, когда под стражу было взято несколько сот человек, что привело к многотысячному «маршу за свободу и против голода» рабочих и железнодорожников. 4 апреля Дзержинский распорядился арестовать еще 800 «зачинщиков» и очистить заводы, уже в течение нескольких недель занятых бастующими. Год спустя в Туле опять вспыхнула забастовка, после которой рабочие, принявшие в ней участие, были уволены, «Чтобы получить новые карточки на 250 граммов хлеба и вернуться на предприятия, рабочие должны были подписать прошение о приеме на работу, в котором указывалось, что всякая остановка работы приравнивается к дезертирству, влекущему за собой наказание вплоть до смертной казни. 10 апреля работа возобновилась»¹⁸⁸⁴. Троцкий требовал «массовой расправы с саботажниками»¹⁸⁸⁵. Забастовок, вызванных милитаризацией в 1920 году, было много: в Екатеринбурге в марте было арестовано и приговорено к исправительно-трудовым лагерям 80 рабочих; на Рязано-Уральской железной дороге в апреле было осуждено 100 железнодорожников; на Московско-Курской дороге в мае — 160 железнодорожников; на Брянском металлургическом заводе в июне осуждено 152 рабочих. Можно множить и множить примеры забастовок, сурово подавленных в процессе милитаризации труда¹⁸⁸⁶.

В виде наказания чаще всего применялись аресты. «Эти аресты, проведенные в сгущающейся атмосфере нехватки продовольствия, вызвали волну протестов и забастовок. 10 марта общее собрание рабочих Путиловского завода (10 000 участников) одобрило воззвание, осуждающее большевиков, чье правительство «представляет собой диктатуру Центральной Комитета партии коммунистов и правит с помощью ЧК и революционных трибуналов»¹⁸⁸⁷. «16 марта войска Петроградской ЧК взяли штурмом Путиловский завод. Около 900 рабочих были арестованы... В последующие дни примерно 200 забастовщиков были бессудно расстреляны в Шлиссельбургской крепости... Весна 1919

403

года отмечена жестоко подавленными забастовками во многих рабочих центрах России: в Туле, Сормове, Орле, Твери, Брянске, Иваново-Вознесенске, Астрахани»¹⁸⁸⁸. «Наиболее опасным для большевиков было то обстоятельство, что в эти движения часто оказывались вовлеченными расквартированные в рабочих городах части Красной Армии. В Орле, Брянске, Гомеле, Астрахани взбунтовавшиеся красноармейцы присоединялись к забастовщикам и с криками «Бей жидов! Долой большевистских комиссаров!» овладевали многими городскими кварталами, где предавались безудержному грабежу, пока подоспевшие отряды чекистов и верные режиму войска не отбивали (порой в результате многодневных боев) эти районы»¹⁸⁸⁹.

Наиболее показательным и получившим наибольшую известность стало одно из последних и наиболее крупных восстаний эпохи «военного коммунизма» в Кронштадте. Как и большинство забастовочных центров времен гражданской войны, Кронштадт являлся очагом бунтов и при монархии, и при Временном правительстве. Так, в Кронштадте и Свеаборге восстания вспыхивали в 1905, 1906, 1907 гг. 24 мая 1908 г. Пуришкевич, выступая в Думе заявлял «...В Кронштадте для охраны мирных жителей Кронштадта держатся пехотные части, а Кронштадт полон моряков. Что это значит? Не служит ли это доказательством того, что тот элемент, который должен быть элементом силы и порядка, не представляет собой той дисциплинированной стройной массы, на которую можно положиться на защиту в дни войны, а в мирное время коей можно верить охрану жителей»¹⁸⁹⁰.

Генерал С. Добровольский следующим образом характеризовал ситуацию на

военно-морском флоте до 1917 г.: «Не даром говорят, что мы рабы своих привычек и что последние составляют нашу вторую натуру. Технику, несмотря на нашу отсталость, было легче изменить, чем вкоренившиеся веками традиции, и быт во флоте остался прежний. На судах господствовала феодальная система... Не было принято никаких мер для сближения этих столь разнородных элементов, и вполне понятно, что должно было произойти, когда реальное соотношение сил было нарушено революцией»¹⁸⁹¹. Неслучайно в 1915 и 1917 гг. восстания в Кронштадте вспыхнули с новой силой. После февраля 1917 г. кронштадтский гарнизон был одним из первых, где начались стихийные массовые убийства офицеров, в петроградской прессе слово Кронштадт в то время стало почти синонимом убийствам и анархии. В июле 1917 г. кронштадтские матросы попытались образовать свою собственную независимую республику¹⁸⁹².

Очередное восстание в Кронштадте началось в конце февраля 1921 г.. Восставшие провозглашали радикальные эсеровские лозунги о разделе земли и потребовали от большевиков поделиться властью с другими социалистическими партиями¹⁸⁹³. Восстание было подавлено силой. «Расправа с восставшими была безжалостной... документы сообщают о 2103 приговоренных к смерти и 6459 отправленных в тюрьмы и кон-

404

центрационные лагеря только за апрель — июнь 1921 года»¹⁸⁹⁴. Перед самым падением Кронштадта около восьми тысяч человек успели спастись, уйдя по замерзшему заливу в Финляндию.

Радикальная мобилизация сил не проходит бесследно, тем более что большевики не имели опыта государственного и хозяйственного управления; Троцкий отмечал: «...Маркс нам на этот счет никаких правил поведения и форм организации не указал. Их приходится сейчас строить, создавать, вырабатывать самим»¹⁸⁹⁵. Это играло двойственную роль: с одной стороны, незашоренность и восприимчивость к новым формам, которых требовала действительность. С другой, мобилизационные меры, необходимость которых диктовалась текущей обстановкой, воспринимали, как некое откровение, которое органично сочеталось с идеологическими лозунгами коммунистов. Таким образом, мобилизационная политика превращалась в принципы построения нового общества. Ленин еще в апреле 1917 г. на основе анализа напряжения экономики во время Первой мировой войны и на базе коммунистической доктрины, пришел к крайне односторонним выводам, заявляя, что трудовая повинность есть громадный шаг на пути к социализму, поскольку, в соответствии с требованиями экономического планирования, трудовые ресурсы должны находиться под контролем государства, как и все другие хозяйственные ресурсы. К аналогичным радикальным выводам склонялся и Троцкий. На II съезде Советов он говорил, что принуждение к труду будет эффективным в условиях «властного распределения центром всей рабочей силы страны», что «рабочий должен стать крепостным социалистического государства». Позже он добавлял: «...Вольнонаемный труд взорвал себя в империализме, и тем самым создались условия для новой организации труда, для организации труда на принудительной общественной основе солидарности, то есть на основе социализма...»¹⁸⁹⁶

В период «военного коммунизма» в конце 1919 г. Троцкий в своих «Тезисах» для ЦК партии доказывал, что все хозяйственные проблемы страны надо решать на основе военной дисциплины, а уклонение рабочих от их обязанностей должны рассматривать военные трибуналы. Он говорил: «Мы идем к труду общественно-нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, то есть принудительного для работника. Это основа социализма». Н. Бухарин вторил: «При системе пролетарской диктатуры рабочий получает паек, а не заработную плату». В марте 1920 года Троцкий в докладе IX съезду РКП(б)

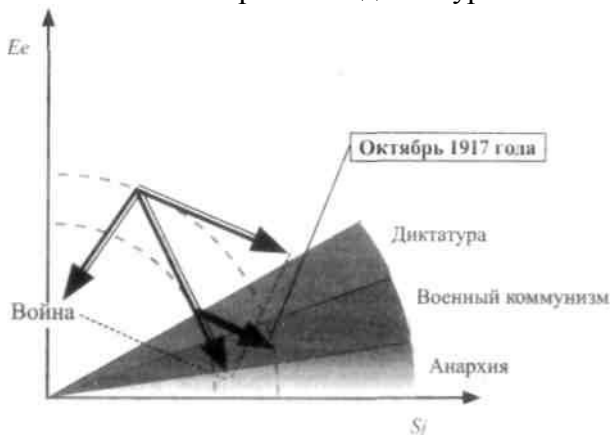
«Очередные задачи хозяйственного строительства» объяснял, что человек по своей природе склонен лениться. При капитализме рабочий вынужден искать работу, чтобы прокормить себя. Это и есть капиталистический рынок, побуждающий работать. При социализме «на место рынка встает рациональное использование трудовых ресурсов». Задача государства — направить, взять на учет и организовать рабочих, которые должны по-солдатски подчиняться рабочему государству, защитнику интересов пролетариата. Троцкий в феврале 1920 г. писал:

405

«Вся выносливость, вся способность к борьбе, которую проявили наши трудящиеся массы на фронте войны, должна быть перенесена на фронт труда. Задача, которая теперь перед нами стоит, в несколько раз труднее военных задач. Несомненно, благодаря героизму нашего рабочего класса, мы ее разрешим. Мы вырвем нашу страну из грязи, нищеты и болезней. Миллионы и десятки миллионов трудящихся должны быть брошены на новую живую созидательную работу»¹⁸⁹⁷.

Однако незыблемые экономические законы безжалостно разрушали идеологические построения, и большевики постепенно признавались в самоубийственном для экономики характере «военного коммунизма». Видный марксист экономист В. Базаров называл военный коммунизм — «ублюдочным» хозяйственным укладом. По окончании гражданской войны тот же Н. Бухарин признал, что «военный коммунизм» разрушал экономику России¹⁸⁹⁸. Троцкий позже напишет: «Политика изъятия излишков у крестьян вела неизбежно к сокращению и понижению сельскохозяйственного производства. Политика уравнительной заработной платы вела неизбежно к понижению производительности труда. Политика централизованного бюрократического руководства промышленностью исключала возможность действительно централизованного и полного использования технического оборудования и наличной рабочей силы. Но **вся эта политика военного коммунизма была нам навязана режимом блокированной крепости с дезорганизованным хозяйством и истощенными ресурсам** и»¹⁸⁹⁹. Ленин указывал, что: «**"военный коммунизм" был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой**»¹⁹⁰⁰.

Наглядное представление о «военном коммунизме», как последнем рубеже обороны, удерживающем страну от хаоса и самоуничтожения, дает его графическое изображение. По существу, «военный коммунизм» является радикализированным вариантом диктатуры.

406

Видный теоретик большевиков А. Богданов в работе «Вопросы социализма» (1918 г.) наглядно обосновал, что «военный коммунизм» есть следствие *регресса*

производительных сил и социального организма. В мирное время он представлен в армии, как обширной авторитарной потребительской коммуне. Однако во время большой войны происходит распространение потребительского коммунизма из армии на все общество. (А. Богданов дает именно структурный анализ явления, взяв как объект даже не Россию, а более чистый случай — Германию.) Как следствие, «структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сама собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России, — как писал А.А. Богданов, — решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играют Советы солдатских депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма»¹⁹⁰¹.

Действительно, демобилизация экономики — процесс не менее сложный и тяжелый, чем ее мобилизация. Вернемся здесь опять к опыту «военного социализма» в Англии. Вопросы демобилизации были поставлены там еще в 1916 г., за два года до окончания войны. Весной 1917 г. был учрежден Департамент реконструкции, реорганизованный позже в министерство, главная задача которого заключалась в разработке планов демобилизации*. У. Черчилль вспоминал: «Для изучения специального вопроса о ликвидации военных контрактов и переходе на производство мирного времени я назначил в ноябре 1917 г. (за год до окончания войны) постоянную комиссию при Совете по военному снабжению...»¹⁹⁰² «Прежде всего встал вопрос о том, что делать с пятью миллионами рабочих, которые трудились на оборону и которым каждую неделю нужно было давать работу и заработную плату. Было ясно, что большинству этих рабочих предстоит вскоре найти себе новое занятие и многим сотням тысяч из них придется изменить свое местопребывание...»¹⁹⁰³

Великобритания для реализации своих планов демобилизации имела избыток времени и средств, Россия не имела ни того ни другого, да и мобилизация зашла в России гораздо дальше, чем можно себе представить... Уже через 2,5 года участия в войне У. Черчилль стонал: «Ни одно человеческое общество не смогло бы продолжать жить таким темпом, истощая свои материальные богатства и свою жизненную энергию»¹⁹⁰⁴. Россия была вынуждена непрерывно вести войну на протяжении 7 лет. При этом мобилизационная нагрузка на Россию уже к 1917 г. в 4 раза превышала мобилизационную нагрузку Англии за все время ее участия в войне.

* В России в марте 1916 г. при Всероссийском земском и городском союзах было создано Всероссийское бюро труда. Председатель его исполнительного комитета А. Гельфгот в то время заявлял: «Не надо закрывать глаза на то, что хаос современного рабочего рынка — ничто по сравнению с тем, что произойдет на другой день по окончании войны, когда миллионы снявших военный мундир рабочих вернутся домой и будут искать работу...» (Лемке М.К.... 1916, с. 602)

407

Тяжесть мобилизационной политики «военного коммунизма» обуславливалась не только условиями текущей обстановки, но и разрухой, доставшейся в наследство большевикам, и лопнувшим терпением русского мужика. Большевики были вынуждены «платить проценты» за неспособность нести бремя власти всеми прежними: монархическим и временным правительствами России. Американский представитель Робинс совершенно верно подмечал прагматизм большевиков и их отличие от прежних представителей российской элиты: «Троцкий и Ленин... Любопытное тевтонское влияние. Ничего похожего на всех прежних лидеров»¹⁹⁰⁵.

ГОЛОД

«Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные.

«Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой».

Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Для России голод был не случайным бедствием, а скорее в той или иной мере обычным явлением. Так, тяжелый голод поразил Россию в 1891 г., от него и его последствий в мирное время умерло до миллиона человек. «В 1905 г. в Петербурге ожидали неурожая в 138 уездах 21 губернии и опасались, что число пострадавших может дойти до 18 миллионов». Земства получили от правительственного Красного Креста значительные средства для помощи голодающим. Помощь продолжалась и в 1906-1907 гг.¹⁹⁰⁶ В мирные 1911-1912 гг., когда почти половина товарного хлеба шла на экспорт, снова возникла угроза голода и правительство опять оказывало помощь голодающим.

С началом мировой войны голод охватил города промышленного Севера уже осенью 1915 г. В феврале 1916 г. М. Лемке писал: «В правительстве нет людей, могущих хотя бы понять этот ужас; а среди общества и народа нет сил, которые могли бы остановить надвигающегося исполина — голод... Ясно, что развязка будет страшна своей стихийностью... и еще большим хаосом... Надо не проглядеть и другой процесс, происходящий параллельно: развитие общей ненависти друг к другу. Она растет ежедневно, люди черствеют в борьбе за существование...»¹⁹⁰⁷ В середине 1916 г. начались голодные бунты, которые закончились февральской революцией. Р. Эпперсон был не далек от истины, утверждая, что «русская революция 1917 г. была начата голодающими русскими

408

рабочими, угнетенными тираническим главой России — царем Николаем II»¹⁹⁰⁸. Через полгода голод охватил уже не только промышленные центры, но и армию, и города сельскохозяйственных районов. Временное правительство не смогло решить проблему голода и было свергнуто теми же голодающими рабочими. Гражданская война и интервенция свелись в итоге к войне на истощение, к «войне за хлеб». Казалось, в 1921 г. победа близка, интервенты выкинуты из России, белые армии разбиты, но на смену им пришел новый враг. Он превосходил по масштабам и тяжести всех, которые были до него — в 34-х губерниях с населением в 30 млн человек разразился страшный голод.

Писатель М. Осоргин, редактор бюллетеня *Помощь*, органа Всероссийского комитета помощи голодающим, знавший по сотням писем положение в голодающих областях, писал о том, что людоедство стало «обыденным явлением»: «Ели преимущественно родных, в порядке умирания, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было»¹⁹⁰⁹. Часть жителей голодавших районов была эвакуирована, около 1,3 млн самостоятельно эмигрировали на Украину и в Сибирь. По официальным данным, голодало 22 млн человек, 1 млн. умер и 2 млн. детей остались сиротами¹⁹¹⁰. По данным Центрального статистического управления, в результате голода страна потеряла 5 053 000 человек¹⁹¹¹.

Исследователями было выдвинуто несколько причин голода:

— Первую версию дают М. Геллер и А. Некрич, которые утверждают, что голод стал следствием продразверстки, поскольку весной у крестьян был конфискован даже семенной фонд¹⁹¹².

Действительно, в 1920 году была резко повышена продразверстка в отдельных губерниях, так Тамбовская вместо 18 млн. пудов зерна должна была сдать 27 млн. Но еще до этого распоряжения крестьяне, зная, что всё, что они не смогут потребить, будет реквизировано, резко сократили посевные площади¹⁹¹³. Осенью 1920 г. в Западной Сибири размеры продразверстки были определены в

соответствии с экспортом зерна из края в 1913 году! Много это или мало? Для сравнения план поставок 1916 года был в два с лишним раза выше, он определялся из оценки всего совокупного довоенного производства товарного хлеба (внутреннего + экспорта). К тому же монархия имела резервы предыдущих лет. Но для разоренной войной страны 1920 года даже объемы, установленные большевиками, были чрезмерными. С другой стороны, отступать им, запасов не имевших, было некуда, и изъятие хлеба производилось с ожесточенной последовательностью.

Так, в Самарской области, «несмотря на скудный урожай 1920 года, тогда реквизировано было десять млн. пудов зерна. Взяли все резервы, даже семенной фонд будущего урожая. В январе 1921 года многим крестьянам было нечем кормиться. С февраля начала расти смертность... «Сегодня больше не идет речь о восстаниях, — сообщали из провинции, — Мы столкнулись с совершенно новым явлением: тысячные толпы

409

голодных людей осаждают исполкомы Советов или комитеты партии. Молча, целыми днями, стоят и лежат они у дверей словно в ожидании чудесного появления кормежки. И нельзя разгонять эту толпу, где каждый день умирают десятки человек... Уже сейчас в Самарской губернии более 900 тысяч голодающих... Нет бунтов, а есть более сложные явления: тысячные голодные толпы осаждают уездисполком и терпеливо ждут. Никакие уговоры не действуют, многие тут же от истощения умирают»¹⁹¹⁴.

ЧКК приводит многочисленные факты тех событий. Катастрофическое снижение урожая привело к тому, что «в Псковской губернии на продналог пойдет более 2/3 урожая. Четыре уезда восстали... В Новгородской губернии сбора продналога невыполним, несмотря на 25-процентное понижение ставок, из-за неурожая. В Рязанской и Тверской губерниях выполнение 100% продналога обрекает крестьян на голод... В городе Новониколаевске Томской губернии развивается голод, и крестьяне для своего пропитания заготавливают на зиму траву и корни. ... Но все эти факты бледнеют рядом с сообщениями из Киевской губернии о массовых самоубийствах крестьян вследствие непосильности продналоговых ставок и конфискации оружия. Голод, постигший ряд районов, убивает в крестьянах всякие надежды на будущее»¹⁹¹⁵.

«С конца 1920 года и в течение всей первой половины 1921 года крестьянские волнения, жестоко подавляемые на Украине, Дону и Кубани, достигают в России масштабов подлинной крестьянской войны с центром в Тамбовской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях»¹⁹¹⁶. К началу 1921 года крестьянские волнения охватили новые районы — не только всю Нижнюю Волгу (Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии), но и Западную Сибирь. Из Самарской губернии командующий Волжским военным округом доносил: «Многотысячные толпы голодных крестьян осаждают склады, где хранится реквизированное для армии и городов зерно. Дело дошло до попыток захвата, и войска были вынуждены стрелять в разъяренную толпу». Руководство саратовских большевиков телеграфировало в Москву: «Бандитские выступления охватили всю губернию. Все запасы зерна — три миллиона пудов — на государственных складах захвачены крестьянами. Они отлично вооружены, благодаря дезертирам, доставившим им оружие. Надежные части Красной Армии рассеяны... В январе — марте 1921 года большевики утратили контроль над губерниями Тобольской, Омской, Оренбургской, Екатеринбургской — то есть территорией, превосходящей по размерам Францию. Транссибирская магистраль, единственная железная дорога, связывающая европейскую часть России с Сибирью, оказалась перерезанной. 21 февраля Народная крестьянская армия овладела Тобольском»¹⁹¹⁷. За первую половину 1921 г. было разграблено и

уничтожено на железнодорожных станциях и ссыпных пунктах 21 млн. пудов хлеба, на 1 млн. руб сельскохозяйственного инвентаря. В охваченных восстаниями районах Саратовской губернии осталось незасеянными 40% посевных площадей¹⁹¹⁸. В 1921 г. «и восстания, и их подавление, как и в 1919 г., проходили с крайней жестокостью»¹⁹¹⁹.

410

Можно было бы смягчить продрозверстку, не проявляли ли большевики излишней жестокости к деревне? Проявить великодушие к деревне, действительно было можно, но только за счет полного уничтожения населения городов. С 22 января 1920 г. были сокращены на треть хлебные rationны в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске и Кронштадте... «С конца января до середины марта забастовки, митинги протеста, голодные марши, манифестации, захваты заводов и фабрик рабочими происходили ежедневно. Своего апогея они достигли в конце февраля — начале марта в обеих столицах»¹⁹²⁰. «Недовольство повсеместное. В рабочей среде ходят слухи о свержении коммунистической] власти. Люди голодают и не работают. Ожидаются крупномасштабные забастовки. Замечены брожения среди частей Московского гарнизона, которые могут в любое время выйти из-под контроля. Необходимы предохранительные меры»¹⁹²¹. Большевики стояли перед выбором, либо смерть городов, либо беспощадное изъятие хлеба в деревне. Хлеба на всех просто не хватало.

И Ленин 30 июля 1921 года, несмотря на то, что десятки и сотни тысяч крестьян умирали от голода, продолжал требовать неуклонного взимания продналога, применяя «всю карательную власть государственного аппарата»¹⁹²². Эсцессы в такой обстановке были неизбежны. Представление о них дает донесение одного из инспекторов из Омска: «Злоупотребления реквизиционных отрядов достигли невообразимого уровня. Практикуется систематически содержание арестованных крестьян в неотапливаемых амбарах, применяются порки, угрозы расстрелом. Не сдавших полностью налог гонят связанными и босиком по главной улице деревни и затем запирают в холодный амбар. Избивают женщин вплоть до потери ими сознания, опускают их нагишом в выдолбленные в снегу ямы...»¹⁹²³

Крестьяне отвечали таким же свирепым сопротивлением. «По приказу предводителя тамбовских повстанцев А.С. Антонова совсем еще юным Васильевским комсомольцам, ранее участвовавшим под давлением «продотрядовцев» в изъятии хлеба у зажиточных крестьян, вспарывали и набивали зерном животы»¹⁹²⁴ «К.Я. Лагунов на всем протяжении своей книги говорит о жестоких насилиях большевистской власти в Сибири, но и.. не замалчивает и карательную практику противоположной стороны: «Дикая ярость, невиданные зверства и жестокость — вот что отличало крестьянское восстание 1921 года... Коммунистов не расстреливают, а распиливают пилами или обливают холодной водой и замораживают. А еще разбивали дубинами черепа; заживо сжигали; вспарывали животы, набивая в брюшную полость зерно и мякину; волочили за скачущей лошастью; протыкали кольями, вилами, раскаленными пиками; разбивали молотками половые органы; топили в прорубях и колодцах. Трудно представить и описать все те нечеловеческие муки и пытки, через которые по пути к смерти прошли коммунисты и все те, кто хоть как-то проявлял благожелательное отношение к Советской власти...»¹⁹²⁵

411

— *Вторая версия* утверждает, что причиной голода было разрушение большевиками рыночных, экономических механизмов хозяйствования, что подорвало интерес крестьян к производству товарного хлеба. Но ведь монополию на торговлю хлебом ввело еще царское правительство, Временное правительство пыталось лишь ужесточить ее. Л. Троцкий отмечал, что после Октябрьской

революции «советская власть застала не вольную торговлю хлебом, а монополию, опиравшуюся на старый торговый аппарат. Гражданская война разрушила этот аппарат. И рабочему государству ничего не оставалось, как создать наспех государственный аппарат для изъятия хлеба у крестьян и сосредоточения его в своих руках»¹⁹²⁶. На самом деле монополия и старый торговый аппарат были разрушены уже к середине 1917 г. К Октябрю никакой вольной торговли хлебом и никакой монополии не существовало, Временное правительство, развалив остатки хозяйственных механизмов, не смогло прокормить ни армию, ни города. Голодная армия и рабочие городов смели Временное правительство так же, как и царское.

3 августа 1917 года в Богословской аудитории Московского университета на открытии II Всероссийского торгово-промышленного съезда П. Рябушинский, крупнейший финансист и промышленник, либеральный политик, подводя итоги хозяйственной политики Временного правительства, говорил: *«...эта катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не находимся перед катастрофой, и тогда уже, когда она станет для всех очевидной, тогда только почувствуют, что шли по неверному пути... Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов, чтобы они опомнились...»*¹⁹¹¹ Сбор хлебов с 1914 по 1917 гг., то есть «в рыночных условиях» монархии и Временного правительства, сократился почти на 40%, то есть практически на весь объем товарного хлеба, производившийся в Российской империи. Уже летом 1917 г. Уошберн писал: «...Осенью здешние большие города будут повсеместно страдать от серьезных лишений, но, по моему мнению, нам сразу следует приготовиться к доставке в Россию к началу зимних холодов широкомасштабной американской помощи»¹⁹²⁸.

— Третью версию дает Грациози: «...голод нужно рассматривать как неотъемлемую часть войны государства с крестьянами...»¹⁹²⁹ Действительно, большевики использовали голод в своих идеологических целях. «Владимир Ильич имел мужество открыто заявить, что последствия голода — рождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя,—явление прогрессивное... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм. Голод одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога»¹⁹³⁰. Но возьмем, например, «горнило реформации» в Англии XVII века, разве тогда не использовались те же самые меры? Ведь именно они были призваны разрушить старое феодальное общество и именно они создавали базу нового — капитализма. Тот же самый путь,

412

хоть и в другом виде, но не по сути, прошли и Франция, и Германия, и почти все страны Европы в тот переходный период. Переход от феодализма к капитализму — это не что иное, как превращение крестьянина в пролетария, и проводилось это «превращение» методами первобытной жестокости в самых цивилизованных, по тем временам, странах мира. Этот процесс занял в Европе столетия и унес миллионы и миллионы человеческих жизней. Интересно и то, что Ленин в этом высказывании откровенно говорит о том, что большевики прежде всего строят не социализм, а капитализм, и капитализм строился именно теми методами, которыми он строился до этого во всех других странах мира.

С другой стороны, сам Грациози указывает, что в первые же месяцы 1921 г. перед большевиками встали два пути: «Либо... пойти на открытую гражданскую войну с массой крестьянства... либо, пойдя на экономические уступки крестьянству, укрепить путем соглашения с ним социальную основу Советской власти...»¹⁹³¹ И большевики пошли по пути соглашения и примирения, который В. Ленин отстаивал перед леворадикальным большинством партии. При этом он

ссылался на свою статью: «Главная задача наших дней. — О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности», вышедшую еще весной 1918 г. То есть идеи, заложенные в Новой Экономической Политике — (НЭПе), были сформулированы В. Лениным еще до начала интервенции и полномасштабной гражданской войны. Троцкий выступал с проектом введения НЭПа в начале 1920 г.¹⁹³² Но гражданская война помешала реализации этих планов. Только 24 февраля 1921 г. ЦК РКП(б) принимает к рассмотрению резолюцию о введении НЭПа.

Последним толчком к немедленному введению НЭПа стал Кронштадтский мятеж. Декрет ВЦИК «О замене разверстки натуральным налогом» сменил принудительную продразверстку прогрессивным натуральным налогом, предусматривающим налоговые льготы для передовых хозяйств и в критических случаях для беднейших крестьян. Излишек зерна поступал в собственность крестьянина. Круговая порука за уплату налога была отменена, и введена уплата налога с хозяйства. Для контроля за применением и выполнением налога создавались организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога¹⁹³³. Кроме получения зерна, от продналога государство планировало еще закупать зерно у крестьян, для чего создавались соответствующие резервы, в том числе в золоте. Размеры налога были почти в два раза меньше продразверстки — 240 млн. пудов зерновых вместо 423 млн. по разверстке 1920 г., еще предполагалось получить около 160 млн. пудов через торговлю.

По словам С. Далина, именно «по указанию Ленина была повышена норма собственного потребления крестьян при расчете излишков, подлежащих сдаче в порядке продразверстки. Эта норма собственного потребления была повышена с 12 до 16 пудов на едока в год. При такой норме в крестьянской семье образовывались излишки сверх собственного потребления и после выполнения заданий по хлебозаготовкам. Эти излишки так или иначе поступали на рынок»¹⁹³⁴.

413

Ленин определял НЭП, как государственный капитализм, то есть использование частного капитала под контролем государства, в противовес мелкобуржуазному частному капитализму. Государственный капитализм рассматривался, как переходный этап на пути к социализму. Именно в этом смысле на IV конгрессе Коминтерна Ленин обосновывал введение НЭПа тем, что «мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы» и что необходимо поэтому произвести временное отступление к обеспеченному тылу¹⁹³⁵. Говоря о сущности НЭПа, Ленин отмечал: «Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, то есть минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности»¹⁹³⁶. Однако попытка установления государственного капитализма в то время провалилась. Осенью 1921 г. Ленин признает свое поражение: «товарооборот сорвался... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»¹⁹³⁷. Как следствие, НЭП получил новое содержание: сосуществование государственного капитализма в крупной промышленности и мелкобуржуазного, частнокапиталистического на селе и в торговле.

— Четвертая версия говорит, что большевики использовали голод как основание для проведения масштабных реквизиций. Действительно, 26 октября 1920 г. Ленин издает декрет «О продаже антикварных ценностей за границу», а 23 февраля 1922 подписывает декрет «Об изъятии церковных ценностей в пользу

голодающих»: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

По словам Бунича: «Чистая прибыль составила два с половиной миллиарда золотых рублей... По мнению западных специалистов, эту цифру следовало бы увеличить раза в три. Все-таки храмов и монастырей было очень много, а существовали они в среднем лет по 300. Советская статистика указывает, что в 1922-1923 гг. хлеба за границей было закуплено на 1 (один) миллион рублей — и то на семена. Куда же пошли эти несметные сокровища?» Бунич находит деньги: «Лихорадка на мировых биржах, вызванная резким падением цен на золото, связывается специалистами с поступлением на мировой рынок больших партий этого металла из России. Партию большевиков, правящую ныне в этой несчастной стране, вполне можно назвать «партией желтого дья-

414

вола», — писала английская газета «Гардиан» в марте 1923 г. Ей вторила газета «Тайм»: «Покупка левыми социалистами двух шестиэтажных домов в деловой части Лондона по аукционной цене в 6 миллионов фунтов стерлингов за дом и установка за четыре миллиона фунтов стерлингов помпезного памятника Карлу Марксу на месте его погребения свидетельствует о том, что большевикам в Москве есть куда тратить деньги, конфискованные у церкви якобы для помощи голодающим. Мы только сейчас начали понимать, какой богатой страной была Россия»¹⁹³⁸. Оставим эти перлы без комментариев и обратимся за разъяснением их политики к самим большевикам.

В. Ленин в 1921 г. писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... необходимо провести изъятие церковных ценностей... чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы»¹⁹³⁹. На Генуэзской конференции шла речь о международном признании России и снятии с нее торговой блокады. «Демократические страны» Англия, Франция, США и проч. требовали от России в обмен возмещения — покрытия *золотом* долгов царского и временного правительств, компенсаций за национализированную собственность иностранцев, своих расходов на интервенцию в Россию и т.д.

Была и другая сторона вопроса — внутренний рынок, ведь политика НЭПа требовала твердой национальной валюты, без нее невозможно было бы как восстановление рыночных отношений — купли-продажи, так и экономики в разоренной стране. Единственным обеспечением вводимого в то время «золотого червонца» могло стать только конфискованное золото и прочие ликвидные ценности. Ведь золотые резервы большевиков к 1921 г. были в два раза ниже, чем у монархии после русско-японской войны 1904-1905 гг., когда российский рубль оказался на грани краха. При этом русско-японская война обошлась России примерно в 15 раз дешевле Первой мировой, в 1905 г. оставались так же целыми промышленность и экономика страны.

Церковные ценности изымали во всех буржуазных революциях: и во время английской, и французской, — и со священниками никто особенно не церемонился, как и с крестьянами, встававшими на их защиту. Спрятанные церковные ценности английские и французские реформаторы вышибали из своих крестьян и монахов пытками, массовыми казнями и т.д., не брезгуя никакими

средствами. Русская революция лишь запоздала на сотню-другую лет. Церковные источники приводят данные, что «2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь были убиты в 1922 году»¹⁹⁴⁰. При этом изъятие церковных ценностей осуществлялось в судебном порядке. «Правительство организовало многочисленные судебные процессы над служителями Церкви...», а «...всякий священник, сопротивляющийся изъятию церковных ценностей, должен быть отнесен к врагам народа и отправлен в наиболее пострадавшие от голода районы Поволжья...»¹⁹⁴¹

415

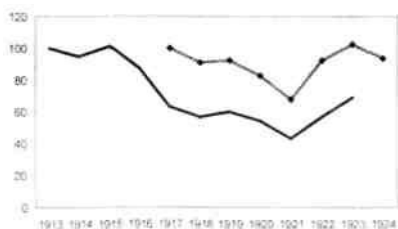
— Пятая версия. Климатическая. В 1921 г. разразилась засуха: из 38 млн. десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн., так что продналога было собрано лишь 150 млн. пудов вместо плановых — 240 млн. Засуха была нередкостью для российских сельскохозяйственных районов, которые в большей своей части относятся к группе рискованного земледелия, из-за недостаточного количества осадков. Салтыков-Щедрин в 1881 г. приводил поговорку русских крестьян: «в случае ежели бог дожжичка не пошлет, так нам, братцы, и помирать не в диковинку!»¹⁹⁴² Сильные засухи снижали урожайность в среднем на 10%, но это редко приводило к случаям массового голода. Локальные очаги компенсировались за счет госрезервов и благотворительной помощи. В 1921 г. у большевиков не было госрезервов зерна, а само его производство за годы войн и революций сократилось более чем на 40% по сравнению с довоенным периодом. В этих условиях сильной засухи оказалось достаточно для возникновения массового голода. Уезд признавался голодающим, если доказывалось, что урожай меньше 6 пудов на душу¹⁹⁴³. В довоенное пятилетие средняя норма потребления крестьянского натурального хозяйства составляла 16-19 пудов на человека.

— Шестая версия. Техническая, основывается на разрушении основ сельскохозяйственного производства. Не смотря на то, что в критическом «1919 г., в этот год величайшей разрухи, было произведено 160 000 плугов (1/6 годовой потребности последующего периода), 12 000 уборочных машин, свыше 200 000 кос, 700 000 серпов, была удовлетворена потребность в веялках и молотилках и т.д.»¹⁹⁴⁴, к 1920/21 гг. не хватало почти 3 млн. плугов, 1 млн. сеялок, износ сельхозинвентаря составлял 50-70%¹⁹⁴⁵. Не хватало тяглового скота, почти наполовину от довоенного количества реквизированного в армию, да и просто мужских рабочих рук. Война и интервенция истощили трудовые резервы деревни. Об этой проблеме писал член Государственного Совета Гурко Николаю II еще в конце 1916 г.: «Промышленность и сельское хозяйство совершенно обезлюдели и это при том, что в одной Европейской России, исключив область, занятую врагом, посевная площадь составляет 72 млн. десятин, а сенокос 20 млн. десятин, что примерно равно площади Франции и Германии вместе взятых. Обрабатывать и убрать эту исполинскую земельную площадь одной лишь мускульной человеческой силой, без содействия специальных орудий, оставшееся на местах население не в состоянии»¹⁹⁴⁶. После этого тотальная гражданская война в Россия шла еще 4 года...

— Седьмая версия. Общеэкономическая, является развитием шестой версии. Снижение сбора хлебов во время войны было вызвано чрезмерной мобилизационной нагрузкой, перераспределявшей общественные ресурсы на оборону. Как следствие, уже к началу 1917 г. крестьяне фактически ограничили производство хлеба, уровнем потребления своих натуральных хозяйств почти полностью прекратив производство товарных хлебов.

416

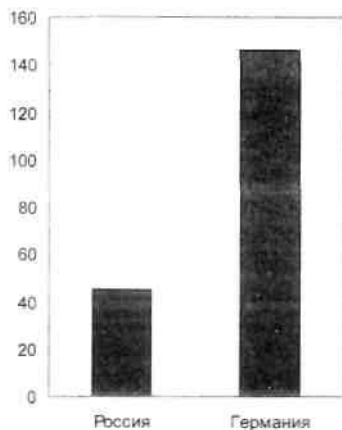
Урожайность зерновых, 1917— 100%¹⁹⁴⁷ и динамика сбора хлебов 1913 г.=100%

В 1916 г. было собрано 3,8 млрд. пудов зерна, или 87% от среднегодового предвоенного уровня. В 1920 г. зерна было собрано только 54% от среднего уровня за довоенное пятилетие,¹⁹⁴⁸ а в 1921 лишь — 40%, причем в голодающих губерниях — значительно ниже. Т.е. в среднем на душу населения почти на 20%) меньше, чем во время голода 1891 г.¹⁹⁴⁹

Для того, чтобы избежать предвзятости, обратимся к сравнению продовольственного положения Германии и России. Германия, несмотря на меньшие посевные площади, имела гораздо более высокий сельскохозяйственный потенциал, чем Россия. Так, до войны урожайность в России была в 3,2 раза ниже, чем в Германии. Именно расовая «неполноценность», «неспособность» русских получать большие урожаи стала одним из тезисов немецкой, а затем фашистской пропаганды, обосновывающей агрессию против России.

Урожайность, пудов на десятину в 1913 г.

417

После начала войны, в 1915 г., в Германии «были введены карточки на хлеб и обязательное его суррогатирование, а в 1916 г. появились карточки на масло, жиры, картофель, мясо, одежду. Была введена полная сдача сельхозпродуктов государству. Правительство попыталось провести и общегосударственный посевной план, но при существующем состоянии сельского хозяйства его выполнение оказалось нереальным». Уже к концу 1916 г. «в деревнях с населением 300-400 чел. насчитывалось по 20-30 погибших на фронте. 40% мужского населения были в армии. Из-за нехватки рабочих рук, тягловой силы, удобрений урожайность снизилась до 60-40% довоенной. И при этом урожай еще и не могли собрать...»¹⁹⁵⁰ И это в наиболее развитой и просвещенной стране того времени. Другая проблема Германии состояла в том, что до 1914 г. четверть потребляемого ею продовольствия ввозилась из-за рубежа. Блокада, введенная в 1916 г., сделала импорт невозможным¹⁹⁵¹. В Германии начался голод.

Людендорф передавал состояние немецкой армии в то время: «Боеспособность солдат на фронте чрезвычайно зависит от продовольствия. Наряду с отпусками оно имеет решающее значение для настроения войск... Упадок духа немецкого народа в значительной степени зависел от питания. Организм не получал продуктов, нужных для поддержания его физических и умственных сил... Летом 1917 г. я впервые почувствовал во всей широте эту

опасность и испугался — здесь крылся необычайно ослабляющий момент. Корни этого явления — в сущности человеческой натуры. Сильное патриотическое чувство могло его ослабить, но истребить его окончательно можно было только улучшением питания»¹⁹⁵². «Под давлением нужды меньшая часть поддавалась искушению и устраивалась, как могла, большая же часть буквально умирала с голоду»¹⁹⁵³. Германия пала от голода в ноябре 1918 г.

От голода страдали не только Россия и Германия, по словам Г. Уэллса, «к началу 1918 года значительная часть Европы пребывала в состоянии умеренного и регулируемого недоедания. Производство продовольствия во всем мире резко снизилось вследствие мобилизации крестьян»¹⁹⁵⁴. Европу от голода спасло прекращение Первой мировой войны и американские поставки. Хауз писал президенту в ноябре 1918 г.: «Величайшей проблемой, которая возникнет после прекращения боевых действий, будет поставка продовольствия и других насущных предметов гражданскому населению Сербии, Австрии, Чехословакии, Германии, Бельгии и Северной Франции. Эту работу по оказанию помощи вместе с восстановлением опустошенных районов придется осуществлять почти целиком американскими силами...»¹⁹⁵⁵ «В Австрии и Чехословакии положение приобрело такой характер, что категорически необходима помощь в широком масштабе, если хотят избежать серьезных беспорядков»¹⁹⁵⁶.

В России монархия пала от голода в феврале 1917 г. Союзники тем не менее требовали от России продолжения войны, не оказывая ей при этом практически никакой материальной помощи. Результат не заставил себя ждать в ноябре 1917 г., не справившись с экономическими про-

418

блемами, от голода пало Временное правительство. После начала гражданской войны, основные хлебопроизводящие районы Северного Кавказа и Украины были отрезаны от промышленного большевистского севера. Последний оказался в голодной блокаде, во много раз более тяжелой, чем даже Германия во время мировой войны. И Россия по воле интервентов была вынуждена воевать еще более 3 лет. У Черчилль по этому поводу писал: *«Многие миллионы людей погибли от войны и гонений, и еще большее количество умерло впоследствии от голода... Но союзники принуждены были вмешаться в дела России после большевистской революции, для того чтобы победить в великой войне...»*¹⁹⁵¹

— Восьмая версия. Ее в определенной мере обозначил консул США в Архангельске Коул, который писал своему послу Фрэнсису в середине 1918 г.: «Интервенция на севере России будет означать, что нам придется кормить население от пятисот тысяч до полутора миллионов человек — в зависимости от того, какую территорию охватит интервенция... Если интервенция будет прекращена, у союзников останется моральное обязательство снабжать население продуктами питания, так как трудно будет сразу восстановить тонкую нить, связывающую Архангельск с остальной частью России, после того, как она однажды будет перервана»¹⁹⁵⁸. «Первый вопрос, касавшийся России, был поставлен Полком. Он попросил отправить в Архангельск пять тысяч тонн муки... Полк считал продолжение помощи России не только моральным обязательством США. Он считал, что «с политической точки зрения явно неразумно позволить Северной России обратиться из-за голода в большевизм...»¹⁹⁵⁹

В Сибири американский дипломат Пул, так же как и Полк на Севере, поддерживал необходимость оказания гуманитарной продовольственной помощи России, однако только в случае соблюдения гарантии того, что она ускорит конец большевизма: «И далее будет оказываться поддержка тем силам в Сибири и повсеместно, которые действуют ради восстановления порядка в России, во имя установления власти, оформленной демократическими гарантиями. Населению

районов, освобожденных от большевистского господства, будет предоставлена материальная помощь. Частным предприятиям, пожелавшим торговать с подобными регионами, будет обеспечено содействие властей»¹⁹⁶⁰.

«Союзники» полностью отдавали себе отчет в том, что голод является следствием интервенции и гражданской войны. Статистические обследования совершенно четко указывают, что *голод разразился «...в местах, разоренных гражданской войной и интервенцией. Здесь разворачивались сражения, проходили линии фронтов...»*¹⁹⁵⁶ Избирательный характер выполнения *моральных обязательств*, говорит о том, что ради высоких целей — «экспорта демократии» — интервенты совершенно сознательно обрекали на голодную смерть миллионы людей...

Свои «моральные обязательства» интервенты не выполнили, за них это пришлось делать большевикам. Но большевикам по окончании граж-

419

данской войны и интервенции пришлось столкнуться не с одной Архангельской областью, а выполнять *«моральное обязательство снабжать население продуктами питания»* на всей освобожденной от интервентов и белогвардейцев территории России, в том числе и в Петрограде, и в Сибири. Именно с этим было связано резкое увеличение продразверстки в 1920 г.

— *На девятую версию* указывали представители Лейбористской партии Великобритании, посетившие Советскую Россию в мае-июне 1920 г.: ***«Блокада... есть корень ужасных бедствий, которым Россия подвержена в настоящее время...»*** Продовольственная проблема превосходит все прочие по актуальности. Мы потрясены теми условиями самого настоящего голода, в которых проживает все городское население — в одинаковой мере работники и физического, и умственного труда. Вызывающим наибольшие опасения результатом политики блокады оказалось отсутствие санитарно-гигиенических средств. Эпидемии сыпного и возвратного тифа охватили всю страну... Тот факт, что блокада пресекла поступление мыла и дезинфицирующих средств, является причиной гибели тысяч человек от инфекционных заболеваний... Россия — страна с обширным земледелием, но крестьянство может снабжать города продовольствием только в обмен на промышленные изделия. Прекращение импорта делает невозможным производство этих предметов в городах или закупку в качестве готовых изделий за рубежом. ***Ситуация оказывается еще более бедственной в силу частичного развала транспортной системы, прямого результата внешних вторжений и разжигания гражданской войны на территории России.*** Некоторая передышка последовала за разгромом армий Колчака, Деникина и Юденича. Эта передышка немедленно предоставила благоприятные условия, чтобы приложить усилия к восстановлению экономики, подкрепленному широкой и тщательно продуманной кампанией по просвещению. Силы нации были в значительной мере перенацелены с военных операций на улучшение транспортной системы, на производство в мирных целях и на восстановление санитарных условий»¹⁹⁶².

Голодная блокада России была установлена «союзниками» совершенно сознательно в начале 1918 г. Они отлично понимали все последствия этой меры, перед ними был живой пример Германии и Австро-Венгрии, в которых «союзническая» блокада привела к массовому голоду. Голод в России был сознательно запланирован в политических кругах Англии, Франции и США, как инструмент свержения большевистской власти, за счет разорения, обнищания и гибели от голода и вызванного им радикализма десятков миллионов людей...

Для большей наглядности последствий блокады остановимся ненадолго на сравнениях России с Германией и Австрией. Современники писали, что после введения блокады «к концу 1916 г. жизнь для большинства граждан (Германии)

стала временем, когда прием пищи уже не насыщал, жизнь протекала в нетопленных жилищах, одежду было

420

трудно найти, а ботинки текли. День начинался и кончался эрзацем. Германия оказывалась в состоянии прокормить лишь 2/3 своих граждан...» «Обеспечение карточек становилось все более скудным и все менее регулярным, что вызывало и внутренние трения. Например, Бавария и другие южные земли начали возмущаться, что много продовольствия вывозится на север страны»¹⁹⁶³.

У. Черчилль в январе 1919 г. говорил: «Продовольственный вопрос в Германии чрезвычайно обострился, и ходили жуткие рассказы о бедственном положении матерей и детей Германии. В эти месяцы лишь очень немногие немцы, за исключением спекулянтов и фермеров, имели достаточно пищи»¹⁹⁶⁴. Спустя месяц У. Черчилль, выступая в палате общин, заявлял: «Мы строго осуществляем блокаду, и Германия близка к голодной смерти. Германский народ терпит большие лишения, и во-вторых, что под тяжестью голода и недоедания вся система германской социальной и национальной жизни грозит рухнуть». Лорд Пальмер, командующий британской оккупационной армией в Германии, докладывал: «Для предотвращения беспорядков и по чисто гуманитарным соображениям необходимо прислать продовольствие голодающему населению. Он подчеркивал, что на британскую оккупационную армию производит очень плохое впечатление зрелище человеческих страданий...»¹⁹⁶⁵

Высший экономический совет союзников сразу после войны предпринял меры для обеспечения Австрии продовольствием, благодаря чему в «Вене и других областях удалось предотвратить массовое вымирание населения от голода, которое в противном случае было бы неизбежным»¹⁹⁶⁶. Но побудительными мотивами были не только гуманитарные соображения. У. Черчилль предупреждал: «...Под влиянием одновременного военного поражения и голода тевтонские народы, уже охваченные революцией, могут соскользнуть в ту страшную пропасть, которая уже поглотила Россию. Я сказал, что мы должны немедленно, не дожидаясь дальнейших известий, отправить в Гамбург десяток больших пароходов с продовольствием. Хотя условия перемирия предусматривали продолжение блокады до заключения мира, союзники обещали доставить Германии необходимые продукты, и премьер-министр благожелательно относился к этому проекту»¹⁹⁶⁷.

У. Черчилль приходил к интересным вариантам решения продовольственной проблемы для послевоенной Европы: «Для голодающих областей Центральной Европы ничего не могло быть более благоприятного, как создание мирной Украины на таких основаниях, которые давали бы возможность завести с этой страной экономические и торговые сношения. Именно на Украине, а не в других умирающих областях России, обреченных под большевистским управлением на полную нищету, могла бы Европа рассчитывать получить требуемые запасы продовольствия»¹⁹⁶⁸. Заявление британского министра полностью совпадало с мнением немецкого генерала. Людендорф вспоминал о тех днях: «Германия не могла прокормиться только одним своим хлебом и нуждалась в подвозе...

421

Без украинских поставок голод был неизбежен, даже если бы наш государственный строй остался незыблемым... На Украине надо было подавить большевизм и создать там условия для извлечения военных выгод и вывоза хлеба и сырья»¹⁹⁶⁹. После поражения Германии дело Людендорфа продолжают У. Черчилль и Клемансо, оказавшие активную поддержку польской агрессии 1920-1921 гг., целью которой была Украина.

А что же Россия, ведь именно Украина давала подавляющую часть товарного хлеба и угля дореволюционной России. Отрезая Украину от России, У. Черчилль

тем самым обрекал последнюю на голод, холод, нищету и вымирание при любой власти. Для оправдания своих тезисов У. Черчилль находил отличный политический повод: во всем виноваты большевики. Политика черчиллей, клемансо... начавшаяся еще до появления большевиков, во время Первой мировой войны, была логичным продолжением политики кайзеровской Германии и предтечей фашистской, хладнокровным массовым убийством миллионов людей в экономической войне...

Английский журналист Ф. Прайс в то время писал: *«Как человек, проживший эти четыре года в России и видевший страдания русского народа, я категорически заявляю, что анархия и голод... царящие в России, суть последствия преднамеренной работы Европейских правительств, и в этом отношении английское правительство, а равно и германское, вели себя, как коршуны одной и той же стаи...»*¹⁹⁷⁰

БОРЬБА С ГОЛОДОМ

Несмотря на ожесточенную борьбу за хлеб, голодающим, тем не менее, оказывалась хоть и весьма ограниченная, но помощь. Здесь мы снова сталкиваемся с различного рода спекуляциями и в первую очередь «ЧКК», которая приводит слова Ленина: «Предлагаю распустить «Кукиш»*... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... и продержать месяца три. ... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах, по возможности без железных дорог, под надзор... Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого правительственного сообщения: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Изю всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев»¹⁴⁷¹. Одновременно появился приказ Дзержинского: «1) Немедленно арестовать всю анархизирующую, меньшевистскую и эсеровскую интеллигенцию, прежде всего тех.

* ЧКК: «Так цинично Ленин называл Всероссийский комитет помощи голодающим».

422

кто работает в комиссариатах сельского хозяйства и продовольствия; 2) После этого арестовать всех анархистов и меньшевиков, работающих на заводах и фабриках, способных призывать рабочих к стачкам или манифестациям»¹⁹⁷².

«Вместо Комитета правительство создало Комиссию помощи голодающим (известную как Помгол), — по мнению ЧКК, — громоздкую бюрократическую организацию, составленную из функционеров различных народных комиссариатов, весьма неэффективную и коррумпированную. При самом сильном голоде летом 1922 года, который охватил чуть ли не 30 миллионов человек, Комиссия оказывала, и довольно нерегулярно, продовольственную помощь лишь 3 миллионам лиц. Что же касается АРА, Квакеров, Красного Креста, они обеспечивали питанием около 11 миллионов в день...»¹⁹⁷³

На самом деле государство выделило голодающим, помимо семенного фонда, около 25 млн. пудов продовольствия, около 11 млн. собрали общественные организации, 28 млн. пудов дала АРА, 5 млн. собрал Ф. Нансен, через Красный Крест¹⁹⁷⁴. Много это или мало? По сравнению с довоенным пятилетием 1908-1913 гг., за время интервенции 1918-1921 гг. из-за агрессии Англии, Франции и США, Россия имела возможности произвести только хлебов 4500-5000 млн. пудов.

«Всероссийский комитет помощи голодающим» (Кукиш) очевидно, был распущен по той же причине, что и аналогичная ему дореволюционная общественная организация — «Земгор». Во время Первой мировой войны:

«плачевными были итоги трудов Земгора по обеспечению армии. Даже очень скромные заказы Земгору на 74 млн. рублей ретивые патриоты сумели выполнить только на 60%. А им поручались вещи самые простые — изготовить 31 тысячу кирок (получено 8 тысяч), вместо 4,7 тысячи кухонь сделано 1,1 тысячи, проволоки требовалось 610 тысяч пудов — выработано 70 тысяч пудов... Но в одном Земгор преуспел отменно — в рекламе своих усилий по санитарному и бытовому обслуживанию армии... Складывалось твердое впечатление, что буржуа раздвигаются до исподнего, дабы помочь страждущим и увечным воинам. Статистика безжалостно разрушает прекрасный мираж — по осень 1916 года Земгор собрал 12 миллионов рублей на благороднейшие цели, а 560 миллионов рублей ассигновало государственное казначейство»¹⁹⁷⁵.

«Оклады земских чиновников были в 3-4 раза выше государственных, а протекающие через них огромные средства расходовались совершенно бесконтрольно, вызывая массу злоупотреблений. Впрочем, это было общей болезнью всех воюющих государств... Настоящей клоакой стали всевозможные фонды помощи раненым, вдовам, беженцам. Так, был закрыт «Городской общественный комитет» во главе с неким Красницким — получив от казны 312 тыс., он раздал беженцам 3 тыс., остальное разошлось на «зарплату служащим» (70 чел.). А когда копнули

423

получившую 40 млн. «Северопомощь»... то не нашли ни денег, ни отчетности»¹⁹⁷⁶.

На смену общественной организации «Всероссийского комитета помощи голодающим» в 1921 г. был поставлен «Помгол», дисциплинированная бюрократическая организация, как и любое другое государственное ведомство в любой стране мира, которая последовательно выполняла свои обязанности. Аналогично в сходной ситуации во время голода 1911-1912 гг. поступил премьер-министр царского правительства Коковцов, который заявил, что по понятным причинам «общеземская организация не может быть допущена к борьбе с голодом»¹⁹⁷⁷. Всю работу по борьбе с голодом взяли на себя тогда царские «бюрократические государственные организации». Ярый сторонник развития общественного самоуправления и земств, один из наиболее последовательных борцов с бюрократией Р. Фадеев, тем не менее, писал в 1889 г.: «Бюрократический порядок сильно укоренился в России, он давно уже привлек и постоянно привлекает в свою среду лучшие общественные силы, нет сомнения, что в нашей бюрократии гораздо более способных людей, чем в нашем обществе»¹⁹⁷⁸. Р. Фадеев указывал, что переход от бюрократических форм правления к общественным требует спокойного времени для их эволюционного развития и дополнительных средств. В то время, когда общественные организации еще не окрепли, опора на них во время войны и революции, требующих максимальной мобилизации власти, ничем не отличается от изощренной формы государственного самоубийства. Этот тезис лишний раз подтвердила Первая мировая война.

Между прочим, американский Красный Крест в те годы был полувоенной организацией, его основной штат носил форму и подчинялся распоряжениям правительства США¹⁹⁷⁹.

Где же во время голода была русская либеральная общественность? «Находившееся в Париже Русское политическое совещание, которое было учреждено Деникиным и провозгласило себя руководящим центром «белого дела» (его возглавил бывший председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов), 4 мая 1919 г. выступило с протестом против плана оказания продовольственной и медицинской помощи бедствующему населению России»¹⁹⁸⁰.

Как реагировал Запад на голод в России, докладывал Литвинов: «Во время

голода в России в 1921 г. на обращение Максима Горького о помощи к Гуверу, как к генеральному директору АРА, последовал положительный ответ, но при этом были выставлены определенные условия оказания помощи (освобождение заключенных американцев и другие). После заключения соответственного договора... американцы старательно подчеркивали, что этот договор заключен с АРА и поэтому не носит политического характера и ни в коем случае не означает уклонения американской политики от прежней линии непризнания советского правительства. Помощь, оказанная АРА, исчислена американцами в 66,3 млн. долларов»¹⁹⁸¹.

424

«Европейские державы согласились организовать сотрудничество с Советской властью на основе помощи голодающим России. Для этой сугубо гуманитарной акции требовалось, однако, введение союзниками *«контроля над путями России»*¹⁹⁸². Советское правительство отказалось. К тому времени мир и НЭП уже давали свои результаты. В 1922 году семенной фонд был еще меньше, чем в 1921 г., было засеяно всего лишь 60% надельной земли, а в производящих губерниях голодавших в 1921 — 50%¹⁹⁸³. Однако засуха, гражданская война и интервенция закончились, армия была демобилизована — крестьяне вернулись к земле. Урожай зерна в 1922 г. составил примерно 15 пудов на душу населения, а в следующем 1923 около 18 пудов. И несмотря на незначительное снижение продналога, по сравнению с предыдущим годом, собранного зерна хватило для стабилизации зернового рынка...

425

ЦЕНА ДЕМОКРАТИИ — СЧЕТ ЗА ИНТЕРВЕНЦИЮ

В операции по «экспорту демократии» в Россию добровольно приняло участие более десятка стран. По словам Деникина: «При главном командовании Юга были аккредитованы представители следующих стран; Англии, Бельгии, Болгарии, Греции, Италии, Польши, Румынии, Сербии, США, Франции и Японии»¹⁹⁸⁴. Можно добавить сюда австралийские и финские войска входивших в состав интервенционистских сил на Севере. Хотя численность интервентов была относительно невелика, не многим более 100 тысяч человек, не считая чехов и японцев.

Численность интервентов (тыс. чел.)

	в Сибири*	Се веро- Запад	Арханг ельск и Мурманск	К рым	Турк естан и Баку
Англи чане	1,5		13,1		5и 1
Амери канцы	8,5- 20		4,8		
Италь янцы	1,5		1,3		
Канад цы	4				
Сербы	12**		1,3		
Франц узы	1,1		2,3	4 5****	

Чехи	35-60				
Японцы	60-175				

426

* По данным А.И. Крушанова В Сибири и на Дальнем Востоке к концу 1920 г. было 175 тыс. японцев, 20 тыс. американцев, 1,6 тыс. англичан, 4 тыс. канадцев, 1,1 тыс. французов, 55 тыс. чехословаков, 1,5 итальянцев, 6 тыс. китайцев, 12 тыс. поляков, румын, сербов. (Крушанов А.И..., т.2, с. 15.)

** Совместно с греческими, польскими, румынскими и сербскими отрядами.

*** Данные разных таблиц в настоящей главе могут не совпадать, поскольку они далеко не полные, указано лишь то, что удалось найти.

Основной военной силой интервенции стали не солдаты «союзников», а вооруженные ими белогвардейские армии. В июле 1919 г. в британском парламенте был сделан запрос правительству по поводу английской политики по отношению к большевикам. Военный министр Черчилль дал следующие разъяснения: «Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом постыдном договоре, и *они восстали против правительства*, его подписавшего. *Позвольте мне сказать вам, что они образовали армию по нашему наущению, и без сомнения, в значительной степени на наши деньги.* Такая же помощь являлась для нас целесообразною военною политикой, так как, если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы все ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду». После окончания Первой мировой войны новый повод для продолжения интервенции нашелся быстро. Его озвучил на совещании руководителей союзных стран маршал Фош: *«Если вы хотите подчинить своей власти бывшую русскую империю, чтобы дать возможность русскому народу свободно выразить свою волю, вам нужно только дать мне соответствующий приказ»*¹⁹⁸⁶.

Союзническая помощь приобрела массированный характер с конца 1918 года, когда Деникину удалось объединить антибольшевистские силы на Юге России: «...Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко, — вспоминал Деникин, — С марта по сентябрь 1919 г. мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1685522 снаряда и 160 млн. ружейных патронов. Санитарная часть улучшилась. Обмундирование же и снаряжение, хотя и поступало в размерах больших, но далеко не удовлетворяющих потребности фронтов (в тот же период мы получили 250 тысяч комплектов). Оно, кроме того, понемногу расхищалось на базе, невзирая на установление смертной казни за кражу предметов казенного вооружения и обмундирования, таяло в пути и, поступив наконец на фронт, пропадало во множестве, уносилось больными, ранеными, посыльными и дезертирами...»¹⁹⁸⁷ С другой стороны, как пишет А. Егоров: «Если принять во внимание, что все белые армии Юга России по своей численности не достигали 85-90 тысяч, то даже учитывая значительную текучесть армии (дезертиры, пленные, больные, раненые и убитые), все же снабжение армий Юга России можно считать вполне удовлетворительным...»¹⁹⁸⁸

427

Поставки оружия западными государствами Белым армиям

	Колчак	Деникин	Юденич	Врангель	Чех. корп.	Польша
винтовок, тыс.	1 000	630	65	50	100	500

пулеметов	до 8 000	5 000	500	н/д	120	3 000
орудий	800	ок. 2 000	60	200	22	2 000
танков/ бронемашин	200	42	6	13	н/д	200
аэропланов	400	до 300	6	30	н/д	700
обмундирование тыс.	ок. 400	250	н/д	н/д	н/д	3 000

И это не считая вооружения и полного обеспечения армий, сформированных интервентами на Севере России до 30 тыс. человек. Кроме этого, союзники вооружали националистов и сепаратистов на Украине, Кавказе, в Средней Азии, вооружали разные банды, в том числе атаманов Калмыкова и Семенова (последнему, например, было поставлено 7,5 тыс. винтовок, 50 пулеметов, 11,5 млн. патронов). При этом зачастую все эти разномастные формирования воевали не столько против большевиков, сколько друг с другом. Интересно, что тех, кого предполагали финансировать союзники, в частности, Украинскую Раду и «Всевеликое Войско Донское» Краснова, материально поддерживали и немцы¹⁹⁹⁰.

Сопоставление численности белых армий, которую мы приводили в начале книги, с объемами поставленного «союзниками» вооружения, говорит только об одном — **белые армии существовали целиком и исключительно за счет помощи «союзников»**, то есть фактически, в материальном плане были наемными армиями интервентов. Французы даже предложили, чтобы их офицеры возглавляли русские части, правда, здесь Деникин не выдержал, он писал генералу Вертелю: «Идея формирования бригад из русских людей с иностранными офицерами, подчиненных исключительно французскому командованию, не может быть популярна, так как она идет вразрез с идеей возрождения русской армии, во имя чего борются лучшее офицерство и наиболее здоровые элементы страны»¹⁹⁹¹. В то же время на Севере англичане экспериментировали со «Славянобританским союзным легионом».

428

При оценке материальной помощи интервентов мы не касаемся мотивации «белого движения», какие бы благородные цели оно ни преследовало. У белых мотивация была своя, но своя, с их точки зрения не менее благородная, была и у украинских, у эстонских, у польских, у финских, у «зеленых» и т.д. армий, и их точно так же вооружали интервенты. Красная Армия не имела никакой материальной помощи и победила только благодаря поддержке подавляющего большинства населения. Народ в этом случае сам выбрал и сформировал ту армию, которая в наибольшей мере защищала его интересы и которую он хотел содержать. Корифей русского либерализма П. Милюков, один из инициаторов гражданской войны и интервенции, запоздало писал в эмиграции: «У меня нет никаких сомнений во вреде интервенций и белого движения. Я должен был понять это раньше, еще в 1918 г. в Ростове, когда мы оклеивали все заборы воззваниями, призывающими записываться в Добровольческую армию, иногда к нам явилось всего несколько десятков подростков. Народ сознательно отверг интервенцию и белых»¹⁹⁹².

Поставки оружия западными государствами Белым армиям, по далеко не полным данным¹⁹⁹³

	США	Англия	Фран	Япон
--	-----	--------	------	------

			ция	ия
винтовок, тыс.	715	450	н/д	70
пулемето в	1 100	10 500	1 700	100
орудий	22	2 000	1000	30
танков	н/д	130	н/д	н/д
аэроплан ов	100	200	200	н/д

Интервенция в России была весьма дешевым мероприятием, по сравнению с расходами на ведение Первой мировой войны. Впечатляющий результат, к которому привели эти ничтожные расходы, объясняется истощением экономики России за счет чрезмерной мобилизационной нагрузки во время Первой мировой войны, развала государственности после обеих революций 1917 г. и дешевизной русских наемных армий. Объемы помощи интервентов белым армиям эквиваленты сумме примерно 140 млрд. долл в 2002 г. (сравнение по ВВП)*.

* Сравнение по ВВП. ВВП США в 1918 г. — 77 млрд. долл., в 2002 — 10,4 трлн.

долл.

429

*Объемы финансирования интервентами помощи Белым армиям, правительствам, атаманам, а так ое подрывной деятельности*¹⁹⁹⁴

	Млн. нац. валют
Англия, ф. ст. ¹⁹⁹⁵	100
Франция, фр.*	Более 1 000
США, долл. ^{1996*}	220
Япония, йен	Более 16

* из них 11 млн. Украинской директории.

При этом У. Черчилль отмечал: «Деникину мы оказали очень существенную поддержку. Мы дали ему средства для вооружения и снаряжения почти четверти миллиона людей. Стоимость этих средств исчислялась в 100 млн. фунтов стерлингов, но эта цифра абсурдна. В действительности расходы, не считая военного снаряжения, не превышали и десятой доли этой суммы. Военное снаряжение, хотя и стоило дорого, составляло часть расходов великой войны; оно не могло быть продано, и учесть его точную стоимость невозможно. Если бы это снаряжение осталось у нас на руках до тех пор, пока оно не сгнило бы, мы бы только терпели лишние расходы по хранению»¹⁹⁹⁷. Но британское правительство еще и пыталось заработать на поддержке гражданской войны в России. На интервенцию английским правительством было истрачено 58 млн. ф. ст., из которых 50 млн. было записано за Россией в виде долга, за поставленные снаряды (вооружение)¹⁹⁹⁸.

Военная помощь Колчаку шла не только по линии американских правительственных ведомств, но и по линии частных фирм, общественных организаций. В июле был заключен договор с фирмой «Ремингтон» на поставку свыше 112 тысяч винтовок. Десятки других фирм обеспечивали колчаковскую

армию пушками, снарядами, запасными частями, обувью, бельем. Американский Красный Крест с разрешения президента В. Вильсона выделил Колчаку военного имущества на 8 млн. долларов. Командующий американскими войсками в Сибири генерал Грэвс был вынужден признать, что «американский Красный Крест в Сибири действовал как агент по снабжению Колчака». Следует отметить, что,

* По официальным данным французского министерства финансов, Франция израсходовала на поддержку Колчака 210 млн. фр., Деникина, Юденича и Врангеля — 62 млн., на Архангельскую экспедицию — 35 млн., на содержание чехословацкого корпуса — 344,4 млн. фр. (Борисов Ю. В. Новейшая история Франции, М., 1966, с. 6.) По данным У. Черчилля расходы Франции составили 30-40 млн. фунтов ст. (Черчилль У..., с. 311.)

430

оказывая помощь Колчаку, американское правительство извлекало из этого немалые выгоды для себя. Оно, так же, как и английское, сбывало в Россию огромные запасы вооружения и обмундирования, оставшиеся не использованными и не находившие сбыта в послевоенной Европе¹⁹⁹⁹. Интервенты были готовы дать и больше, но их помощь совершенно прагматично ставилась в зависимость от успехов белых армий на фронте. Так, «...иностранцы представители дали согласие ходатайствовать перед своими правительствами о признании правительства А.В. Колчака де-юре в целях предоставления ему долгосрочных кредитов, о выделении первоначально около 200 млн. долларов на оснащение 600-тысячной армии и приобретение дефицитных товаров, о кредите в 86 млн. долларов для покрытия задолженности США. Кроме того, колчаковцам были обещаны новейшие виды оружия, в том числе 40 танков. Моррис обещал в случае ухода чехов из Сибири прислать «20 тысяч новых американских войск для охраны железных дорог». Но он предупреждал, что это будет одобрено президентом В. Вильсоном и конгрессом лишь в том случае, если Омску удастся переломить ход событий на фронте в свою пользу»²⁰⁰⁰.

ПЛАТА ЗА «ПОМОЩЬ»

Ллойд Джордж, по его словам, при принятии решения о интервенции в Россию взвешивал, стоит ли борьба с большевиками «возможных дивидендов»²⁰⁰¹. При этом он, конечно, имел в виду фундаментальные политические и глобальные стратегические цели. Однако на практике этот принцип приобретал более прозаическое звучание, которое передавал В. Краснов: «Расчетливый западный буржуа не будет вкладывать средства в политику, которая не сулит более или менее скорых дивидендов»²⁰⁰². Действительно, интервенты в повседневной практике предпочитали брать плату за «помощь» «во имя высоких идеалов» сразу и без церемоний.

Начали еще немцы. Только до 31 июля 1918 г. они вывезли из оккупированных областей около 1 млн. тонн зерна и продуктов его переработки, фуража и семян масличных культур, 30 тыс. т. льноволокна, 50 тыс. т. рогатого скота. 25 тыс. т. картофеля и овощей, 600 тыс. т. железной руды, 650 тыс. т. марганцевой руды и ежемесячно по 300 вагонов специальных сортов леса, вывозились даже тряпье и металлолом и т.д. Немецкие источники дают схожие цифры: «В 1918 г. немцы вывезли с Украины... 42 тыс. вагонов различных грузов, в том числе 180 тыс. т. хлеба, 60 тыс. т. сахара, 50 тыс. голов скота и 56 тыс. лошадей»²⁰⁰³. Было расхищено имущество Черноморского флота стоимостью 2 млрд. рублей²⁰⁰⁴. Из Грузии немцы и турки вывозили медь, табак, хлеб, чай, продовольствие общей стоимостью 30 млн. марок. Покидая Азербайджан, турки угнали 60 па-

431

ровозов и 250 вагонов, практически ликвидировав местный железнодорожный транспорт²⁰⁰⁵.

Пришедшие на смену немцам французы вывезли через Крым примерно 60 тыс. т. зерна, 13 тыс. т. соли, 5 тыс. т. льна, табака и шерсти²⁰⁰⁶. Эвакуируя Одессу, французы захватили 120 находившихся в городе торговых судов с различным имуществом и товарами²⁰⁰⁷. Уведенные из одесского порта 112 транспортов составляли 9/10 всего русского торгового флота на Черном море. На протест советских властей французский адмирал ответил: «Военные и торговые суда не будут возвращены, так как взяты при военных действиях». При эвакуации из черноморских портов французы взорвали береговые укрепления и 5 линкоров Черноморского флота, затопили 11 подводных лодок. Врангелем, в ходе эвакуации Крыма, были уведены 2 линкора и около 20 других военных судов, более 100 пароходов и транспортов...²⁰⁰⁸ В Константинополе Врангель осуществил передачу вывезенных им кораблей Франции. В его заявлении говорилось, что «корабли могут быть приняты в обеспечение платежей, которые падут на Францию, и расходов, связанных с принятием ею обязательств в отношении эвакуируемых воинских частей и населения»²⁰⁰⁹. Но взяты были не только корабли. Врангель вспоминал: «Запасы, вывезенные из Крыма, были так велики, что я полгода смог бы содержать на них армию, если бы все это не было взято у меня французами»²⁰¹⁰.

За 9 месяцев пребывания в Баку англичане вывезли 450 тыс. т. марганца, 500 тыс. т. нефти²⁰¹¹. Ущерб, причиненный интервенцией Дальнему Востоку, был еще значительнее. Львиная доля вывоза шла в Японию. Основным объектом вывоза был лес (650 тыс. м³). Японцы во время оккупации вывозили 75% всего дальневосточного улова сельди (только за 1919 г. вывезено более 200 тыс. тонн) и практически весь улов лососевых. Было угнано в Манчжурию 2 тыс. вагонов и 300 речных и морских судов²⁰¹². На Уссурийской железной дороге подвижной состав был разрушен на 55%²⁰¹³.

Север России дал британцам льна, пеньки, смолы, марганцевой руды и др. на сумму 2 млн. ф. ст., американцам примерно на 800 тыс. ф. ст., французами — на 600 тыс. ф. ст.²⁰¹⁴ Всего было вывезено 30 тыс. тонн льна, 98 тыс. тонн марганцевой руды. Стоимость вывезенного леса составила 1 млн. ф. ст.²⁰¹⁵ 11 января 1919 г. управляющий канцелярией Отдела иностранных дел Северного правительства писал: «...что же касается экспортных товаров, то все, что имелось в Архангельске на складах, и все, что могло заинтересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти что безвалютно примерно на сумму 4 000 000 ф. ст.»²⁰¹⁶. Общий ущерб, нанесенный интервенцией Архангельской области, составил более 1 млрд. золотых рублей,²⁰¹⁷ в том числе 30 млн. безвозмездного вывоза и около 60 млн. вывоза товаров в результате «торговли». Интервенты захватили на Севере около 20 военных кораблей... Всего англичанами, французами, японцами, американцами, немцами и белогвардейцами было вывезено из России в 1918-1922 гг. более 800 судов²⁰¹⁸.

432

И если в случае с большевиками мы говорили о национализации, то в случае с «союзниками» речь идет о простом и откровенном грабеже. Показательный пример в этой связи дает история с Доброфлотом**, деятельность которого была возобновлена в 1922 г. Во время освобождения Владивостока войсками ДВР 27 судов русской Тихоокеанской эскадры и Доброфлота были уведены адмиралом Старком в Корею. Декретом президиума ВЦИК в 1922 г. Старку было предписано «возвратиться вместе с уведенными судами и добровольно сдать советскому правительству военные суда, военное и прочее имущество, принадлежащее РСФСР». 9 января 1923 г. НКВД РСФСР направил всем правительствам циркулярную ноту о том, что советское правительство не признает ни одной сделки по продаже уведенных судов, заключенных адмиралом Старком. 1 февраля НКВД заявил протест против допущения правительством США

распродажи судов... Правление Доброфлота предъявило иски английскому и американскому правительствам, а также отдельным лицам... В апреле 1929 г. специальный суд отклонил иск Доброфлота о возмещении стоимости судов, которые были реквизированы морским ведомством США. Отклонение иска обосновывалось тем, что США не признали СССР, и поэтому истец не имеет право предъявлять иск²⁰¹⁹.

Наемники не отставали от «демократических» интервентов. Впечатляющее описание отступления чехов с Волги приводит А. Краснов: «Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади — объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов ими было забрано на сумму свыше трех миллионов золотых рублей. резины на 40 миллионов рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т.д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету, эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 году.

* Добровольный флот (Доброфлот) был создан в России в 1878 г. на пожертвования, собранные по подписке с целью развития народного флота. К началу Первой мировой войны Добровольный флот располагал более чем 40 судами общей грузоподъемностью свыше 100 тыс. тонн, а также недвижимым имуществом в России и за границей...

433

Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорее приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с предрассудками²⁰²⁰. «К этому необходимо добавить, что чехи захватили и объявили своей собственностью огромное количество подвижного железнодорожного имущества: сотни... паровозов, десятки тысяч вагонов — один вагон приходился на двух чехов! Понятно, что такое количество легионерам было необходимо для провоза и хранения захваченной в России добычи, а никак не для нужд боевой службы... За спиной русских союзники всячески поощряли чехов»²⁰²¹.

Методы, которые использовали чехи для достижения столь выдающихся результатов, впечатляют не меньше: «Длинной лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с беженцами и санитарные поезда, направлявшиеся на восток. Однако лишь несколько головных эшелонов успели пробиться до Забайкалья, все остальные безнадежно застряли в пути. Много беззащитных стариков, женщин и детей... замерзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стало жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались большевики, с другой лежала бесконечная, холодная сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи. Постепенно замирала жизнь в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, умолкало рыдание матерей. Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны-саркофаги со своим страшным грузом, тихо перешептывались могучими ветвями вековые сибирские ели,

единственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их белым снежным саваном. Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи. Вместо того чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силой стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение». «Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенными ими на Волге, Урале и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов»²⁰²².

Эстонцы по сравнению с остальными занимались мелкой спекуляцией, используя выгоды своего территориального (приморского) положения. В. Горн писал, что на северо-западных территориях контроли-

434

руемых белыми, «с трудом удалось получить американский хлеб для населения. Между американцами и обывателями в роли комиссионеров начали фигурировать эстонцы. На вырученные за муку от обывателей деньги или путем натурального обмена с крестьянами город должен был накапливать запасы льна по указанному расчету и сдавать его эстонцам: «Расценка, установленная эстонцами, была раз в десять меньше английской, так что эстонцы за муку, отпущенную им в кредит американцами для населения Эстонии, получали колоссальные барыши». Эстонское правительство стремилось скупить подешевле весь псковский лен, чтобы образовать для своего казначейства прочный валютный фонд. Весь лен шел на английские рынки и очень выгодно для эстонских финансов переплавлялся в фунты, черную же работу *содействия* этой операции у нас на месте «с готовностью» взял на себя г. С.Н. Булак-Балахович, прославившийся своим садизмом и жестокостью. Нетрудно себе представить, во что вылилось такое содействие «меновой торговле» в атмосфере воцарившегося при «батьке» террора и произвола»²⁰²³.

Польша, одержав победу в польско-советской войне, согласно польской статистике, получила западнобелорусские земли с населением в 3 987 тыс. человек, из которых около 3 млн. составляли белорусы, и западно-украинские территории примерно с 10 млн. населения, из которого почти половина были украинцами. Правда, с учетом того, что польские статистики записывали поляками всех лиц католического и униатского вероисповедания, доля этнического польского населения на этих «восточных окраинах» составила всего лишь около 10%²⁰²⁴. За участие Польши в экономической жизни Российской империи польская делегация потребовала 300 млн. золотом, передачи ей 2 тыс. паровозов и большого числа вагонов, кроме угнанных в период войны 255 паровозов, 135 пассажирских и 8 859 товарных вагонов. Также польская делегация выдвинула и новые территориальные требования на Украине: Проскуров, Каменец-Подольский, Ново-Константинов и Новоушицк. В результате переговоров польская делегация согласилась на 30 млн. рублей золотом, но потребовала 12 тыс. кв. км. (В итоге Варшаве было передано около 3 тыс. кв. км в Полесье и на берегу р. Западная Двина). Кроме этого, Польша получила 300 паровозов, 435 пассажирских и 8 100 товарных вагонов и другое имущество всего на 18 245 тыс. рублей золотом. Польша освобождалась от долгов Российской империи²⁰²⁵.

Особый интерес, как правило, уделяется судьбе русского золота во время интервенции и гражданской войны. Что ж...

Согласно дополнительному секретному финансовому протоколу от 27 августа 1918 г. к Брестскому миру, Советская Россия обязывалась выплатить Германии 6 млрд. марок бумажными деньгами, товарами и 245,6 тоннами золота²⁰²⁶. Германия успела получить всего примерно 94 тонны золота, а также 203,6 млн. бумажных денег. Золото по окончании войны было конфисковано в качестве трофея и разделено пополам между Англией и Францией²⁰²⁷.

435

Колчак захватил 495 тонн золотого резерва России, из них ушло за границу 147,2²⁰²⁸ — 184 тонны золота. Например, в 1919 покупка 113 тыс. винтовок у фирмы «Ремингтон» была оплачена золотом (3,76 тонны)²⁰²⁹. Часть золота была продана на «золотой бирже» Владивостока французским и британским банкам на 15-20% ниже мировых цен. В Гонконг в апреле-ноябре 1919 г. было отправлено в залог под кредиты 33,4 тонны золота²⁰³⁰. Всего за 1919 год через Владивосток ушло в Японию 43 тонны, в Великобританию 46 тонн, в США 34 тонны, во Францию 20 тонн золота²⁰³¹. Значительная часть военных поставок, оплаченных золотом, не была осуществлена. Помимо покупки золота и принятия его в залог, японцы активно осуществляли незаконный захват золота²⁰³². В январе 1920 г. остатки золотого запаса, хранившегося во Владивостоке, были вывезены японцами по договоренности с генералом Розановым. Кроме этого, японцы передали на хранение сопровождавшим их атаманам около 3,5 тонн золота²⁰³³.

Часть русского золота получили и вновь образовавшиеся государства. По мирным договорам с Эстонией, Латвией, Польшей Советская Россия выделила причитающуюся этим странам долю золотого запаса исчезнувшей империи. В результате Эстония получила драгметалла 10,4 тонны, Латвия — 2,2 т., Польша — 22,2 тонны²⁰³⁴. Чехословакия согласно многочисленным исследованиям также сформировала свой золотой запас благодаря русскому золоту и невозвращенному серебру*. По данным колчаковского министра финансов В. Новицкого, чехами было вывезено на родину до 48 тонн золота²⁰³⁵. Если учесть, что с 4 по 7 февраля 1920 г. остатки колчаковского золота находились под охраной чехов, то такая сумма похищенного не выглядит невероятной. Газета «Известия» в 1924 году сообщала, что чешский Легио-банк, один из самых крупных и богатых, был основан на золото и драгоценности, вывезенные чехами из Сибири²⁰³⁶.

Можно конечно сослаться на то, что так интервенты поступали с «кровожадными» большевиками, а со своими союзниками белыми армиями, соратниками по борьбе, которые ценой сотен тысяч жизней русских солдат спасли в 1914 г. от падения Париж, они были более благосклонны. Отнюдь. На Северо-Западе России «французская миссия с августа вела переговоры о «компенсациях экономического характера» взамен за снабжение военным имуществом и после присылки одного-двух транспортов с ничтожным количеством запасов... Маклаков телеграфировал из Парижа, что французское правительство «вынуждено остановить отправку боевых припасов, что было бы особенно опасным для Юденича», если мы «не примем обязательство поставить на соответ-

* Передано в кредит Комучем Национальному чешскому совету 2 октября 1918 г. серебро на сумму 900 тыс. золотых рублей.

436

ствующую сумму пшеницу»²⁰³⁷. «Обосновавшись в Крыму, Врангель не имел никаких запасов и мог существовать лишь на валюту, получаемую от вывоза шерсти, табака и главным образом хлеба. Экспорт хлеба за границу имел колоссальное экономическое и политическое значение. Понятно, что крымское правительство выколачивало все, что можно было, у крестьян, и везло за границу»²⁰³⁸.

Франция признала Врангеля де-факто «правителем Юга России» в обмен на следующие обязательства с его стороны:

«1) Признать все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и **уплатой процентов на проценты**.

2) Франция конвертирует все русские долги и новый 6,5% заем с частичным годовым погашением на протяжении 35 лет.

3) Уплата процентов и ежегодные погашения гарантируются:

а) передачей Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России...;

б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей;

в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и Кубанской области;

г) предоставлением в распоряжение Франции 3/4 добычи нефти и бензина...;

д) передачей 1/4 добытого в Донецком районе угля...;

Пункты б), в), д) вступают в силу немедленно по занятии войсками генерала Врангеля соответствующих территорий.

4) При русских министерствах финансов, торговли и промышленности в будущем учреждаются французские финансовые и коммерческие канцелярии...²¹³⁹

Помощь генералу Краснову французы обусловили следующими требованиями: «Донские казаки должны предоставить все свое личное имущество в виде гарантии требований французских граждан, понесших материальные потери вследствие революции в России. Донские казаки должны возместить убытки тем из французских граждан, которые пострадали физически от большевиков, а также вознаградить семьи убитых в гражданской войне. Донские казаки обязуются удовлетворить требования тех французских предприятий, которые вынуждены были ликвидировать свои дела из-за беспорядков в России. Последнее относится не только к предприятиям, которые закрылись из-за революции, но и к тем, что были вынуждены правительством принять предписанные им низкие цены во время войны 1914—1917 годов. Французские владельцы предприятий и французские акционеры этих предприятий должны получить в виде вознаграждения всю сумму прибылей и дивидендов, которые они не получали с 1 августа 1914 года. Размер означенных прибылей и дивидендов должен соответствовать средним прибылям довоенного времени. К означенным суммам следует при-

437

бавить пять процентов годовых за срок, протекавший между 1 августа 1914 года и временем уплаты. Для рассмотрения требований французских граждан должна быть образована особая комиссия из представителей французских владельцев и акционеров под председательством французского генерального консула»²⁰⁴⁰.

А вот на каких условиях Франция предоставляла помощь петлюровской Директории:

«1) Франция получает концессии на 50 лет на все украинские железные дороги.

2) Украина берет на себя обязательство уплатить часть военных долгов России, падающих на ее долю.

3) Уплата займов гарантируется доходами от железных дорог.

4) Вся финансовая, торгово-промышленная, военная и железнодорожная политика Украины ведется под непосредственным контролем представителей французского правительства в течение 5 лет со дня подписания договора²⁰⁴¹.

Петлюровская Директория радостно ответила, что «отдает себя под руководство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украиной в области военной, дипломатической, политической, финансово-экономической и судебной в течение всего времени,

пока будет продолжаться война с большевиками»²⁰⁴². Менее чем за год до этого Рада с такой же готовностью соглашалась встать под немецкую защиту.

«Политика под контролем», указывал Деникин, означала превращение Украины если не в колонию, то в протекторат Германии или Франции. Но в не лучшем положении находился и сам Деникин, которому французы запретили входить в зону их интересов на черноморском побережье²⁰⁴³. Генерал Лукомский по этому поводу писал: «Другими словами, получилась просто обыкновенная оккупация французскими войсками одесской зоны, со всеми отсюда проистекающими последствиями. Ни о какой совместной работе французского командования и представителя генерала Деникина в Одессе не приходилось и говорить»²⁰⁴⁴. Великобритания, в свою очередь, запретила деникинским частям входить на территорию Закавказья, в сферу своих интересов. Лукомский отмечал: «Командование Добровольческой армии отлично понимало, что Великобритания, приняв на себя протекторат над Персией и заинтересованная в беспрепятственном получении нефти из Баку через Батум, стремится установить и поддержать в Закавказье полный порядок, и что одной из мер для этого является поддержание образовавшихся в Закавказье республик»²⁰⁴⁵.

В Сибири правила игры устанавливали американцы. Они мало чем отличались от тех, которые диктовали европейские союзники. «Особо не церемонясь, Моррис в ультимативной форме потребовал от адмирала (Колчака) немедленно принять ряд требований США, касавшихся

438

полного подчинения железных дорог американским советникам, предоставление «союзникам» различных льгот за их участие в интервенции. Моррис требовал выдачи этого аванса до совещания, и он его получил: Колчак обещал выполнить все требования и свое слово сдержал»²⁰⁴⁶.

Не менее показателен пример Японии. Еще когда Англия с Францией определяли будущие сферы своего влияния в России, предполагалось при разделе страны уделить внимание и Японии. Верховный военный совет Антанты полагал: «Если Япония просит компенсаций за употребленные ею усилия, то можно успокоить ее, дав ей возможность оккупировать небольшую часть Восточной Сибири... Это обстоятельство может помешать ей стремиться к экспансии где-либо в другом месте»²⁰⁴⁷. Конечно, любая из держав имела желание утвердиться на богатом лесом, пушниной, золотом Дальнем Востоке, но по поводу предстоящей операции японский посол в Лондоне Чинда заявил: «В случае необходимости применения войск... само географическое положение Японии дает ей естественное право и обязанность предпринимать такие операции одной, и поступившее предложение послать экспедиционный корпус от каждой державы-союзницы ввиду положения Империи и настроений ее народа, вызовет, я полагаю, большие разногласия... то же самое касается и американской экспедиции»²⁰⁴⁸.

При этом Накашима указывал генералу Домановскому, что военная помощь от Японии будет лишь тогда, когда белые «сформируют какой-либо правительственный орган, который можно будет рассматривать как независимое правительство»²⁰⁴⁹. Для чего нужно было такое правительство, видно из донесения госсекретарю США, в котором утверждается, что Накашима требовал от генерала Хорвата в обмен на военную помощь «срытие всех укреплений Владивостока, который становится открытым портом, полные права на рыбную ловлю по всей территории Сибири, свободное судоходство на реке Амур, предпочтительные права на лесные и угольные концессии, подобные затребованным у Китая»²⁰⁵⁰. Гревз замечал: «Несомненно, что британцы ожидали особых наград в случае, если Колчак достигнет успеха в образовании русского правительства; Япония же надеялась сделаться господствующей державой в Сибири при любом правительстве, которое могло быть там образовано»²⁰⁵¹.

Лидеры белого движения очень запоздало сами начали понимать, что ждет Россию, за которую они боролись в случае их победы. Деникин, получивший долгожданную помощь «союзников», тут же с горечью говорил: «Но вскоре мы узнали, что есть... «две Англии» и «две английские политики»²⁰⁵². Князь Трубецкой писал: «...Очевидно, что теперь, как и прежде, англичане руководствуются в своих отношениях к России не сентиментальными отношениями и не симпатиями, а холодным прозаическим расчетом»²⁰⁵³.
Председатель русского комитета

439

внешней торговли при Северном правительстве П. Калинин характеризовал происходящее как «колониальное завоевание»²⁰⁵⁴. Генерал Лукомский: «Мы тогда не отдавали себе отчета в том, что французское командование смотрит на районы, в которые вводит свои войска, как на оккупированные, и не допускает в них какого-либо иного влияния»²⁰⁵⁵. «Союзники, согласившись на наши условия, явно обманули нас, заняв область в своих личных интересах, ведя эксплуатацию ее природных богатств... В их задачу входило не усиление России, не объединение ее, а расчленение», приходил к выводу бывший член северного белогвардейского правительства В. Игнатьев²⁰⁵⁶. Другой член этого правительства генерал В. Марушевский заключал: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми»²⁰⁵⁷.

М. Волошин всего в нескольких строках показал восприятие современниками духа и динамики той эпохи, 21 ноября 1919 года он писал:

Одни идут освободить
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождам
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптанных жнив.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

440

Основоположник российского либерализма, убежденный «западник», бывший председатель кадетской партии П.Н. Милюков 4 января 1920 года писал

из Лондона своей сподвижнице графине С.В. Паниной, находившейся в Белой армии на Дону о настроениях в лондонских высших сферах: *«Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии (выделено самим П. Милюковым) ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов»*²⁰⁵⁸.

По словам Игнатьева, большевики воевали против иностранцев, пытавшихся рассматривать Россию, «как будущую колонию»²⁰⁵⁹. Русскому военному агенту во Франции вторил Великий князь Александр Михайлович: «Никто не спорит, они убили трех моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников»²⁰⁶⁰. Когда во время падения Омского правительства представители «союзников» «рекомендовали» Колчаку переправить русское золото в «безопасное место» — Францию, Колчак ответил «Я вам не верю и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам... По мнению Г. Гинса, фраза *«лучше с большевиками, чем с союзниками»* должна была бы войти в историю»²⁰⁶¹.

Но на этом плата за «помощь» не исчерпывалась, вернее она была только прелюдией к основному действию.

ДОЛГ

*«...наши условия могут быть строгими, суровыми и даже жестокими, но они должны быть в то же время в такой мере справедливыми, чтобы та страна, которой мы их предъявим, чувствовала, что жаловаться она не имеет права. Несправедливость и высокомерие, допущенные в час торжества, никогда не будут ни забыты, ни прощены»*²⁰⁶².

У. Черчилль (о исчислении репараций с Германии)

Национализация, проводимая большевиками, коснулась и иностранного капитала в России, в части национализации его собственности и аннулировании большевиками всех внешних и внутренних займов, царского и Временного правительств. Наиболее болезненными для иностранцев были вопросы долгов и национализация банков: «В России положение банков было особым, они контролировались иностранным

441

финансовым капиталом. В России было 8 больших частных банков, из них лишь один (Волжско-Вятский) мог считаться русским, но он был блокирован "семеркой», и капитал его рос медленно. Иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков». При этом «основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам. В горной, горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности 52% капитала было иностранным, в паровозостроении — 100%, в электрических и электротехнических компаниях 90%, все имеющиеся в России 20 трамвайных компаний принадлежали немцам и бельгийцам, и т.д.»²⁰⁶³.

Реакция американского посла на декреты о национализации и аннулировании долгов, была вполне предсказуема: «Дипломатический корпус, исключая меня, был единодушен в осуждении всех этих декретов. Я же полагал, что с декретами, касающимися внутренних дел, мы никак не связаны, следовательно, не должны выражать протест большевистскому правительству. Что касается декретов, упраздняющих долги иностранцам или иностранным государствам и нарушающих права собственности наших сограждан, в этом случае я желал присоединиться к протесту. В конце концов мы договорились о форме протеста и направили его Советскому правительству. В этом протесте заявлялось, что мы считаем постановления об отказе от уплаты государственного долга, о конфискации собственности и так далее недействительными в той их части, которая затрагивает интересы иностранных подданных, и что наши правительства

оставляют за собой право требовать возмещения всех убытков, которые могут понести иностранные государства в целом и их граждане, проживающие в России, в частности, в связи с исполнением этих декретов»²⁰⁶⁴.

Внешний довоенный долг России, при учете взаимных претензий, определялся в размере 4,2 млрд. золотых рублей (не считая германского, ок. 1,1 млрд), плюс 970 млн. железнодорожных займов, 340 млн. займов городов и 180 млн. займов земельных банков. Итого около 5,7 млрд. Кроме того, упоминались 3 млрд. иностранных капиталовложений в акционерные и неакционерные предприятия²⁰⁶⁵. Военный (1914-1917 гг.) внешний долг России определялся примерно в 7,5 млрд. золотых рублей. Т.е. за три года войны Россия назанимала за рубежом почти в 1,5 раза больше, чем за 20 предыдущих лет интенсивной, догоняющей индустриализации. Причем, если кредиты мирного времени шли в основном на инвестиционные цели, то военного — для покрытия военных расходов, то есть «проедались». В обеспечение кредитов во время войны в «союзную» Англию была вывезена почти треть всех золотых резервов России*.

* Во время войны в качестве залога в Английский банк было отправлено из России золота на общую стоимость 68 млн. ф. ст... (примерно 490 т.) (Сироткин В.Г..., с. 23-24)

442

Военный долг России (в млн. золотых рублей):

	Павловски й ²⁰⁶⁶	Апосто л ²⁰⁶⁷	Чубаков ² 068
Великобрит ании	5375,2	5480	5312,3
Франции	1481,1	1500	1546,9
США	311,2	435	542,2
Японии	247	290	354,1
Италии	13,5	83	13,5
Всего	7428	7788	7769

«Военные расходы России за войну составили (по февраль 1917 года) 29,6 млрд рублей, заказы за границей почти 8 млрд рублей, — но как пишет Н. Яковлев, — за внешне значительной суммой последних кроется очень небольшая отдача. Россия вела войну в подавляющей степени за счет собственного производства вооружения и снаряжения. По сравнению с тем, что было изготовлено в России, импорт оружия из-за границы составил: по винтовкам 30%, патронам к ним менее 1%, орудиям разных калибров 23%, снарядов к ним около 20% и т.д. Малая эффективность помощи союзников объясняется прежде всего тем, что русские военные заказы рассматривались в странах Антанты и США как досадная помеха. Они выполнялись кое-как, сроки поставок не выдерживались»²⁰⁶⁹. Например, Керенский писал 3 июля 1917 г.: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами (США, Англии, Франции), видимо, в значительной части из брака, так как 35% орудий не выдерживали двухдневной умеренной стрельбы (разрывались стволы)»²⁰⁷⁰. Ф. Степун также отмечал, что поступал в основном заводской брак²⁰⁷¹. Или из Франции, например, начали поступать снаряды... из чугуна! А. Маниковский в ответ на недоуменные вопросы с фронта докладывал в ставку: «А что я могу поделывать: ведь вопль был такой и гг. французы так сильны у нас, что в конце концов Особое совещание, несмотря на мои протесты, и дало заказы (хотя и немного) на это дерьмо...»

Яковлев продолжает: «Наконец, западные промышленники рассматривали русские заказы как средство наживы. Цены на вооружение и снаряжение

взвинчивались на 25-30% выше, чем для покупателей в западных странах. Крупные авансы, бездумно выданные еще при Сухомлинове, связали русские ведомства, которые ничего не могли поделать со срывом сроков, поставкой некачественной продукции. Что до кредитов России, то, как повелось в ростовщической практике западных банков, с них снимались различные комиссионные, на них нагревали руки биржевики. Игнатьев, неплохо узнавший за годы войны финансовую кухню Франции, в двадцатые годы был свидетелем ажиотажа, поднятого на Западе по поводу отказа СССР платить по займам до 1917 года. «Когда, — писал А. А. Игнатьев, — через десять лет после войны все тот

443

же Мессими, с которым в бытность его военным министром я переживал первые дни мобилизации, старался взвалить на Советскую Россию всю тяжесть долгов царской России, я дал ему следующий простой ответ: — Одолжите мне до следующего утра только двух ваших жандармов. Обойдя с ними четыре парижских банка, я потребую выписки из русского счета и принесу вам завтра добрую половину денег, оставшихся во Франции от русских займов»²⁰⁷².

Временное правительство, для того, чтобы получить новые кредиты, подтвердило свои обязательства по царским долгам. В результате министр финансов М.Терещенко в апреле 1917 г. признавал: «Ни для кого не тайна, в какой зависимости и в военном смысле, и в вопросе о средствах на дальнейшее ведение войны, мы находимся от наших союзников и главным образом от Америки». Западные кредиты предоставлялись Временному правительству не за «демократические достижения», а только при условии продолжения войны Россией: «Не будет войны не будет займов», — говорил И.Рут²⁰⁷⁵. Русское «пушечное мясо» в обмен на западные деньги, не новость, но кроме этого после войны Россия должна была еще и вернуть эти же деньги, да еще с процентами — отличный бизнес. Генерал Джадсон имел все основания заявить, что сравнительно небольшие затраты на Россию десятикратно окупились бы на войне²⁰⁷⁴.

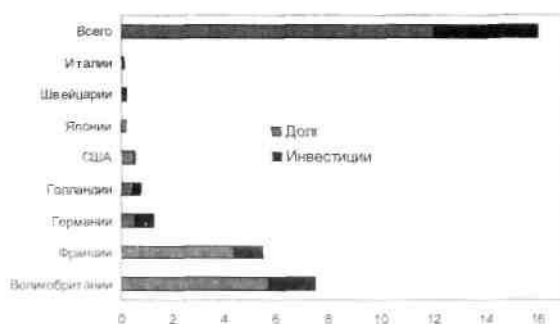
«Отрабатывая» еще не полученные, а только обещанные американские кредиты, в июне голодная, истощенная тремя годами войны русская армия поднялась в свое последнее в Первой мировой войне наступление... Кредиты, выделенные Временному правительству, составили всего лишь 125 млн. долл, что было в несколько раз меньше сумм кредитов, уже предоставленных США Англии и Франции. Между тем, отмечал Хауз, «если денег не будет, он [Бахметев] уверен, что правительство не протянет». По мере продолжения войны политики в Петроградском Совете все больше и больше левели. Хауз, похоже, понимал чрезвычайность ситуации. Он предупреждал Вильсона: «...Не думаю, будто уделяемое нами российской ситуации внимание может оказаться чрезмерным, ибо в случае неудачи наши трудности будут огромными и многочисленными»²⁰⁷⁵. Но в последний момент союзники отвернулись от России.

Складывалось парадоксальное и трагическое положение: Россия, спасшая Антанту в 1914-1916 гг., внесшая самый большой вклад в коалиционную войну, пошедшая за демократическими лозунгами «союзников», была брошена ими на произвол судьбы...

Совокупный (военный и довоенный) внешний долг России определялся в размере 12-13 млрд. золотых рублей, кроме этого иностранные инвестиции составляли около 4—3 млрд. Т.е. внешний долг России составлял половину всех ее расходов за Первую мировую войну. Распределялся долг следующим образом:

444

Совокупный внешний долг России²⁰⁷⁶, с учетом иностранных инвестиций²⁰⁷⁷, к Октябрю 1917 г., (в млрд. золотых рублей):

Накануне октября 1917 г. общий (внешний и внутренний) государственный долг России составлял 64 млрд. руб., или семнадцать довоенных годовых бюджетов России, в том числе краткосрочная задолженность по внутреннему долгу — 17 млрд. руб. Внешний долг равнялся — 16 млрд. руб., из них краткосрочная задолженность — 9 млрд. руб.* В случае «победоносного» окончания Первой мировой войны разоренная войной Россия, как победитель, должна была выплатить только западным кредиторам сразу более четырех государственных золотых резервов 1913 года.

Наглядное представление о величине долга России к февралю 1917 г. позволяют дать некоторые сравнения. Так, только краткосрочные внешние обязательства России в 1917 г., в эквивалентном по ВВП (1913 г.) соотношении, примерно в 4 раза превосходили все внешние долги России 2000-го года. Но в 1917 г. в России не было сравнимых с 2000 г. объемов добычи нефти и газа, а была только разоренная Первой мировой войной страна... В случае успеха интервенции «союзники» навряд ли просто так отдали своим «белым» Баку, северные, черноморские и дальневосточные порты... В случае победы перед «белыми» лежала бы полностью опустошенная, разграбленная страна, лишившаяся выходов к морям и оказавшаяся в долговой кабале у своих «союзников». П. Краснов в этой связи писал про Деникина и белое движение: «Какой ужас и позор! Сделать Россию ареной мировой борьбы, подвергнуть ее участи Бельгии и Сербии, обескровить ее, сжечь ее города и села, истоптать ее нивы и ее, голодную, поруганную и оплеванную, ее, поверженную в прах собственным бессилием, добить до конца!»²⁰⁷⁸

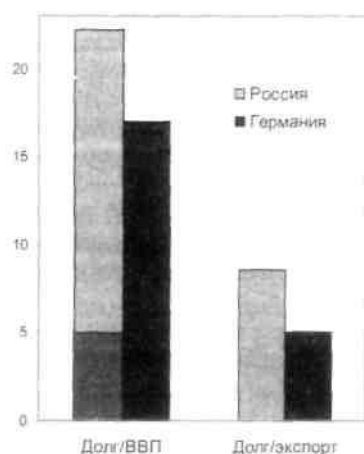
Можно и необходимо привести другое сравнение, а именно долгов России «союзникам» и величины репарации наложенной ими на побеж-

* На внутренние займы России приходилось 83% всех военных займов.

445

денную Германию по Версальскому договору. В абсолютных величинах долги России союзникам были в два раза меньше репараций. Так предельные военные репарации с Германии были определены странами Антанты в размере 2,5 млрд. ф.ст., а совокупный военный и довоенный долги России союзникам оценивались в 1,5 млрд. ф.ст. Но в данном случае более важное значение имеют относительные показатели:

Отношение внешнего и внутреннего долга России и величины репараций с Германии (по плану Дауэrsa) к ВВП* (в разax) Внешнего долга и репараций к экспорту России²⁰⁷⁹, и Германии²⁰⁸⁰ в 1913 г. (в разax)

* черный цвет — внешний долг России

Как наглядно демонстрирует график, внешний долг России" по отношению к ВВП был в 3,3 раза меньше, чем величина репарации с Германии. В то же время совокупный долг России (внешний и внутренний), по отношению к ВВП, на 20% превосходил сумму немецких репараций, которые были рассчитаны, как предельные. Правда, и их Германия выплатить не смогла. Но, скажет иностранный кредитор.

* График Долг/ВВП не дает абсолютных значений, а показывает только соотношение величин, из-за различной размерности сравниваемых параметров. ВВП в долларах 1990 г., долг и репарации в млн. фунтов стерлингов 1919 г.

** Без иностранных инвестиций и внутреннего долга, принадлежащего иностранным кредиторам.

446

можно было пожертвовать внутренним долгом ради выплаты внешнего... На практике это требование означало бы разорение собственной страны в угоду иностранным кредиторам. Напомним, для сравнения, что во время своей буржуазной революции Англия предпочла пожертвовать именно внешним долгом, но сохранить обязательства по внутреннему. Но даже если бы Россия согласилась пожертвовать внутренним долгом и выплатить весь внешний, у нее просто не было валюты для того чтобы выполнить свои обязательства в течение ближайшего столетия. Внешний долг по отношению к экспорту России более чем на 40% превышал предельные репарации с Германии. Конечно, Россия могла отдать весь свой золотой запас, но и он покрыл бы не больше 25% ее обязательств перед иностранными кредиторами.

Таким образом, уже к февралю 1917 г. Россия фактически являлась банкротом. Победа в Первой мировой войне оборачивалась для России полной колониальной зависимостью от своих союзников. Падение России не охладило пыла кредиторов, и основным требованием правительств Англии, Франции и США, неизменно предъявляемым к своим «белым союзникам» Деникину, Колчаку, Врангелю... оставался безусловный возврат долгов царского и Временного правительств. Победа, как «Временного правительства», так и «белых» в гражданской войне была равносильна государственному самоубийству России. По словам американца Б. Хоппера, в случае победы «*Россия, вероятно была бы заложена иностранным банкам*».

Причины аннулирования большевиками внешних долгов и национализации иностранной собственности кроются именно в этих предпосылках, а не в идеологии, которая служила лишь внешней формой...

Во-первых:

Первопричина кроется в невыполнении странами Антанты своих союзнических обязательств перед Россией. Так, английская промышленность к

марту 1917 г. произвела лишь порядка 20-25% русских военных заказов²⁰⁸¹, причем далеко не все оружие было поставлено в Россию. То же самое можно сказать о японских и шведских заказах²⁰⁸². Первокласные американские заводы «Ремингтон» и «Вестингауз» выполнили свои обязательства всего на 10%²⁰⁸³. Эти случаи невыполнения союзниками своих обязательств были скорее не исключением, а правилом. Н. Яковлев отмечал: «Заказы на винтовки были выполнены только на 5%, на патроны на 1%. Большинство заказов исполнено на 10-40%. Когда речь шла об уступке вооружения и снаряжения, то зачастую присылались неисправные или устаревшие предметы»²⁰⁸⁴. «В 1922 году советская делегация на международной экономической конференции в Генуе оценила ущерб, понесенный Россией в результате невыполнения союзниками своих обязательств в области материально-технической помощи, в 3 миллиарда рублей»²⁰⁸⁵.

447

Но это только относительно небольшая видимая часть вопроса. «Подводная часть айсберга» скрывается в том, что именно невыполнение союзниками своих фактических союзнических обязательств привело к радикальному перенапряжению сил России в войне. Ллойд Джордж уже после войны замечал: ***«История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе»***²⁰⁸⁶.

Этот счет Ллойд Джорджа можно примерно оценить исходя из размеров мобилизационной нагрузки стран участниц Первой мировой войны. При условии равенства среднегодовой мобилизационной нагрузки союзников²⁰⁸⁷, их помощь России, до октября 1917 г. должна была достичь 2-2,3 млрд. ф. ст.* Реально союзники оказали помощь на 0,8 млрд. ф.ст. Таким образом долг союзников перед Россией — счет Ллойд Джорджа, за время войны составил почти 1,5 млрд. ф. ст.** О величине этой суммы можно судить, сравнив ее с расходами Великобритании на ведение Первой мировой войны, которые достигли более 8 млрд. ф.ст.

Отсутствие союзнической помощи в тех конкретных условиях, привело к революции в России, ее поражению в войне и интервенции «союзников». После этого размер ущерба (долга союзников перед Россией) стал измеряться уже другим порядком...

Во-вторых:

Довоенные французские кредиты были по своей сути военными кредитами, Россия не столько получала от них выгоду, сколько обеспечивала безопасность Франции. Французы «охотно шли навстречу нам в деле помощи по постройке железных дорог, имевших большое значение для военных целей», но, по словам Сухомлинова, они «не могли быть всегда интересными в торговом отношении — их эксплуатация обещала убытки, а не доходы»²⁰⁸⁸. Представление об условиях этих кредитов дает пример лета 1913 г., когда французское правительство разрешило русскому «брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 миллионов франков в форме государственного займа или ценностей, обеспечиваемых государством для реализации программы железнодорожного строительства во всей империи на двояком условии: 1.) Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским Генеральным штабом, была предпринята немедленно. 2.) Чтобы наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены»²⁰⁸⁴. Кредиты выделялись под 7-11% годовых²⁰⁹⁰.

* Минимальная оценка только по мобилизационной нагрузке относительно ВВП. Следует при этом учитывать, что Россия получила союзническую помощь в виде кредитов на сумму около

0,8 млрд. ф. ст., из них 0,57 млрд. — от Англии.

** Примерно 14 млрд. золотых рублей

448

Во время войны французские кредиты были оплачены «русским государством кровью, миллионами людей и, в конце концов, его существованием. Вместе с тем эта помощь оказывалась при соблюдении строго коммерческих расчетов...»²⁰⁹¹ Действительно, по военным кредитам платят не деньгами, а кровью, и Россия выполнила свой долг сполна. Г. Уэллс писал: **«Страдания и смерть десятков тысяч русских солдат спасли Францию от поражения в этой кампании и сделали западные страны должниками великого и трагического русского народа»**²⁰⁹². Даже далеко не дружелюбно настроенный к России маршал Ф. Фош тем не менее утверждал: **«Если Франция не была стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»**²⁰⁹³.

В-третьих:

Все страны в той или иной мере аннулировали свои внешние и внутренние долги во время революций. Например, американцы во время своей революции отказались платить налоги, пошлины и использовать валюту Англии (по сути отказались от своих кредитных обязательств перед Англией), во время Великой французской революции правительство Франции отказалось от 2/3 своих государственных долгов, английское правительство во время своей буржуазной революции отказалось от уплаты всех своих — внешних долгов. Отказ от уплаты долгов был необходимым условием для успешного совершения любой революции, именно они помогают разорвать тот порочный круг, в котором оказалось зашедшее в тупик общество. Революции, национализации и отказ от уплаты долгов — это разовые экстраординарные события, показывающие что общество больно и ищет пути выздоровления В данном случае конфискации и аннулирование долгов не могут расцениваться в рамках традиционного права, поскольку оно в данном случае ставит законы выше условий выживания общества, что может привести только к его уничтожению. Большевики, точно так же, как в свое время американские, английские и французские революционеры, имели все права на аннулирование долгов, это право диктуется как высшими естественными законами развития человеческого общества, так и фундаментальными принципами демократии, которые проповедует тот же Запад...

В-четвертых:

Принцип союзнических отношений заключается в объединении сил и ресурсов союзников для достижения победы. В противном случае война превращается в чистый бизнес, где один из союзников наживается на разорении и бедствиях своего партнера. О том, что так и было во время Первой мировой, говорил даже Ллойд Джордж: **«руководители в обеих странах (Англии и Франции), по-видимому, так и не восприняли того, что должно было быть их руководящей идеей: они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы...»**²⁰⁹⁴ Не говоря уже о США, которые, провозглашая демократические лозунги, относились к войне, как к бизнесу и откровенно наживались на разорении европейских стран, убийстве и стра-

449

даниях десятков миллионов людей. Свое мнение о союзниках Великий князь Александр Михайлович уже в эмиграции выразил в следующей фразе: «Мы... прибыли сюда напомнить об оказанных «услугах» государственным деятелям, которые никогда не держали своих обещаний. Мы... призывали к чести людей, для которых «честь» была лишь относительным понятием»²⁰⁹⁵. Союзнические принципы восторжествуют только во время Второй мировой войны.

В-пятых:

Военные долги было невозможно выплатить и чисто по экономическим причинам. Ни один из европейских должников США не смог полностью рассчитаться по долгам Первой мировой войны. Выбивание «американским ростовщиком» долгов из своих союзников привело к сжатию и разорению экономик европейских стран и одновременно стало одним из факторов перенасыщения американской экономики деньгами. Результатом была Великая Депрессия, которая в итоге привела ко Второй мировой войне. Но эта тема уже следующего тома. А пока отметим, что США так же частично национализировали свою и чужую собственность, причем в объемах, значительно превышающих всю собственность, национализированную большевиками. Во время Великой Депрессии Рузвельт понизил золотое содержание доллара на 40%, что фактически означало присвоение 40% стоимости доллара американским правительством. Напомним, что доллар после Первой мировой войны играл роль ведущей мировой валюты. За Штатами свои валюты девальвировали Франция и Великобритания.

В-шестых:

Политический характер внешнего долга Российской империи подчеркивает тот факт, что долговые претензии на весь долг союзники предъявили только Советской России. Отделившиеся государства Прибалтики, Польша, получившие свою долю золотого запаса Российской империи, от уплаты союзнических долгов были освобождены. В том числе и Финляндия. Игнатьев по этому поводу говорил, что «не может же один только русский народ отвечать за военный долг, сделанный всей страной во время мировой войны»²⁰⁹⁶. Однако «союзников» такие детали мало смущали...

В-седьмых:

Вместо того, чтобы оказать помощь поверженному союзнику, страны Антанты начали против него интервенцию, и здесь у большевиков появилась еще одна веская причина не платить по долгам — встречные претензии. Они включали как прямой ущерб от вывоза и разрушения национального достояния, так и косвенные потери, связанные с общими экономическими и людскими потерями, захваченными территориями*.

* Оккупация Бессарабии (Румыния), 3 районов Минской губернии и Галиции (Польша), Карелии, Аландских островов (Финляндия) и Шпицбергена (Норвегия).

450

Общая сумма претензий, предъявленных Советской стороной на переговорах в Генуе за интервенцию странам Антанты, была определена в 50 млрд. золотых рублей или 1/3 всего национального богатства России²⁰⁹⁷.

Весьма интересно в данном случае будет привести отчет о переговорах советской и антантовской делегаций в 1922 г. на вилле «Альбертис»:

Ллойд Джордж: «Приведенные Литвиновым "поражающие воображение" цифры напомнили ему, Ллойд Джорджу, недавние переговоры с ирландцами по финансовым вопросам. Англичане назвали скромную сумму своих требований — 18 млн. ф. ст. в год, а контрпретензии ирландцев, куда были включены все несправедливости, причиненные Ирландии в течение веков, были заявлены в 3,5 млрд. ф. ст. В предъявленном Литвиновым документе названа сумма в 50 млрд. золотых рублей, величина «совершенно непостижимая». Для заявки такой суммы, сказал Ллойд Джордж, не стоило и ехать в Геную. «Союзные страны-кредиторы никогда и не признали бы никакой претензии, которая не была бы основана на справедливости и на праве возмещения за убытки, причиненные России». В такого рода делах у британцев есть немалый опыт, сказал далее Ллойд Джордж. Союзные правительства помогали лишь той из враждовавших в России сторон, которая поддерживала союзников против Германии. Западные державы, если бы возбудить дело перед судом справедливости, могли бы предъявить к России претензию за нарушение договора. Брест-Литовский мир и явился таким

нарушением. Все воевавшие нации понесли огромные потери, и то, что пришлось на долю Британии, это — ее долг в сумме более 8 млрд. ф. ст.

Можно учесть военные и другие факторы, ослабившие экономику России, сказал Ллойд Джордж, но нельзя делать скидок за финансовую помощь, оказанную ей отдельными лицами, например английскими фермерами. Практически нет никакого смысла заниматься другими предложениями союзных экспертов... «пока российская Делегация не придет к соглашению о русских долгах». Ллойд Джордж продолжал: «Британское правительство не компетентно согласиться с каким-либо уменьшением частных, индивидуальных долговых требований. Иное дело — государственные претензии к России, где можно было бы пойти на сокращение суммы долга и на снижение части просроченных или отсроченных на будущее процентов».

Г. Чичерин отвечал: «Мнение британского премьера о неосновательности советских контрпретензий ошибочно. Российская делегация могла бы доказать, что *контрреволюционное движение до момента поддержки из-за рубежа было бессильным, разгромленным и утратившим всякое значение*. Он, Чичерин, помнит о том, как 4 июня 1918 г. представители стран Антанты сделали заявление, что чехословацкие отряды, находившиеся в России, должны рассматриваться как «армия самой Антанты», находящаяся под покровительством и ответственностью союзных правительств. В распоряжении Советского прави-

451

тельства имеются договор между адмиралом Колчаком, Великобританией и Францией, акт о подчинении генерала Врангеля Колчаку и другие официальные документы. «Во время этих контрреволюционных событий был причинен огромный ущерб — до 1/3 национального богатства России, — вызванный вторжением и интервенцией, и за этот ущерб союзные правительства целиком ответственны... В настоящее время возмещение ущерба, причиненного правительственными действиями, является принципом международного права, уже признанным в случае с «Алабамой»...»*

Здесь затрагивался вопрос о военных долгах. «А что Россия выиграла от войны?!» — воскликнул Чичерин. Если бы мы получили Константинополь, то передали бы его нынешнему, с точки зрения Советской России, единственному законному правительству Турции. А население Восточной Галиции само определило бы свою волю. По существу дела, военные долги касались исключительно одних лишь союзников, которые извлекли прибыли из войны. Россия же от войны понесла более значительные потери, чем любое другое государство. 54% потерь Антанты приходятся на Россию. Русское правительство израсходовало 20 млрд. золотых рублей на войну, прибыли от которой пошли исключительно другой стороне... Союзные державы стремились сокрушить новую Россию, которая возникла из революции, и потерпели неудачу. Тем самым они освободили новую Россию от всяких обязательств Антанте...

Затем слово взял М. Литвинов по вопросу о претензиях частных лиц, бывших собственников национализированных предприятий... Практически отделить частные долги от правительственных невозможно. Во Франции и Англии, сказал Литвинов, было немало адвокатов интервенции, которые хотели силой отобрать «свое имущество». Например, Лесли Уркарт, помогавший адмиралу Колчаку свергать Советскую власть. А теперь он, Уркарт, говорит, что «не несет ответственности, а деньги свои хочет получить назад». Если бы он сделал это лет пять назад, то положение было бы иным, а теперь уже слишком поздно. Хотя русская делегация упомянула цифру в 50 млрд. золотых рублей, она не настаивает на выплате этой суммы...

Ллойд Джордж (в ответ)... провозгласил, что никаких обязательств в связи с претензиями, заявленными Советским правительством, представленные в Генуе

союзные государства-кредиторы принять не могут; никаких скидок Советскому правительству не может быть сделано ни по долгам, ни по финансовым обязательствам, право требования по которым принадлежит иностранным гражданам, ни в отношении прав этих граждан на возвращение им имущества или компенсацию за ущерб, причиненный этому имуществу, или за его утрату; вопрос о сокращении военного долга, отсрочке выплаты процентов по финансовым

* В 1872 году Англия уплатила США возмещение за ущерб, причиненный английским крейсером «Алабама», помогавшим южанам в гражданской войне (1861-1865 гг.) с Севером. (Любимов Н. Н., Эрлих А. Н..., с. 54)

452

требованиям и об аннулировании части просроченных или отсроченных процентов государства-кредиторы «ввиду тяжелого экономического положения России» готовы рассмотреть и решить благожелательно... Далее, союзные державы договорились рассматривать сначала вопрос о долгах, а затем—о восстановлении России. Вопрос о возврате имущества «в натуре» не следует смешивать с вопросами о долгах...

Г. Чичерин отвечал: «речь идет не о долгах, а о будущем, что и надо обсудить». Ллойд Джордж: «Британские банкиры не станут обсуждать вопросы будущего, пока прошлое не будет как следует урегулировано. Следует еще учредить специальную подкомиссию для обсуждения ряда правовых вопросов»...

«Будьте откровенны, мистер Ллойд Джордж, — заключал Г. Чичерин с горькой усмешкой, — Антанта хотела сокрушить новую Россию. Ей это не удалось. Мы — квиты»... Ллойд-Джордж ответил Г. Чичерину: *«Если у соседа раздор между двумя партиями, мы поддерживаем ту из них, которая идет с нами, и отказываемся от возмещения ущерба другой партии»*²⁰⁹⁸.

Какова же была реакция прессы на неофициальное совещание на вилле «Альбертис»? В газете «Нью-Йорк таймс» и других изданиях Нортклифа помещалась критика в адрес Ллойда Джорджа, который, по «снисходительной» оценке «Нью-Йорк таймс», занимался в Генуе «продажей британских интересов!». Попутно отмечалось, что в итальянском общественном мнении, наряду с известным недоверием к советской делегации, проявляется смешанное чувство любопытства и... симпатии. «Из газет тех дней мы узнали, что глава французской делегации Л. Барту был явно недоволен итогами дискуссии на вилле «Альбертис». В интервью представителем газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» он сказал: «50 млрд. рублей золотом — это вдвое больше, чем та сумма, которую Франция требует от Германии за четырехлетнюю опустошительную войну... Я отказываюсь входить в обсуждение обязательств по отношению к государству, которое своих обязательств не выполняет»²⁰⁹⁹.

Эта точка зрения не совпадала с позицией одного из членов английской делегации — известного экономиста Джона Мейнарда Кейнса. В той же газете «Нью-Йорк геральд трибюн», дискутируя с французами, он писал: «Если вы требуете непосильного, не получите ничего»... «Если мы применим по отношению к России те же самые приемы, которые применяли к Германии, и заставим ее под давлением экономических санкций дать такое обещание, которое она выполнить не может и о котором нам самим известно, что оно невыполнимо, мы опозорим себя. Предложение, которое мы сделаем России, должно быть такого рода, чтобы обеим сторонам его выполнение было выгодным». Затем «Кейнс дает отповедь и не в меру ретивым защитникам «святости обязательств», вытекающих из долговых отношений и иностранной собственности на территории государства, проводшего национализацию: *«Что же касается частных капиталистов, которые дают свои деньги иностранному государству,*

453

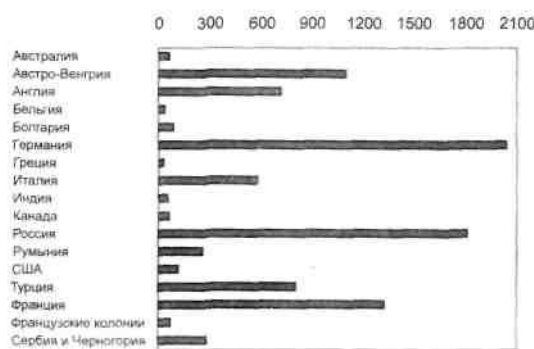
то они всегда делают рискованное дело, ибо нет такого принципа международного права, которое предоставляло бы им какие-либо гарантии. Поэтому-то капиталисты, которые дали свои деньги Царскому правительству, были вовлечены в весьма рискованное предприятие и должны будут чувствовать себя счастливыми, если получат хоть что-нибудь»²¹⁰⁰.

В конечном итоге вопросы долгов были в той или иной мере урегулированы со всеми странами, кроме США. Но на этом история царских долгов не закончилась. Правительство Ельцина в 1990-х выплатило 400 млн. долл. компенсации французским вкладчикам за аннулированные большевиками царские долги, а в **начале XXI века признания «долгов царского правительства» потребовали от России европейские страны при вступлении ее в Совет Европы.**

Однако вернемся в начало XX века. Ведь последствия интервенции были значительно трагичнее и серьезнее, чем даже тот урон, который насчитали большевики.

Во-первых, речь идет о человеческих жизнях. За 3,5 года Первой мировой, прямые военные потери России превысили даже потери Франции, провоевавшей 4,5 года.

Совокупные абсолютные военные потери в Первой Мировой войне в тыс. чел.²¹⁰¹

Помимо военных, Россия во время войны понесла соизмеримые потери мирного населения. Например, Керсновский отмечает, что летом 1915 года «в результате всех неудач Ставка потеряла дух. Растерявшись, она стала принимать решения явно несообразные. Одно из них — непродуманная эвакуация населения западных областей вглубь России — стоило стране сотен тысяч жизней и превратило военную неудачу в сильнейшее народное бедствие. Ставка надеялась этим мероприятием «создать ат-

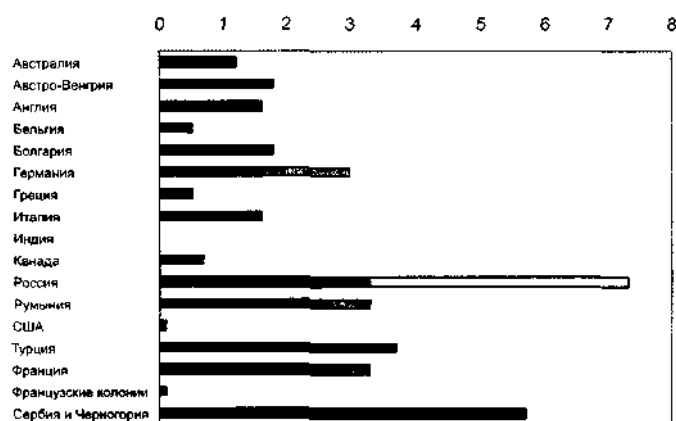
454

мосферу 1812 года», но добилась как раз противоположных результатов. По дорогам Литвы и Полесья потянулись бесконечными вереницами таборы сорванных с насиженных мест, доведенных до отчаяния людей... Ставка не отдавала себе отчета в том, что, подняв всю эту четырехмиллионную массу женщин, детей и стариков, ей надлежит позаботиться и об их пропитании... Множество, особенно детей, погибло от холеры и тифа...»²¹⁰² По современным данным, за 1914—1918 гг. от голода и массовых эпидемиологических заболеваний умерло 0,5 млн. человек. Еще около 100 тыс. мирных жителей погибло от немецкого и австро-венгерского террора²¹⁰³.

Относительные военные потери России в Первую мировую были сопоставимы с потерями других стран. И только гражданская война, «голодная блокада» и интервенция «союзников» унесли более, чем в 2,5 раза больше жизней, чем мировая война.

Относительные военные потери в Первой Мировой войне

*и прямые потери в гражданской войне в России,
в % от численности населения²¹⁰⁴*

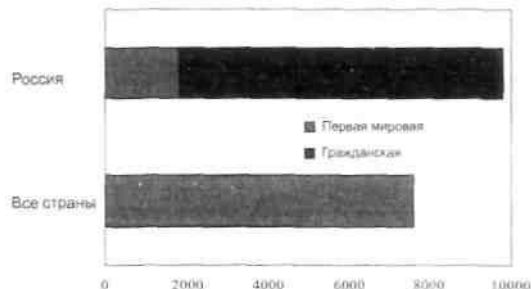
* Процент потерь для России взят от численности метрополии, поскольку почти 20 млн. мужчин призывного возраста, представлявших нацменьшинства, призыву в армию не подлежали.

** Россия. Темный цвет — военные потери во время гражданской войны и интервенции, светлый цвет — потери гражданского населения.

Только прямые потери России в Первой мировой и гражданской войнах превзошли людские потери всех стран, принимавших участие в Первой мировой войне вместе взятых, в то время как численность на-

селения России составляла примерно 30% от численности населения всех рассматриваемых стран.

***Совокупные людские потери всех стран, принимавших участие
в Первой мировой войне, без России и общие прямые потери России
в Первой мировой и гражданской войнах, в тыс. чел.²¹⁰⁵***

Причины огромной гибели людей и прежде всего мирного населения, крылись не в диком терроре гражданской войны, а в войне на истощение, которую вели в виде **интервенции и блокады** политические и деловые круги Англии, Франции, США... Сущность этой борьбы разъясняли сами лидеры британского правительства: «Доверие к стратегии борьбы на истощение, принятое генеральным штабом, доказывал Ллойд Джордж, имело результатом страшные потери в людях и полное отсутствие материальных успехов»²¹⁰⁶. У. Черчилль писал о Первой мировой: **«Нет более кровавой войны, чем война на истощение... Искалеченный и расхатанный мир, в котором мы живем сегодня, — наследник этих ужасных событий»**²¹⁰⁷. Но именно эту непрерывную тотальную войну на истощение вел сам У. Черчилль против России, на протяжении 4 лет после окончания мировой войны...

Во-вторых, речь идет о разрушении экономического потенциала общества. С началом интервенции и гражданской войны чрезмерная мобилизационная нагрузка, приведшая к падению царского режима и Временного правительства, продолжала нарастать. В первой книге «Запретной политэкономии» («Революция по-русски») указывалось, что мобилизационная нагрузка имеет свойство

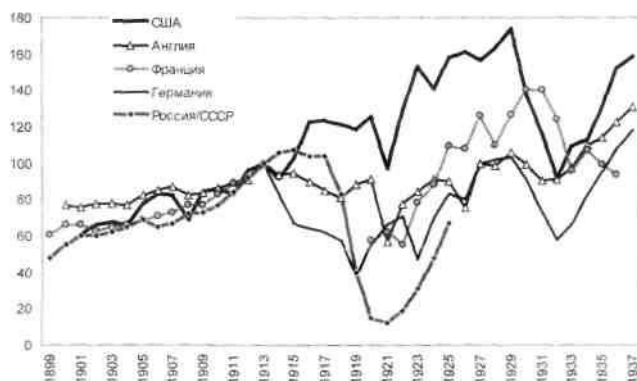
накапливаться и в этом плане зависит *от времени* действия неблагоприятных условий. При достижении ею определенного критического уровня происходит качественное изменение общественно-политической системы. На этот факт обращал внимание генерал, профессор Н. Михневич, который еще в 1911 г. в своей «Стратегии» писал: «Главный вопрос войны не в интенсивности напряжения сил государства, а в *продолжительности этого напряжения*, а это будет находиться в полной зависимости от

456

экономического строя государства». Ростоу, отмечая, что типичной причиной упадка были войны, указывает: **«Если возможность войны и небольшие военные предприятия способствовали модернизации общества, то большие и длительные войны требовали ресурсов больше, чем общество могло производить, что давало толчок саморазвивающемуся процессу экономического, политического и социального упадка»²¹⁰⁸**. Экономический строй царской России и Временного правительства не выдержал перегрузки, как в общем и подавляющего большинства развитых европейских стран, в которых вскоре после войны к власти придут те или иные диктатуры. Россия была наиболее отсталой и, брошенная союзниками, пала первой.

Однако на этом ее беды не закончились, тотальная гражданская война благодаря интервенции «союзников» продолжалась еще почти 3 года. Это привело к превышению критического значения упругого сопротивления общественной системы и экономики, и как следствие к необратимому, «саморазвивающемуся процессу экономического, политического и социального упадка». Этот процесс в определенной мере, демонстрирует график «Динамики промышленного производства» первой половины XX века.

Динамика промышленного производства, 1913-1914гг. =100%*

* Statistical Yearbook of League of Nations, National Bureau of Economic Research (Cambridge, MA, USA). Russia/USSR Кафенгауз Л.Б. «Эволюция промышленного производства России» — М.: Эпифания, 1994. -848 с, с 285. Оценке динамики промышленного производства в России в дореволюционный период посвящено множество исследований, например, Н.Д. Кондратьева, В.Е. Варзара, В.И. Бовыкина, И. Боренштейна, Г.В. Наттера, Я.П. Герчука, А. Гершенкрона, Р. Голдсмита, П. Грегори, (см. Поиск истины в исторических данных. Еще одна оценка промышленного производства в России 1887-1913 гг. Экономическая история. Ежегодник, 1999. — М.: РОССПЭН, 1999 — 502 с, с. 471-491.)

457

Уровень промышленного производства в России в 1913 году составлял 12,5% от уровня США, то есть был в 8 раз меньше. К 1920 году уровень промышленного производства в СССР снизился до 1,7% от американского, то есть был в 60 раз меньше²¹⁰⁴. Большинство правых исследователей, в том числе и Л. Кафенгауз, относят этот спад на счет экономической политики, проводимой большевиками. Этот тезис опровергают хотя бы два следующих замечания:

— к чему тогда можно отнести аналогичные спады в странах оплота

капитализма Германии, Франции, США, Англии, где коммунисты подавлялись в момент их появления?

— наследующий год после окончания гражданской войны, несмотря на голод и разруху в России, руководимой большевиками, начался бурный экономический рост.

Величина спада характеризует прежде всего глубину кризиса, которая была обусловлена Первой мировой войной и интервенцией Англии, Франции, США... в Россию. Разрушение экономического потенциала привело к необратимым политическим, социальным изменениям. Разрушение экономического потенциала подорвало возможности естественного восстановления и дальнейшего эволюционного социально-экономического пути развития России...

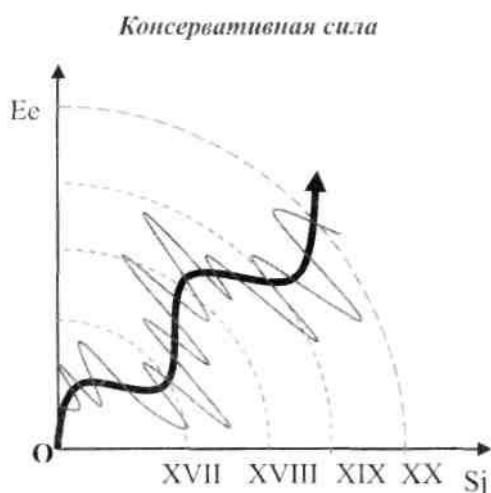
В-третьих, радикализация экономики вызывает к жизни столь же радикальные механизмы управления, являющиеся формой самозащиты, самосохранения общества. Если эти неблагоприятные условия продолжают достаточно длительный период времени, радикальные механизмы управления приобретают консервативно-патологический характер. Это отчетливо показал Троцкий в своих рассуждениях о принципах «демократического централизма», которые мы рассматривали выше. Ничто не проходит бесследно. Метастазы общественных и экономических потрясений прошлого простираются на десятилетия, а порой и столетия вперед. Об этом свидетельствуют хотя бы демографические волны, возникающие из-за снижения рождаемости в военные годы, которые повторяются каждые 20-25 лет на протяжении нескольких поколений... Но они формируют не только демографическую, но и соответствующие психологические и экономические тенденции...

У. Черчилль в своих рассуждениях по этому поводу отмечал: «Человеческие общества, как и все живые организмы, руководствуются инстинктом самосохранения. Каждое поколение доказывает этот принцип моральными, логическими или сентиментальными аргументами, которые приобретают впоследствии авторитет установленной доктрины. Детей обучают догмам, которые считались полезными их родителями и которые, вероятно, были действительно полезны в то время. Поэтому верования продолжают существовать и после того, как нужда в них миновала. Хотя это и не всегда бросается в глаза, тем не менее мы, в сущности, в любой период нашей жизни продолжаем верить в то оружие и в те уроки,

458

которые дала нам какая-то прошлая война. Наши потребности непрерывно меняются, причем меняются как темп их развития, так и размах их колебаний. Время от времени необходим удар извне, чтобы заставить нас пересмотреть наш опыт и установить новое соотношение вещей»²¹¹⁰. И У. Черчилль посвятил добрую часть своей жизни для подготовки этих внешних ударов по стране, которую он сам довел до того, что она была вынуждена бороться за выживание столь жестокими способами.

У. Черчилль в своих рассуждениях указывает еще на одну силу, которой мы ранее не касались. Это консервативная сила, которая опирается на традиции и преемственность. Если бы ее не было, то человеческое общество сотрясали бы непрерывные революции, то либеральные, то социальные. В конечном итоге общество, израсходовав все свои ресурсы на революции, перестало бы существовать. Консервативная сила в данном случае выполняет защитные функции. С другой стороны, ее можно сравнить с силой инерции. Поэтому для того, чтобы изменить ее направление, необходимо приложить значительные усилия, что снижает гибкость и приспособляемость общественной системы.

Приведем один наглядный пример действия консервативной силы, подтверждающий рассуждения У. Черчилля: А. Тойнби отмечал, что *«меч репрессий, отведав крови, не может усидеть в ножнах»*. Это утверждение справедливо для всех революций, в том числе и английской, и французской. В постреволюционной России большевики столкнулись с упрямым сопротивлением органа репрессий, который сами и создали.

После окончания гражданской войны и интервенции В. Ленин попытался ограничить деятельность ВЧК. Так, в декабре 1921 г. он заявил о необходимости ограничить ВЧК «сферой чисто политической»²¹¹¹.

459

В ответ 18 января 1922 г. Уншлихт послал Ленину проект коллегии ВЧК: оставить старое название, ограничить функции борьбой с контрреволюцией, оставить все карательные функции, по-прежнему ВЧК подчинить Совнаркому. Но Ленин был настойчив. В феврале в письме к народному комиссару юстиции Д. Курскому он указывал на необходимость создания «нового гражданского законодательства» в стране: «Прежде боевыми органами соввласти были главным образом наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю Нар. Ком. Юста». В этом законодательстве главное — борьба против преступлений, усиленных нэпом, — взяток, коррупции, экономического саботажа²¹¹².

Однако ВЧК стала уже настолько грозной силой, что даже В. Ленин был вынужден пойти на компромисс. 6 февраля 1922 г. в составе НКВД было создано государственное политическое управление (ГПУ) с задачами: борьба со шпионажем и бандитизмом, охрана железнодорожных и водных путей, охрана границ. ГПУ предоставлялось право обысков и арестов, получения тайной информации, сохранения кадров, право иметь свои войска. Ленин успокаивал Уншлихта и других чекистов: «Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу репрессий... Малейшее усиление бандитизма и т.п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте»²¹¹³. А. Литвин отмечает: «На первый взгляд функции ГПУ по сравнению с ВЧК были ограничены разведывательными и контрразведывательными задачами. Это был камуфляж. Было объявлено об упразднении ВЧК, но в ГПУ продолжали работать те же чекисты, требовавшие возвращения прежних прав и полномочий»²¹¹⁴. Пройдет всего менее 10 лет, и волна тенденций, поднятая интервенцией и гражданской войной, поднимется ВНОВЬ...

460

АЛЬТЕРНАТИВЫ

А МОГЛО ЛИ БЫТЬ ИНАЧЕ?

«Ничего существенно нового не произошло в моем отношении к советской России.

Советскую власть я считал единственной русской национальной властью, никакой другой нет, и только она представляет Россию в международных отношениях»²¹¹⁵.

Н. Бердяев

Внезапно появившиеся на сцене истории, из крови и насилия мировой войны, с радикальными лозунгами отмены частной собственности, диктатуры пролетариата, мировой революции... большевики вполне естественно должны были вызвать если не реакцию отторжения, то по крайней мере опасения западной цивилизации за свое будущее. Ожидать немедленного признания большевистской России в этих условиях было бы по крайней мере наивно. Коммунисты должны были на практике доказать свое право на существование, прогрессивность выдвигаемых ими идей и приверженность, если не ценностям цивилизации, то хотя бы свою неагрессивность по отношению к ним.

У союзников в свою очередь появлялся шанс продемонстрировать свою приверженность тем демократическим принципам, которые они провозглашали. Так, Хауз писал Вильсону, если США пойдут на интервенцию в Россию, то «наше положение будет не лучше, чем у немцев»²¹¹⁶ Консул США в Архангельске Коул: *«Интервенция будет противоречить всем нашим обещаниям, которые были даны русскому народу с 26 октября 1917 года... Мы потеряем моральное превосходство над Германией, которое везде для нас является источником силы, поскольку мы опустимся до методов Германии, а именно — интервенции и силы...»*²¹¹⁷ В начале 1918 г. Вильсон утверждал, «что политика интервенции только усилит крайние революционные элементы в России и создаст возмущение во всей стране. Кроме того, само вступление **на** путь интервенции противоречит демократическим и военным целям

⁴⁶¹

Америки»²¹¹⁸. В феврале 1919 г. Вильсон писал Хаузу: «Мы не воюем с Россией и ни при каких обстоятельствах, которые мы можем сейчас предвидеть, мы не примем участия в военных операциях против русских»²¹¹⁹. Спустя год В. Вильсон в очередной раз повторял, «что вооруженная борьба союзников с большевизмом служит на пользу большевикам, давая последним возможность утверждать, что империалистические и капиталистические правительства стремятся возратить земли помещикам и поддерживают монархистов, что союзники идут против народа и намереваются вмешаться в его внутренние дела... Если, с другой стороны, союзники могли бы превозмочь отвращение, которое они чувствуют по отношению к большевикам, и собрать представителей всех борющихся в России группировок, то это дало бы в результате реакцию против большевиков»²¹²⁰. Но интервенция все-таки началась.

Был ли другой выход? Один из альтернативных вариантов предложил консул США в Архангельске Коул. Спустя два месяца после начала интервенции 1 июня 1918 г. он писал своему послу Фрэнсису: «...5. Социалисты-революционеры, меньшевики и кадеты, которые сейчас поддерживают идею интервенции, дискредитировали себя и сейчас стремятся вернуть себе власть. Они могут «руководить» народом только тогда, когда провозглашали лозунги: «Мир» (прекратить военные действия), «Анти-империализм» (предлог для дезертирства с фронта) и «Социализм» (предлог для того, чтобы неопределенно поднимать цены и присваивать землю или собственность, принадлежащие другим, — таково невежественное понимание крестьянина). *Те самые люди, которые сейчас молятся о том, чтобы наши штыки восстановили их власть, сделали даже больше, чем большевики, чтобы разрушить Русский фронт и общее дело союзников в России. Они в большей степени, чем большевики, несут ответственность за сегодняшние ужасные сражения во Франции.* Большевики не губили армию. Они просто воспользовались ее крушением, чтобы

захватить власть. Эсеровская, меньшевистская и кадетская «интеллигенция» никогда не будет править в России. Их место у дымящегося самовара, а не в залах правительства. Их приглашение вступить в Россию не исходит от русского народа. Сегодня, как и год назад, они неправильно судят о его настроении...

7. Ребенок никогда не сможет понять, что его шлепают для его же пользы. Массы русских из низших слоев все еще верят в большевиков. Интервенция отпугнет тысячи антигермански настроенных большевиков, а мы получим поддержку лишь со стороны дискредитировавшей себя «интеллигенции» и буржуазии. Буржуазия же вскоре потеряет к нам интерес, если мы не восстановим ее банковские счета.

8. Любое иностранное вторжение вглубь России терпело поражение. Немцы это знают, и они заняли только ближайшие и самые плодородные районы, они не пошли на бесперспективный Север. Если они пойдут дальше, это приведет их лишь к гибели, если только они не вступят

462

в союз с советским правительством против союзников. Если мы войдем в Россию и будем продвигаться вглубь ее, мы потерпим неудачу. Ради будущего я считаю, что в настоящий момент Россия не представляет для нас выгоды с военной точки зрения... Союзникам очень важно, чтобы любое сотрудничество между русскими и немцами было тайным и чтобы оно было осуществлено либо при помощи грубой силы со стороны Германии против воли России, либо подкупом со стороны Германии и предательством со стороны России. Действия союзников не должны послужить поводом для оправдания такого сотрудничества...

11. Мы продадим наше право первородства в России за чашку похлебки. Право первородства — это будущее дружественное экономическое сотрудничество с великой и свободной демократией, контролирующей несказанные богатства. Похлебкой будет возвращение нескольких тысяч тонн грузов, которые мы когда-то отправили в Россию, решив, что сами сможем обойтись без них; временный контроль (потому что мы не хотим аннексии) над несколькими сотнями квадратных миль леса и бесплодной северной тундры, бездорожной и пока непродуктивной. Новый фронт будет отвлекать наши и без того скромные военные ресурсы, а взамен мы получим лишь благодарность нескольких дискредитировавших себя политиков, не имеющих избирателей.

Я оставляю без внимания точку зрения, которая, на мой взгляд, должна в конечном счете оправдать интервенцию, а именно: наша политика в России должна быть такой, чтобы последняя оставалась в разрухе. Это помешает Германии использовать Россию так же, как после революции Германия помешала союзникам использовать Россию, способствуя сохранению там разрухи и беспорядка.

А сейчас о том, как я считаю лучше всего встретить Германию в России и сразиться с ней.

Россия уже давно окончательно и определенно вышла из войны. Следовательно, союзники в России ведут с Германией экономическую борьбу, которую называют «войной после войны». Частично благодаря экономической отсталости России, частично благодаря самой войне, частично благодаря экономической недальнорукости большевиков, Россия истощена в экономическом и финансовом отношении. Она во власти Германии — сейчас и еще на долгие годы. Это совсем невыгодно союзникам, потому что и сейчас, и в будущем это укрепляет Германию. Следовательно, наша задача — сделать Россию независимой от Германии, посылая, насколько позволяют наши потребности, все, что ей необходимо для фабрик (оборудование и материалы), а также сельскохозяйственные орудия для полей. Если это приведет к получению избытков зерна, нам нужно будет купить его для собственного потребления,

чтобы помешать Германии воспользоваться им.

Мы в лучшей степени сможем установить дружеские отношения в России, торгуя сахаром, обувью, рыболовными сетями и машинами, чем введением туда двухсот-пятисоттысячного войска... Торговля

463

с Россией возможна через различные внешнеторговые советы и комитеты, а также через другие правительственные учреждения. Фактически такие учреждения очень выгодны для нас, так как они будут гарантировать поступление товаров к действительным потребителям, чего не сможет сделать торговля с частными фирмами. Россия и большевики хотят торговать с нами. Нам нужны многие продукты, которые Россия уже имеет в изобилии. Кроме всего этого, торговля должна помочь России снова поставить на ноги ее промышленность и предотвратить усиление ее зависимости от Германии.

Короче говоря, интервенция — в этом можно быть уверенным —

1) будет развиваться дальше, чем первоначально запланировано, вовлекая непредсказуемое количество судов, людей и материалов;

2) не сможет восстановить Россию как военный фактор в войне с Германией, так как в России нет военных действий, кроме небольших спорадических, классовых или партийных столкновений;

3) нарушит наше официальное обещание России не вмешиваться. Продолжение настоящей политики:

1) не создает для нас новых врагов в России, кроме буржуазии, которая считает, что наша обязанность — спасти ее банковские счета;

2) усилит контраст между союзниками и Германией; союзники примирятся с ущербом (аннулирование займов) и оскорблением (опубликование секретных договоров) без использования грубой силы в виде возмездия, в отличие от Германии;

3) сохранит наши скромные людские и материальные ресурсы; если же их придется делить на два фронта, объем такого деления невозможно предугадать.

Продолжение нашей настоящей политики непризнания, но участия в широком торговом сотрудничестве, насколько позволяет количество наших судов и материальные ресурсы...

2) даст возможность приостановить отправку груза или вернуть его в любой момент по нашему желанию..

4) поможет России в какой-то степени встать на ноги в промышленном, экономическом и финансовом отношении; это, на мой взгляд, является самой важной задачей в данный момент, в противном случае мы всегда будем на втором месте в России после Германии; после войны германский милитаризм, если не будет полностью сокрушен, будет иметь неиссякаемый источник ресурсов.

Сегодня нет большей опасности в мире, чем та, что Россия будет германизирована, за исключением той опасности, что Германия победит на Западном фронте. Политика создания сильной и независимой в коммерческом, финансовом и промышленном отношении России будет задачей всей политики союзников в России в будущем, и сейчас пора к этому приступить. Время для солдат в России ушло безвозвратно. Союзники должны сразиться с Германией в России через торговлю...

464

Ни одно из приведенных соображений не приуменьшает ни в малейшей степени необходимость иметь мощные морские силы в гавани Архангельска, в Мурманске и Белом море, чтобы укрепить Россию и в целом упрочить наше положение здесь. Это принесет большую помощь, но не причинит ущерба в отличие от интервенции. Морские силы во всех перечисленных пунктах должны быть значительны»²¹²¹.

Предложения Коула, несмотря на их ярко выраженную антигерманскую подоплеку, были реальной базой для решения «Русского вопроса» — превращения России в развитое демократическое государство. Тезисы Коула очень тесно переплетались с мыслями советника президента США Хауза, американских представителей Джадсона и Робинса, да и самого президента В. Вильсона. Американский президент совершенно откровенно стремился избежать интервенции. В послании к конгрессу 4 декабря 1917 г. Вильсон, под воздействием доводов А. Балларда²¹²² и посла Фрэнсиса определил свою позицию в отношении большевистской России — просвещение, пропаганда, бездействие до тех пор, пока русские самостоятельно не избавятся от большевиков и отказ от признания Советской власти де-факто*. Вильсон «хотел, чтобы русские сами создали свое будущее, и выражал уверенность в том, что демократия пробьет себе дорогу»²¹²³.

2 января 1918 г. Хауз записал в своем дневнике, что Соединенным Штатам следует искать сближения с большевиками и постараться «распространять нашу финансовую и промышленную поддержку по всем мыслимым направлениям»²¹²⁴. Первый из «Четырнадцати пунктов» Вильсона звучал гимном большевистской России, этот голос: «является самым волнующим и убедительным среди голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа... Мощь русского народа, по-видимому, сокрушена. Но дух его не покорен... Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества». В *шестом* пункте речь снова шла о России. Президент так определил свою позицию: «Эвакуация иностранных войск со всей русской территории — таково решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит получение ею возможности независимого определения своего собственного поли-

* Довод Балларда заключался в том, что недемократичный по своей природе большевизм опирается на «произвольную и безответственную власть, базирующуюся лишь на физическом контроле над населением». А. Балларда поддержал крайне консервативно настроенный генеральный консул Саммерс. Саммерс Лансингу, 27 ноября 1917 г., FRUS, 1918, Russia, 1: 270-271; см. также Kennan G. F. Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 155-156 (Дэвис Д., Трани Ю... с. 146)

465

тического развития, проведения национальной политики; обеспечение приглашения ее в сообщество свободных наций на условиях гарантии независимого выбора своих политических институтов». Обращение, которому Россия подвергается со стороны своих сестер-наций в грядущие месяцы, будет убедительным испытанием их доброй воли, их пониманием ее нужд»²¹²⁵. Этот VI пункт говорил о том, что Вильсон был в той или иной мере готов признать Советскую власть. Показательно, что спустя несколько дней Вильсон направил в госдеп предложение сенатора Р. Оуэна о признании США большевистской власти де-факто. «Ваша рекомендация в последние недели немало занимает мои мысли», — писал он Оуэну²¹²⁶.

Киган отмечает наличие схожих настроений в Великобритании и Франции: «Изначально у союзников не было никакого стремления сделать большевиков своими противниками. На то была серьезная и хорошо известная причина — искренняя ненависть большевиков к немцам, австрийцам и туркам как к завоевателям, расхищающим историческую российскую территорию...»¹¹²⁷ «22 июля 1918 года премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж сообщал Военному кабинету, что «Британии нет дела до того, какого рода правительство установилось в России — республика, большевики или монархия»... Такой точки зрения до определенного времени придерживалась и Франция. До апреля 1918

года наиболее влиятельные партии во французском Генеральном штабе отклоняли предложения оказать поддержку антибольшевистским силам, так называемым «патриотическим группам», на том основании, что они предпочли германскую оккупацию по классовым соображениям, в то время, как большевики стали жертвами обмана Союза Центральных держав и теперь, возможно, поняв свои прошлые ошибки, по крайней мере, обещали продолжать борьбу. Позже Франции было суждено отказаться от этой точки зрения и занять наиболее твердую антибольшевистскую позицию среди всех союзных держав»²¹²⁸. Но почему?

Киган объясняет: «...В течение весны 1918 года Великобритания и Америка питали надежды на то, что при помощи большевиков им удастся восстановить Восточный фронт, военные действия на котором должны были облегчить немецкое давление на Западе, где союзникам угрожало поражение. С этой целью — вновь открыть Восточный фронт — они имели все виды и на чехов. Но союзники позволили себе постепенно все больше оказывать поддержку белым войскам — что окончательно запутало положение, которое Ленин и Сталин позже стали представлять как изначально проявленную враждебность западных держав к делу революции. На самом деле союзники, отчаявшиеся предотвратить новое наступление немцев, не совершали никаких антибольшевистских акций вплоть до середины лета 1918 года. С этого времени поступающие сведения неоспоримо указывали на то, что большевики отказались от своей первоначальной антигерманской политики и стали принимать милости от германской стороны ради собственного выживания»²¹²⁹.

466

Позиция Кигана вполне показательна: он по сути признает преступный характер интервенции и пытается найти ей оправдание, как и его предшественники в прогерманской позиции большевиков. Большевики, действительно, в июле 1918 г. сели за стол переговоров с представителями Германии, они действительно стали бороться за «собственное выживание». Правда, переговоры начались только спустя полгода, после того, как правительства Великобритании, Франции и США объявили блокаду России, начали финансировать и вооружать белые армии Краснова и Алексеева на Юге, развязывая масштабную гражданскую войну. После того, как интервенты высадились в Мурманске и устроили заговор послов и восстание эсеров в Вологде и Ярославле. При этом «союзники» категорически отказывались от переговоров с большевиками.

А ведь большевики, несмотря ни на что, неоднократно предлагали сотрудничество. Например, 29 июля 1918 года наркоминдел Чичерин писал Фрэнсису: «Я использую этот последний перед вашим отъездом момент для того, чтобы еще раз выразить мое глубокое сожаление по поводу неблагоприятного стечения обстоятельств, результатом которого стало ваше нынешнее путешествие через море... Передайте, пожалуйста, в своих посланиях, которые вы будете отправлять за океан, нашу любовь и восхищение великому народу пионеров нового континента, потомкам революционеров Кромвеля и братьев по оружию Вашингтона»²¹³⁰. Показательна реакция Фрэнсиса на обращение к нему большевистского министра иностранных дел: «Эта телеграмма явно предназначалась американским пацифистам, и, опасаясь, что она будет передана Госдепартаментом американскому народу, я не стал пересылать ее»²¹³¹.

Но вот война закончилась. Германская угроза, служившая поводом для интервенции в Россию, исчезла. Причем, по мнению Хауза, «интервенция в том виде, в каком она была в конце концов проведена, не оказала влияние на Западе (на западном фронте)»²¹³². Сразу после подписания перемирия в Компьене Чичерин «вручил представителям нейтральных государств ноту для союзнических правительств, в которой Совнарком объявил, что хотел бы

положить конец военным действиям между русскими войсками и войсками Антанты. По его мнению, заключение мирного договора как бы несло в себе более или менее формальное признание советского правительства»²¹³³.

Большевикам, несмотря на их лозунги «мировой революции», был нужен мир, он был для них жизненно необходим, не менее необходимо им было деловое и политическое сотрудничество с Западом, ради этого Ленин был готов пойти на кардинальные уступки. Казалось, открывалась великолепная возможность восстановить мир и сотрудничество. Можно не сомневаться, что вышеприведенные предложения консула США в Архангельске Коула были бы приняты Лениным без возражений. Локкарт, например, еще в начале 1918 г. утверждал, что любое коллективное заявление союзников будет большевиками принято.

467

В январе 1919 г. американский представитель в Лондоне Тублер после переговоров с Литвиновым информировал свое правительство: «Военная интервенция и оккупация России, даже если они в конечном итоге будут успешными, потребуют неопределенно большого времени... Я полностью убедился в том, что мы можем заключить соглашение, обеспечивающее иностранные интересы и иностранные долги, если мы не очень урежем русскую территорию. Если Сибирь и угольные и нефтяные месторождения будут потеряны Россией, то условия относительно долгов будут пропорционально ухудшены»²¹³⁴.

В феврале 1919 г., на основании позиции Вильсона, представители Антанты пригласили все организованные политические группировки России собраться на Принцевых островах для обсуждения способов водворения в России порядка и спокойствия²¹³⁵. Вильсон был готов встретиться даже только с одними большевиками²¹³⁶. По мнению Ллойд Джорджа, предстояло «собрать представителей большевиков и белых и лимитрофов... подобно тому, как Римская империя приглашала военачальников плативших ей дань государств для того, чтобы они давали отчет в своих действиях»²¹³⁷. Конференция изначально несла в себе двойственный характер, с одной стороны — она открывала возможность для переговоров, с другой — условия переговоров включали: неприкосновенность всех существующих на момент переговоров правительств на той территории, которую они занимали в тот момент, что фактически закрепляло расчленение России. Позиция Высшего военного совета Антанты носила откровенно провокационный характер, так Бальфур заявлял: «Большевики, вероятно, откажутся принять такие условия и тем самым поставят себя в невыгодное положение»²¹³⁸. На тех же ожиданиях строил свои планы У. Черчилль, который, «заранее предвидя возможность отказа со стороны советского правительства принять условия союзников», готовил широкомасштабную интервенцию против большевистской России²¹³⁹. Другими словами, Антанта по сути предъявляла большевикам провокационный ультиматум, аналогичный тому, который Австро-Венгрия предъявила в июле 1914 г. Сербии. Он должен был легализовать интервенцию в России, как предыдущий «легализовывал» агрессию Германии.

Но большевики согласились, в том числе и на нахождение «на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Соглашения или же таких, которые содержатся правительством Соглашения»²¹⁴⁰. Большевики были готовы идти даже дальше: «они готовы идти навстречу желаниям союзных держав по вопросу об уплате долгов, о предоставлении концессий на разработку лесных и горных богатств, о правах держав Антанты на аннексию тех или иных территорий России»²¹⁴¹. Ленин сравнивал «Принцевы острова» с «Брестским миром»: «Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрез-

вычайно насильнического характера»²¹⁴². Но когда «Большевики ответили на это предложение согласием, белые... с презрением его отвергли»²¹⁴³.

Украина поставила условием своего присутствия вывод с ее территории частей Красной Армии²¹⁴⁴. Правительства Архангельска, Омска и Юга России «отвергли любую возможность заключения какого-либо соглашения с большевиками, равно как и любые переговоры с ними»²¹⁴⁵. Их поддержало французское правительство, которое «вошло в соглашение с украинскими и другими антисоветскими группировками, обещая оказать им поддержку, если они откажутся принять это предложение. Такое поведение Франции вызывалось ее особой заинтересованностью в получении русских долгов, согласия на уплату которых она не могла ожидать со стороны советского правительства»²¹⁴⁶. Причина отказа белых от участия в конференции была весьма прозаична: при любом варианте попытки установления демократической единой власти в России (например, при помощи учредительного собрания) они неизбежно проигрывали выборы левым социал-демократам. Если белые отказывались от единой власти, то тем самым закрепляли расчленение России, то есть шли против своих принципов. Согласие большевиков привело к тому, что как печально указывал Черчилль: «по основному вопросу союзные державы в Париже не решили, желают ли они воевать с большевиками или заключить с ними мир... Предложение о созыве конференции на Принцевых островах сыграло свою роль в том, что началось общее утомление и упадок духа...»²¹⁴⁷

Несмотря на развертывание широкомасштабной интервенции, большевики не оставляли надежд на мирное соглашение с Западом. В феврале 1919 г. Ленин принял условия меморандума Керра: существующие на российской территории правительства де-факто сохраняются; военная помощь им прекращается; союзнические войска выводятся. Советы признают долги, от которых они отказались, и т.д.²¹⁴⁸ В том же феврале большевистское правительство само обратилось к Парижской мирной конференции: «Советское мирное предложение было с удовлетворением принято полковником Хаузом в Париже, который довел его содержание до сведения Вильсона, но последний заявил, что он слишком занят Германией, чтобы думать о России...»²¹⁴⁹

Правда, спустя несколько дней, с согласия Ллойд Джорджа, он, через своего доверенного советника Э. Хауза, попытался сепаратно договориться с большевиками. Хауз утверждал: «...Мы должны каким-то образом связаться с Советским правительством и представить ему подходящий для нас проект мирного договора»²¹⁵⁰. 22 февраля президент послал в Москву У. Буллита²¹⁵¹. Последний сообщал о своих ежедневных беседах с Чичериным и Литвиновым, а также об одобрении предложений ВЦИКом... Он пришел к выводу, что Ленин, Чичерин и Литвинов «полностью сознают необходимость достижения мира в России и поэтому настроены в высшей степени примирительно». «Я уверен, — продолжал он, — в возможности подкорректировать их за-

469
явления таким образом, чтобы они не стали для них неприемлемыми». «Ленин, Чичерин, Литвинов и другие руководители Советской России, с которыми я беседовал, выразили безоговорочную решимость Советского правительства заплатить иностранные долги. Я убежден, что по этому пункту споров не возникнет»²¹⁵².

Буллит напрямую связывал тяжелое положение в России с интервенцией союзников²¹⁵³. Он заявлял о поддержке народом власти. Власть Советов, «кажется, становится для русского народа символом революции». Позиции большевистской партии были достаточно сильны. В условиях блокады, интервенции и помощи союзников антибольшевистским силам она пользуется

определенной поддержкой оппозиции. Ленин был готов к компромиссу: «Ленин склоняется к отступлению от своих принципов по всем пунктам. Он готов пойти навстречу западным правительствам». Буллит подчеркивал, что в России нельзя «создать ни одно правительство, кроме социалистического». Сторонники Ленина столь же умеренны, как и другие социалисты. Ни в Европе, ни во всем мире нельзя заключить никакого мира до тех пор, «пока не заключен мир с революцией». Необходимо снять блокаду и наладить поставки, хотя бы для того, чтобы ослабить позиции большевиков. Интервенция вынудит оппозиционные партии поддержать Ленина. Если победят Колчак или Деникин, пройдет еще более кровавая чистка. Красная Армия сражается «с энтузиазмом крестоносцев».

По мнению Драммонда, «если принять большевистские предложения, привезенные мистером Буллитом, будут решены многие трудности, с которыми сейчас сталкиваются участники (Парижской) конференции»... При этом он приводил простые и веские доводы: если Германии не понравятся условия союзников, она больше не сможет угрожать альянсом с большевиками; балтийские страны сумеют без всякого вмешательства сформировать свои правительства; в будущем будут исключены инциденты, подобные венгерскому; и, самое главное, в Европе и в Азии наступит политическая стабилизация»²¹⁵⁴. Д. Дэвис и Ю. Трани считают, что нежелательная огласка миссии Буллита уничтожила эту возможность установления отношений между Россией и Западом²¹⁵⁵. У. Черчилль по поводу миссии изливал свой яд: «Негодование французов и англичан против всякого соглашения с большевиками достигло своего предела, и советские предложения Буллиту, которые без сомнения, были сами по себе лживы, вызвали всеобщее презрение»²¹⁵⁶.

Позицию В. Вильсона поддерживали руководители всех миссий, которые он посылал в Россию. Робинс, после возвращения из России, пришел к мнению, что мысли Вильсона «гораздо разумней того, на что я считал способным их автора. Я расхожусь с ним лишь в практических деталях»²¹⁵⁷. 15 мая 1918 г. Р. Робинс утверждал, что если бы ему дали поговорить с президентом Вильсоном всего час, он уговорил бы того признать большевистское правительство²¹⁵⁸. Робинс выступал против интервенции и призывал к экономическому сотрудничеству²¹⁵⁹.

Военный атташе

470

в России Джадсон так же склонялся к сотрудничеству с большевиками. Он писал, что ему ясно, что «большевики намерены остаться... и большевики, что бы мы о них ни думали, находятся в положении, которое позволяет решать многие вопросы, вероятно, имеющие жизненно важное влияние на исход войны»²¹⁶⁰. В декабре 1919 г. американский атташе У. Баклер снова сообщал после встречи с Литвиновым, что «Советы были готовы выплатить иностранные долги, защитить иностранные предприятия, предоставить концессии. «Примиренческая позиция Советского правительства очевидна»... На всех российских граждан предлагалось распространить амнистию. Финляндии, Польше и Украине должно было быть предоставлено право на самоопределение»²¹⁶¹.

Буллит отмечал, что Ленин превратился в легенду, «весьма поразительный человек, — откровенный, прямой, но также и гениальный, с большим юмором и ясностью мысли»²¹⁶². Кстати, в том же духе о Ленине говорил Дж. Кейнс, как о выдающемся явлении человеческой цивилизации. Бывший английский посол, ярый сторонник интервенции Бьюкенен писал о лидерах большевиков: «На их стороне превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, наличие которого у них вначале не предполагали. Как ни велико мое отвращение к их террористическим методам и как ни оплакиваю я разрушение и нищету, в которую они ввергли мою страну, я охотно соглашусь, с тем, что и Ленин и Троцкий — необыкновенные люди.

Предшествующие министры, в руки которых Россия отдала свою судьбу, оказались слабыми и неспособными, а теперь, в силу какого-то жестокого поворота судьбы, единственные два действительно сильных человека, созданных Россией в течение войны, оказались созданными для довершения ее разорения»²¹⁶³. Философ Бертран Рассел был другого мнения, по его словам: «Над миром царит проклятие, Ленин и Троцкий — единственные светлые пятна»²¹⁶⁴. Американский писатель А. Вильямс утверждал, что: «Первый Совет Народных Комиссаров — если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владеют, по своей культуре и образованности выше любого кабинета министров в мире»²¹⁶⁵. В феврале 1924 г. Рассел напишет: «Смерть Ленина лишает мир единственного действительно великого человека, которого породила война. Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна»²¹⁶⁶.

Д. Дэвис и Ю. Трани в своем исследовании вполне обоснованно приходят к выводу, «что враждебные отношения между США и Советской Россией не были неизбежны»²¹⁶⁷, к такому же результату пришли и российские исследователи еще в 1920-х годах, в том числе М.Покровский, в 1975 г. о том же писал Р. Ганелин. Конечно, было бы опрометчивым идеализировать Вильсона или Ллойда Джорджа (как, впрочем, Ленина и Троцкого), они оставались людьми своего времени и своего круга, тем не менее в своем социал-демократическом развитии

471

они были прогрессивны и намного опережали время. Результирующий вектор их политики неизбежно во многом зависел от действия большого количества, в первую очередь реакционных внутренних и внешних сил. Очевидно что неизбежная раздвоенность лидеров двух стран привела Черчилля к выводу, что «вялые усилия заключить мир с большевиками сопровождались такими же вялыми попытками вести с ними войну»²¹⁶⁸. Позиция премьер-министра Великобритании не слишком сильно расходилась с позицией В.Вильсона. В ноябре 1919 г. Ллойд Джордж писал: «Я верю, что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России... Мы слишком часто слышали об «огромных возможностях в России», которые так никогда и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год мы уже истратили более 100 млн. фунтов стерлингов на Россию... Россия не хочет, чтобы ее освобождали. Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама...» Ллойд Джордж не отвергал напрочь идею переговоров с коммунистическим правительством в Москве²¹⁶⁹.

Но два лидера наиболее могущественных стран мира США и Великобритании, эти ярчайшие представители передовых демократий того времени, оказались абсолютно беспомощными перед лицом своих собственных правительств и вчистую проиграли им схватку за Россию. При этом Вильсон и Ллойд Джордж имели полную поддержку своих народов, явно нежелавших продлевать «удовольствия» войны. Они имели протянутую руку Москвы, которая не была приглашена в Париж, но готова была признать царские долги, открыть двери для иностранных инвестиций и концессий, прекратить подрывную революционную деятельность за рубежом, амнистировать противников ленинского режима и признать независимость Финляндии, Польши и Украины в обмен на дипломатическое признание и прекращение интервенции²¹⁷⁰. Тем не менее интервенция началась, под благородными лозунгами борьбы за демократию, за освобождение народа России от ига большевиков. М. Вебер в этой связи еще в 1905 г. предупреждал: *«Разговоры о «бескорыстных» освободительных войнах в наше время, когда за сценой военных действий потирает руки капитализм, кажутся опасной утопией»*²¹⁷¹.

472

ОКТАБРЬ 1917 Г. — РУССКАЯ, МИРОВАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

...Какую бы судьбу ни уготовило будущее революции, каким бы коротким ни было пребывание у власти русского народа, первое правительство, непосредственно представляющее крестьян и рабочих, разбросает по всему миру семена, которые дадут всходы...

Ж. Садуль, ноябрь 1917²¹⁷²

Чем была Русская социалистическая революция? Какой она вошла в историю человечества? Кровавой резней взбунтовавшихся рабов? Вакханалией насилия фанатиков, дорвавшихся до власти? Безумством русских недочеловеков? Дала ли что-нибудь она человечеству? Какой урок преподнесла?

Ответ для многих, казалось бы, более чем очевиден. Большевистское государство сразу и однозначно было объявлено империей зла, или «скотным двором», по Дж. Оруэллу. На протяжении почти всего XX века развитыми странами против СССР и марксизма велась ожесточенная борьба, принимавшая формы то «горячей», то «холодной» войны. Ненависть, с которой они велись, можно сравнить только с религиозными войнами средневековья. Ради чего велась столь ожесточенная борьба, какие идеи отстаивала русская революция, что вызвала столь яростную реакцию западного мира?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к первоисточнику, к марксистской теории, ставшей идеологической основой большевизма. Какие же основополагающие принципы выдвигали Маркс и Энгельс, что вызвали столь неистовую ненависть «правых» во всем мире?

473

Во-первых, Маркс утвердил и научно обосновал принципы социальной справедливости, вступившие в непримиримое противоречие с догмами либерализма, которые с XVII века исповедовал западный мир. Идеи социальной справедливости возникли примерно в то же время, что и либеральные, в виде утопического социализма, но не получили и не могли тогда получить широкого распространения. Тем не менее они эволюционировали в своем развитии и особую силу приобрели во время французских революций. Прорывом идей социализма стало появление работ Маркса и Энгельса.

Маркс не придумал новый закон развития — принцип социальной справедливости, он лишь через критику современного ему буржуазного общества описал его. *До Маркса существовало только два идейно-политических движения, возникших со становлением капитализма — консерватизм и либерализм. Основная заслуга Маркса состоит в том, что именно ему принадлежит утверждение, как идейно-политического движения, третьей составляющей общественного развития — социализма*". Д'Амиго в связи с этим отмечает, что «именно Маркс находится у истоков современных представлений о том, что такое общество, именно он задал новые направления для социальных исследований»³¹⁷¹. Новые либералы Е. Гайдар и В. Мау указывают: «Трудно переоценить влияние, которое оказали Маркс и его учение на осмысление логики и закономерностей мирового социально-экономического развития. Как воспринимали это учение его последователи, хорошо выразил признанный лидер марксизма в России конца XIX в. Г. Плеханов: «Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника»²¹⁷⁴. Д. Норт писал: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию»²¹⁷⁵. Американский экономист Е. Хант в этой связи отмечал: «Я верю в то, что если и когда будет создано общество, основанное на

принципах истинного равенства и свободы, его создатели будут многим обязаны идеям К. Маркса»²¹⁷⁶.

Во-вторых, Маркс внес в политэкономии понятие эволюции, как Дарвин в органическом мире. «Маркс был, безусловно, гением, — пишут американские экономисты Р. Хайлбронер и П. Туроу, — человеком, изменившим характер нашего мышления об обществе (во всех аспектах).

* Три составляющие, три уравнивающие друг друга силы, определяющие общественное развитие это:

Консерватизм — термин, означающий опору на традиции и преемственность.

Либерализм — провозглашающий примат политических, гражданских и экономических свобод.

Социализм — отстаивающий социальную справедливость, свободу и равенство.

474

как историческом и социологическом, так и экономическом) столь же радикально, как Платон изменил характер мышления философского, а Фрейд — психологического. Очень немногие экономисты сегодня прорабатывают всю необъятную массу работ Маркса; но, так или иначе, его воздействие затронуло большинство из нас, даже если мы не отдаем себе отчета в этом. Марксу мы обязаны фундаментальной идеей о том, что капитализм — *развивающаяся* система, вышедшая из конкретного исторического прошлого и медленно, неравномернодвигающаяся к иной, неясно различимой форме общества»²¹⁷⁷.

В-третьих, Маркс определил, что переход от старого общественно-политического устройства к новому может осуществиться только революционным путем. Этот тезис Маркса подвергся ожесточенной критике. Например, Е. Гайдар и В. Мау в своей критике ссылаются на исследования известных экономистов*, которые «позволили выявить устойчивые..., связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими характеристиками, развитием образования, показателями здоровья нации»²¹⁷⁸, а так же на выводы политологов, которые в свою очередь установили зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества²¹⁷⁹. В связи с этим либералы утверждают, что экономический прогресс сам определяет социально-политическое развитие общества. Так, Ф. Хайек заявляет, что если бы Энгельс и Маркс подождали десять лет — до того времени, когда признаки экономического прогресса и существенного роста реальной заработной платы станут очевидны, трудно предположить, что «Положение рабочего класса в Англии» и «Коммунистический манифест» были бы написаны»²¹⁸⁰.

Но если предположить, что развитие человечества однозначно определяется только экономическим прогрессом, то и английскую и французскую буржуазные революции следует признать либо полной бессмыслицей, либо преступлением. Ведь экономический прогресс, следуя данной логике, должен был сам по себе утвердить новый общественно-политический строй. И тогда, если бы противники Карла I или Людовика XVI подождали несколько десятков лет, то и буржуазные революции были бы не нужны. Восстановление статус-кво в данном случае возможно лишь при условии, что экономический прогресс только *создает возможности и предпосылки* для социального и политического развития, но не определяет его.

В-четвертых. Маркс на базе своего учения создал коммунистическую идеологию. Этот пункт подвергся наиболее ожесточенной критике, поскольку отход от чистой науки неизбежно должен был оказать влияние на прогностическую ценность марксизма. Е. Гайдар и В. Мау в связи с этим указывают: «Маркс переоценил возможность прогнози-

* С. Кузнец, М. Абрамович, А. Мэддисон, Р. Барро.

475

ровать развитие общества...»²¹⁸¹ Дж. Дан писал: «Марксизм как теория, как последовательная доктрина оказался несостоятельным. ...История революций XX века... до сих пор подтверждает несостоятельность марксизма»²¹⁸². А Кохан, считавший марксистскую теорию, «возможно, наиболее значительной из всех школ революционной мысли», подчеркивал, что «как метод прогнозирования она не нашла подтверждения применительно к индустриальному обществу»²¹⁸³. Ф. Хайек в 1944 г. публикует «Дорогу к рабству», где выдвигает систему аргументов, подтверждающих, что социализм и марксизм обречены на поражение²¹⁸⁴. Действительно, марксизм, как утопический социализм, обречен...

Но Маркс идеологизировал свои научные теории не для строительства воздушных замков, а для превращения их в инструмент революционной борьбы. «Философы лишь различным образом *объясняют* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его», — писал он²¹⁸⁵. Сами либералы указывают, что практический смысл марксистской идеологии «состоял в создании доктринальной базы для обоснования «классовой борьбы пролетариата»²¹⁸⁶. Потребность в идеалистической идеологии возникла у материалиста Маркса именно из этих чисто практических соображений.

Идеология — это не наука в чистом виде и не средство предсказания будущего, а инструмент борьбы за него. ***Ценность и правильность той или иной идеи заключается не в том, достигла она своего полного воплощения или нет, а в том, какое влияние она оказала на развитие общества.*** Разве хоть одна из религий достигла своего идеала, но ведь именно они установили нравственные и культурные основы всех без исключения человеческих обществ*.

А. Фурсов в связи с этим отмечает, что «в капиталистической системе марксизм как идеология занимает нишу, эквивалентную той, которую сначала в Римской империи, а затем в Европейской цивилизации... занимало христианство»²¹⁸⁷. «...В последние полтора века в христианском мире Маркс — вторая по значению и известности фигура после Христа. Если же говорить о нехристианском мире, то, думаю, здесь известность и значение Маркса как фигуры и знака не уступает или почти не уступает в XX в. Христу... В пользу подобного сопоставления и сравнения высказывается и Б. де Жувенель. Отмечая решающую роль Маркса в развитии европейского массового сознания последних трехсот лет, он пишет, что аналогом мощнейшему посмертному существованию Маркса являются только основатели великих религий»²¹⁸⁸.

* Те же самые функции, что марксистская идеология выполняла в XX веке, кальвинистская религия осуществляла в XVIII столетии. И в том и другом случае, посредством идеологии, религии изменялся политэкономический общественный строй.

476

МОДЕЛЬ ТЕОРИИ МАРКСА

Как же работала марксистская теория на практике? Свое практическое начало она берет с середины XIX столетия, когда капитализм и демократия образца XVII века достигла пика своего развития и постепенно вырождались в «диктатуру капитала» — господство буржуазной аристократии. Этот факт констатировали даже яростные оппоненты марксизма: «...начиная с 1850 года, в Викторианскую эпоху, институты капитализма на некоторое время стали господствующими не только в экономической, но и политической, религиозной и культурной жизни, что напоминает о временах господства феодальной аристократии»²¹⁸⁹. Ницше по этому поводу указывал: «Теперешняя же так называемая демократия отличается от старых форм правления единственно только тем, что едет на новых лошадях; дороги же и экипажи остались прежние. — Но меньше ли от этого стала опасность, грозящая народному благосостоянию?»²¹⁹⁰ Место абсолютной

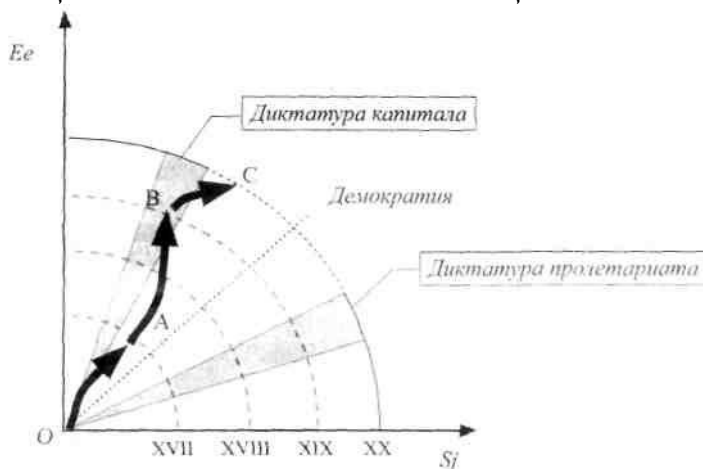
монархии в иерархии общества заняла аристократия нового типа, установившая вместо «права по рождению» «право собственности».

К. Маркс описывал процесс превращения либеральной демократии XVII в. в «диктатуру капитала» XIX столетия следующим образом: «По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства»²¹⁹¹. При этом Маркс отмечал, что «в той мере, в какой капитал не встречает организованного сопротивления со стороны трудящихся, он усиливает все формы экономического и политического давления». Критики скажут, что капиталистическое общество, хоть и медленно, но все же эволюционировало в социальном (демократическом) направлении. Безусловно да, но не больше, чем абсолютная монархия, которая в свое время так же эволюционировала в сторону капитализма. Однако для того, чтобы совершить качественный переход к капитализму, потребовалась буржуазная революция.

Для наглядной демонстрации вышеприведенных рассуждений обратимся к нашему графику: «Диктатура капитала», по утверждению Маркса, могла быть преодолена только за счет установления «диктатуры пролетариата». Противоборство двух диктатур должно было привести к смещению общественно-политического равновесия из сектора «диктатуры» в сектор демократии. На практике так и получилось. Под влиянием конкурентной борьбы этих двух сил Запад снова оказался в секторе Демократии, но уже образца XX века.

477

Общественно-политическая эволюция капитализма в XVII-XX веках

Наглядный пример подобной эволюции дают США, страны, не знавшей наследия феодализма, ужаса и разорений Первой мировой войны, страны передового либерализма и демократии, выращенных в тепличных условиях мирной жизни. В начале 30-х не марксисты, а президент США Ф. Рузвельт фактически подтверждал учение К. Маркса о «диктатуре капитала», на примере собственной страны: «Это естественно и, возможно, в природе человека, что привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся захватить контроль над правительством. Они создали новый деспотизм и обернули его в одежды легальных санкций. Служа им, новые наемники стремятся поставить под свой контроль народ, его рабочую силу, собственность народа. В результате обычный американец снова стоит перед теми проблемами, перед которыми стояли борцы за независимость страны... Эти роялисты экономического порядка согласны с тем, что отстаивание политической свободы — дело государства, но экономическое рабство, по их мнению, этого государства не касается. Они согласны, что государство должно

защищать право гражданина голосовать, но они отрицают за государством право гарантировать гражданину право на работу и право на жизнь.. Но мы считаем, что, если гражданин имеет равные права на избирательном участке, он должен иметь равные права и на рынке труда». Эти экономические роялисты жалуются, что мы стремимся сокрушить базовые американские установления. На самом деле они боятся, что мы лишим их власти. Наша приверженность американским установлениям требует от нас из-

478

менить этот порядок вещей. Зря они прячутся за нашим национальным флагом и за конституцией». Аудитория теперь слушала стоя. «Демократия, а не тирания, свобода, а не подчинение... Враг стоит внутри наших стен»²¹⁹².

Рузвельт совершенно четко выделял две крайности: «диктатуру капитала» с одной стороны и «диктатуру труда» — «русский большевизм» с другой, между которыми он хотел провести свою страну. Рузвельт сдвигал точку, в которой находились США, в сектор демократии образца XX века. Соединенные Штаты благодаря «золотому дождю», пролившемуся над Новым Светом во время Первой и Второй мировой войн прошли этот процесс значительно легче, чем разоренные войнами европейские страны. Рузвельт в своих реформах опирался на работы Дж. Кейнса, работавшего в начале 20-х в большевистской России и именно на ее опыте сформировавшего свои теории, в качестве фактического советника Рузвельта по социальным вопросам выступал известный экономист бывший большевик русский социал-демократ В. Войтинский. В. Шубарт по этому поводу, отмечал: «Русские взяли на себя судьбу Европы, предвосхитив ее. Теперь мы видим пропасть, в которую ей придется упасть, если она не отречется от своих идей или не оставит их»²¹⁹³. В равной степени это утверждение касается и США, и всего Запада.

Каковы же были практические последствия влияния идей Маркса на формирование нового общества XX века? Приведем всего три примера:

Первый пример демонстрируют реформы Л. Эрхарда в Германии, которые в той или иной мере отражали идеи К. Маркса, изложенные в работе «Заработная плата, цена и прибыль»³¹⁹⁴. Эта работа была посвящена анализу и критике концепций противников забастовочного движения, которые утверждали, что выполнение требований повышения заработной платы приведет к росту цен на выпускаемую продукцию и, как следствие, сворачиванию производства и безработице. Если рабочие действительно хотят жить лучше, то они должны больше работать, быть бережливее, и тогда в результате общего улучшения жизни возрастут и их доходы.

К. Маркс показал, что цены на рынке товаров первой необходимости диктует не отдельный предприниматель, а рынок. Рост заработной платы вызовет рост цен на этом рынке, а капиталист компенсирует свои убытки и ликвидирует дополнительный доход рабочих. У капиталистов же, производящих предметы роскоши, дела будут обстоять иначе. Причем в обществе, где 2/3 национального продукта потребляется пятой частью населения, производителей таких предметов очень много и они не смогут компенсировать падение прибыли повышением цен на свои

479

товары, так как спрос на них снизится. В результате капитал начнет перетекать в те области экономики, где норма прибыли выше, что приведет к увеличению производства предметов первой необходимости и соответствующему снижению цен на них до уровня, обеспечивающего равную норму прибыли во всех областях экономики. Таким образом, следствием повышения заработной платы рабочим станет не только перераспределение доходов, но и переориентация экономики на удовлетворение нужд малообеспеченных слоев населения²¹⁹³.

В подтверждение своих слов Маркс привел пример принятого в 1848 г. билля о полуторачасовом сокращении рабочего дня при сохранении прежней заработной платы. Это сокращение, осуществленное принудительным образом во всех ведущих отраслях английской промышленности, соответствовало повышению почасовой заработной платы и рассматривалось тогда многими экономистами как подрыв конкурентных возможностей страны на мировом рынке и «похоронный звон» по ее могуществу. Однако в действительности этот знаменитый билль не только содействовал уменьшению безработицы и развитию производительных сил рабочих, но и привел к падению цен на фабричные продукты. В результате английские рабочие, доходы которых оказались одними из самых высоких в мире, смогли превзойти другие страны дешевизной своих товаров и, благодаря этому, создать условия для непрерывного расширения рынков сбыта. Таким образом, подвел итог Маркс, мы видим, что «за некоторыми, скорее кажущимися, чем действительными исключениями, в среднем высокооплачиваемый труд производит дешевые товары, а низкооплачиваемый — дорогие»²¹⁹⁶.

Повышение заработной платы ведет к трем качественным изменениям экономической системы:

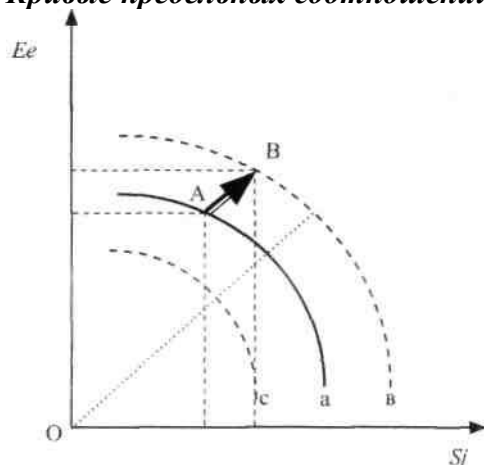
- увеличению внутреннего рынка сбыта, что соответственно стимулирует рост производства;
- к более интенсивному внедрению трудосберегающих технологий, повышающих производительность труда;
- предъявляет более высокие требования к качеству рабочей силы, что в свою очередь стимулирует повышение качества производимой продукции.

Одновременно происходит качественное изменение самой политэкономической системы. Продемонстрируем это утверждение на нашем графике: в результате повышения заработной платы происходит не просто экстенсивное развитие экономической системы, а ее качественный переход на новый более высокий уровень с «а» на «в», а точка равновесия сдвигается вверх и вправо из точки «А» в точку «В». Происходит одновременный рост экономической эффективности и социальной справедливости*.

* Из графика также видно, что повышение заработной платы имеет свой предел, ниже которого экономическая эффективность начинает снижаться.

480

Кривые предельных соотношений и «постулат Маркса»

Статистика, приводимая творцом немецкого экономического чуда Л. Эрхардом, подтверждает эти выводы.

Экономические показатели результатов реформы Л. Эрхарда в Германии²¹⁹⁷

(темпы прироста в разгах к соответствующему году)

481

С 1949 по 1955 г. потребление в Германии выросло на 75%²¹⁹⁸. Л. Эрхард указывал: «Мы снова и снова констатируем: то, что сегодня считается роскошью, завтра становится предметом, спрос на который уже довольно широк, а послезавтра — товаром широкого потребления»²¹⁹⁹. В Германии повышение потребления было проведено путем валютной реформы, подобно валютной реформе в Англии в XVIII веке, осуществленной Исааком Ньютоном. Предложенная Л. Эрхардом реформа вызвала ожесточенные споры в Бундестаге и Хозяйственном совете. Но социалистические реформы Л. Эрхарда оказались единственно возможным выходом...*

До Эрхарда аналогичную реформу провел Ф. Рузвельт во время Великой депрессии в США. В 1933 г. Рузвельт утверждал: «Задача заключается в том, чтобы обеспечить занятость работников промышленности и бизнеса и увеличить их покупательную способность посредством повышения заработной платы»²²⁰⁰. Дополнительной мерой стало сокращение трудового дня при сохранении прежнего уровня зарплаты.

Подобные социалистические реформы получили повсеместное распространение в развитых странах мира. Так, в 70-е годы XX века, когда японские рабочие добились удвоения своей реальной заработной платы, многие экономисты предрекали, что это удвоение ликвидирует дешевизну японских товаров и тем самым подорвет конкурентные возможности страны. Вскоре, однако, выяснилось, что эти товары еще больше упрочили свои позиции на мировом рынке. Причем, уже не только благодаря своей, сравнительно более низкой, цене, но и благодаря *своему*, ставшему легендарным качеству, которое обеспечивалось блестящей организацией труда, инициативой и технической оснащенностью высокооплачиваемых японских рабочих²²⁰¹.

В результате этих реформ капитализм вступил в новую фазу своего развития которая получила различные названия: «рыночный социализм», «общество всеобщего потребления», welfare state — «государство всеобщего благосостояния» или, как предложил А. Донде, «государство всеобщего социального обеспечения». А. Фурсов назвал новый средний класс образовавшийся в это время «социальной буржуазией»²²⁰².

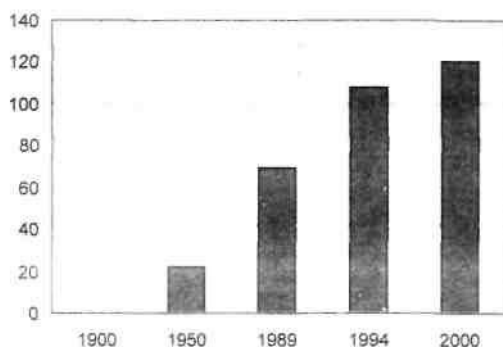
Второй пример дает организация Freedom House, согласно данным которой, в 1900 г. в мире не было ни одной выборной демократии**, то уже в 1950 их было 22²²⁰³.

* Другим инструментом одновременного повышения заработной платы во всей экономике, который так же использовал Эрхард, было увеличение налогов на заработную плату и перераспределение их к менее обеспеченным слоям общества через различные механизмы социальной помощи и т.д.

** Примером ограничения избирательных прав может быть женский вопрос. До 1917 только в 6 странах (Новая Зеландия, Австралия, Финляндия, Норвегия, Дания, Исландия) женщины имели избирательные права. Избирательное право

482

Число выборных демократий в мире в 1900-2000 гг.

В этой связи интересны тезисы двух президентов США перед Версальской мирной конференцией: В. Вильсон, имея в виду европейцев, «заметил, что на мирной конференции мы будем единственными незаинтересованными людьми и что люди, с которыми нам придется иметь дело, не представляют своих собственных народов»²²⁰⁵. Бывший президент Т. Рузвельт на это отвечал: «Наши союзники, и наши враги, и, наконец, сам Вильсон должны были бы понимать, что в настоящее время Вильсон совершенно не уполномочен говорить от имени американского народа»²²⁰⁶. Оба президента, Т. Рузвельт и В. Вильсон, были правы: ни американская ни европейская демократия после Первой мировой войны не могла заявить, что она говорит от имени всего своего народа.

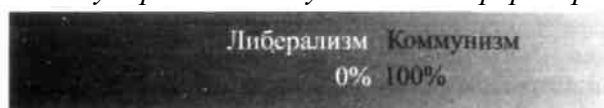
Представление о принципах демократии, которые выдвигали большевики, дает замечание В. Ленина, которое в либеральных кругах неоднократно подвергалось осмеиванию: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели... Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в со- для женщин было введено в Германии в 1919 г., США в 1920 г., Англии в 1928 г., Франции в 1944 г., Швейцарии в 1971 г. Политические права женщин были закреплены в Уставе и декларациях ООН в 1945 — 1967 гг., в начале 1970, по данным ООН, женщины имели избирательные права в 121 стране. В России избирательное право для женщин было введено сразу после февральской революции 1917 г., а полностью женщина была впервые уравнена в политических и гражданских правах с мужчиной конституцией РСФСР 1918 г.

483

стоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники»²²⁰⁷. Большевики, пожалуй, первыми в мировой истории встали на защиту интересов подавляющего большинства населения планеты.

Третий пример в определенной мере касается, пожалуй, ключевого вопроса — права собственности. Размер этого права зависит в том числе и от доли участия государства в экономике страны. При коммунизме (высшей стадии развития общества, по К. Марксу) постгосударственное образование перераспределяет в том или ином виде 100% ВВП, при радикальном ("диком") капитализме (эпохе создания стартовых капиталов) государство фактически участвует только в роли стороннего наблюдателя.

Доля государственного участия в перераспределении ВВП

История XX века показывает, что демократизация общества, с экономической

точки зрения, является не чем иным, как последовательным движением в сторону социализации. Этот факт наглядно отражает динамика доли государственных расходов (налогов) в ВВП развитых стран мира.

Динамика доли государственных расходов в% ВВП²²⁰⁸

	1880	1929	1960	1970	1980	1990	1998
США	8	10	27,8	32,2	31,4	32,8	33,1
Япония	11	19	18,3	19,3	32	31,3	35,5
Англия	10	24	32,6	39,3	43	39,9	39,7
Германия	10	31	32	37,6	47,9	45,1	47,4
Франция	15	19	34,6	38,9	46,1	49,8	53,2
Швеция	6	8	31,1	43,8	60,1	59,1	60,8

Продвинутый критик скажет, что уровень налогообложения зависит не от желания социалистов, а от уровня экономического развития, и при этом будет прав. Действительно, величина предельной налоговой нагрузки определяется прежде всего уровнем производительности труда. Но уровень экономического развития определяет, как мы уже говорили, только *имеющиеся возможности*, использует их общество или нет, и в каком направлении, зависит от сил,двигающих его развитием.

484

На практике ключевую роль играет даже не величина налогов, а сам принцип налогообложения. Ф. Энгельс указывал: «...в сущности принцип налогового обложения является чисто коммунистическим принципом, так как право взимания налогов во всех странах выводится из так называемой национальной собственности. В самом деле, либо частная собственность священна — тогда нет национальной собственности и государство не имеет права взимать налоги; либо государство это право имеет — тогда частная собственность не священна, тогда национальная собственность стоит выше частной собственности и настоящим собственником является государство. Этот последний принцип общепризнан; так вот, господа, мы и требуем пока только того, чтобы этот принцип соблюдался...»²²⁰⁹

Маркс только основал новую идеологию — религию; для того, чтобы она получила всеобщее признание, необходима была соответствующая движущая сила, которая утвердила бы ее право на существование... Эти силы в той или иной мере существовали в Европе еще до появления марксизма, иначе его идеи не получили бы такого распространения. Они упали в благодатную почву. Практически во всех европейских странах у Маркса были предшественники, задолго до него в той или иной мере обосновавшие изложенные им теории. Были они и в России. Например, за шесть лет до публикации «Капитала» вышли «Очерки из политической экономии» Н. Чернышевского. Ознакомившись с ними, Маркс не склонный расточать похвалы, в предисловии к второму изданию I тома «Капитала» отзывался о Чернышевском, как о «великом русском ученом и критике, мастерски осветившем банкротство буржуазной экономии». Но Н.

Чернышевский не только критиковал современные ему буржуазные теории, он изложил все научные и идеологические концепции социальной теории, которые составляли основу всей марксистской идеологии. Чернышевский был не одинок, так еще до него А. Пушкин критиковал буржуазную экономию и способ производства «иголок Смита». А. Герцен до Маркса с материалистической точки зрения сформулировал основные принципы историзма в политэкономии. П. Чаадаев за несколько десятилетий до Маркса на своем языке сформулировал основной идеологический постулат марксистской доктрины — построение коммунистического общества, как царства Божьего на земле: «Истина едина: царство Божье, небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога, иначе говоря — осуществленный нравственный закон»²²¹⁰.

В России марксистские идеи не только находили единомышленников, они ложились на прочный фундамент идей, выстраданных передовыми людьми русского общества. Это касалось как социальных, так и мессианских идей марксизма.

485

П. Вяземский еще в 1827 г. в стихотворении «Русский бог» вопрошал:

Не нам ли суждено изжить Последние судьбы Европы, Чтобы собой предотвратить Ее погибельные тропы.

П. Чаадаев в 1837 г. предрекал: «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»²²¹¹.

А. де Кюстин в 1839 г. после путешествия по России писал: «...Никто более меня не был потрясен величиим их нации и ее политической значительностью. Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившегося на старом театре мира, не оставляли меня...»²²¹².

Н. Данилевский в 1869 г. публикует концептуальное сочинение «Россия и Европа», в котором приходит к выводу о всемирноисторической миссии России: «На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства»²²¹³.

Ф. Достоевский в 1877 г. указывал на мессианский характер русского народа: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Мы будем первыми, кто возвестит миру, что мы хотим процветания своего не через подавление личности и чужих национальностей, а стремимся к нему через самое свободное и самое братское все-единение... Только Россия живет не ради себя, а ради идеи, и примечателен тот факт, что она уже целое столетие живет не для себя, а для Европы... наша судьба это и судьба мира»²²¹⁴.

В. Шубарт в 1939 г. замечал: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. **Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе... только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род**, и это верно, несмотря на то, что в настоящий момент сама она корчится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени минуют, как минула ночь татарского ига, и сбудется древнее пророчество: *ex oriente lux (свет с востока)*. Этим я не хочу сказать, что

европейские нации утратят свое влияние. Они утратят лишь духовное лидерство. Они уже не будут больше представлять господствующий человеческий тип, и это

486

станет благом для людей. Ведь столько нынче жаждущих конца прометеевской культуры! И в наибольшей степени это — как раз ее тончайшие умы! Они чувствуют духовное убожество живущих рядом. Поэтому они ищут вокруг себя новых возможностей. Быть может, это и слишком смело, но это надо сказать со всей определенностью: ***Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненно важных вопросов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы.*** Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов»²²¹⁵.

В. Шубарт накануне Второй мировой войны только с русскими связывал надежды на обновление мира: «англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз — как на салон, немец — как на казарму, русский — как на храм. Англичанин жаждет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы. Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего. Он не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства. Это и есть Евангелие будущего. Это — великая нравственная сила, направленная против латинских идей человека насилия и государства насилия. Русский всечеловек как носитель нового солидаризма — единственный, кто способен избавить человечество от индивидуализма сверхчеловека и от коллективизма массового человека... Так он творит одновременно и новое понятие и новый идеал личности и свободы»²²¹⁶.

Иоффе ночью перед тем, как покончить с собой, писал Троцкому: «Более чем 30 лет назад я усвоил философию, что человеческая жизнь только тогда имеет смысл и в той степени, насколько она служит чему-то бесконечному. Для нас это бесконечное есть человечество»²²¹⁷.

О. Мандельштам отмечал, что «русский народ единственный в Европе не имеет потребности в законченных, освященных формах бытия» и вносит в европейский мир «необходимости» высшую «нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею возвращенный. Эта свобода... равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры»²²¹⁸.

Б. Пастернак в 1957 г. после «Доктора Живаго», Сталина и уже незадолго до смерти, говорил о «Великой русской революции, обессмертившей Россию, и которая... вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого», и так обращался к своим зарубежным читателям: «Вот за что скажите спасибо нам. Наша революция, как бы ни были велики различия, задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием текущее столетие»²²¹⁹.

487

Если английская и французская буржуазные революции вывели на сцену истории либеральную идеологию, которая, победив консерватизм монархий, освободила путь для дальнейшего прогресса человечества, то русская социалистическая революция утвердила право социальной идеологии, без которой в настоящее время немыслимо ни одно демократическое общество. Русский социализм по отношению к марксистским идеям сделал то же, что и древний Рим по отношению к христианству. Именно благодаря Риму христианство стало одной из ведущих религий человечества. Недаром В. Шубарт отмечал: «В русском безбожии чувствуется настроение крестовых походов, как и в догме Кальвина о

завоевании мира для Христа или в учении Магомета о священной войне»²²²⁰.

В 1923 г. один из вдохновителей гражданской войны П. Милюков будет доказывать, что к власти в России пришла не кучка насильников большевиков, а новые слои народа. «Интеллигенция должна научиться смотреть на события в России, — говорил он в своей лекции «Россия и русская эмиграция» в Праге, — не как на случайный бунт озверелых рабов, а как на великий исторический поворот...»²²²¹ «Отойдя на известное расстояние от событий, — напишет Милюков, — мы только теперь начинаем разбирать... что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказала коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта...»²²²²

С. Павлюченков сделает еще более смелое обобщение: «Человечество коллективно шло к русской революции, и ее результаты, как в свое время революции французской, принадлежат всему человечеству и повлияли на цивилизацию теми или иными способами, продвинув ее далеко вперед по пути гармонизации общественных отношений»²²²³.

Большевики сами рассматривали русскую революцию, как всемирную. Ленин в июле 1917 г. в этой связи писал, что «диктатура пролетариата» «несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую, демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира»²²²⁴. Л. Троцкий добавлял: «Мы далеки от мысли противопоставлять абстракцию диктатуры абстракции демократии и взвешивать их качества на весах чистого разума. Все относительно в этом мире, где постоянна лишь изменчивость. Диктатура боль-

488

шевистской партии явилась одним из самых могущественных в истории инструментов прогресса...»²²²⁵

Решающее значение для утверждения социалистических идей во всем мире оказала победа СССР во Второй мировой войне. Она по сути стала победой мировой социальной революции, все страны мира в той или иной мере, не признавая их на словах, на деле были в той или иной мере вынуждены учитывать новые реалии. Не даром Э. Нольте назвал период с 1917 по 1945 гг. — «Европейской гражданской войной»²²²⁶. Уже в 1942 году Й. Шумпетер писал: «Социализму перестали сопротивляться с той страстью, какую вызывает иной тип морали. Он стал тем вопросом, который обсуждают на базе утилитарных доводов. Остались, конечно, отдельные твердокаменные, но вряд ли они имеют достаточную поддержку, чтобы иметь политическое влияние. Это как раз и есть то, что висит в воздухе, — доказательство, что самый дух капитализма ушел в прошлое»²²²⁷. Дух капитализма образца XVII века...

Завершился очередной цикл развития человеческого общества. Е. Гайдар и В. Мау, отмечая этот факт, указывают, что еще «в первой половине XX в. мир развивался почти «по Марксу»²²²⁸. С Победы СССР во Второй мировой войне благодаря конкурентной борьбе двух общественно-политических систем начался новый этап развития человеческого общества, капитализм был вынужден эволюционировать в сторону социальных преобразований, признав социал-демократию, как равноправную общественно-политическую силу.

Но почему Западное общество, которое во многом благодаря русской

социалистической революции и победе СССР во Второй мировой войне эволюционировало в сторону демократии образца XX века, а Россия осталась в эпохе «диктатуры пролетариата»? Ведь Россия, не важно — большевистская или буржуазная, даже в силу своего географического положения вынужденная платить климатическо-географический налог, в любом случае должна была бы эволюционировать в зону умеренного социал-демократического капиталистического общества, именно эту цель преследовал Ленин в первой половине 1918 г. и по окончании интервенции во времена НЭПа. Примеры социал-демократического капитализма дают Скандинавские страны и Канада, находящиеся в сходных с Россией климатических условиях. Вины в этом русские как нация, либо исторические закономерности развития России, либо виновны издержки коммунистической идеологии? Начнем поиск ответа на этот вопрос с новой главы.

489

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ...

На пороге новых войн

После окончания гражданской войны перед большевистским правительством стояла задача восстановления экономики и создания условий, обеспечивающих устойчивый экономический рост. Т.е. обеспечение выхода на эволюционный путь развития, который был прерван Первой мировой войной, революциями и окончательно похоронен гражданской войной и интервенцией. Главными условиями достижения успеха на этом пути являются здравый смысл, инвестиционные ресурсы и время. Эти условия остаются справедливыми для любого политического строя. Для развития экономики, а следовательно и общества, России были необходимы внешняя торговля и мир. Но именно их России и не дали.

Цель — сокрушение большевистской России, — была установлена в конце 1917 г. и с того момента никогда не менялась. В то время, когда В. Вильсон еще искал пути компромисса с большевиками, его противником выступил Госдепартамент, во главе с госсекретарем Лансингом. Он уже 30 ноября 1917 г. выступил, как один из наиболее радикальных, агрессивных противников большевизма, утверждая, что они угрожают Америке и всему мировому порядку, и больше никогда не менял своего мнения. В январе 1918 г. в ответ на предложение В. Вильсона о признании большевистской власти де-факто госдеп отреагировал стремительно. Майлс отметил: «...Мне представляется невозможным признать де-факто власть правительства, которое поощряет экстремистские позиции, такие как отказ от всех международных обязательств»²²²⁹. Госдеп делал все, чтобы даже неофициальные контакты с большевиками прекратились²²³⁰. В. Вильсону пришлось общаться с лидерами большевиков через голову Госдепа, посредством частных лиц.

Несмотря на то, что Вильсон заявлял, что «..он сильно сомневается в возможности остановить «большевизм» силой оружия»²²³¹, «Государственный департамент рекомендовал вести более активную политику, тогда как даже военное министерство подталкивало президента к эвакуации войск из России. На этом твердо настаивали генерал Блисс и военный министр Бейкер, а государственный секретарь Лансинг и Ф. Полк склонялись в противоположную сторону»²²³². Блисс отвечал на предложение

490

Черчилля о разработке планов военного вторжения: «По-моему, было бы неразумно, если бы с согласия Соединенных Штатов были предприняты действия, которые могли показаться кому-нибудь признаком намерений Соединенных

Штатов принять участие в интервенции в России»²²³³.

Марч отмечал «колоссальные энергичные усилия», направленные на обеспечение участия США в интервенции. Президента «подталкивали и тянули». По словам Бейкера, власти были «буквально одержимы» русским вопросом. «Для оправдания американской интервенции в США велась сильнейшая пропаганда с распространением всевозможных слухов о терроре в России, о национализации женщин и т.п. Но «когда к давлению властных структур внутри страны добавилось давление дипломатических представителей союзников и Высшего Военного Совета, Вильсон оказался в изоляции»²²³⁴. Британское дипломатическое давление неотступно продолжалось. Великобритания активно добивалась участия США в вводе союзнических войск в Россию»²²³⁵.

«...Британский план стал предусматривать вербовку в поддержку интервенции людей из окружения Вильсона в надежде на то, что они переубедят президента»²²³⁶. «Многочисленные исследования аргументировано доказывают, что на интервенцию Вильсона вынудило давление со стороны Великобритании. Не было бы британского давления, — не было бы американской интервенции»²²³⁷. Французы были не менее настойчивы, чем англичане. В течение первой половины 1918 г. представители французского истеблишмента неоднократно разными путями пытались склонить Вильсона к интервенции»²²³⁸. Ллойд Джордж позже заявил военному кабинету, комментируя провал союзнической политики в России, что он «не считает возможным винить американцев, ибо они всегда очень сильно возражали по поводу проведения операций против большевиков, и то, что они сделали до сего момента» было сделано только за счет давления, оказанного на президента Вильсона»²²³⁹.

Перелом политики Вильсона в отношении России произошел после окончания Парижского конгресса. Наиболее отчетливо он проявился во время его поездки по западу страны осенью 1919 г. с целью поддержки ратификации вступления США в Лигу наций. Американские исследователи отмечают, что «афишировать антибольшевистские взгляды Вильсона не принято». Однако они отчетливо проявились во время именно этой поездки. Вильсон заявлял, что Лига наций во главе с США станет заслоном на пути большевиков, которые «так же жестоки и безжалостны, как агенты самого царя», распространяют «ночь, хаос и беспорядок», а потому должны пасть»²²⁴⁰. По мнению Д. Дэвиса и Ю. Трани, президенту «было нелегко занять такую позицию. Ситуация складывалась непросто, однако Вильсон в этой обстановке никак не выглядел ни полностью неосведомленным, ни безупречным»²²⁴¹. Ситуация действительно выглядела непросто. Изоляционистски настроенные круги Америки активно сопротивлялись вступлению США в Лигу наций,

491

эти же круги с неменьшей энергией склоняли президента к более агрессивной политике против большевиков. Ярким выразителем таких взглядов был госсекретарь Лансинг. Позже Вильсон придет к выводу, что «Лансинг подрывал и расшатывал моральные устои... Подумать только! И это человек, которого я возвел с уровня подчиненного на высокий пост государственного секретаря Соединенных Штатов»²²⁴². Для Вильсона его детище Лига Наций была безусловным приоритетом в области внешней политики. И именно поэтому, по всей видимости, Вильсон решил пойти на компромисс, добиваясь ратификации вступления США в Лигу Наций, в обмен на уступки захлестнувшей американскую элиту антикоммунистической ксенофобии. Одновременно обвинение большевизма становилось оправданием интервенции, которую США вели вопреки своим демократическим принципам и воле своего народа.

«В Де-Мойне Вильсон подчеркивал, что российский народ был обманут, когда большевики отказались созвать Учредительное собрание и принять

конституцию, что этим народом правит «небольшая группа людей столь же эгоистичных, столь же жестоких, столь же безжалостных, как и сподвижники самого царя». В Су-Фолсе президент заявил, что «правительство Ленина — Троцкого» состоит из горстки людей, «которые навязывают свою волю миллионам». Подобная власть, «опирающаяся на насилие или на угрозу насилия, должна пасть». Соединенные Штаты будут противостоять тем, кто правит силой»²²⁴³. В Миннеаполисе тема была продолжена: «Они позволили маленькой горстке людей — а как мне говорили, лишь тридцать четыре человека вошли в большевистское правительство, — установить власть меньшинства, столь автократическую, столь жестоко немилосердную, каким едва ли когда-либо было царское правительство»²²⁴⁴. В Сиэтле президент назвал русских «привлекательным народом», который в стремлении избавиться от автократического царского террора подпал под террор меньшинства, который использовал «интригу, страх, осведомительство, шпионаж, военную силу», не осмелился созвать Учредительное собрание»²²⁴⁵.

Лансинг утверждал, что «большевиков никогда не удастся свергнуть силой, они лишь по прошествии продолжительного времени уступят место новым лидерам. Только после этого возникнет правительство, с которым США на каком-то этапе смогут иметь дело. Только тогда. При условии соблюдения предельной осторожности и рассудительности, станет возможным признание российского правительства. Если признать его раньше, то это будет на руку крайним и непримиримым кругам. Лансинг предупреждал, что Ллойд Джордж совершит серьезную тактическую ошибку, если признает большевиков, за что будет нести огромную моральную ответственность. Сточки зрения Лансинга, «Ленин и его последователи никогда не откажутся от мечты о мировой революции и не установят дружеские отношения с небольшевистским правительством»²²⁴⁶. Эта точка зрения легла в основу американской политики непризнания»²²⁴⁷.

492

Новый госсекретарь США, пришедший на смену Лансингу, Б. Колби, был настроен еще более радикально, чем его предшественник: «Хотя наши власти не имеют желания вмешиваться во внутренние дела российского народа или советовать относительно того, какая у них должна быть форма правления, существующий в России режим не представляет ни волеизъявления, ни согласия сколько-нибудь значительной доли русского народа. Он нарушает все принципы согласованных и доверительных отношений как между государствами, так и между индивидуумами, и основан на отрицании чести и доброй воли, разного рода обычаев и условий, являющихся неотъемлемой частью международного права»²²⁴⁸. 9 августа 1920 г. появилась нота, подготовленная Колби совместно с Вильсоном²²⁴⁹ в которой в частности говорилось: «...Невозможно представить, что признание Советской власти поможет урегулированию ситуации в Европе, поэтому недопустимы любые сделки с советским режимом в любых рамках, в которых можно вести дискуссию о перемирии». Большевики захватили власть «силой и коварством», а правят методом «жесточкого подавления». У их власти скорее иная основа: «Существующий в России режим основывается на пренебрежении принципов чести и добросовестности, обычаев и условий, на которых покоится международное право; короче говоря, на пренебрежении любых норм, на которых можно строить гармоничные и доверительные отношения между государствами и людьми». О подобном пренебрежении свидетельствовало подписание и невыполнение соглашений, разжигание мировой революции любыми средствами, включая деятельность дипломатических миссий и Третьего интернационала, агенты которого пользовались поддержкой и протекцией Советского правительства»²²⁵⁰.

В 1920 г. во время Польской войны, когда генерал М. Вейган оказал

поддержку маршалу Пилсудскому Д. Кеннан предложил программу «твердого и бдительного сдерживания». «Он призывал к сдерживанию путем «умелого и неусыпного противодействия в различных, постоянно меняющихся географических и политических точках в зависимости от поворотов и маневров советской политики... Если это произойдет, Советская власть осознает, что «возвращает в себе зерна собственной гибели, а... время восхода этих зерен заметно приблизится»²²⁵¹. При этом Кеннан обвинил в разжигании «холодной войны»... Ленина, поскольку тот считал, что «победоносный пролетариат... поднимется против всего капиталистического мира», а капиталистические страны при помощи давления угрожают социалистическому отечеству. Советы таким образом, по утверждению Кеннана, распространяли «полумиф о непримиримой иностранной враждебности», впоследствии получивший известность в качестве доктрины двух лагерей. Вследствие «врожденного антагонизма между капитализмом и социализмом» Кремль обратился к политике секретности, двуличия, подозрительности и недружелюбия»²²⁵².

Оставим пока в стороне, что это американские войска находились на территории России, именно из американских пушек и ружей, амери-

493

канскими патронами и на американские деньги поляки, чехи, прибалты, белые и зеленые убивали и терроризировали русских, что не кто иной как США, несмотря на неоднократные приглашения советской стороны к сотрудничеству — оставался единственной страной, проводившей политику непризнания СССР и развязавшей откровенный экономический террор против СССР вплоть до Второй мировой войны... вернемся в 1919-й год. Именно тогда высшие круги США в ксенофобическом угаре ринулись за продолжение дела, начатого Англией и Францией по изоляции и маргинализации большевистской России, развязав первую «холодную войну». Д. Дэвис и Ю. Трани в связи с этим приходят к выводу, что *«Соединенные Штаты пережили двадцатые годы, как, впрочем, и эпоху Вильсона, так и не поняв Россию»*²²⁵³.

У Липпман развил идеи «сдерживания» Кеннана и «карантина» Вильсона и предложил вариант изоляции СССР, который англичане стали именовать «кольцевым ограждением», будь то «санитарный кордон», «карантин» или сдерживание. Липпман также ввел в широкое обращение термин «холодная война»²²⁵⁴. Республиканцы, пришедшие на смену демократу Вильсону, еще более воинственно отнеслись к коммунизму и обратились к политике изоляции России. «Таким образом, — приходят к выводу Д. Дэвис и Ю. Трани, — Вильсон сам был автором первой официально провозглашенной американской доктрины холодной войны и ее первым бойцом, хотя на подобную роль вполне справедливо мог претендовать и Лансинг»²²⁵⁵. К аналогичным выводам пришел В. Хиксон: «Своими истоками первая холодная война восходит к президентству Вудро Вильсона»²²⁵⁶. С ним солидарен Фоглсонг, отмечая при этом, что Вильсон начал «тайную» войну. Данной версии придерживается и В. Уильямс, указывая, что холодная война стала «частью американской политики еще с 31 января 1918 года»²²⁵⁷. Флеминг относит начало холодной войны к 1917 г., заявляя при этом, что Вторая мировая война стала лишь одним из «горячих» этапов глобальной холодной войны²²⁵⁸. Флеминга можно и должно перефразировать — Вторая мировая война стала неизбежным следствием Первой холодной войны. Д. Дэвис и Ю. Трани отмечают, что «...администрация Вильсона использовала тактические приемы, аналогичные периоду холодной войны: идеологическую борьбу, шпионаж, вооруженную интервенцию, блокаду, экономическую изоляцию, отмывание денег, карантин. Не было только гонки вооружений...» После В. Вильсона холодная война в США превратится в официальную доктрину. Начнется и гонка вооружений. Правда чуть позже и не в США, а в Германии в

1933 г., но при активном участии американского капитала и снятием всех ограничений на вооружения со стороны Англии и Франции, Вторая мировая станет неизбежной.

Несмотря на свои антибольшевистские выступления, в апреле 1923 г., уже став экс-президентом, *Вильсон в статье «Уход от революции»* вернется к своим принципам. Он *«назвал русскую революцию выдающимся событием века. По его утверждению, ее породила капи-*

494

талистическая система, а не революционные заблуждения. При царизме в России отсутствовало право на свободу. Большевики нанесли удар капитализму. С тем чтобы избежать судьбы большевистской России, необходимо соблюдать принципы справедливости. Западная цивилизация должна покончить с неравноправным отношением к другим странам во имя высших целей — сострадания, оказания всеобъемлющей помощи и достижения всеобщего благосостояния. Время требует отказаться от эгоизма, присущего капитализму. Демократия спасла мир от германской автократии. Однако «демократия еще не обезопасила мир от неразумной революции», — писал Вильсон. Перед демократией стоит первостепенная задача спасения цивилизации. Америка, как величайшая демократия, должна первой обратиться к решению этой задачи»²²⁵⁹.

Ну, а как же развивались события во второй, вернее, в то время первой державе мира — Англии?

По свидетельству Ллойд Джорджа, «его (Черчилля) герцогская кровь взбунтовалась» против рабочих и крестьян России, взявших власть в свои руки. Говоря о событиях в России, он терял над собой всякий контроль... В начале сентября 1918 г. Черчилль представил военному кабинету меморандум, в котором предлагал «составить персональный список членов большевистского правительства» и объявить, что они будут наказаны, какие бы длительные усилия для этого ни потребовались²²⁶⁰. 28 ноября 1918 г., выступая в своем избирательном округе в Данди, Черчилль говорил: «Россия низведена большевиками до животного состояния, до варварства. Большевики поддерживают себя кровавыми убийствами... Цивилизация полностью уничтожена на гигантских территориях, а большевики ведут себя подобно кровожадным бабуинам среди руин городов и трупов своих жертв»²²⁶¹. «Одержав победу над всеми гуннами — тиграми мира, — говорил Черчилль друзьям, — я не потерплю, чтобы меня побили обезьяны»²²⁶². Борьба с большевизмом становилась откровенно маниакальной идеей Черчилля он настойчиво отстаивал необходимость прямой военной интервенции. Он хотел ввести в Россию войска и покончить с «гнусным коммунистическим обезьянником»²²⁶³. В 1919 г., когда Юденич приближался к пригородам Петрограда, Черчилль кинул свою знаменитую фразу, имевшую историческое значение о «крестовом походе» против большевизма²²⁶⁴.

Черчилль требовал посылки союзной армии в Россию, чтобы «восстановить прежде существовавшее положение и создать демократическое правительство». Он указывал, что «большевики представляют собой лишь небольшую часть населения, они будут удалены и потеряют значение в случае, если всеобщие выборы будут проведены под присмотром союзников»²²⁶⁵. Ллойд Джордж столкнулся, как пишет Керр «...с предложением мистера Черчилля о необходимости начала войны с большевиками силами союзнических добровольцев, танков, газов, чешских,

495

польских, финских новобранцев, а также сохранявших верность союзникам частей русской армии»²²⁶⁶. Керр докладывал премьер-министру, что Черчилль

«абсолютно логичен в своей политике: он провозглашает, что поскольку большевики являются врагами рода человеческого, они должны быть уничтожены любой ценой»²²⁶⁷. «Начальник британского генерального штаба Г. Вильсон записал в дневнике: «Уинстон полностью против большевиков, и он в этом вопросе выступает против Ллойда Джорджа».

Ллойд Джордж писал Черчиллю: «Очень обеспокоен Вашей второй телеграммой о планах войны против большевиков. Кабинет никогда не утвердит подобное предложение. Он никогда не пойдет ни на что, кроме поставок оружия в антибольшевистские районы России и снаряжения, которое позволит им самостоятельно оказывать сопротивление, и то он пойдет на это лишь в случае провала всех попыток мирного решения проблемы»²²⁶⁸. Черчилль отвечал: «Мы можем оставить Россию, но Россия не оставит нас. Если мы начнем отступать, она будет следовать за нами. Русский медведь протянул свои кровавые лапы через снега к мирной конференции». Даже коллеги-министры нашли его позицию экстремистской. Влиятельные слои в Англии так же выступили против планов Черчилля. Газета «Дейли экспресс» писала: «Страна абсолютно не желает идти войной против России. Покончим же с манией мистера Черчилля. Вернем наших людей назад»²²⁶⁹. Уже в первый день пребывания на своем посту Черчилль получил телеграмму от фельдмаршала Хейга о быстром ухудшении морального состояния войск... Хейг предупреждал, что, если не будет проведена быстрая демобилизация, «немцы, видя крушение нашей армии, получают возможность продиктовать новые условия мира»... Г.Г. Вильсон, начальник генерального штаба, отметил в дневнике, что новый военный министр приказал вернуть домой только те «войска, на которые можно положиться»²²⁷⁰. Ллойд Джордж сказал 31 декабря 1918 года: «Уинстон желает вести войну против большевиков, но именно этот курс и мог бы вызвать революцию!» Но тем не менее интервенция началась.

Черчилль в XX веке с маниакальным упорством отстаивал принципы средневековой демократии образца XVII века. Троцкий весьма точно определял менталитет Черчиллей: «Их высокомерие — запоздалый рефлекс великой исторической роли английской буржуазии — не позволяет им вдуматься, как следует быть, в жизнь других народов, в новые идейные явления, в исторический процесс, который перекачивается через их головы. Ограниченные рутинеры, эмпирики в шорах буржуазного общественного мнения, эти господа развозят по всему миру себя и свои предрассудки и умудряются вокруг себя ничего не замечать, кроме самих себя»²²⁷¹.

Черчилль, несмотря на протест всей своей страны, общества, армии, правительства и премьер-министра, опираясь на абсолютное меньшинство, тем не менее проводил кровавую агрессивную политику средне-

496

векового инквизитора. Англия вне сомнения одна из наиболее развитых стран мира того времени, как ни странно, была и самой реакционно-консервативной. Именно Англия была организатором интервенции против Французской революции конца XVIII — начала XIX века, что привело к ее радикализации и террору. Именно Англия была единственной страной, ведущей войну против Американской революции. Именно Англия явилась основным организатором интервенции против Русской революции, что так же привело к радикализации общества и к массовым жертвам. Реакционная политика Англии была естественным продолжением ее империалистических тенденций развития, направленных на сохранение своего мирового господства — подавления своих экономических и политических конкурентов. У. Черчилль был достойным наследником английских традиций прошлых веков.

Потерпев поражение в интервенции, У. Черчилль не оставил мысли покончить с Советской Россией, на этот раз планы его были еще грандиознее:

«Черчилль снова и снова выражал ту мысль, что основная опасность Британии проистекает из возможности русско-германского сближения. Опасность такого сближения он множил на растущие возможности военной технологии»²²⁷². Он указывал при этом, что обе страны погрузились в пучину унижений, причину которых представители обеих стран усматривают в ошибочности выступления друг против друга. «Через пять или шесть лет «Германия будет, по меньшей мере, вдвое больше и мощнее Франции в наземных силах... Будущее таит эту угрозу... Если в России к власти не придет дружественное нам правительство, то Россия автоматически станет жертвой Германии... Русская ситуация должна рассматриваться как часть общей борьбы с Германией, и если мы не сможем заручиться поддержкой русских, то возникнет возможность создания грандиозной коалиции от Иокотамы до Кельна, противостоящей Франции, Британии и Америке. Я рассматриваю создание дружественного правительства в России и сильную Польшу как два важнейших стратегических элемента»²²⁷³. Почти одновременно с этим мысль Черчилля развивалась в прямо противоположном направлении: «С моей точки зрения, нашей целью должно ныне быть строительство сильной мирной Германии, которая не нападет на наших французских союзников, но которая будет служить оплотом против большевизма»²²⁷⁴. У. Черчилль после заключения компьенского перемирия рекомендовал такую тактику: «Мир с германским народом, война с большевистской тиранией»²²⁷⁵.

Обсуждая революцию в Германии с А. Лефевром, французским военным министром, Черчилль утверждал: «Главной угрозой западной цивилизации является не германский милитаризм, а русский большевизм»²²⁷⁶. К этой мысли он возвращался неоднократно, делая ее все более изощренной и циничной: «Оптимальным вариантом было бы столкновение Германии и России, а главной задачей момента он считал поощрение немцев к вторжению в Россию. С примерным ци-

497

низмом он писал: «Пусть гунны убивают большевиков»²²¹¹. В письме Ллойд Джорджу от 9 апреля 1919 Черчилль снова утверждал: «Следует накормить Германию и заставить ее бороться против большевизма». Дочери Асквита Черчилль повторял, что его политика заключается в том, чтобы «убивать большевиков и лобызаться с гуннами»²²⁷⁸. Правящие круги Германии не только не отказывались от отводимой им роли, а наоборот активно лоббировали ее. Например, во время подписания компьенского мира немецкий представитель Эрцбергер пытался выторговать более мягкие условия капитуляции за счет привлечения немецких войск к подавлению большевизма.

Отношение У. Черчиля к большевистской России определялось не столько его ненавистью к коммунистической идеологии. Оно во многом носило традиционные черты прежней политики Англии по отношению к российской империи. П. Столыпин еще в 1907 г. говорил: «Англия больше всех ненавидит Россию и будет искренне радоваться, если... Россия не будет больше великим государством и распадется на целый ряд самостоятельных республик...»²²¹⁴. Э. Хауз докладывал Вильсону в мае 1914 г.: «Англия не хотела бы совсем раздавить Германию, так как тогда она бы столкнулась бы один на один со своим старинным врагом, с Россией...»²²⁸⁰ В разговоре с кайзером в июне 1914 г. Э. Хауз утверждал, что «Россия представляет наибольшую угрозу для Англии... Англии выгодно, чтобы Германия сдерживала Россию, Германия является барьером между Европой и славянами»²²⁸¹.

После окончания Первой мировой войны традиционная антироссийская политика Англии осталась непоколебимой, поменялись лишь акценты. Наиболее ярким ее проводником будет У. Черчилль: «подчинить своей власти бывшую

русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении — это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители. Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии... Теперь для Германии открыта исключительная возможность. Гордый и достойный народ сможет таким образом избежать всякого унижения от постигшего его военного разгрома. Почти незаметно он перейдет от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами. **Без Германии в Европе ничего нельзя сделать, а с ее помощью все окажется легким... Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»**²²⁸².

Секретарь посольства Франции в России Л. Робиен раскрывал механизмы подготовки новой мировой войны, которые витали в голове Черчилля: «...придет наш черед, и дипломатам потребуется все их искусство, чтобы поспорить новое русское самодержавие с теми, кому оно будет обязано всем... и кого оно, возможно, за это возненавидит... что в общем гуманно... или, по крайней мере, очень по-русски»²²⁸³. Л. Робиен прав, русским действительно трудно достичь мастерства французов и англичан в «таких вопросах», какой богатый опыт за этим стоит...

498

Но на сцене истории уже появился новый игрок, претендовавший на первую роль, — США. Политика англо-французских высокопоставленных экстремистов могла иметь успех только в случае поддержки их планов в Америке. В этой связи далеко не случайным выглядит письмо госсекретарю США Колби, в котором британский посол О. Гейдс рекомендовал антибольшевистскую книгу Д. Спарго «Россия как американская проблема», где Ленин — великий тиран, «одурачивший» рабочий класс с целью усиления собственной власти. «Я (Гейдс) ни секунды не сомневаюсь в том, что Ленин цинично посмеивается над тем, как ему удалось обмануть рабочий класс в России и других странах»²²⁸⁴. Психологическая обработка союзников и подготовка к новой мировой войне началась на следующий день после окончания Первой.

Немецкий писатель Новак писал в 1919 г.: «Уинстон Черчилль — ненавистник большевизма, все еще преисполненный мыслью о войне, лелеявший те же идеи, какие лелеял и маршал Фош по поводу многообещающей кампании на Востоке, и с презрением относившийся к Лиге Наций, заявлявший, что она совершенно бесполезна для его страны и не может заменить той гарантии, какую дает Англии сильный флот...»²²⁸⁵ У. Черчилль пытается опровергнуть Новака, как и «талантливого биографа лорда Керзона, хорошо знакомого с официальными архивами и свободного от официальных обязательств, недвусмысленно намекавшего, что по отношению ко мне (У Черчиллю) были бы вполне уместны слова «поджигатель» и «проповедник войны»²²⁸⁶.

Но вся деятельность У. Черчилля говорит совершенно о другом. Даже его менталитет мог реализоваться только во время войны, он, восхищавшийся Фридрихом Великим и Наполеоном, преклонявшийся перед Гинденбургом и Муссолини, мог стать премьер-министром Англии только благодаря войне. Н. Чемберлен позже замечал: «Шансы Черчилля на включение в состав правительства улучшаются, по мере того как война становится более вероятной, и наоборот»²²⁸⁷.

Стравливание государств друг с другом не было случайностью. Здесь Черчилль отнюдь не был новатором, он поддерживал и развивал традиционную английскую политику, о которой Бродрик однажды заметил: «Черчилль пришел в палату общин для того, чтобы проповедовать империализм, но он не готов нести бремя расходов, налагаемых проведением империалистической политики... Это

наследственное желание вести дешевую империалистическую политику»²²⁸⁸.
Английский историк Р. Родс Джеймс пишет: «Империализм Черчилля носил по существу националистический характер. Империя была инструментом, который обеспечивал Британии мировые позиции, которых у нее в противном случае не было бы»²²⁸⁹.

«Немецкий ефрейтор» еще только вылез из окопов Первой мировой войны, а его будущая идеология уже ковалась Черчиллями, лэнсингами, колбиенами, кеннанами, клемансо... — толкая мир к новой мировой

499

войне. Как замечал будущий политический наследник Черчилля Г. Макмиллан, «если бы мы знали в 1918, что все труды предшествующих четырех лет окажутся напрасными и что в течение жизни следующего поколения, частично из-за злонамеренности хозяев Германии, частично из-за готовности германского народа следовать идеям, еще более темным, чем у кайзера и его друзей, **частично из-за слабости и глупости тех, кто проводил британскую политику**, все это нужно будет претерпеть вновь, тогда действительно горькая чаша жизни была бы переполненной. К счастью, занавес над будущим был закрыт»²²⁹⁰. С Макмилланом можно не согласиться лишь в одном: в чем, в чем а в слабости и глупости Черчиллей и чемберленов заподозрить невозможно, это была последовательная и целенаправленная политика... Первое апробирование своей теории Черчилль устроил в Прибалтике, где использовал немецкие войска для подавления революционного движения еще в 1919 г.

В своей стране У. Черчилль был не одинок, генерал Блисс вспоминал: «Лорд Мильнер склонен возражать против демобилизации (немецкой армии), полагая, что Германии, возможно, придется быть оплотом против русского большевизма, и Г. Вильсон с ним согласен»²²⁹¹. Блисс «не смог ни от одного из них добиться ничего определенного относительно того, какие силы они позволят немцам сохранить... Казалось, словно они хотят оставить немцев фактически и полностью вооруженными и мобилизованными»²²⁹². По словам Черчилля, лидеры Британии, Франции и США решили, что оккупация России — «слишком ответственная задача, чтоб ее могли выполнить одни лишь победители... Немцы знают Россию лучше, чем какая бы то ни было страна. Немцы заняли самые богатые и населенные области России, и их пребывание там является единственной гарантией цивилизации... Гордый и достойный народ (немцы) сможет таким образом избежать унижения от постигшего его военного разгрома»²²⁹³. «На практике эвакуация немецких войск с Украины задерживалась державами, и при обороне Николаева от красных в марте 1919 г. 15 тыс. немцев были привлечены к боевым действиям на стороне белых и французов»²²⁹⁴.

«В январе 1920 г., — вспоминал А.Деникин, — из Лондона, из источника, заслуживавшего полного доверия (Маклакова) были получены следующие сведения: 1. Англия и Франция, под влиянием успеха большевиков в Сибири и на юге России, опасаются, что опасность от большевизма реально надвигается на Европу, на Персию и Индию через Кавказ и Туркестан. 2. Америка, Англия и Франция сознают, что Германия не в силах выполнить условия «Версальского» мирного договора до тех пор, пока не окрепнет окончательно и силой обстоятельств принуждена будет вновь взяться за оружие, и Европа вновь будет втянута в войну... На основании этих данных в Англии идут разговоры о том, что необходимо предоставить Германии и Японии навести порядок в России и покончить с большевизмом, предоставив им за это значительные экономические выгоды в России. Этим, по мнению многих политических

500

деятелей в Англии, будет достигнуто успокоение в Европе, предотвращена возможность новой войны, и Германии будет дана возможность выполнить

условия мирного договора»²²⁹⁵. В 1921 г. один из лидеров белого движения и организаторов гражданской войны А. Деникин наряду с проклятиями в адрес большевиков открывал первый том своих воспоминаний словами: «За рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины»²²⁹⁶.

501

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдул-Гамид II (1842-1918) — турецкий султан, приобрел нарицательную известность в связи с проведением массового геноцида армян и других немусульманских народов в конце XIX — начале XX веков.

Абрикосов Д.И. (1876-1938) — дипломат, с 1912 в российской миссии в Токио, в 1919-1921 первый секретарь посольства в Токио. Эмигрировал.

Аврех А.Я. (1915-1988) — историк, профессор. Специализировался в области политической истории России начала XX в. В 1960-1970-е примыкал к «новому направлению», стремившемуся преодолеть догматизм в изучении истории страны, подвергался резкой официальной критике.

Авторханов А.Г. (1908-) — историк, член комм, партии 1927-1937. Закончил институт Красной профессуры, арестован. Во время Второй мировой оказался в Германии, где остался и преподавал русскую историю. Труды антисоветской направленности «Технология власти», «Происхождение партократии», «Империя Кремля, советский тип колониализма»...

Айронсайд У.Э. (1880-1959) — британский генерал, с 1918 командующий войсками интервентов на Севере России. В 1939-1940 — начальник генерального штаба. Фельдмаршал. При возведении в пэры в 1941 принял титул «барона Архангельска».

Аксельрод П.Б. (1850-1928) — народник, руководитель «Черного передела». С 1903 один из лидеров партии меньшевиков.

Акчура Ю. (1876-1935) — идеолог пантюркизма, автор работ по истории тюркской цивилизации, в 1906-1908 член ЦК партии кадетов, уехал в Турцию, в годы Первой мировой пропагандировал воссоздание Казанского и Астраханского ханств под турецким протекторатом.

Александр I (1777-1825) — император с 1801. В начале правления провел ряд умеренно либеральных реформ. Вел успешные войны с Персией, Турцией, Швецией, Францией. Разрабатывал проекты отмены крепостного права.

Александр III (1845-1894) — император с 1881. В начале царствования отменил подушную подать, понизил выкупные платежи. Затем усилил цензуру, роль полиции и администрации, установил жесткий надзор за органами самоуправления, университетами. Завершил присоединение Средней Азии.

Александра Федоровна (1872-1918) — российская императрица, жена Николая II. Имела большое влияние на мужа. Ярая сторонница неограниченного самодержавия, отличалась крайним суеверием.

Алексеев М.В. (1857-1918) — генерал, в 1894-1904 профессор Академии Генштаба, с 1915 начштаба Ставки. В марте — мае 1917 верховный главнокомандующий. Один из создателей Добровольческой армии.

* Краткая версия, полную см. www.Galin.ru

502

Андрaши Д. (1823-1890), граф, венгр, участник революции 1848-1849. В 1867-1871 премьер-министр Венгрии. В 1871-1879 министр иностранных дел Австро-Венгрии.

Анненков Б.В. (1889-1927) — участник Первой мировой войны, хорунжий. В 1918 сформировал белую «партизанскую дивизию», действовал в Западной Сибири и Казахстане, отличался садистской жестокостью. В 1927 в СССР расстрелян по приговору суда.

Антонов А.Д. (1868-1937) — полковник. В начале Первой мировой войны сформировал Донской казачий полк. С 1918 занимал командные посты в Донской армии Деникина, эмигрировал.

Антонов А.С. (1885-1922) — член боевой организации эсеров, участник революции 1905, в 1917-1918 начальник местной милиции в Кирсанове. В 1920 поднял крестьянский мятеж на Тамбовщине (Антоновщина), к 1921 его армия состояла из 50 тыс. человек.

Антонов-Овсенко В.А. (1883-1939) — большевик. Один из организаторов Красной Армии, командующий красными войсками Юга России. В 1922-1924 начальник Политуправления Реввоенсовета СССР. С 1934 прокурор РСФСР, с 1937 нарком юстиции РСФСР. Репрессирован.

Арендт Х. (1906-1975) — немецкий и американский философ и политолог, автор широко известного труда «Происхождение тоталитаризма». С 1933 в эмиграции в Париже, с 1941 в Нью-Йорке.

Аристотель (384-322 до н.э.) — древнегреческий философ, математик, ученый, основоположник

формальной логики.

Арнольд М. (1822-1888) — английский критик, философ и поэт.

Асквит Г.Г. (1852-1928) — лорд, граф, адвокат, один из лидеров либеральной партии. В 1892-1895 министр внутренних дел Великобритании. В 1908-1916 премьер-министр. Впоследствии член палаты лордов. Противник англо-советского сближения.

Астров Н.И. (1868-1934) — входил в число создателей партии кадетов. В 1914-1917 один из руководителей Всероссийского союза городов. После Октября 1917 член «Национального центра» и других антибольшевистских организаций, эмигрировал.

Базаров (Руднев) В.А. (1874-1939) — философ, экономист, социал-демократ с 1896, с 1921 работал в плановых органах. Автор экономических работ, посвященных проблемам хозяйственного баланса.

Бакунин М.А. (1814-1876) — классик анархизма, один из идеологов народничества. Участник европейских революций 1848-1849. С 1857 в ссылке, в 1861 бежал за границу, сотрудничал с А. Герценом. В 1868-1872 член I Интернационала, выступал против Маркса.

Бальфур А.Д. (1848-1930) — лорд, один из лидеров консервативной партии. В 1887-1891 министр по делам Ирландии, проводил жесткую политику репрессий. В 1891-1892 и в 1895-1902 министр финансов. В 1902-1905 премьер-министр, поддержал Японию в войне против России. 1915-1916 морской министр, 1916-1919 министр иностранных дел. С 1918 активный сторонник интервенции в Советскую Россию.

Барк П.Л. (1869-1937) — управляющий петербургской конторой Госбанка (1897-1906), позже член правления ряда коммерческих банков. В 1914-16 министр финансов, эмигрировал.

Барро О. (1791 — 1873) — премьер-министр Франции в 1849. Накануне революции 1848 возглавлял буржуазную либерально-монархическую оппозицию. В 1872-1873 — председатель Госсовета.

503

Батюшин Н.С. (1874-1957) — генерал Генштаба. Во время Первой мировой войны фактически начальник разведывательной службы, комиссии по борьбе со шпионажем Северного фронта. С 1918 в белом движении, эмигрировал.

Бахметьев Б. А. — посол Временного правительства в США. После Октября 1917 лишен прав посла. Однако американское правительство признавало его послом России вплоть до окончания интервенции.

Бебель А. (1840-1913) — один из основателей и руководителей Социал-демократической рабочей партии Германии и 2-го Интернационала.

Безобразов А.М. (1855-1931) — статс-секретарь. В 1896, доказывая неизбежность войны между Россией и Японией, развивал план приобретения царским правительством концессии в Маньчжурии, в Корею в качестве заслона против Японии. Получил поддержку Николая II, после русско-японской войны отошел от политики.

Бейли С. (1791-1870) — английский экономист. Главное произведение — «Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости...» (1825), направлено против рикардовской политэкономической школы.

Бек Ю. (1894-1944) — министр иностранных дел Польши в 1932-1939. Сторонник Ю. Пилсудского.

Белинский В.Г. (1811-1848) — выдающийся литературный критик, публицист. Сотрудничал в журналах «Телескоп», «Современник»... Доказывал необходимость социально-политических преобразований, уничтожения крепостничества и самодержавия. Оказал глубокое влияние на современное ему общество и развитие всей русской литературы и политической мысли.

Беляев М.А. (1863-1918) — генерал от инфантерии. В Первой мировой войне начальник ГУ Генерального штаба, член Военного Совета. Последний военный министр императорской России, расстрелян.

Бенуа Л.Н. (1856-1928), русский архитектор. Строил в Петербурге (Академическая капелла им. М.И. Глинки; корпус, ныне советский отдел, Русского музея), Москве, Киеве, Варшаве; один из авторов проекта преобразования Петербурга (1910-1913).

Бердяев Н.А. (1874-1948) — выдающийся философ. Выступал в программных сборниках русских идеалистов: «Вехи», «Из глубины»; основные произведения «Философия свободного духа», «Русская идея», «Самопознание»... В развитие русской общинности утверждал, что «общество — часть личности». В 1922 выслан за границу. Занял особую общепризнанную роль мыслителя-посредника между русской и западной культурами.

Беринг М. (1874-1945) — корреспондент лондонских газет «Морнинг Пост» и «Таймс» в России. Исследовал и переводил русскую литературу, Автор антологии переводов «Русская лирика» (1943).

Берковский Н.Я. (1901-1972) литературовед. Труды по истории зарубежной литературы, театра, истории и теории романтизма, международным связям русской литературы, статьи о русских классиках.

Бернарди Ф. фон (1849-1930) — генерал, «в 1870-м, в двадцать один год, стал первым немцем, проехавшим через Триумфальную арку, когда немцы взяли Париж»²²⁹⁷. В 1898-1901 начальник исторического отдела Генштаба. С 1909 командующий корпусом. Автор нашумевшей книги «Германия и следующая война», 1911.

Бернсторф — граф, посол Германии в Лондоне в 1902-1906.

Берти Ф. (- 1919) — лорд, дипломат, в 1903-1905 посол Великобритании в Риме, в 1905-1918 в Париже.

504

Бертхольд Л. (1863-?) с 1906 австро-венгерский посол в России, в 1912-1915 министр иностранных дел Австро-Венгрии.

Бетман-Гольвег Т. (1856-1921) — в 1905-1907 министр внутренних дел Пруссии, 1907-1909 имперский министр внутренних дел, заместитель рейхсканцлера, 1909-1917 рейхсканцлер. Проводил политику подавления рабочего движения.

Бивербрук В.М. (1879-1964) — лорд, газетный магнат, консерватор.

Бисмарк О. фон (1815-1898) — князь. В 1859-1862 прусский посланник в России. С 1862 — министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. В 1871-1890 рейхсканцлер Германской империи.

Блисс Т. (1853-?) — генерал, в 1917-1918 начальник Генштаба армии США, глава американской делегации в Верховном Военном Совете союзников.

Болдырев В.Г. (1875-1932) — генерал, в 1918 член Директории (Уфа), до Колчака главнокомандующий вооруженными силами, в 1920-1922 гг. член Сибирского правительства.

Бомпар М. — французский посол в России (1902-1908), в Турции (1909-1914).

Бонч-Бруевич М.Д. (1870-1956) — генерал, во время Первой мировой главком Северного фронта. После Октября 1917 начштаба Верховного главнокомандующего Красной Армии, руководитель Высшего военного совета.

Брешко-Брешковская Е.К. (1844-1934) — «бабушка русской революции», одна из создателей и лидеров партии эсеров, ее Боевой организации. Участница революции 1905-1907, в 1907-1917 в тюрьме, на каторге и в ссылке. После Октября 1917 вела борьбу с большевиками в Поволжье и Сибири, эмигрировала.

Бриан А. (1862-1932) — социалист, министр юстиции в правительстве Вивани. С началом Первой мировой премьер-министр Франции и министр иностранных дел. Лауреат Нобелевской премии мира (1926).

Бродель Ф. (1902-1985) — французский историк. Руководитель французского Центра исторических исследований. Труды по социально-экономической истории Западной Европы XVI-XVII вв.

Брусилов А.А. (1853-1926) — генерал. В Первую мировую войну главком Юго-Западного фронта. В мае-июле 1917 Верховный главнокомандующий. С 1920 в Красной Армии.

Бубнов А. Д. (1883-?) — адмирал, профессор Николаевской Морской Академии; во время Мировой войны — в штабе главнокомандующего, после революции представитель А. Колчака на Версальской мирной конференции.

Булак-Балахович С.Н. (1883-1940) — генерал. В 1918 командир полка в Красной Армии, перешел на сторону белых. В 1919-1920 в Северо-Западной армии Юденича, затем воевал на стороне Эстонии и Польши.

Булгаков С.Н. (1871-1944) — экономист, философ и теолог. Профессор политэкономии. Один из признанных духовных лидеров русской интеллигенции той поры. В 1918 принял священство. С 1925 профессор русского Богословского института в Париже.

Буллитт У.К. (1891-1967) — дипломат. Член американской делегации на Парижской конференции 1919, возглавлял секретную миссию В. Вильсона в Советской России. После отклонения его предложения о признании советского правительства вышел в отставку и выступил с резкой критикой Версальских соглашений. Первый посол США в СССР (1933-1936), затем во Франции, советник министра ВМФ. В 1944-1945 в армии де Голля.

Булыгин А.Г. (1851-1919) — в 1905 министр внутренних дел, разработал проект закона о Госдуме, позже член Госсовета.

505

Бунге Н.Х. (1823-1895) — экономист, в 1881-1886 министр финансов. Инициатор отмены подушной подати, проводил политику протекционизма в отношении русской промышленности.

Бунин И.А. (1870-1953) — дворянин, писатель, поэт созерцательного склада, лауреат Нобелевской премии (1933). Враждебно встретив Октябрьскую революцию, эмигрировал.

Бухарин Н.И. (1888-1938) — участник революции 1905, член РСДРП(б) с 1906, экономист. В 1917-1918 лидер «левых коммунистов», в 1919-1929 член Исполкома Коминтерна, редактор газеты «Правда». Член ЦК и Политбюро партии 1917-1934. Автор трудов по философии и политэкономии. Репрессирован.

Бьюкенен Д.У. (1854-1924) — дипломат, в 1885-1909 консул Великобритании в Софии, в 1910-

1918 посол в Петербурге.

Бэббит — герой романа американского писателя С. Льюиса (1885-1951), имя которого стало нарицательным для обозначения американского преуспевающего мещанина с его ограниченным духовным миром, наполненным штампованными «истинами американизма».

Бюлов Б. (1849-1929) — князь, юрист. В 1897-1900 статс-секретарь иностранных дел Германии, в 1900-1909 рейхсканцлер и министр-президент Пруссии. Инициатор жестких репрессий против рабочего движения. Проводил политику колониальной экспансии.

Бюхнер Л. (1824-1899) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ. Разделял идеи социального дарвинизма.

Вагнер А. (1835-1917) — немецкий экономист и политический деятель. Один из основателей «Союза социальной политики» (1872), целью которого было построение, по Вагнеру, «государственного социализма».

Валентинов А. А. — очевидец и участник крымской эпопеи Врангеля, в 1922 опубликовал свой дневник.

Валлерстайн И. — выдающийся американский социолог, создатель теории миросистемного анализа, один из авторитетнейших в современной науке критиков либеральной идеологии, а также глобальной системы капитализма. Автор книг «Закат американского могущества», «После либерализма», «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире».

Вацетис И.И. (1873-1938) — командарм. Выпускник Генштаба (1909). В Первой мировой полковник, командир полка. В 1918 командир Латышской дивизии, командующий Восточным фронтом; в 1918-1919 главком Вооруженных Сил Республики. С 1921 профессор Военной академии РККА. Репрессирован.

Вашингтон Д. (1732-1799) — первый президент США (1789-1797), консерватор.

Главкомандующий вооруженными силами повстанцев в Войне за Независимость. Один из основателей двухпартийной политической системы в США.

Вебер М. (1864—1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист. Исследователь аграрной истории древнего мира, социологии религии и методологии общественных наук. Автор теории происхождения «современного западноевропейского капитализма». Автор теории бюрократии, авторитета и власти. Одна из главных работ «Протестантская этика и дух капитализма», 1904.

Вейган М. (1867-1965) — французский генерал. В Первой мировой войне начштаба верховного главнокомандующего. В 1920-1922 глава военной миссии в Польше по обучению и снабжению польской армии. В 1930-1935 начальник Генштаба, в 1937 участвовал в фашистском движении кагуляров. В 1940 начштаба национальной обороны и верховный главнокомандующий, один из организаторов капитуляции Франции.

506

Вейтлинг В. (1808-1871) — деятель немецкого рабочего движения, один из теоретиков уравнительного коммунизма. Выступал за революционный путь для установления коммунистического строя. Коммунистическую революцию рассматривал как стихийный процесс, в котором главная роль принадлежит деклассированным элементам.

Венизелос Э. (1864-1936) — в 1910-1933 неоднократно становился премьер-министром Греции. Участвовал в создании балканского союза 1912. Один из инициаторов участия Греции в Первой мировой войне, антисоветской интервенции, греко-турецкой войне 1919-1922.

Вердеревский Д.Н. (1873-1946) — контр-адмирал. В июне 1917 командующий Балтийским флотом, отдан под суд за невыполнение приказов Временного правительства во время Июльского кризиса (считал, что флот должен вести борьбу только с внешним врагом). После поражения корниловщины морской министр Временного правительства.

Вернадский В.И. (1863-1945) — советский ученый, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии. Автор трудов по философии естествознания, науковедению.

Верховский А.И. (1886-1938) — генерал, закончил Пажеский корпус, академию Генштаба с отличием, в Первой мировой начштаба дивизии. После Февраля 1917 командующий Московским ВО, с августа 1917 — военный министр. С 1918 военспец в Красной Армии, профессор Академии Генштаба, комбриг, репрессирован.

Веселаго Г.М. — сын адмирала, командир эсминца в Первую мировую. Сыграл решающую роль в разрыве Мурманского совета с Советским правительством. Эмигрировал, управляющий крупной американской фирмой.

Вивани Р. (1863-1925) — адвокат, социалист. В 1906-1910 министр труда, в 1913-1914 министр просвещения, в 1914-1915 премьер-министр, 1915-1917 министр юстиции.

Вико Д. (1668-1744) — итальянский мыслитель, историограф. Получил известность, как автор историко-философской теории, по которой все народы проходят свой жизненный путь одинаковым образом, вследствие чего всеобщая история представляет собою вечный круговорот возвращения одних и тех же явлений.

Виктория (1819-1901) — королева Великобритании с 1837, последняя из Ганноверской династии.

Вильгельм II (1859-1941) — внук Вильгельма I, германский император и прусский король в 1888-1918.

Вилькен У. (1862-1944) — немецкий историк. Автор исследований по истории, социально-экономической, политической и культурной жизни греко-римского, византийского и арабского Египта.

Вильсон Т.В. (1856-1924) — доктор философии, профессор права, в 1902-1910 ректор Принстонского университета, в 1910-1912 губернатор, в 1912-1921 президент США от Демократической партии. В 1890-1902 профессор права, в 1902-1910 ректор Принстонского университета, в 1910-1912 губернатор штата Нью-Джерси.

Вильсон Г.Ю. (1864-1922) — фельдмаршал, в британской армии с 1884. Начальник академии ГШ (1906-1910), с 1918 начальник Генерального штаба Великобритании. В 1917-1918 сыграл большую роль в разработке и осуществлении интервенции в Россию. С 1919 в палате Общин от консерваторов.

507

Вильямс А.Р. (1883-1962) — американский журналист. Создал интернациональный отряд для защиты Советской власти, участвовал в Гражданской войне. Автор ряда книг о Советской России.

Витте С.Ю. (1849-1915) — кандидат физмат, наук. С 1892 министр путей сообщений, финансов, обеспечил профицит и резкое увеличение госбюджета, осуществил денежную реформу, переход к золотому обращению, строительство Сибирской ж/д., ввел винную монополию... Премьер-министр в 1903-1906. За Портсмутский мир получил титул графа. Настоял на введении первого в истории России конституционного правления.

Вогак К.И. (1859-?) — генерал. Связан с разведывательной деятельностью на Дальнем Востоке. Сторонник Безобразова. С 1910 в отставке.

Воейков В.Н. (1868-1947) — генерал Свиты. С декабря 1913 последний дворцовый комендант, эмигрировал.

Войтинский В.С. (1885-1960) — экономист, социал-демократ, меньшевик, комиссар Временного правительства, участвовал в подготовке похода П. Краснова на Петроград, эмигрировал. Видный экономист, занимавший высокие должности в госструктурах США и общественных фондах Рокфеллера, XX века, Дж. Гопкинса, был советником президента Ф. Рузвельта по трудовым отношениям.

Володарский В. (Гольдштейн М.М.) (1891-1918) — член РСДРП с 1905, меньшевик.

Неоднократно подвергался арестам и ссылкам, в 1913 эмигрировал в США. С мая 1917 в Петрограде, большевик, член Петроградского Совета, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации. Член Президиума ВЦИК. Убит эсером.

Волошин (Кириенко) М.А. (1877-1932) — поэт. В годы Гражданской войны пытался примирить враждующие стороны: спасал в своем доме красных от белых и наоборот.

Вольнов И.Е. (1885-1931) — писатель, член партии эсеров, участвовал в Гражданской войне. Автор повестей о тяжелой судьбе дореволюционного крестьянства.

Вольтер М.Ф. (1694-1778) — французский писатель, философ-просветитель. Деятельность связана с критикой религиозной нетерпимости, феодального абсолютизма. Сыграл огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции.

Врангель П.Н. (1878-1928) — барон, генерал. В Добровольческой армии и «Вооруженных силах Юга России» — командир дивизии, корпуса, Кавказской армии. В апреле 1920 сменил Деникина, стал главкомом так называемой Русской армии, эмигрировал.

Гайда (Гейдль) Р. (1892-1948) — унтер-офицер австро-венгерской армии. С 1917 в России, командир дивизии в Чехословацком корпусе, командующий Сибирской армией Колчака. В 1926 начальник Генштаба чехословацкой армии. Во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. Казнен по приговору народного трибунала.

Гайдар Е.Т. (1956-) — экономист, работал в журнале «Коммунист», газете «Правда». Директор института экономической политики АН СССР. В ноябре 1991-1992 — зампред правительства и министр финансов, и.о. Председателя правительства. С 1993 директор Института экономики переходного периода. Председатель партии «Демократический выбор России», сопредседатель «Союза правых сил» (2000-2004). В правительстве проводил реформы радикально неолиберального, монетаристского курса.

Галлиени Ж.С. (1849-1916) — маршал Франции, участник франко-прусской войны 1870-1871, затем на административных должностях в колониях (Африка,

508

Индокитай), в 1896-1905 губернатор Мадагаскара, в 1914 военный губернатор Парижа, предложил ударить во фланг немцам и организовал переброску 6-й армии, во время Марнского сражения в 1915-1916 военный министр.

Гамильтон Я.С. (1853-1947) — генерал, участник англо-бурской войны. С 1910 главнокомандующий андийскими войсками на Средиземноморье, в 1915 командующий экспедиционными войсками для захвата Босфора и Дарданелл.

Гарнак А. (1851-1930) — немецкий теолог и историограф. С 1876 профессор в Лейпциге, Гисене, Марбурге, с 1889 в Берлине, генеральный директор Прусской государственной библиотеки (1905-1921). Автор фундаментальных трудов по истории раннего христианства. Основатель и президент Общества содействия науке императора Вильгельма (с 1948 — Общество Макса Планка).

Гегель Г.В. (1770-1831) — немецкий философ, создатель теории диалектики и системы объективного идеализма. Центральное понятие — развитие (сущность деятельности мирового духа — абсолюта), его источник — противоречия. История по Гегелю — «прогресс духа в сознании свободы». Ему принадлежат фраза: «Философия есть эпоха, схваченная в мысли, впрочем, она никогда не успевает за историей: сова Минервы вылетает в сумерках».

Гекальп (Мехмед Зия) (1876-1924) — с 1909 член ЦК партии «Единение и прогресс» Турции. Во время оккупации Стамбула державами Антанты (1920) был сослан. В 1923 депутат Великого национального собрания Турции.

Геллер М.Я. (1922-) — историк, писатель, уехал из СССР в 1950-х, автор книг:

«Концентрационный мир и советская литература», «Утопия у власти» и т.д.

Гельвеций К.А. (1715-1771) — французский философ-материалист, идеолог революционной французской буржуазии XVIII в. Выдвинул требование полной ликвидации феодальных отношений и феодальной собственности. Сторонник просвещенного абсолютизма, в понятие которого вкладывал буржуазно-демократическое содержание.

Гельфанд А.Л. (Парвус) (1869-1924) — меньшевик. Вместе с Троцким разрабатывал теорию «перманентной революции». В годы Первой мировой войны выступил в поддержку Германии, сотрудничал с германским Генштабом.

Георг V (1865-1936) — король Великобритании с 1910.

Гераклит (б до н.э.) — древнегреческий философ-диалектик. Высказал идеи непрерывного изменения, становления, вечной борьбы противоположностей.

Гертлинг (1843-1919) — профессор философии в Мюнхене. В 1917-1918 — рейхсканцлер Германии.

Герцен А.И. (1812-1870) — революционер, писатель, философ. С 1847 в эмиграции. После поражения европейских революций 1848-1849 разочаровался в революционных возможностях Запада, разработал теорию «русского социализма», один из основоположников народничества. В газете «Колокол» вел пропаганду социалистических идей, требовал освобождения крестьян с земель.

Гершензон М.О. (1869-1925) — историк общественной мысли и русской литературы. Близок к неославянофилам, деятелям «русского религиозного ренессанса» начала XX в. Участник сборника «Вехи».

Гёте И.В. (1749-1832) — немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени. Творчество Гете отразило важнейшие тенденции и противоречия эпохи: стихийное бунтарство, сентиментализм («Страдания молодого Вертера»), антифеодальные и тираноборческие тенденции («Эгмонт»), философское осмысление бытия («Фауст»).

Гинденбург П. (1847-1934) — генерал-фельдмаршал. В Первой мировой войне командовал войсками Восточного фронта. С августа 1916 начальник

509

Генштаба. Возглавил подавление Ноябрьской революции 1918. В 1925, 1932 президент Веймарской республики. В 1933 передал власть в руки фашистов.

Гинс П.К. (1887-1971) — член Сибирского правительства в 1918, эмигрировал. С 1941 — в США, профессор Калифорнийского университета, автор книг «Сибирь, союзники и Колчак». «Советское право и советское общество» и «Россия как многонациональная империя».

Гирс Н.К. (1820-1895) — министр иностранных дел России с 1882. Сторонник укрепления связей с Германией.

Гладстон У.Ю. (1809-1898) — в 1852-1855, 1859-1866 министр финансов Великобритании; в период Гражданской войны в США 1861-1865 выступал в поддержку рабовладельцев Южных штатов. С 1868 лидер Либеральной партии. После поражения на выборах 1874 возглавил оппозицию консервативному правительству Дизраэли. В 1868-1874, 1880-1886, 1892-1894 премьер-министр, организатор интервенции в Египет и подавления национально-освободительного движения в Ирландии.

Гоббс Т. (1588-1679) — английский философ-материалист. Основой нравственности считал «естественный закон» — стремление к самосохранению и удовлетворению потребностей. Рассматривал государство, как результат договора между людьми, положившего конец состоянию «войны всех против всех», продукт добровольного ограничения людьми своих прав в пользу государства. Оптимальной формой государства считал монархию.

Гогенлоэ Х.К. (1819-1901) — в 1894-1900 рейхсканцлер и министр-президент Пруссии. В 1867-1870 министр-президент и министр иностранных дел Баварии. В 1874-1885 посол Германии во Франции.

Годвин У. (1756-1836) — английский публицист, писатель, историк. Критиковал частную

собственность и государственную власть. Создатель мелкобуржуазной утопии (свободное общество независимых работников с распределением продуктов их труда между всеми по потребностям).

Голдин В.И. — современный историк, проректор Поморского университета, исследователь истории гражданской войны и интервенции на Севере России. Составитель сборников воспоминаний участников событий тех лет: «Белый Север», «Заброшенные в небытие».

Головин Н.Н. (1875-1944) — военный историк, генерал-лейтенант. В 1908-1913 профессор Академии Генштаба. Во время Первой мировой войны 1914-1918 начштаба армии. После Октябрьской Революции эмигрировал. Во время Второй мировой войны активно сотрудничал с гитлеровцами. Автор работ по истории Первой мировой войны.

Гольбах П.А. (1723-1789) — французский философ-материалист. Критиковал феодальную собственность и феодальные формы эксплуатации, отстаивал необходимость ограничения королевской власти. Искал объяснения общественных явлений в законах природы, разделял договорную теорию происхождения общества. Развитие человеческого общества видел как результат деятельности выдающихся личностей, роста просвещения и т.д. В числе других французских материалистов выдвинул положение о формирующей роли социальной среды по отношению к личности.

Гольц К. фон (1843-1916) — барон, фельдмаршал, военный теоретик, в 1878-1893 преподаватель Военной академии в Берлине, в 1883-1896 реорганизовал турецкую армию, в Первой мировой командовал турецкой армией в Месопотамии. Автор работы «Нация с оружием» (1883).

Гольц Р. фон (1865-1946) — граф, немецкий генерал. Вовремя Первой мировой войны командовал ландверной дивизией. В апреле 1918 совместно с бе-

510

лофиннами подавил революцию в Финляндии. В 1919 создатель в Прибалтике армии из германских частей, латвийских националистов и русских белогвардейцев. Участник военного путча Каппа (1920). Один из организаторов реваншистских союзов в Германии.

Горемыкин И.Л. (1839-1917) — в 1895-1899 министр внутренних дел. Проводил политику контрреформ, подавления рабочего движения. С 1899 член Госсовета. В 1906, 1914-1916 председатель Совета Министров.

Горчаков А.М. (1798-1883) — светлейший князь, канцлер с 1867. В 1856-1882 министр иностранных дел.

Гофман М. (1869-1927) — генерал, писатель. В 1904-1905 в германской военной миссии при 1-й японской армии. В 1914-1916 генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта, начштаба. Фактический глава германской делегации во время Брестских переговоров. В 1919 пытался организовать интервенцию Германии в Россию.

Грегори П. — профессор Хьюстонского университета, член Института Гувера. Автор трудов, посвященных российской, советской экономике: «Политическая экономика сталинизма», «Российская экономика от отмены крепостничества до Сталина», «Перестройка советской экономической бюрократии», «Национальный доход в России, 1885-1913»... Член редсовета журналов «Comparative Economic Studies», «Problems of Post-Communism» и т.д.

Грей Э. (1862-1933) — виконт, с 1885 член парламента от Либеральной партии, министр иностранных дел Великобритании в 1905-1916.

Григорович И.К. (1853-1930) — адмирал. В 1911-1917 морской министр, положил начало восстановлению российского флота после его разгрома в русско-японской войне. С 1923 в эмиграции.

Григорьев Н.А. (1894-1919) — командир дивизии Красной Армии. В 1919 поднял мятеж против Советской власти. После разгрома бежал к Махно.

Губарев П.Д. (1875-1920) — фельдшер, в 1917 Председатель Терского Войскового Круга. Сторонник безусловного сотрудничества с Добровольческой армией. Взят в плен Красной армией, расстрелян.

Гувер Г.К. (1874-1964) — президент США в 1929-1933 (от Республиканской партии). В 1919-1923 возглавлял Организацию помощи странам Европы. В 1921-1928 министр торговли. Во внешней политике содействовал восстановлению военно-промышленного потенциала Германии, поощрял японскую агрессию на Дальнем Востоке. Приветствовал Мюнхенское соглашение 1938.

Гумилев Л.Н. (1912-1992) — историк, географ. Подвергался репрессиям в 1930-1950-е. Создал учение о человечестве и этносах как биосоциальных категориях. Труды по истории тюркских, монгольских, славянских и других народов Евразии.

Гурко В.И. (1864-1937) — генерал. Выпускник Пажеского корпуса и Академии Генштаба (1892). Участник русско-японской войны, в Первой мировой командовал корпусом, армией, с октября 1916 по февраль 1917 исполняющий обязанности начштаба верховного главнокомандующего. После Февральской революции — главнокомандующий армиями Западного фронта. В июле 1917 г., за переписку с Николаем II арестован и выслан за границу. В 1919 отказался возглавить белогвардейские силы на Севере и Северо-Западе, тем не менее вел активную антисоветскую

деятельность.

Гучков А.И. (1862-1936) — крупный промышленник, один из создателей и лидер партии октябристов. С 1910 председатель 3-й Госдумы. Член Госсовета. В 1915-1917 председатель Центрального военно-промышленного комитета.

511

В 1917 военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов выступления Корнилова, эмигрировал.

Гюго В.М. (1802-1885) — французский писатель, представитель французского демократического романтизма (романы «Собор Парижской богоматери», «Отверженные» и др. проникнуты духом свободолюбия, сочувствием простому народу). Обличал режим Наполеона III (памфлет «Наполеон Малый»), вынужден был покинуть страну.

Даллес А.У. (1893-1969) — дипломат, разведчик, один из основателей Центрального разведывательного управления США. С 1922 служил в Восточном отделе Госдепа. Во Второй мировой в Управлении стратегических служб в Европе. В 1953-1961 директор ЦРУ. Убежденный активный антикоммунист. Автор многих статей и книг: «Искусство разведки», «Секретная капитуляция»...

Дан (Гурвич) Ф.И. (1871-1947) — один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской революции работал врачом. В 1922 выслан за границу, как враг Советской власти. В 1923 принимал участие в создании Социалистического интернационала.

Данилевский Н.Я. (1822-85) — публицист и социолог, идеолог панславизма. В сочинении «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию особых «культурно-исторических типов» (цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам.

Данилов И.А. (1871-?) — генерал, в Первой мировой командир попка. С 1918 в белой армии Северной области, командующий войсками Двинского района. В феврале 1920 взят в плен, направлен военспецом на польский фронт, после выхода в отставку в 1922 эмигрировал.

Данилов Н.А. (1867-1934) — генерал, историк. Выпускник Академии Генштаба, с 1901 профессор академии, участник русско-японской войны. С 1906 в военном министерстве. В Первой мировой начальник снабжения фронта, командир корпуса, армии. В 1917 вступил в Красную Армию. В 1918-1931 профессор академии РККА. С 1931 инспектор штаба РККА.

Дантон Ж.Ж. (1759-1794) — деятель революции, министр юстиции. В 1793 фактически руководил первым Комитетом спасения. Глава оппозиционной группировки правых якобинцев, казнен.

Дельбрюк Г.Г. (1848-1929) — военный историк, консерватор, воинствующий националист. В 1885-1921 профессор Берлинского университета, в 1882-1885 член прусской палаты, в 1884-1890 член рейхстага от консерваторов. В 1883-1919 (совместно с Трейчке) — редактор «Прусского ежегодника». Оказал значительное влияние на формирование немецкой военной доктрины.

Делькассе Т. (1852-1923) — 1894-1895 министр колоний, министр иностранных дел Франции в 1898-1905. В 1911-1913 морской министр, в 1913 посол в Петербурге. Сначала Первой мировой войны до 1915 министр иностранных дел.

Деникин А.И. (1872-1947) — генерал, писатель. В Первую мировую войну командовал бригадой, дивизией, корпусом; в 1917 начштаба Верховного главнокомандующего. После Октября 1917 один из лидеров Белого движения; в 1918-1920 главнокомандующий Добровольческой армией, «Вооруженными силами Юга России»; «Верховный правитель Российского государства». Оставил воспоминания — «Очерки русской смуты», весьма объективное свидетельство событий революции и гражданской войны.

Денисов СВ. (1878-1957) — генерал. Участник Первой Мировой войны. В Белом движении начштаба, командующий Донской армией, эмигрировал.

512

Детердинг Г. (1866-1939) — один из крупнейших монополистов, «королей нефти». С 1902 — генеральный директор «Ройял датч», с 1907 «Ройял датч-Шелл». Инициатор создания Международного нефтяного картеля. Был одним из вдохновителей интервенции и антисоветской деятельности.

Джордж Г. (1839-1897) — американский экономист, публицист. Распространял среди рабочих реформистские взгляды, выдвинул идею «единого земельного налога» и «социального мира».

Дзержинский Ф.Э. (1877-1926) — активный участник революции 1905, с 1914 на каторге, освобожден после Февральской революции. Один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания. С 1917 председатель ВЧК, нарком внутренних дел РСФСР в 1919-1923. С 1921 нарком путей сообщения, с 1924 председатель ВСНХ СССР.

Дидро Д. (1713-1784) — французский философ-материалист. Идеолог революционной буржуазии. Сторонник просвещенной монархии, борец за реализм в искусстве. Основатель и редактор «Энциклопедии».

Дизраэли Б., лорд Биконсфилд (1804-1881) — В 1848 избран лидером тори, в 1852, 1858-1859, 1866-1868 министр финансов, фактически возглавлял правительство. Премьер в 1874-1880. Сторонник активной колониальной политики, экономического и политического «сплочения

империи».

Диков И.М. (1833-1914) — адмирал. В 1907-1909 морской министр.

Добролюбов Н.А. (1836-1861) — критик, публицист. Обличитель крепостничества, сторонник реализма в искусстве. Критикуя существующий строй, призывал к промышленному прогрессу без эксплуатации (идеи промышленно-аграрных общин).

Добровольский С.Ц. (1880-?) — военный юрист, генерал, в Первой мировой военный прокурор в XI армии. В 1919-1920 полевой военный прокурор Северной области, эмигрировал.

Достоевский Ф.М. (1821-1881) — писатель, классик. Описывал страдания «маленького человека» как социальную трагедию. Участник кружка петрашевцев, приговорен в 1849 к смертной казни, замененной каторгой. Издавал «почвеннические» журналы «Время» и «Эпоха».

Драгомиров А.М. (1868-1955) — генерал. В Первую мировую командир кавалерийской дивизии; корпуса, армии, в 1917 командующий Северным фронтом. Во время Гражданской войны на ключевых руководящих и командных должностях в Добровольческой армии. В штабе генерала Врангеля, эмигрировал.

Дутов А.И. (1879-1921), один из лидеров Белого движения, генерал-лейтенант. В 1917 атаман Оренбургского казачьего войска, возглавил вооруженное выступление против советской власти в Оренбурге. В 1918-1919 командовал Оренбургской армией. Бежал в Китай.

Духонин Н.Н. (1876-1917) — генерал. В сентябре 1917 начштаба верховного главнокомандующего, с 3 (16) ноября и.о. верховного главнокомандующего. Убит солдатами.

Дыбенко П.Е. (1889-1938) — матрос, член РСДРП(б) с 1912. С апреля 1917 председатель ЦК Балтийского флота (Центробалт). Участник Октябрьской революции. Во время похода Керенского-Краснова командовал отрядами моряков и рабочих. До 04. 1918 нарком по морским делам. Освобожден от поста и судим ревтрибуналом за оставление немцам Нарвы. В 1921 участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Репрессирован.

Джефферсон Т. (1743-1826) — дипломат, просветитель. Третий президент США 1801-1808, госсекретарь 1790-1793, вице-президент 1797-1801. Идеолог

513

демократического направления в период борьбы за независимость. Автор проекта Декларации независимости США.

Егоров А.И. (1883-1939) — маршал Советского Союза (1935). В Первой мировой командовал ротой, батальоном в чине подполковника. С 1917 примыкал к левым эсерам, с 1918 большевик. Председатель комиссии по отбору офицеров в Красную Армию, в гражданскую командовал армией, фронтом, позже округом. С 1931 начальник Генштаба РККА, в 1937-1938 зам. наркома обороны. Репрессирован.

Егорьев В.Н. (1869-1948) — генерал. С 1903 служил в Главном штабе. Главный начальник военно-учебных заведений, командир кадетского корпуса. С началом мировой войны начштаба дивизии, затем командир полка. После февраля 1917 командир дивизии, корпуса. После Октября один из создателей Красной Армии, командующий Южным фронтом.

Есенин С.А. (1895-1925) — выдающийся «поэт и гражданин», тонкий лирик, обладал и обладает огромной популярностью. Стихи проникнуты любовью к России, природе, тоской к «Руси уходящей» («какая грусть в кипении веселом») и надеждой («через каменное и стальное вижу мощь я родной стороны»), стремлением понять «коммуной вздыбленную Русь».

Жилинский Я.Г. (1853-1918) — генерал. Участник русско-японской войны. С 1911 начальник Генштаба. В 1914 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. В 1915-1916 представитель России в Союзном совете.

Жорес Ж. (1859-1914) — преподаватель философии, член палаты депутатов Франции в 1885-1889, 1893-1898 и с 1902. В 80-х примыкал к буржуазным республиканцам, с 1890-х в социалистической группе. Придя к французскому рабочему движению из рядов буржуазии, пытался эклектически соединить марксизм с другими учениями. С 1902 лидер правой социалистической партии. Организовал газету «Юманите». Убит французским шовинистом.

Жоффр Ж.Ж. (1852-1931) — маршал Франции. Участник франко-прусской войны 1870-1871 и колониальных войн в Индокитае и Африке. С 1910 член Высшего военного совета, с 1911 начальник Генштаба. В 1914-1916 главнокомандующий французской армией.

Жувеинель Ю.Б. (1903-) — французский экономист, социолог и футуролог, президент-основатель Международной Федерации исследования будущего. Выдвинул концепцию «возможного будущего» и выступал против как «технологического детерминизма», так и «экологического пессимизма».

Зайончковский А.М. (1862-1926) — генерал, крупный военный теоретик. В Первой мировой командир дивизии, корпуса. В мае 1917 вышел в отставку. В 1918 вступил в Красную Армию, начштаба армии. В 1922-1926 профессор Военной академии РККА.

Зеленов Н.П. (1884-?) — полковник, в Первой мировой командир артдивизиона. С 1918 в белой армии Северной области, начальник артиллерии Двинского фронта, эмигрировал.

Зеленой А.П. (1872-1922) — контр-адмирал. Участник Первой мировой. Вступил в Красную

Армию. Один из руководителей Ледового похода Балтийского флота из Ревеля в Кронштадт в 1918. В 1919-1920 командовал морскими силами Балтийского флота.

Зеленый Д.Т. (1886-1918) — член партии независимых украинских социал-демократов, лидер повстанческого крестьянского движения на Украине, убит в бою с денikinцами.

Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. (1883-1936) — член РСДРП(б). В октябре 1917 и в 1921-1926 член Политбюро ЦК большевистской партии. В 1919-1926

514

председатель Исполкома Коминтерна. В 1923-1924 вместе со Сталиным и Каменевым боролся против Л. Троцкого, репрессирован.

Золя Э. (1840-1902) — французский писатель. Реалистически отображал социальные противоречия, представляя законы общества как биологические законы.

Зомбарт В. (1863-1941) — немецкий экономист, историк, философ. Вначале испытал влияние идей Маркса, впоследствии выступал против марксизма. Развитие капитализма связывал с усилением «духа капитализма». Один из авторов реформистской теории «организованного капитализма».

Иван Грозный (1530-1584) — великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547). Положил начало Земским соборам и приказам, руководил составлением Судебника. Учредил опричнину. Ужесточил крепостное право — запретил крестьянские переходы к новым владельцам. Присоединил Казанское и Астраханское ханства, начал завоевание Сибирского ханства В Ливонской войне 1558-1583 за Прибалтику потерпел поражение.

Иванов Н.И. (1851-1919) — генерал. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. Руководил подавлением Кронштадтских восстаний 1905-1906. Во время Первой мировой главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С 1916 состоял при Николае II. Член Госсовета. 27 февраля 1917 получил от царя диктаторские полномочия. В 1918 командующий армией у генерала Краснова.

Иванов-Ринов П.П. (1869-?) — генерал. Во время Первой мировой командовал казачьей бригадой. Руководил подавлением восстания казахов в Туркестане в 1916. В 1918 возглавил антисоветский мятеж в Омске, избран войсковым атаманом Сибирского казачества. Военный министр Временного Сибирского («Омского») правительства. На Дальнем Востоке был начштаба у атамана Семенова.

Игнатьев А.А. (1877-1954) — генерал, граф, во время Первой мировой военный атташе России во Франции. Руководил военными закупками. После Октября 1917 перешел на сторону советской власти. Помог сохранить в банках Франции 225 млн. руб. золотом, принадлежащих России. С 1927 в советском торгпредстве во Франции, с 1937 в Красной Армии.

Игнатьев В.И. — эсер, затем народный социалист. Член «Комитета спасения Родины и Революции» и «Союза возрождения России». Управляющий отделом внутренних дел Северного правительства 1918-1919.

Игнатьев Н.П. (1832-1908) — генерал. С 1856 на дипломатической службе. Посланник в Китае, посол в Турции в 1864-1877. В 1881-1882 министр внутренних дел. С 1877 член Госсовета.

Извольский А.П. (1856-1919) — дипломат, в 1897-1906 посланник в Белграде, Мюнхене, Токио, Копенгагене. В 1906-1910 министр иностранных дел России, в 1910-1917 посол в Париже.

Кабэ Э. (1788-1856) — французский писатель, утопический коммунист. В романе «Путешествие в Икарию» изобразил коммунизм как ассоциацию, построенную на основе социального равенства, с уравнительным потреблением, сохранением индивидуальных хозяйств. Сделал неудачную попытку организовать колонию «икарийцев» в Техасе.

Кавелин К.Д. (1818-1885) — историк, один из идеологов либерализма в России. Участник подготовки крестьянской реформы 1861.

Кадорна Л. (1850-1928) — итальянский маршал. В 1914-1917 начальник Генштаба, после вступления Италии в 1915 в войну до 1917 фактический главнокомандующий итальянской армией.

Каледин А.М. (1861-1918) — генерал. Во время Первой мировой командовал корпусом, армией. В 1917 избран атаманом войска Донского, возглавил контрреволюционное правительство. 10. 1917-01. 1918 возглавлял вооруженное выступ-

515

пление против советской власти. После краха мятежа сложил полномочия и покончил с собой.

Калинин М.И. (1875-1946) — участник революционного движения с 1896, член РСДРП(б) с 1903. Активный участник революций. В 1918 комиссар городского хозяйства Петрограда. В годы Гражданской войны вел агитационно-пропагандистскую работу. С 1926 член Политбюро ЦК, с 1919 председатель ВЦИК. В 1938-1945 председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Калмыков И.П. (1890-1920) — подъясаул (1917), генерал-майор (1918), атаман Уссурийского казачества (1918). Участник Первой мировой войны. Сформировал контрреволюционный отряд в 1918. С 1919 командир Уссурийского Особого отряда, бригады, дивизии.

Кальвин Ж. (1509-1564) — деятель Реформации. В 1533 отрекся от католической церкви. С 1536 в Женеве стал главой нового направления протестантизма — кальвинизма — учения, отражавшего

интересы буржуазии эпохи первоначального накопления капитала.

Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883-1936) — член РСДРП(б) с 1903. Член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1919-1925. В ноябре 1917 председатель ВЦИК. В 1918-1926 председатель Моссовета. В 1923-1926 заместитель председателя Совнаркома СССР; в 1924-1926 председатель Совета труда и обороны. Репрессирован.

Кампанелла Т. (1568-1639) — итальянский философ, политический деятель; создатель коммунистической утопии, программы всеобщего социального преобразования на основе общности имущества («Город Солнца»).

Кант И. (1724-1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Автор дуалистического учения о непознаваемых «вещах в себе», «категорическом императиве», учения об антиномиях, сыгравшего большую роль в развитии диалектики.

Капелер А. — профессор Венского университета, специалист по восточноевропейской истории.

Капель В.О. (1883-1920) — генерал-лейтенант. Участник Первой мировой. Во время Гражданской войны командовал войсками Комуча, затем в армии Колчака — корпусом, армией, главнокомандующий Восточным фронтом.

Каприви Л. (1831-1899) — в 1890-1894 рейхсканцлер Германии, в 1890-1892 также прусский министр-президент, в 1883-1888 начальник адмиралтейства. Начал переход Германии от внутренней к активной внешней экономической экспансии.

Кара-Мурза С.Г. (1939-) — химик, историк, профессор. Зам. директора Института истории естествознания и техники (1968-1990), в 1986-1991 член группы экспертов ЦК КПСС, в 1990-2000 в Аналитическом центре по научной и промышленной политике АН. Автор многочисленных исторических, аналитических работ: «Советская цивилизация», «Интеллигенция на пепелище России», «История государства и права России»...

Карл X. (1757-1836) — король Франции в 1824-1830. Ограничил избирательное право, свободу печати, инициатор экспансии в Алжир. Свергнут Июльской революцией 1830, эмигрировал.

Карр Э.Х. (1892-1982) — признанный классик английской советологии. Автор фундаментальной 20-т. «Истории Советской России».

Като Т. (Комэй) (1860-1926) — в 1894 посланник Японии в Англии. Министр иностранных дел Японии с 1900. Его позиция во многом определила участие Японии в Первой мировой войне. С 1924 премьер-министр.

516

Като Тейкити (1861-1927) — японский адмирал. Участник русско-японской войны. После начала мировой войны командовал эскадрой, блокировавшей с моря германскую военно-морскую базу Циндао.

Каутский К. (1854-1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии. Первоначально — на марксистских позициях. В дальнейшем — автор теории ультраимпериализма (мирного развития капитализма и изживания его противоречий), отрицал неизбежность пролетарской революции.

Кауфман К.П. (1818-1882) — инженер-генерал (1874), с 1867 туркестанский генерал-губернатор; руководил завоеванием Средней Азии.

Кафенгауз Л.Б. (1885-1940) — экономист. Известен составлением статистических рядов промышленного производства России 1885-1927. Критиковал политику большевиков. Сотрудничая с «Национальным центром», в 1919 подготовил программу либерального пути экономического возрождения России на случай крушения Советской власти. Работал в Центральном отделе статистики ВСНХ, преподавал в МГУ, 1937-1940 в Институте экономики АН СССР.

Каширин Н.Д. (1888-1938) — командарм (1935). В 1902-1906 учитель. В Первой мировой подъесаул. В марте 1917 создал отряд красных казаков. С 1918 член РКП(б), командир дивизии, корпуса. С 1934 член Военного совета СССР. Репрессирован.

Квещинский М.Ф. (1866-1920) — генерал. Участник русско-японской войны. В Первой мировой начштаба корпуса, армии, командующий армией. С октября 1917 командующий войсками Киевского ВО, фактически выдал офицеров большевикам. С 1919 начштаба генерала Миллера, эмигрировал.

Кедров М.С. (1878-1941) — член РСДРП с 1901, большевик. Активный участник русских революций 1905 и 1917. С мая 1917 член Военной организации при ЦК РСДРП(б), редактор газеты «Солдатская правда». С 1919 начальник Особого отдела ВЧК. В 1931-1934 член президиума Госплана СССР. Репрессирован.

Кейнс Д.М. (1883-1946) — выдающийся английский экономист, один из основоположников макроэкономического анализа. В начале 1920 работал в советской России. На основе ее примера в своем основном сочинении «Общая теория занятости, процента и денег» сформулировал необходимость активного участия государства в экономике.

Кемп Т.У. (1866-1928) — британский адмирал. Служил в Персии, Китае. В годы Первой мировой войны командовал эскадрой в северно-русских водах. Один из главных организаторов

интервенции Антанты на Русском Севере.

Кеннан Д. (1845-1924) — американский журналист. Неоднократно посещал Россию. В 1885-86 обследовал каторжные тюрьмы и места ссылки в Сибири. Приветствовал свержение самодержавия, выступал против интервенции в Советскую Россию.

Кеннан Д. Фрост (1904-) — американский дипломат и историк. С 1925 занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США. В 1952 посол США в СССР, отозван в связи с враждебными выпадами в адрес СССР. В 1961-63 посол США в Югославии. Один из ведущих американских советологов, сторонник политики «с позиции силы» в отношении СССР.

Кенэ Ф. (1694-1774) — французский экономист, основоположник школы физиократов. Отверг основной тезис меркантилизма о происхождении прибыли из обращения и пытался объяснить прирост богатства из процесса производства.

Керенский А.Ф. (1881-1970) — адвокат, лидер фракции трудовиков в IV Думе, с 1917 — эсер. Во Временном правительстве: министр юстиции, военный

517

и морской министр, министр-председатель, верховный главнокомандующий, эмигрировал.

Керзон Д.Н. (1859-1925) — в 1899-1905 вице-король Индии, в 1919-1924 министр иностранных дел Великобритании. Один из организаторов интервенции в Россию. Автор линии, рекомендованной в качестве восточной границы Польши. Автор меморандума 1923, содержавшего угрозу новой интервенции против СССР.

Кибл К. — посол Великобритании в СССР в 1978-1982.

Киреевский И.В. (1806-1856) — философ, один из виднейших представителей славянофильства. Противопоставлял рациональную западноевропейскую форму познания и живую, свойственную православному славянству, предрекал гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма.

Киричников А.И. (1845-1903) — историк, автор ряда исследований по литературе средних веков, статей о русских писателях — Писемском, Достоевском, Лье Толстом и др.

Китченер Г.Г. (1850-1916) — фельдмаршал (1909). С 1874 в колониальных войсках, в 1886-1888 генерал-губернатор Восточного Судана. В 1895-1898 командовал британскими войсками в Египте. Командовал британской армией в англо-бурской войне 1899-1902. С 1914 военный министр.

Клаузевиц К. (1780-1831) — военный теоретик, генерал. Участвовал в войне с Францией 1806-1807. Служил в русской армии в 1812-1814. С 1814 в Пруссии начштаба корпуса, армии. В 1818-1830 директор Всеобщего военного училища. Впервые применил диалектический метод в военной теории, рассматривая явления военного искусства в их взаимосвязи и развитии.

Клемансо Ж. (1841-1929) — крайний радикалист, сначала левый, с 1880-х правый. В 1906 министр внутренних дел. В 1906-1909 председатель Совета Министров. В ноябре 1917 — председатель Совета Министров и одновременно военный министр. Яркий сторонник установления гегемонии Франции в Европе. Активный организатор антисоветской интервенции. Председатель Парижской мирной конференции, один из авторов Версальского договора.

Клембовский В.Н. (1860-1921) — генерал. Участвовал в русско-японской войне. В Первую мировую командир дивизии, начштаба армий генерала А. Брусилова. С конца 1916 командующий армией, начштаба Верховного главнокомандующего. В 1918 вступил в Красную армию. В 1920 член Особого совещания при Главкоме РККА, репрессирован.

Клюев Н.А. (1859-1921) — генерал. В 1914 после гибели генерала Самсонова принял командование остатками 2-й армии, попал в плен. Участник Белого движения в Северной области, эмигрировал.

Ключевский В.О. (1841-1911) — историк, академик. Профессор Московского университета и Московской духовной академии, создатель научной школы. Труды по истории крепостного права, сословий, финансов, историографии...

Кожин В.В. (1930-2001) — критик, литературовед, философ, историк. Основные работы посвящены вопросам теории литературы, а также историческим исследованиям, развенчанию псевдоисторических мифов о прошлом России.

Козьмин Б.П. (1888-1958) — доктор исторических наук. Исследования и публикации по истории общественной мысли и революционного движения XIX в. Редактор сочинений А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова и др.

Коковцов В.Н. (1853-1943) — граф, крупный банкир. В 1904-1914 министр финансов, в 1911-1914 председатель Совета министров.

518

Кокорев В.А. (1817-1889) — предприниматель, меценат. Разбогател на винных откупах. Был учредителем многих железнодорожных компаний, пароходств, промышленных и торговых предприятий. В 1859 открыл первый нефтеперегонный завод, на базе которого в 1873 учредил Бакинское нефтяное общество. Вел торговлю с Персией. Критик экономической политики правительства в интересах русского национального капитала.

Колби Б. (1869-1950) — юрист, основатель Прогрессивной партии США, госсекретарь 1920-1921,

представитель США на конференции в Париже 1919.

Колчак А.В. (1873-1920) — адмирал, ученый — гидрограф, участник полярной экспедиции. С 1912 командир эсминца. В Первую мировую командир минной дивизии на Балтике. В 1916-1917 командующий Черноморским флотом. В ноябре 1918 провозгласил себя «верховным правителем России». Один из организаторов Белого движения (в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке).

Кони А.Ф. (1844-1927) — юрист, общественный деятель. Доктор права (1890), Член Госсовета (1907). Придерживался умеренно-либеральных взглядов. После Октябрьской революции продолжал литературную и преподавательскую работу.

Коновалов А.И. (1875-1948) — крупный текстильный фабрикант. Один из основателей Всероссийского союза торгов и промышленности. В IV-й Думе лидер «блока». В 1915-1917 заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета. В составе Временного правительства министр торговли и промышленности, эмигрировал.

Конрад Х.Ф. фон (1855-1925) — генерал-фельдмаршал. С 1906 начальник Генштаба Австро-Венгрии. Являясь главой военной партии, с 1907 выступал за превентивную войну с Сербией. Один из главных инициаторов развязывания Первой мировой войны. Фактически руководил военными действиями австро-венгерской армии.

Корнилов Л.Г. (1870-1918) — генерал. В Первой мировой командир дивизии, в 1915-1916 в плену, после побега командовал корпусом, армией. В июле-августе 1917 Верховный главнокомандующий, организовал попытку установления военной диктатуры — «корниловский мятеж». Один из организаторов Белого движения, создатель Добровольческой армии.

Котовский Г.И. (1881-1925) — Приговорен к пожизненной каторге за организацию выступлений молдавских крестьян, в мае 1917 условно освобожден, примыкал к левым эсерам. С 1918 командовал отрядом, бригадой на Юге, Украине и на советско-польском фронте, участвовал в ликвидации движений Махно, Антонова, Петлюры.

Красин Л.Б. (1870-1926) — инженер-энергетик. Член РСРДП с 1898, большевик. С начала Первой мировой директор нескольких заводов. Участник переговоров в Бресте. В 1919 нарком путей сообщения, в 1920-1925 полпред в Великобритании, и (1924) Франции. Участник переговоров с Эстонией, в Генуе и Гааге.

Краснов П.Н. (1869-1947) — генерал. В 1917 командир конного корпуса. В октябре 1917 возглавил вооруженное выступление против большевиков. В 1918 атаман Войска Донского, командующий белоказачьей армией, эмигрировал. Сотрудничал с гитлеровцами.

Крестовников Г.А. (1855-1918) — председатель правления Московского купеческого банка. Один из лидеров партии октябристов, член Госсовета.

Кривошеин А.В. (1857-1921) — в 1906-1908 товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками, член Госсовета. В 1908-1915 главноуправляющий землеустройством, ближайший соратник Витте и Столыпина в проведении аграрной реформы. В 1920 глава «Правительства Юга России».

519

Кромвель О. (1599-1658) — один из лидеров Английской буржуазной революции. Лорд-протектор Англии (с 1653), Под давлением низов согласился на суд и казнь короля, уничтожение монархии, палаты лордов и объявление Англии республикой. Провел военную экспедицию против Ирландии.

Кропоткин П.А. (1842-1921) — князь, классик анархизма, геолог, географ. В 1876-1917 в эмиграции, участник международных анархистских организаций. Труды по теории анархизма, этике, социологии, истории Французской революции.

Крэмб Дж. А. (-1913) — английский историк, профессор Лондонского королевского колледжа.

Крыжановский СЕ. (1862-1935) — в 1906-1911 товарищ министра внутренних дел, ближайший помощник П. Столыпина. С 1911 Госсекретарь, с 1916 статс-секретарь.

Крыленко Н.В. (1885-1938) — в 1917-1918 нарком по военным и морским делам, Верховный главнокомандующий. С 1918 в Верховном революционном трибунале при ВЦИК, с 1928 прокурор РСФСР, с 1931 нарком юстиции РСФСР, СССР. Репрессирован.

Кузнец С.С. (1901-1985) — американский экономист, институционалист, разработчик современной системы национальной статистики. Нобелевский лауреат 1971. Внес вклад в теорию циклов. Статистически обосновал теорию «Революции в доходах».

Кузьмин В.Д. (1859-1927) — юрист, генерал. С 1883 года следователь Петербургского военного округа, преподавал в Военно-юридической академии. Один из организаторов Партии демократических реформ. Депутат Госдумы. В Первую мировую один из руководителей Всероссийского земского союза и Центрального военно-промышленного комитета. В 1919 в составе Политического совещания при Н. Юдениче.

Куприн А.И. (1870-1938) — писатель, созерцательного плана. Одно из самых громких имен русской литературы первой четверти XX века.

Куропаткин А.Н. (1848-1925) — генерал, в 1898-1904 военный министр. В русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии. В Первую мировую командовал армией, фронтом, в 1916-1917 туркестанский генерал-губернатор. Отверг предложения эмигрировать и выступить

против Советской власти.

Курский Д.И. (1874-1932) — член РСДРП(б) с 1904. В октябре 1917 член ВРК в Одессе. В 1919-1920 комиссар Главного и Полевого штабов Красной Армии, член РВС республики. В 1918-1928 нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор. В 1928-1932 посол СССР в Италии.

Кюльман Р. (1873-1948) — немецкий дипломат. С 1900 секретарь, советник посольства в Константинополе, Лондоне. Во время Первой мировой посол в Гааге и Константинополе. В 1917-1918 — министр иностранных дел. От имени Германии подписал Брест-Литовский договор.

Кюстин А. (1790-1857) — маркиз, французский автор романов и путевых заметок. Европейскую славу принесла книга «Россия в 1839 г.» В России была запрещена, неоднократно использовалась в целях антироссийской пропаганды. Однако, если отбросить идеологизмы, до сих пор остается одной из лучших и наиболее проникновенных книг о России.

Лавров П.Л. (1823-1900) — философ, социолог и публицист, один из идеологов народничества. Автор легендарных «Исторических писем», в которых призвал «образованное меньшинство» к «уплате долга» народу. С 1870 в эмиграции.

520

Лазимир П.Е. (1891-1920) — левый эсер. Первый председатель Петроградского Военно-революционного комитета. С 1918 член коллегии НКВД, Наркомата по военным делам.

Ламетри Ж.О. (1709-1751) — французский философ-материалист. Последовательно изложил систему механистического материализма, подошел вплотную к теории эволюции. Сторонник просвещенной монархии.

Ламздорф В.Н. (1844-1907) — граф, министр иностранных дел России в 1900-1906.

Лансинг Р. (1864-1928) — в 1915-1920 госсекретарь США. Участник Парижской мирной конференции 1919-1920.

Ланрезак Ч. (1852-1925) — генерал, в Первой мировой член Высшего военного совета Франции, командующий армией.

Лацис М.И. (С.Я.) (1888-1938) — член РСДРП(б) с 1905. Организатор латышской социал-демократической группы. Неоднократно арестовывался и ссылался. В 1918-1921 член коллегии ВЧК, председатель Всеукраинской ЧК. Репрессирован.

Лашевич М.М. (1884-1928) — в 1917 член Петроградского Военно-революционного комитета. В 1918-1919 командующий армией, в 1920-1925 председатель Сибревкома. С 1925 заместитель наркома по военным и морским делам. Участник троцкистской оппозиции.

Лебон Г. (1841-1931) — французский философ-идеалист, социолог, антрополог. Стремился найти доказательства неравенства человеческих рас. Упадок цивилизации связывал с наступлением «эры масс», когда все решает толпа.

Лемке М.К. (1872-1923) — историк, журналист. Редактор многих столичных и провинциальных газет. В 1915-1916 штабс-капитан, служил при Ставке Верховного Главнокомандующего.

Ленин (Ульянов) В.И. (1870-1924) — классик марксизма, лидер большевиков и первого в истории человечества социалистического государства. В 1880-1890-х народовец, затем марксист. В 1895 участвовал в создании Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», арестован. На 2-м съезде РСДРП (1903) возглавил фракцию большевиков. Руководил Октябрьским восстанием. Председатель Совнаркома и Совета обороны.

Леонтьев К.Н. (1831-1891) — врач, писатель. Военный врач в Крымской войне 1853-1856.

Предугадывая грядущие революционные потрясения и, видя опасность в буржуазном либерализме, проповедовал «византизм» (монархическую власть, церковность, сохранение крестьянской общины, жесткую сословную иерархию).

Лехович В.А. (1860-1941) — генерал. С 1915 помощник, с 1917 начальник Главного артиллерийского управления. С 1919 в Управлении по артиллерийскому снабжению армии Деникина, эмигрировал.

Либкнехт В. (1826-1900) — один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии.

Либкнехт К. (1871-1919) — один из основателей Коммунистической партии Германии. Сын В. Либкнехта. С 1900 член Социал-демократической партии. В 1912-1916 депутат германского рейхстага. В 1914 Либкнехт один голосовал против военных кредитов. Один из организаторов «Союза Спартака», убит контрреволюционерами.

Ливен Х.А. (1777-1838) — граф, князь, дипломат, в 1812-1834 посол в Лондоне. С 1834 попечитель наследника престола (будущего Александра II).

521

Лиман фон Сандерс О. (1855-1929) — генерал. Глава германской военной миссии в Турции в 1913-1918. В 1915-1916 командовал турецкой армией на Галиполи, в 1917-1918 турецкими войсками в Палестине.

Ллойд Джордж Д. (1863-1945) — лидер Либеральной партии Великобритании. В 1905-1908 министр торговли и в 1908-1915 министр финансов. В 1916-1922 премьер-министр. Один из

главных участников Парижской мирной конференции и творец Версальского мирного договора. **Локк** Д. (1632-1704) — английский философ-материалист, создатель идейно-политической доктрины либерализма. Автор эмпирической теории познания, теории естественного права и общественного договора.

Локкарт Р.Г. (1887-1970) — дипломат, журналист. В 1912-1917 генконсул Великобритании в Москве; затем глава британской миссии в Сов. России. Во Второй мировой один из руководителей политической разведки английского МИДа, представитель при чехословацком правительстве в Лондоне, директор Комитета по делам политической войны (1941-1945).

Лорис-Меликов М.Т. (1825-1888) — граф, генерал. Участник подавления восстания Шамиля, Крымской и русско-турецкой войны. С 1879 генерал-губернатор. Вел борьбу с революционным движением. В 1880 назначен начальником комиссии, став фактически диктатором, одновременно министр внутренних дел и шеф жандармов. Смягчил карательные меры. Представил проект ряда экономических реформ.

Луи-Филипп (1773-1850) — французский король. Вовремя Великой французской революции отрекся от титула. В 1792 сражался в составе французских революционных войск. В 1793 перешел на сторону австрийцев. Во время революции 1830 провозглашен королем. Свергнут Февральской революцией 1848.

Лукомский А.С. (1868-1939) — генерал. В 1914-1915 начальник канцелярии военного министра, в 1916-1917 начштаба верховного главнокомандующего. В 1918-1920 помощник главнокомандующего Добровольческой армией А.Деникина, эмигрировал.

Луначарский А.В. (1875-1933) — закончил цюрихский университет, с 1898 активный участник марксистского движения. Развивал идею «богостроительства» (сборник «Религия и социализм», 1908). В 1917-1929 нарком просвещения. Работы по вопросам философии, эстетики, литературы, искусства.

Львов Г.Е. (1861-1925) — князь, один из лидеров партии кадетов. Председатель Земского союза и «Земгора». В марте-июле 1917 премьер-министр Временного правительства.

Львов Н.Н. (1867-1944) — крупный помещик. Один из основателей «Союза освобождения», депутат Госдум.

Людендорф Э. (1865-1937) — генерал. С 1894 служил в германском Генштабе. В Первой мировой начштаба Восточного фронта, затем 1-й генерал-квартирмейстер штаба верховного командования — фактически руководил всеми вооруженными силами, сторонник военной диктатуры. В 1923 возглавил вместе с Гитлером путч в Мюнхене.

Лютер М. (1483-1546) — деятель Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма — лютеранства, идеолог бюргерства. Перевел Библию на немецкий язык, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

Май-Маевский В.З. (1867-1920) — генерал. В Первой мировой командир полка, бригады, дивизии, гвардейского корпуса. В 1918-1919 командовал дивизией, затем всей Добровольческой армией.

Майнеке Ф. (1862-1954) — немецкий историк, либерал. Один из основателей и первый ректор Свободного университета в Берлине.

522

Майский И.М. (1884-1975) — дипломат, историк. В РСДРП(м) с 1903. В 1917-1918 член ЦК партии меньшевиков, в правительстве Комуча. Порвал с меньшевиками в 1919. В 1929-1932 полпред в Финляндии, в 1932-1943 посол СССР в Великобритании. В 1943-1946 заместитель наркоминдел СССР.

Макдональд Д.Р. (1866-1937) — школьный учитель, один из лидеров Лейбористской партии. В 1924 и 1929-1931 премьер-министр Великобритании, в 1924 его правительство признало СССР, в 1929 восстановило дипломатические отношения с СССР, разорванные в 1927 консервативным правительством.

Макензен А. (1849-1945) — генерал-фельдмаршал. В армии с 1868, участвовал во франко-прусской войне 1870-1871, с 1882 в германском генштабе. В Первую мировую командир корпуса, армии на Восточном фронте. После войны оказывал активную поддержку фашистам.

Макиавелли Н. (1469-1527) — итальянский мыслитель. Создал теорию государства, подходя к проблеме государства со светских (а не с теологических) позиций. Полагал, что для упрочения государства допустимы любые средства (трактат «Государь»). Важнейшей движущей силой истории считал политическую борьбу, которая в его изложении часто выступала как борьба социальная, классовая.

Макконнел К.Р., **Брю** С.Л. — экономисты, профессора университетов: штата Небраска и Тихоокеанского, авторы «Экономикс», книги ставшей бестселлером учебно-экономической литературы в России 1990-х.

Маклаков Н.А. (1871-1918) — землевладелец, в 1909-1912 губернатор, в 1912-1915 министр внутренних дел, крайне правой ориентации, член Госсовета. В декабре 1916 предлагал Николаю II осуществить государственный переворот и разогнать Госдуму.

Маклаков В.А. (1869-1957)—адвокат, один из основателей и лидеров партии кадетов, брат Н.А. Маклакова. Депутат Госдум, в 1917-1924 белогвардейский представитель во Франции, занимался военным и финансовым обеспечением белого движения. Неофициальный глава русской эмиграции.

Мальтус Т.Р. (1766-1834) — выдающийся английский политэкономист. Приобрел нарицательное значение в связи с работой «Опыт о законе народонаселения», где утверждал, что рост населения опережает рост средств существования людей, что ведет к вымиранию низших слоев общества. В главной работе «Начала политической экономии» он впервые поставил в центр экономической теории проблему реализации, а не накопления, особенно в условиях кризисов перепроизводства.

Макмиллан Г. (1894-1986) — премьер-министр Великобритании в 1957-1963. В 1940-1945 занимал ряд постов в кабинете Черчилля. В 1951-1957 министр жилищного строительства, обороны, иностранных дел, финансов.

Мамонтов К.К. (1869-1920) — генерал, в Первой мировой командир казачьего полка. В 1918-1920 командовал Донским конным корпусом в армиях генералов Краснова и Деникина.

Маниковский А.А. (1865-1920) — генерал. С 1915-1917 начальник Главного артиллерийского управления. Выдвигался руководителями февральского переворота на пост Всероссийского диктатора. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию. В 1918-1919 начальник Главного артиллерийского управления. Автор труда «Боевое снабжение русской армии в войну».

Манн Т. (1875-1955) — выдающийся немецкий писатель. Лауреат Нобелевской премии (1929). Автор «Доктора Фауста» и «Будденброков», брат писателя Г. Манна.

523

Маркс К. (1818-1883) — экономист, социолог, философ, основоположник марксизма. Участник международной организации «Союз коммунистов», вместе с Энгельсом написал ее программу «Манифест Коммунистической партии» (1848). Автор «Капитала». Организатор и лидер 1-го Интернационала (1864-1876). Впервые сделал попытку дать обобщенное и систематизированное толкование основных законов развития общества, Разработал теорию исторического материализма (материалистического понимания истории), теорию прибавочной стоимости, исследовал развитие капитализма и выдвинул положение о неизбежности его гибели и перехода к коммунизму в результате пролетарской революции.

Мартов (Цедербаум) Ю.О. (1873-1923) — один из лидеров меньшевизма. В активной политической борьбе с 1895. Делегат (от меньшевиков) 7-го Всероссийского съезда Советов (1919), член ВЦИК, в 1919-1920 депутат Моссовета, эмигрировал.

Мартос Н.Н. (1858-1933) — генерал. Участник русско-турецкой войны, Китайского похода 1900, русско-японской войны. В августе 1914 командовал корпусом в составе армии генерала А. Самсонова. Корпус М. был практически уничтожен, сам взят в плен. В 1919 начальник Государственной стражи у Деникина.

Мартынов (Пиккер) А.С. (1865-1935) — с 1884 член партии «Народная воля», с 1890-х социал-демократ, с 1903 один из лидеров меньшевизма. В 1923 вступил в коммунистическую партию.

Мартынов Е.И. (1864-1937) — генерал, историк, закончил Академию Генштаба. Участник русско-японской, в 1913 уволен за критику армейских порядков. В 1914-1918 в плену. В 1918-1928 в Красной Армии, преподавал в Академии Генштаба. Труды по военной истории и стратегии. Репрессирован.

Марушевский В.В. (1874-1952) — генерал. В Первой мировой командир полка, русской бригады во Франции, в сентябре 1917 последний в истории «старой армии» начальник Генштаба. В 1918-1919 по приглашению англ. и франц. миссий занимался формированием Северной армии.

Марч П.К. (1864-1955) — американский генерал. Участвовал в войне 1900-1902 на Филиппинах, с 1903 в Генштабе. Во время русско-японской войны — американский наблюдатель при японской армии. В 1916 командир бригады в составе Американских экспедиционных сил. В 1918 начальник Генштаба.

Маршалл А. (1842-1924) — английский экономист, глава кембриджской школы. Положил начало неоклассической политэкономии: «Принципы экономической науки». Заложил основы микроэкономики на базе функционального анализа соотношения различных экономических явлений. Основные исследования в области соотношения спроса и предложения, зависимости их от времени и эластичности.

Масарик Т.Г. (1850-1937) — в 1882-1914 профессор философии. Один из основателей (1889) либеральной Чешской народной, прогрессивной партии. Основал в 1915 в Париже Чешский национальный совет. В 1917-1918 в России, поддерживал кадетов. В 1918-1935 президент Чехословакии.

Мау В.А. (1959-) — экономист, профессор, работал в институтах: экономики АН СССР, проблем переходного периода... в 1992-1993 советник Председателя Правительства РФ, в 1997-2002 руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ. Член редколлегий журналов «Вопросы экономики», «Journal of Economic Transition»...

Махно Н.И. (1888-1934) — анархист. Во время Революции 1905-1907 участвовал в

террористических актах и «экспроприациях», приговорен к смертной

524

казни, замененной каторгой. В 1918-1921 глава анархо-крестьянского движения на Украине, эмигрировал.

Мейбом Ф.Ф. — в Первой мировой капитан, вступил в ударный батальон, в 1917 арестован за отказ принести присягу Временному правительству. Командир полка в колчаковской армии. Эмигрировал.

Меллер-Закомельский А.Н. (1844-?) — барон, генерал. С 1904 командир корпуса. Вовремя Революции 1905-1907 подавил восстание матросов в Севастополе, возглавлял карательную экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906-1909 прибалтийский генерал-губернатор.

Мельгунов С.П. (1880-1956) — историк, публицист либерального направления. Редактор журнала «Голос минувшего». Труды по истории церкви, русского общественного и революционного движения.

Мелье Ж. (1664-1729) — французский философ-материалист, атеист. Отвергал мысль о «просвещенном государе», призывал к революции. Проповедник идей коммунистического общества (семьи-общины).

Менделеев Д.И. (1834-1907) — выдающийся химик, общественный деятель. Открыл периодический закон элементов (1869). Автор исследований по химии, физике, метеорологии, воздухоплаванию, сельскому хозяйству, экономике, социологии. Профессор Петербургского университета.

Мережковский Д.С. (1865-1941) — писатель, религиозный мыслитель, критик, публицист, эмигрировал.

Мессими А. (1859-1943), военный министр Франции в 1909-1915. В 1920-1924 президент Франции.

Местр Ж.М. (1753-1821) — граф, французский публицист, политический деятель, философ. Вдохновитель и идеолог европейского клерикально-монархического движения.

Мечников И.И. (1845-1916) — биолог и патолог. Организовал в 1886 первую русскую бактериологическую станцию для борьбы с инфекционными заболеваниями. С 1887 в Париже при Пастеровском институте. Лауреат Нобелевской премии 1901. Создатель русской школы микробиологии, иммунологии и патологии.

Миллер Е.К. (1867-1937) — генерал. Вовремя Первой мировой начштаба армии, командир корпуса. С января 1919 генерал-губернатор Северной области.

Милн А.Б. (1855-1938) — баронет, английский адмирал. Был посредственным командиром, но обладал широкими связями в высшем обществе, пользовался покровительством королевской четы. В 1912-1914 командующий британскими ВМС в Средиземном море.

Милюков П.Н. (1859-1943) — политик, историк, публицист. Один из создателей, теоретик и лидер конституционно-демократической (кадетской) партии. Депутат Госдум. В 1917 министр иностранных дел Временного правительства. Один из вдохновителей белого движения и интервенции.

Минаев И.П. (1840-1990) — востоковед, основатель русской индологической школы, профессор Петербургского университета. Посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал. Работы, посвященные комплексному изучению истории буддизма, современной Индии.

Мирбах В. (1871-1918) — граф, в 1918 посол Германии при правительстве РСФСР.

Михаил Александрович (1878-1918) — великий князь, брат Николая II. В Первую мировую командовал дивизией, корпусом. После отречения Николая II отказался от прав на престол.

525

Мольтке Старший Х.К.Б. (1800-1991) — граф, генерал-фельдмаршал. В 1858-1888 начальник прусского имперского Генштаба. Фактический главнокомандующий всех победоносных войн периода объединения Германии. Теория Мольтке сводится к упреждению противника в мобилизации армии и развертывании ее на границе, внезапному началу военных действий, охвату противника с флангов, разгрому его в одном генеральном сражении, ориентации на победу в блицкриге.

Мольтке Младший Х.И.Л. (1848-1916) — граф, генерал. Племянник Мольтке Старшего, в 1906-1914 начальник Генштаба.

Монкретьен А. (1575-1621) — французский экономист, представитель меркантилизма. В 1615 опубликовал одно из первых в Европе сочинений, посвященных экономическим проблемам: «Трактат политической экономии».

Мор Т. (1478-1535) — английский гуманист, один из основоположников утопического социализма (диалог «Утопия» — описание идеального общества, где отсутствует частная собственность, обобществлен труд и распределение происходит по потребности). Канцлер Англии в 1529-1532. Будучи католиком, отказался дать присягу королю как главе церкви, казнен.

Морган Д.П. (1837-1913) — один из крупнейших американских финансистов, основатель банкирской фирмы.

Морозов С.Т. (1862-1905) — текстильный фабрикант-миллионер. Сочувствовал революционерам. Член Московской городской думы, в дни революционных событий 1905 выступил против применения военной силы в борьбе с рабочими, за право мирных стачек, собраний, союзов.

Муравьев М.А. (1880-1918) — левый эсер, подполковник. В 1917 во время выступления Краснова начальник обороны Петрограда. После Октября в Красной гвардии. В 1918 главнокомандующий войсками Восточного фронта. В июле 1918 после лево-эсеровского мятежа поднял восстание против советской власти в Симбирске.

Мясоедов С.Н. (1865-1915) — полковник. В 1892-1909 служил в Отдельном корпусе жандармов. Участник Первой мировой войны. В 1915 признан виновным в шпионаже в пользу Германии и повешен.

Набоков В.Д. (1869-1922) — один из лидеров кадетов, юрист, публицист. Депутат Госдумы. Редактор-издатель «Вестника партии народной свободы». В 1917 управляющий делами Временного правительства. С 1918 министр юстиции Крымского краевого правительства.

Наполеон Бонапарт (1769-1821) — первый консул Французской республики (1799-1804), император Франции (1804-1815).

Наполеон III (Луи-Бонапарт) (1808-1873) — президент Франции (1848— 1852), император (1852-1870), племянник Наполеона. Его имя приобрело нарицательное значение — «бонапартизм» — «социального наполеонизма», в связи с проводимой им внутренней политикой. Концепцию новой власти Луи-Бонапарт изложил в книге «Наполеоновские идеи», переизданной на все европейские языки, ее тираж во Франции достиг невероятных размеров — 500 тыс. экземпляров.

Наумов А.Н. (1868-1930) — с 1908 губернский предводитель дворянства, с 1909 член Госсовета, в 1915-1916 министр земледелия.

Некрасов Н.В. (1879-1940) — инженер-технолог, профессор. Один из лидеров левого крыла партии кадетов. Один из руководителей «Земгора». В 1917 министр путей сообщения Временного правительства. С 1921 в Центросоюзе, репрессирован.

Некрич А.М. (1920-1993) — историк. Автор книги «22 июня 1941 г.» (1966), ставшей сенсацией в СССР и подвергшейся резкой официальной критике. Ис-
526

ключен из партии, в 1976 получил разрешение покинуть СССР. Преподавал в Гарвардском университете. Другие произведения: «Наказанные народы»; «Утопия у власти».

Неру Д. (1889-1964) — один из лидеров индийского национально-освободительного движения, в 1929 выдвинул лозунг независимости Индии. С момента получения независимости, 1947-1964, бессменно премьер-министр и министр иностранных дел.

Нессельроде К.В. (1780-1862) — граф, министр иностранных дел России (1816-1856). Член Госсовета (1821), вице-канцлер (1828), канцлер (1845).

Нечаев С.Г. (1847-1882) — радикалист, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». Тесно сотрудничал с М. Бакуниным и А. Герценом. Дело Нечаева легло в основу романа Ф. Достоевского «Бесы». В 1873 приговорен к 20 годам каторги.

Николай Михайлович (Романов) (1859-1919) — великий князь, историк, председатель Русского исторического общества (1909-1917). Стоял в стороне от придворной жизни. Автор ряда исследований по русской истории начала XIX в.

Николай Николаевич (1856-1929) — великий князь, генерал от кавалерии. В 1905-1908 председатель Совета государственной обороны. В Первую мировую Верховный главнокомандующий (1914-1915), наместник на Кавказе (1915-1917).

Никольский Б.В. (1870-1919) — приват-доцент Петербургского университета, юрист, журналист. Один из организаторов «Союза Русского Народа».

Ницше Ф. (1844-1900) — немецкий философ, представитель иррационализма. В 1869-1879 профессор классической филологии Базельского университета. Продолжатель традиционного пессимизма немецкой философии эпохи обострения общественных противоречий при капитализме. Находил выход в сверхчеловеке Заратустре.

Новицкий В.Ф. (1869-1929) — генерал, историк. Участник русско-японской и Первой мировой войн. После Февраля 1917 помощник военного министра, командир корпуса, армии, главнокомандующий армиями Северного фронта. В 1918 добровольно вступил в Красную Армию. В 1919-1929 профессор Военной академии РККА.

Нокс А.У. (1870-1964) — генерал. В 1911-1918 британский военный атташе в России, находился в русской действующей армии. В 1918-1920 глава британской военной миссии в Сибири, один из организаторов установления диктатуры адмирала Колчака, автор книги «С русской армией. 1914-1917».

Норт Д. (1920-) — американский экономист. Наиболее значительным научным результатом является разработка эмпирической модели ранней американской экономической истории. В основу исследования положен принцип взаимосвязи экономических и институциональных изменений. Работы: «Экономический рост США: 1790-1860», «Подъем Западного мира: новая экономическая история». Лауреат Нобелевской премии 1983.

Носке Г. (1868-1946) — деятель крайне правого крыла германской социал-демократии, 1914-1918 социал-шовинист. Во время Ноябрьской революции 1918 член правительства. В 1919-1920 военный министр.

Нуланс Ж. (1864-1939) — в 1913-1914 военный министр, в 1914-1915 министр финансов, в 1917-1918 посол в России, один из организаторов вооруженной интервенции Антанты. В 1924 член комиссии парламента по русскому вопросу.

Ньютон И. (1643-1727) — выдающийся английский математик, физик, механик, астроном, теолог. Создатель классической механики, разработал дифференциальное и интегральное исчисления.

Открыл закон всемирного тяготения,

527

создал основы небесной механики. Помимо прочего был директором монетного двора.

Оболенский В.А. (1869-1950) — князь, кадет, депутат Госдумы, в 1917 секретарь ЦК партии кадетов.

Обручев Н.Н. (1830-1904) — генерал, в 1856-1867 профессор Академии Генштаба, народник. Один из организаторов «Земли и Воли». В 1863 отказался участвовать в подавлении Польского восстания. В 1867-1881 в Главном штабе. Разработал стратегический план войны с Турцией 1877-1878. В 1881-1897 начальник Главного штаба. С 1893 член Госсовета.

Орджоникидзе Г.К. (Серго) (1886-1937) — член РСДРП с 1903, активный революционер. В годы Гражданской войны политический руководитель в войсках Красной Армии, один из организаторов разгрома Деникина, в 1920 — председатель Северо-Кавказского ревкома. В 1926-1930 председатель ЦКК ВКП(б), с 1930 председатель ВСНХ, затем нарком тяжелой промышленности СССР.

Оруэлл Д. (1903-1950) — английский писатель, созерцатель. Участник гражданской войны в Испании в рядах анархистов, троцкистской ориентации. В годы Второй мировой войны корреспондент Би Би Си. Разочаровавшись в революционных идеалах, перешел на позиции буржуазно-либерального реформизма и антикоммунизма.

Осоргин М.А. (Ильин) (1878-1942) — эсер, писатель. В 1918-1921 один из организаторов Всероссийского союза писателей и Всероссийского союза журналистов. Участник Помгола, в 1922 выслан из России на «философском пароходе».

Оукен (Окун) А.М. (1928-80) — американский экономист, профессор Йельского университета, председатель Совета консультантов-экономистов в 1968-1969. На основании данных с момента окончания Второй мировой войны по 1960 г. сформулировал Закон Оукена, описывающий линейную связь изменений уровня безработицы и изменений ВВП.

Оуэн Р. (1771-1858) — английский социалист-утопист. Пытался осуществить филантропические планы улучшения условий жизни рабочих. В 1817 выдвинул программу перестройки общества, пытался создать (в США и Англии) самоуправляющиеся коммуны, лишённые частной собственности, классов, эксплуатации.

Палеолог М.Ж. (1859-1944) — дипломат. В 1912-1914 директор политического департамента МИДа Франции, в 1914-1917 посол в России, 1920 генеральный секретарь МИДа.

Пальмерстон Г.Д.Т. (1784-1865) — виконт, лидер вигов, министр иностранных дел Англии в 1830-1840-е, в 1855-1859 премьер-министр. 1830-1855 министр иностранных дел, внутренних дел. Сторонник консервативно-реакционного курса.

Пастернак Б.Л. (1890-1960) — писатель. В произведениях выражена убежденность в моральной правоте революции, но в то же время и неприятие революционного насилия. В «Докторе Живаго» отразил отрицательное отношение к революции и неверие в возможность социального преобразования общества.

Перхуров А.П. (1876-1922) — генерал, участник русско-японской и Первой мировой войн. В Белом движении с 1918 — в подпольной организации Союз защиты Родины и Свободы. Руководил эсеровским восстанием в Ярославле. С 1919 командир дивизии у Колчака.

Петлюра С.В. (1879-1926) — с 1900 член Революционной украинской партии, затем Украинской соц.-дем. рабочей партии. В 1915 один из руководителей Всероссийского земского союза. После Февраля организовал Украинский фронтовой комитет. С 1918 председатель украинской Директории.

528

Петровский Г.И. (1878-1958) — социал-демократ с 1897, большевик. Депутат Госдумы, осужден на вечное поселение. Активный участник революций 1905 и 1917. В 1917-1919 нарком внутренних дел РСФСР, в 1922-1937 один из председателей ЦИК СССР, в 1937-1938 заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Петэн А.Ф. (1856-1951) — маршал. В Первую мировую командовал бригадой, корпусом, командующий группой армий «Центр». С 1917 начальник Генштаба, главнокомандующий французской армией. В 1934 — военный министр, в 1940 — премьер-министр. Подписал капитуляцию Франции. Глава правительства Виши 1940-1944.

Пилсудский Ю. (1867-1935) — в 1887 был арестован по обвинению в подготовке покушения на

Александра 111. Во время русско-японской войны сотрудничал с японской разведкой. В Первую мировую командовал польским легионом на стороне Австро-Венгрии. Провозглашен в 1918 «начальником (диктатором) государства». В 1926 совершил военный переворот. Фактический диктатор Польши до самой смерти.

Пирс Ч.С. (1839-1914) — американский философ-идеалист, логик, математик и естествоиспытатель. Член Американской национальной академии наук. Достижения в области математической логики, исследования проблемы формирования научного знания.

Пихно Д.И. — в начале XX века профессор экономики Киевского университета, отчим В.

Шульгина, редактор «Киевлянина», сторонник крайне правых взглядов.

Платон (428-348 до н.э.) — выдающийся древнегреческий мыслитель, один из родоначальников европейской философии. Считал идеи вечными и непостижимыми прообразами вещей.

Разрабатывал диалектику, систему основных ступеней бытия, теорию идеального государства, основанного на иерархии сословий.

Плеве В.К. (1846-1904) — с 1902 министр внутренних дел. Активный сторонник жестких мер и русско-японской войны. Убит эсером.

Плеханов Г.В. (1856-1918) — теоретик марксизма. С 1875 народник, один из руководителей «Земли и воли», «Черного передела». Создатель первой марксистской группы «Освобождение труда». Один из основателей РСДРП, один из лидеров меньшевиков. Во время Революции 1905-1907 стоял за союз с либеральной буржуазией.

Плешаков М.М. (1856-1927) — генерал, в 1912-1917 командир корпуса. В 1918 начальник рус. войск в полосе отчуждения КВЖД. В 1923 сформировал отряд белых офицеров в Китае для службы в армии Ч. Линя.

Победоносцев К.П. (1827-1907) — юрист, с 1872 член Госсовета, в 1880-1905 обер-прокурор Синода. Преподавал законоведение великим князьям, в том числе будущим Александру III и Николаю II. Автор Манифеста 1881 об укреплении самодержавия.

Пожарский Д.М. (1578-1642) — князь, участвовал в подавлении восстания Болотникова. Участник земского ополчения, руководил военными действиями против польских интервентов в 1611-1618.

Покровский М.Н. (1868-1932) — историк, академик РАН, член РСДРП(б) с 1903. Активный участник революций. В 1917-1918 председатель Московского совета. В 1918-1932 заместитель наркома просвещения. Автор «Русской истории с древнейших времен» и др. За многие тезисы подвергнут критике официальной советской наукой.

529

Полибий (201-120 до н.э.) — древнегреческий историк. Автор многотомной «Истории», первой попытки изложения «всеобщей» истории Греции, Малой Азии, Египта, Карфагена и Рима в их взаимной связи. Видел задачу историка не в описании событий, а в раскрытии причин к взаимосвязей.

Поливанов А.А. (1855-1920) — генерал. В 1905-1906 начальник Главного штаба, в 1906-1912 помощник военного министра. В 1912-1915 член Госсовета. В 1915-1916 военный министр, председатель Особого совещания по обороне государства. С февраля 1920 — в Красной Армии.

Поляковы С.С. (1837-1888), Л.С. (1842-1914), Я.С. (1832-1909) — русские капиталисты, основатели ряда банков, участники железнодорожного строительства.

Поппер К.Р. (1902-1994) — австрийский, британский философ, социолог, представитель аналитической философии. Критик историзма и марксизма (концепция «открытого общества»).

Преображенский Е.А. (1886-1937) — выдающийся экономист-аналитик, член РСДРП(б) с 1903. В 1920-1921 секретарь ЦК РКП(б). В 1925 выдвинул тезис, что социалистическое предприятие не способно конкурировать с капиталистическим. В связи с этим предложил теорию государственного монополизма и первоначального накопления за счет эксплуатации «досоциалистических» форм хозяйства. С 1927 неоднократно исключался из партии. Репрессирован.

Пржевальский М.А. (1859-1934) — генерал. С 1905 начальник войскового штаба Кубанского, Терского казачьих войск. С 1908 командир бригады. С 1917 командующий Кавказской армией. В 1918 командующий войсками Добровольческой армии на Кавказе.

Пришвин М.М. (1873-1954) — агроном, учитель, писатель. Автор классических произведений о природе, книг для детей, особую ценность представляют его дневники.

Прокопович С.Н. (1871-1955) — экономист. В 1904 — член совета либерального освобождения, член ЦК кадетской партии. Во Временном правительстве министр торговли и промышленности, министр продовольствия. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1922 выслан из СССР.

Протопопов А.Д. (1866-1917) — крупный помещик, владел 7 тыс. десятин и рядом промышленных предприятий, октябрист. В 1916 в Симбирской губернии предводитель дворянства, основатель газеты «Русская воля». Депутат Госдум, член «Прогрессивного блока». 09. 1916-02. 17 министр внутренних дел.

Прудон П.Ж. (1809-1865) — французский социалист, теоретик анархизма. Пропагандировал

мирное переустройство общества путем реформы кредита и обращения. Сторонник консервации мелкотоварного производства. Отвергал политическую борьбу, партии, профсоюзы.

Пуанкаре Р. (1860-1934) — в 1893-1906 министр просвещения, финансов Франции. В 1912-1913 премьер-министр и министр иностранных дел. В 1913-1920 президент республики. В 1920 председатель репарационной комиссии. Один из организаторов антисоветской интервенции. В 1922-1924 премьер-министр.

Пугачев Е.И. (1742-1775) — предводитель Крестьянской войны 1773-1775 в России. Проявил необычайную энергию, полководческие и организаторские способности.

Пуль Ф.К. (1859-1936) — генерал. Участник англо-бурской войны. В Первой мировой глава британской миссии снабжения в России; в 1918 главнокомандующий союзными войсками на Севере России; в 1919 — британский представитель у Деникина.

Пуль В.К. (1885-1952) — американский дипломат, с 1910 на консульской службе, с 1917 в Москве. В 1918-1919 поверенный в делах России. Сторонник

530

интервенции. Нач. русского отдела в Госдепе 1920-1940, в 1949-1951 президент Национального комитета за свободную Европу (Радио «Свободная Европа»).

Пуришкевич В.М. (1870-1920) — крупный помещик, монархист, черносотенец. Один из основателей «Союза русского народа» (1905), руководитель «Союза Архангела Михаила». Депутат Госдум. Участник убийства Распутина. В октябре 1917 возглавил контрреволюционный заговор в Петрограде. С 1918 представитель крайне правого крыла в политических силах Юга России.

Пурталес Ф. (1853-1928) — граф, дипломат. В 1907-1914 посол Германии в России.

Путилов А.И. (1866-1926) — крупный промышленник, финансист. Служил в министерстве внутренних дел, с 1890 в министерстве финансов, с 1905 товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками. В 1916 совладелец крупного концерна.

Радищев А.Н. (1749-1802) — писатель, философ. Автор оды «Вольность», «Путешествия из Петербурга в Москву» и др. Рассматривал исторический процесс как развитие по спирали, в котором эпохи регресса («заблуждения», «рабства») сменяются эпохами прогресса («истины», «вольности»), считал беспочвенными надежды на просвещенную монархию, бесперспективность крестьянских восстаний. Требовал уничтожения крепостного права и сословных привилегий.

Разин СТ. (1630-1671) — предводитель Крестьянской войны 1670-1671, охватившей Поволжье и ряд других районов России.

Раковский Х.Г. (1873-1941) — в социал-демократическом движении с 1889. 1919-1923 председатель Совнаркома Украинской ССР. Член ЦК партии 1919-1923: В 1923-1927 полпред в Великобритании, затем Франции. Репрессирован.

Распутин Г.Е. (1864-1916) — крестьянин Тобольской губернии, получил известность «прорицаниями» и «исцелениями». Врачуя больного гемофилией царевича Алексея, приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны.

Рассел Б. (1872-1970) — английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Профессор Кембриджского университета, в различных университетах Великобритании и США. С 1908 член Лондонского королевского общества. Нобелевская премия по литературе (1950).

Ратенау В. (1867-1922) — германский промышленник, финансист, политический деятель. С 1915 председатель правления Всеобщей компании электричества. В 1921-1922 министр восстановления, иностранных дел. Во время Генуэзской конференции подписал Рапалльский договор с Советской Россией.

Редигер А.Ф. (1853-1918) — генерал. В 1905-1909 военный министр, подготовил и начал проведение военной реформы 1905-1912.

Ренненкампф П.К. (1854-1918) — генерал. Участник русско-японской войны. Подавлял революционное движение 1905-1907 в Восточной Сибири. В начале Первой мировой командовал армией, отстранен от командования за неудачные действия и казнокрадство.

Рид Д. (1887-1920) — писатель. В работах «Восставшая Мексика», «Война в Колорадо» выступал против империалистической экспансии и борьбы с рабочим движением. В Первой мировой — корреспондент, с августа 1917 в России. Описал Октябрьскую революцию в книге «10 дней, которые потрясли мир». В 1919 один из организаторов Коммунистической рабочей партии Америки.

Римский-Корсаков А.А. (1849-1922) — ярославский губернатор в 1905-1909, крайне правых взглядов. С 1909 сенатор и один из руководителей «Союза Русского народа». Активный участник Белого движения.

531

Риттих А.А. (1868-1930) — с 1903 в Министерстве финансов. В 1905-1912 директор Департамента государственных земельных имуществ. В 1912-1916 товарищ главноуправляющего землеустройства, в 1917 министр земледелия.

Ричардсон У.П. (1861-1929) — американский генерал. Закончил Вест-Пойнт, в Первой мировой командовал бригадой во Франции, затем командующий американскими войсками на севере России в 1919.

Робеспьер М.М.И. (1758-1794) — деятель Великой французской революции. Один из главных вдохновителей революционной политики якобинцев. Обосновал теоретически революционно-демократическую диктатуру как форму организации революционной власти, заменившую конституционный режим. Фактический руководитель Комитета спасения.

Робиен Л. (1888-1958) — граф, французский дипломат. Секретарь французского посольства в России в годы Первой мировой и интервенции.

Робинс Р. (1873-1954) — американский бизнесмен, адвокат, политик, руководитель американского Красного Креста в России в 1917-1918.

Родзянко М.В. (1859-1924) — один из лидеров октябристов, крупный помещик. В 1911-1917 председатель 3-й и 4-й Госдум.

Розанов В.В. (1856-1919) — писатель, публицист и философ. Одна из первых работ: «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки...» Критиковал утилитаризм в статье «Цель человеческой жизни»... В своих, порой блестящих и всегда крайне парадоксальных, критических статьях занимался почти исключительно Достоевским и Гоголем.

Розанов С.Н. (1869-1937) — генерал, в Первой мировой командир полка, начштаба корпуса. В Красной Армии с 1918. Перешел на сторону белых. Начштаба армии КОМУЧа; генерал-губернатор Енисейской области; командующий войсками Приамурского края.

Рублев А. (1360-1427) — иконописец, создатель московской школы живописи. В рамках средневековой иконографии воплотил новое, возвышенное понимание духовной красоты и нравственной силы человека.

Рузвельт Т. (1858-1919) — в 1899-1900 губернатор штата Нью-Йорк. С 1901-1909 сначала вице-президент, затем президент США, от республиканской партии.

Рут Э. (И.) (1845-1937) — директор самой влиятельной нью-йоркской юридической фирмы, адвокат Уолл-Стрит и крупных монополий. Сенатор штата Нью-Йорк, военный министр США (1899-1904), госсекретарь (1905-1909). Президент Фонда мира имени Карнеги (1910-1924). Нобелевская премия мира (1912), в 1917-1919 возглавлял американскую миссию в России.

Рыков А.И. (1881-1938) — большевик, член ЦК партии 1905-1937. В 1918-1924 председатель ВСНХ. В 1924-1930 председатель Совнаркома СССР. В конце 20-х выступил против чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации. В 1931-1936 нарком связи. Репрессирован.

Рябушинский П.П. (1871-1924) — крупный промышленник, банкир, член ЦК партии «Союз 17 октября», с 1912 в ЦК партии прогрессистов. В 1915 председатель московского Военно-промышленного комитета.

Савинков Б.В. (1879-1925) — эсер, один из руководителей боевой организации партии, организатор ряда террористических актов. Во Временном правительстве управляющий военным министерством. Руководитель антисоветских заговоров и вооруженных выступлений.

Садюль Ж. (1881-1956) — член французской социалистической партии с 1903. С 1917 член французской миссии в России. Под влиянием русской революции стал коммунистом.

532

Сазонов С.Д. (1860-1927) — дипломат, в 1910-1916 министр иностранных дел. В 1918-1920 член белогвардейских правительств Колчака и Деникина, добивался расширения интервенции против Советской России.

Салтыков-Щедрин М.Е. (1826-1889) — писатель-сатирик, демократ-просветитель. Творчество направлено против самодержавно-крепостнического строя. В книге очерков «За рубежом» критически отобразил политический строй и нравы Европы.

Самба М. (1862-1922) — один из лидеров французской социалистической партии, в 1914-1917 — министр общественных работ.

Самсонов А.В. (1859-1914) — генерал. Участвовал в русско-японской войне. С 1906 начштаба Варшавского военного округа, с 1907 наказной атаман Войска Донского, с 1909 туркестанский генерал-губернатор. В начале Первой мировой командовал армией.

Самуэльсон П.Э. — экономист, профессор Массачусетского технологического института. Консультант Федеральной резервной системы, Казначейства, экономический советник президента Кеннеди. Лауреат Нобелевской премии 1970.

Сахаров К.В. (1881-1941) — генерал, участник мировой и гражданской войн, в колчаковской армии, эмигрировал, автор работ «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923) и т.д.

Свердлов Я.М. (1885-1919) — член РСДРП с 1901, большевик, активный революционер. Депутат Госдумы. В 1917 секретарь ЦК РСДРП(б). С ноября 1917 председатель ВЦИК. Председатель комиссии по выработке первой Конституции РСФСР.

Свечин А.А. (1878-1938) — генерал, историк, теоретик. Участник русско-японской войны. В 1905-1914 служил в Главном и Генеральном штабах. В Первой мировой командовал полком,

дивизией; начштаба армии, фронта. В Красной Армии с 1918, начальник Всероглавыштаба, профессор Академии Генштаба РККА, председатель Военно-исторической комиссии.

Свечин М.А. (1876-1969) — генерал. Участник русско-японской войны, с 1904 при главкомандующем на Дальнем Востоке. В Первую мировую начштаба дивизии, корпуса, командующий дивизией, корпусом. После Октябрьской революции вступил в Добровольческую армию Деникина.

Свинхувуд П.Э. (1861-1944) — в 1907-1914 депутат парламента и его первый председатель. Принадлежал к правому крылу младофиннов. В 1917-1918 первый премьер-министр Финляндии, один из руководителей белого террора, в 1931-1937 президент.

Сект Х. (1866-1936) — генерал. В Первой мировой командовал войсками на восточном фронте. С 1918 начальник турецкого Генштаба. В 1919-1920 начальник войскового управления (аналога Генштаба). В 1920-1926 начальник управления сухопутными войсками. Сторонник передачи власти нацистам.

Селигмен Э.Р. (1861-1938) — американский политэкономист, сторонник протекционистской политики, обосновал принципы прогрессивного подоходного налогообложения, труды по финансам, экономической истории, в том числе: «Основы политической экономии», «Очерки по теории обложения».

Семенов Г.М. (1890-1946) — в Первую мировую есаул, в 1917 комиссар Временного правительства в Забайкальской области. В 1919 при поддержке японцев объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. После разгрома Колчака — глава Белого движения на Дальнем Востоке.

Сен-Симон К.А. (1760-1825) — граф, французский мыслитель, социалист-утопист. В сочинении «Новое христианство» декларировал освобождение рабочего класса на основе учреждения новой всеобщей религии. Считал, что прогресс

533

научных знаний и морали приведет к обществу с обязательным трудом, научным планированием хозяйства, сохранением частной собственности, слиянием буржуазии и пролетариата в единый класс «индустриалов».

Сесиль Родс (1853-1902) — приобрел громадное состояние, став собственником алмазных россыпей в Южной Африке. В 1890-1896 первый министр Капской колонии, президент южноафриканской компании. Один из инициаторов англо-бурской войны.

Сиверс Р.Ф. (1892-1918) — в Первую мировую прапорщик. После революции командовал отрядом красногвардейцев и матросов против войск Керенского — Краснова. Участвовал в боях с Калединым, Красновым, германскими оккупантами на Украине.

Сили Дж.Р. (1834-1905) — английский историк, профессор Кембриджского университета.

Сироткин В.Г. — историк, публицист, профессор Дипломатической академии МИД РФ, ассоциированный профессор Парижского, Кембриджского и Принстонского университетов. Автор и соавтор многочисленных исторических трудов, известность принесли работы о постреволюционной судьбе царского золота.

Скобелев М.Д. (1843-1882) — генерал. Активнейший участник покорения русскими Средней Азии (Хивинский поход 1873, завоевание Туркмении 1881). Участник русско-турецкой войны 1877-1878. В 1882 в Париже выступил в защиту балканских народов, против агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии, что вызвало международные осложнения.

Скоропадский П.П. (1873-1945) — генерал, украинский гетман. В Первой мировой командовал дивизией, корпусом. С Февраля 1917 украинским корпусом, войсками Центральной рады. Во время австро-германской оккупации Украины в 1918-1919 гетман. Эмигрировал, сотрудничал с гитлеровцами.

Слащов Я.А. (1885-1929) — генерал, в Первой мировой командир лейб-гвардии Московского полка. Во время Гражданской войны 1918-1920 в белогвардейской Добровольческой армии командовал бригадой и дивизией. Прославился жестокостью и военным профессионализмом, эмигрировал. В 1921 вернулся в Советскую Россию, амнистирован. Преподавал на курсах комсостава.

Смидович П.Г. (1874-1935) — работал на заводах Бельгии, был членом Бельгийской рабочей партии. В России с 1898, тогда же вступил в РСДРП, большевик. В 1917 член Московского Военно-революционного комитета. В 1918 председатель Моссовета.

Смит Адам (1723-1790) — выдающийся шотландский экономист и философ, один из основоположников классической политэкономии. Главное произведение «Исследование о причинах богатства народов» оказало влияние на все последующее развитие экономической мысли во всем мире и политику многих государств.

Соколов Б.Ф. — врач, публицист, эсер. В 1917 близкий сотрудник А.Ф. Керенского. Член Учредительного собрания. Член Северного белого правительства, эмигрировал. Автор более 10 книг по истории русской революции и гражданской войны.

Сокольников Г.Я. (1888-1939) — в 1918 глава советской делегации на переговорах по Брестскому

миру. С 1920 председатель комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1922-1926 нарком финансов. С 1926 зампред Госплана. Репрессирован.

Солоневич И.Л. (1891-1953) — мыслитель, писатель, общественный деятель. Участник Белого движения. В 1920-х жил в Советской России. В 1933 заключен в ГУЛаг, бежал за границу. Издавал русские газеты в Софии и Берлине. В конце 1930-х создал учение о народной монархии.

534

Солсбери Р.А.Т. (1830-1903) — маркиз, лидер консерваторов в палате лордов, затем лидер Консервативной партии. В 1878-1880 министр иностранных дел Великобритании, В 1885-1902 премьер-министр, одновременно (до 1900) министр иностранных дел. Один из организаторов колониальной экспансии в Азии и Африке, приведшей к обострению отношений с Францией и англо-бурской войне.

Сорокин П.А. (1889-1968) — русско-американский социолог. Лидер правого крыла партии эсеров. После Февральской революции 1917 секретарь Керенского. С 1919 профессор Петроградского университета, эмигрировал. С 1930 профессор Гарвардского университета.

Спарго Дж. (1876-1966) — американский реформатор, писатель. До 1917 был активистом социалистической партии США, в 1917 один из организаторов Американского альянса труда и демократии. В 1920 один из авторов «ноты Колби». Основные труды: «Горький плач детей», «Прикладной социализм», «Психология большевизма»...

Спенсер Г. (1820-1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма. Основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма. Развил механистическое учение о всеобщей эволюции; в этике — сторонник утилитаризма.

Стамбулов С. (1854-1895) — в 1886-1887 регент, в 1887-1894 премьер-министр Болгарии. Установил диктаторский режим. Ориентировался на Австро-Венгрию и Германию.

Станкевич А.В. (1862-1919) — генерал. В Первой мировой командовал полком, бригадой и дивизией. После Октябрьской перешел на сторону Советской власти, командовал дивизиями, армией. В результате измены попал в плен к белогвардейцам, отказался перейти на их сторону, повешен.

Станкевич В.Б. (1884-1969) — один из лидеров меньшевиков, юрист и журналист, в Первой мировой офицер, ближайший соратник Керенского, член ЦИК Петроградского совета и одновременно один из главных военных комиссаров Временного правительства.

Старк Г.К. (1878-1950) — контр-адмирал. Участник Цусимского сражения, в Первой мировой командир эсминца, минной дивизией. В Белом движении: командующий речной военной флотилией, командир дивизии морской пехоты у Колчака. Командующий Сибирской эскадрой во Владивостоке с июня 1921.

Стасов В.В. (1824-1906) — первый в истории русской культуры профессиональный художественный и музыкальный критик. Сотрудничал с крупнейшими журналами того времени. В петербургской Публичной библиотеке составлял каталог изданий, касающихся России; написал ряд исторических работ для чтения Александра II.

Степун Ф.А. (1884-1965) — философ, историк, писатель. Участник Первой мировой, в артиллерии. Выслан за границу в 1922, профессор высшего училища в Дрездене, затем Мюнхенского университета.

Столыпин П.А. (1862-1911) — с 1884 в министерстве внутренних дел, в 1902-1906 губернатор, 1906-1911 министр внутренних дел, одновременно председатель Совета министров. Оксфордская энциклопедия называет его «последним компетентным государственным деятелем Российской империи».

Струве П.Б. (1870-1944) — экономист, академик РАН. В 1890-х теоретик «легального марксизма», автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 член ЦК партии кадетов, один из лидеров. После октября 1917 вел борьбу с большевиками, один из идеологов Белого движения, член «Особого совещания» при Деникине, министр в правительстве Врангеля.

535

Струмилин С.Г. (1877-1974) — экономист, статистик. С 1897 активно участвовал в революционном рабочем движении, примыкал к меньшевикам. В 1921-1937 и 1943-1951 работал в Госплане СССР. В 1948-1952 в институте экономики АН СССР. Основные труды по статистике, управлению народным хозяйством, планированию, демографическому прогнозированию и др.

Суханов (Гиммер) Н.Н. (1882-1940) — экономист, публицист, с 1903 эсер, с 1917 — меньшевик, один из редакторов газеты «Новая жизнь», член Исполкома Петроградского совета. Автор «Записок о революции».

Сухомлинов В.А. (1848-1926) — генерал, участвовал в русско-турецкой войне, киевский губернатор, с 1908 начальник Генштаба, с 1909 военный министр. В 1915 после поражений русских войск снят с должности, а в марте 1916 арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене, освобожден в 1918.

Сушон В. (1864-1946) — адмирал. В 1909-1912 начштаба ВМС Германии на Балтике. С 1914

командующий германо-турецким ВМФ, официально принят на турецкую службу. В 1917 участвовал в боевых действиях на Балтике, в том числе при Моонзундской операции.

Сытин И.Д. (1851-1934) — издатель-просветитель. Печатал в своей типографии книги, доступные для народа. С 90-х издавал школьные учебники, научно-популярные книги, собрания сочинений классиков. После 1917 типографии Сытина были национализированы. Был консультантом Госиздата.

Тарле Е.В. (1875-1955) — историк, академик АН СССР. В 1903-1917 приват-доцент Петербургского университета. С 1917 профессор Петроградского и Московского университетов. Работы по истории Франции, о выдающихся русских полководцах, по военной истории России.

Тафт У.Х. (1857-1930) — в 1904-1908 военный министр США. В 1909-1913 президент США от Республиканской партии. Проводил политику подчинения стран Латинской Америки. С 1921 председатель Верховного Суда США.

Терешенко М.И. (1886-1956) — землевладелец, сахарозаводчик. Депутат Госдумы, примыкал к прогрессистам. Во Временном правительстве министр финансов, иностранных дел. Один из организаторов контрреволюции и военной интервенции. В 20-30-х владелец ряда банков и финансовых компаний во Франции.

Тирипиц А. (1849-1930) — гросс-адмирал, с 1890 начштаба Балтийского флота, в 1892-1895 начштаба главного командования германских ВМФ. В 1897-1916 статс-секретарь военно-морского ведомства (морской министр).

Тихомиров Л.А. (1852-1923) — общественный деятель, с 1878 один из руководителей «Земли и воли». В 1882 эмигрировал, затем отрекся от революционных убеждений и вернулся в Россию. Стал крупнейшим идеологом монархизма.

Тойнби А.Д. (1889-1975) — один из крупнейших мировых, английских историков. Главный труд «Постижение истории», в котором стремился переосмыслить всё общественно-историческое развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций. Концепция Тойнби содержит своеобразную альтернативу «европоцентризму».

Тойнби А. (1852-1883) — английский историк-экономист. Эпоху промышленного переворота считал самым бедственным периодом в истории Англии. Один из сторонников вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом, социального законодательства для предотвращения классовых конфликтов на предприятиях; инициатор просветительских мероприятий в рабочей среде.

Толстой А.Н. (1883-1945) — граф, известный писатель. В Первой мировой войны корреспондент. Октябрьскую революцию сначала воспринял враждебно, в 1919 эмигрировал, в 1923 вернулся в СССР. Академик АН СССР.

536

Тома А. (1878-1932) — с 1904 сотрудничал в социалистической печати. С 1910 депутат парламента от социалистической партии Франции, один из лидеров реформизма. В Первой мировой социал-шовинист. В 1915-1916 государственный секретарь, в 1916-1917 министр вооружения. Один из создателей и председатель Международной организации труда при Лиге Наций.

Трейчке Г. (1834-1896) — немецкий историк и публицист. Официальный историограф прусского государства (с 1886). Главный труд — «Немецкая история в XIX веке». Идеолог сильного монархического государства, сыграл значительную роль в формировании идеологии германского империализма.

Троцкий (Бронштейн) Л.Д. (1879-1940) — в социал-демократическом движении с 1896. С 1904 выступал за объединение большевиков и меньшевиков. В ходе революции 1905-1907 фактический лидер Петербургского совета рабочих депутатов. В 1917-1925 нарком по иностранным, по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной Армии, лично руководил ее действиями. Вел острую борьбу со Сталиным. В 1927 исключен из партии и выслан за границу.

Туркул А.В. (1892-1957) — Первую мировую начал вольноопределяющимся, дослужился до штабс-капитана, генерал. После Октября командир Дроздовского полка, дивизии в Добровольческой армии. Эмигрировал, в годы Второй мировой войны сотрудничал с фашистами.

Туроу Л. — профессор экономики Массачусетского технологического института.

Тухачевский М.Н. (1893-1937) — маршал. В Первой мировой поручик лейб-гвардии Семеновского полка. С 1918 в Красной Армии, командовал армиями и фронтами. Начальник Военной академии РККА, в 1925-1928 начштаба РККА. С 1931 зам. председателя Реввоенсовета СССР, с 1934 зам. наркома обороны. Репрессирован.

Тьерс А. (1797-1877) — в 1830 член Госсвета Франции. В 1832-1836 министр внутренних дел, подавил республиканские восстания в Лионе, Париже и др. В 1836-1840 глава правительства. В 1871 глава исполнительной власти. Приобрел нарицательное значение в связи с кровавым подавлением Парижской Коммуны, с 1871 президент Франции.

Тюрго А.Р.Ж. (1727-1781) — философ, экономист. Генеральный контролер финансов Франции в

1774-1776, провел ряд антифеодальных реформ. Сформулировал один из первых вариантов рационалистической теории общественного прогресса, связывал различные политические формы с этапами хозяйственного развития. Отстаивал принцип свободы экономической деятельности. Впервые подошел к пониманию значения собственности на средства производства в классовом делении общества.

Тютчев Ф.И. (1803-1873) — один из выдающихся классиков русской поэзии.

Уинстэнли Д. (1609-1652) — английский социалист-утопист. Обосновал необходимость демократического аграрного переворота, выступил с проектом «Свободной республики» (бесклассовое общество, упразднение частной собственности и наемного труда). Основал колонию диггеров.

Уншлихт И.С. (1879-1938) — в РСДРП с 1900. В 1917 член Петроградского ВРК, коллегии НКВД. В 1919-1921 член РВС Западного фронта. В 1921-1923 заместитель председателя ВЧК (ГПУ). В 1930-1933 зампред ВСНХ. С 1935 секретарь ЦИК СССР.

Уорд Джон (1866-1934) — полковник, командующий 25-м батальоном Мидлсекского полка, находившегося в составе британских войск в Сибири. Автор книги «Союзная интервенция в Сибири».

537

Урицкий М.С. (1873-1918) — член РСДРП с 1898, меньшевик. С 1917 большевик, член ЦК и Петроградского ВРК, затем ВЦИК. В 1918 член Комитета революционной обороны Петрограда, председатель Петроградского ЧК, убит эсерами.

Уркарт Л. (1874-1933) — до 1917 член правления ряда английских компаний в России, председатель «Русско-Азиатского объединенного общества», владелец крупных горных предприятий. Активный сторонник антисоветской интервенции, председатель «Общества кредиторов России». В 1922 эксперт английской делегации на международных конференциях в Генуе и Гааге.

Урланис Б.Ц. (1906-?) — демограф, доктор экономических наук. Основные труды по общим проблемам народонаселения, динамики и структуры населения СССР, экономической демографии, общей теории статистики. Член Международного союза по проблемам народонаселения, член совета Всемирного общества народонаселения.

Успенский В.Д. (1927-2000) — писатель. Автор вызвавшей большую полемику книги «Тайный советник вождя».

Уткин А.И. (1944-) — историк, профессор МГУ с 1994, с 1997 директор центра международных исследований Института США и Канады РАН, эксперт по внешней политике США, советник Комитета по международным делам Госдумы. Автор монографий: «Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне», «Франклин Рузвельт», «Американская стратегия для XXI века» и др.

Уэллс Г.Д. (1866-1946) — английский писатель, классик научно-фантастической литературы, получил известность и как писатель-социолог, историк.

Фадеев Р.А. (1824-1883) — генерал, историк, философ. Поборник панславизма. В 1876-1878 добровольцем участвовал в национально-освободительной борьбе балканских народов. «Письма о современном состоянии России» (1881).

Фалькенгайн Э. (1861—1922) — генерал. В 1913-1914 военный министр Германии, в 1914-1916 начальник генштаба. Снят за неудачу под Верденом. В 1918-1919 командовал армией против Советской России.

Федоров Б.Г. (1958-) — экономист, доктор наук, крупный бизнесмен, в 1990-1994 министр финансов, 1992-1993 директор Всемирного банка от РФ, зампред правительства, депутат ГосДум, в 1998 руководитель Госналогслужбы и вице-премьер. Член наблюдательного совета Сбербанка, Газпрома, РАО ЕЭС, президент либерально-демократического фронта.

Фихте И.Г. (1762-1814) — представитель немецкой классической философии. Профессор и первый выборный ректор Берлинского университета.

Фишер Ф. (1908-) немецкий историк, основатель гамбургской леволиберальной школы, автор работ «Рывок к мировому господству», «Война иллюзий. Германская политика в 1911-1914 гг.», и «Союз элит. К проблеме преемственности структур власти в Германии, 1871 -1945». Исследовал преемственность имперства и нацизма, связь фашизма с национальными традициями и особенностями.

Флетчер Д. (1549-1611) — в 1588-1589 посол Англии в России. В сочинении «О государстве русском» (1591) дал широкое описание природы, государственного устройства и быта России.

Фош Ф. (1851-1929) — маршал. В Первой мировой командовал корпусом, армией, группой армий «Север». С 1917 начальник Генштаба, с 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из активных организаторов военной интервенции в Советскую Россию.

Франклин Б. (1706-1790) — американский просветитель, ученый. Основал в Филадельфии первую в английских колониях публичную библиотеку, Американское философское общество, Филадельфийскую академию. Один из ини-

538

циаторов первого конгресса представителей колоний в 1754, предложил план объединения колоний. Участвовал в подготовке независимости и разработке Конституции США.

Франко Ф. (1892-1975) — генерал, диктатор Испании. В 1936 возглавил военно-фашистский мятеж против Испанской республики. В 1939 после падения республики провозглашен пожизненным главой государства.

Франс А. (1844-1924) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии 1921. Романы (реалистические и гротескно-фантастические) наполнены критикой буржуазного строя, клерикализма. Активно протестовал против интервенции в Советскую Россию.

Франц Иосиф I (1830-1916) — император Австрии и король Венгрии. Преобразовал в 1867 Австрийскую империю в двуединую монархию — Австро-Венгрию.

Франц-Фердинанд (1863-1914) — австрийский эрцгерцог, племянник Франца Иосифа I, наследник престола. Один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Выступал за превращение Австро-Венгрии в триединое австро-венгро-югославянское государство.

Фредерикс В.Б. (1838-1927) — граф, генерал. С 1897 министр двора, входил в ближайшее окружение Николая II, пользовался его исключительным доверием.

Фрейд З. (1856-1939) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог. Доктор медицины, с 1902 профессор Венского университета. Организатор международной психоаналитической ассоциации. Литературная премия им. Гёте (1930). Один из основоположников психоанализа.

Френч Д.Д. П. (1852-1925) — граф, фельдмаршал. Участвовал в англо-бурской войне, в 1907-1912 генеральный инспектор армии. В 1912-1914 начальник имперского Генштаба. В 1914-1915 командующий британскими экспедиционными силами во Франции. В 1918-1921 лорд-лейтенант (наместник) Ирландии.

Фридрих II Великий (1712-1786) — прусский король с 1740. Осуществлял агрессивную внешнюю политику. Развязал в союзе с Англией Семилетнюю войну 1756-1763; нанес ряд поражений австрийским и французским войскам, но потерпел сокрушительные поражения от русских войск. Во внутренней политике провел ряд реформ в духе абсолютизма.

Фридрих III (1831-1888) — сын Вильгельма I, вступил на престол в 1888, умер от рака на 99-й день своего правления.

Фрунзе М.В. (1885-1925) — красный командарм, член РСДРП(б) с 1904. Участник революций 1905 и 1917, организатор крупнейших стачек, дважды приговаривался к смертной казни. Во время гражданской войны командовал армией, фронтом. С 1924 начштаба РККА и начальник Военной академии. В 1925 председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам.

Фукуяма Ф. (1952-) — американский философ, политолог, социолог. Профессор университета Дж. Мейсона. в 1981-1989 работал в Штабе планирования при Госдепе США. Автор «Конца истории» (1989, 1992).

Фурсов А.И. (1951-) — историк, директор института русской истории РГГУ, сотрудник института Азии и Африки ИНИОН РАН. Специалист по методологии социально-исторических исследований, русской и сравнительной истории.

Фурье Ф.М.Ш. (1772-1837) — французский социалист-утопист. Разработал подробный план организации общества будущего (сохранение частной собственности, классов, рост производительности труда, справедливое распределение общественного дохода, крупное коллективизированное и механизированное сельское и промышленное производство в рамках первичных ячеек общества — «фаланг»).

539

Фрэнсис Д.Р. (1850-1927) — бизнесмен, член Демократической партии, губернатор штата, министр внутренних дел США (1895-1897). В 1916-1918 посол США в России, сменил Бьюкенена в качестве старейшины дипломатического корпуса.

Хабалов (1858-1924) — генерал. с февраля 1917 командующий войсками Петроградского военного округа. В феврале арестован, эмигрировал.

Хайек Ф. (1899-1992) — экономист и философ, представитель экономического либерализма, австрийского происхождения. Работал в Великобритании, США. Критик социализма, автор книг «Дорога к рабству» (1944), «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» и др. Один из вдохновителей неоконсервативного поворота в экономической политике стран Запада. Нобелевская премия (1974).

Халил-Паша (1882-1957) — турецкий генерал. Губернатор Багдада. В 1915-1916 командующий корпусом, Иракской группой войск, принял капитуляцию английских войск генерала Таунсенда. В сентябре 1918 занял Баку. Организатор армянской резни в Шуше.

Хальгартен Г.В.Ф. (1901-75) — немецкий (ФРГ) историк и социолог. Изучал социально-экономические основы внешней политики Германии перед Первой и Второй мировыми войнами, раскрывая реальные интересы крупных промышленников и военщины в проведении экспансионистского курса.

Хауз Э.М. (1858-1938) — полковник, дипломат, ближайший советник президента В. Вильсона. Создатель и руководитель «Исследовательской группы», разработавшей идейный багаж связи

Хауз-Вильсона и предопределившей развитие США и мира на десятилетия вперед.

Хвостов А.Н. (1872-1918) — министр внутренних дел России (1915-1916). Председатель фракции правых в 4-й Госдуме.

Хвостов В.М. (1905-1972) — историк, академик АН СССР, в 1934-1941 профессор МГУ. В 1944-1959 сотрудник аппарата ЦК КПСС. В 1945 директор Высшей дпшшкoлы МИДа. В 1959-1967 директор института истории АН. В 1967-1971 президент Академии педагогических наук. С 1971 академик-секретарь Отделения истории АН СССР.

Хейг Д. (1861-1928) — фельдмаршал. Участвовал в Суданской экспедиции, англо-бурской войне, в 1909-1912 начштаба англо-индийской армии. В Первой мировой командир корпуса, командующий армией, британскими экспедиционными войсками во Франции.

Хмельницкий Б.М. (1595-1657) — гетман запорожского войска, Украины. Участвовал в польско-турецкой войне 1620-1621, попал в плен, был выкуплен запорожцами, вступил в реестровое казачье войско. Был замечен польским королем и в 1645 направлен для переговоров во Францию. Личный конфликт с представителем польской шляхты круто изменил умонастроения будущего гетмана. В 1640-1650 он возглавил борьбу за независимость Украины.

Хорват Д.Л. (1858-1937) — генерал, в 1902-1918 управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. В 1918 объявил себя «временным верховным российским правителем»; в 1918-1919 верховный уполномоченный Колчака по Дальнему Востоку.

Церетели И.Г. (1881-1959) — один из лидеров меньшевизма. Депутат Госдумы. В 1917 член исполкома Петроградского Совета. В мае-июле министр почт и телеграфов, внутренних дел во Временном правительстве. Участник Государственного совещания (1917). Глава антисоветского блока в собрании. С 1918 один из руководителей грузинских меньшевиков, член правительства Грузии, эмигрировал.

540

Цюрупа А.Д. (1870-1928) — в октябре 1917 член ВРК. С ноября 1917 заместитель наркома, с февраля 1918 нарком продовольствия РСФСР. В годы Гражданской войны ведал снабжением Красной Армии, руководил деятельностью Продармии, один из инициаторов создания комбедов. В дальнейшем — нарком РКИ, председатель Госплана, нарком внешней и внутренней торговли.

Чаадаев П.Я. (1794-1856) — мыслитель и публицист. Участник Отечественной войны 1812-1814. С 1816 член масонской ложи «Соединенных друзей» (вместе с А. Грибоедовым, П. Пестелем...); близкий друг А. Пушкина. Автор «Философских писем», в которых высказал горькое негодование по поводу отлученности России от «всемирного воспитания человеческого рода», национального самодовольства и духовного застоя. Оказал огромное влияние на современников, способствовал духовному формированию А. Герцена, В. Белинского, М. Бакунина и др.

Чайковский Н.В. (1850-1926) — в 1904-1910 эсер, с февраля 1917 народный социалист. После октября 1917 создатель «Союза возрождения России», глава антибольшевистского «Верховного управления Северной области». В 1920 член «Южнорусского правительства», эмигрировал.

Чанселлор Р. (?—1556) — в 1553 участник английской экспедиции, открывшей путь в Россию через Белое море. Результатом экспедиции стало образование Московской (Русской) компании — первой английской компании для торговли с Россией и странами Востока.

Чаплин Г.Е. (1886-1950) — капитан 1-го ранга. В Первой мировой на Балтфлоте. Участник антибольшевистского восстания в Архангельске в 1918, командующий войсками Северной области до февраля 1919, затем командующий Северным флотом и войсками Архангельского района, эмигрировал. Во Второй мировой войне — майор английской армии.

Чемберлен Дж. (1836-1914) — министр колоний Великобритании в 1895-1903. В 1880-1886 входил в правительство. В начале карьеры либерал, с нач. 90-х гг. консерватор. Один из идеологов английского колониализма.

Чемберлен О. (1863-1937) — с 1892 член парламента, в 1902-1922 министр почт, финансов, по делам Индии, в 1921-1922 лидер консерваторов, 1924-1929 министр иностранных дел Великобритании. Выступал за усиление и ремилитаризацию Германии. Один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 и попыток организовать новую военную интервенцию против СССР. Лауреат Нобелевской премии мира.

Чемберлен Н. (1869-1940) — консерватор, брат О. Чемберлена, член парламента с 1918, в 1922-1937 генеральный почтмейстер, казначей вооруженных сил, министр здравоохранения, финансов, премьер-министр Великобритании в 1937-1940. Сторонник политики умиротворения, подписал Мюнхенское соглашение.

Черемисов В.А. (1871-1919) — генерал. В Первой мировой командир полка, генерал-квартирмейстер. После Февральской революции командовал армией, корпусом, фронтом.

Чернин О. (1872-1932) — граф. С 1903 депутат чешского сейма от шовинистической Немецкой партии, с 1912 член австро-венгерской палаты господ. В 1916-1918 министр иностранных дел Австро-Венгрии. В 1920-1923 член Национального совета Австрии.

Чернов В.М. (1873-1952) — один из основателей партии эсеров, член ЦК и главный теоретик. В 1917 министр земледелия Временного правительства. В 1918 избран председателем

Учредительного собрания, эмигрировал. Во Второй мировой участник Движения Сопротивления во Франции.

541

Чернышевский Н.Г. (1828-1889) — писатель, критик, один из идеологов революционного движения в России. Идеальный вдохновитель «Земли и воли». Один из издателей журнала «Современник». Социалистические идеалы изложены в романах «Что делать?», «Пролог». Мораль и нравственность у Ч. связаны с самопожертвованием во имя общественного благополучия.

Черчилль У. (1874-1965) — в 1911-1921 министр: военно-морской, военного снабжения, военный и авиации. Один из главных организаторов антисоветской интервенции. С 1939 военно-морской министр, с 1940 премьер-министр, с 1945 глава консервативной оппозиции в парламенте. В 1951-1955 премьер-министр.

Чичерин Г.В. (1872-1936) — в 1918-1930 нарком иностранных дел РСФСР, СССР, руководитель делегаций РСФСР на Генуэзской и Лозаннской конференциях.

Чхендзе Н.С. (1864-1926) — один из лидеров меньшевизма, член РСДРП с 1898. Депутат Госдум от Тифлиса. В Первую мировую центрист, выступал за сотрудничество рабочих с военно-промышленными комитетами. После Февраля 1917 председатель Исполкома Петроградского совета. После Октября председатель Учредительного собрания Грузии, эмигрировал.

Шамбаров В.Е. (1956—) — историк, автор историко-публицистических работ «Белогвардейщина», «Государство и революции», «За веру, царя и отечество» и «Русь — дорога из глубины тысячелетий».

Шамиль (1797-1871) — глава национального движения горцев Дагестана и Чечни, в 1840-е создал военно-теократическое государство — имамат. В начале 50-х вследствие превосходства царских войск, роста внутренних социальных противоречий, разорения и усталости народа движение пошло на спад.

Шарапов С.Ф. (1856-1911) — классик русской экономической мысли. Автор книг: «Министерство земледелия и его задачи в России», «Будущность крестьянского хозяйства», «Бумажный рубль»... Подчеркивал самобытность русской хозяйственной системы. Придерживался консервативно-монархических взглядов, ярко выраженный государственный.

Шаховской Д.И. (1861-1939) — князь, участник земского движения, один из создателей кадетской партии. Министр государственного призрения Временного правительства. В 1918 один из руководителей «Союза возрождения России». С 1920 работал в кооперации. Репрессирован.

Швейниц Л. (1822-?) — прусский генерал, с 1869 посол в Австрии, в 1876-1893 в Петербурге. Участник Венской конференции 1875. Пользовался доверием Александра II, сторонник союза Германии с Россией.

Шверин К.Л. (1887-1952) — граф, министр финансов Германии с 1932 и до последних дней Третьего рейха.

Шейдеман Ф. (1865-1939) — с 1883 член правого крыла социал-демократической партии Германии, с 1911 член правления. Депутат рейхстага в 1903-1933. В Первую мировую социал-шовинист. В 1919 глава первого правительства Веймарской республики. После 1933 эмигрировал.

Шелер М. (1874-1928) — немецкий философ, представитель феноменологического движения. Профессор Мюнхенского и Кёльнского университетов. В наиболее известной работе «Формализм в этике и материально-ценностная этика» строится иерархическая система объективных ценностей, раскрывающихся в человеческих чувствах. «Логика чувства» противостоит «логике интеллекта».

Шер Али (1825-1879) — афганский эмир с 1863. Провел мероприятия, способствовавшие экономическому и культурному развитию страны. Стремился проводить независимую внешнюю политику.

542

Шиллер И.Ф. (1759-1805) — немецкий поэт, драматург. Основоположник немецкой классической литературы. Творчество пронизано мятежным стремлением к свободе. Утверждением человеческого достоинства. Создатель теории «эстетического воспитания» как способа достижения справедливого общественного устройства.

Шингарев А.И. (1869-1918) — кадет, земский врач. Депутат Госдум, автор кадетской аграрной программы. Во Временном правительстве министр земледелия, финансов и заведующий продовольствием.

Шкловский В.Б. (1893-1984) — писатель, критик. Автор исследований о взаимосвязи социального бытия и ведущих идей эпохи с созданной в данную эпоху литературой, работы о русских классиках. Лауреат госпремии СССР 1971.

Шкуро А.Г. (1887-1947) — генерал. В Первую мировую командир особого партизанского отряда. Участник Белого движения. Командовал Кубанской казачьей бригадой, дивизией, корпусом в армии Деникина. Отличался особой жестокостью и недисциплинированностью. Эмигрировал, сотрудничал с гитлеровцами.

Шлиффен А. (1833-1913) — граф, военный теоретик, генерал-фельдмаршал. Участник австро-

прусской и франко-прусской войн. В 1891-1905 начальник Генштаба Германии.

Шолохов М.А. (1905-1984) — писатель, автор романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», отображающих судьбы донского казачества в Первую мировую и Гражданскую войну, классовую борьбу в деревне в период коллективизации. О Второй мировой войне «Они сражались за Родину», «Судьба человека». Академик АН СССР, дважды герой соц. труда. Лауреат Ленинской и Нобелевской премий.

Шопенгауэр А. (1788-1860) — немецкий философ-иррационалист. В своих произведениях философским языком отражал нарастание общественных противоречий в переходную к капитализму эпоху, называл существующий мир «наихудшим из всех возможных», свое учение «пессимизмом» — мировая история не имеет смысла.

Шпенглер О. (1880-1936) — немецкий философ-идеалист. Стал известным после сенсационного успеха главного труда «Закат Европы» (1918-1922). Отрицал существование единой общечеловеческой культуры. Призывал отречься от культурных претензий и предаться голому техникцизму, принять империализм как неизбежную судьбу человечества.

Штирнер М. (1806-1856) — немецкий философ, главная работа «Единственный и его собственность» (1845). Отрицая всякие нормы поведения, утверждал, что первоисточники права и морали — сила и могущество отдельной личности.

Штресеман Г. (1878-1929) — в 1903-1918 зампред Союза германской промышленности. В 1903 примкнул к Национал-либеральной партии, с 1907 депутат рейхстага. Активный сторонник аннексий. После войны один из организаторов и лидеров Немецкой народной партии. В 1923 глава правительства, министр иностранных дел.

Штюрмер Б.В. (1848-1917) — с 1904 член Госсовета, председатель Совета Министров (1916), одновременно министр внутренних и иностранных дел.

Шубарт В. (1897-194?) — немецкий философ, в 1933 эмигрировал из Германии в Ригу, в 1941 арестован НКВД и исчез в ГУЛаге. Главное произведение «Европа и душа Востока». Развивает традиции немецкой философии пессимистического восприятия жизни, находит спасение человечества только в русской душе. Пожалуй, ни один западный писатель так не писал о России.

543

Шувалов П.А. (1827-1889) — граф, с 1857 петербургский обер-полицмейстер, генерал-губернатор Прибалтики. С 1866 шеф жандармов и «Третьего отделения». В 1874-1879 посол в Лондоне.

Шуйский В.И. (1552-1612) — русский царь в 1606-1610. Активно участвовал в военных действиях против Лжедмитрия I. В ходе борьбы с восстанием И. Болотникова выдвинул программу консолидации всех слоев класса феодалов.

Шульгин В.В. (1878-1976) — монархист, националист, один из лидеров правого крыла Госдумы, активный сторонник Столыпина. В Первую мировую член бюро Прогрессивного блока. В 1917 принимал вместе с А. Гучковым отречение Николая II от престола. После октября 1917 один из идеологов и организаторов белого движения и Добровольческой армии, автор получивших известность книг «Дни», «1920 г.», и др.

Шумпетер Й. (1883-1950) — политэкономист, в 1919-1920 министр финансов Австрийской республики. С 1932 профессор Гарвардского университета (США). Наследие можно разделить на три части, о них говорят названия его главных работ: «Теория экономического анализа», «Экономические циклы», «Капитализм, социализм и демократия» (1942).

Щегловитов И.Г. (1861-1918) — министр юстиции в 1906-1915, в 1917 председатель Госсовета. Организатор политических процессов, введения военно-полевых судов и телесных наказаний для политических заключенных.

Эбердин Д.Г.Г. (1784-1860) — тори, в 1828-1846 министр иностранных дел Великобритании. В 1852-1855 премьер-министр коалиционного правительства.

Эдмон Т. — редактор французского журнала «Economete Europeen», в 1913 произвел по заданию французского кабинета обследование народного хозяйства России и результаты экономических реформ. Автор работы «Россия в 1914 году».

Эдуард VII (1841-1910) — британский король 1901-1910.

Эйнштейн А. (1879-1955) — физик-теоретик, один из основателей современной физики. Создал частную и общую теорию относительности. Нобелевский лауреат 1921.

Эйхе Г.Х. (1893-1968) — красный командир, в Гражданскую войну командовал дивизией, армией на Восточном фронте, в 1920-1921 главнокомандующий армией Дальневосточной республики.

Энвер-паша (1881-1922) — активный участник Младотурецкой революции 1908 г. и один из лидеров партии «Единство и прогресс». В 1913, после государственного переворота, член неофициального триумvirата захватившего власть. Один из главных идеологов пантюркизма и панисламизма. Во время войны заместитель главнокомандующего. Инициатор массового истребления армян, антисоветской интервенции на Кавказе и басмаческого мятежа в Средней Азии.

Энгельгардт А.Н. (1832-1893) — агроном, публицист. Член «Земли и воли» 1860-х. В 1866-1870 профессор Земледельческого института в Санкт-Петербурге. Историческое значение имеют

письма «Из деревни» (1882).

Энгельгардт Б.А. — воспитанник Пажеского корпуса, офицер лейб-гвардии Уланского полка, выпускник академии Генерального штаба. Депутат Госдумы. В феврале 1917 комендант Петрограда.

Энгельс Ф. (1820-1895) — один из основоположников марксизма. Вместе с Марксом организовал «Союз коммунистов», руководил деятельностью 1 Интернационала. Основные труды: «Положение рабочего класса в Англии»; «Крестьянская война в Германии»; «Анти-Дюринг»; «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др.

544

Эрхард Л. (1897-1977) — экономист, автор «немецкого экономического чуда», в 1928-1942 сотрудник, затем директор института конъюнктурных исследований в Нюрнберге. В 1945-1946 министр экономики Баварии, в 1949-1963 министр экономики, в 1957-1963 вице-канцлер ФРГ. В 1963-1966 федеральный канцлер. В своей практической деятельности и трудах по экономическим вопросам выступал за развитие «социального рыночного хозяйства».

Юденич Н.Н. (1862-1933) — генерал. В Первую мировую командующий Кавказской армией, фронтом. В 1919-1920 командующий Северо-Западной армией белых.

Юз Д. (1814-1889) — русский капиталист, английского происхождения. Создал в 1869 акционерное Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства. Благодаря субсидиям русского правительства построил в с. Юзовка (ныне г. Донецк) крупный металлургический завод.

Юровский Л.Н. (1884-1938) — экономист, один из руководителей денежной реформы 1922-1924. Занимался теорией финансового оздоровления экономики, разработал концепцию «товарно-социалистического хозяйства» 20-х гг.

Юрьев (Алексеев) А.М. (1887-?) — в 1908 эмигрировал в США, сотрудничал в социал-демократической печати. В 1917 товарищ председателя исполкома Мурманского Совета. Председатель Краевого Совета до его разгона в сентябре 1918 интервентами.

Ягов Г. (1863-1935) — дипломат, в 1913-1916 статс-секретарь министерства иностранных дел Германии.

Яков I (1566-1625) — король Англии с 1603. Стремился обосновать неподконтрольность короля парламенту. Религиозная нетерпимость по отношению к пуританам, введение принудительных займов, нерегулярный созыв парламента, сближение с католической Испанией привели к быстрому росту парламентской оппозиции.

Яковлев Н.Н. (1927-1996) — историк, публицист, профессор. Работал в институтах: США и Канады АН СССР, социологии РАН. Автор книг «ЦРУ против СССР», «Вашингтон», «Преступившие грань», «Франклин Рузвельт, человек и политик», «Загадка Перл-Харбора», «Весна Победы» и др.

Янжул И.И. (1846-1914) — экономист, статистик, профессор Московского университета, с 1895 член Академии наук. Заслужил репутацию «лучшего и даже единственного у нас знатока народно-хозяйственной жизни, истории и литературы Англии», занимающего «выдающиеся и совершенно самостоятельное место в нашей экономической литературе»²²⁹⁸.

Янушкевич Н.Н. (1868-1918) — генерал, с 1910 преподавал в академии Генштаба, в 1914-1915 — начальник Генштаба, штаба верховного главнокомандующего. Передоверив все оперативные вопросы генералу Ю. Данилову, занимался административными и политическими вопросами.

Ясперс К. (1883-1969) — немецкий философ-экзистенциалист, психиатр. Работы по психопатологии выдающихся деятелей (в том числе Ван Гога, Ницше). Фундаментальный трехтомник «Философия». В послевоенное время — один из духовных лидеров Германии.

ССЫЛКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр М... — Александр Михайлович. Воспоминания великого князя. — М.: Захаров, 2004.- 524 с.

545

Айрапетов О... — Айрапетов О. Бесшабашная бестолочь // Родина, 2004, № 1, с. 56.

Айронсайд Э... — Айронсайд Э. Архангельск. 1918-1919. (Голдин В.И...)

Белый Север... — Белый Север. 1918-1920 гг.: Мемуары и документы. Т. I. Сост. В. И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1993 — 416 с.

Белый Север, т. 2... — Белый Север. 1918-1920 гг.: Мемуары и документы. Т II. Сост. В. И. Голдин — Архангельск, Правда Севера, 1993. — 496 с.

Бердяев Н. А... — Бердяев Н. А. Самопознание. — М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999.

Бунич И... — Бунич И. 500-летняя война в России. Кн.1. — К.: А.С.К.; СПб.: Облик, 1999.-368 с.

Буровский А.М... — Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. — М.: АСТ, Красноярск: КИ «Издательские проекты», 2004. — 462 с.

Бьюкенен Дж... — Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата.—М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. —400 с.

Вебер М... — Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. Избранные произведения, М., 1990.

Витте С.Ю... — Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. — 800 с.

Воейков В. Н... — Воейков В. Н. С царем и без царя. — М.: ТЕРРА, 1995. — 480 с.

Войтинский В.С... — Войтинский В.С. 1917-й Год побед и поражений. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. -320 с.

Волков С. В... — Волков С. В. Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2002.

Волобуев П.В... — Экономическая политика Временного правительства. — М.: 1962.

Воронович Н. В... — Воронович Н. В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.

Гайдар Е., Мау В... — Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики.—М.: Институт экономики РАН. № 5, май; № 6, июнь 2004.

Геллер М.Я., Некрич А.М... — Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. — М.: МИК, 2000 — 856 с.

Голдин В. И... — Зброшенныя в небытие. Интервенция на русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. Составитель В. И. Голдин. —Архангельск.: Правда Севера, 1997.

Головин Н.Н... — Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. -М.; Кучково поле, 2001. 440 с.

Городецкий С Н... — Городецкий С. Н. Образование Северной области. (Белый Север...)

Грациози А... — Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933/ Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН, 2001 .-96с.

Гриф секретности снят... — Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: 1993.

Данилов И... — Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. (Белый Север, т. 2...)

Деникин А. И. (I) ...—Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии — Мн.: Харвест, 2002, с. 546

Деникин А. И. (II)... — Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова — Мн.: Харвест, 2002, с.

Деникин А. И. (III)...—Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920 — Мн.: Харвест, 2002, с.

Деникин А. И. Поход на Москву... — Деникин А. И. Поход на Москву; В сб.: Гражданская война в России: Разгром Деникина, — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. 2003. — 640с.

Добровольский С... — Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной Области. (Белый Север, т. 2...)

Достоевский Ф.М... —Достоевский Ф.М. Бесы. Антология русской критики. Составление, комментарии Л.И. Сараскиной. — М.: Согласие. 1996. — 752с.

Думова Н. Г., Трухановский В. Г...—Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской власти, — М.: 1989.

Дэвис Д., Трани Ю... — Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 479 с.

Зайончковский А.М... — Зайончковский А.М. Первая Мировая война — СПб.: Полигон, 2000 — 880 с.

Зеленов Н. П... — Зеленое Н. П. Трагедия Северной Области. (Белый Север, т. 2...)

Егоров А... — Егоров А. Разгром Деникина—1919 г. Гражданская война в России: Разгром Деникина. — М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 2003. — 640 с.

Игнатьев А. А... — Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. — М.: Захаров, 2002. — 542 с.

Игнатьев В. И... — Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917-1921 гг.). (Белый Север...)

История... — История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, (репринтное воспроизведение 1938, 1945 гг.) — М.: Писатель. 1997. —351 с.

Какурин Е.Е., Вацетис И.И... — Какурин Е.Е., Вацетис И.И., Гражданская война 1918-1921, СПб, 2002.

Какурин Н... — Какурин Н. Гражданская война в России: Война с белополяками — М.: АСТ, СПб. Terra Fantastica, 2002. -730 с

Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма... — Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма в России: крах буржуазной революции, как исторический урок. —М.: Наш Современник.

Кара-Мурза С... — Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2002. — 528 с.

Карпов Н.Д... — Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. — М.: Вече, 2005. — 384 с.

Кафенгауз Л.Б... — Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. — М.:

Эпифания, 1994. -848 с.

Керсновский А.А... — Керсновский А.А. История русской армии, в. 4 т. — М.: Голос, 1999.

Киган Д... — Киган Д. Первая мировая война/ Пер. с англ. Т. Горошковой, А. Николаева. М.: «АСТ», 2002 — 576 с.

Краснов В.Г. (I)... — Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Краснов В.Г. (II)... — Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

547

Кремлев С... — Кремлев С. Россия и Германия: сравнить!: От Версаля Вильгельма к Версалью Вильсона. Новый взгляд на старую войну. — М.: «АСТ»: «Издательство Астрель», 2003. — 318 с.

Кремлев С. Россия и Германия... — Кремлев С. Россия и Германия. Путь к пакту. — М.: АСТ, Астрель, ВЗОИ, 2004. — 469 с.

Крушанов А.И... — Крушанов Л.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке, в 2 т. 1918-1920 гг. — Владивосток, 1984.

Кожин В. В.... — Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

Кожин В. В. О русском... — Кожин В. В. О русском национальном сознании. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 416 с.

Лемке М.К...—Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, в 2-х т.: 1914—1915, 1916 — Мн.: Харвест, 2003.

Ленин В. И...—Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции, август-сентябрь 1917 г.

Литвин А.Л... —Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 448 с.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль... — Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Избр. произведения в 2-х тт. Л., 1940. Т. 1. [253-255, 257-258. Менцин Ю.Л. Монетный двор и вселенная. М.: ВИЕТ № 4, 1997

Маркс, Энгельс. Манифест...—Маркс, Энгельс. Манифест Коммунистической партии (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 439)

Марушевский В. В... — Марушевский В. В. Год на Севере. (Белый Север...)

Мау В.А., Стародубовская И.В... — Мау В.А., Стародубовская И.В. Великие революции: От Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001.

Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский на «белом» фронте. (Белый Север...)

Мельтюхов М.И... — Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. — М.: ВЕЧЕ. 2001. — 464 с.

Миллер Е. К...—Миллер Е. К. Борьба за Россию на Севере 1918-1920 гг. (Белый Север...)

Милюков П. Н... — Милюков П. Н. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2001. с.

Население... — Население России в XX веке. В 3-х т. — М.: РОССПЭН. 2000.

Нуланс Ж... — Нуланс Ж. Моя последняя миссия в Советской России 1917-1919. (Голдин В.И...)

Петрухинцев Н., Смирнов А... — Петрухинцев Н., Смирнов А. Брак по расчету. — М.: журнал «Родина». № 1. 2004.

Погребинский А. Н...—Очерки истории финансов дореволюционной России. — М., 1954.

Покровский М... — Покровский М. Русская история в 3 т. — СПб.: Полигон. 2002.

Пуанкаре Р... — Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 784 с.

Ричардсон У. П... — Ричардсон У. П. Война Америки на Севере России. (Голдин В.И...)

Робиен Л... — Робиен Л. 28 апреля 1918 г. Дневник дипломата в России, 1917-1918. (Голдин В.И...)

Рыбас С.Ю... — Рыбас С.Ю. Столыпин. — М.: Молодая гвардия, 2003.—421 с. (Жизнь замечат.

Людей: Сер. Биограф.; Вып. 855).

Сидоров А.Л...—Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. — М.: 1960.

548

Сироткин В. Г... — Сироткин В. Г. Золото и недвижимость России за рубежом. — М, 1997.

Сили Дж.Р., Крэмб Дж. А... — Сили Дж.Р., Крэмб Дж. А. Британская империя. — М.: Алгоритм-книга, Эксмо, 2004. — 448 с.

Советско-американские... — Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927-1933. — М.: МФД, 2002 -824 с.

Соколов Б. Ф... — Соколов Б. Ф. Падение Северной Области. (Белый Север, т. 2...)

Сорокин П. А... — Сорокин П. А. На лоне природы. (Белый Север...)

Судьбы... — Судьбы реформ и реформаторов в России.—М.: РАГС, 1999. -374 с.

Сычев Н.В... — Сычев Н.В. Политическая экономия. Курс лекций. — М: ИКФ «ЭКМОС», 2002.

Татищев С... — Татищев С. Император Александр Второй. — М.: Алгоритм, 1996.

Троцкий Л. На пути к социализму... — Троцкий Л. На пути к социализму. Хозяйственное

- строительство Советской республики. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 15. Москва-Ленинград, 1927). Трухановский В.Г... — Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения. 1982.—464 с.
- Урланис Б.Ц... — Урланис Б.Ц. История военных потерь. — М., СПб.: Полигон. АСТ. 1998.— 560 с.
- Успенский В.Д...—Успенский В.Д. Тайный советник вождя, в 5 т. — М.: Правда. 2002. — 458 с.
- Уткин А.И... — Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000 — 640 с.
- Уткин А.И. Черчилль... — Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. — Смоленск: Русич. 1999. — 656 с.
- Уткин Н.И... — Уткин Н. И. Россия-Финляндия «карельский вопрос». — М.: Международные отношения, 2003. — 336 с.
- Уэллс Г. Дж... —Уэллс Г. Дж. Краткая всемирная история. — СПб.: Амфора, 2005.— 350 с.
- Фадеев Р.А... — Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем.. Собр. соч. СПб. Изд. Комарова. 1889. т.3.; Русский исторический журнал — М.: РГГУ т. 111,2000. №1-4.— 708 с.
- Федоров Б. Г... — Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». , в 2 т. Т. 1. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 624 с.
- Фрэнсис Д...—Фрэнсис Д.Россия из американского посольства. (Голдин В.И...)
- Фурсов А... — Фурсов А. Колокола истории, М., ИНИОН РАН, 1996, часть 1. —182 с.
- Хауз... — Архив полковника Хауза. В 2 т. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 602 с; — 744 с.
- Хоскинг Дж... —Хоскинг Дж. Россия и русские. Кн.1, Пер. с англ./Дж. Хоскинг. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003, — 494 с.
- Хрестоматия...—Хрестоматия по истории России. — М.: Проспект., 2000. — 592 с.
- Хью Томас... — Хью Томас. Гражданская война в Испании, 1931-1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2003. — 573 с.
- Чаадаев П. Я... — Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 224 с.
- 549
- Чаплин Т. Е... — Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере. (Белый Север...)
- Черчилль У... — Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи.—М.: ЭКСМО, 2003. — 768 с.
- Шамбаров В. Е... — Шамбаров В. Е. За веру, царя и Отечество! — М.: Алгоритм, 2003. — 656 с.
- Шарапов С.Ф... — Шарапов С.Ф. Диктатор. 1907 г. -М: Бобок — Новая книга, 1998. —112 с.
- Шацилло К.Ф... — Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне — М.: РОССПЭН, 2000. — 399 с.
- Шацилло В. К... — Шацилло В. К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 480 с.
- Шевченко К... — Шевченко К. «Как славяне, мы верим в победу...» Родина, 2004, №1.
- Ширококорд А. Б... — Ширококорд А.Б.Россия — Англия: неизвестная война, 1857-1907. — М: АСТ, 2003.
- Шмелев К.Ф... — Шмелев К.Ф. Денежное обращение в России в годы войны и революции 1914-1921 гг. — Пг.: 1922.
- Штейн Б.Е... — Штейн Б.Е., Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920. — М: 1949.
- Шульгин В.В. Дни... Шульгин В.В. Дни. 1920. Записки/ Сост. Д.А. Жуков, — М.: Современник, 1989. — 559 с.
- Эрдхард Л... — Эрдхард Л. Благополучие для всех: Репринт. Воспроизведение: Пер. с нем. — М.: Дело. 2001 — 352 с.
- Яковлев Н.Н... — Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 г. — М.: Эксмо. 2003. — 352 с.
- Якушкин Е.Е...—Якушкин Е.Е., Французская интервенция на Юг 1918— 1919 —М.: 1929.
- Язьков Е.Ф...—Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918-1945) -2 изд. М. МГУ; ИНФРА-МБ 2001.- 352 с.
- Fischer F... — Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y, 1967. (Уткин А.И...)
- Keeble C... — Keeble C, Britain and the Soviet Union, 1917-1989, — New-York, 1990.
- Keynes, J.M... — Keynes, J.M. How to Pay for the War, in Collected Writings of John Maynard Keynes, vol. IX. New York: Cambridge University Press, 1972. — P. 377-378.

550

¹ Фурсов А.И. Saeculum vicesimum: In memoriam. Русский исторический журнал. Т. III. № 1-4. — М.: Институт русской истории РГГУ, 2000. — 724 с. С. 83.

² Сили Дж.Р, Крэмб Дж.А..., с. 167.

³ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. (ПСС, изд. 5-е, т. 38. — М., 1974, с. 51.)

⁴ ЧКК... с. 74.

⁵ Игнатъев В.И..., с. 102.

- ⁶Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.
- ⁷Кара-Мурза С..., с. 242-243.
- ⁸Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 244.
- ⁹Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 266.
- ¹⁰Кожин В.В..., с. 238-239.
- ¹¹Деникин А.И. (II)..., с. 159-161.
- ¹²Деникин А.И. (II)..., с. 262-263.
- ¹³Деникин А.И. (II)..., с. 395-396.
- ¹⁴Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. — М., 1988, с. 33.
- ¹⁵Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. — М., 1988, с. 33.
- ¹⁶Мамонтов С. Походы и кони. — Париж: 1981, с. 49; (Волков С.В..., с. 40.)
- ¹⁷Волков С.В..., с. 40.
- ¹⁸Алексеев Г. Две встречи // ВБ. № 62, с. 16; Перепеловский К.М. Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное училище // ВБ. № 73, с. 24; (Волков С.В..., с. 41.)
- ¹⁹Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. — Новосибирск: 1973, с. 44, 48-49; (Волков С.В..., с. 41-42.)
- ²⁰Подробнее см: Волков С.В..., с. 42.
- ²¹Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2. — Париж-Берлин: 1921, с. 77.
- ²²Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918-1920 годов. Т. 1, Париж, 1962, с. 42, 250 (Волков С.В..., с. 66, 171)
- ²³Свидерский Д.Д. Поход к Ледяному походу // ПП. № 1, с. 37 (Волков С.В..., с. 78)
- ²⁴Корниловский ударный полк, Париж, 1936, с. 56 (Волков С.В..., с. 78)
- ²⁵Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь, № 35, с. 12 (Волков С.В..., с. 260)
- ²⁶Фрэнсис Лэнсингу, 24. 01 / 06. 02. 1918, с вложением, датированным 26. 01. 1918 от консула Пула, FRUS, 1918, Russia, 2: 609, 610-611, 613, 614, 619. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 187.)
- ²⁷Ленин В. 02. 12. 1919. Т. 39. С 342.
- ²⁸Заметки Ханки о заседании Высшего Военного Совета 14. 02. 1919, PWW, 55: 183 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 315)
- ²⁹Осоргин М.А. 1928 г. Ситцев Вражек. Урал. 1989. № 7, с.86.
- ³⁰Из приказа А. Деникина по армии: «Борьба до смерти...» (Деникин А.И. (II)..., с. 393)
- ³¹Соколов Б.Ф... с. 376-377.
- ³²O. Figes, The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918-1920, «Past and present», № 129, november 1990, p. 199-200. (ЧКК..., с 111.)
- ³³G.Leggett, op. cit., p. 204-237. (ЧКК..., с 101.)
- ³⁴Knox A. With the Russian Army 1914-1917. Vol. II, Lnd., 1921, p. 174 (Уткин А.И..., с. 282)
- ³⁵Головин Н.Н..., с. 186.
- ³⁶Палеолог М. 30 (17) апреля 1917. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 430, 449 (Кожин В.В. О русском..., с. 65-66)
- ³⁷Неизвестная Россия, XX век. — М., 1992, т. 2, с. 221 (Литвин А..., с. 140)
- ³⁸Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М.: Отечество, 1991. С. 399.
- ³⁹Деникин А.И. (III).
- ⁴⁰Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 445.
- ⁴¹Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 529.
- ⁴²Посол США Фрэнсис — Госсекретарю. Архангельск, 12. 09. 1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 58))
- ⁴³Егоров А..., с. 239.
- ⁴⁴Марушевский В.В.... с. 203
- ⁴⁵Марушевский В.В..., с. 217.
- ⁵⁵¹
- ⁴⁶Марушевский В.В..., с. 213-214.
- ⁴⁷Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. — М., 1923, с. 232-233.
- ⁴⁸Троцкий Л. Вокруг Октября. 6 апреля 1924 г.
- ⁴⁹Деникин А.И. (I).
- ⁵⁰Зайончковский А.М..., с. 625.
- ⁵¹Деникин А.И. (I)..., с. 379.
- ⁵²Корнилов 11 июля 1917 г. (Головин Н.Н..., с. 368.)
- ⁵³Gibbs Ph. Realities of War. London, 1920, p. 47. (Уткин А.И..., с. 253.)
- ⁵⁴Пуанкаре Р..., с. 729, прим.
- ⁵⁵Пуанкаре Р..., с. 729-730. Подробнее о военной юстиции во Франции во время войны см. журнал «Proces civique» за 1919—1922 гг. «Cahiers des Droits de l'Homme» за эти же годы, Reau, «Les

- Crimes de Conseils de guerre «; на русском языке см. вводную статью Ф. Нотович к сборнику «Революционное движение во французской армии в 1917 г». (Пуанкаре Р..., с. 733, прим.)
- ⁵⁶ Белый Север, с. 369, прим.
- ⁵⁷ Киган Д..., с. 444.
- ⁵⁸ Джадсон Фрэнсису, 29. 08 и 03. 09. 1917, Judson Papers, box 5, NL (Дэвис Д., Храни Ю..., с. 129)
- ⁵⁹ Перефразированные Джадсоном слова Фрэнсиса см. в: Джадсон генералу Пейтону Марчу, начштаба армии США, 21. 05. 1919, Judson Papers, box 6, NL (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 129)
- ⁶⁰ Фрэнсис Лэнсингу, 30. 08. 1917, FRUS, 1918, Russia, 1:181 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 129)
- ⁶¹ Меморандум послу, 29. 08. 1917, вложение 1, в «Доклад о ситуации в России» Джадсона от 16. 03. 1918, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 130)
- ⁶² Дневник Дж. Бьюкенена, запись 24. 08. 1917. (Бьюкенен Дж... с. 322)
- ⁶³ Деникин А.И. (I)..., с. 381-384.
- ⁶⁴ Деникин А.И. (I)..., с. 210.
- ⁶⁵ Деникин А.И. (I).
- ⁶⁶ Ответное письмо П.П. Скоморохова генералу Е.К.Миллеру. Архангельск. 17. 02. 1920. УМБРФ по Архангельской области. Следственное дело на Мартынова Я.А. и др. Л. 205-205 об. Подлинник (Белый север, т. 2, с. 434-435)
- ⁶⁷ Шульгин В.В. 1920. (Шульгин В.В..., с. 286)
- ⁶⁸ Марушевский В.В..., с. 218
- ⁶⁹ Марушевский В.В..., с. 223, 224.
- ⁷⁰ Доклад командующего войсками и члена правительства Северной области генерал-лейтенанта В.В. Марушевского Временному правительству Северной области 19. 07. 1919. (ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Лл. 57-59. Подлинник.) (Белый Север, с. 358-360)
- ⁷¹ Вацетис И.И. Гражданская война. 1918 год. // Память. — М., 1977, Вып. 2, с. 72, 74 (Литвин А..., с. 292)
- ⁷² Троцкий Л.Д. Моя борьба. Берлин. 1930, т.2, с. 141. (Литвин А..., с. 60.)
- ⁷³ Деникин А.И. (II).
- ⁷⁴ Врангель П.Н. Записки. 11. 1916- 11. 1920, т. 1.
- ⁷⁵ Валентинов А.А. Врангелевщина. Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922; См. так же Валентинов А.А. Крымская эпопея. Деникин-Юденич-Врангель. — М. — Л., 1927. С. 356.
- ⁷⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 297.
- ⁷⁷ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 288, 292).
- ⁷⁸ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 208 (Карпов Н.Д..., с. 74)
- ⁷⁹ ГАРФ, ф. 440, оп. 1, д. 34, л. 2, 12, 73; д. 12, л. 1-33 (Литвин А..., с. 182)
- ⁸⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 131-132.
- ⁸¹ Деникин А.И. (III)..., с. 313-316.
- ⁸² Краснов В.Г. (II)..., с. 136.
- ⁸³ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 404.
- ⁸⁴ Деникин А.И. Поход на Москву... с. 405.
- ⁸⁵ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 405.
- ⁸⁶ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 406.
- ⁸⁷ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 406—407.
- ⁵⁵²
- ⁸⁸ Заседание Верховного Круга 16. 01. 1920. Речь Деникина (Деникин А.И. (III)..., с. 355)
- ⁸⁹ Деникин А.И. (III)..., с. 417.
- ⁹⁰ Волков С.В..., с. 291.
- ⁹¹ Histoire de Washington par C. de Witt. S. 109. (Фадеев Р.А..., с. 167.)
- ⁹² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. — М., 1988.
- ⁹³ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. в цифрах. — М., 1925, с. 31 (Волков С.В..., с. 9)
- ⁹⁴ Волков С.В..., с. 11.
- ⁹⁵ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. — М, 1992, с. 253; (Волков С.В..., с. 11.)
- ⁹⁶ Волков С.В..., с. 11-12.
- ⁹⁷ Волков С.В..., с. 14.
- ⁹⁸ Марушевский В.В..., с. 172-173.
- ⁹⁹ Фадеев Р.А..., с. 181.
- ¹⁰⁰ Успенский В.Д..., т.1, с. 31.
- ¹⁰¹ Яковлев Н.Н..., с. 36.
- ¹⁰² Горелов М. На реках Вавилонских. Новый журнал. № 183. с. 207-209. (Волков С.В..., с. 292.)
- ¹⁰³ Деникин А.И... т. 2.
- ¹⁰⁴ Марушевский В.В..., с. 173
- ¹⁰⁵ Марушевский В.В..., с. 341
- ¹⁰⁶ Краснов В.Г..., кн. 1, с. 382-383.

- ¹⁰⁷Валянский С., 93.
- ¹⁰⁸Лемке М.К..., 1916, с. 243.
- ¹⁰⁹Киган Д..., с. 440.
- ¹⁰⁸Дневник Дж. Бьюкенена, 03. 11. 1917. (Бьюкенен Дж..., с. 353)
- ¹¹¹Бьюкенен Дж..., с. 290.
- ¹¹²Александр М..., с. 250.
- ¹¹³Г.Д. Уэллс..., с. 292-293.
- ¹¹⁴Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 327-328.)
- ¹¹⁵Верховский А.И.Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, № 9. С. 65-69. (Шацилло В.К..., с. 454—455.)
- ¹¹⁶Игнатьев..., с. 431.
- ¹¹⁷Игнатьев..., с. 432.
- ¹¹⁸Игнатьев..., с. 435.
- ¹¹⁹Игнатьев..., с. 432.
- ¹²⁰Игнатьев..., с. 436.
- ¹²¹Игнатьев..., с. 440.
- ¹²²Игнатьев..., с. 460.
- ¹²³Приказ по Северо-Западному фронту от 15 сентября 1915 г. (Лемке М.К..., 1916, с. 27.)
- ¹²⁴Лемке М.К..., 1916, с. 166.
- ¹²⁵Лемке М.К..., 1916, с. 616.
- ¹²⁶Лемке М.К..., 1916, с. 212.
- ¹²⁷Регистрация Всероссийского союза городов, для Петрограда. (Деникин А.И... т. 1, с. 49.)
- ¹²⁸Волков С.В..., с. 15.
- ¹²⁹Волков С.В..., с. 16-17.
- ¹³⁰Воейков В.Н..., с. 231.
- ¹³¹Воейков В.Н..., с. 196-197.
- ¹³²Деникин А.И... т. 1, с. 285.
- ¹³³Деникин А.И. (I)..., с. 5, 7-8.
- ¹³⁴Революционное движение в русской армии, 27. 02 - 24. 10. 1917. — М., 1968, с. 211-212. (Волков С.В..., с. 24-25).
- ¹³⁵Секретный архив комиссаров XI армии И. Кириенко и А. Чекотило // Белый архив. Т. 1, Париж, 1926, с. 29. (Волков С.В..., с. 25-26.)
- ¹³⁶Головин Н.Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 66 (Волков С.В..., с. 31)
- ¹³⁷Головин Н.Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 129-134. (Волков С.В..., с. 16-17, 35-36.)
- ¹³⁸«Сводка сведений о настроении частей войск Армий Западного фронта с 12(25) - 15(28). 10. 1917». (Головин Н.Н..., с. 373.)
- ⁵⁵³
- ¹³⁹Головин Н.Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 114 (Волков С.В..., с. 31)
- ¹⁴⁰Донесение генкварт Северного фронта, 27. 10. 1917. (В кн.Революционное движение в русской армии, 27. 02. - 24. 10. 1917. — М., 1968, с. 551 (Волков С.В..., с. 33)
- ¹⁴¹Волков С.В..., с. 33.
- ¹⁴²Революционное движение в русской армии. 27. 02-24. 10. 1917. — М.: 1968. с. 169. (Волков С.В..., с. 21.)
- ¹⁴³Волков С.В..., с. 36.
- ¹⁴⁴Волков С.В..., с. 47.
- ¹⁴⁵Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. — М., 1957, с. 227-228. (Волков С.В..., с. 48.)
- ¹⁴⁶Волков С.В..., с. 48.
- ¹⁴⁷Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 52-53 (Волков С.В..., с. 58)
- ¹⁴⁸Кришевский Н.В Крыму (1916-1918 г.) //АРР. XIII, с. 108. (Волков С.В..., с. 61-62.)
- ¹⁴⁹Поляков И. Донские казаки в борьбе с большевизмом // ВП. № 6, с. 26 (Волков С.В..., с. 49)
- ¹⁵⁰Краснов В.Г. (II).
- ¹⁵¹Деникин А.И. (II)..., с. 393.
- ¹⁵²Воейков В.Н..., с. 266.
- ¹⁵³Деникин А.И. (III)..., с. 319.
- ¹⁵⁴Деникин А.И. (III)..., с. 320.
- ¹⁵⁵Деникин А.И. (III)..., с. 134.
- ¹⁵⁶Деникин А.И. (III)..., с. 135.
- ¹⁵⁷Харьковская меньшевистская газета «Мысль». 1919 г. (Деникин А.И. (III)..., с. 143-144.)
- ¹⁵⁸Добровольский С... с. 44-45.
- ¹⁵⁹Деникин А.И. (III)..., с. 141.
- ¹⁶⁰Деникин А.И. (III)..., с. 229.

- ¹⁶¹ Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г.). Ростов-на-Дону, 1919, с. 14 (Литвин А..., с. 143)
- ¹⁶² Славянофил (К.В. Сахаров). Чешские аргонавты в Сибири. — Токио, 1921, с. 6. (Литвин А..., с. 143-144.)
- ¹⁶³ Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. — М., 1992, с. 22. (Кожин В.В..., с. 170.)
- ¹⁶⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 320-321.
- ¹⁶⁵ Деникин А.И. (III)..., с. 321.
- ¹⁶⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 335.
- ¹⁶⁷ Краснов В.Г. (II)..., с. 60.
- ¹⁶⁸ Деникин А.И. Национальная диктатура и ее политика. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925.
- ¹⁶⁹ Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В..., с. 40)
- ¹⁷⁰ Лукомский. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922, с. 175.
- ¹⁷¹ Гревз У, Американская авантюра в Сибири, М, 1932, с. 169.
- ¹⁷² Троцкий Л.Д. История русской революции, т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.
- ¹⁷³ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб, 1992.
- ¹⁷⁴ Головин Н.Н., т. 2, с. 155.
- ¹⁷⁵ Лемке М.К..., 1916, с. 574.
- ¹⁷⁶ Бушков А. Красный монарх, с. 221
- ¹⁷⁷ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 97 (Карпов Н.Д..., с. 12)
- ¹⁷⁸ Слешов Я.А. Крым, 1920 // Гражданская война в России. Оборона Крыма. АСТ, 2003, с. 83 (Карпов Н.Д..., с. 12) ¹⁷⁹ Карпов Н.Д..., с. 19
- ¹⁸⁰ Орлов Г., дневник. Документальный фонд ЦМВС Оп. «Родина», ед. Хр. 47389, с. 287. Машинопись (Карпов Н.Д..., с. 19-20)
- ¹⁸¹ Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. — М., 1992, с. 97. (Бородин А.П..., с. 74.)
- ¹⁸² Милуков П.Н..., с. 332.
- ¹⁸³ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. — М., 1990, с. 31.
- ¹⁸⁴ Кара-Мурза С..., с. 289-290.
- ⁵⁵⁴
- ¹⁸⁵ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 181-182)
- ¹⁸⁶ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 184)
- ¹⁸⁷ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 196)
- ¹⁸⁸ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 210)
- ¹⁸⁹ Деникин А.И. (III)..., с. 313.
- ¹⁹⁰ Кара-Мурза С..., с. 246.
- ¹⁹¹ Ардент Х. Временный союз черни и элиты. // Иностранная литература. 1990, № 4, с. 244 (Литвин А..., с. 32)
- ¹⁹² Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 314 (Литвин А..., с. 213)
- ¹⁹³ Sakharov K. Die tschechoslowakischen legioner in Sibiren. Berlin, 1938 (Литвин А..., с. 213)
- ¹⁹⁴ Деникин А.И. (II)..., с. 238.
- ¹⁹⁵ Соколов Б.Ф..., с. 340.
- ¹⁹⁶ Добровольский С.Ц..., с. 98.
- ¹⁹⁷ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 283-284.)
- ¹⁹⁸ Марушевский В.В..., с. 218, 226, 288.
- ¹⁹⁹ Миллер Е.К..., с. 27.
- ²⁰⁰ Добровольский С... с. 194-195.
- ²⁰¹ Соколов Б.Ф... с. 364-365.
- ²⁰² Соколов Б.Ф... с. 414.
- ²⁰³ Армия. Эвакуация из Северной России, 1919. Лондон, 1920 (на англ. яз.). С. 19-20. (Белый Север, с. 370, прим.)
- ²⁰⁴ Зеленов Н.П..., с. 212.
- ²⁰⁵ Соколов Б.Ф..., с. 322.
- ²⁰⁶ Марушевский В.В..., с. 282-283.
- ²⁰⁷ Волков С.В..., с. 231.
- ²⁰⁸ Горн В. Гражданская война на Северо-западе России. Берлин, 1923.
- ²⁰⁹ Марушевский В.В..., с. 314.
- ²¹⁰ Горн В. Гражданская война на Северо-западе России. Берлин, 1923.
- ²¹¹ Черчилль — Кабинету, 22. 09. 1919. (Черчилль У..., с. 305-306.)
- ²¹² Деникин А.И. (II)..., с. 238.
- ²¹³ Известия ВЦИК, 31 июля 1919 г.; Волков С.В..., с. 143.
- ²¹⁴ Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. — М., 1968. (Волков С.В..., с.

178-179.)

²¹⁵ Волков С.В..., с. 176-177.

²¹⁶ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело. Кн. 3. — М., 1992. С. 59-61. (Волков С.В..., с. 134.)

²¹⁷ Составлено автором на основании данных Волкова С.В..., с. 144-145.; Деникин А.И. Поход на Москву.

²¹⁸ Егоров А.И..., с. 41-42.

²¹⁹ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 418.

²²⁰ Петров П.П. Роковые годы, Франкфурт, 1965, с. 139; (Волков С.В..., с. 261)

²²¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2. — Париж-Берлин, 1921, с. 382.

²²² Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 208 (Карпов Н.Д..., с. 74)

²²³ Егоров А.И..., с. 358, 359.

²²⁴ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В. Дни..., с. 300-301)

²²⁵ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 230 (Карпов Н.Д..., с. 37)

²²⁶ Шульгин В.В. Дни..., с. 552, ком. Ю.В. Мухачева.

²²⁷ Оболенский В. Крым при Врангеле. Из кн.: «На чужой стороне», кн. IX, Прага, 1925. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М.: Отечество, 1991. С. 395.

²²⁸ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). — М., 1982. С. 294. (Литвин А..., с. 182-183.)

²²⁹ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. — N.Y. 1984, p. 182-184. (Уткин А.И..., с. 557.)

²³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924, т. 3, с. 98 (Литвин А..., с. 150)

555

²³¹ Крушанов А.И..., т. 2, с. 15.

²³² Черчилль У..., с. 300.

²³³ Краснов В.Г. (II)..., с. 129.

²³⁴ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 288.)

²³⁵ Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь, №27-28, с. 11; Мейбом Ф.Ф. Бронепоезд «Витязь» // ПП. № 4, с. 8; (Волков С.В..., с. 256.)

²³⁶ Волков С.В..., с. 267.

²³⁷ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака, М., 1960, с. 69; Петров П.П. Роковые годы, Франкфурт, 1965, с. 141; (Волков С.В..., с. 268.)

²³⁸ Мейбом Ф.Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии, № 17, с. 43, 50 (Волков С.В..., с. 268)

²³⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 76.

²⁴⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 80—81.

²⁴¹ Чаплин Г.Е..., с. 48

²⁴² Волков С.В..., с. 276.

²⁴³ Чаплин Г.Е..., с. 49

²⁴⁴ Вырыпаев В. Каппелевцы // ВП. № 28, с. 6; (Волков С.В..., с. 88.)

²⁴⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. М., 1988, с. 171; (Волков С.В..., с. 286.)

²⁴⁶ Елисеев Ф.И. Кубань в огне // Кубанец. Донской атаманский вестник. 1996, № 1, с. 23; (Волков С.В..., с. 286.)

²⁴⁷ Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. Новосибирск, 1973, с. 232; (Волков С.В..., с. 86.)

²⁴⁸ Подробнее см. у Волкова С.В...

²⁴⁹ Фрунзе М.В. О принципах стратегии и тактики Красной Армии // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917-1940, М., 1965, с. 55 (Волков С.В..., с. 177)

²⁵⁰ Егоров А.И..., с. 362-363.

²⁵¹ Военный Энциклопедический словарь, ст. «Колчака армии», М, 2001; ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 85, л. 95 (Антисоветская интервенция и ее крах, М, 1987, с. 53); Родзянко А.П., Воспоминание о Северо-Западной армии, с. 94-95 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 51); РГВА, ф. 39450, оп. 1, д. 255, л. 1-4, д. 250, л. 4-6, 26-66, д. 189, л. 31, 42, 50 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 51); Военный энциклопедический словарь, ст. «Вооруженные силы Юга России»; РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 30, л. 146-166 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 50), Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России // Деникин, Юденич, Врангель, М., 1990, с. 281; Дерябин А.И. Белые армии, с. 7-8.; Известия ВЦИК, 31. 07. 1919; (Волков С.В..., с. 226.)

²⁵² Дерябин А.И. Белые армии, с. 19-20; Раковский Г. Конец белых, Прага, 1921, с. 441; (Волков С.В..., с. 144.)

²⁵³ заявление Алексеева от 12.09. 1917.

²⁵⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции, т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

²⁵⁵ Деникин А.И. (II)..., с. 229.

- ²⁵⁶ Деникин А.И. (II)..., с. 246.
- ²⁵⁷ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 190-192. (Волков С.В..., с. 71-72.)
- ²⁵⁸ Краснов В.Г. (II)..., с. 131.
- ²⁵⁹ Деникин А.И. (III)..., с. 312.
- ²⁶⁰ История Советской Конституции (в документах). 1917-1956. С. 109-110. (Хрестоматия..., с. 426.)
- ²⁶¹ Деникин А.И. (III).
- ²⁶² Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В. Дни..., с. 44) ²⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 199, 218; т. 39, с. 406
- ²⁶⁴ Кара-Мурза С., с. 164.
- ²⁶⁵ Деникин А.И. (II)..., с. 159-161.
- ²⁶⁶ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959, с. 420-421. (Кожин В.В..., с. 241.)
- ²⁶⁷ Успенский В.Д..., т.1, с. 50,51. См. так же Деникин А.И. (II)..., с. 236-237.
- ²⁶⁸ Сухомлинов В.А..., с. 427-428.
- ²⁶⁹ Волков С.В...,с. 87.
- ⁵⁵⁶
- ²⁷⁰ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. — М., 1988, с. 118; (Волков С.В..., с. 88.)
- ²⁷¹ Волков А.Л. Гренадеры в Гражданской войне // ВИВ. № 45/46, с. 35; (Волков С.В..., с. 88.)
- ²⁷² Мамонтов С. Походы и кони, Париж, 1981, с. 53-55. (Волков С.В..., с. 88)
- ²⁷³ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков, Нью-Йорк, 1919, с. 37; (Волков С.В..., с. 88.)
- ²⁷⁴ Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь // ПП. № 25, с. 4, № 24, с. 6 (Волков С.В., с. 88-89)
- ²⁷⁵ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 305, 311)
- ²⁷⁶ Великий Октябрь и защита его завоеваний, т. II, 1987, с. 38
- ²⁷⁷ БСЭ, ст. «Гражданская война в России 1918-1920», т. 18, 1930, с. 700
- ²⁷⁸ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России, 1917-1920. М., 1968, с. 346.
- ²⁷⁹ Волков С.В..., с. 326.
- ²⁸⁰ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. М., 1988, с. 198.
- ²⁸¹ Спирин Л.М. В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал, 1965, № 4, с. 15; (Волков С.В..., с. 326, 327.)
- ²⁸² Из общего командного состава 446 729 человек. Ефимов Н. Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918-1921 гг. Т. 2, М., 1928; (Волков С.В..., с. 327.)
- ²⁸³ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988,с.2П.
- ²⁸⁴ Волков С.В...,с. 329.
- ²⁸⁵ Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М., 1958 (Волков С.В..., с. 329)
- ²⁸⁶ Ленин телеграмма от 08. 06. 1919.
- ²⁸⁷ Приказ Л. Троцкого от 19. 10. 1919. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 404, л. 214; д. 435, л. 1 (Литвин А..., с. 292); См. так же Критский М. Красная Армия на Южном фронте // АРР. XVIII, с. 270-271 (Волков С.В..., с. 334)
- ²⁸⁸ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957, с. 285 (Волков С.В..., с. 333)
- ²⁸⁹ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится.. Об антисемитизме в России. СПб., 1992, с. 123. (Шульгин В.В..., с. 537-538, ком. Ю.В. Мухачева.)
- ²⁹⁰ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988, с. 174, 181, 179, 196-97. По данным С. Волкова 31,6%. Если считать только тех, кто не перешел к белым, то по данным С.Волкова 23,5%, Байова — 21%, А. Зайцова — 24%. (Байов А.К. Генеральный штаб во время Гражданской войны. Ч, 84.; Зайцов А.А. 1918 год. С. 184-187. (Волков С.В..., с. 323.))
- ²⁹¹ Валентинов А.А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 343.
- ²⁹² Лямин Н. Операция Южного фронта против генерала Деникина. Сб. трудов ВНО при ВАКе, 1921-1922, т. II, с. 16. (Егоров А.И., с. 86)
- ²⁹³ Деникин А.И. Поход на Москву., с. 444.
- ²⁹⁴ Ростунов И.И, Генерал Брусилов, М., 1964, с. 202 (Волков С.В..., с. 331)
- ²⁹⁵ Успенский В.Д..., т.1, с. 131.
- ²⁹⁶ Егоров А.И..., с. 240.
- ²⁹⁷ Соколов Б.Ф... с. 369-370.
- ²⁹⁸ ЧКК..., с. 80.
- ²⁹⁹ Успенский В.Д..., т.1, с. 132.

- ³⁰⁰Грациози А..., с. 16.
- ³⁰¹Егоров А.И., с. 171.
- ³⁰²Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 515)
- ³⁰³Francis G. Russia from the American Embassy. N. Y, 1921, p. 210 (Уткин А.И., с. 229)
- ³⁰⁴Успенский В.Д..., т.1, с. 189.
- ³⁰⁵Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания..., с. 13.
- ³⁰⁶Покровский М..., с. 48.
- ³⁰⁷Керсновский А.А...Т.2, с. 39.
- ³⁰⁸Покровский М..., т. 3, с. 105-106.
- ³⁰⁹Леонтьев К. Письма к Василию Розанову. London, 1981, с. 281., Леонтьев К. Восток, Россия и славянство... — М., 1996, с. 246. (Кожин В.В..., с. 233.)
- ⁵⁵⁷
- ³¹⁰Мережковский Д.С. Пророк русской революции. (Достоевский Ф.М..., с. 487.)
- ³¹¹Александр М..., с. 172.
- ³¹²Милюков П.Н... с. 286.
- ³¹³Витте С.Ю..., т. 1, с. 677-678.
- ³¹⁴Яковлев Н.Н..., с. 150.
- ³¹⁵Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 193)
- ³¹⁶Покровский М..., т. 3, с. 327.
- ³¹⁷Покровский М..., т. 3, с. 330.
- ³¹⁸Кожин В.В. О русском..., с. 115, прим.
- ³¹⁹Грациози А..., с. 14.
- ³²⁰Милюков П.Н..., с. 482.
- ³²¹Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981, с. 119. (Кожин В.В..., с. 150.)
- ³²²«Согласие», 1993, № 2, с. 213—214. (Кожин В.В..., с. 152.)
- ³²³Станкевич В.Б. Мемуары. Берлин. 1920. (Кожин В.В..., с. 157.).
- ³²⁴Бунин И.А. «Окаянные дни». 11(24). 06. 1919. Собрание сочинений. Берлин, 1935, т. X, с. 165. (Кожин В.В..., с. 152.)
- ³²⁵Майский И.М. (Ляховецкий, 1884-1975) видный меньшевик, впоследствии один из ведущих советских дипломатов. Минувшее. Исторический альманах. I. — М.: 1990, с. 309. (Кожин В.В..., с. 159.)
- ³²⁶Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., Росспэн, 1997, 375 с. — с. 224, 229, 244 (Ахиезер А.С. Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 495, 497))
- ³²⁷Черчилль У..., с. 124.
- ³²⁸Лемке М. 250 дней в Царской Ставке, с. 648-650. (Головин Н.Н..., с. 326-327.)
- ³²⁹Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В..., с. 36)
- ³³⁰Бакунин М.А. «Государственность и анархия» 1873 г.
- ³³¹Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999, С. 140-141
- ³³²Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918, с. 6-7, 12-14.
- ³³³Бердяев Н.А..., с. 107.
- ³³⁴Уткин А.И., с. 184.
- ³³⁵Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 22, 330-332.
- ³³⁶Шамбаров В.Е..., с. 625.
- ³³⁷Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 470.
- ³³⁸ЧКК..., с. 115.
- ³³⁹Taros Hunczak (ed.), The Ukraine, 1917-1921, Cambridge U.P., 1977. (ЧКК..., с. 114.)
- ³⁴⁰ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 3, л. 77-78 (Литвин А..., с. 149-150)
- ³⁴¹Краснов В.Г. (II)..., с. 36, 38.
- ³⁴²Грейвс Н. Бейкеру, 21. 06. 1919, вложено в: Н. Бейкер Вильсону, 31. 06. 1919, PWW, 62:87 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 348)
- ³⁴³Деникин А.И. (III)..., с. 95.
- ³⁴⁴Кинг Ф. в газете «Джапан Адвертайзер». (Краснов В.Г. (II)..., с. 89.)
- ³⁴⁵Деникин А.И. (III)..., с. 303.
- ³⁴⁶Пуанкаре Р..., с. 481.
- ³⁴⁷Черчилль У..., с. 133.
- ³⁴⁸Уэллс Г.Д..., с. 295-296.
- ³⁴⁹Лэнсинг Фрэнсису, 30. 11. 1917. FRUS, 1918, Russia, 1:273. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П..., с. 169.)
- ³⁵⁰Хауз..., т.2, с. 248.
- ³⁵¹Хауз..., т.2, с. 266-267.

- ³⁵² Заседание военного кабинета №289, 03. 12. 1917, PRO (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 167-168)
- ³⁵³ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 168
- ³⁵⁴ Lansing, Statement on Recognition, 04. 12. 1917, Lansing Papers, box 2, Princeton, NJP (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 171)
- ⁵⁵⁸
- ³⁵⁵ Williams W. A. American Intervention in Russia, 1917-1920 // Studies on the Left// 1963, Vol. 3, № 3, 35 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 414)
- ³⁵⁶ Ллойд-Джордж, Военные мемуары., с.89-91.
- ³⁵⁷ Ллойд-Джордж Д., Военные мемуары, т.5, М., 1934-1937, с. 88.
- ³⁵⁸ Ротштейн Э., Когда Англия вторглась в Советскую Россию, М, 1982, с. 59.
- ³⁵⁹ Ullman R, Intervention and the War. — L.: 1961, p. 43.
- ³⁶⁰ Lloyd Gardner C Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. — N.Y., 1984, p. 154-155 (Уткин А.И. с. 473)
- ³⁶¹ Уткин А.И. с. 473.
- ³⁶² Ллойд-Джордж Д., Военные мемуары, т. 5, — М., 1934-1937, с. 94-95.
- ³⁶³ Ллойд-Джордж Д., Военные мемуары, т. 5, — М., 1934-1937, с. 94-95.
- ³⁶⁴ Черчилль В. Мировой кризис. — М. — Л., 1932. С. 105. (Хрестоматия..., с.436.)
- ³⁶⁵ Штейн Б.Е., Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920. — М., 1949, с. 29
- ³⁶⁶ Вильсон Полку 19.01. 1918. PWW 46:34. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 186.)
- ³⁶⁷ ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 1, л. 91, цит. по Белое движение в годы Гражданской войны в России. — М, 1996, с. 19-20; БСЭ, т. 2, ст. «Алексеев», 1926, с. 188
- ³⁶⁸ Ллойд-Джордж Д., Военные мемуары, т. 5. — М., 1934—1937, с. 100.
- ³⁶⁹ Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 14
- ³⁷⁰ Полк, Дневник. 10 января 1918 г. Polk Papers, СтУ. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 183.)
- ³⁷¹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 184.
- ³⁷² Полк Вильсону 19. 01. 1918. PWW 46:34. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 186.)
- ³⁷³ История Отечества в документах. 1917-1993 гг. Часть 1. 1917-1920 гг., с. 746. (Хрестоматия..., с.436-437.)
- ³⁷⁴ Хауз..., т.2, с. 250.
- ³⁷⁵ Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 15.
- ³⁷⁶ Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 15.
- ³⁷⁷ Союзный Верховный Совет. Совместная нота №31; «Союзническая интервенция в русские союзные порты». 3 июня 1918 года (United States National Archives, War Department, Record Group 120, Records of the Supreme War Council, File № 337-1) (Голдин В.И. с. 443)
- ³⁷⁸ Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 12.
- ³⁷⁹ Pascal P., Mon Journal de Russie, 1916-1918, Lausanne, 1975, p. 265 (Ротштейн Э., Указ. соч., с. 93) ³⁸⁰ Ричардсон У.П., (Голдин В.И. с. 404-406.)
- ³⁸¹ Американский историк об интервенции на Русском Севере. (Голдин В.И. с. 15-16.)
- ³⁸² Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 20. ³⁸³ Запись 02. 01. 1918. (Хауз..., т.2, с. 250.)
- ³⁸⁴ Какурин Е.Е., Вацетис И.И., с. 17.
- ³⁸⁵ Нуланс Ж... (Голдин В.И. с. 108-109.)
- ³⁸⁶ Робинс 21. 01. 1918. Robins Papers, box 13. WSHS. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 207.)
- ³⁸⁷ Робинс, Дневник, 14. 11. 1917, 15. 11. 1917, Robins Papers, box 42, WSHS; R.H. Bruce Lockhart, British Agent, — NY, 1933, p. 222 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 140-141)
- ³⁸⁸ Бальфур Уайзмену, 22. 02. 1918, № 52, Balfour Papers, ВМ (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 235)
- ³⁸⁹ Заседание военного кабинета №295, 10. 12. 1917, PRO (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 181-182)
- ³⁹⁰ Keeble C..., p. 14, 15.
- ³⁹¹ Keeble C..., p. 21.
- ³⁹² Keeble C..., p. 20.
- ³⁹³ Локкарт Министерству иностранных дел, вложение 1, 23. 04. 1918, PWW, 48: 39 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 264)
- ³⁹⁴ Foreign Office, 371, vol. 3298, 02. 02. 1918. (в кн. Ротштейн Э., Указ. соч., с. 84)
- ³⁹⁵ Джадсон руководству Военного колледжа, 13. 11. 1917, Judson Papers, box 4, NL (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 138)
- ³⁹⁶ Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921, Princeton, 1961, v. 1, p. 132-133 (Уткин А.И. с.535)
- ³⁹⁷ Черчилль У, Мировой кризис, М.-Л., 1932, с. 51.
- ³⁹⁸ Gilbert M. The First War. N. Y, 1994, p. 412 (Уткин А.И. с. 536-537)
- ⁵⁵⁹
- ³⁹⁹ Троцкий Л. Д., Моя жизнь: опыт автобиографии., М, 1991, с. 374
- ⁴⁰⁰ Гревз В., Американская авантюра в Сибири., М, 1932, с. 18
- ⁴⁰¹ R. H. Bruce Lockhart, British Agent. — NY, 1933, p. 199 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 235-236)
- ⁴⁰² Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 156-157.

- ⁴⁰³ Lockhart B. British Agent. N. Y., 1933, p. 276 (Уткин А.И., с. 558)
- ⁴⁰⁴ Лансинг Вильсону, 11. 05. 1918, вложение 1: перефразированная телеграмма британского представителя в Москве Бальфуру, 07. 05. 1918, вручена Лансингу Ридингом 11. 05. 1918, PWW, 47: 606 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 262-263)
- ⁴⁰⁵ Троцкий Л. Д., Моя жизнь: опыт автобиографии. — М., 1991, с. 344
- ⁴⁰⁶ Деникин А.И., т.2, с. 256.
- ⁴⁰⁷ Keeble С., р. 35.
- ⁴⁰⁸ Блисс Бейкеру и Марчу, 12. 07. 1918, PWW, 48: 601-602 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 268)
- ⁴⁰⁹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 6.
- ⁴¹⁰ Francis G. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 236 (Уткин А.И., с. 506)
- ⁴¹¹ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Вологда, 02. 05. 1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 79.))
- ⁴¹² Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 80-81.)
- ⁴¹³ Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 27.)
- ⁴¹⁴ Посол США Фрэнсис — сыну. Кандалакша, 30. 07. 1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 50-51))
- ⁴¹⁵ Черчилль У..., с. 417-418.
- ⁴¹⁶ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Вологда, 02. 05. 1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 79.))
- ⁴¹⁷ Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 28.)
- ⁴¹⁸ Francis G. Russia from the American Embassy. N. Y., 1923, p. 266 (Уткин А.И., с. 566)
- ⁴¹⁹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П., с. 411-412.
- ⁴²⁰ Нуланс Ж... (Голдин В.И., с. 143.)
- ⁴²¹ Нуланс Ж... (Голдин В.И., с. 85-86.)
- ⁴²² Кремлев С..., с. 228-229.
- ⁴²³ Наркоминдел Чичерин — послу США Фрэнсису. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И., с. 33))
- ⁴²⁴ Наркоминдел Чичерин — послу США Фрэнсису. 29. 07. 1918. (Фрэнсис Д..., (Голдин В.И., с. 45-46))
- ⁴²⁵ Алданов М.А. Собр. соч. в 6-ти томах. — М., 1991, т. 6, с. 517 (Литвин А..., с. 261)
- ⁴²⁶ Уткин А.И., с. 551.
- ⁴²⁷ Милуков П.Н., пред. Н.Г. Думовой, с. 9.
- ⁴²⁸ ЦГАОР. Ф. 6748. Оп. 1. Д. 3. Л. 726 (Милуков П.Н., пред. Н.Г. Думовой, с. 9-10)
- ⁴²⁹ Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 42 (Милуков П.Н., пред. Н.Г. Думовой, с. 10)
- ⁴³⁰ Дневник Дж. Бьюкенена, 15. 08. 1917. (Бьюкенен Дж..., с. 320)
- ⁴³¹ См.: В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. М., 1975, с. 86, 91; Заключение обвинительной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК по делу о контрреволюционном заговоре ЦК партии левых эсеров и других лиц той же партии против советской власти и революции. Красная книга ВЧК. Т. 1, с. 275-295; Спирин Л.М. Крах одной авантюры, М., 1971, с. 20; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992, с. 74-75; ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, в 19 томах. Красная книга ВЧК. М., 1920. Кн. 1; М., 1989. Кн. 1. Изд. 2-е. (Литвин А..., с. 265, 266).
- ⁴³² Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980, с. 179-182; (Волков С.В., с. 277)
- ⁴³³ Нефедов Н. Июльские восстания 1918 г. // Ч. №579, с. 12; Симонович С. Ярославское восстание / Ч. № 334, с. 25; Орлов Г. Еще о Ярославском восстании // Ч. № 337, с. 15-16; (Волков С.В., с. 277)
- ⁴³⁴ Волков С.В., с. 277-278
- ⁴³⁵ ГАРФ, 130/2/98а/26-32. (ЧКК., с. 95.)
- ⁴³⁶ Исповедь Савинкова. Судебный процесс Бориса Савинкова. Берлин, 1924. С. 49-50 (Белый Север, с. 365, прим.)
- ⁴³⁷ Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере 1918-1920 гг. // Белый Север, с. 28
- ⁴³⁸ Дело Бориса Савинкова, М, 1924, с. 37-39.
- ⁴³⁹ Робиен Л. 26. 04. 1918... (Голдин В.И., с. 165-166.)
- ⁵⁶⁰
- ⁴⁴⁰ Локарт получил разрешение израсходовать миллион рублей в целях расширения британской пропаганды См.: Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 189 (Уткин А.И., с. 567-568)
- ⁴⁴¹ Киган Д... с. 509-510.
- ⁴⁴² Helfferich K. Der Weltkrieg. Band III, Berlin, 1919, S. 216. (Уткин А.И., с. 571)
- ⁴⁴³ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 568. (Уткин А.И., с. 564)
- ⁴⁴⁴ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 572. (Уткин А.И., с. 574-575)
- ⁴⁴⁵ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 571. (Уткин А.И., с. 576)
- ⁴⁴⁶ Gatzke H. Germany's Drive to the West. Baltimore, S. 71. (Уткин А.И., с. 576-577)
- ⁴⁴⁷ Уткин А.И., с. 578.

- ⁴⁴⁸Робиен Л. 14.05. 1918... (Голдин В.И..., с. 174.)
- ⁴⁴⁹Francis D. Russia from American Embassy. N.Y, 1921, p.201. (Уткин А.И... с. 582-583.)
- ⁴⁵⁰Черчилль У..., с. 253.
- ⁴⁵¹Трухановский В.Г..., с.173.
- ⁴⁵²Черчилль У..., с. 85-86
- ⁴⁵³Черчилль У..., с. 133
- ⁴⁵⁴Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. L.: John Murray, 2000. XLII, 486. Русский исторический журнал — М.: РГГУ т. III, 2000. № 1-4. 708 с, с. 193.
- ⁴⁵⁵Покровский М..., т.2, с. 11.
- ⁴⁵⁶Черчилль У..., с. 259-260.
- ⁴⁵⁷Сили Дж.Р, Крэмб Дж.А..., с. 24, 311.
- ⁴⁵⁸Буровский А.М..., с. 223.
- ⁴⁵⁹Витте С.Ю..., т. 1, с. 209-210.
- ⁴⁶⁰Уэллс Г..., с. 287.
- ⁴⁶¹Шарапов С.Ф. Диктатор. 1907 г.—М.: Бобок —Новая книга, 1998. 112с. С. 41
- ⁴⁶²Бердяев Н.А..., с. 242-243.
- ⁴⁶³Революционная Россия № 18 1903 г. (Буровский А.М..., с. 231.)
- ⁴⁶⁴Буровский А.М..., с. 230.
- ⁴⁶⁵Струве П.Б. Великая Россия. Патриотика; Сборник статей за пять лет: 1905-1910 гг. СПб Изд. Д.Е. Жуковского, 1911. — с. 93-94. (Хоскинг Дж..., с. 65.)
- ⁴⁶⁶П.Столыпин, речь 13. 03. 1907 в Государственной Думе.
- ⁴⁶⁷Шамбаров В.Е..., с. 60.
- ⁴⁶⁸Craig G. Germany 1866-1945. N. Y, 1978, p. 340 (Уткин А.И... с. 16)
- ⁴⁶⁹Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философемной автобиографии). — М., 1991, с. 7 (Кожин В.В. О русском..., с. 66)
- ⁴⁷⁰Федоров Б.Г... с. 507.
- ⁴⁷¹Струве П. Два национализма. В сб.: Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. — СПб., 2000. С. 93 (Рыбас С.Ю..., с. 219)
- ⁴⁷²Речь Столыпина по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 года на девять губерний Западного края, произнесенная в Госдуме 07. 05. 1910. (Рыбас С.Ю..., с. 369 — 374)
- ⁴⁷³Рыбас С.Ю..., с. 223.
- ⁴⁷⁴Витте С.Ю... т. 2, с. 278.
- ⁴⁷⁵Витте С.Ю... т. 1, с. 700-703.
- ⁴⁷⁶Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Прогноз американского историка и политолога: что ждет Россию завтра? (Кожин В.В. О русском..., с. 264)
- ⁴⁷⁷Федоров Б.Г... с. 482.
- ⁴⁷⁸Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. — М., 1994, с.64-65,69. (Кожин В.В....С. 186.)
- ⁴⁷⁹Russian Fascism: A Marginal phenomenon. Stephen D. Russian Fascism: Traditions. Tendencies, Movements. New York: M.E. Sharpe, 2001.
- ⁴⁸⁰Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории. Очерки и публицистика. — М., 1991,с.58,49. (Кожин В.В..., с. 39.)
- ⁴⁸¹Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. — М., 1987, с. 183. (Кожин В.В..., с. 39.)
- ⁴⁸²Кожин В.В..., с. 27-46.
- ⁴⁸³Кожин В.В. О русском..., с. 263-264
- ⁵⁶¹
- ⁴⁸⁴Прот. С. Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 80 (Бородин А.П..., с. 260, прим.)
- ⁴⁸⁵П.А. Столыпин — А.Н. Меллер-Закомельскому, 16. 03. 1908. // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.) СПб., 1998, с. 245 (Бородин А.П..., с. 122)
- ⁴⁸⁶Курлов П. Конец русского царизма. Пг.; М., 1923, с. 114 (Бородин А.П..., с. 1230)
- ⁴⁸⁷Витте С.Ю... т. 1, с. 716-718.
- ⁴⁸⁸Витте С.Ю... т. 2, с. 350-351.
- ⁴⁸⁹Лакер Уолтер. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. — М., 1994, с. 64—65, 69. (Кожин В.В..., с. 186.)
- ⁴⁹⁰Буровский А.М..., с. 185.
- ⁴⁹¹Лемке М.К..., 1916, с. 440.
- ⁴⁹²Кожин В.В. О русском..., с. 193, 210-211.
- ⁴⁹³Кожин В.В. О русском..., с. 211
- ⁴⁹⁴Хоскинг Дж..., с. 432.

- ⁴⁹⁵Рыбас С, Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991, с. 178; (Рыбас С.Ю..., с. 209-210.)
- ⁴⁹⁶Кожинов В.В. О русском..., с. 259
- ⁴⁹⁷Буровский А.М..., с. 195.
- ⁴⁹⁸Буровский А.М..., с. 196.
- ⁴⁹⁹Akiner Shirin. Islam? The State? And Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective// Religion, State? And Society. — 1996. — № 2 (24) p. 91-94. (Хоскинг Дж..., с. 411.)
- ⁵⁰⁰Шубарт В. Европа..., с. 38
- ⁵⁰¹Достоевский Ф.М..., т.3, с. 480.
- ⁵⁰²Буровский А.М..., с. 189.
- ⁵⁰³Академик Н.И. Конрад — А. Тойнби, март 1967 г. (Конрад Н.И. Запад Восток. — Л.: Наука, 1972. (Буровский А.М..., с. 192.))
- ⁵⁰⁴Шубарт В..., с. 165.
- ⁵⁰⁵Буровский А.М..., с. 222.
- ⁵⁰⁶Шульгин В.В. Дни..., с. 112.
- ⁵⁰⁷Разослан министром народного просвещения И.Д. Деляновым. Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. Т. III. С432-433. (Хрестоматия..., с. 308-309.)
- ⁵⁰⁸Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905-1907 гг. по материалам центральных губерний. — М.: Институт Российской истории, 1994. т. 1. с. 132-138. (Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн., — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. — 492 с, т. 1. с. 29.)
- ⁵⁰⁹Витте С.Ю..., т. 1, с. 722-731.
- ⁵¹⁰К.П. Победоносцев — С.Д. Шереметьеву, 21. 09. 1906. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5075, л. 176 (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵¹¹Открытое письмо к П.А.Столыпину о правительственном сообщении и программе С. Шарапова. Бесплатное приложение к № 36 «Русского дела», 1906, с. 2, 3 (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵¹²Weislo EW. Soslovie or Class? Bureaucratic Reformers and Provincial Gentry in Conflict, 1906-1908 // The Russian Review. 1988. № 1. P. 1-24. (Грациози А..., с. 10.)
- ⁵¹³Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма // ПСС М. 1959. Т. 5. С. 33, 35. (Хрестоматия..., с.299-300.)
- ⁵¹⁴Витте С.Ю..., т. 1, с.688.
- ⁵¹⁵Витте С.Ю..., т. 1, с. 689.
- ⁵¹⁶«Записка гр. Палена» // РГИА, ф. 1284, оп. 185, д. 5а, ч. III, л. 151-156 об. (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵¹⁷Открытое письмо к П.А. Столыпину о правительственном сообщении и программе С. Шарапова. Бесплатное приложение к № 36 «Русского дела», 1906, с. 3 (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵¹⁸С.Д. Шереметьев — Ф.Д. Самарину, 19 мая 1907 г. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3001, л. 290 «а» — 290 «а2 об., 439 (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵¹⁹Две записки неизвестных лиц о недочетах деятельности правительства в разных областях государственного управления и о положении Церкви. 1911 г. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3809, л. 3 (Бородин А.П..., с. 132)
- ⁵⁶²
- ⁵²⁰Кончаловский Д.П. Пути России. Размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Париж: Умса-Press, 1969. (Буровский А.М..., с. 230.)
- ⁵²¹Витте С.Ю..., т. 1, с. 541.
- ⁵²²Игнатьев..., с. 446.
- ⁵²³РГВИА Ф. 2000. ГУ ГШ. Опись 1. Д. 202, Л. 1. (Шацилло К.Ф..., с. 117.) ⁵²⁴ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, ед. хр. 37, л. 19 об. - 20 (Айрапетов О..., с. 56)
- ⁵²⁵Кара-Мурза С..., с. 98.
- ⁵²⁶Кара-Мурза С..., с. 246-247.
- ⁵²⁷Gilbert M. The First World War. N. Y., 1994, p. 194 (Уткин А.И.. с. 150)
- ⁵²⁸Шамбаров В.Е..., с. 434.
- ⁵²⁹Уткин А.И.. с. 94.
- ⁵³⁰Уткин А.И.. с. 323.
- ⁵³¹Шамбаров В.Е..., с. 434-435.
- ⁵³²Уткин А.И.. с. 427-428.
- ⁵³³Шамбаров В.Е..., с. 72-73.
- ⁵³⁴Шамбаров В.Е..., с. 77.
- ⁵³⁵Уткин А.И.. с. 68-69.
- ⁵³⁶Шамбаров В.Е..., с. 325.
- ⁵³⁷Уткин А.И.. с. 93.
- ⁵³⁸Meyer K. Theodor Schiemann als Publicist. Frankfurt, 1956, S. 73; (Уткин А.И.. с. 170.)
- ⁵³⁹Деникин А.И. (I)..., с. 334.
- ⁵⁴⁰Деникин А.И. (I)..., с. 334.

- ⁵⁴¹ Шамбаров В.Е..., с. 542.
- ⁵⁴² Сафаров Г. Колониальная революция. — М.: Госиздат, 1921 (Буровский А.М..., с. 214.)
- ⁵⁴³ Деникин А.И. (I)..., с. 335-337.
- ⁵⁴⁴ Кара-Мурза С..., с. 119.
- ⁵⁴⁵ Волков С.В..., с. 35.
- ⁵⁴⁶ Деникин А.И. (I)..., с. 340.
- ⁵⁴⁷ Деникин А.И. (I)..., с. 341.
- ⁵⁴⁸ ЧКК..., с. 78.
- ⁵⁴⁹ Деникин А.И... т.2, с. 132-135.
- ⁵⁵⁰ Кара-Мурза С..., с. 119.
- ⁵⁵¹ Деникин А.И. (II)..., с. 208.
- ⁵⁵² Деникин А.И. (II)..., с. 220.
- ⁵⁵³ Буровский А.М..., с. 262.
- ⁵⁵⁴ Вопросы истории. 1990, № 5, с. 146 — 147, (Кожин В.В..., с. 156.)
- ⁵⁵⁵ Hoffman. Aufzeichnungen, S. 186 (Februar 17, 1918) (Уткин А.И.. с. 490)
- ⁵⁵⁶ Деникин А.И. (I)..., с. 340.
- ⁵⁵⁷ Fischer F..., p. 444 (Уткин А.И.. с. 358)
- ⁵⁵⁸ Fischer F..., p. 457 (Уткин А.И.. с. 358)
- ⁵⁵⁹ Fischer F..., p. 514 (Уткин А.И.. с. 503)
- ⁵⁶⁰ Уткин А.И.. с. 491.
- ⁵⁶¹ Уткин А.И.. с. 491.
- ⁵⁶² Буровский А.М..., с. 223.
- ⁵⁶³ Людендорф Э..., с. 557
- ⁵⁶⁴ Уткин А. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 624 с, с. 399.
- ⁵⁶⁵ Деникин А.И. (II)..., с. 220.
- ⁵⁶⁶ Fischer F..., p. 556 (Уткин А.И.. с. 553)
- ⁵⁶⁷ Fischer F..., p. 496 (Уткин А.И.. с. 489-490)
- ⁵⁶⁸ Уткин А.И.. с. 491.
- ⁵⁶⁹ Уткин А.И.. с. 443.
- ⁵⁷⁰ Wheeler — Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918, Lnd., 1938, p. 326 (Уткин А.И.. с. 499)
- ⁵⁷¹ Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914-1918. Ленинград, 1929, с. 231.
- ⁵⁷² Fischer F..., p. 544 (Уткин А.И.. с. 551-552)
- ⁵⁷³ Кремлев С..., с. 174.
- ⁵⁷⁴ Черчилль У..., с. 317-318.
- ⁵⁷⁵ Черчилль У..., с. 263-264.
- ⁵⁷⁶ Трухановский В.Г..., с.171.
- ⁵⁷⁷ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 256-257.)
- ⁵⁷⁸ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 21.
- ⁵⁷⁹ Егоров А.И., с. 42.
- ⁵⁸⁰ Отчеты о заседаниях английского парламента 08 и 17. 11. 1919. (Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 416-417).
- ⁵⁸¹ Воейков В.Н..., с. 326.
- ⁵⁸² Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.. с. 409
- ⁵⁸³ Запись полковника Хауза в дневнике от 19. 11. 1918. (Уткин А.И.. с. 585)
- ⁵⁸⁴ E.L. Keennan. "On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors». "The Legacy of History in Russia and New States of Eurasia", London, 1994.
- ⁵⁸⁵ Томашевский С. Народн. Руки в Галицкой Руси 1648 р. Записки научного товарищества имени Шевченко, т. 23-24, с. 16 (Покровский М..., т.2, с. 43.)
- ⁵⁸⁶ Грушевский М. Материяли до історії козацких рухів 1590-х.; Рудницький. Українські козаки в 1625. (Грушевский М. Источники украинско-русской истории, pp. 30-32 (Покровский М..., т.2, с. 26.))
- ⁵⁸⁷ Покровский М..., т.2, с. 41.
- ⁵⁸⁸ Покровский М..., т.2, с. 38.
- ⁵⁸⁹ Покровский М..., т.2, с. 46.
- ⁵⁹⁰ Покровский М..., т.2, с. 44.
- ⁵⁹¹ Покровский М..., т.2, с. 45.
- ⁵⁹² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. — М.: 1954. № 166. с, 300. (Петрухинцев Н., Смирнов А...)
- ⁵⁹³ Величко С. Сказание о войне казацкой с поляками через Зиновия Богдана Хмельницкого. Т.2. Киев. 1864. с. 355-356. (Петрухинцев Н., Смирнов А...)

- ⁵⁹⁴ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. — М.: 1954. № 166. с. 460-461. (Петрухинцев Н., Смирнов А...)
- ⁵⁹⁵ Петрухинцев Н., Смирнов А...
- ⁵⁹⁶ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. — М.: 1954. № 166. с. 534. (Петрухинцев Н., Смирнов А...)
- ⁵⁹⁷ Сас П. Иафетовы правнуки. (Петрухинцев Н., Смирнов А...)
- ⁵⁹⁸ Петрухинцев Н., Смирнов А..., с. 18. ⁵⁹⁸ Покровский М..., т.2, с. 58.
- ⁶⁰⁰ Петрухинцев Н., Смирнов А...
- ⁶⁰¹ О. Рафальский — руководитель Управления по вопросам внутренней политики Администрации Президента Украины. Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории. — М.: журнал «Родина». № 1. 2004.
- ⁶⁰² Покровский М..., т.2, с. 57.
- ⁶⁰³ Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Кн. VI. — М. 1990. с. 177-178.
- ⁶⁰⁴ Беспалов Ю.Г..., с. 124.
- ⁶⁰⁵ Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории. — М.: журнал «Родина». №1. 2004.
- ⁶⁰⁶ Альдрованди Моресконтти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника 1914-1919 гг. М., 1944, с. 235-241 (Шацилло В.К..., с. 427)
- ⁶⁰⁷ Нагаевский И. История современного Украинского государства. Мюнхен: Сучастность, 1996.. с. 256. (Буровский А.М..., с. 216.)
- ⁴⁰⁸ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. — Франкфурт: Посев. 1988, с. 78. (Буровский А.М..., с. 216.)
- ⁶⁰⁹ Хоскинг Дж..., с. 424.
- ⁶¹⁰ Хоскинг Дж..., с. 424.
- ⁶¹¹ Тоунбее А. Nationality and the War. Lnd., 1919, p. 304, 318-319 (Уткин А.И.. с. 171)
- ⁶¹² Ричард Крейн Вильсону, с вложением, 07. 05. 1918, PWW, 47: 551 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. с. 261)
- ⁶¹³ Шамбаров В.Е..., с. 436-437.
- ⁶¹⁴ См.: Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine, 1918. Jahrbucher fur Geschichte Osteuropa, 1956, Beitur 2, S. 20-29; (Уткин А.И.. с. 453.)
- ⁶¹⁵ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y, 1967, p. 537 (Уткин А.И.. с. 517-518)
- ⁶¹⁶ Graf van Hutten — Czapaki B. Sechzig Jahre Politik und Gesellschaft, S. 11, S. 145.
- ⁶¹⁷ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 142.
- ⁶¹⁸ Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine. Munchen, 1936, S. 132.
- ⁶¹⁹ Деникин А.М. (II)..., с. 199.
- ⁶²⁰ Деникин А.И. (II)..., с. 201, 202.
- ⁶²¹ Деникин А.И. (II)..., с. 201, 202.
- ⁶²² Винниченко В. Воспоминания. — Вена. 1920. (Кара-Мурза С..., с. 120.)
- ⁶²³ Мельтюхов М.И..., с. 16-17.
- ⁶²⁴ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 195-197 (Волков С.В..., с. 73-74)
- ⁶²⁵ Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста // APP. VI, с. 340 (Волков С.В..., с. 74)
- ⁶²⁶ Гуль Р. Киевская эпопея // APP. И, с. 67 (Волков С.В..., с. 73)
- ⁶²⁷ Бушков А..., с. 192.
- ⁶²⁸ См. по теме Fedyshyn O.S. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution. New Brunswick, 1971.
- ⁶²⁹ Воейков В.Н..., с. 298-299.
- ⁶³⁰ Махно Н. Украинская революция. — Париж: Изд-во Комитета Н.Махно, 1937, с. 157. (Буровский А.М..., с. 260)
- ⁶³¹ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 31.)
- ⁶³² Germany and Revolution in Russia 1915-1918. Edited by Z. A.B. Zeman New York, 1958. (Шубарт В..., с. 154 комм.)
- ⁶³³ Мельтюхов М.И..., с. 21.
- ⁶³⁴ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y, 1984, p. 155 (Уткин А.И.. с. 475)
- ⁶³⁵ Воейков В.Н..., с. 298-299.
- ⁶³⁶ Цит. по: Воейков В.Н., с. 299-300.
- ⁶³⁷ У. Черчилль, телеграмма от 10. 08. 1919.
- ⁶³⁸ Деникин А.И. (III)..., с. 284-285.
- ⁶³⁹ Доклад генерала Геруа от 03. 07. 1919, № 526. (Деникин А.И. (III)..., с. 285)
- ⁶⁴⁰ Шульгин В.В. Дни..., с. 287.
- ⁶⁴¹ Солоневич И. Народная монархия (Рыбас СЮ..., с. 203)

- ⁶⁴² Бисмарк О...
- ⁶⁴³ Успенский В.Д., т.1, с. 132.
- ⁶⁴⁴ Пуанкаре Р., с. 86.
- ⁶⁴⁵ 05. 11. 1916.
- ⁶⁴⁶ Меморандум «О целях войны» прусского министра внутренних дел фон Лебеля от 29. 10. 1914. (Заговор против мира. Факты и документы, М, 1934, с. 151-155; Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. М, 1940, с. 346-349; Шацилло В.К., с. 259)
- ⁶⁴⁷ Шамбаров В.Е., с. 591.
- ⁶⁴⁸ Деникин А.И. (I)..., с. 343.
- ⁶⁴⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 137-139.
- ⁶⁵⁰ Деникин А.И. (I)..., с. 343.
- ⁶⁵¹ ДМИСПО. Т.1.С387-388.; ДВП. Т.1, с.371-372. (Мельтюхов М.И., с. 17.)
- ⁶⁵² ДВП. Т.1.С460. Мельтюхов М.И., с. 18.
- ⁶⁵³ ДВП.Т.1.С 579-581; 607-609; 625-626. ДМИСПО. Т.2, с. 31-32, 36-37, 37-38,40-43, 48-49. (Мельтюхов М.И., с. 19.)
- ⁶⁵⁴ ДВП. Т. 1. С. 636, Т. 2. С. 17-18; ДМИСПО. Т. 2, с. 52, 56-65,68-69, 97, 164-166. (Мельтюхов М.И., с. 19.)
- ⁶⁵⁵ Хоскинг Дж., с. 426.
- ⁶⁵⁶ Федоров Б.Г... с. 527.
- ⁶⁵⁷ Федоров Б.Г... с. 527-528.
- ⁶⁵⁸ Федоров Б.Г... с. 528-529.
- ⁶⁵⁹ Федоров Б.Г...с. 530.
- ⁵⁶⁵
- ⁶⁶⁰ Федоров Б.Г... с. 534.
- ⁶⁶¹ Шамбаров В.Е..., с. 455-456.
- ⁶⁶² Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 510 (Уткин А.И.. с. 501)
- ⁶⁶³ Марушевский В.В..., с. 293
- ⁶⁶⁴ Schybergson F. Politische Geschichte Finlands, 1909-1914. Gotha — Stuttgart, 1925, S. 456 (Уткин А.И.. с. 501)
- ⁶⁶⁵ Договор от 07. 03. 1918.
- ⁶⁶⁶ Разгром белофинских интервентов. Док № 42, — с. 61. (Уткин Н.И..., с. 139.)
- ⁶⁶⁷ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 146, 147.)
- ⁶⁶⁸ Уткин Н.И..., с. 143.
- ⁶⁶⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 175.
- ⁶⁷⁰ Игнатьев В.И..., с. 156
- ⁶⁷¹ Марушевский В.В..., с. 293
- ⁶⁷² FR of the USA, Russia, 1919, p. 735 (Штейн Б.Е., Указ. соч.)
- ⁶⁷³ Холодковский В.М. Финляндия Советская Россия 1918-1920.М., 1975.С. 76 (Белый Север, с. 372, прим.); Белый Север, т. 2, с. 6, предисловие
- ⁶⁷⁴ Уткин Н.И...,с. 141.
- ⁶⁷⁵ Деникин А.И.(II)..., с. 166.
- ⁶⁷⁶ Деникин А.И. (II)..., с. 314-315.
- ⁶⁷⁷ Деникин А.И. (III)..., с. 193.
- ⁶⁷⁸ Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В..., с. 42)
- ⁶⁷⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 16-17.
- ⁶⁸⁰ Краснов Л.Н. Всевеликое войско Донское (кн.: Алексеев С.А. Начало гражданской войны, 1926, с. 148); (Егоров А.И., с. 63-64.)
- ⁶⁸¹ Краснов — Вильгельму II, 28. 06. 1918. Краснов Л.Н. Всевеликое войско Донское (кн.: Алексеев С.А. Начало гражданской войны, 1926, с. 143); (Егоров А.И..., с. 64—65.)
- ⁶⁸² Кин. Д, Деникинщина, с. 230; (Егоров А.И., с. 64.)
- ⁶⁸³ Егоров А.И., с. 65.
- ⁶⁸⁴ Егоров А.И.,с. 65-66.
- ⁶⁸⁵ Егоров А.И., с. 66.
- ⁶⁸⁶ Егоров А.И., с. 68.
- ⁶⁸⁷ Деникин А.И. (III)..., с. 186.
- ⁶⁸⁸ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 440-441. См. так же Деникин А.И. (III)..., с. 192.
- ⁶⁸⁹ Егоров А.И., с. 69-70.
- ⁶⁹⁰ Кин Д., Деникинщина, с. 134-137, 230; (Егоров А.И., с. 67.)
- ⁶⁹¹ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 449.
- ⁶⁹² Егоров А.И..., с. 58-59.
- ⁶⁹³ Карпов Н.Д..., с. 33.
- ⁶⁹⁴ Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.
- ⁶⁹⁵ Деникин А.И. (III)..., с. 104.

- ⁶⁹⁶ Сход Черноморских крестьян 12. 04. 1919. Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.
- ⁶⁹⁷ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В. Дни..., с. 463)
- ⁶⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 101, л. 11, 20-23. (Белый Север, т. 2, с. 6, пред.)
- ⁶⁹⁹ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 306.)
- ⁷⁰⁰ Черчилль У. Мировой кризис. — М. — Л., 1932, с. 170.
- ⁷⁰¹ Штейн Б.Е., Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920, М, 1949, с. 243
- ⁷⁰² FR of the USA, 1919, VII, p. 732-733, в кн. Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920, М, 1949.
- ⁷⁰³ Черчилль У, Мировой кризис, М.-Л., 1932, с. 158
- ⁷⁰⁴ Штейн Б.Е., Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920, М, 1949, с. 243
- ⁷⁰⁵ Деникин А.И. (III)..., с. 238-239.
- ⁷⁰⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 267.
- ⁷⁰⁷ Газета «Грузия» от 07. 03, приказ от 15/28. 02 генерала Пржевальского.
- ⁵⁶⁶
- ⁷⁰⁸ Лукомский — Деникину, 10. 01. 1920, Новороссийск (Деникин А.И. (III)..., с. 420)
- ⁷⁰⁹ Лукомский — Деникину, 31. 12. 1919, Новороссийск (Деникин А.И. (III)..., с. 365-366)
- ⁷¹⁰ Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.
- ⁷¹¹ Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.
- ⁷¹² Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.
- ⁷¹³ Белый Север..., с. 368, прим.
- ⁷¹⁴ Марушевский В.В..., с. 188-189
- ⁷¹⁵ Белый Север, с. 370, прим.
- ⁷¹⁶ Марушевский В.В..., с. 188
- ⁷¹⁷ Черчилль У..., с. 330.
- ⁷¹⁸ FR of the USA, Russia, 1919, p. 126 (Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920, М, 1949, с. 346)
- ⁷¹⁹ Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, № 9. С. 65-69 (Шацилло В.К. ..., с. 458)
- ⁷²⁰ Деникин А.И. (II).
- ⁷²¹ Кафенгауз Л.Б..., с. 651.
- ⁷²² Черчилль У..., с. 314-315.
- ⁷²³ Сорокин П.А..., с. 163
- ⁷²⁴ Сорокин П.А..., с. 167
- ⁷²⁵ Слещов-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы (пред. А.Г. Кавтарадзе). М., 1990, с. 146, 147.
- ⁷²⁶ ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, д. 261, л. 8 (Думова Н.Г., Трухановский В.Г..., с. 185)
- ⁷²⁷ Кафенгауз Л.Б..., с. 651.
- ⁷²⁸ Успенский В.Д..., т. 5, с. 89.
- ⁷²⁹ Александр М..., с. 307-308.
- ⁷³⁰ Александр М..., с. 406.
- ⁷³¹ Ленин В. Государство и Революция...
- ⁷³² Черчилль У..., с. 335.
- ⁷³³ Черчилль У..., с. 335-337, 388-389.
- ⁷³⁴ Черчилль У..., с. 337-340.
- ⁷³⁵ Черчилль У..., с. 343.
- ⁷³⁶ Черчилль У..., с. 343-344.
- ⁷³⁷ Хауз..., т. 1, с. 466-469.
- ⁷³⁸ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Архангельск, 04. 10. 1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 65))
- ⁷³⁹ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В... с. 289)
- ⁷⁴⁰ Литвин А..., с. 156
- ⁷⁴¹ Из истории ВЧК, 1917-1921. — М., 1958. С. 95.
- ⁷⁴² Zeman Z. (ed.) Germany and the revolution in Russia, 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1958, p. 130-131 (Литвин А..., с. 267)
- ⁷⁴³ Ленин В.И. Собрание партийных работников Москвы 27. 11. 1918. (ПСС, изд. 5-е, т. 37, М., 1974, с. 214-217)
- ⁷⁴⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1918. № 44 [536.
- ⁷⁴⁵ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 268. (Хрестоматия..., с. 438.)
- ⁷⁴⁶ В.И. Ленин. Письмо от 26.06.1918. ПСС, т. 50, с. 106. (ЧКК..., с. 93.)
- ⁷⁴⁷ Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. — М. 1996. С. 199-200. (Хрестоматия...,

с. 430-431. См. так же «Известия» 23.08.1918.)

⁷⁴⁸ Декреты Советской власти. Т. 3, с. 291-292. (Хрестоматия..., с. 431.)

⁷⁴⁹ «Северная Коммуна», №109, 19.09.1918, с.2; цит. по:G.Leggett,op.cit., p. 114; уточнено переводчиком по: А. Авторханов, Ленин в судьбах России, «Новый мир», № 1, 1991. (ЧКК..., с. 97.)

⁷⁵⁰ Старцев А. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, с. 218.

⁷⁵¹ Декреты советской власти. — М., 1964, т.3, с. 231-232; Лацис М. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, с. 27.

⁵⁶⁷

⁷⁵² Введено двумя декретами от 30.01,17.02.1919. Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. Вопросы истории. 1990. № 7, с. 157-159, 161.

⁷⁵³ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925

⁷⁵⁴ Ленин и ВЧК: сборник....., с.122. (ЧКК..., с. 100.)

⁷⁵⁵ «Еженедельник ВЧК», 6 номеров, вышедших с 22.09 по 27.10.1918. (ЧКК..., с. 98, 99.)

⁷⁵⁶ ЧКК..., с. 99.

⁷⁵⁷ М. Лацис, цит.соч., с.25. (ЧКК..., с. 99.)

⁷⁵⁸ Письмо Ю.Мартова А.Штейну от 25.10.1918 приводится в кн.: V. Brovkin, Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994, p.283. (ЧКК..., с. 99.)

⁷⁵⁹ Игнатьев..., с. 337.

⁷⁶⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 185—186.

⁷⁶¹ В.Д.Бонч-Бруевич, На боевых постах февральской и октябрьской революции. — М, 1930, с.191.(ЧКК..., с. 82.)

⁷⁶² Ленин В.И. ПСС, т. 39, с. 113-114.

⁷⁶³ Робиен Л. 22.07.1918... (Голдин В.И..., с. 183.)

⁷⁶⁴ Волков С.В..., с. 53.

⁷⁶⁵ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 122.)

⁷⁶⁶ Робиен Л... (Голдин В.И..., с. 207.)

⁷⁶⁷ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925)

⁷⁶⁸ «Красный меч»,№ 1,18 августа 1919г.,с.1. (ЧКК..., с. 119.)

⁷⁶⁹ Рассел Б. Политика и теория большевизма. М., 1991, с. 100.

⁷⁷⁰ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁷⁷¹ РЦХИДНИ, 5/1/2159/35-38. (ЧКК..., с. 119-120.)

⁷⁷² Деникин А.И. (I)..., с. 213.

⁷⁷³ Деникин А.И. (I)..., с. 141, 142.

⁷⁷⁴ Дневник А.И. Шингарева, запись от 22.12.1917. Москва, 1918 (Воейков В.Н..., с. 266)

⁷⁷⁵ Воейков В.Н..., с. 203-204.

⁷⁷⁶ Ленин ПСС 4-е изд. Т. 9, с. 214-215.

⁷⁷⁷ Волков С.В..., с. 58.

⁷⁷⁸ Кара-Мурза С...,с. 226.

⁷⁷⁹ С. Ан-ский. После переворота 25-го октября 1917 г. «Архив Русск. Революции», т. VIII, Берлин,] 923 г.

⁷⁸⁰ МилюковП.Н...,с. 248.

⁷⁸¹ Витте С.Ю..., т. 2, с. 493.

⁷⁸² Литвин А..., с. 144

⁷⁸³ ГАРФ, ф. 749, оп. 1, д. 39, л. 6 (Литвин А..., с. 147)

⁷⁸⁴ РГАСПИ, ф. 71, оп. 3, д. 406, л. 365, 377 (Литвин А..., с. 147)

⁷⁸⁵ Гражданская война в Оренбуржье (1917-1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958, с. 153-154, 164 (Литвин А..., с. 175)

⁷⁸⁶ Известия ВЦИК, 1918,4 октября (Литвин А..., с. 144)

⁷⁸⁷ Кузнецов А. Казань под властью чехоучреждений. // Пролетарская революция. 1922, № 8, с. 58 (Литвин А..., с. 144-145)

⁷⁸⁸ Николаев С. Возникновение и организация Комуча. //Воля России. Прага, 1928. № 8-9, с. 234 (Литвин А..., с. 150)

⁷⁸⁹ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972, с. 226-228 (Литвин А..., с. 159)

⁷⁹⁰ Вольнов И. Огонь и воды. Куйбышев, 1990. С. 188-189 (Литвин А..., с. 205-207.)

⁷⁹¹ Резниченко А.М. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.) Новосибирск, 1972, с. 84-85 (Литвин А..., с. 153)

⁷⁹² Революция защищается. Свердловск, 1989. с. 139-140, 148; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. и материалов, Челябинск, 1962, с. 164 (Литвин А..., с. 152-153)

⁷⁹³ Лавров П.Л. «Парижская Коммуна» 18.03.1871. —Петроград. «Колос», 1919 г. с. 225.

- ⁷⁹⁴ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925
- ⁷⁹⁵ ЧКК..., с. 122.
- ⁵⁶⁸
- ⁷⁹⁶ Волков С.В..., с. 96.
- ⁷⁹⁷ ЧКК..., с. 119.
- ⁷⁹⁸ Эч В. Исчезнувший город (трагедия Николаевска-на-Амуре). Владивосток, 1920, с. 22, 42; (Волков С.В..., с. 273.)
- ⁷⁹⁹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // АРХИВ XIV, с. 88; (Волков С.В..., с. 383.)
- ⁸⁰⁰ ЧКК..., с. 107.
- ⁸⁰¹ Джон Рид 17.09.1917. Иностранная литература 1970. № П., с. 220. по Позднеева А.М. Россия и Восток. — М.. Арабески истории. — 558 с.370.
- ⁸⁰² Волков С.В..., с. 386.
- ⁸⁰³ Данилов И... с. 296
- ⁸⁰⁴ Волков С.В..., с. 387.
- ⁸⁰⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России, М., 1990, с. 21; (Волков С.В..., с. 95.)
- ⁸⁰⁶ Манифест за подписями А.А. Брусилова и М.И. Калинина, на основании телеграммы Ленина Реввоенсовету Республики.
- ⁸⁰⁷ Волков С.В..., с. 91-92.
- ⁸⁰⁸ Волков С.В..., с. 384.
- ⁸⁰⁹ В. Успенский утверждает, что секретный приказ на уничтожение офицеров отдал Троцкий, а исполнял Пятаков, Землячка и Б. Кун. Успенский В.Д..., т.1, с. 183.
- ⁸¹⁰ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Лондон, 1992, с. 328-330; Пагануцци П. Красный террор в Крыму после Врангеля // КП. № 28, с. 28-43; (Волков С.В..., с. 384-385.)
- ⁸¹¹ Соколов Б.Ф... с. 416-417.
- ⁸¹² Соколов Б.Ф... с. 418-419.
- ⁸¹³ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 389-390).
- ⁸¹⁴ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 376).
- ⁸¹⁵ ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 2, л. 142, 145, 242 (Литвин А..., с. 149)
- ⁸¹⁶ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972, с. 224-225 (Литвин А..., с. 151)
- ⁸¹⁷ Вестник Комуча, 19.09.1918. (Литвин А..., с. 146-147)
- ⁸¹⁸ ГАРФ, ф. 1405, оп. 1, д. 16, л. 58 (Литвин А..., с. 151)
- ⁸¹⁹ Красная быль. Самара, 1923, №2, с. 130; №3, с. 107-111; Поезд смерти. Куйбышев, 1957 (Литвин А..., с. 149)
- ⁸²⁰ Литвин А..., с. 152
- ⁸²¹ Бушкова А..., с. 215-216.
- ⁸²² Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.
- ⁸²³ Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915-1920 гг.). Берлин, 1923, с. 125, 126; Виллиам Г. Белые. М., 1923, с. 67, 68; Арбатова З.Ю. Екатеринослав, 1917-1922 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923, т. 12. с. 94 (Литвин А..., с. 179-180)
- ⁸²⁴ Денисов С.В. Начало гражданской войны на Дону. М.-Л., 1926, с. 98-99 (Литвин А..., с. 180)
- ⁸²⁵ Из воспоминаний генерала А. Лукомского // Архив русской революции. Берлин, 1922, т. 6, с. 109 (Литвин А..., с. 217)
- ⁸²⁶ Неизвестная Россия. XX век. М., 1993, Кн. 2, с. 239 (Литвин А..., с. 184)
- ⁸²⁷ Деникин А.И. (III).
- ⁸²⁸ Деникин А.И. (III)..., с. 325.
- ⁸²⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 70.
- ⁸³⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 133.
- ⁸³¹ Гражданская война на Южном Урале, Сб. док. и материалов. Челябинск, 1962, с. 171, 172; ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 2 «д», л. 17-18; оп. 10, д. 20, л. 198, 201 (Литвин А..., с. 172)
- ⁸³² Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920). Документы и материалы. М., 1962, с. 357 (Литвин А..., с. 173)
- ⁸³³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930, ч. 1, с. 76-82; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957, с. 38 (Литвин А..., с. 172-173)
- ⁸³⁴ Литвин А..., с. 169-170
- ⁸³⁵ Неизвестная Россия. М., 1992, с. 238; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995, с. 5 (Литвин А..., с. 178-179)
- ⁵⁶⁹
- ⁸³⁶ Оболенский В. Крым при Врангеле. Деникин-Юденич-Врангель, М.-Л., 1927, с. 383, 391, 393-394

- (Литвин А..., с. 188)
- ⁸³⁷ Раковский Г. Конец белых. Деникин-Юденич-Врангель, М.-Л., 1927, с. 434, 436 (Литвин А..., с. 188-189)
- ⁸³⁸ Центр хранения документов новейшей истории республики Крым, ф. 150, оп. 1, д. 49, л. 197-232; д. 53, л. 148 (Литвин А..., с. 190-191)
- ⁸³⁹ Военно-исторический журнал. 1990, № 7, с. 73-74 (Литвин А..., с. 187)
- ⁸⁴⁰ Литвин А..., с. 154
- ⁸⁴¹ Игнатьев В.И..., с. 152
- ⁸⁴² Игнатьев В.И..., с. 153; См. так же Рассказов П.П. Записки заключенного. Архангельск, 1952 (Литвин А..., с. 154).
- ⁸⁴³ Соколов Б.Ф..., с. 420-421.
- ⁸⁴⁴ Горн В. Гражданская война в северо-западной России. Юденич под Петроградом. Л., 1927, с. 12, 126, 138, 252 (Литвин А..., с. 192)
- ⁸⁴⁵ Кин Д. Деникинщина. Л., 1927, с. 80.; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982, с. 208, 215.; РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2563, л. 3-4, 6-24. (Литвин А..., с. 171-172, 179)
- ⁸⁴⁶ Исторический архив. 1993, № 3, с. 134 (Литвин А..., с. 142)
- ⁸⁴⁷ Деникин А.И. (I).
- ⁸⁴⁸ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 527)
- ⁸⁴⁹ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 302)
- ⁸⁵⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. III, Берлин, с. 262-263.
- ⁸⁵¹ Tenot E. La province en decembre 1851. p., 1868. p. 69-70. (Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. — М.: Эксмо, 2003. - 288 с, с. 194.)
- ⁸⁵² Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. С. 128, 260 (репринт 1935г.) (Кожин В.В. О русском..., с.75)
- ⁸⁵³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 430, 449 (Кожин В.В. О русском..., с. 65-66)
- ⁸⁵⁴ Шубарт В. Европа..., с. 140
- ⁸⁵⁵ ссылка в книге Потто В.А. Кавказская война.
- ⁸⁵⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., Росспэн, 1997, 375 с. — с. 5 (Донде А.С. Из горнила революции (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 503))
- ⁸⁵⁷ Покровский М..., т. 3, с. 327.
- ⁸⁵⁸ Столыпин — супруге, 1.11.1905. (Федоров Б.Г..., с. 186).
- ⁸⁵⁹ Столыпин — супруге, 30.10.1905. (Рыбас С.Ю..., с. 55-56).
- ⁸⁶⁰ Столыпин — супруге, 31.10.1905. (Рыбас С.Ю..., с. 56).
- ⁸⁶¹ Столыпин — супруге, 1905 г. (Рыбас С.Ю..., с. 57).
- ⁸⁶² Столыпин — супруге, 30.06.1905. (Федоров Б.Г..., с. 193).
- ⁸⁶³ Федоров Б.Г..., с. 197.
- ⁸⁶⁴ Федоров Б.Г..., с. 264, 265.
- ⁸⁶⁵ Николай II — Столыпину, 14.08.1905. (Федоров Б.Г..., с. 589).
- ⁸⁶⁶ Рыбас С.Ю..., с. 61.
- ⁸⁶⁷ Александр М..., с. 215.
- ⁸⁶⁸ Федоров Б.Г..., с. 143.
- ⁸⁶⁹ Речь о временных законах, изданных в период между Первой и Второй Думами, произнесенная в Государственной думе 13.03.1907. (Рыбас С.Ю..., с. 281).
- ⁸⁷⁰ Федоров Б.Г..., с. 588.
- ⁸⁷¹ Витте С.Ю..., т. 2, с. 502, 503.
- ⁸⁷² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра, т. 1, М., 1999, с. 158 (Айрапетов О..., с. 57).
- ⁸⁷³ Милюков П.Н..., с. 288.
- ⁸⁷⁴ Федоров Б.Г..., с. 218.
- ⁸⁷⁵ Витте С.Ю..., т. 2, с. 231.
- ⁸⁷⁶ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Париж, 1933.
- ⁸⁷⁷ Милюков П.Н..., с. 308.
- ⁸⁷⁸ Витте С.Ю..., т. 1, с. 313.
- ⁸⁷⁹ Кара-Мурза С..., с. 121.
- ⁵⁷⁰
- ⁸⁸⁰ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ⁸⁸¹ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 80)
- ⁸⁸² Деникин А.И. (I)..., с. 439.
- ⁸⁸³ Деникин А.И. (II)..., с. 175-176.
- ⁸⁸⁴ Витте С.Ю..., т. 1, с. 689, 690.
- ⁸⁸⁵ Витте С.Ю..., т. 1.

- ⁸⁸⁶Витте С.Ю...,т. 1,с. 745.
- ⁸⁸⁷Деникин А.И. (I)..., с. 146 — 147.
- ⁸⁸⁸О. Figes, *The Russian Revolution*, London, 1995,p.379. (ЧКК..., с 85.)
- ⁸⁸⁹Грациози — см.: Dioneo (Sklovskij). *The Russian Peasant — What is He?* // *The New Russia*. 1920. № 22 (1 July). P. 264-269. (Грациози А..., с 11.)
- ⁸⁹⁰Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва-Ленинград, 1925
- ⁸⁹¹Кнох А. *With the Russian Army 1914-1917*. V.2, London, 1920, p. 114. (Уткин А.И..., с. 261.)
- ⁸⁹²Уткин А.И..., с. 268.
- ⁸⁹³Мартынов А. Великая историческая проверка
- ⁸⁹⁴Письмо к И.И. Орлову 22.02.1902.
- ⁸⁹⁵Деникин А.И. (II)..., с. 245.
- ⁸⁹⁶Игнатьев..., с. 453.
- ⁸⁹⁷Тютчев Ф.И., 1836 г. О чем ты воешь, ветр ночной?
- ⁸⁹⁸Шульгин В.В..., с. 195.
- ⁸⁹⁹Революционное движение в русской армии. 27. 02 - 24. 10. 1917. — М.: 1968. С. 26-27. (Волков С.В..., с. 15.)
- ⁹⁰⁰Деникин А.И. Очерки русской смуты, Париж-Берлин, 1921, Т. 1, ч. 2, с. 186 (Волков С.В..., с. 27)
- ⁹⁰¹Головин Н.Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 3, с. 44 (Волков С.В..., с. 39.
- ⁹⁰²Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт, 1984, с. 25; (Волков С.В..., с. 39.)
- ⁹⁰³Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. — Лондон 1992. С. 202 (Волков С.В..., с. 61.)
- ⁹⁰⁴Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. — Париж. 1931. С. 129-130. Мельгунов. Красный террор в России. — М., 1990. С. 46. (Волков С.В..., с. 63.)
- ⁹⁰⁵Волков С.В..., с. 63.
- ⁹⁰⁶Черчилль У...,с. 223.
- ⁹⁰⁷Будберг А.П. Дневник белогвардейца. — М., 1990, с. 172; (Волков С.В..., с. 85.)
- ⁹⁰⁸Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М., 1990, с. 94; (Волков С.В..., с. 85-86.)
- ⁹⁰⁹Корниловский ударный полк, Париж, 1936, с. 57 (Волков С.В..., с. 179)
- ⁹¹⁰Эти досье хранятся в ГРАФ, в фондах так называемого «Пражского архива», папки 1-195. Обозреваемый период отражен в папках 2,8,27. (ЧКК..., с. 85.)
- ⁹¹¹Волков С.В..., с. 53.
- ⁹¹²Архив республики Крым, ф. 1, оп.1, д. 21, л. 6 (Литвин А..., с. 137).
- ⁹¹³Волков С.В..., с. 58, 204.
- ⁹¹⁴Деникин А.И. (II)..., с. 248-249.
- ⁹¹⁵Соколов Б.Ф... с. 373
- ⁹¹⁶Бернштам Михаил. М., цит. соч., с. 41; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 180.
- ⁹¹⁷Деникин А.И. (III)..., с. 89-90.
- ⁹¹⁸Деникин А.И. (III)..., с. 89-90.
- ⁹¹⁹Воронович Н.В...
- ⁹²⁰Воронович Н.В...
- ⁹²¹Бунин И.А. Собрание сочинений. Берлин, 1935, т. X, с. 112. (Кожин В.В..., с. 158.)
- ⁹²²Пришвин М. 11 сентября 1922 г. (Кожин В.В..., с. 161.)
- ⁹²³Кожин В.В., с. 221.
- ⁹²⁴Деникин А.И. (III)..., с. 91.
- ⁹²⁵Герасименко К.В.Махно // Деникин, Юденич, Врангель. — М., 1991, с. 231, 234, 243; (Волков С.В..., с. 180.)
- ⁹²⁶Деникин А.И. (III)..., с. 229.
- ⁵⁷¹
- ⁹²⁷Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., Росспэн, 1997,375 с. — с. 238 (Ахизер А.С. Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 496))
- ⁹²⁸ЦА ФСБ РФ, д. 37751, в 4 томах (Литвин А..., с. 175)
- ⁹²⁹Солодовников Е. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Из записок русского революционера. — Прага, 1921. с. 12-13 (Литвин А..., с. 168-169)
- ⁹³⁰Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. 1918-1920. — М., 1932, с. 80, 175, 237 (Литвин А..., с. 173-174)
- ⁹³¹Даурец Н.П. Семеновские застенки (записки очевидца). — Харбин, 1921; Зайцев Ф. В вагоне смерти (воспоминания спасшегося). Дальистпарт. Владивосток, 1924. Кн. 2: Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922), Владивосток, 1955 (Литвин А..., с. 177)
- ⁹³²Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. 1918-1920. — М., 1932, с. 80, 175, 237 (Литвин А...,

с. 173-174)

⁹³³ Краснов В.М. Из воспоминаний о 1917-1920 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923, т. 8, с. 133 (Литвин А..., с. 217)

⁹³⁴ Будберг А.П. Дневник. — М., 1990, с. 310.

⁴³⁵ Соколов Б.Ф... с. 334-335.

⁹³⁶ Соколов Б.Ф... с. 377-378.

⁹³⁷ Марушевский В.В..., с. 268, 269.

⁹³⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., Росспэн, 1997, 375 с. — с. 238 (Ахиезер А.С. Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 496))

⁹³⁹ Уэллс Г. Дж. Россия во мгле. — М: Политическая литература. 1958.

⁹⁴⁰ Воронович Н.В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII. — Берлин, 1922.

⁹⁴¹ Грациози А..., с. 28.

⁹⁴² Воронович Н.В...

⁹⁴³ Приказ от 27.03.1919 генерал-лейтенанта Розанова. Гор. Красноярск. (Краснов В.Г. (II)..., с. 183—184.)

⁹⁴⁴ Егоров А.И., с. 86, примечание 2.

⁹⁴⁵ Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917-1922 гг. — М., 1992, с. 21.

⁹⁴⁶ Лагунов К. ...И сильно падает снег. — Тюмень, 1992

⁹⁴⁷ Приказ № 171 от 11 июня 1921 года. В. Данилов, Т. Шанин, цит.соч., с.179-180. (ЧКК..., с. 131.)

⁹⁴⁸ В.Данилов,Т.Шанин, цит. соч., с. 218. (ЧКК..., с. 132-133.)

⁹⁴⁹ РГВИА. 33987/3/32. (ЧКК..., с. 112.)

⁹⁵⁰ V. Brovkin, Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994, p.318. (ЧКК..., с 111.)

⁹⁵¹ Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. 1926. № 7, с. 7 (Литвин А..., с. 287)

⁹⁵² Деникин А.И. (III).

⁹⁵³ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 434.

⁹⁵⁴ Письмо из Новоузенского уезда Самарской губернии 20.07.1919.

⁹⁵⁵ Краснов П.Н. Всевеликое войско донское// Архив русской революции. — Берлин, 1992, т. 5. с. 226; Неизвестная Россия. XX век, М., 1992, т. 2, с. 236; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997, с. 225; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998 (Литвин А..., с. 140)

⁹⁵⁶ Литвин А..., с. 180

⁹⁵⁷ Известия ЦК КПСС», № 6, 1989, с. 177-178. (ЧКК..., с. 116.)

⁹⁵⁸ Генис В.Л. Рассказывание в Советской России, «Вопросы истории», № 1, 1994, с.42-55. (ЧКК..., с. 117.)

⁹⁵⁹ Грациози А..., с. 22.

⁹⁶⁰ РЦХИДНИ, 85/11/131/11. (ЧКК..., с. 118.)

⁹⁶¹ Кучин-Оранский Г. Добровольческая зубатовщина. — Киев, 1924. (Деникин А.И. (III)..., с. 97)

⁹⁶² Мельгунов С.П. Красный террор в России (Деникин А.И. (III)..., с. 98-99)

⁹⁶³ Деникин А.И. (II)-, с. 248-249.

⁵⁷²

⁹⁶⁴ Маркс К. Капитал т. 1, с. 603. 1935.

⁹⁶⁵ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁹⁶⁶ Бердяев Н.А..., с. 473-474.

⁹⁶⁷ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М.-Л.: 1925

⁹⁶⁸ Н. Бухарин и Г. Пятаков. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия.

⁹⁶⁹ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁹⁷⁰ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 389)

⁹⁷¹ «Вопросы истории», 1990, № 12, с. 127. (Кожин В.В..., с. 172.)

⁹⁷² Будберг А.П. «Дневник», запись от 2.06.1919. (Краснов В.Г. (II)..., с. 52—53.)

⁹⁷³ Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) // Минувшее. 1989, т. 7, с. 444-445 (Булдаков В.П. Ленин: парадоксы жизни и смерти (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 673)

⁹⁷⁴ Кара-Мурза С...,с. 293.

⁹⁷⁵ К а р а - М у р з а С..., с. 276.

⁹⁷⁶ Данилов И... с. 292.

⁹⁷⁷ Данилов И... с. 300.

⁹⁷⁸ Кара-Мурза С...,с. 276.

⁹⁷⁹ Шульгин В.В. «Неопубликованная публицистика» (Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина

(Шульгин В.В..., с. 69-70)

⁹⁸⁰ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁹⁸¹ Ларс Т. Ли «Хлеб и власть в России. 1914-1921». 1990. (Кара-Мурза С..., с. 254.)

⁹⁸² Кожин В.В. О русском..., с. 172.

⁹⁸³ Кожин В.В. О русском..., с. 173.

⁹⁸⁴ Кожин В.В. О русском..., с. 174.

⁹⁸⁵ Кожин В.В. О русском..., с. 174.

⁹⁸⁶ СИЭ, т. 6, М., 1965, стб. 296; Тарасов А.Н. О «безмолвствующем народе»... (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 473)

⁹⁸⁷ Mitchel J. The History of Ireland from the Treaty of Limerick to the present Time: Being a Continuation of the History Abby MacGeoghegan L. 1869. V. 2. P. 244-247; Новая и новейшая история, 1974, № I, с. 61; Тарасов А.Н. О «безмолвствующем народе»... (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 473)

⁹⁸⁸ Журнал Министерства внутренних дел, 1847, Ч. 18, С. 458 (Тарасов А.Н. О «безмолвствующем народе»... (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 473)

⁹⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 16, М., 1960, с. 503 (Тарасов А.Н. О «безмолвствующем народе»... (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 473)

⁹⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 16, М., 1960, с. 477 (Тарасов А.Н. О «безмолвствующем народе»... (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 473)

⁹⁹¹ Кожин В.В. О русском..., с. 174.

⁹⁹² Кожин В.В. О русском..., с. 174-175.

⁹⁹³ Кожин В.В. О русском..., с. 175.

⁹⁹⁴ Кожин В.В. О русском..., с. 71.

⁹⁹⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 145-146 (Кожин В.В. О русском..., с. 70)

⁹⁹⁶ Киган Д..., с. 489.

⁹⁹⁷ Киган Д..., с. 489.

⁹⁹⁸ (Прим. ред.) к книге Киган Д..., с. 493.

⁹⁹⁹ Китай Д..., с. 493.

¹⁰⁰⁰ Волков С.В..., с. 55.

¹⁰⁰¹ Урланис Б.Ц..., с. 401, 408.

¹⁰⁰² Томас Хью..., с. 554.

¹⁰⁰³ Томас Хью..., с. 170.

¹⁰⁰⁴ Томас Хью..., с. 160, 164.

¹⁰⁰⁵ Томас Хью..., с. 556.

¹⁰⁰⁶ Хроника человечества. Сост. Бодо Харенберг. — М.: Большая энциклопедия, 1996. - 1200. С. 934.

¹⁰⁰⁷ Гриф секретности снят..., с. 48, таб. 15, с. 54, таб. 19.

⁵⁷³
¹⁰⁰⁸ Население..., т. 1, с. 97.: См. так же Россия и СССР в войнах XX века. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001.-608 с, с. 110-149.

¹⁰⁰⁹ Гриф секретности снят..., с. 54, таб. 19.

¹⁰¹⁰ Население..., т. 1, с. 97.

¹⁰¹¹ Буйский А. Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими и кулацкими восстаниями. М., 1931, с. 7, 15 (Литвин А..., с. 284)

¹⁰¹² Литвин А.Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972, с. 195-208 (Литвин А..., с. 285)

¹⁰¹³ Литвин А..., с. 286

¹⁰¹⁴ Богданов М.А. Разгром западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961, с. 7 (Литвин А..., с. 286)

¹⁰¹⁵ Население..., т. 1, с. 97.

¹⁰¹⁶ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. Берлин, 1924. с. 50-51 (Литвин А..., с. 282-283)

¹⁰¹⁷ Волков С.В..., с. 399.

¹⁰¹⁸ Волков С.В..., с. 293.

¹⁰¹⁹ Родина №5. 2004.

¹⁰²⁰ ГАРФ, 3316/2/1615/116-149. (ЧКК..., с. 202.)

¹⁰²¹ Известия ВЦИК 10.09.1918. (Волков С.В..., с. 93-94)

¹⁰²² Итоги десятилетия советской власти в цифрах. Москва, 1927. 116. (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 213.)

¹⁰²³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202-205; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923—1953 гг.: Источники и их интерпретация // Отеч. архивы. 1992. №2. С. 28. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201-205; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отеч. архивы. 1992. №2. С. 28.

- (Население..., т. 1, с. 317.)
- ¹⁰²⁴Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia 1918-1922. London, 1935. p. 209.
- (Население..., т. 1, с. 98.)
- ¹⁰²⁵Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. — М.-Л., 1927, с. 111-112
- (Литвин А..., с. 213-214)
- ¹⁰²⁶Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. 1918-1920. — М., 1932, с. 80, 175, 237 (Литвин А..., с. 173-174)
- ¹⁰²⁷Население..., т. 1, с. 102-103.
- ¹⁰²⁸Население..., т. 1, с. 133.
- ¹⁰²⁹Деникин А.И. (1)..., с. 61.
- ¹⁰³⁰Coates W. P., Russia's counter-claims, L., 1924, p. 34
- ¹⁰³¹Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. — Харбин, 1921, ч. 1, с. 4; т. 2, с. 137-139.
- ¹⁰³²Данилов И..., с. 309.
- ¹⁰³³Варженский В. Великий Сибирский Ледяной поход. С. 9. См. так же: Семичевская Е. Очерки из Сибирского Ледяного похода. 1919-1920 гг. — Шанхай, б.г.; Марков С Пятьдесят лет тому назад. ВБ. № 114. Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия. № 44 с. 18. (Волков С.В..., с. 273.)
- ¹⁰³⁴По данным департамента окладных сборов. (Доклады и сообщения Института истории АН СССР, 1995. Вып. 6. С. 10.)
- ¹⁰³⁵Воейков В.Н..., с. 253.
- ¹⁰³⁶Воейков В.Н..., с. 252.
- ¹⁰³⁷Волков С.В. Белое движение и Императорский Дом (РИЖ. Весна 1998, с. 78-79)
- ¹⁰³⁸Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере 1918-1920. - М., 1993, с. 119; (Волков С.В..., с. 217.)
- ¹⁰³⁹Марушевский В.В..., с. 233-234
- ¹⁰⁴⁰Литвин А..., с. 227
- ¹⁰⁴¹Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Tanaffy, 1986, с. 100-101; Троцкий Л.Д. Из дневника 1935 г. // Знамя, 1990, № 8, с. 179-180 (Литвин А..., с. 227)
- ¹⁰⁴²Шубарт В. Европа..., с. 89
- ¹⁰⁴³Литвин А..., с. 158
- ¹⁰⁴⁴Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 182. (Литвин А..., с. 155)
- ¹⁰⁴⁵Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, т.5, с. 494. (Литвин А..., с. 118).
- ⁵⁷⁴
- ¹⁰⁴⁶Бунин И.А. Окаянные дни. Лондон, 1984, с. 55 (Литвин А..., с. 191)
- ¹⁰⁴⁷Неру Д. Взгляд на всемирную историю. — М., 1975, т.3, с.26.
- ¹⁰⁴⁸Александр Михайлович..., с. 302-303.
- ¹⁰⁴⁹Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 417.
- ¹⁰⁵⁰Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания, с. 302-303
- ¹⁰⁵¹Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность Российской Федерации (национализации). 26.03.2003
- ¹⁰⁵²Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А..., с. 150.
- ¹⁰⁵³Деникин А.И. (I)..., с. 38-39.
- ¹⁰⁵⁴Гоббс. Избранные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1926, с. 116.
- ¹⁰⁵⁵Ленин В.И. IX Съезд РКП(б) (Ленин В.И. Избранные сочинения в 4-х томах, т. 4. — М., 1986, с. 49)
- ¹⁰⁵⁶Язьков Е.Ф...
- ¹⁰⁵⁷Уэллс Г.Д..., с. 257-259.
- ¹⁰⁵⁸Уэллс Г.Д..., с. 259-260.
- ¹⁰⁵⁹Маркс К. Морализующая критика и критикующая мораль (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 318)
- ¹⁰⁶⁰Бердяев Н.А..., с. 478-479.
- ¹⁰⁶¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 371.
- ¹⁰⁶²Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т.П. — М., Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 231.
- ¹⁰⁶³Сычев Н.В..., с. 86.
- ¹⁰⁶⁴Сычев Н.В..., с. 85.
- ¹⁰⁶⁵Сычев Н.В..., с. 83-84, 89-90.
- ¹⁰⁶⁶Aulard A. La Constitution de Fan HI et la Republique bourgeoise // La Revolution fran?aise. 1900. Vol. 38. P. 123.
- ¹⁰⁶⁷Archives Nationales. C 228. D.183 bis * 5/3. Doc. 114
- ¹⁰⁶⁸Дорн Дж. Нормы права и свобода в новых демократических государствах: концепция Джеймса Мэдисона. (Вопросы экономики. № 6 июнь 2003.)
- ¹⁰⁶⁹Madison J. Speech in Virginia State Convention... In Letters and Other Writings of James Madison,

- vol. 4, 1829-1836, p.51. Вопросы экономики. № 6 июнь 2003., с. 24.
- ¹⁰⁷⁰ Madison J. Speech in Virginia State Convention... In Letters and Other Writings of James Madison, vol. 4, 1829-1836, 52. 52. Burns E. James Madison: Philosopher of the Constitution, ch.3. (Вопросы экономики. № 6 июнь 2003, с.26.)
- ¹⁰⁷¹ Ленин, ПСС, 5 изд., т. 33, с. 35.
- ¹⁰⁷² Madison J. Speech in Virginia State Convention... In Letters and Other Writings of James Madison, vol. 6, 1790-1802. Дорн Дж. Нормы права и свобода в новых демократических государствах: концепция Джеймса Мэдисона. (Вопросы экономики. № 6 июнь 2003.)
- ¹⁰⁷³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М. — Л.: Соцэкгиз, 1935., с. 110.
- ¹⁰⁷⁴ Бердяев Н.А..., с. 243-244.
- ¹⁰⁷⁵ Вебер М...,с. 197.
- ¹⁰⁷⁶ Вебер М..., с. 265, прим. 272.
- ¹⁰⁷⁷ Вебер М...,с. 73.
- ¹⁰⁷⁸ Сычев Н.В..., с. 87.
- ¹⁰⁷⁹ Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...
- ¹⁰⁸⁰ Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...
- ¹⁰⁸¹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с.331)
- ¹⁰⁸² Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 1, 1955, с. 123)
- ¹⁰⁸³ Энгельс Ф. наброски к критике политической экономики (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. изд. 2, т. 1, 1955, с. 548)
- ¹⁰⁸⁴ Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 1, 1955, с. 605)
- ¹⁰⁸⁵ Маркс К. К еврейскому вопросу (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 1, 1955, с. 401)
- ⁵⁷⁵
- ¹⁰⁸⁶ Маркс, Энгельс. Манифест..., с. 440.
- ¹⁰⁸⁷ Маркс, Энгельс. Манифест..., с. 439.
- ¹⁰⁸⁸ Маркс, Энгельс. Манифест..., с. 446. Расширенное толкование этих пунктов см. Маркс К., Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии Германии. (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 5, 1956, с. 1-2)
- ¹⁰⁸⁹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 332)
- ¹⁰⁹⁰ Энгельс Ф. Принципы коммунизма (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 333)
- ¹⁰⁹¹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — III (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 19, 1961, с. 222-223)
- ¹⁰⁹² Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов Народного хозяйства. (Ленин В.И. Избранные сочинения в 4-х томах, т. 3. — М., 1986, с. 234)
- ¹⁰⁹³ Ленин В.И. Великий почин. (Ленин В.И. Избранные сочинения в 4-х томах, т. 3 — М., 1986, с. 449)
- ¹⁰⁹⁴ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12, Москва-Ленинград, 1925
- ¹⁰⁹⁵ Кара-Мурза С...,с. 74.
- ¹⁰⁹⁶ Витте С.Ю..., т. 1, с. 700-703.
- ¹⁰⁹⁷ Шубарт В..., с. 178.
- ¹⁰⁹⁸ Шубарт В...,с. 173.
- ¹⁰⁹⁹ Шубарт В..., с. 178.
- ¹¹⁰⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства — М, 1917, №1,с. 3 ¹¹⁰¹ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России (РИЖ. Весна 1998, с. 262) ¹¹⁰² Кара-Мурза С..., с. 192. ¹¹⁰³ ВиттеС.Ю...,т. 2, с. 258.
- ¹¹⁰⁴ Речь обустройстве быта крестьян и оправе собственности. Госдума 10.05.1907. (Рыбас С.Ю..., с. 291)
- ¹¹⁰⁵ Речь обустройстве быта крестьян и оправе собственности. Госдума 10.05.1907. (Рыбас С.Ю..., с. 287)
- ¹¹⁰⁶ Кара-Мурза С..., с. 194.
- ¹¹⁰⁷ Цеклшский А.В. Мои воспоминания (П.А. Столыпин — семь встреч с ним). Рукопись. — Белград, 1937 // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 753. Л. 8 об. - 9 (Бородин А.П., с.182)
- ¹¹⁰⁸ Императрица Мария Федоровна — Николаю II, 16.01.1906. // Красный архив, 1927, т. 3 (22), с. 188 (Бородин А.П., с. 179)
- ¹¹⁰⁹ Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. Т. 2 (45). С. 126-127 (Бородин А.П., с. 179-180)
- ¹¹¹⁰ Бородин А.П., с. 182
- ¹¹¹¹ Речь. 1907. 15 мая (Бородин А.П., с. 184) ¹¹¹² Докладная записка самарского дворянина А.Ф. Виноградова (РО РНБ. Русский фонд. 37.54.1.680. С.5). Процитирована А.Н. Наумовым в его

- докладе V съезду Объединенного дворянства (О капитализации из 4% благотворительного налога при продаже дворянских земель. СПб., 1909. С.5) (Бородин А.П..., с. 182-183)
- ¹¹¹³ Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1999. С. 165-166 (Бородин А.П..., с. 178)
- ¹¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10. Л. 62 (Бородин А.П..., с. 183)
- ¹¹¹⁵ Записка Центрального Совета Союза Земельных Собственников о деятельности Крестьянского банка. — СПб., 1907. С. 4 (Бородин А.П..., с. 183)
- ¹¹¹⁶ Труды IV съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. — СПб., 1909. С. 138 (Бородин А.П..., с. 183)
- ¹¹¹⁷ Труды V съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. — СПб., 1909. С. 51 (Бородин А.П..., с. 183)
- ¹¹¹⁸ Williams W. American-Russian Relations: 17781-1947. N. Y., 1952, p. 102 (Уткин А.И., с.403)
- ¹¹¹⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 100.
- ¹¹²⁰ Егоров А.И., с. 60-61.
- ⁵⁷⁶
- ¹¹²¹ Егоров А.И., с. 61.
- ¹¹²² Письмо от 12 декабря 1918 г. (Деникин А.И. (III)..., с. 129)
- ¹¹²³ Вихляев П.А. Указ. соч. С. 22-23. Современные исследователи оценивают экономико-правовые представления российских крестьян схожим образом. См., например: Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). — М., 1996. С. 92-105; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы экономики. 2000. № 11-12. С. 96-105. Латов Ю.В. Экономика Ене закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики). — М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
- ¹¹²⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции, т. 2. Октябрьская революция, ч. 2.
- ¹¹²⁵ Троцкий Л.Д. История русской революции, т. 2. Октябрьская революция, ч. 2.
- ¹¹²⁶ Ллойд Джордж Д. Деятельность министерства снабжения (Палата общин 28.07.1915.) (Ллойд Джордж Д..., с. 189-190)
- ¹¹²⁷ Ллойд Джордж Д. Обращение к общественности Ланкашира (Манчестер 3.06.1915.) (Ллойд Джордж Д..., с. 116-117)
- ¹¹²⁸ Деникин А.И. (I)..., с. 30-31.
- ¹¹²⁹ Лемке М.К..., 1916, с. 159.
- ¹¹³⁰ Деникин А.И. (I)..., с. 38-39.
- ¹¹³¹ Яковлевы..., с. 282.
- ¹¹³² Шамбаров В.Е..., с. 401-402.
- ¹¹³³ Игнатьев А..., с. 492.
- ¹¹³⁴ Игнатьев..., с. 470.
- ¹¹³⁵ Людендорф Э....с. 336-337
- ¹¹³⁶ Людендорф Э..., с. 347
- ¹¹³⁷ Лемке М.К..., 1916, с. 214-215.
- ¹¹³⁸ Лемке М.К..., 1916, с. 354.
- ¹¹³⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 157, прим.
- ¹¹⁴⁰ Шагинян М. Урал в обороне. — М.: Художественная литература, 1944, с. 182-188.
- ¹¹⁴¹ Шагинян М. Урал в обороне. — М.: Художественная литература, 1944, с. 182-188.
- ¹¹⁴² "Известия" ВЦИК № 164 от 07. 09. 1917. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. 10-14. 09. 1917.— Петроград: «Прибой», 1917 г. Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 151-199.
- ¹¹⁴³ Яковлев Н.Н..., с. 281.
- ¹¹⁴⁴ Яковлев Н.Н..., с. 281.
- ¹¹⁴⁵ Деникин А.И. (I)..., с. 157.
- ¹¹⁴⁶ Шамбаров В.Е..., с. 565.
- ¹¹⁴⁷ Шамбаров В.Е..., с. 565 — 566.
- ¹¹⁴⁸ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914-1918 гг.—М., 1920 (Яковлев Н.Н..., с. 284)
- ¹¹⁴⁹ Кара-Мурза С..., с. 183.
- ¹¹⁵⁰ Деникин А.И... т. 1, с. 271.
- ¹¹⁵¹ Деникин А.И. (I)..., с. 158.
- ¹¹⁵² Деникин А.И. (I)..., с. 159.
- ¹¹⁵³ Деникин А.И. (I)..., с. 159.
- ¹¹⁵⁴ Шмелев К.Ф. Доклад от 10.02.1922..., с 25.
- ¹¹⁵⁵ Суханов Н. Записки о революции, кн. 4., ст. 145.
- ¹¹⁵⁶ Фалькнер С.А. Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. — М. Экономическая жизнь, 1924. С. 138. Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. — М.: Наука, 1983. С 163, 168.
- ¹¹⁵⁷ Карр Эдвард. История Советской России, (до 1929 г.) в 14 т. — М., 1990.

- ¹¹⁵⁸ Кара-Мурза С..., с. 168.
- ¹¹⁵⁹ Рыков А.И. Доклад о деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 29.05.1918.
- ¹¹⁶⁰ Один из примеров см. Данилов И.А..., с. 293.
- ¹¹⁶¹ Войтинский В.С., с. 47.
- ¹¹⁶² Войтинский В.С., с. 115.
- ¹¹⁶³ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. 10-14. 09. 1917. — Петроград: «Прибой», 1917 г. ПСС В.И. Ленина. Т. 34. С. 151-199.
- ¹¹⁶⁴ «Известия» ВЦИК № 164 от 7.09.1917. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. 10-14.09. 1917.— Петроград: «Прибой», 1917 г. Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 151-199.
- ¹¹⁶⁵ Деникин А.И. (I)..., с. 159.
- ¹¹⁶⁶ Кара-Мурза С..., с. 231.
- ¹¹⁶⁷ Кара-Мурза С..., с. 168.
- ¹¹⁶⁸ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М., Л.: 1925.
- ¹¹⁶⁹ Кара-Мурза С..., с. 231.
- ¹¹⁷⁰ Кара-Мурза С..., с. 169-170.
- ¹¹⁷¹ Кара-Мурза С..., с. 170.
- ¹¹⁷² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства, 1918, № 47 — Ярославль, 1918, с. 559.
- ¹¹⁷³ Кара-Мурза С..., с. 170.
- ¹¹⁷⁴ Сычев Н.В..., 322-323.
- ¹¹⁷⁵ Рыков А.И. Организация хозяйства. Речь на 11 Всероссийском съезде советов народного хозяйства 21.12.1918.
- ¹¹⁷⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. — М, 1967. С. 24 (Судьбы..., с. 237-238.)
- ¹¹⁷⁷ Построено автором на базе данных: Анкудинова Л.Е., Национализация промышленности в СССР, 1917-1920 — Л, 1963, с.64; 1917 г. — приблизительная оценка автора основанная на соотношении данных Деникина и Анкудиновой.
- ¹¹⁷⁸ Деникин А.И. (I)..., с. 341.
- ¹¹⁷⁹ Добровольский С.Ц..., с.126.
- ¹¹⁸⁰ Ленин В.И. ПСС. — Изд. 5-е. Т. 52, с. 22. См. также: т. 36, с. 430; т. 38, с. 89.
- ¹¹⁸¹ Кеннеди М. Деньги без процентов и инфляции. — Швеция. Lilalex. 1993, 96 с, с. 65.
- ¹¹⁸² Silvio Gesell, Die Natürliche Wirtschaftsordnung, Rudolf Zitzmann Verlag, Nuremberg, 1904, (IX. Edition 1949)
- ¹¹⁸³ John Maynard Keynes, The General Theory of Employment, Interest and Money, London, 1936, (reprinted 1967), p. 355.
- ¹¹⁸⁴ Мау В.А., Стародубровская И.В..., с. 137.
- ¹¹⁸⁵ Маркс, Энгельс. Манифест Коммунистической партии (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 446. Расширенное толкование этих пунктов см. Маркс К., Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии Германии. (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 5, 1956, с. 1-2)
- ¹¹⁸⁶ Кара-Мурза С..., с. 165-166.
- ¹¹⁸⁷ С. Ан-ский. После переворота 25-го октября 1917 г. «Архив Русск. Революции», т. VIII, Берлин, 1923 г.
- ¹¹⁸⁸ Кара-Мурза С..., с. 166.
- ¹¹⁸⁹ Шарапов С.Ф..., с. 10-12, 71-72.
- ¹¹⁹⁰ Витте С.Ю..., т. 2, с. 281.
- ¹¹⁹¹ Витте С.Ю..., т. 2, с. 83.
- ¹¹⁹² Расчеты автора на базе данных Шмелева К.Ф...
- ¹¹⁹³ Преображенский Е. Русский рубль за время войны и революции. 1922.
- ¹¹⁹⁴ Киган Д., с. 425-426.
- ¹¹⁹⁵ Деникин А.И. (I)..., с. 167.
- ¹¹⁹⁶ Деникин А.И. (I)..., с. 169.
- ¹¹⁹⁷ Войтинский В.С., с. 115.
- ¹¹⁹⁸ Alexinsky G. Du tsarisme au communisme. Paris, 1923, p. 50-51 (Уткин А.И., с. 386)
- ¹¹⁹⁹ Вестник Временного правительства. 31 мая 1917 г.
- ¹²⁰⁰ Первый Всероссийский Съезд Советов, т.1, стр. 225.
- ¹²⁰¹ Экономическое положение России... ч. 2 стр. 424, док. 559. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962. С. 358. См. так же Russian Public Finances during the War. New Haven, 1928, p. 215-220, 322-326.
- ¹²⁰² Ленин В.И. ПСС. — Изд. 5-е. Т. 32, с. 98.
- ¹²⁰³ Ривкин В.С. 13,32

- ¹²⁰⁴ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны — М., 1960, с. 172
- ⁵⁷⁸
- ¹²⁰⁵ Экономическое положение России... ч.2 стр. 384. док. 541.
- ¹²⁰⁶ Погребинский А.Н..., с. 236, 263.
- ¹²⁰⁷ Игнатьев..., с. 474-475.
- ¹²⁰⁸ Мукосеев Вестник финансов, 1917, № 38, стр. 332.
- ¹²⁰⁷ Прокопович С.Н. стр. 113.
- ¹²¹⁰ Вестник Временного правительства 17.10.1917.
- ¹²¹¹ Дневник Дж. Бьюкенена, 15.08.1917. (Бьюкенен Дж... с. 321)
- ¹²¹² Деникин А.И. (I)..., с. 168
- ¹²¹³ Деникин А.И. (I)..., с. 170.
- ¹²¹⁴ Ленин В.И. Соч. т. 25. стр. 328.
- ¹²¹⁵ Keynes, J.M..., Р. 376.
- ¹²¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 5. (Судьбы...)
- ¹²¹⁷ Шмелев К.Ф. Доклад от 10.02.1922...
- ¹²¹⁸ Шмелев К.Ф. Доклад от 10.02.1922..., с 25.
- ¹²¹⁹ Геллер М., Некрич А..., с. 132.
- ¹²²⁰ Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. — М.: Наука, 1983, с. 225—226.
- ¹²²¹ ЧКК..., с. 108.
- ¹²²² Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»// Мысль, 1919. № 10, с. 356.
- ¹²²³ Мау В.А., Стародубровская И.В..., с. 138.
- ¹²²⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 313-314.
- ¹²²⁵ Лукомский, Воспоминания, т. II, Берлин, 1922, с. 190-191. (Егоров А..., с. 58)
- ¹²²⁶ Егоров А.И..., с. 338.
- ¹²²⁷ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 493.
- ¹²²⁸ Егоров А.И. Разгром Деникина..., с. 59.
- ¹²²⁹ Марушевский В.В..., с. 207.
- ¹²³⁰ Игнатьев В.И...,с. 134-135.
- ¹²³¹ Белый Север, т. 2, с. 6, предисл.
- ¹²³² Добровольский С... с. 131.
- ¹²³³ Игнатьев В.И..., с. 142.
- ¹²³⁴ Игнатьев В.И..., с. 142-143.
- ¹²³⁵ Доклад командующего войсками и члена правительства Северной области генерал-лейтенанта В.В. Марушевского Временному правительству Северной области 19 июля 1919 г. (ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Лл. 57—59. Подлинник.) (Белый Север, с. 358-360)
- ¹²³⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 57-59; Д. 40. Л. 106—2 (Белый Север, с. 366-367, прим.)
- ¹²³⁷ Доклад командующего войсками и члена правительства Северной области генерал-лейтенанта В.В. Марушевского Временному правительству Северной области 19 июля 1919 г. (ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Лл. 57—59. Подлинник.) (Белый Север, с. 358-360)
- ¹²³⁸ ЦГАОР, ф. 7506, оп. 1, д. 261, л. 8 (Думова Н.Г., Трухановский В.Г..., с. 185)
- ¹²³⁹ Ленин В. О продовольственном налоге. 21 апреля 1921 г.
- ¹²⁴⁰ Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет?
- ¹²⁴¹ Виноградов М. Российский золотой червонец: опыт политики и экономики 20-х годов. Банковское дело. 1998. № 12.
- ¹²⁴² Timothy Green. Central Bank Gold Reserves. World Gold Council. November 1999.
- ¹²⁴³ По данным отдела международных расчетов Наркомата финансов СССР от 1.10.1943. (Краснов В.Г. (II)..., с. 149.)
- ¹²⁴⁴ Бунич И..., Кн.1., с. 104.
- ¹²⁴⁵ В.Л.Генис,цит.соч.; V.Brovkin, Behind...,p.346. (ЧКК..., с. 11.)
- ¹²⁴⁶ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ¹²⁴⁷ Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. — Берлин, 1923.
- ¹²⁴⁸ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. V. — Берлин, с. 122; (Егоров А.И..., с. 201.)
- ¹²⁴⁹ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 297-298)
- ¹²⁵⁰ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 296)
- ⁵⁷⁹
- ¹²⁵¹ Герцен. Екатерина Романовна Дашкова» (Покровский М..., т. 3, с. 172).
- ¹²⁵² Бердяев Н.А..., с. 242-243.
- ¹²⁵³ Витте С.Ю..., т. 2, с. 18,33.
- ¹²⁵⁴ Витте С.Ю...,т. 2, с. 22.
- ¹²⁵⁵ Витте С.Ю...,т. 2, с. 215.
- ¹²⁵⁶ Родзянко М.В. Крушение Империи. Архив русской революции. Т. XVII, с. 125. (Головин

- Н.Н..., с. 255.)
- ¹²⁵⁷ Записка А.Н. Наумова. Сборник Финансового Агентства США, с. 100. (Головин Н.Н..., с. 254; Миллюков П.Н..., с. 535-536.)
- ¹²⁵⁸ Яковлев Н.Н..., с. 297-298.
- ¹²⁵⁹ Яковлев Н.Н..., с. 316.
- ¹²⁶⁰ Алексеев — императору, 2.03.1917. (Воейков В.Н..., с. 184)
- ¹²⁶¹ Миллюков П.Н..., с. 564-565.
- ¹²⁶² Миллюков П.Н. История русской революции. Т. 1. — София. Русско-болгарское издательство. 1921. с. 108.
- ¹²⁶³ Воейков В.Н..., с. 266.
- ¹²⁶⁴ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 184)
- ¹²⁶⁵ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 186)
- ¹²⁶⁶ Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 223)
- ¹²⁶⁷ Миллюков П.Н..., с. 623.
- ¹²⁶⁸ Миллюков П.Н..., с. 535.
- ¹²⁶⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 421.
- ¹²⁷⁰ Деникин А.И. (II)..., с. 143.
- ¹²⁷¹ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 98, 114 (Уткин А.И., с. 312, 326-327)
- ¹²⁷² Charques R. The Twilight of Imperial Russia. Lnd., 1958, p. 8 (Уткин А.И., с. 336)
- ¹²⁷³ Деникин А.И. (I)..., с. 131, 133.
- ¹²⁷⁴ Войтинский В.С., с. 165.
- ¹²⁷⁵ Деникин А.И. (II)..., с. 4-5.
- ¹²⁷⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 10-11.
- ¹²⁷⁷ Despatch D. 3; от 10 августа 1917 г. British Embassy, Petrograd; подлинник хранится в архиве Британского Военного Министерства. (Головин Н.Н..., с. 285.)
- ¹²⁷⁸ Деникина А.И..., т.1., с. 315-316.
- ¹²⁷⁹ Деникин А.И. (II)..., с. 31.
- ¹²⁸⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 160.
- ¹²⁸¹ Деникин А.И. (I)..., с. 414.
- ¹²⁸² Деникин А.И. (II)..., с. 29-30.
- ¹²⁸³ Деникин А.И. (III)..., с. 37.
- ¹²⁸⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 117.
- ¹²⁸⁵ Деникин А.И. (III)..., с. 47.
- ¹²⁸⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 39, прим.
- ¹²⁸¹ Деникин А.И. (III)..., с. 73-74.
- ¹²⁸⁸ Кнох А. With the Russian Army, vol. II, p. 676-677. (Уткин А.И..., с. 385.)
- ¹²⁸⁹ Заседание военного кабинета № 215, 15.08.1917, PRO; Хауз Вильсону, 15.08.1917, WP, LC; Заседание военного кабинета № 229, 7.09.1917, PRO; Хауз. Дневник, 16.09.1917, House Papers, CtY (Дэвис Д., Трани Ю., с. 100)
- ¹²⁹⁰ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 2. Февральская революция.
- ¹²⁹¹ Williams W. American-Russian Relations: 1781-1947. N. Y., 1952, p. 103 (Уткин А.И., с. 403)
- ¹²⁹² Ullman R Anglo-Soviet Relations. 1917-1921. Princeton, 1961, Vol. I, p. 11-12. (Уткин А.И., с. 393.)
- ¹²⁹³ Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В..., с. 36)
- ¹²⁹⁴ Головин Н.Н..., с. 372.
- ¹²⁹⁵ Дневник Дж. Бьюкенена, 14.11.1917. (Бьюкенен Дж..., с. 363)
- ¹²⁹⁶ Лэнсинг, Личная памятка, 9.08.1917, Lansing Papers, box 67, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 108)
- ¹²⁹⁷ Уошберн государственному секретарю, 29.06.1917, вложено в: Вильсон Лэнсингу, 14.08.1917, и Уошберн государственному секретарю: Вильсон Лэнсингу, 14.08.1917, SD, RG59, 763. 72\6504Y2. NA (Дэвис Д., Трани Ю., 109)
- ⁵⁸⁰
- ¹²⁹⁸ Хауз Вильсону, 5.08.1917, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 110.)
- ¹²⁹⁹ Дэвис Д., Трани Ю., с. 125, прим. 105.
- ¹³⁰⁰ Войтинский В.С., с. 274.
- ¹³⁰¹ Шульгин В.В..., с. 544-545, ком. Ю.В. Мухачева.
- ¹³⁰² Миллюков П.Н. История русской революции. Т.1. — София. Русско-болгарское издательство. 1921. с. 263.
- ¹³⁰³ Войтинский В.С., с. 227.
- ¹³⁰⁴ Головин Н.Н..., с. 373.
- ¹³⁰⁵ Дневник Дж. Бьюкенена, 3.11.1917. (Бьюкенен Дж..., с. 353)
- ¹³⁰⁶ Деникин А.И. (II)..., с. 136.
- ¹³⁰⁷ Миллюков П.Н..., с. 610.

- ¹³⁰⁸ Гревз В., Американская авантюра в Сибири. — М., 1932, с. 244
- ¹³⁰⁹ Ленин В. Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г.
- ¹³¹⁰ Шубарт В. Европа..., с. 75
- ¹³¹¹ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ¹³¹² Кожин В.В., с. 228-229.
- ¹³¹³ Гильфердинг «Финансовый Капитал». Н. Бухарин и Г. Пятаков. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия.
- ¹³¹⁴ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1991 (Репринт 1923 г.), с. 145-146 (Кожин В.В. О русском..., с. 70)
- ¹³¹⁵ Ленин В.И...
- ¹³¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Коммунистический Манифесте, ноябрь 1847 г. (Ленин В.И...)
- ¹³¹⁷ Ленин В.И...
- ¹³¹⁸ Ленин В.И...
- ¹³¹⁹ Ленин В.И...
- ¹³²⁰ Ленин В.И. ПСС, т.27, 150., т.24 [441.
- ¹³²¹ Ленин В. Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г.
- ¹³²² Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 41, с. 27.
- ¹³²³ Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 30, с. 123.
- ¹³²⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 1. Февральская революция.
- ¹³²⁵ Бухарин Н.И. Теория Пролетарской Диктатуры.
- ¹³²⁶ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 2. Февральская революция.
- ¹³²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1984. [74.
- ¹³²⁸ Принято на XVII съезде ВКП(б) (1934). Устав КПСС, 1971, с. 22.
- ¹³²⁹ Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 36, с. 151, 152.
- ¹³³⁰ Троцкий Л. Сталин, т. 2.
- ¹³³¹ Троцкий Л. Сталин, т. 2.
- ¹³³² Троцкий Л. Советская Республика и капиталистический мир. Часть I. Первоначальный период организации сил. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 17, часть 1. Москва-Ленинград, 1926)
- ¹³³³ Троцкий Л. На пути к социализму...
- ¹³³⁴ Ленин В.И...
- ¹³³⁵ Ленин В.И...
- ¹³³⁶ Шарапов С.Ф. т. 1-9 — М.: 1900-1906. Экономика русской цивилизации. Сост. О.А.Платонов — М.: Родник 1995 [302.
- ¹³³⁷ Ленин В.И...
- ¹³³⁸ Ленин В. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС. т. VIII, [62-63.
- ¹³³⁹ Троцкий Л. Перманентная революция.
- ¹³⁴⁰ Земляной С.Н. Ленин и «третий путь» России (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 685-686)
- ¹³⁴¹ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 1. Февральская революция.
- ¹³⁴² Ленин В.И. Речь о продовольственном и военном положении (ПСС, изд. 5-е, т. 39, М., 1977, с. 128)
- ¹³⁴³ Сесил Бертиб 28.11.1917. Balfour Papers, British Museum. (Дэвис Д., Трнаи Ю..., с. 161.)
- ¹³⁴⁴ Лэнсиснг Вильсону, 10.12.1917. SD, RG59. 861. 00807a, NA. (Дэвис Д., Трнаи Ю..., с. 182.)
- ¹³⁴⁵ Робиен Л... (Голдин В.И..., с. 163.)
- ⁵⁸¹
- ¹³⁴⁶ Суханов. Н.Н. Записки о революции, книга четвертая. Первая коалиция против революции 06.05-08.07. 1917.
- ¹³⁴⁷ Петроградская правда, 11.06.1918; Dotsenko P. The struggle for democracy in Siberia: Eyewitness account of contemporary. Stanford, 1983. p. 109 (Литвин А..., с 145-146)
- ¹³⁴⁸ Дневник Пепеляева. //Красные зори. — Иркутск, 1923, № 4, с. 78 (Литвин А..., с. 208)
- ¹³⁴⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 23.
- ¹³⁵⁰ ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 1, л. 2 (Литвин А..., с. 160)
- ¹³⁵¹ Краснов В.Г. (II)..., с. 64.
- ¹³⁵² Колчак — Деникину, 28.12.1918. (Деникин А.И. (III)..., с. 24)
- ¹³⁵³ Деникин А.И. (III)..., с. 21.
- ¹³⁵⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 127-128.
- ¹³⁵⁵ Краснов В.Г. (II)..., с. 48.
- ¹³⁵⁶ Краснов В.Г. (II)..., с. 25.
- ¹³⁵⁷ Робиен Л... Архангельск, 26.11.1918. (Голдин В.И..., с. 211.)
- ¹³⁵⁸ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 152.)
- ¹³⁵⁹ Цветков В. Мундир английский, погон российский. № 5-6. Родина, с. 103.
- ¹³⁶⁰ Краснов В.Г. (1)...,с. 403.
- ¹³⁶¹ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 153.)
- ¹³⁶² Краснов В.Г. (II)..., с. 50—51.

- ¹³⁶³ Цветков В. Мундир английский, погон английский. № 5-6. 2003. Родина
- ¹³⁶⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 194.
- ¹³⁶⁵ Лукомский — Деникину, 16.12.1919. (Деникин А.И. (III)..., с. 332)
- ¹³⁶⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 208.
- ¹³⁶⁷ Воронович Н.В...
- ¹³⁶⁸ Деникин А.И. (III)..., с. 323.
- ¹³⁶⁹ Цветков В. Белогвардейская альтернатива. Родина № 4, 2004.
- ¹³⁷⁰ Из записки министра внутренних дел В.Ф. Зеелера (Деникин А.И. (III)..., с. 445)
- ¹³⁷¹ Оболенский В. Крым при Врангеле. «На чужой стороне», кн. IX, Прага, 1925.
- ¹³⁷² Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 223.)
- ¹³⁷³ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 53.)
- ¹³⁷⁴ Государственный секретарь Соединенных Штатов американскому послу в Лондоне с протестом против действий генерала Ф.К. Пуля. Вашингтон, 12.09.1918. (United States National Archives, Department of State, Record Group 59, Decimal File No. 861. 00\2720a. (Голдин В.И..., с. 449)
- ¹³⁷⁵ Робиен Л. 6.12.1918... (Голдин В.И..., с. 191-192.)
- ¹³⁷⁶ Робиен Л... (Голдин В.И., с. 192.)
- ¹³⁷⁷ Робиен Л... (Голдин В.И., с. 203.)
- ¹³⁷⁸ Соколов Б. Падение Северной области// Архив русской революции. — Берлин, 1923, т. IX, с. 10 (Белый Север, предисловие, с. 15)
- ¹³⁷⁹ Соколов Б.Ф..., с. 356-357.
- ¹³⁸⁰ Соколов Б.Ф..., с. 363.
- ¹³⁸¹ Белый Север, предисловие, с. 15.
- ¹³⁸² Егоров А.И., с. 339.
- ¹³⁸³ Родзянко-Львову, февраль 1917 г. (Яковлев Н.Н., с. 261)
- ¹³⁸⁴ Краснов В.Г. (И), с. 26.
- ¹³⁸⁵ Соколов Б.Ф., с. 355, 356.
- ¹³⁸⁶ Ленин В.И. Речь на беспартийной рабоче-крестьянской конференции 3.09.1919. (ПСС, изд. 5-е, т. 39, М, 1977, с. 177)
- ¹³⁸⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 5805. Оп.1. Д. 509. Л. 5-6. Белый Север. 1918-1920 гг. В.И. Голдин. - Архангельск: Правда Севера. 1993. 416 с.15.
- ¹³⁸⁸ Волков С.В.... с. 236.
- ¹³⁸⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь, с. 11-12 (Волков С.В., с. 236-237)
- ¹³⁹⁰ Волков С.В., с. 237.
- ¹³⁹¹ Игнатьев В.И. Интервенция на Севере. Советское строительство. 1927. № 10-11. с. 188. Белый Север. 1918-1920 гг. В.И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера. 1993. 416 с.15.
- ¹³⁹² Еженедельник ЧК. — М, 1918, с. 11; Пионтковский С.А. Гражданская война в России. Хрестоматия, с. 301 (Литвин А., с. 161)
- ⁵⁸²
- ¹³⁹³ Литвин А..., с. 163
- ¹³⁹⁴ Пуанкаре Р..., с. 414.
- ¹³⁹⁵ Пуанкаре Р..., с. 453.
- ¹³⁹⁶ Ллойд Джордж Д..., с. 110-111.
- ¹³⁹⁷ Черчилль У..., с. 115, прим.
- ¹³⁹⁸ Людендорф. «Mes souvenirs de guerre» (Деникин А.И. (I)..., с. 95)
- ¹³⁹⁹ Робиен Л. 28.04.1918... (Голдин В.И..., с. 168.)
- ¹⁴⁰⁰ Письмо Черчилля, 9.12.1918. (Черчилль У..., с. 112)
- ¹⁴⁰¹ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М., Л.: 1925)
- ¹⁴⁰² Рэнсом А. Шесть недель в Советской России. М. — Пг., 1924, с. 100 (Литвин А..., с. 158)
- ¹⁴⁰³ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ¹⁴⁰⁴ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 219)
- ¹⁴⁰⁵ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 49.)
- ¹⁴⁰⁶ See Kennan George F. The Decision to Intervene, Princeton, 1956, p. 46 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П..., с. 255)
- ¹⁴⁰⁷ Strakhovsky L. I. The Origins of American Intervention in North Russia, 1918, Princeton, 1937, p. 28; Alexandra Dumesnil, "L'Intervention des Alliés à Mourmansk. Documents", Revue d'Histoire de La Guerre Mondiale, 14, 1, 44; Kennan George F. The Decision to Intervene, Princeton, 1956, p. 45, цитата в переводе из: Кедров М.С. Без большевистского руководства (из истории интервенции на Мурмане).—Л., 1930, с. 27 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П..., с. 255)
- ¹⁴⁰⁸ Strakhovsky L. 1. The Origins of American Intervention in North Russia, 1918, Princeton, 1937, p. 29; Kennan George F. The Decision to Intervene, Princeton, 1956, p. 46 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.. с. 255) См. так же В кн.: Голдин В.И., с. 49; Подробнее см. «Борьба за установление и упорочение

- Советской власти на Мурмане» (Мурманск, 1960). Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте — июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1., с. 74—88.
- ¹⁴⁰⁹ Раггис военному штабу, 8.04.1918, прим. 14, WD, RG407, Cable Section, box 94, NA (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П..., с. 257)
- ¹⁴¹⁰ Городецкий С.Н..., с. 35.
- ¹⁴¹¹ ЦГАВМФ СССР. Ф. Р-129. Оп. 2, д. 670, л. 24 (Белый Север, предисл., с. 10)
- ¹⁴¹² Уллман Р. Англо-советские отношения, 1917-1921, т. 1. Интервенция и война. — Принстон, 1961 (на англ. яз.), с. 183 (Белый Север, предисловие, с. 11)
- ¹⁴¹³ Архив внешней политики России. Ф. 187. Оп. 524. Д.3523. л.83.; Голдин В.И. Белый Север 1918-1920 гг. — Архангельск: 1993 г., с. 11.
- ¹⁴¹⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. — Мурманск, 1960, с. 220 (Белый Север, предисл., с. 11)
- ¹⁴¹⁵ Марч Блисс, 28.05.1918, PWW, 48: 182 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.. с. 265)
- ¹⁴¹⁶ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Вологда, 2.05.1918. (Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 79))
- ¹⁴¹⁷ Хауз..., т.2, с. 273.
- ¹⁴¹⁸ Уткин А.И..., с. 526.
- ¹⁴¹⁹ Письмо Д.К. Пуля председателю сенатского комитета по расследованию русской пропаганды. 2 марта 1920 г. (Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 391))
- ¹⁴²⁰ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 158-159.)
- ¹⁴²¹ Черчилль У, Указ. соч., с. 49. Аналогичное высказывание военного министра Великобритании лорда Мильнера. (См. Городецкий С.Н..., с. 32)
- ¹⁴²² Ричардсон У.П... (Голдин В.И.. с. 412-413.)
- ¹⁴²³ Робиен Л. 4.09.1918..., (Голдин В.И..., с. 189.)
- ¹⁴²⁴ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 99.)
- ¹⁴²⁵ Городецкий С.Н..., с. 39.
- ¹⁴²⁶ Роудс Б. Англоамериканская зимняя война с Россией, 1918—1919. Дипломатическая и военная трагикомедия. — Нью-Йорк, 1988 (на англ. яз.), с. 26 (Белый Север, с. 366, прим.)
- ¹⁴²⁷ Чаплин Г.Е..., с. 46.
- ¹⁴²⁸ Чаплин Г.Е..., с. 47.
- ¹⁴²⁹ Чаплин Г.Е..., с. 49-50.
- ⁵⁸³
- ¹⁴³⁰ Чаплин Г.Е..., с. 50.
- ¹⁴³¹ Игнатьев В.И..., с. 110, 112, 114.
- ¹⁴³² Уткин А.И..с. 565.
- ¹⁴³³ Чаплин Г.Е..., с. 52.
- ¹⁴³⁴ Чаплин Г.Е..., с. 58.
- ¹⁴³⁵ Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. — М., 1982, с. 87 (Белый Север, предисловие, с. 12)
- ¹⁴³⁶ Городецкий С.Н..., с. 32-33.
- ¹⁴³⁷ Чаплин Г.Е..., с. 54.
- ¹⁴³⁸ Игнатьев В.И..., с. 120.
- ¹⁴³⁹ Записная книжка, 1918 г. (Мельгунов С.П..., с. 81, прим. автора)
- ¹⁴⁴⁰ Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 55.)
- ¹⁴⁴¹ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Архангельск, 12.10.1918. (Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 73))
- ¹⁴⁴² Уткин А.И..., с. 583..
- ¹⁴⁴³ Игнатьев В.И..., с. 145.
- ¹⁴⁴⁴ Записки Чанселлора. Открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай 1553. — Архангельск: Правда Севера. 1998.
- ¹⁴⁴⁵ Бертон Г. «Заметки о нынешних бедствиях российских, приключившихся от последней войны в этой стране» 1614 г. Пол Дьюкс. Лвы и двуглавый орел № 5-6 2003. Родина.
- ¹⁴⁴⁶ Горбунов А.Н. Новый источник по истории русской Смуты начала XVII века/Нестор. Историко-культурные исследования, Альманах. Воронеж. 1993. Смуты и революции в мировой истории. С. 148-149; Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России. СПб. 2002. с. 101. О Скобелкин. Странствующие искатели приключений. № 5-6. 2003. Родина.
- ¹⁴⁴⁷ В то время регулярных русских военных сил на Севере не было вообще. Тем не менее, например, по деревне Ямцы, которые оказали сопротивление высаженному десанту, было выпущено 500 ядер и бомб. В Коле было сожжено 98 из 120 домов. Пушлахту, Екопский погост, Мегры сожгли полностью. По Соловкам в общей сложности было выпущено 1800 ядер и бомб. (Горев Л. Война 1853-1856 гг. и оборона Севастополя. — М.: Воениздат, 1955.)
- ¹⁴⁴⁸ Foreign Office, 371, vol. 3283, 26.03.1918. (в кн. Ротштейн Э., Указ. соч., с. 88)
- ¹⁴⁴⁹ Ротштейн Э., Указ. соч., с. 88.

- ¹⁴⁵⁰ Марушевский В.В..., с. 195.
- ¹⁴⁵¹ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 100.)
- ¹⁴⁵² Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 133.)
- ¹⁴⁵³ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 134.)
- ¹⁴⁵⁴ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 133-134.)
- ¹⁴⁵⁵ Робием Л. 19 сентября 1918 г... (Голдин В.И.. с. 200.)
- ¹⁴⁵⁶ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 105.)
- ¹⁴⁵⁷ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 129.)
- ¹⁴⁵⁸ Фрэнсис Вильсону 8.04.1916, WP, LC; Фрэнсис сенатору Уильяму Дж. Стоуну, 12.04.1916, Francis Papers, MOSHI (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.. с. 60)
- ¹⁴⁵⁹ Соколов Б.Ф... с. 352.
- ¹⁴⁶⁰ Нуланс Ж... (Голдин В.И.. с. 145.)
- ¹⁴⁶¹ Ричардсон У.П... (Голдин В.И.. с. 423-424.)
- ¹⁴⁶² Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 230-231.)
- ¹⁴⁶³ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 267-268.)
- ¹⁴⁶⁴ Ричардсон У.П.. (Голдин В.И.. с. 432-433.)
- ¹⁴⁶⁵ Ричардсон У.П. (Голдин В.И.. с. 418-419.)
- ¹⁴⁶⁶ Игнатьев В.И...с. 119.
- ¹⁴⁶⁷ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 348-353.)
- ¹⁴⁶⁸ Зеленое Н.П..., с. 210; Добровольский С.Ц..., с. 55, 57, 173; Известия ВЦИК, 25.07.1919. (Волков С.В..., с. 217.)
- ¹⁴⁶⁹ Черчилль У..., с. 295-296.
- ¹⁴⁷⁰ Марушевский В.В..., с. 329.
- ¹⁴⁷¹ Марушевский В.В..., с. 288.
- ¹⁴⁷² Марушевский В.В..., с. 281.
- ¹⁴⁷³ Марушевский В.В..., с. 328.
- ⁵⁸⁴
- ¹⁴⁷⁴ Городецкий С.Н..., с. 36.
- ¹⁴⁷⁵ Соколов Б.Ф..., с. 349.
- ¹⁴⁷⁶ Соколов Б.Ф..., с. 348.
- ¹⁴⁷⁷ Соколов Б.Ф..., с. 352.
- ¹⁴⁷⁸ Миллер — С.Д. Сазонову, 4.03.1920, ЦГАОР СССР, ф. 5805, оп. 1, д. 513, л. 1-6. (Белый Север, т. 2, с. 438-439); Соколов Б.Ф..., с. 350.
- ¹⁴⁷⁹ Зеленов Н.П..., с. 214.
- ¹⁴⁸⁰ Посол США Фрэнсис — Б. Джонсу. Архангельск, 4.09.1918. (Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 68-69»
- ¹⁴⁸¹ Чаплин Г.Е..., с. 64.
- ¹⁴⁸² Чаплин Г.Е..., с. 66.
- ¹⁴⁸¹ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 302.)
- ¹⁴⁸⁴ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 387.)
- ¹⁴⁸⁵ Соколов Б.Ф..., 360.
- ¹⁴⁸⁶ Добровольский С..., с. 28.
- ¹⁴⁸⁷ Соколов Б.Ф... с. 331-332.
- ¹⁴⁸⁸ Марушевский В.В..., с. 280.
- ¹⁴⁸⁹ Марушевский В.В..., с. 256-257.
- ¹⁴⁹⁰ Марушевский В.В..., с. 239, 340.
- ¹⁴⁹¹ Соколов Б.Ф..., с. 350-351.
- ¹⁴⁹² Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 418-419.)
- ¹⁴⁹³ Робием Л. 7.09.1918... (Голдин В.И..., с. 192-193.)
- ¹⁴⁹⁴ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 408-411.)
- ¹⁴⁹⁵ Марушевский В.В..., с. 278.
- ¹⁴⁹⁶ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 408-411.)
- ¹⁴⁹⁷ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 430-431.)
- ¹⁴⁹⁸ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 426-427.)
- ¹⁴⁹⁹ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 354.)
- ¹⁵⁰⁰ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 401.)
- ¹⁵⁰¹ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 416.)
- ¹⁵⁰² KeebleC..., p. 42.
- ¹⁵⁰³ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 427-428.)
- ¹⁵⁰⁴ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 301, 387.)
- ¹⁵⁰⁵ Марушевский В.В..., с. 240.
- ¹⁵⁰⁶ Игнатьев В.И..., с. 136.
- ¹⁵⁰⁷ Газета «Возрождение Севера» (Соколов Б.Ф..., с. 323-324)

- ¹⁵⁰⁸ Соколов Б.Ф..., с. 325-326.
- ¹⁵⁰⁹ Соколов Б.Ф... с. 324-325.
- ¹⁵¹⁰ Марушевский В.В..., с. 191.
- ¹⁵¹¹ Чаплин Г.Е..., с. 63.
- ¹⁵¹² Игнатьев В.И..., с. 120.
- ¹⁵¹³ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 428-429.)
- ¹⁵¹⁴ Марушевский В.В..., с. 239.
- ¹⁵¹⁵ Марушевский В.В..., с. 337.
- ¹⁵¹⁶ Игнатьев В.И..., с. 136.
- ¹⁵¹⁷ Соколов Б.Ф... с. 327.
- ¹⁵¹⁸ Соколов Б.Ф... с. 326.
- ¹⁵¹⁹ Марушевский В.В..., с. 202, 203.
- ¹⁵²⁰ Соколов Б.Ф... с. 324-325.
- ¹⁵²¹ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 417-418.)
- ¹⁵²² Марушевский В.В..., с. 211-212.
- ¹⁵²³ Марушевский В.В..., с. 283.
- ¹⁵²⁴ Чаплин Г.Е..., с. 59-60.
- ¹⁵²⁵ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 421-423.)
- ¹⁵²⁶ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Архангельск, 18.10.1918. (Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 74))
- ¹⁵²⁷ Ричардсон У.П.. (Голдин В.И., с. 425.)
- ⁵⁸⁵
- ¹⁵²⁸ Ричардсон У.П... (Голдин В.И.. с. 421-423.)
- ¹⁵²⁹ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 324-325.)
- ¹⁵³⁰ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 318, 338.)
- ¹⁵³¹ Ричардсон У.П... (Голдин В.И.. с. 421.)
- ¹⁵³² Миллер Е.К..., с. 24.
- ¹⁵³³ Добровольский С.Ц..., с. 63.
- ¹⁵³⁴ Соколов Б.Ф..., с. 345, 346.
- ¹⁵³⁵ Зеленое Н.П..., с. 214.
- ¹⁵³⁶ Соколов Б.Ф..., с. 347.
- ¹⁵³⁷ Соколов Б.Ф..., с. 346.
- ¹⁵³⁸ Соколов Б.Ф..., с. 340-341.
- ¹⁵³⁹ Соколов Б.Ф..., с. 341.
- ¹⁵⁴⁰ Добровольский С.Ц..., с. 74-75.
- ¹⁵⁴¹ Соколов Б.Ф..., с. 345. (См. так же Синяя книга — отчет британского военного министерства о боевых действиях на Севере России, опубликована в 1920 г., под названием: Army. The Evacuation of North Russia. 1919. (Зеленов Н.П..., с. 215.))
- ¹⁵⁴² Зеленев В.П..., с. 216, 217.
- ¹⁵⁴³ Соколов Б.Ф..., с. 329.
- ¹⁵⁴⁴ Соколов Б.Ф..., с. 410.
- ¹⁵⁴⁵ Соколов Б.Ф..., с. 410.
- ¹⁵⁴⁶ Данилов И... с. 289-292
- ¹⁵⁴⁷ Ричардсон У.П... (Голдин В.И., с. 401.)
- ¹⁵⁴⁸ Ричардсон У.П... (Голдин В.И.. с. 418-419.)
- ¹⁵⁴⁹ Айронсайд Э... (Голдин В.И.. с. 365.)
- ¹⁵⁵⁰ Черчилль У..., с. 299.
- ¹⁵⁵¹ А.Дж. Бальфур, Памятная записка. «Ситуация в России», 26.02.1919, Balfour Papers, BM (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.. с. 321)
- ¹⁵⁵² ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 34, л. 100. (Белый Север, предисл., с. 17) ¹⁵⁵³ Голдин В.И..., предисл., с. 8-9.
- ¹⁵⁵⁴ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 19.
- ¹⁵⁵⁵ Хауз..., т.2, с. 276.
- ¹⁵⁵⁶ А.Дж. Бальфур, Меморандум, 14.02.1918, Balfour Papers, BM (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 231, 232.)
- ¹⁵⁵⁷ Робиен Л. 19.04.1918... (Голдин В.И..., с. 164.)
- ¹⁵⁵⁸ Робиен Л. 27.04.1918... (Голдин В.И..., с. 167.)
- ¹⁵⁵⁹ J. Spargo. Russia as an American Problem. N. 4, 1921, p. 233 (Уткин А.И., с. 513)
- ¹⁵⁶⁰ Полк, Дневник, 9.01.1918, Polk Papers, СтУ; Лонг, Докладная записка о визите японского посла, 10.01.1918, Long Papers, box 183, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 224.)
- ¹⁵⁶¹ Вильсон Лэнсингу, 4.02.1918, приложено к: Лэнсинг Вильсону, 9.02.1918, SD, RG59, 861. 00M097, NA (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 230.)
- ¹⁵⁶² Хауз..., т. 2, с. 274.

- ¹⁵⁶³ Хауз. Дневник 25.02.1918..., т.2, с. 252.
- ¹⁵⁶⁴ Вильсон-Хаузу 8.06.1918. (Хауз..., т.2, с. 274.)
- ¹⁵⁶⁵ Полк Моррису, 5.03.1918, PWW, 46: 545 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 241.)
- ¹⁵⁶⁶ Вильсон Лэнсингу, 4.02.1918, SD, RG59, 861. 00M464 1\2, NA; Вильсон Тэмелти, 23.02.1918, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 290.)
- ¹⁵⁶⁷ Хауз..., т.2, с. 252.
- ¹⁵⁶⁸ Запись 2.02.1918. (Хауз..., т.2, с. 251.)
- ¹⁵⁶⁹ Лэнсинг американскому посольству, Париж, № 3136, без даты. WD, RG120, AEF, American Section, Supreme War Council, box 23, NA; Уйазмен Драммонду, 1.02.1918, Balfour Papers, BM (Дэвис Д., Трани Ю., с. 228, 229)
- ¹⁵⁷⁰ Хауз..., т.2, с. 253.
- ¹⁵⁷¹ Черчилль У, Указ. соч., с. 50.
- ¹⁵⁷² посол США в Токио РС. Моррис (Morris, Roland S.), генеральный консул во Владивостоке Дж. Колдуэлл (Caldwell, John), военный атташе в Пекине майор УС. Драйсдейл (Drysdell, Walter S.)
- ¹⁵⁷³ Волков С.В..., с. 234.
- ⁵⁸⁶
- ¹⁵⁷⁴ Штейн Б.Е., Указ. соч., с. 47.
- ¹⁵⁷⁵ Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке России. — М, 1971, с. 76, 206
- ¹⁵⁷⁶ Копылов В.Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. — М., 1977, с. 192.
- ¹⁵⁷⁷ Людендорф Э..., с. 669-670.
- ¹⁵⁷⁸ Дэвис Д., Трани Ю., с. 292.
- ¹⁵⁷⁹ БСЭ, т. 61, ст. «Чехословацкий корпус».
- ¹⁵⁸⁰ Ленин В.И. Речь на митинге з Политехническом музее (ПСС, изд. 5-е, т. 37, М., 1974, с. 69)
- ¹⁵⁸¹ Levin J. Wilson and World politics, p. 99. (Уткин А.И..., с. 556.)
- ¹⁵⁸² Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Princeton, 1961, v.I., p. 323. (Уткин А.И., с.557.)
- ¹⁵⁸³ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N.Y. 1984, p. 187. (Уткин А.И., с 557-558.)
- ¹⁵⁸⁴ FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 384 (Уткин А.И., с. 559-560)
- ¹⁵⁸⁵ Бальфур Ридингу, 3.07.1918, PWW, 48: 494 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 274)
- ¹⁵⁸⁶ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 186 (Уткин А.И.. с. 559)
- ¹⁵⁸⁷ Вильсон Полку, с вложением, 17.07.1918, PWW, 48: 642 (Дэвис Д., Трани Ю.. с. 277)
- ¹⁵⁸⁸ Лэнсинг. Секретный меморандум, 4.07.1918, Lansing Papers, LC; Лэнсинг. «Меморандум о совещании в Белом доме относительно ситуации в Сибири», 6.07.1918, SD, RG59, 861. 00\2240 1\2, NA (Дэвис Д., Трани Ю., с. 294)
- ¹⁵⁸⁹ Betty Miller Unterberger, «Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The 'Acid Test' of Soviet-American Relations»; Betty M. Unterberger, «President Wilson and the Decision to Send American Troops to Siberia»\\ Pacific Historical Review, 1953, Vol. 24, № 1, p. 70. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 297, прим. 53, с. 302, прим. 133.)
- ¹⁵⁹⁰ Ллойд Джордж Ридингу, 10.07.1918, PWW, 48: 587-588 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 276)
- ¹⁵⁹¹ Лансинг Вильсону, 9.07.1918, PWW, 48: 574-575 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 276)
- ¹⁵⁹² Aide-memoire, from the US Secretary of the State to the Allied Ambassadors, 17.07.1918, Russia, II, p. 287-290 (в кн. Morley J.W., Op. cit.,
- ¹⁵⁹³ Черчилль У, Указ. соч., с. 54
- ¹⁵⁹⁴ Хауз-Вильсону 21.06.1918. (Хауз..., т.2, с. 272.)
- ¹⁵⁹⁵ Какурин Е.Е., Вацетис И.И...
- ¹⁵⁹⁶ Дэвис Д., Трани Ю., с. 294.
- ¹⁵⁹⁷ Черчилль У..., с. 219.
- ¹⁵⁹⁸ Гревз У, Указ. соч., с. 106
- ¹⁵⁹⁸ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 23.
- ¹⁶⁰⁰ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 22.
- ¹⁶⁰¹ ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 34. (Белый Север, с. 364, прим.)
- ¹⁶⁰² Пул Лансингу, 21.08.1919, PWW, 62: 444 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 355)
- ¹⁶⁰³ Лансинг Вильсону, 7.08.1919, Lansing Papers, box 2, NJP (Дэвис Д., Трани Ю., с. 354-355)
- ¹⁶⁰⁴ Herbert Hoover, The Ordeal of Woodrow Wilson, NY, 1958, p. 115-116 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 308.)
- ¹⁶⁰⁵ Ричард Крейн Вильсону, с вложением, 7.05.1918, PWW, 47: 551 (Дэвис Д., Трани Ю., с.261)
- ¹⁶⁰⁶ FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 360. (Уткин А.И... с. 556.)
- ¹⁶⁰⁷ Doubek V. T. G. Masaryk a ceska slovanska politika 1882-1910. Praha. 1999, s. 20 (Шевченко К..., с. 66)
- ¹⁶⁰⁸ Cas. 1904. 21. II (Шевченко К..., с. 67)
- ¹⁶⁰⁹ Narodni politika, 1904, 30. X (Шевченко К..., с. 67)

- ¹⁶¹⁰ Cas. 21.02.1904. 09. II (Шевченко К..., с. 66)
- ¹⁶¹¹ Септу V. Vyvoj a zlociny panslavismu, Praha, 1995, s. 28 (Шевченко К..., с. 66)
- ¹⁶¹² Гревз У, Указ. соч., с. 34.
- ¹⁶¹³ Foreign Office, 371, vol. 3323, 16 мая 1918 (Ротштейн Э., Указ. соч., с. 73)
- ¹⁶¹⁴ Ротштейн Э., Указ. соч., с. 73.
- ¹⁶¹⁵ Гревз У, Указ. соч., с.
- ⁵⁸⁷
- ¹⁶¹⁶ Черчилль У., Указ. соч., с. 54.
- ¹⁶¹⁷ Блисс Лансингу и др., 3.05.1918, PWW, 47: 512-514 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 260-261)
- ¹⁶¹⁸ Киган Д..., с. 505.
- ¹⁸¹⁹ У. Черчилль..., с. 150-151.
- ¹⁶²⁰ Киган Д..., с. 506.
- ¹⁶²¹ The Making of a State, L., 1927, p. 184 (в кн. Ротштейн Э., Указ. соч., с.)
- ¹⁶²² Деникин А.И. (II)..., с. 255.
- ¹⁶²³ Волков С.В..., с. 234.
- ¹⁶²⁴ Краснов В.Г. (II)..., с. 271—272.
- ¹⁶²⁵ Краснов В.Г. (II)..., с. 272.
- ¹⁶²⁶ Краснов В.Г. (II)..., с. 141.
- ¹⁶²⁷ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 153.)
- ¹⁶²⁸ Киган Д..., с. 505, прим. редактора.
- ¹⁶²⁹ См.: Sakharov K. Die tschechoslowakischen legioner in Sibiren. Berlin, 1938. (Литвин А..., с. 213, примечания)
- ¹⁶³⁰ Черчилль У..., с. 301.
- ¹⁶³¹ Кожин В.В..., с. 170-171.
- ¹⁶¹² Краснов В.Г. (I)..., с. 349-350.
- ¹⁶³³ Краснов В.Г. (I)..., с. 369.
- ¹⁶³⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. — М, 1983, с. 16. (Кожин В.В..., с. 170.)
- ¹⁶³⁵ Краснов В.Г. (II)..., с. 63.
- ¹⁶³⁶ Грейс Н. Бейкеру, 21.06. 1919, вложено в: Н. Бейкер Вильсону, 31.06.1919, PWW, 62: 89 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 349)
- ¹⁶³⁷ Нота Верховного Совета адмиралу Колчаку, 26.05.1919. (У. Черчилль..., с. 237; Краснов В. Г. (II)..., с. 55.)
- ¹⁶³⁸ Saito to Tanaka, 23.04.1918, II (в кн. Morley J.W., Op. cit,
- ¹⁶³⁹ Morley J.W., Op. cit., p. 205
- ¹⁶⁴⁰ Колчак — Деникину, 28.12.1918. (Деникин А.И. (III)..., с. 24-25)
- ¹⁶⁴¹ Моррис государственному секретарю, 31.07.1919, FRUS, 1919, Russia, 401 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 352)
- ¹⁶⁴² Сахаров К.В. Белая Сибирь, с. 58 (Волков С.В..., с. 256-257)
- ¹⁶⁴³ Моррис государственному секретарю, 4.08.1919, FRUS, 1919, Russia, 403-404 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 353)
- ¹⁶⁴⁴ Будберг 24.06.1919. (Краснов В.Г. (II)..., с. 76.)
- ¹⁶⁴⁵ Краснов В.Г. (II)..., с. 169.
- ¹⁶⁴⁶ Краснов В.Г. (II)..., с. 131—132.
- ¹⁶⁴⁷ Моррис исполняющему обязанности государственного секретаря, 3.06.1919, с вложением: Харис Рейншу, 31 марта 1919 г., FRUS, 1919, Russia, 395 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 346)
- ¹⁶⁴⁸ Лэнсинг генеральному консулу в Иркутске, временно находившемуся в Омске, для Морриса, 26 июля 1919 г., FRUS, 1919, Russia, 399 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 347)
- ¹⁶⁴⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. — Харбин, 1921, ч. 1, с. 4; т. 2, с. 137-139 (Литвин А..., с. 167-168)
- ¹⁶⁵⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 90.
- ¹⁶⁵¹ Гревз У, Американская авантюра в Сибири. — М, 1932, с. 170.
- ¹⁶⁵² Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 354.)
- ¹⁶⁵³ Гревз У, Американская авантюра в Сибири. — М, 1932, с. 212.
- ¹⁶⁵⁴ Гревз У, Американская авантюра в Сибири. — М, 1932, с. 244 .
- ¹⁶⁵⁵ Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. — М., 1957, с. 66. (Урланис Б.Ц..., с. 188.)
- ¹⁶⁵⁶ Ричардсон У.П... (Голдин В.И..., с. 416.)
- ¹⁶⁵⁷ Гревз У. Указ. соч., с. 116.
- ¹⁶⁵⁸ Краснов В.Г. (I)..., с. 403—404.
- ¹⁶⁵⁹ Генерал Болдырев запись в дневнике от 14.10. (Краснов В.Г. (I)..., с. 435.)
- ¹⁶⁶⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 310.
- ¹⁶⁶¹ Краснов В.Г. (II)..., с. 314.
- ¹⁶⁶² CR, LVII, 1, p. 342-347, 931-932 (Теребов О.В., Указ. соч., с. 15-17)

- ¹⁶⁶³ Хауз, Дневник, 17.02.1919, PWW, 55: 203-204 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 318-319)
- ⁵⁸⁸
- ¹⁶⁶⁴ Гревз У, Американская авантюра в Сибири. — М, 1932, с. 145
- ¹⁶⁶⁵ Гревз В., Американская авантюра в Сибири. — М, 1932, с. 192
- ¹⁶⁶⁶ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 24.
- ¹⁶⁶⁷ Дэниеле. Дневник, 9.07.1918, PWW, 48: 578 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 268)
- ¹⁶⁶⁸ Штейн Б.Е..., с. 73.
- ¹⁶⁶⁹ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 124.)
- ¹⁶⁷⁰ См.: о блокаде Лансинг Вильсону, 1.08.1919, PWW, 62: 108-110; о торговле Колби Вильсону, с вложением, 11.06.1920, PWW, 65: 389-390; Дэвис Вильсону, 23.06.1920, PWW, 65: 455; Дэвис Вильсону, 24.06.1920, PWW, 65: 455-456 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 376)
- ¹⁶⁷¹ Из справки «Советско-американские отношения» заместителя министра иностранных дел СССР, председателя Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова. 10.01.1945. (АВП РФ. ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 173, л. 32-43.) (Советско-американские..., с. 758-762)
- ¹⁶⁷² Из справки «Советско-американские отношения» заместителя министра иностранных дел СССР, председателя Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова. 10.01.1945. (АВП РФ. ф. 06, оп. 7, п. 17, д. 173, л. 32-43.). (Советско-американские..., с. 758-762)
- ¹⁶⁷³ Штейн Б.Е..., с. 72.
- ¹⁶⁷⁴ Штейн Б.Е..., с. 128.
- ¹⁶⁷⁵ Ллойд Джордж — Филипу Керру, 16.02.1919. (Черчилль У..., с. 230-231)
- ¹⁶⁷⁶ Хауз-Вильсону 23 февраля 1919 г. (Хауз Э..., т.2, с. 592)
- ¹⁶⁷⁷ FR of the USA, Paris Peace Conference, 1919, HI, p. 491.
- ¹⁶⁷⁸ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 26.
- ¹⁶⁷⁹ Отчеты о заседаниях английского парламента 8,17.11.1919. (Деникин А.И. (III)..., с. 155-156)
- ¹⁶⁸⁰ Черчилль У..., с. 465-466.
- ¹⁶⁸¹ Трухановский В.Г..., с. 184.
- ¹⁶⁸² Игнатъев А..., с. 518.
- ¹⁶⁸³ Дэвис Д., Трани Ю..., с. 9.
- ¹⁶⁸⁴ Трухановский В.Г..., с. 178.
- ¹⁶⁸⁵ Трухановский В.Г..., с. 178.
- ¹⁶⁸⁶ Трухановский В.Г..., с. 190.
- ¹⁶⁸⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 178.
- ¹⁶⁸⁸ Ленин В.И. Собр. Сочин. 4-е изд. Т. 42, с.22.
- ¹⁶⁸⁹ Ленин В.И., Указ. соч., т. XXIV, с. 594.
- ¹⁶⁹⁰ Трухановский В.Г..., с. 185.
- ¹⁶⁹¹ Трухановский В.Г..., с. 186.
- ¹⁶⁹² Язьков Е.Ф...
- ¹⁶⁹³ Трухановский В.Г..., с. 186-187.
- ¹⁶⁹⁴ Конспект речи 5 декабря 1919 г. (Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 427)
- ¹⁶⁹⁵ Штейн Б.Е..., с. 371.
- ¹⁶⁹⁶ Деникин А.И. (III)..., с. 176-177.
- ¹⁶⁹⁷ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 428-129.; Деникин А.И. (III)..., с. 177-178.
- ¹⁶⁹⁸ Трухановский В.Г..., 464 с. 198.
- ¹⁶⁹⁹ Язьков Е.Ф...
- ¹⁷⁰⁰ Трухановский В.Г..., с. 200.
- ¹⁷⁰¹ Бьюкенен Дж..., с. 395.
- ¹⁷⁰² Черчилль У..., с. 326-327.
- ¹⁷⁰³ Добровольский С... с. 17
- ¹⁷⁰⁴ Черчилль У..., с. 291.
- ¹⁷⁰⁵ Янг Дуглас «Британия и Россия», «Геральд». 1919 г.
- ¹⁷⁰⁶ Письмо консула США в Архангельске Коула послу Фрэнсису. Архангельск, 1.06.1918. (United States. Department of State. Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia. Washington, 1932, Vol. II, p. 477-484 (Голдин В.И..., с. 441-442.)
- ¹⁷⁰⁷ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 380-381.)
- ¹⁷⁰⁸ Ротштейн Э., Указ. соч., с. 125.
- ¹⁷⁰⁹ Ленин В.И. Объединенное заседание ВЦИК и Московского Совета, 4.06.1918. (ПСС, изд. 5-е. т. 36. — М., 1962, с. 416)
- ⁵⁸⁹
- ¹⁷¹⁰ Робиен Л. 27.04.1918... (Голдин В.И..., с. 167.)
- ¹⁷¹¹ Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 512.
- ^{17.2} Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 513.

- 1713 Игнатъев..., с. 515.
- 1714 Александр М..., с. 326-327.
- 1715 Бердяев Н.А. Самопознание..., с. 453-454.
- 1716 Бердяев Н.А. Самопознание..., с. 505.
- 1717 Александр М..., с. 377.
- 1718 Открытое письмо В.И. Игнатъева Н.В. Чайковскому, Ново-Николаевск, 9.02.1922. Известия ВЦИК, 10.03.1922, (Белый Север, т. 2, с. 446-450)
- 1719 Мельтюхов М.И..., с. 18.
- 1720 Падеревский — Хаузу 12 января 1919 г. (Хауз Э..., т.2, с. 523.)
- 1721 Хауз-Вильсону 21.01.19. (Хауз Э..., т.2, с. 523-524.)
- 1722 Заметки о заседании Высшего Военного Совета 12.01.1919, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 308)
- 1723 ДМИСПО. Т. 2. С.84-88. (Мельтюхов М.И..., с. 21.)
- 1724 ДМИСПО. Т. 2. С. 98-100, 105-107; ДВП. Т. 2. С. 74-76. (Мельтюхов М.И..., с. 20.)
- 1725 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 76-84. (Мельтюхов М.И..., с. 21.)
- 1726 Мельтюхов М.И..., с. 21.
- 1727 Мельтюхов М.И..., с. 24-26.
- 1728 ДМИСПО. Т. 2. С. 221; ДВП. Т.2. стр. 142-143, 151-152 (Мельтюхов М.И..., с. 27)
- 1729 ДМИСПО. Т. 2. С. 282-283, 294-295; ДВП. Т. 2. С. 235 (Мельтюхов М.И..., с. 27)
- 1730 Мельтюхов М.И..., с. 23.
- 1731 ДМИСПО. Т.2. С. 404 (Мельтюхов М.И..., с. 27-28)
- 1732 ДМИСПО. Т.2. С. 446-447; ДВП. Т.2. С. 312-313 (Мельтюхов М.И..., с. 28)
- 1733 ДМИСПО. Т.2. С. 508-509; ДВП. Т. 2. С. 331-333 (Мельтюхов М.И..., с. 28-29)
- 1734 ДМИСПО. Т.2. С. 511-513; ДВП. Т. 2. С. 355-357 (Мельтюхов М.И..., с. 29)
- 1735 ДМИСПО. Т.2. С. 543-544, 565; 566-567; ДВП. Т.2. С. 386-387, 397-399, 399-400 (Мельтюхов М.И..., с. 29, 31)
- 1736 Мельтюхов М.И..., с. 29.
- 1737 ДМИСПО. Т.2. С. 615-616; ДВП. Т. 2. С. 427-428, ДМИСПО. Т.2. С. 634-636 (Мельтюхов М.И..., с. 31)
- 1738 ДМИСПО. Т.2. С. 658-659; ДВП. Т. 2. С. 480-482 (Мельтюхов М.И..., с. 31-32)
- 1739 Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 556-557; Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 32 (Мельтюхов М.И..., с. 28)
- 1740 Из справки «Советско-американские отношения» заместителя министра иностранных дел СССР, председателя Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова. 10 января 1945 г. (АВП РФ. ф. 06, оп. 7, п. 17, д. 173, л. 32^3.). (Советско-американские..., стр. 758-762)
- 1741 Какурин Н. Гражданская война в России: Война с белополяками — М.: АСТ, СПб Terra Fantastica, 2002. - 730 с, с. 70.
- 1742 Kutzeba S. Polska odrodzona (Деникин А.И. (III)..., с. 169)
- 1743 Михутина И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919-1920 гг. \ Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996, С. 165 (Мельтюхов М.И..., с. 29-30)
- 1744 Деникин А.И. (III)..., с. 168.
- 1745 Арский К. Генерал-партизан Булак-Балахович // Ч. № 645, с. 29; Волков С.В..., с. 233.
- 1746 Деникин А.И. (III)..., с. 165-166.
- 1747 Деникин А.И. (III)..., с. 166.
- 1748 Черчилль У, Мировой кризис. — М.-Л., 1932, с. 169
- 1749 Черчилль У..., с. 325.
- 1750 Мельтюхов М.И..., с. 24-26.
- 1751 Мельтюхов М.И..., с. 39.
- 1752 Михутина И.В. Польско-советская война 1919-1920 гг. — М., 1994, с. 157-158 (Мельтюхов М.И..., с. 39-40)
- 1753 ДВП.Т.2, с. 552-553, 565-566. (Мельтюхов М.И..., с. 62, 63.)
- 1754 ДВП.Т.3.М.,1959, с.54-55. (Мельтюхов М.И... с. 71.)
- 590
- 1755 Черчилль У..., с. 322.
- 1756 ДВП.Т.3, с.61; ДМИСПО. Т.3, с. 190. (Мельтюхов М.И..., с. 76.)
- 1757 ДВП.Т.3, с. 60-61 . (Мельтюхов М.И..., с. 76.)
- 1758 Директивы Главного командования, с.644-645. (Мельтюхов М.И..., с. 76.)
- 1759 Известия ВЦИК. 8.08.1920. (Мельтюхов М.И..., с. 84.)
- 1760 Черчилль У..., с. 324.
- 1761 Черчилль У..., с. 325, 326.
- 1762 24.06.1920. «Коммунист» Харьков. Сталин И.В. Сочинения. Т.4 —М., 1947.С.329-334.

(Мельтюхов М.И..., с. 72.)

¹⁷⁶³ 11.07.1920. «Правда» — М., Сталин И.В. Сочинения. Т.4. — М., 1947.С.336-341. (Мельтюхов М.И..., с. 72-73.)

¹⁷⁶⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. — М., 1993. С.34; Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919-1921 гг.// Новая и новейшая история. 1995. № 3, с.64-69; Костюшко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 г.// Славяноведение. 2000. № 3, с.42-62; Дайнес В.О. Россия-Польша. Работа над ошибками //Независимая газета. 3.11.2000; Филимошин М.В. «Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели как большевики» // Военно-исторический журнал. 2001. № 2, с.43-48. (Мельтюхов М.И..., с. 104-105.)

¹⁷⁶⁵ ДМИСПО. Т.2, с. 205. (Мельтюхов М.И..., с. 21.)

¹⁷⁶⁶ Шульгин В.В. 1920 (Шульгин В.В..., с. 516)

¹⁷⁶⁷ Александр М..., с. 408.

¹⁷⁶⁸ Из справки «Советско-американские отношения» заместителя министра иностранных дел СССР, председателя Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова. 10.01.1945. (АВП РФ. ф. 06, оп. 7, п. 17, д. 173, л. 32-43.). (Советско-американские..., с. 758-762)

¹⁷⁶⁹ Дэвис Д., Трани Ю., пред. В. Никонова, с. 11.

¹⁷⁷⁰ Записки генерала Богатко. Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. Изд. Финансового Агенства США. (Головин Н.Н..., с. 246.)

¹⁷⁷¹ Экономическая история СССР и зарубежных стран. Под ред. Шемякина. — М.: 1978, с. 268.

¹⁷⁷² Зайончковский А.М..., с. 849.

¹⁷⁷³ Ленин В.И. ПСС т. 36., с. 401, 411, 504-505.

¹⁷⁷⁴ Выдержки из протокола совещания. Разложение Армии в 1917 г. стр. 7. (Головин Н.Н..., с. 255.)

¹⁷⁷⁵ Кара-Мурза С..., с. 108-109.

¹⁷⁷⁶ Блок А. Последние дни императорской власти.—Петербург, 1921, с. 21., (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 14-15, 18.)

¹⁷⁷⁷ Кара-Мурза С..., с. 113.

¹⁷⁷⁸ Кара-Мурза С..., с. 129-130.

¹⁷⁷⁹ Деникин А.И. (I)..., с. 47-48.

¹⁷⁸⁰ Деникин А.И.(I).

¹⁷⁸¹ Despatch D. 3; British Embassy, Petrograd. Brigadier General A. Knox; подлинник хранится в архиве Британского Военного Министерства. (Головин Н.Н..., с. 256-257.)

¹⁷⁸² Деникин А.И. (I)..., с. 155.

¹⁷⁸³ Уткин А.И. Черчилль..., с. 173.

¹⁷⁸⁴ Воспоминания Н. Суханова

¹⁷⁸⁵ Stone N. The Eastern Front 1914-1917.— London, 1975, с. 18. (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 18.)

¹⁷⁸⁶ К.Радек, Пути русской революции, «Красная Новь», № 4, 1921, с. 188. (ЧКК..., с. 90.)

¹⁷⁸⁷ Черчилль У..., с. 289.

¹⁷⁸⁸ Черчилль У..., с. 290.

¹⁷⁸⁹ Сигов И. Аракчеевский социализм: Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. — Пг: Вольное экономическое общество, 1917.

¹⁷⁹⁰ Робиен Л. 14 мая 1918 г... (Голдин В.И..., с. 173.)

¹⁷⁹¹ Робиен Л. 3 июня 1918 г... (Голдин В.И..., с. 178.)

⁵⁹¹

¹⁷⁹² Ленинский сборник, т. 18 (1931), с.145-146, цит. по: D.Volkogonov, Le Vrai Lenine, Paris, R. Laffont, 1995, p.248. (ЧКК..., с 95.)

¹⁷⁹³ РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории), 158/1/10; С.А. Павлюченков, цит.соч., с. 29. (ЧКК..., с. 87.)

¹⁷⁹⁴ Ленин В. ПСС. т. XV, с. 508.

¹⁷⁹⁵ Ленин В. ПСС. т. XVI, с. 143, 105.

¹⁷⁹⁶ Ленин В. ПСС. т. XV, с. 508.

¹⁷⁹⁷ Троцкий Л.Д. «Наша революция», 1906 г., стр. 255. цит. по: Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?

¹⁷⁹⁸ История..., с. 69-71.

¹⁷⁹⁹ Речь Свердлова на 4 заседании ВЦИК. Знамя труда 16.5.1918.

¹⁸⁰⁰ Наше Отечество. Т. 2. С. 49.

¹⁸⁰¹ Кара-Мурза С..., с. 251-253.

¹⁸⁰² Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК. — М.: 1960, с. 82.

¹⁸⁰³ Ленин т. 50, с. 143-144.

¹⁸⁰⁴ РЦХИДНИ, 76/3/109. (ЧКК..., с. 115.)

- 1805 РЦХИДНИ, 17/84/75/28. (ЧКК..., с. 118.)
- 1806 Троцкий Л. Хозяйственный фронт. (Доклад на заседании первой сессии ВЦИК, 13. 02. 1920.)
- 1807 Л. Троцкий. На пути к социализму... («Известия ВЦИК» № 24 (871), 4. 02. 1920.)
- 1808 «Военная наука и революция», Кн. 1, 1921 (Деникин А.И. (III)..., с. 303)
- 1809 Заседание Верховного Круга 16.01.1920. Речь Деникина (Деникин А.И. (III)..., с. 356)
- 1810 Робиен Л... (Голдин В.И..., с. 207.)
- 1811 Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. — Берлин, 1923.
- 1812 Записка министра земледелия П.А.Богданова (Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М., «Отечество», 1991, с. 314)
- 1813 Карпов Н.Д..., с. 100.
- 1814 Раковский Г. Конец белых. — Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 434.
- 1815 Деникин А.И. (III)..., с. 274.
- 1816 Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 478.
- 1817 Краснов В.Г (II)..., с. 85—86.
- 1818 Краснов В.Г. (И)..., с. 86.
- 1819 Краснов В.Г. (И)..., с. 186.
- 1820 Ларс Т. Ли «Хлеб и власть в России. 1914-1921». 1990. (Кара-Мурза С..., с. 254.)
- 1821 Составлено автором на основании данных: Наркомпрод. Четыре года продовольственной работы. — М.: Наркомпрод, 1922. С. 18. Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884-1910 гг. Пг., 1915; Прегер РИ. Производство главнейших хлебов России за двадцатипятилетие 1888-1912 гг. Пг., 1915; Россия на рубеже XIX-XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. — М.: МГУ, 20.01.1999. М.6 «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 352с, с. 199. Записки генерала Богатко. Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. Изд. Финансового Агенства США. (Головин Н.Н..., с. 246.) См. также А. Литвин «Годовая потребность страны в хлебе исчислялась в 774 млн. пудов. В 1918 — 1919 гг. было собрано 107,9 млн. пудов хлеба и зернофуража, в 1919-1920 гг. 212,5 млн. пудов, в 1920— 1921 гг. — 367 млн. пудов». (Литвин А.Л..., с. 97)
- 1822 Кара-Мурза С..., с. 252-253.
- 1823 Кара-Мурза С..., с. 252-253.
- 1824 Ленин В. О продовольственном налоге.
- 1825 Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?
- 1826 Черчилль У..., с. 187.
- 1827 Ллойд Джордж Д. Правота нашего дела (10.11.1914) (Ллойд Джордж Д..., с. 68)
- 1828 Ллойд Джордж Д. Обращение к общественности Ланкашира (Манчестер 3.06.1915) (Ллойд Джордж Д..., с. 115)
- 1829 Ллойд Джордж Д. Обращение к общественности Ланкашира (Манчестер 3.06.1915) (Ллойд Джордж Д..., с. 115-117)
- 1830 Черчилль У..., с. 95-96.
- 1831 Ллойд Джордж Д..., с. 62.
- 1832 Шамбаров В.Е..., с. 561.
- 1833 Ллойд Джордж Д..., с. 85.
- 1834 Keynes, J.M..., P. 377-378.
- 1835 Keynes, J.M..., P. 427.
- 1836 Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. — М., 1988, с. 253.
- 1837 6.07.1915. История рабочего класса в СССР: рабочий класс в 1907-1917 гг. — М., 1982.
- 1838 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1923, с. 121.
- 1839 Шамбаров В.Е..., с. 567.1
- 1840 Бьюкенен Дж..., с. 224.
- 1841 Меморандум послу, 3.09.1917, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю.. с. 130)
- 1842 Корнилов Л. «Обращение к народу» 28.08.1917. (Деникин А.И. (II)..., с. 15)
- 1843 Парижская газета «Тан» от 4.04.1924. (Головин Н.Н..., с. 229.)
- 1844 Головин Н.Н..., с. 229.
- 1845 Шульгин В.В. Дни (Шульгин В.В..., с. 203)
- 1846 Крушение империи. Архив Русской Революции, т. XVII. (Головин Н.Н..., с. 254.)
- 1847 Деникин А.И. (I)..., с. 161-162.
- 1848 Моррис государственному секретарю, 8.11.1917, FRUS, 1918, Russia, 1: 225 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 134)

- 1848 Ленин В.И. Речь на объединенном заседании ВЦИК 29.07.1918. (ПСС изд. 5-е, т. 37, М., 1974, с. 14)
- 1849 Троцкий Л. На пути к социализму...
- 1850 Доклад 4.05.1921, с. ПО (Coates W. P., Russia's counter-claims, L., 1924, p. 30-31)
- 1851 Ленин В.И. ПСС. — Изд. 5-е. Т. 34, с. 310.
- 1852 Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти». Коммунист. 1962. № 14, с. 13.(Геллер М.Я.,Некрич А.М....с. 52.)
- 1853 Э. Хауз — президенту 9.02.1916. Хауз..., т.1, с. 370.
- 1854 Ленин В.И. ПСС. — Изд. 5-е. Т. 36, с. 300.
- 1855 Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. 10-14. 09. 1917. — Петроград: «Прибой», 1917 г. Ленин В.И. ПСС Т. 34. С. 151-199.
- 1856 Ленин В.И. Политический доклад Центрального комитета чрезвычайному VII съезду РКП(б), с. 102-108.
- 1857 Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?
- 1858 Ф. де лос Риос. Мое путешествие в Россию (Земляной С.Н. Ленин и «третий путь» России (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 689))
- 1859 Stresemann G. Vermachtnis. — Berlin, 1932, Band II, S. 112 (Уткин А.И.. с. 573-574)
- 1860 Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1918-1927 г.) — М.: Начало-Пресс, 1996.
- 1861 Герцен. Екатерина Романовна Дашкова (Покровский М..., с. 172-173)
- 1862 Шубарт В. Европа..., с. 340.
- 1863 Грациози А..., с. 28.
- 1864 Троцкий Л. Задачи трудовой мобилизации. (Доклад на заседании первой сессии ВЦИК 13.02.1920) (Л. Троцкий. На пути к социализму...)
- 1865 Троцкий Л. На пути к социализму... 1866 Троцкий Л. На пути к социализму...
- 1867 Троцкий Л. Хозяйственный фронт. (Доклад на заседании первой сессии ВЦИК 13.02.1920) (Л. Троцкий. На пути к социализму... («Известия ВЦИК» № 24 (871), 4.02.1920))
- 1868 Людендорф Э..., с. 339
- 1869 Лемке М.К..., 1916, с. 191.
- 1870 Яковлев Н.Н..., с. 294.
- 1871 Яковлев Н.Н..., с. 295-296.
- 1872 Деникин А.И. (I)..., с. 163.
- 1873 Доклад от 17(30).07.1917. № 842.
- 1874 Ленин В.И. ПСС. — Изд. 5-е. Т. 34, с. 155.
- 1875 Деникин А.И. (I)..., с. 161-162.
- 593
- 1876 «Экономическая жизнь», № 177, 1919 г.; (Егоров А.И., с. 38.)
- 1877 Деникин А.И. (I)..., с. 165.
- 1878 Trotsky Papers, vol II, p. 22. (ЧКК..., с. 109.)
- 1879 Ларин и Крицман, Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России, ГИЗ, 1920, с. 29 (Егоров А.И., с. 37)
- 1880 Егоров А.И., с. 37.
- 1881 Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики 1918-1920. — М.-Л., 1930, с. 85-86
- 1882 Ларин и Крицман, Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России, ГИЗ, 1920, с. 29 (Егоров А.И., с. 37)
- 1883 Ллойд Джордж Д. Уголь и война (Лондон 29.07.1915) (Ллойд Джордж Д..., с. 196)
- 1884 ЧКК..., с. 106.
- 1885 Trotsky Papers, vol II, p.20. (ЧКК..., с. 109.)
- 1886 V. Brovkin, Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994, p.297. (ЧКК..., с. 109.)
- 1887 РЦХИДНИ, 17/84/43/2-4. (ЧКК..., с. 106.)
- 1888 РЦХИДНИ, 17/66/68/2-5; 17/6/351. РЦХИДНИ, 17/6/351. (ЧКК..., с. 106.)
- 1889 РЦХИДНИ, 17/6/197/105; 17/66/68. (ЧКК..., с. 106.)
- 1890 Государственная дума. Созыв III. Сессия 1 Стенографические отчеты. — СПб.; 1908. Стб.1389. (Шацилло К.Ф..., с. 313.)
- 1891 Добровольский С... с. 109-110.
- 1892 Бьюкенен Дж..., с. 304.
- 1893 Вопросы истории. 1994. № 4. С. 16-17. (Хрестоматия..., с.447.)
- 1894 Кронштадт, 1921..., с.367. (ЧКК..., с. 129.)
- 1895 Троцкий Л. На пути к социализму...
- 1896 Троцкий Л. На пути к социализму...
- 1897 Троцкий Л. Хозяйственный фронт. Доклад на заседании первой сессии ВЦИК 3.02.1920. (Л. Троцкий. На пути к социализму... («Известия ВЦИК» № 24 (871), 4.02.1920.))

- 1898 Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М, 1988. [24.
- 1899 Троцкий Л.Д. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М., Л.: 1925)
- 1900 Ленин В. О продовольственном налоге. 21.04.1921.
- 1901 Кара-Мурза С..., с. 249-250.
- 1902 Черчилль У..., с. 98.
- 1903 Черчилль У..., с. 97.
- 1904 Черчилль У..., с. 96.
- 1905 Робинс, Дневник, 14.11.1917, 15.11.1917, Robins Papers, box 42, WSHS; R. H. Bruce Lockhart, British Agent, NY, 1933, p. 222 (Дэвис Д.Э., Трани ЮЛ... с. 140-141)
- 1906 Милуков П.Н..., с. 493-494.
- 1907 Лемке М.К..., 1916, с. 355.
- 1908 Эпперсон Р. Невидимая рука. — СПб, 1996, [135.
- 1909 Осоргин М. Времена. — Париж, 1955, с. 159. (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 111.)
- 1910 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII, с. 57-58.
- 1911 Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1, с. 59. (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 114.)
- 1912 Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 111.
- 1913 В.Данилов, Т.Шанин, Крестьянское восстание в крестьянской губернии в 1919-1921. — Тамбов, 1994, с.38-40. (ЧКК..., с. 119.)
- 1914 ГАРФ, 1064/1/33. (ЧКК..., с. 134.)
- 1915 РЦХИДНИ, 17/87/296/3-36. (ЧКК..., с. 133-134.)
- 1916 М.С.Френкин. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918-1921. — Иерусалим, 1987; O.Figes. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in the Revolution, Oxford, 1989; V. Brovkin. Behind.. (ЧКК..., с. 113.)
- 1917 М. Богданов, Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа, Тюмень, 1961. (ЧКК..., с. 127.)
- 1918 Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. — Л., 1964. Ч. 1, с. 117.
- 1919 О Сибири см. донесение Павлуновского Дзержинскому: РГАСПИ. Ф. 76 (Дзержинский). Оп. 3. Д. 167. Л 90; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии, с. 16. (Грациози А..., с. 32.)
- 594
- 1920 РЦХИДНИ, 76/3/166/3. (ЧКК..., с. 127.)
- 1921 РЦХИДНИ, 76/3/208/12. (ЧКК..., с. 127.)
- 1922 РЦХИДНИ, 2/1/26847. (ЧКК..., с. 133.)
- 1923 Донесение от 14.02.1922. (ЧКК..., с. 133.)
- 1924 Кожин В.В..., с. 225.
- 1925 Лагунов К. И сильно налетает снег. — Тюмень, 1994, с. 104. (Кожин В.В..., с. 224.)
- 1926 Троцкий Л.Д. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М., Л.: 1925)
- 1927 Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской Социалистической революции. Документы и материалы. Март-октябрь 1917 г. — М., Л.: 1957. 4.1., с. 196-201.
- 1928 Уошберн Бейкеру, 8.07.1917, N. Baker Papers, box 4, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 97)
- 1929 См. также: Lewin M. Russia, USSR, Russia. P. 42; Венер М. Голод.. Сильные эпидемии тоже прекратились только в 1923 г. (Грациози А ..., с. 39-40.)
- 1930 А.Беляков. Юность вождя. — М, 1960, с.80-82, цит. по: М.Heller, art.cit., p. 134. (ЧКК..., с. 137.)
- 1931 Компартия Украины в резолюциях., с. 116 и сл. (Грациози А..., с. 37.)
- 1932 ЦА ФСБ РФ Следственные дела о «Союзном бюро ЦК РСДРП», т.9, с. 34. (Литвин А..., с. 98)
- 1933 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. Документов. — М., 1957.Т.1, с. 225-227. (Хрестоматия..., с. 448-449.)
- 1934 Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. — М.: Наука, 1983, с. 231.
- 1935 История..., с. 246.
- 1936 Ленин В. «О продовольственном налоге» 21.04.1921.
- 1937 Ленин т. 44, с. 207.
- 1938 Бунин И. 500-летняя война в России. Кн.1. —К.: А.С.К.; СПб.: Облик, 1999. - 368 с, с. 104.
- 1939 «Известия ЦК КПСС», 1990, Л» 4, с. 191. (Кожин В.В..., с. 211.)
- 1940 Русская Православная церковь и коммунистическое государство, 1917-1941, М.,1996, с.69. (ЧКК..., с. 139.)
- 1941 РЦХИДНИ,2/2/48/36. (ЧКК..., с. 139.)
- 1942 Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом... с. 42.
- 1943 Население..., т.1, с. 130.
- 1944 Егоров А.И., с. 34.
- 1945 Население..., т.], с. 132.
- 1946 Головин Н.Н...,с. 103.
- 1947 Полетаев А., Савельева И. Сравнительный анализ двух системных признаков в российской

- истории (1920-е - и 1990 — е гг.) Экономическая история. Ежегодник. 2000. — М.: РОССПЭН, 2001. - 712 с., с. 118.
- ¹⁹⁴⁸ Население..., т.1, с. 102.
- ¹⁹⁴⁹ Я. Иоффе дает другие сведения. К январю 1919 произошло сокращение сбора пшеницы до 45% к уровню 1913, ячменя — 37%. (Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики 1918-1920. — М.-Л., 1930, с. 85-86.)
- ¹⁹⁵⁰ Шамбаров В.Е..., с. 587.
- ¹⁹⁵¹ Макдоно Д..., с. 560
- ¹⁹⁵² Людендорф Э..., с. 345
- ¹⁹⁵³ Людендорф Э..., с. 346-347
- ¹⁹⁵⁴ Г.Д. Уэллс..., с. 291
- ¹⁹⁵⁵ Э. Хауз — Вильсону 8 ноября 1918 г. (Хауз Э..., т.2, с. 502.)
- ¹⁹⁵⁶ Э. Хауз — Вильсону 11 ноября 1918 г. (Хауз Э..., т.2, с. 503.)
- ¹⁹⁵⁷ Черчилль У..., с. 326-327.
- ¹⁹⁵⁸ Письмо консула США в Архангельске Коула послу Фрэнсису. Архангельск, 1.06.1918. (United States. Department of State. Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia. Washington, 1932, Vol. II, p. 477-484 (Голдин В.И..., с. 437-440).
- ¹⁹⁵⁹ Полк — Вильсону, 11.07.1919, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 342)
- ¹⁹⁶⁰ Пул — Лэнсингу, 21.08.1919, PWW, 62:445 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 355-356)
- ¹⁹⁶¹ Население..., т.1, с. 132.
- ¹⁹⁶² Coates W. P., Russia's counter-claims, L., 1924, p. 32-33
- ¹⁹⁶³ Шамбаров В.Е..., с. 587.
- ¹⁹⁶⁴ У Черчилль 19.01.1919. (Черчилль У..., с. 129.)
- ¹⁹⁶⁵ У. Черчилль 3.03.1919. (Черчилль У..., с. 130.)
- ¹⁹⁶⁶ Черчилль У..., с. 209.
- ¹⁹⁶⁷ Черчилль У..., с. 84-85.
- ¹⁹⁶⁸ Черчилль У..., с. 321.
- ¹⁹⁶⁹ Людендорф Э..., с. 565
- ¹⁹⁷⁰ Муров Н. Плоды народовластия. С. 65.
- ¹⁹⁷¹ Ibid., h. 148-149. (ЧКК..., с. 136.)
- ¹⁹⁷² Приказ Дзержинского от 28.02.1921. (V.Brovkin, Behind..., p.400. (ЧКК..., с. 129.))
- ¹⁹⁷³ ЧКК..., с. 136.
- ¹⁹⁷⁴ Население..., т.1, с. 132-133.
- ¹⁹⁷⁵ Яковлев Н.Н..., с. 173-174.
- ¹⁹⁷⁶ Шамбаров В.Е..., с. 563-564.
- ¹⁹⁷⁷ Милоков П.Н..., с. 493^94.
- ¹⁹⁷⁸ Фадеев Р.А..., с. 164.
- ¹⁹⁷⁹ Дэвис Д., Трани Ю..., с. 204.
- ¹⁹⁸⁰ Кара-Мурза С..., с. 254.
- ¹⁹⁸¹ Из справки «Советско-американские отношения» заместителя министра иностранных дел СССР, председателя Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова. 10.01.1945. (АВП РФ. ф. 06, оп. 7, и. 17, д. 173, л. 32-43.). (Советско-американские..., с. 758-762)
- ¹⁹⁸² FR of the USA, Russia, 1919, p. 103-104 (в кн. Штейн Б.Е., Указ. соч., с. 170)
- ¹⁹⁸³ РГАЭ Ф. 219. Оп.1. Д. 559. Л. 23.
- ¹⁹⁸⁴ Деникин А.И. (III)..., с. 171, примечание.
- ¹⁹⁸⁵ Краснов В.Г. (II)..., с. 93.; Ротштейн Э., Указ. соч., с. 115.
- ¹⁹⁸⁶ Черчилль У..., с. 85-86
- ¹⁹⁸⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. IV. — Берлин, с. 86.
- ¹⁹⁸⁸ Егоров А.И., с. 91.
- ¹⁹⁸⁹ Гревз У, Американская авантюра в Сибири, М, 1932, Предисл, с. XXXVIII; Рогачев А. Бюджет адмирала Колчака (Экономика и Жизнь, СПб, № 88, ноябрь, 1998); ЦГАОР, ф. 200, оп. 1, д. 28, л. 10, оп. 3, д. 7, л. 122, 155, д. 79, л. 27-28, д. 85, л. 27, 70, оп.4, д. 51, л. 22-24, д. 62, л. 75, д. 64, л. 42, 75 (Антисоветская интервенция и ее крах, М, 1987, с. 54-70); (Урланис Б.Ц..., с. 188. Дерябин А.И. Белые армии, с. 7-8), Какурин Н. Гражданская война в России; Война с белополяками — М.: АСТ, СПб Terra Fantastica, 2002. - 730 с, с. 70.
- ¹⁹⁹⁰ БСЭ, т. 28, ст. «Интервенция», 1937, с. 644
- ¹⁹⁹¹ Лукомский А.С. Деникин и Антанта. (Из книги «А.С. Лукомский, Воспоминания, т. II, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М., «Отечество», 1991, с. 77
- ¹⁹⁹² Воля России. — Прага, 1923, № 11, с. 35 (Думова Н.Г., Трухановский В.Г..., с. 182)
- ¹⁹⁹³ Черчилль У, Мировой кризис. — М.-Л., 1932, с. 167; Гревз У, Американская авантюра в

- Сибири. — М, 1932, с. 244 предисл., с. XXXIII Рогачев А. Бюджет адмирала Колчака (Экономика и Жизнь, СПб, №88, ноябрь, 1998); ЦГАОР, ф. 200, оп. 1, д. 28, л. 10, оп. 3, д. 7, л. 122, 155, д. 79, л. 27-28, д. 85, л. 27, 70, оп.4, д. 51, л. 22-24, д. 62, л. 75, д. 64, л. 42, 75 (Антисоветская интервенция и ее крах. — М, 1987, с. 54-70); (Урланис Б.Ц..., с. 188. Дерябин А.И. Белые армии, с. 7-8.)
- ¹⁹⁹⁴ Антисоветская интервенция и ее крах, с. 56; Дело Бориса Савинкова. — М, 1924, с. 37-39;
- Morley J. W., The Japanese Thrust into Siberia, New-York, 1957, p. 239; Ullman R., Intervention and the War, London, 1961, p. 43
- ¹⁹⁹⁵ Штейн Б. Е., Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918-1920. — М, 1949, с. 386; Черчилль У..., с. 311.
- ¹⁹⁹⁶ 160 млн. — Краснов В.Г. (II)..., с. 148—149.
- ¹⁹⁹⁷ Черчилль У..., с. 329.
- ¹⁹⁹⁸ Муров Н. Плоды народовластия, с. 62-63.
- ¹⁹⁹⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 148.
- ²⁰⁰⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 145—146.
- ²⁰⁰¹ Уткин А.И... с. 475.
- ⁵⁹⁶
- ²⁰⁰² Краснов В.Г. (II)..., с. 51.
- ²⁰⁰³ БСЭ, т. 28, ст. «Интервенция», 1937, с. 646-647
- ²⁰⁰⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983, с. 144
- ²⁰⁰⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983, с. 145
- ²⁰⁰⁶ Антисоветская интервенция и ее крах. — М, 1987, с. 186
- ²⁰⁰⁷ Из ноты Украинского Советского правительства от 12.04.1919. (Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции . К десятилетию интервенции. Сборник статей. — М. -Л., 1929, с. 153)
- ²⁰⁰⁸ Американо-английские империалисты — злейшие враги советского народа. — М., 1952, с. 104.
- ²⁰⁰⁹ Раковский Г. Конец белых. — Прага, 1921, с. 188 (Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции . К десятилетию интервенции. Сборник статей. — М. -Л., 1929, с. 162)
- ²⁰¹⁰ Раковский Г. Конец белых. — Прага, 1921, с. 205 (Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции. К десятилетию интервенции. Сборник статей. — М. -Л., 1929, с. 162)
- ²⁰¹¹ Бабаходжаев А.Х., Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. — М, 1962.
- ²⁰¹² Русские Курилы: история и современность. Сб. докум. по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. — М, 1995, с. 51-52 (Латышев И.А., Как Япония похитила российское золото. — М, 1996, с. 12); Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983, с. 230.
- ²⁰¹³ «Боевая вахта», 13.09.1950. (Березкин А.В. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.) — М., 1952, с. 122)
- ²⁰¹⁴ Думова Н.Г., Трухановский В.Г..., с. 64.
- ²⁰¹⁵ Антисоветская интервенция и ее крах. — М, 1987, с. 186
- ²⁰¹⁶ ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 90 (Березкин А.В. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.) — М., 1952, с. 105)
- ²⁰¹⁷ Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961, с. 225 (История индустриализации Северного района. — Архангельск, 1970, с. 10)
- ²⁰¹⁸ Американо-английские империалисты — злейшие враги советского народа. — М., 1952, с. 204.
- ²⁰¹⁹ Советско-американские..., сноски 1, 6, с. 746.
- ²⁰²⁰ «Дело России». 1920. № 12. (Краснов В.Г. (II)..., с. 273—274.)
- ²⁰²¹ Краснов В.Г. (II)..., с. 274.
- ²⁰²² «Дело России». 1920. № 14. (Краснов В.Г. (II)..., с. 276.)
- ²⁰²³ Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. — Берлин, 1923.
- ²⁰²⁴ Ольшанский П.Н. Указ.соч.С.90-152; Савченко В.Н. Указ.соч.С. 135-162. (Мельтюхов М.И...,с. 101.)
- ²⁰²⁵ ДМИСПО.Т.3.С.520-552; ДВП.Т.3.С.618-658. Ольшанский П.Н. Указ.соч.С. 153-201. (Мельтюхов М.И..., с. 103-104.)
- ²⁰²⁶ Сироткин В.Г..., с. 86.
- ²⁰²⁷ Сироткин В.Г..., с. 90.
- ²⁰²⁸ Латышев И.А., Указ. Соч.
- ²⁰² Тревз У, Указ. соч., предисл., с. XXIX.
- ²⁰³⁰ По данным В.И. Моравского (Сироткин В.Г..., с.268)
- ²⁰³¹ Рогачев а. Бюджет адмирала Колчака. Экономика и Жизнь — Сибирь., № 88, ноябрь 1998.
- ²⁰³² Сироткин В.Г..., с. 123.
- ²⁰³³ Сироткин В.Г..., с. 121-122, прил., таб. 1, с. 270-271.
- ²⁰³⁴ На основании данных: Сироткин В.Г..., с. 93-94.
- ²⁰³⁵ В.И. Новицкий. Судьба императорского русского золотого запаса . The Russian Economist.

- Vol.1, № 2. January, 1921, с. 46-57 (Сироткин В.Г..., с. 64)
- ²⁰³⁶Краснов В.Г. (II)..., с. 154.
- ²⁰³⁷Деникин А.И. (III)..., с. 153-154.
- ²⁰³⁸Раковский Г. Конец белых. — Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М., «Отечество», 1991, с. 402
- ²⁰³⁹Якушкин Е.Е..., с. 77.
- ²⁰⁴⁰Александр М..., с. 308-309.
- ²⁰⁴¹Якушкин Е.Е..., с. 31-32.
- ⁵⁹⁷
- ²⁰⁴²Якушкин Е.Е..., с. 32-33.
- ²⁰⁴³Якушкин Е.Е..., с. 29.
- ²⁰⁴⁴Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.
- ²⁰⁴⁵Лукомский А.С. Деникин и Антанта. (Из книги «А.С. Лукомский, Воспоминания, т. II. — Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М., «Отечество», 1991, с. 92.
- ²⁰⁴⁶Краснов В.Г. (II)..., с. 144.
- ²⁰⁴⁷Гревз У, Указ. соч., с. 48
- ²⁰⁴⁸Morley James W., The Japanese Thrust into Siberia 1918, New-York, 1957, p. 61.
- ²⁰⁴⁹Morley J.W., Op. cit., p. 94.
- ²⁰⁵⁰Moser to US Secretary of State, Apr. 4, 1918, USFR, 1918, Russia, II, p. 98 (в кн. Morley J.W., Op. cit.
- ²⁰⁵¹Гревз У, Указ. соч., с. 247.
- ²⁰⁵²«Вопросы истории». 1993, № 7, с. 100. (Кожин В.В..., с. 170.)
- ²⁰⁵⁵Цветков В. Мундир английский, погон российский. № 5-6. 2003. Родина, с. 104.
- ²⁰³⁴ГАРО. Ф. 3694. Оп. 1, д. 13, л. 17об, 19об, 20 (Голдин В.И..., пред., с. 9)
- ²⁰⁵⁵Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.
- ²⁰⁵⁶Игнатьев В.И..., с. 17.
- ²⁰⁵⁷Марушевский В.В..., с. 17.
- ²⁰⁵⁸Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). — М., 1982, с. 337. (Кожин В.В..., с. 172.)
- ²⁰⁵⁹Игнатьев..., с. 522.
- ²⁰⁶⁰Александр М..., с. 407.
- ²⁰⁶¹Краснов В.Г. (II)..., с. 215.
- ²⁰⁶²Черчилль У..., с. 250.
- ²⁰⁶³Кара-Мурза С..., с. 167.
- ²⁰⁶⁴Фрэнсис Д..., (Голдин В.И..., с. 76-77.)
- ²⁰⁶⁵Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия. — М., 1924; Вестник финансов, 1928, № 5, с. 81 (Сидоров А.Л..., с. 85, 92)
- ²⁰⁶⁶Павловский Ю.А. Русский государственный долг, The Russian Economist, 1920, № 1, p. 174—184(Сидоров А.Л..., с. 520)
- ²⁰⁶⁷П.Н. Апостол — помощник финансового атташе во Франции. Russian Public Finance During the War, p. 235-326
- ²⁰⁶⁸Чубаков И. Внутренние и заграничные кредитные операции России, Вестник финансов, 1926, №5-6, с. 131-138
- ²⁰⁶⁹Яковлев Н.Н..., с. 227-228.
- ²⁰⁷⁰Керенский А.Ф. История России. — Иркутск, 1996, с. 423.
- ²⁰⁷¹Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. Лондон, 1990.
- ²⁰⁷²Яковлев Н.Н..., с. 229-230.
- ²⁰⁷³Дэвис Д., Трани Ю..., с. 82, 90.
- ²⁰⁷⁴Дэвис Д., Трани Ю..., с. 131.
- ²⁰⁷⁵Хауз Вильсону, 23.07.1917, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 98)
- ²⁰⁷⁶Сборник Наркомфина «Социальная революция и финансы». — М., 1921, с. 67 (Сидоров А.Л..., с. 518)
- ²⁰⁷⁷Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1957, с. 105. (Сидоров А.Л..., с. 518)
- ²⁰⁷⁸Краснов П.Н. Великое войско донское.
- ²⁰⁷⁹Петров Ю.А. Денежное обращение, долговые обязательства и международный расчетный баланс России в 1880-1914 гг. Экономическая история России. Ежегодник. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 1999, — 502 с, с. 182.
- ²⁰⁸⁰Keynes J.M. The Economic consequences of the Peace. — Edinburg; R. & R. Clare, L., P. 254. Ленин цитировал Кейнса в 1920 г. Без малых стран.
- ²⁰⁸¹В. Новицкого — зам. министра финансов в правительстве Колчака. Novizky V. Les origines du stock d'or. Paris, 1921, с 11-12./ современный британский исследователь Дж. Смеле/ Smelle J.D.

White Gold: the Imperial Russian Gold Reserve in Anti-bolshevik East // Europe-Asia Studies, vol. 46 N8 (Glasgow), 1994, с 1317-1347.; Smele G. D. White Siberia: the Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920. Cambridge, 1996.

⁵⁹⁸
²⁰⁸² Сироткин В.Г..., с. 114, прил., Табл. 1, с. 261.

²⁰⁸³ Яковлев Н.Н..., с. 169-171.

²⁰⁸⁴ Яковлев Н.Н..., с. 227-228.

²⁰⁸⁵ Яковлев Н.Н..., с. 230.

²⁰⁸⁶ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т.1. — М., 1934. С. 317 (Шацилло В.К..., с. 469)

²⁰⁸⁷ на уровне 1,25 (без США и без климатического налога) и при условии сохранения Россией 15-миллионной армии. Комментарии см. первый том Тенденций «Война и революция».

²⁰⁸⁸ Сухомлинов В.А..., с. 218.

²⁰⁸⁹ Сухомлинов В.А..., с. 219.

²⁰⁹⁰ Сухомлинов В.А..., с. 220.

²⁰⁹¹ Сухомлинов В.А..., с. 214.

²⁰⁹² Уэллс Г.Д..., с. 292-293.

²⁰⁹³ Шамбаров В.Е..., с. 498.

²⁰⁹⁴ Зайончковский А.М..., с. 861.

²⁰⁹⁵ Великий князь Александр Михайлович..., с. 300.

²⁰⁹⁶ Игнатьев..., с. 504.

²⁰⁹⁷ Coates W. P., Russia's counter-claims, L., 1924, p. 40, 44-48

²⁰⁹⁸ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). — М., 1963, с. 63.

²⁰⁹⁹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). — М., 1963, с. 63.

²¹⁰⁰ «Tribune», 20.04.1922 (Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). — М., 1963, с. 63, прим. авт.)

²¹⁰¹ Существует множество различных оценок военных потерь, приведем для примера «Докладную записку по особому делопроизводству» №4 (292) от 13(26).02.1917. На эту дату в русской армии: Общие потери на всех фронтах составляли: убитыми и умершими от ран — офицеров 11 884, нижних чинов — 586 880; отравленными газом соответственно — 430 и 32 718; ранеными и больными — 26041 и 2 438 591; контуженными 8 650 и 93 339; без вести пропавшими — 4 170 и 15 707; в плену находилось 11 899 офицеров и 2 638 050 солдат. Итого: 63.074 офицера и 5.975.341 солдат. (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 186, л. 98.) См. также: Урланис Б.Ц..., с. 391,392; Население..., т. 1, с. 79; Головин Н.Н..., с. 138; Россия и СССР в войнах XX века — М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — 608 с, с. 106.

²¹⁰² Керсновский А.А. История Русской армии. — М: Голос, 1994, т. 3, с. 42.

²¹⁰³ Население..., т.1, с. 78, 79.

²¹⁰⁴ Расчеты автора на базе данных: Урланис Б.Ц..., с. 391, 392; Население..., т.1.

²¹⁰⁵ Составлено автором на базе данных: Урланис Б.Ц..., с. 391,392; Население..., т.1.

²¹⁰⁶ Хауз..., т.2, с. 129.

²¹⁰⁷ Черчилль У. Мировой кризис. (Хауз..., т.1, с. 437)

²¹⁰⁸ W.W. Rostow, "The Beginnings of Modern Growth in Europe: An Essay in Synthesis. Jornal of Economic History 33. (September 1973) pp. 548-549. Цит. по Розенберг Н., Бирдцелл, мл. Как запад стал богатым. Пер. Б. Пинскер. Новосибирск.: Экор. 1995. - 352 с.

²¹⁰⁹ Язьков Е.Ф..., с.15.

²¹¹⁰ У. Черчилль ..., с. 331-332.

²¹¹¹ Речь на IX Всероссийском съезде Советов 23.12.1921.

²¹¹² Ленин-Курскому 20.02.1922. Ленин В.И. ПСС, т. 44, с. 328, 296-297; История советских органов государственной безопасности. — М., 1977, с. 124-125; Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру. Иного не дано. — М., 1988, с. 375 (Литвин А..., с. 397)

²¹¹³ В.И. Ленин и ВЧК, Сб. док. — М., 1975, с. 549-551; Уншлихт И.С. О Владимире Ильиче. Воспоминания о В.И. Ленине. — М., 1984, т. 4, с. 75-77 (Литвин А..., с. 399)

²¹¹⁴ В.И. Ленин и ВЧК, Сб. док. — М., 1975, с. 557 (Литвин А..., с. 399)

²¹¹⁵ Бердяев Н.А..., с. 592.

²¹¹⁶ А. Уткин пред. Хауз..., т.1, с. 21.

²¹¹⁷ Письмо консула США в Архангельске Коула послу Фрэнсису. Архангельск, 1.06.1918. (United States. Department of State. Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia. Washington, 1932, Vol. II, p. 477-484 (Голдин В.И..., с. 441-442)

²¹¹⁸ Вильсон-японскому посланнику 3.03.1918. (Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 16.)

²¹¹⁹ Вильсон-Хаузу 20 февраля 1919 г. (Хауз Э..., т.2, с. 592)

⁵⁹⁹

²¹²⁰ 21.01.1919 заявление В.Вильсона на Совете десяти в Париже. (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 312.)

- ²¹²¹ Письмо консула США в Архангельске Коула послу Фрэнсису. Архангельск, 1.06.1918. (United States. Department of State. Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia. Washington, 1932, Vol. II, p. 477-484 (Голдин В.И..., с. 441-442)
- ²¹²² Wilson, An Annual Message on the State of the Union, 4.12.1917, PWW, 45: 199 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 170)
- ²¹²³ Дэвис Д., Трани Ю..., с. 418.
- ²¹²⁴ Хауз..., т. 1, с. 16.
- ²¹²⁵ А. Уткин пред. Хауз..., т.1, с. 19.
- ²¹²⁶ Лэнсинг Вильсону, 10.01.1918, WP, LC; Вильсон Лансингу, 20.01.1918, R. S. Baker Papers, LC; Вильсон сенатору Роберту Оуэну, 24.01.1918, WP, LC; Бэзил Майлс, Меморандум государственному секретарю, 29.01.1918, SD, RG59, 861. 00\1048 1\2, NA (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 285)
- ²¹²⁷ Киган Д..., с. 506.
- ²¹²⁸ Киган Д..., с. 508-509.
- ²¹²⁹ Киган Д..., с. 508-509.
- ²¹³⁰ Наркоминдел Чичерин — послу США Фрэнсису. 29.07.1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 45-46))
- ²¹³¹ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 46.)
- ²¹³² Хауз..., т.2, с. 276.
- ²¹³³ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 142.)
- ^{2,34} FR of the USA, 1919, III, p. 646 (в кн. Штейн Б.Е., Указ. соч.)
- ²¹³⁵ Й. Цаксте В. Вильсону, 10.02.1919, FRUS, 1919, Russia, 50 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 312)
- ²¹³⁶ Черчилль У..., с. 227.
- ²¹³⁷ Черчилль У..., с. 225.
- ²¹³⁸ Штейн Б.Е..., с. 83.
- ²¹³⁹ Чечилль У..., с. 229.
- ²¹⁴⁰ Штейн Б.Е..., с. 99-100.
- ²¹⁴¹ Черчилль У..., с. 228.
- ²¹⁴² Ленин В.И. ПСС, т. XXIV, изд. 3, с. 118.
- ²¹⁴³ Черчилль У, Мировой кризис. — М.-Л., 1932, с. 108.
- ²¹⁴⁴ Г. Сидоренко Клемансо, 10.02.1919, FRUS, 1919, Russia, 71 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 312)
- ²¹⁴⁵ Сазонов и Н.В. Чайковский генеральному секретариату Парижской мирной конференции, 12.02.1919, FRUS, 1919, Russia, 54. Пул исполняющему обязанности государственного секретаря, 30.01.1919, FRUS, 1919, Russia, 36; Эрнест Л. Харрис, американский консул в Иркутске, исполняющему обязанности государственного секретаря, 6.02.1919, FRUS, 1919, Russia, 44; С. Агет Полку, 19.02.1919, с вложением: Министерство иностранных дел в Омске российскому посольству в Вашингтоне, FRUS, 1919, Russia, 71 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 312)
- ²¹⁴⁶ Ричардсон УП... (Голдин В.И..., с. 408-411.)
- ²¹⁴⁷ Заметки от 27.02 и 14.03 (Черчилль У..., с. 233.)
- ²¹⁴⁸ Farnsworth Beatrice. William C. Bullit and the Soviet Union, Bloomington, 1967, p. 40-41; Буллит Лэнсингу и Хаузу, 10.03.1919, ф. 04/4, оп. 3, ч. 4, д. 121, л. 11, АВПРФ; Чичерин Ленину, 12.03.1919, ф. 04, оп. 3, ч. 7, д. 121, л. 22-23, АВПРФ; Чичерин Иоффе, 17.03.1919, ф. 04, оп. 03, ч. 7, д. 121, л. 27, АВПРФ (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 321)
- ²¹⁴⁹ Ричардсон УП... (Голдин В.И..., с. 408-411.)
- ²¹⁵⁰ Окинклосс. Дневник, 26.03.1919, Auchincloss Papers, СтУ (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 327)
- ²¹⁵¹ Текст проекта мирного предложения Буллита от 14.03.1919. (см. FRUS, 1919, Russia, p. 78-80 (направлен Буллитом Вильсону, Лэнсингу и Хаузу) (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 322))
- ²¹⁵² У Буллит В. Вильсону, 16.03.1919, PWW, 55: 541-542, 545 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 323)
- ²¹⁵³ Меморандум президенту и полномочным представителям на мирных переговорах от У Буллита, 28.03.1919, PWW, 56: 389 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 323-324)
- ²¹⁵⁴ Драммонд Бальфуру, 26.03.1919, FO 800Y215, Balfour Papers, PRO (Дэвис Д., Трани Ю... с.327)
- ²¹⁵⁵ Дэвис Д., Трани Ю... с. 18-19.
- ²¹⁵⁶ Черчилль У..., с. 232.
- ⁶⁰⁰
- ²¹⁵⁷ Вильсон Лансингу, 3.06.1918, PWW, 48: 489 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 274)
- ²¹⁵⁸ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 80-81.)
- ²¹⁵⁹ Робинс Лансингу, 1.06.1918, вложено в: Вильсон Лансингу, 3.06.1918, PWW, 48: 489-490 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 274)
- ²¹⁶⁰ Джадсон, «Доклад о ситуации в России», 16.03.1918, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 145)
- ²¹⁶¹ Уильям Г. Баклер Лансингу, 18.01.1919, PWW, 54: 136 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 310)
- ²¹⁶² Меморандум У. Буллита президенту и полномочным представителям на мирных переговорах, 25.03.1919, FRUS, 1919, Russia, 94 (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 324)

- ²¹⁶³ Бьюкенен Дж., с. 366.
- ²¹⁶⁴ Gilbert M. The First War. N. Y., 1994, p. 395 (Уткин А.И., с. 485)
- ²¹⁶⁵ «Часовой», № 559 (10), январь 1973, с. 14 (Карпов Н.Д., с. 11)
- ²¹⁶⁶ Земляной С.Н. Ленин и «третий путь» России (РИЖ, т. III, 2000, № 1-4, с. 678)
- ²¹⁶⁷ Лучшим исследованием темы Парижской мирной конференции и по сей день остается исчерпывающая работа Джона М. Томпсона «Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace» (Princeton: Princeton University Press, 1966). Сочувственное освещение миссии Буллита содержится в книге Beatrice Farnsworth. «William C. Bullitt and the Soviet Union» (Bloomington: Indiana University Press, 1967). См. Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г., Л., 1975 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 426)
- ²¹⁶⁸ Черчилль У. Мировой кризис. — М.-Л., 1932, с. 184
- ²¹⁶⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 175.
- ²¹⁷⁰ Дэвис Д., Трани Ю., с. 9.
- ²¹⁷¹ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму. Русский исторический журнал т. III, 2000, № 1-4. — М.: Институт русской истории РГГУ. 724 с, с. 619-620.
- ²¹⁷² Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. — М. Центрполиграф, 2002. -494 с. с. 142.
- ²¹⁷³ D'Amico R. Marx. A philosophy of culture. — Gainesville: Univ. press of Florida, 1981. — p. 16; Фурсов А.И. «Биг Чарли», Или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... (РИЖ. Весна 1998, с. 338)
- ²¹⁷⁴ Плеханов Г. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — М.: ОГИЗ, 1938, с. 92. (Гайдар Е., May B... № 5, с. 18.)
- ²¹⁷⁵ North D. Structure and Change in Economic History. New York and London, W.W. Norton & Company, 1981, p. 61. (Гайдар Е., May B... № 5.)
- ²¹⁷⁶ Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. — М.: Мысль, 1991. С. 22. (Сычев Н.В., 19.)
- ²¹⁷⁷ Хайлбронер Р., Туроу Л. Экономика для всех. Новосибирск, 1994, с. 35.
- ²¹⁷⁸ Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven, Yale University Press, 1966, p. 15; Abramovitz M. Thinking about Growth. Cambridge, Cambridge University Press, 1989; Maddison A. Monitoring the World Economy 1820-1992; Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, OECD, 2001; Barro R. Determinants of Economic Growth: A Cross-country Empirical Study.
- ²¹⁷⁹ Lipset S. Political Man. The Social Basis of Politics. New York, Doubleday, 1960; Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late twentieth Century; Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered. In: Marks G., Diamond L. (eds.). Reexamining Democracy. London, Sage Publications, 1992; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London — New-York, Routledge, 1997.
- ²¹⁸⁰ Hayek F. Capitalism and the Historians. Chicago, The University of Chicago Press, 1954, p. 91. (Гайдар Е., May B... № 6, — с. 52.)
- ²¹⁸¹ Гайдар Е., May B... № 6, — с. 31.
- ²¹⁸² Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, Cambridge University Press, 1972, p. 19. (Cohan A. Theories of Revolution: An Introduction. New York, Halsted Pres, 1975, p. 54, 68) (Гайдар Е., May B... № 6, — с. 31.)
- ²¹⁸¹ Cohan A. Theories of Revolution: An Introduction. New York, Halsted Pres, 1975, p. 54, 68) (Гайдар Е., May B... № 6, — с. 31.) (Гайдар Е., May B... № 6, — с. 31.)
- ²¹⁸⁴ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992 (Гайдар Е., May B... № 5, — с. 25.)
- ²¹⁸⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 4
- ²¹⁸⁶ Гайдар Е. и May B...,
- ⁶⁰¹
- ²¹⁸⁷ См.: Фурсов А.И. Капитализм в рамках антиномии «Восток-Запад»: проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. — М.: Изд. Фирма «Вост. Литература», 1995. — с. 82-104; Фурсов А.И. «Биг Чарли», Или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... (РИЖ. Весна 1998, с. 338)
- ²¹⁸⁸ См.: Jouvenel B. de. Marx et Engels: la longue marche. — p.: Julliard, 1983. — p. 12; Фурсов А.И. «Биг Чарли», Или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... (РИЖ. Весна 1998, с. 338)
- ²¹⁸⁹ Розенберг Н., Бирдцелл, мл. Как запад стал богатым. Пер. Б. Пинскер. Новосибирск.: Экор. 1995.-352 с.
- ²¹⁹⁰ Ницше Ф. Странник и его тень. — М.: REFL — book, 1994. — 400 с., с. 384.
- ²¹⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 17, с. 340.
- ²¹⁹² Уткин А.И. Рузвельт. — М.: Логос. 2000. - 544 с, с. 137.
- ²¹⁹³ Шубарт В. Европа..., с. 203
- ²¹⁹⁴ Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль...
- ²¹⁹⁵ Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль...

- 2195 Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль...
- 2197 Федеральное статистическое бюро Германии. (Эрдхард Л...)
- 2198 Федеральное статистическое бюро Германии. (Эрдхард Л..., с. 206.)
- 2199 Эрдхард Л..., с. 77.
- 2200 Рузвельт Ф. 22 октября 1933. Рузвельт Ф. Беседы у камина. — М.: ИТРК, 2003. — 408 с, с.56.
- 2201 Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль...
- 2202 Фурсов А.И. Русский исторический журнал т. III., 2000, № 1-4. 724 с, с. 110.
- 2203 Freedom House, Freedom in the World. Дорн Дж. Нормы права и свобода в новых демократических государствах: концепция Джеймса Мэдисона. Вопросы экономики. № 6 июнь 2003, с. 22.
- 2204 Freedom House, Freedom in the World. Дорн Дж. Нормы права и свобода в новых демократических государствах: концепция Джеймса Мэдисона. Вопросы экономики. № 6 июнь 2003, с. 22.
- 2205 David Hunter Miller. Drafting of the Covenant, p. 41 (Черчилль У..., с. 181)
- 2206 Черчилль У..., с. 183.
- 2207 Ленин В. «Удержат ли большевики государственную власть» т. 34, с. 315.
- 2208 World Development Report 1991/Washington. 1991. [139.; OECD. Economic Outlook. 1998. June. [31., по Пономаренко Е. Экономист № 9. 2000.
- 2209 Энгельс Ф. Эльберфельдские речи (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 2, 1955, с. 544-545)
- 2210 Чаадаев П.Л. Философские письма..., с. 184.
- 2211 Чаадаев П.Я..., с. 200-202.
- 2212 Де Кюстин А... т.1., с. 19.
- 2213 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 1871. — М.: Книга. 1991. 574 с, с. 509.
- 2214 Достоевский Ф.М. ПСС, М., 1984, т. 26, с. 147 (Шубарт В. Европа..., с. 243)
- 2215 Шубарт В. Европа..., с. 43-44.
- 2216 Шубарт В. Европа..., с. 385-386.
- 2217 Троцкий Л. «Действительное положение в России», с.260 (Шубарт В. Европа..., с. 201)
- 2218 Кожин В.В. О русском..., с. 20.
- 2219 Кожин В.В. О русском..., с. 20-21.
- 2220 Шубарт В. Европа..., с. 201.
- 2221 За свободу. — Варшава. 15.06.1923. (Миллюков П.Н..., пред. Н.Г. Думовой, с. 12-13)
- 2222 Миллюков П.Н. История второй русской революции. Вып. 1. — София, 1921. Т. 1, с. 21 (Миллюков П.Н..., пред. Н.Г. Думовой, с. 17)
- 2223 Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть в массы. — М. 1997, с. 13.
- 2224 Ленин В. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС. т. VIII, с. 62-63.
- 2225 Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?
- 2226 Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). /Пер. с нем. Земляного — М.: Логос, 2003, — 528 с.
- 2227 Шумпетер И.А. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995, с. 28.
- 602
- 2228 Гайдар Е., Мау В... №5.
- 2229 Лансинг Вильсону, 10.01.1918, WP, LC; Вильсон Лансингу, 20.01.1918, R. S. Baker Papers, LC; Вильсон сенатору Роберту Оуэну, 24.01.1918, WP, LC; Бэзил Майлс, Меморандум государственному секретарю, 29.01.1918, SD, RG59, 861. 00M048 1\2, NA (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 285)
- 2230 Дэвис Д., Трани Ю..., с. 286.
- 2231 Заметки о заседании Высшего Военного Совета 12.01.1919, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 308)
- 2232 Вильсон Дж. Дэниелсу, 17.07.1919, WP, LC; Полк Вильсону, 14.07.1919, SD, RG59, reel 22, 861 00\4042, NA (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 343)
- 2233 Блисс. Меморандум полковнику Хаузу, 17.02.1919, Bliss Papers, box 69, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 317-318)
- 2234 Дэвис Д., Трани Ю..., с. 288.
- 2235 См. Роберт Сесил Бальфуру, 10.03.1918 г., Balfour Papers, BM; Заседание военного кабинета № 360, 6.03.1918, PRO (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 289)
- 2236 Дэвис Д., Трани Ю..., с. 284.
- 2237 Eugene P. Tram, «Woodrow Wilson and the Decision to Intervene in Russia: A Reconsideration»; Betty Miller Unterberger, ed., American Intervention in the Russian Civil War; Betty Miller Unterberger, «Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The 'Acid Test' of Soviet-American Relations»; Betty M. Unterberger, «President Wilson and the Decision to Send American Troops to Siberia»\\ Pacific Historical Review, 1953, Vol. 24, № 1, p. 70. (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 297, прим. 53, с. 302, прим.

133.)

²²³⁸ Жюссеро Вильсону, 13.03.1918, WP, LC; Жюссеро Лэнсингу, 12.03.1918, вложено в: Фрэнк Полк Вильсону, 14.03.1918, SD, RG59, 861. 00M676, NA; Жюссеро Лэнсингу, 8.04.1918, вложено в: Лэнсинг Вильсону, 25.04.1918, Lansing Papers, NJP; Жюссеро Лэнсингу, 28.03.1918, вложено в: Филлипс Вильсону, 4.06.1918, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 293)

²²³⁹ Марч Першингу, 5.07.1918, Peyton C. March Papers, LC; Марч Блиссу, 8.07.1918, и Бейкер Блиссу, 8.07.1918 г., Bliss Papers, LC; Вильсон Хаузу, 8.07.1918, House Papers, СтУ; Заседание военного кабинета № 601, 29.07.1918, PRO (Дэвис Д., Трани Ю., с. 281)

²²⁴⁰ Дэвис Д., Трани Ю., пред. В. Никонова с. 10-11.

²²⁴¹ Дэвис Д., Трани Ю., с. 407.

²²⁴² Walworth A., Woodrow Wilson, Baltimore, 1969, 2: 366-367. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 360)

²²⁴³ Речь в Коллизе Де-Мойна, 6.09.1919, PWW, 63: 77; Грейсон, Дневник, 8.09.1919, PWW, 63: 95. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 358)

²²⁴⁴ Речь в Арсенале Миннеаполиса, PWW, 63: 134. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 358)

²²⁴⁵ Речь в Арене Сизтла, 13.09.1919, PWW, 63: 263. (Дэвис Д., Трани Ю., с. 359)

²²⁴⁶ Лансинг американскому посольству в Токио, 5.12.1919, Morris Papers, box 4, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 367-368)

²²⁴⁷ Дэвис Д., Трани Ю., с. 368.

²²⁴⁸ Колби Гомперсу, 12.06.1920, Colby Papers, box 3a, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 373) ь

²²⁴⁹ Hoover H. The Ordeal of Woodrow Wilson, NY, 1958, p. 150 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 373)

²²⁵⁰ Колби Вильсону, с вложением, 9.08.1920, PWW, 66: 22-23 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 375)

²²⁵¹ Kennan G. F. American Diplomacy, 1900-1950, NY, 1951, p. 93, 99, 104 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 396)

²²⁵² Kennan G. F. The Sorces of Soviet Conduct// Foreign Affairs, 1947, Vol. 25, № 4, p. 90-95 (Дэвис Д., Трани Ю... с. 397)

²²⁵³ Дэвис Д., Трани Ю., с. 391.

²²⁵⁴ Lippman, Walter, «Нью-Йорк Геральд Трибюн» 1920 г. The Cold War: A Study in U. S. Foreign Policy, NY, 1972 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 396)

²²⁵⁵ Дэвис Д., Трани Ю., с. 373.

²²⁵⁶ См. Hixson Walter L., Cold War Evolution and Interpretations; Stephanson Anders, Cold War Origins, // Encyclopedia of American Foreign Policy, Vol. 1, NY, 2002, pp. 207-239 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 399)

²²⁵⁷ Williams W. A. American-Russian Relations, 1781-1947, NY, 1952, p. 107 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 409)

²²⁵⁸ Флеминг — профессор истории университета Вандербильта в Нэшвилл (штат Теннесси). D.F. Fleming, The Cold War and Its Origins, 1917-1960. vol. I—II, London, 1961.

⁶⁰³

²²⁵⁹ Вудро Вильсон, черновик эссе, опубликован в «Атлантик Мансли», 1923. PWW, 68: 323 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 390)

²²⁶⁰ Трухановский В.Г..., с.172.

²²⁶¹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 174.

²²⁶² Трухановский В.Г..., с. 172-173.

²²⁶³ Черчилль Ллойд Джорджу, 16.02.1919, F/8/3/17, Lloyd George Papers, BL. (Дэвис Д., Трани Ю...с. 316)

²²⁶⁴ Уткин А.И. Черчилль..., с.183.

²²⁶⁵ Уткин А.И. Черчилль..., с. 176.

²²⁶⁶ Керр Ф. (личный секретарь премьер-министра) Ллойд Джорджу, 16.02.1919, F/84/C/17, Lloyd George Papers, BL (Дэвис Д., Трани Ю., с. 317)

²²⁶⁷ Трухановский В.Г..., с.184.

²²⁶⁸ Ллойд Джордж Черчиллю, 16.02.1919, F /8/3/18, Lloyd George Papers, BL. (Дэвис Д., Трани Ю...с. 317)

²²⁶⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 182.

²²⁷⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 177.

²²⁷¹ Троцкий Л. Вокруг Октября. 6.04.1924.

²²⁷² Уткин А.И. Черчилль..., с. 189.

²²⁷³ Уткин А.И. Черчилль..., с. 179-80.

²²⁷⁴ Уткин А.И. Черчилль..., с. 185.

²²⁷⁵ Черчилль — премьер-министру, 24.03.1920. (Черчилль У., с. 430)

²²⁷⁶ Уткин А.И. Черчилль..., с. 177-78.

²²⁷⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 179-80.

²²⁷⁸ Трухановский В.Г..., с. 174.

²²⁷⁹ Рыбас СЮ..., с. 237-238.

²²⁸⁰ Э. Хауз — президенту. 29.05.1914. (Хауз..., т.1, с. 64.)

- ²²⁸¹ Э. Хауз — президенту. 01.06.1914. (Хауз..., т.1, с. 70.)
- ²²⁸² Черчилль У., с. 85-86.
- ²²⁸³ Робиен Л. 17.04.1918... (Голдин В.И..., с. 163.)
- ²²⁸⁴ Геддс Колби, 9.06.1920, Bainbridge Colby Papers, box 3a, LC; см. также Spaigo J., *Russia as an American Problem*, NY, 1920 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 372) ²²⁸⁵ Черчилль У., с. 241.
- ²²⁸⁶ Черчилль У., с. 446-447.
- ²²⁸⁷ Трухановский В.Г..., с. 276.
- ²²⁸⁸ Трухановский В.Г..., с. 69.
- ²²⁸⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 225.
- ²²⁹⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 188.
- ²²⁹¹ Генерал Блисс (американский представитель в Верховном военном совете Антанты) лично представителю президента США полковнику Хаузу. 28.10.1918. (Трухановский В.Г...)
- ²²⁹² Перемирие между союзниками и Германией, заключенное в Компьенском лесу близ Ретонд 11.11.1918. (цит. по: *Международная политика*. Ч. II. — М., 1926, с. 194-198; *Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов*. — М., 1940, с. 389-392; (Шацилло В.К..., с. 338-339)
- ²²⁹³ Черчилль У, Указ. соч., с. 6.
- ²²⁹⁴ Якушкин Е.Е., Указ. соч., с. 28.
- ²²⁹⁵ Лукомский А.С. Деникин и Антанта. Воспоминания, т. II. — Берлин, 1922; См. так же Деникин А.И. *Поход на Москву...*, с. 428-429.
- ²²⁹⁶ Деникин А.И. (1)..., с. 3.
- ²²⁹⁷ Такман Б..., с. 49-50.
- ²²⁹⁸ *Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых*. Т. VI. СПб. 1897-1904. С. 60. (Савченко М....)

604

Содержание:

За правду до смерти... или Кто и за что сражался на фронтах гражданской войны?	6
Империя перед выбором — распад или преобразование и единство	92
Потрудитесь подчиниться или сотру с лица земли... Кровь и террор гражданской войны	154
Главный вопрос революции — собственность, — священное право или народное достояние? Теория и практика	221
Преступление или спасение — демократия или диктатура?	275
Мировое сообщество в борьбе за демократию в России. Благие цели и жестокие реалии интервенции	308
Военный коммунизм — тупик идеологии или форма борьбы за выживание?	373
Цена демократии — счет за интервенцию	426
Альтернативы. А могло ли быть иначе?	461
Октябрь 1917 г. — русская, мировая социал-демократическая революция?	473
Незаконченная история... — на пороге новых войн	490
Ссылки и библиография	502

605

В. В. Галин ЗАПРЕТНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ. КРАСНОЕ И БЕЛОЕ
Тенденции
Интернет-сайт: <http://www.galin.ru>
Ответственный редактор С.В. Маршков
Верстка О.В. Фомин
Корректор В.А. Симаков
ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-9302
Оптовая торговля: Центр политической книги - 733-9789
«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сдано в набор 19.01.06. Подписано в печать 17.03.06. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печ. л. 38. Тираж 3000 экз. Заказ 790.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат» 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.